Граф Шереметев

НА „НОВИКѢ“.

(Балтійскій Флотъ въ войну и революцію).

Г. ГРАФЪ.

Мюнхенъ, 1922 г.

Г. ГРАФЪ.

НА „НОВИКѢ“.

(БАЛТІЙСКІЙ ФЛОТЪ ВЪ ВОЙНУ И РЕВОЛЮЦІЮ).

1922

ТИПОГРАФІЯ Р. ОЛЬДЕНБУРГЪ, МЮНХЕНЪ.

Эти Портреты находились на „Новикѣ“ съ первыхъ дней его вступленія въ строй, а послѣ переворота, **Ихъ**, къ счастью, удалось сохранить.

Его Императорское Величество
Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

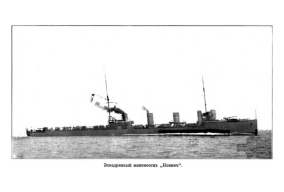
Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА.

Ея Императорское Величество
Государыня Императрица
МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Его Императорское Высочество
Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Эскадренный миноносецъ „Новикъ“.

Родному Андреевскому Флагу, свидѣтелю сѣдой славы, побѣдъ и подвиговъ Русскаго Флота свой скромный трудъ посвящаетъ

АВТОРЪ.

Приношу мою глубокую благодарность Петру Николаевичу Шабельскому-Боркъ, такъ любовно отнесшемуся къ моему труду и отдавшему столько энергіи, силъ и времени на его редактированіе. Отлично вникнувъ въ духъ жизни и дѣятельности флота, онъ съумѣлъ дать правильное направленіе моей работѣ и цѣнными совѣтами оказалъ ей большую помощь.

Г. Графъ.

Предисловіе.

Угрюмо шумятъ волны Финскаго залива, ударяясь о вѣковыя стѣнки Кронштадтскихъ гаваней, о стальные борта недвижныхъ кораблей. Точно на кладбищѣ. Вѣтеръ жалобно гудитъ въ стальныхъ снастяхъ, будто тоскуетъ о славномъ прошломъ нашего Флота...

Кронштадтъ, Нева, далекая Бизерта... Въ нихъ ютятся остатки нашего Флота, несчастные, жалкіе, безпомощные... Какой грустный эпилогъ гордыхъ надеждъ и дерзаній!..

Нѣтъ Царя, нѣтъ и Россіи! Все разбито, уничтожено, лежитъ въ развалинахъ. Революціонная смута захлестнула и Флотъ, и онъ — погибъ. Кто виноватъ во всемъ этомъ, гдѣ кроются причины этого крушенія?..

Говорятъ, что Флотъ далъ первый толчекъ общему взрыву, что только благодаря его содѣйствію, революція одержала такой успѣхъ. Но такъ ли виноватъ онъ въ гибели Россіи, какъ напримѣръ, главнокомандующіе, измѣнившіе своему Государю, Государственная Дума, безпочвенные доктринеры либеральной складки и т. д.?..

Государь былъ преданъ всѣми безъ исключенія. Вина за муки Царской Семьи лежитъ на всей Россіи, и недаромъ та страшная Карма, подъ дѣйствіемъ которой она находится вотъ уже почти пять лѣтъ, продолжаетъ ее сжимать и донынѣ въ своихъ стальныхъ тискахъ. Десятки милліоновъ русскихъ жизней уже принесены въ жертву Молоху революціи; другіе — продолжаютъ томиться въ одномъ общемъ совѣтскомъ застѣнкѣ, голодные, холодные, безъ какой-либо надежды на просвѣтъ. Стонетъ русскій народъ, кается, зоветъ прошлое, да поздно. Разрушить созданное вѣками было легко; возстанавливать придется тяжкой, упорной работой. Но тщетна будетъ работа, если всѣ пойдутъ вразбродъ, не будутъ спаяны единой, твердой, Самодержавной Царской Властью. Только въ Ней лежитъ спасеніе Россіи. Нынѣ свершается чудо, и Престолъ Русскихъ Царей возстаетъ какъ фениксъ изъ пепла, въ невиданномъ еще ореолѣ обаянія и славы. Революція кончается; она — въ агоніи, и

напрасны всѣ потуги ея сторонниковъ задержать бѣгъ колеса Русской Исторіи. Идея Монархическаго Строя лежитъ уже въ самой природѣ Россіи и русскаго человѣка. Мысль о Царѣ, Хозяинѣ Земли Русской, не вытравить изъ души народной, какія бы республиканско-соціалистическія правленія не навязывались чужой волей. Логика русскаго человѣка непонятна иностранцамъ, но она крайне устойчива и послѣдовательна; въ ней кроется залогъ возстановленія Русской Имперіи.

Теперь, когда народъ испыталъ всѣ прелести «завоеваній революціи», всѣ думы его направлены только къ одному: какъ бы вернуть Царя... Онъ молчитъ еще пока, какъ сфинксъ; но близится время, и онъ заговоритъ такъ рѣшительно, что нынѣшнимъ владыкамъ Россіи не смогутъ помочь никакіе наемные китайскіе и латышскіе полки... Гулкимъ кличемъ раздастся тогда по лону всей Русской Земли его требованіе о Царѣ. На смѣну упадка духа и воли придетъ полный подъемъ всѣхъ силъ народныхъ...

Такъ настроенъ народъ, и, постепенно, къ этому же убѣжденію, въ настоящее время, приходятъ и другіе русскіе круги. Но у нашей интеллигенціи не вполнѣ еще хватаетъ мужества сознаться въ своихъ старыхъ заблужденіяхъ. Многіе отрѣшились отъ нихъ только наполовину, и если уже не мечтаютъ о республикѣ, то тѣшатъ себя другими несбыточными иллюзіями.

Предрѣшать никто ничего не можетъ и не долженъ. Одно только ясно: какъ и встарь, Царь будетъ править Россіей Божіей Милостью... Противъ этого борьба будетъ безплодна.

Всѣмъ, кто вѣритъ въ то, что Промыселъ Божій спасъ для блага и счастья Россіи Государя Императора Николая Александровича и Его Семью, надлежитъ работать, не покладая рукъ, для Его возвращенія на Прародительскій Престолъ. Тѣ же, которые отчаиваются въ этомъ, все же обязаны допустить такую возможность, и вмѣстѣ съ вѣрующими русскими людьми, на первое мѣсто поставить служеніе Государю. Этого требуетъ чувство мудрой предосторожности, дабы избѣжать возможной узурпаціи Престола. Нельзя метаться въ поискахъ пути. Онъ можетъ быть только одинъ, безъ всякихъ извилинъ...

Вникая въ событія послѣднихъ пяти лѣтъ, нельзя не придти къ заключенію, что только дряблость и разрозненность русскаго общества, его себялюбіе и распущенность позволяютъ еще держаться въ Россіи Третьему Интернаціоналу. Пора встряхнуться, смѣло исповѣдать свои монархическія убѣжденія и бороться, не страшась послѣдствій. Пусть погибнутъ сотни и тысячи, но ихъ жизнь окупится тѣми милліонами страдающихъ русскихъ людей, которые остались тамъ, въ Россіи, отдѣленные китайской стѣной отъ всего остальнаго міра...

Трудъ мой имѣетъ двѣ цѣли. Во первыхъ — освѣтить дѣятельность нашего Балтійскаго Флота въ минувшую войну. Само собой разумѣется, что я буду касаться событій въ связи съ дѣйствіями моего родного корабля, эскадреннаго миноносца «Новикъ». Его именемъ я озаглавилъ свой трудъ. Можетъ быть, это заглавіе и носитъ нѣсколько узкій характеръ, но измѣнять его я не хотѣлъ. Почти всю войну мнѣ пришлось провести на «Новикѣ», и на немъ я написалъ двадцать одну главу; четыре послѣднихъ — написаны мною уже позже. Для меня дорогое имя моего корабля служитъ лучшимъ воспоминаніемъ о дняхъ близкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ далекаго, свѣтлаго прошлаго...

Дѣятельность Русскаго Балтійскаго Флота въ эту войну, въ силу сложившихся обстоятельствъ, не отличалась особо выдающимися активными дѣйствіями. Но и флоты всѣхъ другихъ Державъ, не исключая и Англіи, не проявляли большой активности. Кромѣ трехъ-четырехъ сраженій, остальная ихъ дѣятельность тоже ограничивалась почти только охраной морскихъ сообщеній, борьбой съ подводными лодками и минными загражденіями; притомъ же нашъ флотъ былъ слишкомъ малочисленъ по сравненію съ противникомъ и конфигурація нашего театра была настолько своеобразна, что наша задача свелась исключительно къ защитѣ и укрѣпленію опредѣленныхъ позицій и къ другимъ дѣйствіямъ позиціоннаго характера. Тѣмъ не менѣе, дѣйствія нашего флота имѣютъ крупный интересъ и заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Второй цѣлью моего труда является посильное изложеніе всего, что произошло на флотѣ съ момента февральскаго переворота, разсказать какую трагедію пережилъ онъ за время революціи, на пути къ развалу. Пусть раскроются недавнія страницы, полныя ужаса и крови. Надо запечатлѣть въ памяти русскихъ людей, какъ имена мучениковъ за Родину, жертвъ смуты, такъ и тѣхъ, кто предалъ священные завѣты Русской Земли, пресмыкаясь предъ революціей во всѣхъ ея видахъ, вплоть до большевизма.

Всѣ факты, даты и названія, приведенные мною, въ достаточной мѣрѣ, могутъ служить историческими справками. Ввиду того, что Русскій Флотъ послѣ революціи пережилъ періодъ полнаго разложенія, во время котораго много историческихъ документовъ несомнѣнно утеряно, настоящій трудъ, можетъ быть, разъяснитъ многое будущему историку.

Тѣ эпизоды, въ которыхъ мнѣ лично не пришлось участвовать, описаны мною по документамъ и воспоминаніямъ, любезно предоставленнымъ участниками этихъ событій. За такое содѣйствіе я искренне благодаренъ Полковнику Ѳ. В. Винбергу; Капитанамъ I-го ранга Г. О. Гадду и П. В. Вилькену;

Капитанамъ II-го ранга: В. Н. Бергштрессеру, Г. Е. Чаплину, Н. Р. Гутану; Старшимъ Лейтенантамъ: С. В. Вяткину, Б. К. Графу, Корабельному Инженеру Капитану В. А. Озаровскому; Лейтенантамъ: О. В. Вилькену, Д. Д. Качалову, М. В. Гамильтону, К. В. Крижановскому, М. М. Максимовичу и А. А. Бейерману.

Сентябрь 1921 г.

Г. Графъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Флотъ и война.

I.

Мобилизація и объявленіе войны. Приказъ Командующаго Флотомъ. Постановка минъ на Центральной позиціи. Первыя дѣйствія противника.

Головокружительно быстро развивались событія, и лѣтомъ 1914 года война была уже не фантазіей, а дѣйствительностью. Нашъ маленькій флотъ, несоизмѣримо меньшій, чѣмъ его противникъ, лихорадочно готовился принять всю тяжесть натиска сильнѣйшаго врага.

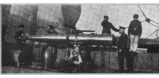
1. „Новикъ" грузитъ снаряды.

14-го іюля была объявлена мобилизація. Сейчасъ же, по заранѣе выработанному плану, всѣ корабли принялись спѣшно готовиться къ войнѣ: стали грузить полные запасы снарядовъ, принимать мины, топливо, смазочные и расходные матеріалы и т. д. Все дерево, занавѣски, ковры, различныя украшенія въ каютъ-компаніи и каютахъ, лишніе запасы парусины, троса и другіе горючіе матеріалы — свозились на берегъ. Вездѣ работали, не покладая рукъ.

Мобилизація прошла быстро и въ образцовомъ порядкѣ; никакихъ недоразумѣній, заминокъ или задержекъ не было и, по истеченіи назначеннаго срока, флотъ былъ готовъ къ выходу въ море.

Отрядъ Заградителей, на который должно было лечь выполненіе первой боевой работы, былъ готовъ по первому приказанію поставить большое загражденіе на Центральной позиціи; она шла поперекъ всего залива, до линіи островъ Наргенъ — Порккалауддъ.

Нашъ Балтійскій Флотъ тогда состоялъ всего лишь изъ четырехъ линейныхъ кораблей, десяти крейсеровъ — изъ которыхъ девять было устарѣвшихъ, — тридцати шести старыхъ миноносцевъ, пяти подводныхъ лодокъ стараго типа, шести заградителей и — „Новика", единственнаго современнаго корабля.

2. Пріемка самодвижущейся мины.

Вдобавокъ еще, за нѣсколько дней до этого, линейный корабль „Андрей Первозванный" сѣлъ на мель и находился въ Кронштадтскомъ докѣ, причемъ могъ войти въ строй не раньше, чѣмъ черезъ недѣлю. Такимъ образомъ, въ самый серьезный моментъ, флотъ былъ лишенъ одного изъ своихъ лучшихъ кораблей.

Новые линейные корабли были еще далеко не готовы, и первые два изъ нихъ, „Гангутъ" и „Петропавловскъ", должны были вступить въ строй только черезъ два-три мѣсяца.

Но мало того, что наши силы, по сравненію съ непріятелемъ, были ничтожны. Къ этому еще надо добавить, что и береговыя укрѣпленія, на островахъ Наргенъ, Вульфъ и Ренншеръ, предназначенныя для защиты загражденія на Центральной позиціи, тоже не были готовы: изъ нихъ успѣли построить только нѣсколько мелкокалиберныхъ батарей.

Между тѣмъ, исходя изъ опыта Русско-Японской войны, мы были увѣрены, что непріятель, съ цѣлью застать нашъ флотъ врасплохъ, произведетъ нападеніе, не дожидаясь офиціальнаго объявленія войны. Врасплохъ онъ насъ не засталъ бы, но изъ-за

нашей малочисленности имѣлъ бы всѣ шансы на успѣхъ. Поэтому, пока на Центральной позиціи не было загражденія, всѣ находились въ крайне напряженномъ состояніи, каждый моментъ ожидая появленія въ нашихъ водахъ непріятельской эскадры.

Въ силу этого, еще до фактическаго объявленія войны, Командующій Флотомъ настоялъ на томъ, чтобы ему было разрѣшено поставить мины на главной позиціи. 17-го іюля Отрядъ Заградителей, состоявшій изъ „Ладоги", „Наровы", „Енисея", „Амура" и „Волги", подъ флагомъ Контръ-Адмирала Канина, вышелъ на постановку. Для охраны его вышли въ море всѣ линейные корабли, крейсера и миноносцы, то есть почти весь наличный флотъ.

Отрядъ безукоризненно выполнилъ эту операцію. Мины ставились очень хорошо; ни всплывшихъ, ни утонувшихъ не было, и только около десяти штукъ взорвалось, очевидно, изъ-за какихъ-нибудь техническихъ недостатковъ. Всего въ этотъ день отрядъ поставилъ болѣе 2200 минъ.

Когда постановка была закончена, всѣ вздохнули свободно. Теперь уже непріятелю было труднѣе пройти внутрь залива, а флоту — легче защитить свои позиціи. Непріятель упустилъ моментъ, когда, сравнительно легко уничтоживъ почти весь нашъ флотъ, онъ могъ дойти до самаго Кронштадта.

Послѣ окончанія этой операціи, всѣ большіе корабли встали на якорь на Ревельскомъ рейдѣ, а у входа въ Финскій заливъ былъ установленъ дозоръ изъ миноносцевъ. На его обязанности лежалъ строгій контроль за всѣми коммерческими судами. Для этого они всѣ направлялись въ Балтійскій Портъ, гдѣ, послѣ осмотра, имъ давалось разрѣшеніе продолжать путь.

Наконецъ, 19-го іюля 1914 года, была получена радіо-телеграмма, извѣщавшая, что война — объявлена. Подъемъ духа всего личнаго состава Флота былъ огромный, и приказъ своего Командующаго по случаю начала войны онъ встрѣтилъ съ энтузіазмомъ. Приказъ гласилъ:

„Волею Государя Императора сегодня объявлена война. Поздравляю Балтійскій Флотъ съ великимъ днемъ, для котораго мы живемъ, котораго мы ждали и къ которому готовились.

Офицеры и команды!

Съ этого дня, каждый изъ насъ долженъ забыть всѣ свои личныя дѣла и сосредоточить всѣ свои помыслы и волю къ одной цѣли — защитить Родину отъ посягательства враговъ и вступить въ бой съ ними безъ колебаній, думая только о нанесеніи врагу самыхъ тяжелыхъ ударовъ, какіе только для насъ возможны.

Война рѣшается боемъ. Пусть каждый изъ Васъ напряжетъ всѣ свои знанія, опытъ и умѣніе въ день боя, чтобы наши снаряды и мины внесли бы гибель и разрушеніе въ непріятельскіе боевые строи и корабли.

Непріятель имѣетъ большую силу и опытъ; наши ошибки, наши слабыя стороны онъ немедленно используетъ; надо стремиться, чтобы ихъ было меньше.

Помните, что единственная помощь, которая должна оказываться другъ другу въ бою, заключается въ усиліи атаки противника, напряженіи съ цѣлью нанести сильнѣйшіе удары ему, используя для этого всѣ свои силы и боевыя средства.

Да исполнитъ каждый изъ насъ величайшій долгъ передъ Родиной — жизнью своей защититъ Ея неприкосновенность — и да послѣдуетъ примѣру тѣхъ, которые, двѣсти лѣтъ назадъ, съ Великимъ Императоромъ, своими подвигами и кровью положили въ этихъ водахъ начало нашему флоту.

Адмиралъ фонъ-Эссенъ."

(Приказъ Командующаго Флотомъ Балтійскаго моря, 19-го іюля 1914 г., № 2.)

Всѣ стремились попасть на Дѣйствующій Флотъ и завидовали тѣмъ, кому это удавалось, такъ какъ были убѣждены, что война быстро окончится, а потому — боялись не принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Попасть вообще на Дѣйствующій Флотъ было мечтой каждаго молодого офицера, а попасть на какой-нибудь корабль, вродѣ „Новика", считалось особымъ счастьемъ. Поэтому, когда меня назначили на „Новикъ", я прямо ликовалъ. Да и какъ не ликовать, когда я попалъ на самый современный корабль нашего флота, да и не только нашего, но и всего міра; на корабль, который, по своимъ качествамъ, неизбѣжно долженъ былъ принять участіе во всѣхъ операціяхъ, и когда все зависѣло только отъ самого личнаго состава.

Эскадренный миноносецъ „Новикъ" былъ выстроенъ на Путиловской Верфи въ С.-Петербургѣ на средства Комитета по сбору добровольныхъ пожертвованій на усиленіе Русскаго Военнаго Флота. Онъ блестяще выполнилъ всѣ требованія новѣйшей морской техники и по своему артиллерійскому и минному вооруженію, а также — ходу, явился однимъ изъ лучшихъ судовъ этого класса въ мірѣ.

Спущенъ на воду „Новикъ" былъ въ 1911 году. Водоизмѣщеніе его — 1280 тоннъ, артиллерійское вооруженіе IV — 105 м/м орудій; минное — 4 двойныхъ минныхъ аппарата; скорость до 37 узловъ.

Свое имя онъ получилъ въ память доблестнаго крейсера II ранга „Новикъ", входившаго въ составъ Портъ-Артурской

эскадры и съ отличіемъ участвовавшаго въ цѣломъ рядѣ боевъ той войны. Послѣ извѣстной попытки нашей эскадры прорвать блокаду противника, крейсеръ „Новикъ“, выполнивъ заданіе, погибъ 7-го августа 1904 года въ одиночномъ бою съ японской эскадрой у о. Сахалина.

Такимъ образомъ, вспыхнувшая лѣтомъ 1914 года война, уже застала въ строю нашего флота возрожденнаго „Новика“, которому, принимая участіе въ оборонѣ родныхъ водъ отъ непріятельскаго флота, предстояло поддержать честь и славу своего имени.

Непріятель все еще не показывался передъ Финскимъ заливомъ, и только маякъ Дагерортъ видѣлъ на горизонтѣ какіе-то подозрительные дымы.

Первой увидѣла непріятеля Либава. 19-го іюля передъ нею появились два крейсера: четырехтрубный и трехтрубный. Они поставили у входа въ аванъ-портъ загражденіе, энергично обстрѣляли портъ и городъ и ушли. Но такъ какъ, по плану мобилизаціи, Портъ Императора Александра III долженъ былъ немедленно эвакуироваться, то дѣйствія противъ него для насъ не имѣли никакого значенія.

27-го іюля, около 11 часовъ ночи, находясь на параллели маяка Дагерортъ, эскадренный миноносецъ „Новикъ“, неожиданно, невдалекѣ отъ себя, открылъ непріятельскій четырехтрубный крейсеръ. Но такъ какъ они оба имѣли очень большой ходъ, а встрѣча была внезапной, то почти моментально они потеряли другъ друга изъ вида, не успѣвъ даже обмѣняться выстрѣлами.

Только 4-го августа, у входа въ Финскій заливъ, появились непріятельскія силы, въ составѣ нѣсколькихъ крейсеровъ и какихъ то еще кораблей, державшихся за горизонтомъ и замѣтныхъ только по дымамъ. Крейсера все время держались на большомъ разстояніи, и пока ничего не предпринимали.

Какъ потомъ выяснилось, около 8 часовъ вечера, эти непріятельскія силы подошли ко входу въ заливъ, на линію Руссарэ-Оденсхольмъ, причемъ имѣвшійся въ ихъ составѣ заградитель поставилъ въ 46-омъ квадратѣ большое загражденіе. Изъ донесеній Начальника Службы Связи Штабу, о немъ стало немедленно же извѣстно; а на слѣдующее утро все подтвердилось въ точности, такъ какъ на мѣстѣ постановки оказалось много всплывшихъ непріятельскихъ минъ. Такимъ образомъ, оно никакого вреда намъ не принесло, и только во время работъ по опредѣленію его границъ взорвались тральщики „Проводникъ“ и „№ 8“.

5-го августа непріятельскіе крейсера опять появились ввиду залива. Очевидно, они хотѣли выманить наши корабли и та-

кимъ образомъ навести ихъ на свое загражденіе. Но, такъ какъ о немъ мы уже знали, а кромѣ того, по донесеніямъ, въ составѣ непріятельскихъ силъ находились броненосные крейсера „Роонъ“ и „Принцъ Генрихъ“, то наши дозорные крейсера „Адмиралъ Макаровъ“ и „Баянъ“ навстрѣчу имъ не вышли: дѣло въ томъ, что ожидать быстрой поддержки было нельзя, такъ какъ наши главныя силы находились въ Гельсингфорсѣ. Поэтому, они только вступили въ перестрѣлку, которая намъ и, повидимому, также — и непріятелю, не принесла никакого вреда. Тѣмъ не менѣе, это были первые выстрѣлы, которыми обмѣнялись наши суда съ противникомъ.

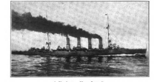
10-го августа, непріятель опять появился, передъ Либавой, но на этотъ разъ только одинъ крейсеръ, который обстрѣлявъ ее, вскорѣ ушелъ.

II.

Катастрофа крейсера „Магдебургъ".

Прождавъ „Новика" нѣсколько дней въ Гельсингфорсѣ, я, наконецъ, 11-го августа, явился на него. Назначенъ я былъ на должность второго минннаго офицера, но не въ этомъ дѣло, — важно, что я на „Новикѣ"...

На слѣдующій же день послѣ моего прибытія, мы пошли въ Ревель. Тамъ я имѣлъ возможность спокойно ознакомиться

3. Крейсеръ „Магдебургъ".

съ кораблемъ и со своими новыми сослуживцами, съ которыми, отнынѣ, мнѣ предстояло переживать всѣ трудныя минуты боевой жизни.

Въ нашемъ маленькомъ флотѣ всѣ офицеры болѣе или менѣе знаютъ другъ друга, если не лично, то по наслышкѣ, и поэтому, когда являешься на новый корабль, то все-же всегда имѣешь понятіе, кто тебя окружаетъ. На „Новикѣ" подобралась исключительно симпатичная каютъ-компанія, во главѣ съ его командиромъ — Капитаномъ 2-го ранга П. П. Палецкимъ, состоявшая изъ пылкой, безпечной молодежи.

13-го августа, въ туманѣ, на Оденсхольмскій рифъ, выскочилъ германскій крейсеръ „Магдебургъ" и неудачно былъ взорванъ своей командой. Мы на „Новикѣ", конечно, были страшно недовольны, что насъ сейчасъ же не послали къ мѣсту посадки крейсера, такъ какъ, благодаря нашему ходу, намъ можетъ быть и удалось бы настигнуть миноносецъ, который былъ при „Магдебургѣ".

Извѣстіе о катастрофѣ „Магдебурга" было получено отъ наблюдательнаго поста на островѣ Оденсхольмъ, который сообщилъ Начальнику Службы Связи, что явственно слышитъ доносящуюся со стороны моря нѣмецкую рѣчь, но въ чемъ дѣло, благодаря густому туману, разобрать не въ состояніи. По его предположенію, на камни выскочилъ какой-то непріятельскій корабль.

Это извѣстіе было немедленно передано въ Штабъ Флота, который рѣшилъ сейчасъ же послать къ Оденсхольму — 6-ой Дивизіонъ Миноносцевъ. Кромѣ того, туда же, съ миноносцами „Лейтенантъ Бураковъ" и „Рьяный", долженъ былъ выйти Начальникъ Службы Связи, Капитанъ 1-го ранга Непенинъ.

Когда Непенинъ выходилъ въ море, то ему изъ Штаба сообщили, что въ морѣ нашихъ судовъ нѣтъ, и что 6-ой Дивизіонъ выйдетъ нѣсколько позже. Какъ-то вышло, что была допущена крупная ошибка: забыли предупредить, что на меридіанѣ Дагерорта держатся крейсера — „Богатырь" и „Паллада". Такимъ образомъ, на „Лейтенантѣ Бураковѣ" были убѣждены, что изъ своихъ судовъ, никого въ морѣ встрѣтить нельзя. Это едва не повлекло за собой трагическихъ послѣдствій.

Въ морѣ продолжалъ держаться густой туманъ. Миноносцы съ большимъ трудомъ миновали рейдовыя загражденія и, благополучно выйдя въ море, дали полный ходъ.

Во время пути, постъ на Оденсхольмѣ все время оріентировалъ Начальника Службы Связи о происходившемъ. Всѣ его свѣдѣнія подтверждали, что на камни у острова дѣйствительно выскочилъ непріятельскій корабль, который не можетъ сняться. Далѣе имъ удалось выяснить, что это — четырехтрубный крейсеръ, и что къ нему подошелъ миноносецъ.

Вскорѣ на „Бураковѣ" услышали канонаду, которая однако быстро прекратилась. Какъ потомъ выяснилось, это — непріятельскій крейсеръ обстрѣлялъ маякъ.

Продолжая идти, миноносцы въ туманѣ не могли открыть острова, но по времени замѣтили, что они должны были его уже пройти. Поэтому пришлось повернуть обратно и взять курсъ въ проливъ между островомъ и материкомъ.

Въ этотъ моментъ вокругъ нихъ стали ложиться снаряды. Изъ-за сильнаго тумана, даже нельзя было разобрать, съ ка-

кой стороны стрѣляютъ. Скоро имъ удалось выйти изъ подъ обстрѣла, и почти въ тотъ же моментъ стрѣльба прекратилась, а черезъ нѣсколько минутъ опять началась, съ еще большей силой. По звуку выстрѣловъ можно было опредѣлить, что это стрѣляетъ крупная артиллерія, и такъ какъ раньше сообщалось, что выскочившій на камни крейсеръ — четырехтрубный, то стали предполагать, что это — крейсеръ „Роонъ".

Между тѣмъ, миноносцы повернули и пошли вдоль восточнаго берега острова. Къ этому времени туманъ сталъ понемногу разсѣиваться, и первое, что бросилось въ глаза, было огромное пламя. Оно подымалось отъ горящихъ построекъ кругомъ маяка, зажженныхъ снарядами непріятельскаго крейсера. Потомъ сталъ виденъ и самый крейсеръ. Его носовая часть была взорвана и совершенно отдѣлена отъ остального корпуса, и видъ былъ самый печальный; но, тѣмъ не менѣе, крейсеръ все время продолжалъ отстрѣливаться.

Тогда на „Бураковѣ" приготовились къ минной атакѣ. Но въ этотъ моментъ по носу открылись два силуэта какихъ то большихъ кораблей, и потому было рѣшено атаковать ихъ, а не крейсеръ, который сидѣлъ на камняхъ очень прочно и ужъ никуда не могъ уйти.

Разобрать, что это были за корабли, изъ-за все еще стоявшаго тумана, было невозможно. Зная же, по сообщенію Штаба, что въ морѣ своихъ кораблей нѣтъ, имѣлось полное основаніе считать ихъ за непріятельскіе. Поэтому, не желая упускать удобнаго момента, когда передній изъ нихъ приблизился на прицѣлъ, была выпущена мина. . .

Но корабли круто повернули и, къ своему ужасу, на миноносцѣ увидѣли, что это крейсера „Богатырь" и „Паллада". Къ счастью, „Богатырь" замѣтилъ шедшую мину и увернулся. „Паллада" же не разобравъ, что это за миноносцы, открыла огонь, и одинъ ея 8" снарядъ, упалъ такъ близко отъ „Буракова", что всѣхъ стоявшихъ на палубѣ окатило водой. Разобравшись, что крейсера эти — наши, миноносцы сдѣлали опознательные сигналы и, когда „Паллада", давъ еще два-три залпа, прекратила огонь, подошли къ „Богатырю".

Командиръ „Богатыря" передалъ, что непріятель больше не отвѣчаетъ, и просилъ подойти къ крейсеру, чтобы узнать въ чемъ тамъ дѣло. Если же онъ откроетъ огонь, тогда наши крейсера его снова начнутъ обстрѣливать.

Миноносцы подошли къ крейсеру приблизительно на 8 кабельтовыхъ. Крейсеръ продолжалъ стоять подъ флагомъ, и всѣ его орудія были наведены на миноносцы. Казалось, что онъ вотъ-вотъ откроетъ огонь; но онъ не стрѣлялъ. Начальникъ Службы Связи приказалъ спустить вельботъ и послалъ на немъ

къ крейсеру Лейтенанта М. Гамильтона, съ сигнальщикомъ и гребцами, вооруженными винтовками.

Когда они подошли къ борту, Лейтенантъ Гамильтонъ замѣтилъ, что за бортомъ виситъ штормъ-трапъ: приставъ къ нему, онъ сталъ взбираться на палубу. При этомъ онъ прочиталъ названіе корабля: онъ оказался легкимъ крейсеромъ „Магдебургъ". Когда голова Лейтенанта Гамильтона поровнялась съ палубой, онъ увидѣлъ, что къ нему бѣгутъ шесть матросовъ. Не зная еще ихъ намѣреній, онъ выхватилъ револьверъ и вылѣзъ на палубу.

Всѣ матросы были безоружны и ихъ лица не носили характера угрозы, такъ что револьверъ оказался ненужнымъ. Не владѣя достаточно нѣмецкимъ языкомъ, Лейтенантъ Гамильтонъ спросилъ обступившихъ его матросовъ, не говоритъ ли кто-нибудь изъ нихъ на другомъ языкѣ? Тогда впередъ выступилъ кондукторъ и заговорилъ на отличномъ французскомъ языкѣ.

Кондукторъ разсказалъ, что ихъ крейсеръ выскочилъ на островъ ночью, при полномъ туманѣ. Сначала онъ пытался самъ сняться, но изъ этого ничего не вышло. Тогда былъ вызванъ миноносецъ, но и онъ не могъ помочь. Въ это время подошли русскіе крейсера и начался бой. Убѣдясь, что вести его не имѣетъ смысла, миноносецъ принялъ 220 человѣкъ команды и ушелъ. Затѣмъ, изъ оставшихся, еще 45 человѣкъ спаслись вплавь на островъ, и только шесть человѣкъ осталось на крейсерѣ.

Когда кондукторъ кончилъ свой разсказъ, Лейтенантъ Гамильтонъ указалъ ему на кормовой флагъ и объяснилъ, что его хочетъ спустить и поднять русскій. На это тотъ отвѣтилъ, что бой конченъ и дальнѣйшія дѣйствія зависятъ уже отъ русскихъ. Тогда Лейтенантъ Гамильтонъ съ сигнальщикомъ и нѣмецкими матросами, отправился на кормовой мостикъ. Тамъ вмѣстѣ съ сигнальщикомъ они спустили германскій флагъ, но никакъ не могли его отвязать, такъ какъ фалы сильно намокли. Видя это, одинъ изъ нѣмцевъ сбѣгалъ въ палубу и принесъ ножъ, которымъ фалы были перерѣзаны и тогда поднятъ Андреевскій флагъ.

Послѣ этого нѣмецкимъ матросамъ было приказано сѣсть въ вельботъ, но тутъ они сообщили, что на крейсерѣ находится командиръ корабля. Тотчасъ же Лейтенантъ Гамильтонъ послалъ одного изъ матросовъ доложить ему о себѣ.

Войдя къ командиру и представившись, онъ заговорилъ по французски, но командиръ не понялъ его; не понялъ онъ также и, англійскаго языка. Тогда Лейтенантъ Гамильтонъ сталъ придумывать, какъ бы яснѣе и вѣжливѣе выразиться по нѣмецки, и собравъ всѣ свои познанія, сказалъ: „Wollen Sie nach Torpedo geh n?" и для большей ясности показалъ рукой по направленію

стоявшаго на якорѣ „Буракова". Тотъ слегка улыбнулся на это приглашеніе и отвѣтилъ, что хотя, молъ, ему это и не особенно хочется, но дѣлать нечего; онъ только просилъ разрѣшенія захватить кое-какія вещи. На это, конечно, послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ.

Но командиръ былъ такъ разстроенъ, что обойдя каюту, только машинально выдвинулъ ящикъ стола, потомъ его сейчасъ же задвинулъ и сказалъ, что онъ готовъ. Выходя изъ каюты, онъ снялъ висѣвшій на стѣнѣ кортикъ и передалъ его Лейтенанту Гамильтону. Но тотъ вернулъ его обратно, сказавъ, что пока командиръ — на своемъ кораблѣ, онъ не считаетъ себя вправѣ его обезоруживать, и просилъ его оставить кортикъ при себѣ. Это очень тронуло командира и онъ крѣпко пожалъ ему руку.

4. Взорванный „Магдебургъ" на рифахъ о. Оденсхольмъ.

Послѣ этого всѣ усѣлись въ вельботъ и скоро подошли къ „Буракову". У трапа командиръ „Магдебурга" былъ встрѣченъ самимъ Начальникомъ Службы Связи и командиромъ миноносца. Поднявшись по трапу, онъ первымъ дѣломъ передалъ свое оружіе Непенину.

Тѣмъ временемъ, вельботъ съ „Рьнаго" перевозилъ плѣнныхъ съ острова Оденсхольмъ. Въ числѣ ихъ оказались еще два офицера, которые были совершенно мокрыми и въ однихъ брюкахъ и рубашкѣ, такъ какъ послѣ сдачи крейсера спасались вплавь на островъ. Они просили разрѣшенія съѣздить на „Магдебургъ", чтобы взять нѣкоторыя вещи, что имъ и было дозволено сдѣлать.

Еще такъ недавно блестящій, крейсеръ теперь представлялъ изъ себя печальную картину. Отъ взрыва патроннаго

погреба, носовая часть, до фокъ-мачты, была почти оторвана и представляла изъ себя груду желѣза. Первой трубы и фокъ-мачты не было: онѣ также были снесены взрывомъ. Нашими снарядами было оторвано дуло одного орудія, сорвана телеграфная сѣть, и въ дымовыхъ трубахъ было видно много осколковъ.

„Магдебургъ" сидѣлъ на мели, приблизительно, до командного мостика, но вся кормовая часть была на чистой водѣ и въ полной исправности. Всѣ механизмы были не тронуты, такъ что даже при послѣдующихъ работахъ по его снятію на немъ можно было безъ всякаго ремонта развести пары и его же помпами выкачивать воду.

Внутреннія помѣщенія и верхняя палуба были въ хаотическомъ состояніи. Онѣ были завалены гильзами, патронами, пулеметами, винтовками, койками, офицерскими и матросскими вещами и другими предметами. Какъ объясняли офицеры, это было все приготовлено для перегрузки на миноносецъ, чему помѣшали подошедшіе наши крейсера.

Катастрофа съ „Магдебургомъ" произошла такъ внезапно, что въ каютъ-компаніи на столѣ остались даже тарелки съ недоѣденными кушаньями и недопитая бутылка пива.

Среди брошенныхъ на палубу вещей случайно оказалась чрезвычайно важная сигнальная книга, второй экземпляръ которой былъ потомъ еще найденъ въ рукахъ у одного утонувшаго офицера. Очевидно, торопясь пересѣсть на миноносецъ, онъ упалъ въ воду и утонулъ. Его тамъ нашли водолазы, когда осматривали подводную часть во время работъ по снятію съ камней крейсера.

Затѣмъ всѣхъ плѣнныхъ отправили въ Балтійскій Портъ, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Ревель.

Тяжело было смотрѣть на командира и офицеровъ, которые видимо переживали сильную драму. Что же касается плѣнныхъ матросовъ, то они относились къ происшедшему довольно безразлично; а машинная команда, которая по ея разсказамъ страшно устала отъ непрерывныхъ походовъ съ начала войны — даже была довольна, что можетъ отдохнуть.

III.

Походъ съ крейсерами. Минная атака „Новика". Походъ Бригады Линейныхъ Кораблей.

19-го августа, рано утромъ, на „Рюрикѣ" былъ поднятъ сигналъ: „Резервной Бригадѣ Крейсеровъ, Полу-Дивизіону и „Новику" приготовиться къ походу и по готовности выйти на рейдъ; ходъ 16 узловъ." Я какъ разъ былъ дежурнымъ и сейчасъ же доложилъ объ этомъ командиру и старшему офицеру. Послѣдовало приказаніе быстро разводить пары и прогрѣвать турбины.

Вскорѣ послѣ упомянутаго сигнала, былъ поднятъ второй — которымъ командиры шедшихъ въ походъ судовъ приглашались къ Командующему Флотомъ. Нашъ командиръ сначала переправился на „Сибирскій Стрѣлокъ" и уже оттуда, вмѣстѣ съ Начальникомъ Дивизіи, переѣхалъ на „Рюрикъ". Вернувшись къ 9 часамъ, онъ приказалъ немедленно сниматься съ якоря.

Когда мы вышли на рейдъ, гдѣ я первымъ вступилъ на вахту, командиръ объяснилъ мнѣ, что мы идемъ въ непріятельскія воды. Такъ начиналась моя первая боевая операція на „Новикѣ".

Черезъ полчаса, достоявъ свою вахту, я смѣнился и сошелъ съ мостика; въ это время какъ разъ снимались съ якоря крейсера „Рюрикъ", „Россія", „Богатырь" и „Олегъ", а также Полу-Дивизіонъ Особаго Назначенія. Войдя въ каютъ-компанію, я засталъ тамъ другихъ офицеровъ, которые были въ крайне приподнятомъ настроеніи, страшно интересуясь узнать, куда мы идемъ. Томиться пришлось недолго — и наше любопытство было скоро удовлетворено старшимъ офицеромъ, который принесъ инструкцію похода. По ней выходило, что цѣль операціи — уничтоженіе непріятельскихъ развѣдчиковъ. Для этого отрядъ въ составѣ выше перечисленныхъ силъ идетъ до параллели Стейнортъ-Хоборгъ; если до упомянутаго района отрядъ никого не встрѣтитъ, то долженъ разойтись въ цѣпь, причемъ „Рюрикъ" и „Россія" остаются поддержкой въ тылу, а „Богатырь", „Олегъ" и „Новикъ" идутъ къ Данцигской бухтѣ. Тамъ „Богатырь" и „Олегъ" должны обстрѣлять нѣкоторые пункты,

а „Новикъ" произвести поискъ въ самой бухтѣ. Но все же главной задачей всѣмъ ставилось уничтоженіе непріятельскихъ развѣдчиковъ.

Когда весь отрядъ снялся съ якоря и вышелъ за островъ Наргенъ, было приказано построиться въ строй кильватера,

5. Бригада Крейсеровъ въ морѣ.

причемъ „Рюрикъ" (флагъ Командующаго Флотомъ), окруженный миноносцами, шелъ концевымъ, а въ головѣ колонны шли тральщики.

Благополучно пройдя Финскій заливъ, отрядъ вышелъ въ Балтійское море, гдѣ Командующій Флотомъ отпустилъ тральщики. Въ данный моментъ 4 часа дня; на горизонтѣ ничего не видно и отрядъ быстро движется на югъ. Все готово къ бою, а тамъ, конечно, что Богъ дастъ. Хочется вѣрить въ благопріятный исходъ операціи, такъ какъ обстановка говоритъ за успѣхъ: по свѣдѣніямъ, большія силы непріятеля сосредоточены въ Килѣ, а въ морѣ держатся только развѣдчики.

6. Походъ „Новика" съ эскадрой подъ флагомъ Адмирала Эссена.

Съ наступленіемъ темноты, отрядъ перестроился по ночному, причемъ „Новикъ“ былъ поставленъ въ хвостѣ колонны.

Вотъ уже и половина двѣнадцатаго ночи; пока—все спокойно. . . Вдругъ на горизонтѣ, который, благодаря лунѣ, былъ очень большой, съ „Рюрика“ увидѣли два дыма. Адмиралъ сигналомъ приказалъ „Новику“ настигнуть и атаковать непріятеля.

Непріятельскія же суда, обнаруживъ наши силы, повернули и стали быстро уходить на югъ.

Получивъ это приказаніе, мы сейчасъ же вышли изъ строя и быстро стали прибавлять ходъ. Но все-таки мы съ трудомъ настигали уходившаго противника, и только когда довели ходъ до 32 узловъ, разстояніе стало быстро уменьшаться.

Во время погони, у насъ была пробита боевая тревога. Я въ этотъ моментъ спалъ и, быстро вскочивъ, побѣжалъ къ своему мѣсту на ютѣ. Окончательное приготовленіе миноносца къ бою заняло немного времени: черезъ нѣсколько минутъ все уже было готово, и всѣ стояли на своихъ мѣстахъ.

Окружающая картина была удивительно красива. Полная луна освѣщала слегка колеблющееся море, и „Новикъ“, весь содрогаясь, несся впередъ, одѣтый въ серебро и пѣну. Нельзя было не залюбоваться этимъ видомъ — такъ онъ былъ красивъ и грозенъ.

Настроеніе у насъ было напряженное, но въ общемъ всѣ были спокойны. Непріятель еще не открывалъ огня, несмотря на то, что было уже близко. Разстояніе уже совсѣмъ уменьшалось; вотъ ужъ вырисовался и силуэтъ: это — трехтрубный крейсеръ типа „Аугсбургъ“, а за нимъ идетъ миноносецъ. . . Видно было, что крейсеръ имѣетъ полный ходъ, очевидно — стремясь уйти какъ можно дальше отъ нашихъ силъ. Вѣроятно, онъ не открывалъ огня именно для того, чтобы не обнаружить своего мѣста.

Но вотъ „Новикъ“ пришелъ, какъ казалось, на требуемую дистанцію. . . Раздался условный звонокъ съ мостика. . . Сейчасъ же блеснули четыре яркія вспышки, и мины, загудѣвъ, тяжело шлепнулись въ воду.

Въ тотъ же моментъ, крейсеръ круто повернулъ на насъ и этимъ маневромъ избѣжалъ минъ. Мы послѣдовали его маневру. Нѣсколько минутъ онъ шелъ за нами, а потомъ опять круто повернулъ на югъ; мы — тоже. Вскорѣ, въ темнотѣ, мы потеряли его изъ виду.

Въ этотъ моментъ, мы замѣтили какой-то силуэтъ корабля слѣва, и почти всѣ офицеры, находившіеся на мостикѣ, считали, что это тоже непріятель, и совѣтовали командиру его атаковать. Но командиръ не рѣшился на это, такъ какъ въ томъ

направленіи могъ быть „Богатырь", что, дѣйствительно, и оправдалось впослѣдствіи.

Остатокъ ночи, согласно приказанія Адмирала, мы шли къ Дагерорту.

Какъ только мы присоединились къ отряду, Адмиралъ приказалъ намъ приблизиться къ „Рюрику" и въ мегафонъ сталъ расспрашивать о ночномъ походѣ. Послѣ этого мы встали на свое мѣсто.

Въ 4 часа дня я вступилъ на вахту; но уже черезъ часъ, когда съ „Рюрика" потребовали отъ насъ офицера, мнѣ пришлось туда ѣхать.

Когда я взобрался на „Рюрикъ", меня потребовали на задній мостикъ къ Адмиралу. Взойдя туда, я увидѣлъ самого Адмирала Эссена, который, быстро схвативъ меня за рукавъ, потащилъ въ рубку, гдѣ сталъ расспрашивать подробности нашей ночной атаки. Быть можетъ, Адмиралу вспомнилось 27-ое января 1904 года, когда онъ, тогда еще Капитанъ 2-го ранга, лихо велъ на сближеніе съ японской эскадрой свой крейсеръ, прежній „Новикъ". Казалось, какія-то невидимыя нити протянулись между нами и связали аналогіей фактовъ, раздѣленныхъ между собой гранью десяти лѣтъ. Та атака была его атакой, а эта — нашей, и ею мы фактически начинали свою боевую кампанію. . .

Послѣ моего доклада, Адмиралъ и Капитанъ 1-го ранга Колчакъ стали мнѣ объяснять предстоящую операцію, которая заключалась въ томъ, что „Рюрикъ" съ „Россіей" и Полу-Дивизіономъ, отдѣлясь отъ остального отряда, идутъ между Готландомъ и шведскимъ берегомъ на югъ. Обойдя Готландъ, они должны повернуть и наступать на сѣверъ. „Богатырь" же, „Олегъ" и „Новикъ", теперь же установивъ завѣсу, идутъ прямо на югъ, съ другой стороны Готланда, а съ темнотой поворачиваютъ на сѣверъ. Задачей этого отряда является не пропустить непріятельскихъ развѣдчиковъ сквозь цѣпь; если это удастся, то къ утру противникъ окажется между двумя нашими отрядами.

Когда я вернулся на „Новикъ", и шлюпка была поднята, мы сейчасъ же повернули на югъ и съ „Богатыремъ" и „Олегомъ" установили завѣсу, но до темноты ничего на горизонтѣ не видѣли и, согласно инструкціи, повернули на сѣверъ.

Ночью мы на „Новикѣ" дважды были сбиты съ толку дымами „Богатыря" и „Олега" и даже пытались гоняться за ними, но, къ счастью, во время распознавали ошибку, и все обходилось благополучно. Конечно, въ этомъ была виновата наша неопытность, но вѣдь она вполнѣ понятна и простительна, такъ какъ война еще только началась.

Непріятеля такъ за всю ночь мы и не видѣли. Утромъ было получено радіо отъ Командующаго Флотомъ, что онъ повернулъ обратно, не обойдя Готланда. Какъ потомъ выяснилось, приблизившись къ шведскимъ берегамъ, отрядъ встрѣтилъ шведскія военныя суда и пароходы. Имѣя же особо серьезныя инструкціи Правительства не вступать въ конфликтъ со шведами, Адмиралъ не счелъ возможнымъ идти дальше.

Утромъ всѣ суда отряда благополучно соединились и пошли обратно въ Ревель.

Тамъ, изъ газетъ, мы узнали о первомъ, сравнительно большомъ, столкновеніи между германскими и англійскими морскими силами. 15-го августа, пользуясь туманомъ, англійскія силы, состоявшія изъ двухъ линейныхъ крейсеровъ типа „Ліонъ", нѣсколькихъ броненосныхъ крейсеровъ, двухъ — легкихъ и 40 миноносцевъ, стали подходить къ Гельголанду. Они встрѣтили нѣсколько легкихъ германскихъ крейсеровъ и миноносцевъ и вступили съ ними въ бой. Онъ былъ непродолжителенъ, но очень жестокъ. Въ неравномъ бою погибъ отъ мины легкій крейсеръ „Майнцъ", и отъ артиллерійскаго огня крейсера „Аріадна" и „Кельнъ", а также миноносецъ „V 187".

Англійскія газеты сильно раздули успѣхъ своего флота, хотя, въ сущности, въ этомъ бою на ихъ сторонѣ оказался такой перевѣсъ въ силахъ, что другого исхода и не могло быть. Нельзя не отмѣтить мужества, съ какимъ сражались маленькіе крейсера противъ современныхъ, огромныхъ линейныхъ крейсеровъ.

25-го августа, насъ срочно вызвали на рейдъ, ввиду того, что получились свѣдѣнія о приближеніи непріятельской эскадры въ составѣ четырехъ линейныхъ кораблей типа старыхъ „Кайзеровъ", броненоснаго крейсера „Блюхеръ", двухъ легкихъ крейсеровъ и одиннадцати миноносцевъ.

Выйти навстрѣчу непріятелю наши силы въ этотъ день не успѣли, такъ какъ линейные корабли и „Рюрикъ" еще только возвращались съ погрузки угля въ Гельсингфорсѣ. Поэтому мы простояли цѣлый день на рейдѣ и только были предупреждены, что на слѣдующее утро въ 4 часа будетъ походъ.

Дѣйствительно, ровно въ 4 часа утра, былъ поднятъ сигналъ: „Сняться съ якоря". Въ составъ эскадры вошли: „Рюрикъ", Бригада Линейныхъ Кораблей, „Новикъ", 7 миноносцевъ 2-го Дивизіона съ тралами и 4 миноносца 1-ой группы 1-го Дивизіона.

Походный порядокъ былъ — кильватерная колонна, во главѣ съ „Рюрикомъ", который, окруженный миноносцами, шелъ подъ Флагомъ Командующаго Флотомъ; впереди эскадры шелъ 2-ой Дивизіонъ миноносцевъ съ тралами. Погода была прекрасная; волны почти не было, и только наши миноносцы слегка покачивало отъ старой зыби. Ходъ былъ отъ 8 до 10 узловъ.

Непріятеля все еще не было видно, и только по частнымъ свѣдѣніямъ, его суда какъ-будто проникли въ Ботническій заливъ. Поэтому, около 3 часовъ дня, Командующій Флотомъ приказалъ намъ идти въ Оландсъ-гафъ и произвести развѣдку и, если мы обнаружимъ непріятеля, то немедленно донести объ этомъ, а самимъ стараться его атаковать.

Мы дали 26 узловъ и къ 6 часамъ вечера уже были въ виду шведскихъ береговъ. Вдругъ на горизонтѣ показался дымъ;

7. Бригада Линейныхъ Кораблей въ морѣ.

потомъ стали вырисовываться мачты, труба и корпусъ. Несомнѣнно, это былъ военный корабль, но, увы, не германскій, а шведскій — броненосецъ береговой обороны типа „Оденъ", и при немъ миноносецъ типа „Магне". Командиръ, имѣя инструкцію не тревожить шведовъ, не хотѣлъ подходить очень близко къ нимъ, а поэтому мы повернули на югъ. Пройдя этимъ курсомъ столько, чтобы шведскіе корабли скрылись изъ вида, мы повернули опять въ Оландсъ-гафъ, осмотрѣли его и, когда стемнѣло, пошли обратно въ Финскій заливъ. Во избѣжаніе встрѣчи съ нашими судами въ темнотѣ, мы всю ночь крейсировали около банки Олегъ, и только около 8 часовъ утра присоединились къ главнымъ силамъ. Въ 9 часовъ эскадра обнаружила подводную лодку, которая оказалась нашей — „Акулой". Командующій Флотомъ послалъ „Новика" спросить ее, куда она идетъ.

Командиръ „Акулы" сообщилъ, что возвращается изъ крейсерства у острова Готланда, гдѣ онъ обнаружилъ непріятельскій крейсеръ, но такъ близко, что атаковать не успѣлъ. Послѣ этого, „Акулу" замѣтили два непріятельскихъ миноносца, открыли огонь и стали за нею гоняться. Тогда она выпустила

мину, которая, однако прошла подъ миноносцемъ. Стремясь избавиться отъ преслѣдованія, „Акула" погружалась и въ такомъ состояніи пошла по направленію къ шведскимъ берегамъ; когда потомъ она всплыла, миноносцевъ больше не было.

Послѣ опроса „Акулы", мы вступили въ строй, и эскадра продолжала путь въ Финскій заливъ.

Въ заливѣ на пути попались три плавающія непріятельскія мины, изъ которыхъ двѣ были моментально разстрѣляны и взорвались, а третью, такъ какъ она ни за что не хотѣла взрываться, пришлось утопить. Повидимому, у непріятеля не очень то надежные минрепа: послѣ первой же свѣжей погоды ихъ стало обрывать.

Около 4 часовъ дня эскадра подошла къ Оденсхольму, и у мѣста гибели „Магдебурга" всѣ застопорили машины. Его теперь подготовляютъ къ съемкѣ и, если позволитъ погода, то черезъ нѣсколько дней онъ будетъ снятъ и отведенъ въ Гельсингфорсъ для починки.

Когда эскадра остановилась, къ „Рюрику" подошелъ миноносецъ „Казанецъ", и Командующій Флотомъ, перейдя на него, отправился осматривать „Магдебургъ". Послѣ осмотра Адмиралъ перешелъ на свой крейсеръ, эскадра продолжала путь и въ 7 часовъ вечера встала на якорь на Ревельскомъ рейдѣ.

IV.

Походъ съ крейсерами. Демонстраціи непріятеля. Первыя дѣйствія непріятельскихъ подлодокъ. Гибель „Паллады".

28-го августа „Новикъ" простоялъ въ Ревелѣ, а на слѣдующій день насъ послали въ Гельсингфорсъ, такъ какъ Адмиралъ любилъ, чтобы мы были всегда тамъ, гдѣ находится онъ. О непріятелѣ эти дни ничего не было слышно.

У насъ поговаривали о скорой готовности нашихъ дредноутовъ, и тогда мы надѣялись, что, можетъ быть, будутъ предприняты наступательныя дѣйствія; но это, пока, еще были только разговоры.

31-го числа насъ послали въ Ревель, чтобы принять участіе въ маневрированіи Бригады Линейныхъ Кораблей.

Въ этотъ день стало извѣстно, что непріятель снялъ съ маяка Богшеръ, постъ Службы Связи. Когда къ маяку подошли посланные туда миноносцы „Охотникъ" и „Кондратенко", то они увидѣли, что въ башнѣ маяка имѣются попаданія снарядовъ, а внутри ея остались слѣды пожара; всѣ люди и вещи исчезли.

На слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, совмѣстно съ Бригадой Линейныхъ Кораблей и „Діаной", мы снялись съ якоря и пошли на маневрированіе. Заданія его были несложны. Мы съ „Діаной", изображая непріятеля, идемъ навстрѣчу линейнымъ кораблямъ. „Новикъ" идетъ впереди и, увидавъ противника, извѣщаетъ свои силы о его мѣстѣ. Въ это время линейные корабли стараются занять выгодное исходное положеніе. Послѣ этого „Новикъ" вступаетъ въ кильватеръ „Діанѣ", изображая хвостъ колонны, а линейные корабли, ведя бой, стремятся охватить голову нашихъ силъ. Въ первомъ случаѣ мы съ „Діаной" идемъ постояннымъ курсомъ, а во второмъ — перемѣнными. Маневры заканчиваются тѣмъ, что „Новикъ", какъ миноносецъ, атакуетъ Бригаду, а та стремится уклониться отъ минъ.

Въ общемъ маневры прошли довольно вяло и, конечно, Бригада легко уклонилась отъ нашей атаки, такъ ей была предоставлена свобода маневрированія.

По окончаніи маневровъ всѣ пошли въ Гельсингфорсъ, а на слѣдующій день „Новикъ" перешелъ въ Ревель, гдѣ и остался до 8-го сентября.

9-го сентября стали получаться тревожныя извѣстія о приближеніи непріятельскихъ миноносцевъ къ Виндавѣ. Поэтому, намъ приказали на утро быть готовыми къ походу.

10-го сентября, въ 9 часовъ утра, съ „Рюрикомъ" (флагъ Командующаго Флотомъ), „Палладой" и „Баяномъ", мы вышли къ банкѣ Аннсъ, а оттуда на ночь на Лапвикскій рейдъ.

По донесеніямъ, вчера непріятель въ количествѣ восьми миноносцевъ подходилъ къ маяку Бакгофенъ и пробовалъ высадить десантъ, но, встрѣченный пулеметнымъ огнемъ команды поста, ушелъ. На слѣдующій день къ Виндавѣ подошла уже цѣлая эскадра, состоявшая изъ 9 линейныхъ кораблей, 8 пароходовъ и 21 миноносца. Зачѣмъ они подходили, такъ и осталось невыясненнымъ, ибо въ скоромъ времени, ничего не предпринявъ, всѣ суда ушли.

8. Бригада линейныхъ кораблей и крейсеровъ въ морѣ.

Ввиду этого намъ было приказано принять мины и идти къ Виндавѣ, чтобы на слѣдующее утро поставить ихъ тамъ; но скоро это приказаніе было отмѣнено и мы, съ „Рюрикомъ", „Палладой", „Баяномъ" и „Адмираломъ Макаровымъ", вышли въ море. У входа въ Финскій заливъ эскадра встрѣтила двѣ датскія шхуны и Командующій Флотомъ приказалъ намъ осмотрѣть ихъ. Поѣхалъ осматривать я, но ничего подозрительнаго на нихъ не обнаружилъ. Онѣ обѣ шли изъ Балтійскаго Порта безъ всякаго груза въ Данію. Къ вечеру эскадра окончила крейсерство и пошла на ночь на рейдъ Севастополь.

Утромъ, въ 6 часовъ, мы опять снялись съ якоря. Погода была очень туманная и тихая. Во избѣжаніе недоразумѣній, Командующій приказалъ поднять кормовые флаги самаго боль-

шого размѣра, чтобы ихъ легче было бы разобрать издали. Въ Финскомъ заливѣ, эскадра опять встрѣтила два коммерческихъ судна; одно было голландскимъ пароходомъ, другое — датскимъ. Намъ приказали ихъ осмотрѣть. Оказалось, что оба они выпущены нашими властями и идутъ совершенно пустыми.

Затѣмъ мы продержались до вечера въ морѣ, а ночевать опять пошли на Лапвикскій рейдъ.

По сегодняшнимъ донесеніямъ непріятель больше у Виндавы не показывался. Но все же, для провѣрки, было приказано 1-ой Минной Дивизіи пройти вдоль всего западнаго берега, на 5 миль южнѣе маяка Пограничный. Выполняя это приказаніе, Дивизія только подъ самый конецъ, за маякомъ Пограничный, на горизонтѣ увидѣла два непріятельскихъ миноносца, которые, замѣтивъ столь большія силы, стали быстро уходить на югъ.

Изъ событій этихъ дней необходимо отмѣтить гибель у береговъ Голландіи трехъ англійскихъ броненосныхъ крейсеровъ — „Абукира", „Хога" и „Кресси". Это не имѣетъ отношенія къ нашему театру войны, но очень интересно съ точки зрѣнія военно-морской тактики.

9-го сентября, германская подлодка „U 9", встрѣтивъ эти три крейсера въ морѣ, немедленно ихъ атаковала. Первой ея жертвой былъ крейсеръ „Абукиръ", шедшій среднимъ. Мина попала ему въ патронный погребъ, и почти моментально онъ затонулъ. Тогда остальные крейсера застопорили машины и стали спасать его команду. Этимъ сейчасъ же воспользовалась подлодка, которая потопила сначала крейсеръ „Хогъ", а потомъ — и „Кресси".

Изъ даннаго случая слѣдуетъ выводъ, какъ опасно въ такихъ случаяхъ большимъ судамъ стопорить машины и приниматься за спасеніе экипажа гибнущаго корабля. Поступая такъ, они подвергаютъ себя огромному риску и тоже легко могутъ погибнуть. Поэтому необходимо, чтобы при нихъ всегда находились миноносцы, которые охраняли бы ихъ отъ подлодокъ, а въ случаѣ катастрофы — спасали людей. Большіе же суда, увеличивъ ходъ и идя перемѣнными курсами, должны стремиться какъ можно скорѣе выйти изъ опаснаго района.

14-го сентября, Командующій Флотомъ, съ однимъ „Рюрикомъ" пошелъ, въ непріятельскія воды и находился въ раіонѣ Данцигъ — Борнгольмъ до 18-го числа. За все это время онъ непріятеля ни разу не встрѣтилъ, такъ какъ дулъ сильнѣйшій штормъ.

Когда „Рюрикъ" вернулся, „Новику" было приказано идти въ Гельсингфорсъ, чтобы на слѣдующій день перевезти въ Ревель французскаго Морского Агента, Капитана 1-го ранга Галло.

Между прочимъ, сидя у насъ въ каютъ-компаніи, онъ высказалъ мнѣніе, что Русскій флотъ не долженъ предпринимать никакихъ активныхъ дѣйствій, пока англичанамъ не удастся разбить германскій флотъ въ Сѣверномъ морѣ. Это мнѣніе намъ, конечно, не очень то пришлось по душѣ, такъ какъ мы мечтали о наступательныхъ дѣйствіяхъ; но нельзя было не согласиться, что онъ, пожалуй, былъ правъ.

27-го утромъ, въ первый разъ, въ нашихъ водахъ, проявили свою дѣятельность непріятельскія подлодки. Было получено радіо командира крейсера „Адмиралъ Макаровъ", что онъ, во время осмотра голландской шхуны, былъ атакованъ подлодкой, которая выпустила въ него три мины; двѣ прошли подъ носомъ, а одна подъ кормой. Сразу же возникло подозрѣніе, что шхуна имѣетъ какое-то отношеніе къ подлодкѣ, а потому на всякій случай было приказано задерживать всѣ шхуны. Конечно весьма можетъ быть, что подлодка просто воспользовалась неподвижнымъ положеніемъ крейсера, во время осмотра шхуны, и въ этотъ моментъ атаковала. Какъ бы тамъ ни было, но отъ гибели „Макаровъ" спасся прямо чудомъ, потому что, случайно, въ моментъ выпуска подлодкой минъ, далъ ходъ и началъ разворачиваться.

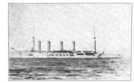
Когда было получено это извѣстіе, насъ сейчасъ-же выслали въ море на поиски этой подлодки. Но, исходивъ весь заливъ, мы ничего подозрительнаго не увидѣли и на ночь пошли въ бухту Лахе-Пе.

Утромъ намъ пришлось опять продолжать охоту за подлодками. Въ морѣ мы получили радіо отъ Начальника 1-ой Бригады Крейсеровъ съ приказаніемъ идти конвоировать крейсера „Палладу" и „Баянъ", возвращавшіеся изъ дозора. Идя навстрѣчу имъ, недалеко отъ Лапвика, мы встрѣтили „Громобоя" (флагъ Начальника 1-ой Бригады Крейсеровъ) и „Адмирала Макарова". Съ „Громобоя" намъ стали семафорить текстъ уже принятаго нами радіо о конвоированіи и этимъ насъ сильно задержали. Отойдя, наконецъ, отъ „Громобоя", мы вскорѣ открыли на горизонтѣ мачты и трубы „Паллады" и „Баяна", которые шли намъ навстрѣчу. Вдругъ, мы замѣтили огромный взрывъ и столбъ воды и дыма. Всѣ на мостикѣ такъ и впились въ бинокли, силясь разглядѣть, что произошло. Къ нашему ужасу одинъ изъ крейсеровъ исчезъ, а другой, увеличивъ ходъ, сталъ идти перемѣнными курсами. Мы сейчасъ же дали самый полный ходъ и понеслись къ нему. Одновременно получилось печальное радіо, что непріятельская подлодка взорвала „Палладу".

Подойдя къ „Баяну", мы сообщили, что присланы его конвоировать, и получили приказаніе идти впереди.

Тѣмъ временемъ, къ мѣсту гибели „Паллады“ подошли находившіеся случайно по близости миноносецъ „Рѣзвый“ и два миноносца-тральщика типа „Циклонъ“.

Отконвоировавъ „Баяна“ до назначеннаго мѣста, мы повернули назадъ и полнымъ ходомъ тоже пошли къ мѣсту катастрофы. Тамъ плавало лишь много мелкихъ деревянныхъ частей, коекъ, а также спасательныхъ поясовъ. Характерно то, что всѣ деревянные предметы, даже маленькіе, были расщеплены на самые мелкіе кусочки, что указывало на страшную силу взрыва. Позже изъ воды удалось подобрать всплывшій Нерукотворный Образъ Спасителя, который былъ совершенно невредимъ. Ни одного человѣка ни намъ, ни другимъ миноносцамъ, не удалось найти.

9. Крейсеръ „Паллада“.

Такой ужасный эффектъ взрыва, на всѣхъ насъ, конечно, произвелъ довольно удручающее впечатлѣніе; вѣдь, въ нѣсколько секундъ разлетѣлся въ мелкія щепы корабль, какъ никакъ, въ 8000 тоннъ. Единственно лишь можно предположить, что такой результатъ получился, очевидно, вслѣдствіе детонаціи артиллерійскихъ погребовъ „Паллады“, а не только отъ взрыва, хотя бы и одновременно двухъ минъ.

Но, что же дѣлать, это одна изъ жертвъ современной войны. Каждый изъ насъ въ любой моментъ долженъ быть готовъ принять такую же смерть, и кто знаетъ, можетъ быть такая гибель легче медленнаго умиранія. . .

Не найдя такимъ образомъ ничего и обойдя нѣсколько разъ вокругъ этой свѣжей могилы, мы съ темнотою пошли въ Ревель и, на пути, встрѣтили другіе миноносцы, спѣшившіе къ мѣсту гибели „Паллады“.

На слѣдующее утро насъ опять выслали на преслѣдованіе подлодокъ въ Финскій заливъ, до меридіана рейда Севастополь, гдѣ стояли крейсера „Россія" и „Аврора". Во время крейсерства наша команда нѣсколько разъ докладывала, что видитъ перископы, но какъ мы ни искали, въ этихъ мѣстахъ ничего не обнаружили. Проходя банку Аякс, мы слышали интенсивную работу непріятельской радіо-станціи. Возвращаясь обратно, мы услышали ее на томъ же самомъ мѣстѣ. Тогда сообщили объ этомъ въ Штабъ Командующаго Флотомъ, такъ какъ предполагали, что непріятельскія подлодки, гдѣ-нибудь укрылись въ шхерахъ и оттуда телеграфируютъ.

Въ этотъ же день ,въ виду Дагерорта, наблюдались два непріятельскихъ крейсера, которые какъ будто кого-то поджидали. Наша подлодка пробовала ихъ атаковать, но неудачно.

На ночь мы снова пошли въ бухту Лахе-Пе, такъ какъ на завтра намъ опять предстояло носиться по заливу, причемъ должны были начать поиски съ Гангэ. Ввиду этого, мы еще съ темнотою должны были сняться съ якоря, чтобы подойти туда съ разсвѣтомъ. Обслѣдовавъ добросовѣстно весь рейдъ Гангэ и не найдя ничего подозрительнаго, мы до вечера продолжали поиски въ заливѣ, но тоже совершенно безрезультатно.

V.

Неудавшіеся походы съ минами. Прорывъ англійскихъ подлодокъ въ Балтійское море.

Съ „Паллады“ такъ ни одного человѣка и не удалось спасти. Всѣ погибли, а ихъ было около 600 человѣкъ. Такимъ образомъ, въ нѣсколько секундъ эти люди были вычеркнуты изъ списка живыхъ. У насъ предполагалось, что непріятельская подлодка, потопившая „Палладу“, и сама не избѣжала той-же участи.

Такое предположеніе возникло потому, что въ германскихъ газетахъ гибель „Паллады“ была описана только по нашимъ газетамъ, судя потому, что туда вкралась та же ошибка, что и у насъ, а именно: сообщалось, что гибель произошла въ 14 часовъ; на самомъ же дѣлѣ она прозошла въ 12 часовъ 30 минутъ. Кромѣ того, предполагалось, что могла погибнуть и еще одна подлодка, такъ какъ въ совершенно тихую погоду съ крейсера „Громобой“ и наблюдательнаго поста на берегу, одновременно, видѣли большой взрывъ въ районѣ непріятельскаго загражденія. Это какъ бы подтверждалось еще и тѣмъ, что въ теченіе двухъ дней, у Дагерорта упорно держался непріятельскій крейсеръ, который все время усиленно телеграфировалъ.

Въ дальнѣйшемъ выяснилось, что „Палладу“ потопила подлодка „U 26“, но, повидимому, сама не погибла.

3-го октября намъ было приказано перейти въ Гельсингфорсъ и принять съ транспорта „Твердо“ — 50 минъ загражденія, что мы и исполнили; послѣ этого мы перешли къ нефтяной пристани и приняли нефть до полнаго запаса.

Утромъ, 4-го числа, мы вышли въ Моонзундъ и въ морѣ готовили мины. Мы идемъ ставить загражденіе совмѣстно съ Полу-Дивизіономъ. Въ частности „Новикъ“ долженъ его поставить у входа въ Данцигскую бухту у мыса Гела.

Всѣ у насъ были очень довольны предстоящей операціей и съ нетерпѣніемъ ожидали начала. Однако, по приходѣ въ Моонзундъ, было получено извѣстіе отъ Начальника 2-го Диви-

зіона Миноносцевъ, что операція отложена на неопредѣленное время, и намъ приказано идти обратно въ Гельсингфорсъ. Это извѣстіе вызвало полное разочарованіе, но дѣлать было нечего — пришлось повернуть назадъ. Вдобавокъ ко всему, вышло такъ неудачно, что это распоряженіе, отправленное непосредственно намъ по радіо, когда мы находились въ пути, наша станція не приняла. Благодаря этому, пришлось пройти зря не менѣе 70 миль. Только съ темнотою, мы стали подходить къ Ревелю и попросились переночевать у острова Наргенъ. Но намъ было приказано идти въ Ревель и тамъ, принявъ нефть — ждать. Это послѣднее распоряженіе было не изъ пріятныхъ, такъ какъ нѣтъ ничего надоѣдливѣе ожиданія и неопредѣленности.

5-го числа мы простояли въ Ревелѣ, а 6-го, около полудня, Начальникъ Минной Дивизіи прислалъ узнать — сдали ли мы наши мины. Когда онъ узналъ, что нѣтъ, то приказалъ немедленно идти въ Гельсингфорсъ и тамъ ихъ сдать. Все это, въ связи съ вчерашнимъ распоряженіемъ большого Штаба казалось нѣсколько страннымъ, и можно было ожидать недоразумѣній; но оставалось только идти.

У Грохары насъ засталъ густой туманъ, и намъ пришлось встать на якорь, сообщивъ объ этомъ Командующему Флотомъ. Въ отвѣтъ мы получили запросъ, по чьему приказанію мы идемъ. Отвѣтили, конечно, что по приказанію Начальника Минной Дивизіи.

Утромъ туманъ разсѣялся и мы добрались до Гельсингфорса, гдѣ ошвартовались къ транспорту „Твердо", чтобы сдать мины. Только что собрались это дѣлать, какъ съ „Рюрика" было приказано минъ отнюдь не сдавать, и командиру явиться въ Штабъ.

Вернувшись оттуда, онъ, по обыкновенію, намъ ничего не разсказалъ и, допринявъ нефть, мы встали на бочку, находясь въ часовой готовности. На слѣдующее утро я поѣхалъ на берегъ. Уже черезъ полчаса мнѣ навстрѣчу прибѣжалъ посланный матросъ и сообщилъ, что „Новику" приказано срочно сняться съ якоря. Только я успѣлъ добраться до корабля, какъ мы вышли въ море.

Къ вечеру мы дошли до Моонзунда и остались тамъ на ночь. Погода была очень ненадежная и можно было ожидать тумана.

Такъ и случилось — утромъ мы проснулись, окруженные густымъ туманомъ, и, такимъ образомъ, въ этотъ день никуда идти не пришлось.

Только на слѣдующее утро прояснило, и съ разсвѣтомъ мы пошли дальше, сообщивъ объ этомъ въ Штабъ Флота. Погода стала очень хорошей и подходящей для такого рода операціи, такъ какъ совсѣмъ заштилѣло.

До Люзерорта мы добрались спокойно и тамъ, согласно условію, запросили о погодѣ Стейнортъ и Либаву; въ отвѣтъ

получили: вѣтеръ и море — 1 баллъ; лучшаго ничего нельзя было ожидать. Сообщили Командующему Флотомъ, что погода благопріятствуетъ и просили разрѣшенія идти дальше, а сами стали ждать отвѣта, ничуть не сомнѣваясь, что онъ будетъ утвердительнымъ.

Время клонилось уже къ вечеру; горизонтъ былъ ясный; море тихое; мы всѣ уже предвкушали удовольствіе интереснаго похода къ непріятелю. Но, увы, полученный отвѣтъ гласилъ — „Ждать распоряженія, сегодня неудобно“. Это было неожиданно и ужасно обидно: такъ далеко забраться и вдругъ — ждать. . .

Кромѣ личныхъ соображеній, было еще одно обстоятельство, которое дѣлало этотъ отвѣтъ и совсѣмъ непріятнымъ: изъ-за нахожденія все время въ состояніи полной готовности, у насъ нефти оставалось въ обрѣзъ, такъ что еслибы предстояло ждать, то ея не хватило бы на предстоящій походъ. Какъ было ни непріятно, но пришлось объ этомъ сообщить Командующему Флотомъ, чѣмъ онъ остался очень недоволенъ и приказалъ идти въ Гельсингфорсъ.

Совершенно обезкураженные, мы повернули обратно въ Рижскій заливъ; ночь была страшно темная, и мы шли 21 узловымъ ходомъ. Вдругъ, мимо насъ, вдоль самаго борта, промелькнулъ силуэтъ какой-то шхуны, шедшей безъ всякихъ огней, и исчезъ въ ночной темнотѣ. Вся эта встрѣча мелькнула, какъ видѣніе, и возьми мы только на полъ-градуса лѣвѣе, какъ съ полнаго хода врѣзались бы въ эту шхуну; конечно, ее мы разрѣзали бы, но и сами получили бы большія поврежденія. Что это было за таинственное судно и куда оно ночью пробиралось, изъ-за темноты, совершенно нельзя было опредѣлить; мы продолжали нашъ путь и, около полуночи, встали на якорь у Вердера.

Съ разсвѣтомъ опять пошли дальше, прошли Моонзундъ, повернули въ Финскій заливъ, гдѣ увидѣли все еще грустно лежащаго „Магдебурга“, и къ заходу солнца были у Наргена. Въ это время мы получили приказаніе идти не въ Гельсингфорсъ, а въ Ревель, и поэтому, черезъ нѣсколько времени, уже вошли въ гавань.

Въ полдень, 12-го октября, на „Сибирскомъ Стрѣлкѣ“, пришелъ Начальникъ Дивизіи и потребовалъ къ себѣ командира.

Выясняется, что Командующій Флотомъ очень имъ недоволенъ и считаетъ, что онъ недостаточно энергиченъ и распорядителенъ. Можетъ быть, въ этомъ и есть доля правды, но и приказанія Штаба тоже не всегда точны и ясны, а потому получаются и нежелательные результаты.

До 16-го числа мы простояли спокойно въ гавани и только въ этотъ день, вечеромъ, получили приказанiе быть готовыми къ походу къ 7½ часамъ утра.

Сегодня было получено радiо о первыхъ враждебныхъ дѣйствiяхъ Турцiи. Значитъ, теперь и нашъ Черноморскiй флотъ начнетъ воевать; только его положенiе нѣсколько иное, чѣмъ наше: онъ на своемъ театрѣ сильнѣе своего противника, тогда какъ мы — значительно слабѣе.

Въ назначенное время, утромъ, мы вышли изъ гавани и пошли въ Моонзундъ. У насъ также идетъ Флагманскiй Минный Офицеръ Дивизiи. Мы идемъ ставить мины, согласно прежней инструкцiи. Погода пока стоитъ очень хорошая и, такимъ образомъ, надо надѣяться, что на этотъ разъ попытка будетъ удачнѣе. Изъ разговоровъ съ офицерами большого Штаба выяснилось, что прошлый разъ насъ не пустили въ экспедицiю потому, что ожидался приходъ прорвавшихся англiйскихъ подлодокъ. Теперь двѣ изъ нихъ уже благополучно пришли, а третья выскочила на мель у береговъ Данiи и погибла.

Къ полдню мы пришли въ Моонзундъ, и тамъ сейчасъ же Начальникъ Минной Дивизiи потребовалъ къ себѣ нашего командира. Въ это время миноносцы „Генералъ Кондратенко", „Охотникъ" и „Пограничникъ" начали принимать мины, по 35 штукъ на каждый.

Когда все было готово къ походу, всѣ миноносцы на ночь перешли къ Вердеру, а на слѣдующее утро, въ 7 часовъ, „Новикъ", три миноносца типа „Охотникъ" и одна группа 2-го Дивизiона Миноносцевъ пошли къ маяку Люзерортъ. Погода хотя и начала портиться, но пока еще было тихо и можно было въ этомъ отношенiи разсчитывать на удачу. Отъ Люзерорта весь отрядъ пошелъ вдоль берега до Бакгофена, затѣмъ повернулъ въ море и, отойдя настолько, что можно было считать, что предполагаемыя загражденiя пройдены, легъ на курсъ 212, давъ 17 узловъ ходу.

Около 5 часовъ вечера, „Новикъ" отдѣлился отъ остального отряда и увеличилъ ходъ до 24 узловъ.

Мнѣ предстояло вступить на вахту съ 7 до 9 часовъ вечера. Къ этому времени стало уже совсѣмъ темно. Ночь была лунная, но луна, то и дѣло, заволакивалась тучами. Вѣтеръ все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Въ 9 часовъ, изъ-за сильной противной волны, ходъ пришлось уменьшить до 20 узловъ, а къ десяти часамъ вѣтеръ и волна настолько увеличились, что уже возникъ вопросъ, возможно ли будетъ ставить мины. Когда я, уже смѣнившись съ вахты, былъ у себя въ каютѣ, ко мнѣ вошелъ старшiй офицеръ и сталъ говорить, что по его мнѣнiю, надо

повернуть обратно. Но, почти дойдя до мѣста, было бы ужъ очень обидно опять не поставить мины. Не теряя пока надежды, я отвѣтилъ, что постановка возможна.

Вѣтеръ все крѣпчалъ, „Новикъ" скрипѣлъ и неистово качался. . . Отъ времени до времени, волны накрывали весь миноносецъ и на мгновенія, онъ, какъ бы шелъ подъ водой. . . Вскорѣ ко мнѣ въ каюту вошелъ Флагманскій Минный Офицеръ, чтобы посовѣтоваться, стоитъ ли идти дальше, и не пора ли ворочать; но я все еще считалъ, что возможность попытки не исключена. Къ 11-ти часамъ размахи отъ качки стали достигать 36 градусовъ на сторону, при 14-ти колебаніяхъ въ минуту. Иногда клало такъ, что даже становилось жутко и казалось, что мы перевернемся. Тогда уже и самъ командиръ прислалъ ко мнѣ узнать, возможно ли ставить мины; мнѣ пришлось признать, что — нельзя, и надо ворочать.

Съ трудомъ повернули, уменьшивъ ходъ до 12 узловъ. Отъ сильной качки стало срывать мины, и только съ большимъ трудомъ, благодаря самоотверженной работѣ команды, удалось ихъ закрѣпить. Всѣ насквозь мокрые, съ трудомъ пробираясь по уходящей изъ подъ ногъ палубѣ, мы добрались до своихъ помѣщеній. Но и тамъ не очень то можно было согрѣться и обсушиться: все было перевернуто вверхъ дномъ и, даже лежа на койкѣ, приходилось держаться обѣими руками, чтобы не сбросило на палубу. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, въ каютъ-компаніи опрокинулась большая банка съ медомъ. Этотъ медъ смѣшался на палубѣ съ водой и, подогрѣваемый грѣлками парового отопленія, издавалъ препротивный запахъ; отвратительная, клейкая смѣсь переливалась съ борта на бортъ, а мебель, сорвавшаяся со своихъ мѣстъ, скользила въ этой жидкости, выполняя какой то замысловатый танецъ. Къ счастью, чѣмъ дальше мы поднимались къ сѣверу, тѣмъ вѣтеръ, все больше и больше стихалъ, и къ 3 часамъ ночи стало совсѣмъ хорошо.

Около 6-ти часовъ утра, мы повернули на Бакгофенъ, чтобы подойти къ берегу, между загражденіями; это былъ довольно непріятный моментъ, такъ какъ весь походъ приходилось руководствоваться исключительно только своей прокладкой и, въ случаѣ совершенно естественной ошибки въ ней, при данныхъ условіяхъ, легко можно было попасть на загражденіе. Но маякъ открылся въ совершенно правильномъ направленіи и, благополучно дойдя до берега, мы пошли вдоль него. Къ 11 часамъ утра мы подошли къ Михайловскому маяку, гдѣ насъ уже ждалъ „Сибирскій Стрѣлокъ" и группа 2-го Дивизіона Миноносцевъ. Вслѣдъ за нами подошелъ и Полу-Дивизіонъ, которому посчастливилось больше, чѣмъ намъ, и онъ поставилъ мины въ районѣ Мемеля. Соединившись, мы всѣ вмѣстѣ пошли въ Моонзундъ, гдѣ и ночевали.

20-го октября насъ послали за нефтью въ Гельсингфорсъ. У Наргена мы обогнали англійскія подлодки „E 1“ и „E 9“, которыя въ первый разъ входили въ наши воды, прорвавши германскую блокаду въ Бельтахъ. Поравнявшись съ ними, мы привѣтствовали ихъ криками „ура“.

Къ 4 часамъ дня мы пришли въ Гельсингфорсъ и ошвартовались у нефтяной пристани.

VI.

Походъ „Новика“ и Полу-Дивизіона. Постановка загражденія въ Данцигской бухтѣ и у Мемеля.

22-го октября намъ было приказано опять идти въ Моонзундъ. Во время этого перехода было принято радіо, что миноносцы „Разящій“ и „Сторожевой“, находившіеся въ дозорѣ, у входа въ Финскій заливъ, были атакованы непріятельской подлодкой, но, къ счастью, удачно избѣгли атаки. Такое извѣстіе, доказывавшее, что непріятельская подлодка въ данный моментъ находится гдѣ-то въ районѣ, въ которомъ, именно, мы сами теперь идемъ, заставило насъ всѣхъ насторожиться, такъ какъ катастрофа съ „Палладой“ еще была слишкомъ свѣжа въ памяти.

Къ заходу солнца мы благополучно добрались до Моонзунда, и къ тому же времени туда пришелъ Полу-Дивизіонъ съ минами. Начальникъ Дивизіи сейчасъ же собралъ совѣщаніе командировъ миноносцевъ, шедшихъ въ операцію. На этомъ совѣщаніи было рѣшено, что отрядъ снимется съ якоря въ 7½ часовъ утра слѣдующаго дня, если только будетъ подходящая погода.

Согласно рѣшенію, отрядъ, состоявшій изъ „Новика“, Полу-Дивизіона и I-ой группы 2-го Дивизіона, въ назначенное время вышелъ въ море. Однако въ Рижскомъ заливѣ оказалось очень свѣжо, и миноносцы стало сильно качать. Тогда опять возникло сомнѣніе, удастся ли поставить мины и не слѣдуетъ ли вообще отложить походъ. Но командиръ „Сибирскаго Стрѣлка“, Капитанъ 2-го ранга Г. О. Гаддъ, бывшій старшимъ, рѣшилъ все же дойти до Михайловскаго маяка и тамъ уже обсудить окончательно, стоитъ ли идти дальше.

Къ 2 часамъ дня отрядъ подошелъ къ Михайловскому маяку и всталъ на якорь. Старшій командиръ собралъ у себя всѣхъ остальныхъ командировъ. Они рѣшили, что слѣдуетъ идти дальше, но курсъ выбрать не моремъ, а вдоль берега, мимо Либавы, и, только пройдя ее, выйти въ море и тогда ужъ разойтись. Въ случаѣ сильной качки, командирамъ предоставлялось самимъ выбрать изъ имѣвшихся варіантовъ мѣсто постановки.

Въ частности „Новику“ приходилось самому рѣшать, ставить ли мины у мыса Гелы, или въ глубинѣ Данцигской бухты, у Пиллау.

Послѣ такого рѣшенія отрядъ сейчасъ же пошелъ дальше вдоль берега. Впереди шелъ „Стерегущій“ съ группой 2-го Дивизіона, потомъ Полу-Дивизіонъ и послѣднимъ „Новикъ“.

Шли все время въ разстояніи 2—3 миль отъ берега, а мѣстами еще ближе, чтобы гарантировать свою безопасность отъ минъ. Время шло быстро; понемногу стало темнѣть, и взошла луна. Подъ берегомъ идти было совершенно спокойно и казалось, что въ морѣ становится тоже тише.

Въ это время отрядъ уже проходилъ Портъ Императора Александра III. Были видны Морское Собраніе, Соборъ и другія зданія. Все это было такъ хорошо знакомо и когда-то близко сердцу, а теперь, при свѣтѣ луны, казалось такимъ таинственно мрачнымъ и покинутымъ. . . Но вотъ и самый городъ — сколько воспоминаній съ нимъ связано еще съ юношескаго возраста. . . Теперь онъ весь погруженъ въ сплошной мракъ, и только выдѣляются отдѣльные силуэты церквей, маяка и еще какихъ-то зданій. Какъ-то жутко на него смотрѣть; кажется, что ужъ въ послѣдній разъ его видишь русскимъ, а потомъ придетъ непріятель, все измѣнится, и онъ будетъ чужимъ . . .

Наконецъ миновали и Либавскія загражденія, и пора было поворачивать въ море. Повернувъ и отойдя отъ берега на 36 миль, отрядъ разошелся: группа 2-го Дивизіона повернула обратно; Полу-Дивизіонъ пошелъ въ районъ Мемеля, а мы къ Данцигской бухтѣ.

Чтобы успѣть во время дойти до назначеннаго мѣста, намъ пришлось увеличить ходъ до 24 узловъ, и мы стали быстро обгонять Полу-Дивизіонъ. Ночь все продолжала быть лунной; вѣтеръ стихалъ, и горизонтъ былъ очень большой; но зыбь еще не улеглась, и насъ начало сильно качать, такъ что размахи иногда доходили до 28 градусовъ на сторону. Я въ это время какъ разъ стоялъ на вахтѣ и любовался окружавшей картиной; она была удивительно красива. Всѣ миноносцы шли полнымъ ходомъ и, такъ какъ встрѣчныя волны были очень большія, то они утопали въ бѣлой пѣнѣ, которая ярко выдѣлялась на темномъ фонѣ моря; а сверху луна лила свой мягкій, серебристый свѣтъ. Какъ ни серьезно было положеніе, какъ ни часто приходилось наблюдать такую величественную картину, но все же нельзя было не залюбоваться этой вѣчной и совершенной красотой природы. А „Новикъ“ все несся впередъ, куда-то, въ невѣдомую, таинственную даль, быть можетъ, навстрѣчу своей гибели, быть можетъ — неся гибель другимъ. . .

Между тѣмъ качка все усиливалась, и командиръ сталъ опасаться, что опять не удастся поставить мины. Было рѣшено идти къ Пиллау, какъ въ болѣе защищенное мѣсто.

Въ 1 часъ 55 минутъ ночи должна была начаться постановка. Пока все шло благополучно, но съ каждой минутой, чѣмъ дальше мы углублялись въ бухту, тѣмъ возможнѣе становилась случайная встрѣча съ непріятельскими судами, а тогда всѣ наши планы могли рухнуть.

Вотъ и всего полчаса осталось; напряженіе достигло апогея. Всѣ лихорадочно вглядывались въ даль, но ничего подозрительнаго не было. Миноносецъ продолжалъ спокойно нестись впередъ, и только гудѣли турбины и слегка дрожалъ корпусъ. . . Всѣ уже стояли на своихъ мѣстахъ — вѣдь это была наша первая боевая постановка, и не удивительно, что мы немного нервничали. Да и забраться то вѣдь какъ далеко, подъ самый носъ непріятеля. Но, слава Богу, вотъ въ темнотѣ стали вырисовываться какія то неясныя очертанія, не то берега, не то дамбы. Мы были уже у самаго непріятельскаго порта. Въ этотъ моментъ раздался, такъ долго жданный, телефонный звонокъ съ мостика, и мнѣ передали команду — „начать постановку".

Правая, лѣвая, правая, лѣвая . . . командовалъ я, и мины равномѣрно скатывались за бортъ. Команда работала идеально, такъ что приходилось даже ее сдерживать. Но вотъ и послѣдняя мина шлепнулась въ воду; только брызги полетѣли, и все пропало. Всѣ радостно вздохнули — какъ гора съ плечъ упала. Да и какъ не радоваться — чуть ли не цѣлый мѣсяцъ возили эти глупыя мины и никакъ не удавалось отъ нихъ отдѣлаться. Да и грузъ этотъ былъ не очень то пріятный, въ особенности — при столкновеніи съ непріятелемъ.

Во время постановки нашъ ходъ былъ 18 узловъ. Благодаря удачно расположенному курсу насъ почти не качало. Постановка, была начата въ 1 часъ 55 минутъ, причемъ мины ставились черезъ 10 секундъ каждая. Черезъ 8 минутъ 20 секундъ уже все было кончено. Постановка прошла гладко, безъ всякой заминки.

Поставивъ мины, командиръ далъ 24 узла, и мы легли на обратный курсъ.

Вдругъ, около 2 часовъ 30 минутъ ночи, вахтенный начальникъ замѣтилъ справа какой-то силуэтъ; насъ, очевидно, тамъ тоже замѣтили, потому что начали намъ дѣлать опознательные сигналы какимъ-то бѣлымъ квадратнымъ фонаремъ. Не желая себя обнаруживать, мы ничего не отвѣтили и увеличили ходъ до 32 узловъ. Тогда непріятель сейчасъ-же открылъ прожекторъ, а затѣмъ и началъ стрѣлять. Снаряды ложились по направленію насъ правильно, но были большие недолеты и только одинъ снарядъ легъ, сравнительно, близко. Мы все же продолжали уходить, не отвѣчая на огонь. Сдѣлавъ нѣсколько залповъ, непріятель прекратилъ стрѣльбу и только нѣсколько

минутъ еще водилъ прожекторомъ по горизонту, но насъ не нащупывалъ.

Такимъ образомъ мы, благодаря нашему ходу, благополучно ушли отъ непріятеля. По всей вѣроятности, онъ ясно насъ и не видѣлъ, такъ что была надежда, что у него не возникнетъ подозрѣнія, что мы могли поставить мины.

Кого именно мы встрѣтили, было трудно опредѣлить; но во всякомъ случаѣ это были два средней величины судна. Нѣкоторые у насъ утверждали, что, по всей вѣроятности, это были или крейсера, или стараго типа броненосцы; съ увѣренностью можно было только сказать, что калибръ ихъ снарядовъ былъ небольшой.

Первые непріятельскіе выстрѣлы, да еще ночью, произвели на команду довольно сильное впечатлѣніе; въ особенности, подѣйствовало освѣщеніе прожекторами. Когда ихъ лучи скользили по палубѣ миноносца, или останавливались на немъ, нѣкоторые матросы старались, почти инстинктивно, за что-нибудь спрятаться; а одинъ матросъ, къ общему удовольствію, даже пополз на четвереренькахъ по палубѣ, точно непріятель могъ замѣтить отдѣльнаго человѣка, и притомъ именно — его.

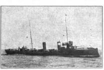
Потомъ наше нежеланіе вступить въ бой съ непріятелемъ, возбудило среди нашихъ молодыхъ офицеровъ довольно много споровъ, и многіе колебались, хорошо ли мы сдѣлали, что не отвѣтили на огонь непріятеля. Происходило это, конечно, отъ излишняго стремленія испробовать бой и оттого, что офицеры боялись, что „Новика“ могли обвинить въ недостаткѣ мужества. Но надо было признать, что въ данномъ случаѣ, съ тактической точки зрѣнія, было выгоднѣе огня не открывать, такъ какъ противникъ былъ гораздо сильнѣе насъ и кромѣ того, было мало шансовъ, чтобы „Новикъ“, могъ ему нанести серьезный вредъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда непріятель не могъ бы уже сомнѣваться, что мы, для какой-то опредѣленной цѣли, ходили въ глубину бухты. Конечно, онъ догадался бы, что это было сдѣлано для постановки загражденія, а тогда, срочно объявивъ этотъ районъ закрытымъ для плаванія, протралилъ бы его и обнаружилъ наши мины. А такъ какъ мы себя не открыли, то онъ могъ еще сильно сомнѣваться — дѣйствительно ли онъ видѣлъ что-нибудь, тѣмъ болѣе, что мы шли безъ всякаго дыма. Если это такъ, то срочной тревоги онъ, вѣроятно, не поднялъ.

Послѣ этого инцидента мы повернули на N и дали 24 узла. Остальная часть пути прошла безъ приключеній. Погода продолжала быть довольно хорошей, но свѣжей, и насъ порядочно покачивало.

Утромъ мы очень удачно вышли на маякъ Бакгофенъ, повернули въ Рижскій заливъ, прошли Моонзундъ и къ спуску

флага встали на якорь у острова Вормсъ. Полу-Дивизіонъ былъ уже тамъ.

Походъ его прошелъ слѣдующимъ образомъ. Пройдя Либаву и разойдясь съ нами, Полу-Дивизіонъ скоро принялъ радіо - телеграмму, что между Мемелемъ и Данцигской бухтой находятся два непріятельскихъ крейсера. Это заставляло быть особенно внимательными и осторожными.

10. Эскадренный миноносецъ „Сибирскій Стрѣлокъ".

Около полуночи, Полу - . Дивизіонъ прошелъ параллель Мемеля и продолжалъ идти на югъ. Миноносцамъ было очень тяжело; ихъ все время страшно качало и, идя, противъ волны, они принимали на себя цѣлые каскады воды. По палубѣ можно было пробираться только съ большимъ трудомъ. Качка доходила до 35 градусовъ, а между минами потоки воды образовывали сплошные буруны. О дѣйствіи минными аппаратами или орудіями не могло быть и рѣчи. Но все же, находясь въ такомъ безпомощномъ состояніи, миноносцы пробивались впередъ и понемногу приближались къ цѣли.

Вдругъ, слѣва отъ курса были замѣчены двѣ точки, медленно двигавшіяся по направленію дивизіона, на пересѣчку его курса. Очевидно, это были тѣ два непріятельскихъ крейсера, о которыхъ они были предупреждены телеграммой.

Полу-Дивизіонъ насторожился. Насталъ рѣшительный моментъ. Если непріятель откроетъ его, то не только не удастся поставить мины, но, въ такую свѣжую погоду, и уйти отъ крейсеровъ; а тогда всѣмъ — „крышка". Замѣтить же ихъ было не трудно, такъ какъ, отапливаемые углемъ, они во время большого хода сильно дымили. Единственно что спасало еще, это то, что Полу-Дивизіонъ находился въ темной части горизонта, а непріятель — въ свѣтлой.

По мѣрѣ того, какъ время шло, замѣченныя точки быстро росли. Скоро стало возможнымъ совершенно ясно разсмотрѣть, на фонѣ луны, два силуэта непріятельскихъ крейсеровъ.

Въ этотъ моментъ Полу-Дивизіонъ находился на фарватерѣ Мемель-Большой Бельтъ. Командиръ „Сибирскаго-Стрѣлка", бывшій старшимъ, рѣшилъ тутъ же поставить мины, пока ихъ не открыли.

Для этого пришлось повернуть по волнѣ, такъ какъ, хотя мины и удобнѣе ставить противъ волны, но въ этомъ случаѣ дивизіонъ шелъ бы на сближеніе съ противникомъ.

Вся операція заняла около получаса и на скользкой палубѣ, при сильной качкѣ и темнотѣ, была очень тяжелой и опасной. Каждый моментъ можно было ожидать, что Полу-Дивизіонъ будетъ открытъ, и оттого эти полчаса казались еще труднѣе. Вдругъ, въ самый разгаръ постановки, когда еще оставалось много минъ, послышался характерный, звенящій отзвукъ удара о корпусъ „Сибирскаго Стрѣлка". Всѣ такъ и замерли въ ожиданіи, что вотъ-вотъ произойдетъ взрывъ, и все погибнетъ. Раздавшійся звукъ былъ не что иное, какъ ударъ о бортъ одной изъ сброшенныхъ и подданныхъ волной минъ. Но прошло нѣсколько секундъ, и все было тихо; значитъ, по счастливой случайности, мина ударилась не колпаками.

Остальная часть постановки прошла спокойно, и за это время напріятель успѣлъ скрыться изъ виду. Закончивъ свою работу, Полу-Дивизіонъ повернулъ на сѣверъ и благополучно вернулся въ Рижскій заливъ.

11. Крейсеръ „Фридрихъ-Карлъ".

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого похода, были получены свѣдѣнія, что 4-го ноября на этомъ загражденіи подорвался и погибъ непріятельскій большой броненосный крейсеръ „Фридрихъ-Карлъ"[1]). Такимъ образомъ всѣ трудности этого опаснаго похода были сторицей вознаграждены.

[1]) „Германскій Морской Штабъ позже призналъ эту потерю. См. „Der Krieg zur See 1914—1918. Ostsee", Bd. I, 240 стр.

VII.

Гибель крейсера „Жемчугъ“ въ бухтѣ Пуло-Пенангъ. Постановка загражденія у банки Штольпе. Первыя военныя дѣйствія на Черномъ морѣ. Гибель миноносцевъ „Исполнительнаго“ и „Летучаго“. Конецъ кампаніи „Новика“ въ первый годъ войны.

Первая почта, полученная нами по возвращеніи изъ похода, принесла довольно важныя извѣстія. Одно изъ нихъ непосредственно касалось нашего флота. 15-го октября, германскій легкій крейсеръ „Эмденъ“, поставивъ себѣ фальшивую четвертую трубу и этимъ пріобрѣтя сходство съ крейсерами англійскаго типа, подошелъ къ порту Пуло-Пенангъ. Охранявшій входъ въ гавань французскій миноносецъ „Мушкетъ“, не ожидая такой хитрости, пропустилъ его туда самымъ спокойнымъ образомъ. Какъ разъ въ это время въ гавани находился нашъ легкій крейсеръ „Жемчугъ“, отдыхавшій тамъ послѣ большого перехода. Очевидно, разсчитывая на дозоръ, на немъ не предприняли должныхъ мѣръ предосторожности. На вошедшій крейсеръ вниманія обращено не было и въ томъ, что это непріятель, разобрались только тогда, когда, подойдя на близкую дистанцію, „Эмденъ“ выпустилъ мину. Моментально на „Жемчугѣ“ поднялась тревога, бросились къ орудіямъ и открыли огонь, но было поздно: крейсеръ уже стремительно погружался въ воду. . . Вслѣдъ затѣмъ, „Эмденъ“ вышелъ изъ гавани, потопилъ прозѣвавшій его французскій миноносецъ и безнаказанно ушелъ. По поводу всего этого можно только сказать, что, насколько хорошо дѣйствовалъ „Эмденъ“, настолько оплошали и французы, и „Жемчугъ“, хотя вина послѣдняго все-таки меньше. Вообще, „Эмденъ“ — большой молодецъ и по своимъ набѣгамъ нисколько не уступаетъ даже знаменитымъ средневѣковымъ корсарамъ.

Другое извѣстіе говорило о боѣ между англійскимъ и германскимъ крейсерскими отрядами, происшедшемъ 19-го октября у о. Св. Маріи, вблизи Коронеля. Въ этотъ день, передъ заходомъ солнца, во время сильнаго шторма, германскій отрядъ

Вице-Адмирала графа Спее, въ составѣ броненосныхъ крейсеровъ „Шарнгорстъ" и „Гнейзенау", а также легкихъ крейсеровъ „Лейпцигъ" и „Дрезденъ", открылъ англійскій крейсерскій отрядъ Контръ-Адмирала Крадокъ. Въ этотъ отрядъ входили броненосные крейсера „Гудъ-Хопъ" и „Монмутъ", легкій крейсеръ „Глазгоу" и вспомогательный крейсеръ „Отранто". Между отрядами завязался бой, который длился 52 минуты. Во время него „Гудъ-Хопъ" былъ потопленъ, а „Монмутъ" получилъ очень серьезныя поврежденія. Пользуясь темнотой, онъ хотѣлъ уйти, но былъ настигнутъ подходившимъ къ мѣсту боя легкимъ крейсеромъ „Нюрибергъ", который его и потопилъ. Только „Глазгоу" и „Отранто" удалось благополучно уйти отъ преслѣдованія.

Повидимому, несмотря на тяжелыя условія погоды, германскіе крейсера въ этомъ бою стрѣляли очень хорошо. Нельзя не отдать должнаго Адмиралу Спее: со своимъ отрядомъ онъ причинилъ уже много непріятностей нашимъ союзникамъ, которые до сихъ поръ никакъ не могутъ съ нимъ справиться. Только теперь, послѣ разгрома Крадока, они, вѣроятно, озаботятся объ этомъ, какъ слѣдуетъ.

27-го октября мы перешли въ Ревель, и Командующій Флотомъ далъ намъ нѣсколько дней на переборку механизмовъ.

Между прочимъ выяснилось, что тѣ корабли, которые насъ обстрѣляли, были, по всей вѣроятности, легкіе крейсера „Ніобе" и „Газелле".

Слѣдующіе два дня дулъ сильный штормъ, который произвелъ много аварій на морѣ и въ особенности нанесъ большія поврежденія дозорнымъ миноносцамъ 4-го Дивизіона.

30-го октября выяснилось, что намъ необходимо идти въ докъ, такъ какъ явилось опасеніе, что съ нашимъ рулемъ творится что-то неладное. Пришлось спустить водолазовъ. Дѣйствительно, оказалось, что сорвана обшивка руля и лопнула одна изъ его поперечинъ, что могло произойти отъ большихъ ходовъ.

Мы всѣ были этимъ очень недовольны, такъ какъ скоро ожидались боевыя операціи и, такимъ образомъ, мы могли опоздать къ нимъ. Тѣмъ болѣе было непріятно, что „Новикъ" стоялъ, въ гавани уже четыре дня, а никто не догадался спустить раньше водолазовъ. Такъ или иначе, но приходилось идти въ докъ, а онъ, еще, на наше несчастье, оказался занятъ. Поэтому въ Гельсингфорсъ мы могли пойти только 3-го Ноября.

На этихъ дняхъ стало извѣстно, что на нашемъ загражденіи въ Данцигской бухтѣ подорвался непріятельскій миноносецъ, которому оторвало корму; однако, онъ былъ спасенъ и доведенъ до гавани. Только послѣ этого, непріятель сталъ тамъ усиленно тралить.

Германскій легкій крейсеръ „Эмденъ“, этотъ „летучій голландецъ“ нашего времени, кончилъ свое существованіе. 27-го октября, у Кокосовыхъ острововъ, послѣ жаркаго боя съ австралійскимъ легкимъ крейсеромъ „Сидней“, онъ выбросился на берегъ, гдѣ былъ приведенъ въ окончательную негодность своимъ экипажемъ.

5-го ноября намъ, наконецъ, удалось войти въ докъ. Насъ задержали въ немъ всего только одинъ день, такъ что 6-го мы были совершенно готовы.

Въ тотъ же день намъ приказали подойти къ транспорту „Твердо“ и принять 50 минъ. Исполнивъ это, мы, по готовности, вышли въ море, для слѣдованія въ Ревель.

7-го ноября мы простояли въ Ревелѣ, гдѣ Командующій Флотомъ приказалъ намъ ожидать приказаній Начальника Дивизіи. Затѣмъ это было измѣнено, и намъ приказали при первой возможности идти самостоятельно на постановку.

Слѣдующій день, изъ-за свѣжей погоды, пришлось остаться, и только 9-го Ноября, утромъ, вѣтеръ настолько стихъ, что мы могли выйти въ Моонзундъ. На ночевку мы остались въ Куйвастѣ, а утромъ, въ 8 часовъ 45 минутъ, пошли дальше. Погода была очень хорошая, почти — штиль.

На серединѣ Рижскаго залива, на горизонтѣ, вдругъ, были замѣчены два дыма и, такъ какъ по нашимъ свѣдѣніямъ въ морѣ изъ своихъ судовъ никого не должно было быть, то на всякій случай была пробита боевая тревога. Когда дымы приблизились, уже по контурамъ можно было опредѣлить, что это два миноносца 4-го Дивизіона — „Мощный“ и „Лихой“, которые, какъ оказалось были посланы обойти для развѣдки острова Даго и Эзель и теперь возвращались въ Моонзундъ. Обмѣнявшись съ ними опознательными, мы пошли дальше и у Люзерорта опять увидѣли дымки, но, когда подошли ближе, разобрались, что это на берегу. Около 4 часовъ 30 минутъ дня замѣтили плавающую мину загражденія, по виду, нашу колпаковую; командиръ приказалъ ее разстрѣлять, но какъ мы ни старались ее взорвать, стрѣляя изъ пулеметовъ и винтовокъ, она никакъ не хотѣла взрываться. Только черезъ нѣкоторое время мы обратили вниманіе, что она все больше и больше погружается въ воду, и тогда ее оставили, предоставивъ ей тонуть.

Около 5 часовъ „Новикъ“ уже выходилъ между загражденій въ открытое море. Въ 5 часовъ 38 минутъ мы повернули на S взявъ курсъ прямо къ мѣсту постановки, и дали 24 узла ходу.

Къ этому времени въ морѣ стало свѣжѣть, но, такъ какъ вѣтеръ зашелъ къ SW, то постановка у банки Штольпе была вполнѣ возможна, ибо при этомъ вѣтрѣ тамъ должно было быть тихо.

Около 11 часовъ ночи, вахтенный начальникъ увидѣлъ прямо по курсу яркій, бѣлый огонь и сообщилъ объ этомъ въ каютъ-компанію. Мы всѣ выскочили наверхъ и, дѣйствительно, увидѣли впереди какой-то огонь; тогда командиръ, на всякій случай, приказалъ пробить тревогу. Одно было странно: какъ ни ярко свѣтилъ огонь, и какъ ни быстро шелъ „Новикъ", мы, все же, къ нему не приближались. Скоро, присмотрѣвшись хорошенько къ нему, мы, къ нашему стыду, убѣдились, что это всего лишь Юпитеръ. . .

Въ 11 часовъ 15 минутъ, опять на горизонтѣ былъ замѣченъ огонь слѣва, но ужъ на этотъ разъ дѣйствительно огонь. Въ это время мы были близко отъ берега и того мѣста, гдѣ должны были ставить мины. Поэтому огонь насъ всѣхъ очень взволновалъ, такъ какъ, если это былъ непріятель, онъ могъ бы намъ помѣшать ставить мины. Что это былъ за огонь, никакъ не удавалось разобраться: одни предполагали, что это огонь парохода; другіе — что дозорнаго крейсера; третьи — что береговой огонь. Несмотря на то, что до берега было еще далеко, пожалуй, послѣднее предположеніе было самымъ правдоподобнымъ: маяковъ здѣсь быть не могло, а огонь былъ яркимъ. Впрочемъ, особенно раздумывать не приходилось, и мы продолжали нестись къ назначенному мѣсту, благо со стороны огня никакихъ признаковъ враждебныхъ дѣйствій не обнаруживалось.

12. Походъ къ банкѣ Штольпе.

Въ четверть перваго ночи мы, наконецъ, подошли къ назначенному мѣсту, повернули на NW и дали 15 узловъ.

Постановка протекала въ очень тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ во время перехода нашу корму иногда сильно заливало, а благодаря этому рельсы и скаты совершенно обмерали. Работать было очень трудно: люди мерали, ноги скользили, и тѣхъ, кто стоялъ у скатовъ, пришлось даже привязывать. Все это сильно затрудняло работу, но бодрость и спокойствіе команды позволили отлично выполнить задачу. Мы ставили мины отдѣльными банками, по 10 штукъ въ каждой, съ интервалами въ одну милю между каждой группой. Такой способъ поста-

новки сильно растягивалъ время операціи и долго держалъ весь личный составъ въ напряженномъ состояніи, такъ что въ моральномъ отношеніи былъ очень непріятенъ. Непріятность еще усугублялась тѣмъ, что предательскій огонь былъ все еще виденъ, и въ темнотѣ иногда казалось, что онъ движется и приближается къ намъ, и тогда появлялось большое стремленіе быстрѣе выбросить мины. Все же, мы выдержали характеръ и точно выполнили заданіе.

Послѣ окончанія постановки, мы повернули на N и дали 24 узла. На обратномъ пути пришлось еще два раза видѣть огни, но что это было такое, такъ и не выяснилось. Утромъ, мы очень удачно открыли Бакгофенъ, дошли до берега и вошли въ Рижскій заливъ; откуда дали знать Командующему Флотомъ, что порученіе исполнено. У Вормса стали на якорь и переночевали, а на слѣдующее утро благополучно дошли до Ревеля.

Съ 12-го по 23-е ноября, „Новикъ" простоялъ въ Ревелѣ.

Во время этой стоянки, были получены подробности о событіяхъ на Черномъ морѣ.

Въ то время, когда на всѣхъ нашихъ фронтахъ уже шли оживленныя боевыя дѣйствія, Черноморскій Флотъ находился еще въ самомъ неопредѣленномъ положеніи. Турція войны не объявляла; Россія тоже по какимъ то политическимъ соображеніямъ этого не дѣлала.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Константинополь прорвались „Гебенъ" и „Бреслау", и стало очевиднымъ, что рано или поздно они явятся противниками нашего Черноморскаго Флота, маневры и стрѣльбы стали производиться исключительно въ разсчетѣ борьбы съ ними. Время шло, всѣ нервничали, каждый день ожидая объявленія войны, но ничего не было.

Высшее Командованіе старалось использовать время съ цѣлью наладить береговую развѣдку, поставить загражденія, привести суда въ боевую готовность, а также усилить работу Николаевскихъ Судостроительныхъ заводовъ, чтобы они, какъ можно скорѣе, хотя бы по облегченнымъ условіямъ, сдали находившіеся въ постройкѣ нефтяные миноносцы.

Были выработаны особые планы защиты нашихъ портовъ отъ внезапнаго нападенія непріятеля. По этому плану подходы къ Севастополю, Одессѣ и Батуму были заминированы, частью Крѣпостными Минными Ротами, частью заградителями — „Дунай" (Одесса), „Прутъ" (Севастополь), „Бештау" (Батумъ). Одесса была поручена охранѣ броненосца „Синопъ", который и ушелъ туда въ срединѣ сентября. Въ Батумѣ стояла канонерская лодка „Терецъ".

Въ это время остальные боевые корабли — „Евстафій", „Іоаннъ Златоустъ", „Пантелеймонъ", „Три Святителя", „Ро-

стиславъ", „Память Меркурія" и „Кагулъ", были заняты серьезными маневрами и стрѣльбами.

Въ первыхъ числахъ октября Порта закрыла Босфоръ, и пароходное сообщеніе между Одессой и Средиземнымъ моремъ прекратилось. Телеграммы изъ Константинополя становились все болѣе и болѣе тревожными. Казалось, что каждый моментъ вспыхнетъ война. Состояніе напряженнаго ожиданія становилось невыносимымъ.

Къ 10-му октября, „Синопъ получилъ приказаніе срочно идти въ Севастополь, сдавъ обязанности дозорнаго корабля канонерской лодкѣ „Донецъ".

17-го октября, въ 6 часовъ утра, предъ Севастополемъ неожиданно появился „Гебенъ", который принялся обстрѣливать суда и городъ. Было роскошное осеннее утро. Совершенно спокойное море, прозрачное голубое небо и ласковое солнце не давали ни малѣйшаго повода думать, что начался новый актъ исторической драмы.

Вдали за горами, по направленію къ Евпаторіи, были слышны рѣдкіе выстрѣлы. Два-три снаряда упали въ бухту, не причинивъ никакого вреда. Одинъ снарядъ разорвался между „Синопомъ" и Графской пристанью. Красивый, высокій столбъ воды далеко не произвелъ впечатлѣнія чего-то страшнаго; напротивъ, публика на пристани смотрѣла на него скорѣе съ интересомъ и удивленіемъ, чѣмъ съ боязнью.

Отвѣчали на стрѣльбу только береговыя батареи: суда же, изъ-за невозможности стрѣльбы съ рейда черезъ горы, молчали.

Между тѣмъ, въ воздухѣ началась усиленная работа, и радіо-телеграммы сыпались одна за другой; то и дѣло приходили распоряженія. Вообще видно было, что Командованіе растерялось.

Въ это время „Гебенъ" преспокойно гулялъ по минному полю. Къ сожалѣнію, береговое крѣпостное начальство, безъ разрѣшенія Командующаго Флотомъ, не рѣшалось включить загражденіе, а Командующій не имѣя прямой связи съ берегомъ, медлилъ, ибо ожидался приходъ „Прута" и миноносцевъ типа „Ж" и „З". Первый шелъ съ полнымъ грузомъ минъ изъ Ялты; миноносцы же, наканунѣ ночевали подъ Севастополемъ и должны были вотъ-вотъ вернуться.

Вскорѣ было получено радіо, которымъ „Прутъ" доносилъ, что его открылъ „Гебенъ". Дѣйствительно, завидѣвъ возвращавшагося „Прута", „Гебенъ" прекратилъ обстрѣлъ Севастополя и пошелъ ему навстрѣчу. Первые же два залпа „Гебена" дали попаданія. На „Прутѣ" возникъ пожаръ.

Ввиду присутствія столь опаснаго груза, какъ готовыхъ къ постановкѣ минъ, да еще частью пироксилиновыхъ, участь корабля была рѣшена: черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ

былъ взлетѣть на воздухъ. Тогда, отлично сознавая опасность, минный офицеръ, Лейтенантъ Рагузскій, бросился открывать кингстоны, а затѣмъ, чтобы ускорить погруженіе корабля, спустился внизъ съ цѣлью взорвать приготовленный на всякій случай подрывной патронъ. Пока часть команды боролась съ пожаромъ, другая готовила шлюпки. Вслѣдствіе открытія кингстоновъ, „Прутъ" сталъ быстро погружаться. Немного спустя, уже вся команда съ офицерами сидѣла въ шлюпкахъ. Не хватало лишь Лейтенанта Рагузскаго, судового священника, О. Іеромонаха Антонія, и нѣсколькихъ тяжело раненыхъ. Вдругъ раздался легкій взрывъ, и „Прутъ" сталъ тонуть еще скорѣе: это — Рагузскій взорвалъ дно. Всѣ напряженно слѣдили за палубой, ожидая его появленія. Времени было немного; уже „Гебенъ" спускалъ шлюпки чтобы взять экипажъ въ плѣнъ. Вода доходила до верхнихъ иллюминаторовъ; но Рагузскаго не было. Тогда стало ясно, что онъ погибъ, смертью героя, предотвративъ гибель большей части команды. Тѣмъ не менѣе, глаза всѣхъ еще оставались прикованными къ палубѣ. Тамъ виднѣлся О. Іеромонахъ Антоній, который, стоя въ полномъ облаченіи, осѣнялъ крестомъ находившихся въ шлюпкахъ. Семидесятилѣтній Пастырь, плававшій на „Прутѣ" десять лѣтъ и тѣсно связанный съ нимъ воспоминаніями, не захотѣлъ покинуть ни родной корабль, ни смертельно раненыхъ, которыхъ не представлялось возможнымъ спасти. Вотъ уже и палуба стала уходить подъ воду, а еще черезъ нѣсколько минутъ „Прута" не стало. Только рябь морской волны выдавала мѣсто его гибели. . .

Рагузскій и О. Антоній. . . Первое изъ этихъ именъ встаетъ наряду съ именами Сакена, Казарскаго и славной памятью безвѣстныхъ героевъ „Стерегущаго", а другое — сверкаетъ въ ореолѣ великихъ словъ нашего Спасителя: „Больше любви сея никтоже имать, да аще кто душу положитъ за други своя" . . .

„Гебену" удалось овладѣть только одной шлюпкой; другимъ же удалось спастись, и черезъ два часа, на буксирѣ у подлодокъ „Карпъ" и „Карась", онѣ были доставлены въ Севастополь.

Когда „Гебенъ", прекративъ стрѣльбу по Севастополю, пошелъ навстрѣчу „Прута", одновременно со стороны Евпаторіи показались четыре миноносца подъ брейдъ-вымпеломъ Капитана 1-го ранга Князя Трубецкого. Видя безвыходность положенія, Начальникъ Дивизіона рѣшилъ атаковать „Гебена". „Гебенъ" подпустилъ ихъ на 40 кабельтовыхъ и затѣмъ открылъ ожесточенный огонь. При этомъ, во флагманскій миноносецъ „Лейтенантъ Пущинъ", попало два снаряда: въ командный мостикъ и носовой кубрикъ. Изъ команды было убито 5 человѣкъ. Миноносцы повернули. Не преслѣдуя ихъ, „Гебенъ"

сталъ уходить. Къ 9 часамъ, миноносцы благополучно вошли на Севастопольскій рейдъ.

Въ Одессѣ произошло слѣдующее. Поздно ночью, съ 16-го на 17-ое октября, въ полной темнотѣ, у входа въ гавань, вдругъ показались два миноносца, съ которыхъ слышались команды на русскомъ языкѣ. На „Донцѣ" никому и въ голову не пришло, что дѣло не ладно. Миноносцы вошли на рейдъ и, развернувшись, открыли огонь по „Донцу" и стоявшимъ вблизи пароходамъ. Послѣ первыхъ же двухъ снарядовъ, „Донецъ" сталъ тонуть. Изъ команды погибло 30 человѣкъ.

Тѣмъ временемъ, „Бреслау" обстрѣлялъ Батумъ, но вреда не причинилъ и только напугалъ мирное населеніе.

Въ Новороссійскѣ „Гамидіе" потопилъ два стоявшихъ у пристани парохода.

Такъ начались военныя дѣйствія на Черномъ морѣ. Нельзя не отдать должнаго: турецкій планъ былъ разработанъ великолѣпно, но выполненъ уже не такъ хорошо и далъ сравнительно незначительные результаты.

Въ тотъ же день, 17-го октября, около 4 часовъ дня, вся Черноморская эскадра вышла въ море, гдѣ крейсеровала въ теченіе трехъ дней.

По возвращеніи ея въ Севастополь, было рѣшено въ виду сильной разнотипности линейныхъ кораблей, двухъ изъ нихъ — „Ростислава" и „Синопа" — совершенно выдѣлить, давъ каждому особое назначеніе, а „Трехъ Святителей" брать лишь въ особыхъ случаяхъ. „Синопъ" былъ назначенъ для охраны Севастопольскаго рейда, а „Ростиславъ" былъ посланъ въ Батумъ, на поддержку праваго фланга нашей Кавказской Арміи.

5-го ноября, находясь въ морѣ, въ 50 миляхъ отъ Севастополя, эскадра совершенно неожиданно, въ полномъ туманѣ, столкнулась съ „Гебеномъ" и „Бреслау" и вступила съ ними въ бой. Непосредственнаго участія въ бою „Бреслау" не принимаетъ и держался внѣ видимости. По правиламъ стрѣльбы, средній корабль въ линіи, въ данномъ случаѣ „Іоаннъ Златоустъ", долженъ былъ первымъ начать пристрѣлку, а потомъ уже — открыть огонь и остальные корабли. Однако, „Златоустъ" велъ пристрѣлку очень медленно и взялъ слишкомъ большую дистанцію. Тогда „Евстафій", по своей иниціативѣ, далъ залпъ на 40 кабельтовыхъ, которымъ накрылъ „Гебена". Вслѣдъ затѣмъ открыли огонь и остальные корабли. Самой мѣткой была стрѣльба „Евстафія", но зато и „Гебенъ" удѣлилъ ему львиную долю своего огня, и въ него было пять попаданій. Послѣ 7-минутнаго боя, обѣ стороны потеряли другъ друга изъ вида. Этимъ бой и закончился.

На эскадрѣ было убито 4 — офицера, и 30 — матросовъ.

По свѣдѣніямъ, „Гебенъ“ сильно пострадалъ въ бою, и на немъ было убито около 100 человѣкъ. Врядъ ли теперь, онъ будетъ такъ безнаказанно бродить по Черному морю. Во всякомъ случаѣ, урокъ — хорошъ. . .

24-го ноября командиръ получилъ приказаніе лично явиться въ Гельсингфорсъ къ Командующему Флотомъ.

На слѣдующее утро на пароходѣ „Боре 1“ онъ отправился туда, а мы остались въ Ревелѣ, сильно заинтересованные причиной его вызова. Въ 4 часа дня уже все выяснилось, такъ какъ мы приняли радіо, въ которомъ говорилось, что Начальнику Отряда Заградителей предлагается распорядиться передачей 50 минъ на „Новикъ“. Такимъ образомъ стало ясно, что намъ предстоялъ еще походъ въ непріятельскія воды.

На слѣдующее утро вернулся командиръ и сообщилъ, что при первой благопріятной погодѣ насъ посылаютъ ставить мины въ Данцигскій заливъ.

Для пріемки минъ насъ днемъ перетащили къ заградителю „Ильмень“, съ котораго мы и приняли всѣ 50 минъ. Весь слѣдующій день пришлось потратить на ихъ приготовленіе, такъ какъ попалась довольно неважная партія. Да и вообще, въ этотъ день, изъ-за слишкомъ свѣжей погоды, нельзя было бы идти въ походъ.

Германскій крейсерскій отрядъ Вице-Адмирала графа Спее, наконецъ, уничтоженъ англичанами. Очевидно, ихъ самолюбіе было сильно уязвлено боемъ у Коронеля, и они рѣшили съ лихвой расплатиться за свое пораженіе. Сформировавъ сильную эскадру, они послали ее, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Стурдее, охотиться за германскими крейсерами. Въ составъ этой эскадры вошли линейные крейсера „Инвинсибль“ и „Инфлексибль“, броненосные крейсера „Карнарвонъ“, „Корнвалль“ и „Кентъ“, легкій крейсеръ „Бристоль“, и позже — линейный корабль „Канопусъ“. Эскадра сосредоточилась въ порту Стэнлей на Фальклэндскихъ островахъ.

25-го ноября, въ 7½ часовъ утра, германскій отрядъ, подойдя туда, обнаружилъ слабыя силы противника и вступилъ съ ними въ бой. Въ это время, въ самомъ порту, англійскіе линейные крейсера производили погрузку угля. Спѣшно прервавъ ее, они вышли навстрѣчу германскимъ крейсерамъ. Это было полнымъ сюрпризомъ для Адмирала Спее, который совершенно не подозрѣвалъ о ихъ присутствіи въ этихъ водахъ. Онъ очутился въ самомъ безвыходномъ положеніи, такъ какъ англичане имѣли всѣ преимущества и въ артиллеріи, и въ ходѣ. Тогда германскій Адмиралъ рѣшилъ, очевидно, дать возможность спастись хоть болѣе быстроходнымъ легкимъ крейсерамъ.

Съ этой цѣлью онъ, съ „Шарнгорстомъ“ и „Гнейзенау“, принялъ бой, а другіе крейсера, давъ полный ходъ, стали уходить.

Бой длился три часа. Изрѣшетенный снарядами „Шарнгорстъ“ пошелъ ко дну, вмѣстѣ со всѣмъ своимъ экипажемъ. Тогда англичане сосредоточили весь огонь по „Гнейзенау“, который тоже вскорѣ погибъ. Не успѣли уйти и легкіе крейсера „Лейпцигъ“ и „Нюрнбергъ“: почти сейчасъ же, они были настигнуты и потоплены послѣ короткаго боя. Изъ всего отряда Адмирала Спее, какъ-то случайно, удалось спастись только легкому крейсеру „Дрезденъ“.

Такой эпилогъ отряда Адмирала Спее не трудно было предугадать: отрѣзанный отъ своихъ главныхъ силъ и лишенный базъ, онъ могъ считать себя обреченнымъ гибели. А все-таки, какая красота — исторія этого отряда и его гибель! Трауръ Германіи долженъ быть, по справедливости, перевитъ горделивыми лаврами. . .

28-го ноября все еще продолжало быть свѣжо. Вѣтеръ перешелъ на NW, такъ что стало холоднѣе; слѣдовательно, предстояло обмерзаніе, что было уже очень непріятно.

Утромъ этого дня Командующій Флотомъ запросилъ нашего командира, когда онъ предполагаетъ идти въ походъ; командиръ отвѣтилъ, что завтра, но въ зависимости отъ погоды. Послѣдовало согласіе. Тѣмъ не менѣе, около 6 часовъ вечера, было получено второе радіо, съ приказаніемъ выйти въ 4 часа утра въ Моонзундъ, такъ какъ операція должна быть выполнена не позже ночи съ 29-го на 30-е ноября. Когда сообщили это радіо командиру, онъ приказалъ отвѣтить, что, по всѣмъ даннымъ и по предсказанію обсерваторіи, ожидается штормовая погода, а поэтому врядъ-ли слѣдуетъ идти. Отвѣтъ пришелъ за подписью Начальника Штаба и заключалъ въ себѣ лаконическое приказаніе: „Предсказанія обсерваторіи благопріятны, идите“.

Послѣ этого, ничего больше не оставалось, какъ приступить къ выполненію такого категорическаго приказанія. Въ 4 часа ночи на 29-е ноября мы вышли въ море. Такъ какъ было совершенно темно, то изъ гавани на рейдъ насъ вытащили буксиры, и только оттуда мы пошли уже самостоятельно. Хотя погода была очень свѣжая, насъ, благодаря попутному вѣтру, почти не качало. Мы дошли спокойно до Моонзунда, прошли его и вошли въ Рижскій заливъ. Тамъ командиръ рѣшилъ испробовать силу качки на тѣхъ курсахъ, на которыхъ намъ предстояло ставить мины и въ зависимости отъ этого рѣшить, стоитъ ли идти дальше или нѣтъ.

Какъ только мы вышли на болѣе открытое мѣсто залива, такъ сейчасъ же „Новика“ стало сильно качать, а когда мы повернули лагомъ къ волнѣ, то прямо класть бортами. Сей-

часъ же сломало стеньгу, сорвало телеграфную сѣть, и волны все время перекатывались черезъ мостикъ. Стало ясно, что сегодня идти дальше нѣтъ смысла, и мы повернули обратно въ Моонзундъ, гдѣ у Вердера встали на якорь; даже тамъ насъ все время продолжало качать.

Съ трудомъ исправивъ телеграфную сѣть, только въ 11 часовъ ночи мы были въ состоянiи послать донесенiе въ Штабъ Командующаго Флотомъ о случившемся. Въ 3 часа ночи пришелъ отвѣтъ: „Новику" по способности идти въ Ревель".

Утромъ мы снялись съ якоря. Погода все время продолжала быть бурной. Шелъ снѣгъ. Ввиду всего этого командиръ рѣшилъ, пройдя Моонзундъ, переночевать у Вормса. Придя туда, мы тамъ застали нѣсколько миноносцевъ Дивизiи, которые тоже стремились укрыться отъ шторма.

13. Эскадренный миноносецъ „Исполнительный".

Въ 2 часа дня къ намъ подошелъ миноносецъ „Легкiй" и просилъ взять больного, чтобы отвезти въ Ревель. Какъ потомъ выяснилось, это былъ единственный матросъ, спасенный съ миноносцевъ „Исполнительнаго" и „Летучаго". Первый былъ потопленъ вчера, повидимому, подлодкой, недалеко отъ Оденсхольма, а второй, подошедшiй къ мѣсту гибели, перевернулся, когда всталъ лагомъ къ волнѣ чтобы спасти тонущихъ людей.

Эти миноносцы, еще съ двумя другими этого же типа, шли изъ Гельсингфорса въ Моонзундъ, имѣя каждый по 8 минъ загражденiя на палубѣ. Былъ штормъ, и ихъ сильно качало. Вдругъ, съ заднихъ миноносцевъ увидѣли взрывъ подъ „Исполнительнымъ", и его моментально не стало; только кое-гдѣ пла-

вали тонущіе люди. Тогда шедшій за нимъ „Летучій“ подошелъ къ этому мѣсту, чтобы спасти людей, но почти сейчасъ-же не стало и его. Съ „Легкаго“, который значительно отсталъ, увидѣли только красную подводную часть. Былъ ли при этомъ виденъ взрывъ или нѣтъ, никто изъ очевидцевъ опредѣленно сказать не могъ. Изъ тонувшихъ удалось спасти только одного матроса, но это очевидно, только изъ-за холодной воды и сильнаго волненія. Всѣ, безъ исключенія, офицеры погибли и въ томъ числѣ командиры, Капитаны 2-го ранга Э. А. Домбровскій и Сахновскій.

Что же это — опять подлодка внутри залива, да еще въ такую погоду? Если это такъ, то очевидно надо было принять какія-то экстренныя мѣры и, если нельзя заградить поперекъ весь входъ въ Финскій заливъ, то хотя бы заминировать всѣ бухточки, на которыя подлодки могли бы базироваться. Но оставалось сомнѣніе, дѣйствительно ли это сдѣлали подлодки; не въ томъ ли дѣло, что миноносцы были выпущены съ непомѣрно большимъ грузомъ на палубѣ, во время шторма, согласно съ „благопріятными предсказаніями обсерваторіи“? Если это — такъ, то виноватъ Штабъ Флота, этого не досмотрѣвшій.

На слѣдующее утро мы вышли въ Ревель, благополучно туда добрались и вошли въ гавань.

Въ тотъ же вечеръ мы получили первые приказы съ боевыми наградами. На „Новикѣ“ ихъ получили: старшій офицеръ, старшій механикъ, старшій штурманъ и я; остальные офицеры ничего не получили. Между тѣмъ, на Полу-Дивизіонѣ, который въ общей сложности совершилъ меньше походовъ, чѣмъ мы, получилъ награды весь офицерскій составъ. Это обстоятельство, конечно, породило нѣкоторое недовольство среди нашихъ офицеровъ, и они считали себя обиженными.

Я нарочно останавливаюсь на этомъ незначительномъ фактѣ, чтобы подчеркнуть, что во время войны боевыя награды играютъ очень большое значеніе. Ихъ надо давать очень обдуманно и справедливо, иначе неизбѣжно разовьется недовольство высшимъ начальствомъ. Поэтому, ближайшимъ начальникамъ чреавычайно важно слѣдить, чтобы офицеровъ ихъ части не обходили наградами, помня, что каждому человѣку дорого, когда цѣнятъ его труды, а особенно — во время войны. Съ этимъ свойствомъ нельзя не считаться, и его можно широко использовать съ большой выгодой для дѣла въ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ военнаго времени.

2-го декабря, послѣ нашего возвращенія въ Ревель, намъ было приказано сдать мины, но самимъ быть въ готовности.

Ввиду этого, на слѣдующее утро, не желая разводить паровъ, командиръ вызвалъ два буксира, чтобы тѣ перетащили насъ къ заградителю „Нарова“. Во время этого перетаскива-

нія, когда надо было остановить инерцію „Новика“, буксиры не сдержали его, и онъ ударился о бортъ „Наровы“, свернувъ при этомъ себѣ довольно сильно форштевень. Одновременно старшій механикъ обнаружилъ разъѣданіе трубы холодильника. Такимъ образомъ, неожиданно, явилась еще большая потребность идти въ докъ. Пришлось послать телеграмму съ просьбой разрѣшить идти въ Гельсингфорсъ. Вообще намъ что-то стало фатально не везти: то погода не задается, то механизмы сдаютъ, то еще что-нибудь мѣшаетъ; и это намъ было непріятно.

Въ Гельсингфорсъ намъ удалось попасть только черезъ два дня, такъ какъ докъ былъ занятъ. Было очень обидно, что совершенно зря, мы потеряли много времени.

Въ докѣ насъ продержали почти двѣ недѣли. Наконецъ, все было окончено, и намъ немедленно было приказано идти въ Ревель принять мины.

14. „Новикъ“ зимою въ Ревельской гавани.

За это время изъ состава нашей каютъ-компаніи выбылъ первый минный офицеръ, и я замѣнилъ его на этой должности.

19-го декабря мы приняли мины съ заградителя „Амуръ“ и встали на свое мѣсто въ полной готовности.

На слѣдующее утро намъ было приказано идти въ походъ, и мы благополучно добрались до Вердера, гдѣ остались на ночь. Погода была благопріятная и почти штилевая.

Ночью, совершенно неожиданно, было получено радіо, что экспедиція отмѣняется. Это было очень жалко, такъ какъ предстоялъ интересный походъ. Надо было подойти къ самому непріятельскому берегу и поставить тамъ на фарватерахъ мины. Благодаря этому, непріятель долженъ былъ бы измѣнить свои обычные пути, что, въ свою очередь, привело бы его на загражденія, поставленныя въ другихъ мѣстахъ.

21-го декабря мы вернулись въ Ревель. Въ это время зима уже стала заявлять свои права: сразу наступили морозы,

море покрылось саломъ, и плаваніе для миноносцевъ стало невозможнымъ.

Этимъ походомъ закончилась наша кампанія за первый годъ войны, и мы стали на зимовку въ Ревель.

Итакъ, первая фаза великой войны для Балтійскаго флота закончилась, и всѣ его дѣйствія должны замереть до весны, изъ-за льда, которымъ скованъ весь Финскій заливъ.

Бросая взглядъ на все то, что за это время произошло на нашемъ театрѣ, и что сдѣлалъ нашъ флотъ, можно сказать, что этотъ періодъ послужилъ, какъ бы для кристаллизаціи способовъ веденія войны обѣими сторонами, причемъ мы старались вникнуть въ методы и средства противника.

Съ нашей стороны активная дѣятельность была проявлена въ очень ограниченномъ размѣрѣ, сообразно съ силами и средствами нашего маленькаго флота. Она вылилась въ ночныхъ набѣгахъ въ тылъ непріятеля, для постановки минъ, развѣдкахъ, и въ дозорахъ.

Въ частности „Новикъ", за этотъ періодъ, проявилъ очень энергичную дѣятельность, гораздо болѣе энергичную, чѣмъ всѣ остальныя суда флота; не будь такъ тяжелы условія осенняго плаванія, ему удалось бы нанести вреда противнику гораздо больше. За это время его личный составъ пріобрѣлъ уже значительный боевой опытъ и, отдохнувъ за зиму, онъ долженъ былъ дѣйствовать еще съ большимъ успѣхомъ.

VIII.

Постановка „Россiей“ загражденiя у маяка Аркона. Походъ Полу-Дивизiона къ Данцигской бухтѣ. Аварiя „Рюрика“.

Но еще не совсѣмъ замерла дѣятельность нашего Флота, и подъ самый Новый Годъ была организована экспедицiя для постановки миннаго загражденiя у острова Рюгена, въ районѣ маяка Арконы, и другого — южнѣе банки Штольпе.

Въ отрядъ, на который возлагалось это порученiе, вошли крейсера: „Россiя“, „Богатырь“ и „Олегъ“, а командованiе было поручено Контръ-Адмиралу В. А. Канину, который поднялъ свой флагъ на „Россiи“; кромѣ того съ нимъ еще шелъ инициаторъ этого похода, Капитанъ 1-го ранга А. В. Колчакъ.

30-го декабря, отрядъ принялъ мины на рейдѣ Утэ и на слѣдующiй день, рано утромъ, вышелъ въ море. Погода была настоящая зимняя, тихая и пасмурная, когда море выглядитъ тяжелымъ, точно расплавленный свинецъ, когда оно лѣниво, еле-еле колыхается, а въ воздухѣ разлита, какая-то особая тишина, навѣвающая спокойствiе и легкую тоску. Было холодно, но по мѣрѣ приближенiя къ берегамъ Германiи становилось все теплѣе и теплѣе.

Отрядъ шелъ 18-узловымъ ходомъ прямо на югъ и, никого не встрѣтивъ, прошелъ островъ Готландъ. Вскорѣ послѣ того, крейсера „Богатырь“ и „Олегъ“, которымъ предстояло ставить мины южнѣе Штольпе, отдѣлились отъ „Россiи“, а она взяла курсъ дальше на югъ.

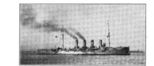
Къ вечеру, на меридiанѣ острова Эланда, на темнѣющемъ горизонтѣ, былъ замѣченъ какой то пароходъ. На всякiй случай, чтобы остаться незамѣченными, Адмиралъ приказалъ немного отклониться влѣво.

Крейсеръ шелъ съ совершенно закрытыми огнями, стараясь не искрить изъ трубъ, чтобы не выдать себя непрiятелю. Онъ скользилъ по гладкой поверхности моря, какъ какая то таинственная тѣнь, такъ что его можно было разглядѣть, только столкнувшись съ нимъ носъ къ носу.

Уже въ темнотѣ, „Россія" стала совсѣмъ близко проходить островъ Борнгольмъ, на которомъ былъ ясно виденъ цѣлый рядъ огонькoвъ, и ярко горѣлъ маякъ.

Увидѣвъ такое множество огней, команда подумала, что „Россія" подошла къ какому то непріятельскому городу. Матросы самымъ ревностнымъ образомъ слѣдили другъ за другомъ, чтобы никто не высовывался за бортъ съ горящей папиросой, боясь что даже такой маленькій огонекъ можетъ выдать присутствіе крейсера.

У всѣхъ офицеровъ было огромное желаніе забраться какъ можно дальше, поближе къ Килю, и оттого, хотя крейсеръ былъ уже въ районѣ Арконы, на мостикѣ не переставали упрашивать Адмирала, пройти еще и еще дальше. . . Адми-

15. Броненосный крейсеръ „Россія".

ралъ охотно шелъ навстрѣчу просьбамъ, тѣмъ болѣе, что за то же горячо стоялъ и А. В. Колчакъ. Только когда „Россія" была уже у самаго берега, въ разстояніи 3—4 миль, такъ что даже и въ темнотѣ можно было разобрать его очертанія, и былъ виденъ затемненный свѣтъ маяка, Адмиралъ приказалъ начать постановку.

Въ 1 часъ 10 минутъ новаго, 1915-го, года, уменьшивъ ходъ до 8 узловъ, „Россія" начала ставить мины. Постановка прошла очень гладко, и ничто не помѣшало. Длилась она около часа, и, сбросивъ послѣднюю мину, крейсеръ повернулъ, далъ полный ходъ и пошелъ къ роднымъ берегамъ. Всѣ были довольны и поздравляли другъ друга не только съ „Новымъ Годомъ", но и съ успѣхомъ трудной боевой операціи.

При какихъ только обстоятельствахъ судьба не заставляетъ встрѣчать „Новый Годъ"! Еще въ прошломъ году, въ этотъ часъ, въ праздничнo убранной кають-компаніи, наполненной блестящими гостями, лилось шампанское и звучали тосты, а теперь кругомъ тишина, всѣ на своихъ мѣстахъ и вглядываются

въ непроглядную темь; каждую минуту можно встрѣтить непріятеля или взорваться на минѣ. Самъ же крейсеръ сдѣлалъ нѣмцамъ щедрый новогодній подарокъ въ видѣ 200 минъ, поставивъ ихъ у самыхъ его береговъ. . .

На нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста постановки было сброшено четыре фальшивыхъ перископа, сдѣланныхъ изъ баркасныхъ мачтъ и плававшихъ вертикально, такъ что издали ихъ дѣйствительно можно было принять за настоящіе. Это было сдѣлано, чтобы навести на противника панику. Разсчетъ былъ вѣренъ. Вскорѣ непріятель объявилъ, что, ввиду появленія въ районѣ Арконы подводныхъ лодокъ, онъ принужденъ временно прекратить движеніе судовъ.

На разсвѣтѣ, когда „Россія" проходила островъ Борнгольмъ, на мглистомъ горизонтѣ показался какой-то пароходъ, вѣроятно — матка гидроплановъ, такъ какъ съ него быстро снялся гидропланъ и полетѣлъ по направленію къ „Россіи". Но, очевидно, онъ или не замѣтилъ нашего крейсера, или принялъ его за свой корабль, такъ какъ, не долетѣвъ, круто повернулъ обратно.

Нѣсколько позже, къ „Россіи" присоединились „Богатырь" и „Олегъ", которымъ также удалось счастливо выполнить свое заданіе, и весь отрядъ продолжалъ идти на сѣверъ. Къ ночи, черезъ сплошной ледъ въ Финскомъ заливѣ, онъ благополучно пришелъ въ Ревель.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого стало извѣстно, что на этомъ загражденіи подорвался крейсеръ „Газелле", которому однако удалось добраться до ближайшаго порта; а немного спустя, взорвался на немъ же какой-то пароходъ или тральщикъ, но тотъ уже погибъ.

13-го января, утромъ, отъ Начальника Службы Связи мы узнали очень интересную новость. 11-го января, въ Сѣверномъ морѣ произошло довольно серьезное столкновеніе англійскихъ и германскихъ силъ, въ результатѣ котораго былъ потопленъ германскій броненосный крейсеръ „Блюхеръ" и, кажется, легкій крейсеръ „Кольбергъ".

Немного спустя выяснились и подробности этого боя. Оказывается, что германская эскадра, состоявшая изъ линейныхъ крейсеровъ „Зейдлицъ", „Мольтке" и „Дерффлингеръ", броненоснаго крейсера „Блюхеръ", легкихъ крейсеровъ „Грауденцъ", „Ростокъ", „Штральзундъ" и „Кольбергъ" и двухъ флотилій миноносцевъ, вышла для набѣга на англійскій берегъ. Приблизительно въ 120 миляхъ отъ Гельголанда, она встрѣтила эскадру Вице-Адмирала Битти, въ которую входили линейные крейсера „Ліонъ", „Тигеръ", „Принцесса Ройяль", „Новая Зеландія" и „Индомитабль", много легкихъ крейсеровъ и 26 миноносцевъ.

Такимъ образомъ, на сторонѣ англичанъ былъ огромный перевѣсъ въ силахъ. Германскому Адмиралу оставалось только повернуть на востокъ, чтобы подойти къ Гельголанду и встать подъ защиту береговыхъ батарей.

Бой начался на очень большой дистанціи. Во время него, въ машины „Блюхера" попалъ снарядъ, и онъ сталъ сильно отставать. Замѣтивъ это, противникъ сосредоточилъ на немъ огонь и, черезъ нѣсколько минутъ, получивъ цѣлый рядъ еще другихъ поврежденій, „Блюхеръ" началъ тонуть. Но, погружаясь, онъ боя все-таки не прекращалъ. Тогда, чтобы ускорить его гибель, былъ посланъ легкій крейсеръ „Аретуза", который, подойдя къ нему на близкое разстояніе, выпустилъ мину и затѣмъ принялся спасать команду.

Въ этомъ бою англичане получили большія поврежденія. Особенно пострадалъ линейный крейсеръ „Ліонъ", съ котораго Адмиралъ Битти былъ принужденъ перенести флагъ на „Принцессу Ройяль".

На разстояніи около 70 верстъ отъ Гельголанда, англичане прекратили преслѣдованіе. Это можно объяснить только или серьезностью поврежденій, или опасеніемъ встрѣтить большія германскія силы, которыя могли выйти на поддержку своимъ крейсерамъ.

Въ нейтральной печати появилось сообщеніе германскаго Морского Штаба о потопленіи въ бою англійскаго линейнаго крейсера „Тигеръ". Англійское Адмиралтейство категорически опровергло это извѣстіе. Въ свою очередь, оно объявило, что, кромѣ „Блюхера", удалось потопить еще и легкій крейсеръ „Кольбергъ". Но, по этому поводу, съ германской стороны, тоже послѣдовало опроверженіе. Кажется, что версіи о гибели этихъ кораблей не вѣрны, и принадлежатъ къ обычнымъ ошибочнымъ впечатлѣніямъ участниковъ боя.

Въ связи съ гибелью „Блюхера", невольно какъ-то вспоминается гибель нашего стараго „Рюрика" въ бою 1-го августа 1904 года. Владивостокскій отрядъ крейсеровъ, состоявшій изъ „Громобоя", „Россіи" и „Рюрика", вышелъ навстрѣчу Портъ-Артурской эскадрѣ, которая какъ-разъ должна была прорвать блокаду противника. Путь ему преградила японская эскадра, на много превосходившая его по силѣ. Завязался бой, въ которомъ всѣ наши крейсера получили тяжкія поврежденія; особенно — „Рюрикъ". Боя продолжать дольше было нельзя, и потому, отвлекая на себя главныя силы противника, Адмиралъ Іессенъ сталъ отходить въ направленіи Владивостока. Но „Рюрику", который уже потерялъ возможность управляться, это не помогло: разстрѣливаемый почти въ упоръ легкими крейсерами противника, онъ медленно погружался. Постепенно слабѣлъ огонь его немногихъ, оставшихся цѣлыми,

орудій; уже вся палуба была усѣяна убитыми и ранеными; то здѣсь, то тамъ, вспыхивали пожары. Крейсеръ былъ въ агоніи. . .

„Рюрикъ“ . . . „Блюхеръ“ . . . Какой красивый ореолъ вѣнчаетъ эти имена, и память погибшихъ на нихъ героевъ! . .

19-го января, Германія поставила нейтральныя державы въ извѣстность, что отнынѣ, ея подводныя лодки будутъ топить всѣ, безъ исключенія, пароходы, идущіе во Францію съ войсками, и снарядами, или какими-либо другими военными матеріалами.

Такая подводная война представляетъ серьезную угрозу для подвоза союзной арміи на континентѣ. Вопросъ только въ томъ, насколько она будетъ дѣйствительна, т. е. какое количество подлодокъ нѣмцы будутъ въ состояніи постоянно держать въ морѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что, на практикѣ, угроза Германіи коснется не только пароходовъ, направляющихся во Францію, но и всего коммерческаго судоходства. Понятіе о военной контрабандѣ — очень растяжимо. Большое значеніе имѣетъ и та обстановка, въ которой происходитъ осмотръ задержанныхъ пароходовъ. Многое зависитъ и отъ личнаго усмотрѣнія командира подлодки, которому часто ни время, ни обстоятельства не позволяютъ разбираться въ деталяхъ. Достаточно малѣйшаго подозрѣнія, и пароходъ можетъ быть потопленъ, несмотря даже на нейтральный флагъ. Пассажирскіе пароходы, если на ихъ борту случайно окажутся подданные воюющихъ державъ призывного возраста, тоже не могутъ разсчитывать на пощаду. Международные законы хороши только въ мирное время, а война имѣетъ свои собственные законы, рождающіеся подъ вліяніемъ тѣхъ условій, въ которыя бываютъ поставлены противники.

Конечно, подобный шагъ Германіи возбудитъ много нареканій и еще большее недоброжелательство къ ней; но нельзя не признать правильнымъ образъ ея дѣйствій. Всѣ средства борьбы — хороши, если только они въ состояніи нанести существенный вредъ противнику. Германія же поставлена въ такое положеніе, что для нея не можетъ быть выбора въ способахъ борьбы. Любая держава, на ея мѣстѣ, поступила бы точно такъ же. . .

Въ концѣ января, Командующій Флотомъ получилъ приказаніе по возможности воспрепятствовать подвозу непріятелемъ войскъ къ Кенигсбергу, что было очень важно, въ связи съ операціями нашихъ войскъ въ Восточной Пруссіи.

Ввиду этого, несмотря на ледъ въ Финскомъ заливѣ, было рѣшено организовать экспедицію для постановки минъ на путяхъ движенія судовъ къ этому порту.

Въ составъ отряда предназначались крейсера: „Рюрикъ", „Адмиралъ Макаровъ", „Олегъ" и „Богатырь". Кромѣ того — шли миноносцы: „Новикъ" и Полу-Дивизіонъ.

Крейсера „Олегъ" и „Богатырь" должны были идти съ минами, а „Рюрикъ" и „Адмиралъ Макаровъ" — служить поддержкой на случай встрѣчи съ противникомъ.

Крейсера и миноносцы выходили самостоятельно, но, пройдя островъ Готландъ, должны были соединиться и идти совмѣстно до наступленія темноты; а потомъ — опять разойтись для выполненія постановокъ.

Но этотъ планъ пришлось нѣсколько измѣнить: оказалось, что посылать „Новика" — очень рискованно, такъ какъ, еслибы изъ-за льда миноносцамъ пришлось зазимовать въ Маріенгамѣ, на Оландѣ, то онъ остался бы безъ топлива, потому что въ этомъ порту не было запаса нефти.

29-го января, утромъ, Полу-Дивизіонъ, подъ брейдъ-вымпеломъ Капитана 1-го ранга А. В. Колчака, вышелъ изъ Ревеля въ Балтійскій Портъ. Тамъ онъ долженъ былъ принять съ ледокола мины, чтобы по возможности сохранить въ тайнѣ цѣль экспедиціи.

Былъ настоящій зимній день, съ морозомъ (—) 8° R и легкимъ южнымъ вѣтромъ, которымъ весь ледъ прижало къ сѣверному берегу залива.

До Балтійскаго Порта миноносцы дошли совершенно свободно и вошли на его рейдъ, который на три-четверти былъ чистъ отъ льда. Только въ глубинѣ его былъ ледъ. Но, вдругъ, днемъ и онъ сталъ трескаться, и большія ледяныя поля, длиной около 50 саженъ, поплыли къ выходу. Такъ какъ ледъ былъ очень крѣпкій, толщиной около 4"-6", то онъ сталъ сильно угрожать цѣлости миноносцевъ, и имъ пришлось немедленно сняться съ якоря и, маневрируя, пропускать между собою льдины.

При этомъ не обошлось и безъ аваріи. Отъ самаго легкаго прикосновенія льдинъ о бортъ „Кондратенко", онѣ разрѣзали его въ двухъ мѣстахъ по ватеръ-линіи, причемъ образовались двѣ трещины: одна была длиною больше фута, а другая — около 5". Однако, ихъ удалось задѣлать своими средствами.

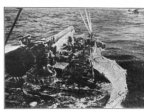
Ледъ все продолжалъ идти, и одно время такъ густо, что можно было по немъ перейти съ одного миноносца на другой. Только къ вечеру, наконецъ, рейдъ совершенно очистился.

Опасаясь, что ночью, въ темнотѣ, въ случаѣ встрѣчи со льдомъ, будетъ очень опасно идти, было рѣшено выходъ отложить до утра.

Съ разсвѣтомъ миноносцы пошли дальше и, пройдя островъ Оденсхольмъ, встрѣтили густой, битый ледъ. Пришлось — пробиваться, что было чрезвычайно трудно, и временами даже

приходилось стопорить машины. Къ счастью, послѣ маяка Дагерортъ, ледъ сдѣлался легче и, наконецъ, море и совсѣмъ очистилось. Въ 4 часа они благополучно вошли въ бухту Тагалахтъ, которая была совсѣмъ чиста отъ льда, и встали на якорь.

По времени стало выясняться, что миноносцы къ назначенному рандеву, въ 9 часовъ утра слѣдующаго дня, поспѣть не могутъ, и потому пришлось немедленно извѣстить объ этомъ Начальника Бригады Крейсеровъ, Адмирала Бахирева.

16. Обмерзшее орудіе и корма миноносца.

Въ 5 часовъ утра, отъ Адмирала Бахирева былъ полученъ отвѣтъ, что у него на бригадѣ произошла аварія, и потому походъ вообще отставленъ. Немного спустя было получено и приказаніе Командующаго Флотомъ вернуться въ Ревель.

Преодолѣвъ съ такими усиліями, самую трудную часть пути и имѣя на рѣдкость хорошую погоду, было слишкомъ обидно возвращаться и, послѣ настойчивыхъ просьбъ Капитана 1-го ранга Колчака, въ концѣ концовъ, Командующій Флотомъ разрѣшилъ миноносцамъ продолжать походъ.

Въ 8 часовъ утра, при очень благопріятной погодѣ и слабомъ морозѣ въ 1°-2°, Полу-Дивизіонъ продолжалъ свой путь на югъ. До параллели Виндавы еще встрѣчались отдѣльныя льдины, но потомъ море уже было совсѣмъ свободно отъ льда.

Миноносцы шли все время вдоль берега и только не доходя Либавы, на 57 параллели, вышли въ море.

Въ 1 часъ ночи они подошли къ мѣсту постановки, въ 15 миляхъ на югъ отъ входа въ Данцигскую бухту.

Ночь была ясная, звѣздная, при полномъ штилѣ. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Полу-Дивизіонъ сталъ ворочать, чтобы начать постановку минъ, совершенно неожиданно нашелъ густой туманъ. Изъ-за полной неожиданности, миноносцы раздѣлились, и въ то время какъ два заднихъ — поставили свои

17. Обмерзшій минный аппаратъ на миноносцѣ.

мины на назначенномъ мѣстѣ, два передніе, опасаясь чтобы задніе не попали на ихъ загражденіе, отошли на 10 миль къ сѣверу и поставили его на томъ же фарватерѣ.

Послѣ постановки, каждая пара миноносцевъ самостоятельно пошла на сѣверъ, и только лишь на слѣдующее утро весь Полу-Дивизіонъ соединился у маяка Люзерорт.

Пройдя маякъ Церель, миноносцы опять встрѣтили густой, ломанный ледъ, который сильно мѣшалъ идти впередъ. Чтобы избѣжать ночного похода, имъ снова пришлось ночевать въ бухтѣ Таггалахтъ.

Утромъ нашелъ густой туманъ, но, тѣмъ не менѣе, Полу-Дивизіонъ пошелъ дальше и, совершенно ничего не видя, дошелъ до маяка Оденсхольмъ. Туманъ разошелся только позже.

Въ Финскомъ заливѣ, благодаря продолжавшему дуть южному вѣтру, встрѣчались лишь рѣдкія небольшія льдины и поэтому Полу-Дивизіонъ, къ 10 часамъ вечера, уже благополучно пришелъ въ Ревель.

Какъ выше было сказано, походъ Бригады Крейсеровъ былъ отставленъ изъ-за случившейся на ней аваріи.

Вскорѣ въ Ревелѣ стало извѣстно, что „Рюрикъ" у Фарэ перескочилъ черезъ мель и получилъ очень серьезныя поврежденія. Возникло даже опасеніе, что онъ можетъ и не дойти.

Аварія произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

29-го января, въ 4 ч. дня, Бригада Крейсеровъ, выйдя съ рейда Севастополь, направилась на югъ, къ непріятельскимъ берегамъ, чтобы служить заслономъ миноносцамъ во время постановки загражденія.

Погода была очень туманной, при свѣжемъ вѣтрѣ, доходившемъ до 6-7 балловъ. По выходѣ изъ шхеръ, бригада встрѣтила ледъ, имѣвшій движеніе на W, и ее стало дрейфовать.

Курсъ былъ взятъ на 10 миль къ востоку отъ о. Фарэ. Опредѣлиться за время пути ни разу не удалось; даже нельзя было измѣрить глубины, такъ какъ этому мѣшалъ ледъ. При попыткахъ — сломались два дипъ-лота.

Около 3 ч. утра, прямо по носу открылся маякъ Фарэ, но настолько близко, что встревоженный Адмиралъ Бахиревъ приказалъ немедленно опредѣлиться самымъ точнымъ образомъ.

Впереди „Рюрика", головнымъ шелъ „Адмиралъ Макаровъ", съ которымъ ничего не случилось. На „Рюрикѣ" же вдругъ ощутились сильные толчки, и крейсеръ на нѣсколько секундъ какъ бы замедлилъ ходъ; потомъ толчки прекратились, и онъ опять пошелъ плавно.

Стало ясно, что „Рюрикъ" перескочилъ банку Фарэ, черезъ которую „Макаровъ", благодаря своей меньшей осадкѣ (осадка „Макарова" — 19 футъ, „Рюрика" — 23,4), прошелъ совершенно свободно. Только въ силу огромной инерціи при 19-узловомъ ходѣ, „Рюрикъ" перескочилъ банку, а не сѣлъ на нее.

Во время этого, онъ сорвалъ обшивку днища и помялъ его на протяженіи 230 шпангоутовъ; 2-я и 3-я кочегарки оказались затопленными. Положеніе крейсера становилось критическимъ.

Съ минуты на минуту можно было ожидать взрыва котловъ. Катастрофа была предотвращена кочегарными унтеръ-офицерами, которые, не растерявшись, немедленно выпустили весь паръ.

Явилось также опасеніе, что, вслѣдствіе полученныхъ поврежденій, „Рюрикъ" можетъ затонуть. Однако, послѣ бѣглаго

осмотра, выяснилось, что въ этомъ отношеніи опасности пока нѣтъ, и крейсеръ даже въ состояніи самъ двигаться.

Бригада повернула на сѣверъ и ходомъ въ 3-5 уаловъ пошла въ Ревель. Погода продолжала быть очень плохой, и мѣстами встрѣчался сплошной ледъ. Тѣмъ не менѣе, „Рюрику" удалось благополучно дойти до Ревельскаго рейда. При входѣ туда, около 3 ч. ночи, онъ былъ встрѣченъ самимъ Командующимъ Флотомъ, Адмираломъ Эссеномъ. Вэобравшись по штормъ-трапу, Адмиралъ подробнѣйшимъ образомъ осмотрѣлъ всѣ трюмы крейсера.

Когда „Рюрикъ" подошелъ къ гавани и былъ поставленъ на ровный киль, то оказалось, что его осадка дошла до 30-31 фута. Такую же глубину, а мѣстами еще меньше, имѣла и гавань. Съ большимъ трудомъ его стали втягивать, причемъ онъ все время ползъ по грунту.

Послѣ ввода, немедленно были спущены водолазы. Выяснилось, что крейсеръ необходимо теперь же ввести въ докъ. Положеніе значительно осложнялось, такъ какъ подходящій докъ былъ лишь въ Кронштадтѣ, до котораго можно было дойти, только пробившись черезъ сплошной ледъ.

Подумали, поговорили съ капитанами ледоколовъ, и Командующій Флотомъ рѣшилъ рискнуть — провести „Рюрика" въ Кронштадтъ.

Черезъ недѣлю, кое-что подкрѣпивъ и подзадѣлавъ, „Рюрикъ" уже вышелъ изъ гавани. Для его проводки были назначены ледоколы „Ермакъ" и „Петръ Великій".

До о. Гогланда все шло довольно гладко: ледоколы пробивались очень легко. Потомъ же ледъ становился толще, и мѣстами встрѣчались торосы. Начались задержки. „Петръ Великій", хоть и былъ значительно меньше „Ермака", справлялся съ задачей гораздо успѣшнѣе, такъ какъ имѣлъ болѣе полные обводы. Въ то время, когда въ трудныхъ мѣстахъ, онъ, давая разные хода и влѣзая на ледъ, его легко дробилъ, „Ермакъ" часто застрявалъ.

У Сескара корабли встрѣтили ѣдущихъ на саняхъ изъ Финляндіи рыбаковъ, которые увидѣвъ, что имъ придется возвращаться во-свояси, подняли страшный крикъ, прося пропустить ихъ впередъ. Пришлось остановиться и подождать, пока они проѣдутъ.

Переходъ продолжался пять дней. Наконецъ, „Рюрикъ" былъ введенъ въ Кронштадтскую гавань и поставленъ въ докъ.

Когда вода была выкачана, между шпангоутами оказалось свыше 40 тоннъ камней, которые крейсеръ сорвалъ съ банки.

Еслибы, два-три года тому назадъ, кто-нибудь сказалъ, что наши корабли въ февралѣ, въ самый разгаръ зимы, изъ Ревеля пройдутъ сквозь льды въ Кронштадтъ — пожалуй,

этому никто не повѣрилъ бы. Тогда не рисковали пробиваться и ледоколы. Во время же войны, нужда заставила пройти не только ледоколы, но провести и сильно поврежденный крейсеръ. Война заставляетъ быть предпріимчивымъ и рѣшительнымъ, и то, что въ мирное время кажется немыслимымъ, въ военное — легко осуществляется.

Къ исправленію поврежденій „Рюрика" приступили немедленно. Несмотря на морозы, работы шли днемъ и ночью. Черезъ два съ половиною мѣсяца, крейсеръ предполагалъ уже вступить въ строй.

IX.

Гибель „Меджидіе" у Одессы. Начало кампаніи 1915 года. Первые дни въ Рижскомъ заливѣ. Осмотръ о. Руно. Постановка загражденія у Либавы. Постановки загражденія на Ирбенской позиціи. Смерть Командующаго Флотомъ, Адмирала Н. О. фонъ-Эссена. Его жизнь и дѣятельность.

Быстро промелькнули три зимнихъ мѣсяца; всѣ корабли отдохнули, отремонтировались и подучили молодыя команды. Уже къ апрѣлю Флотъ былъ готовъ, при первой возможности, возобновить борьбу.

Въ послѣднихъ числахъ февраля, до насъ дошли достовѣрные слухи о томъ, что союзники готовятся къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Дарданеллъ, и что съ этой цѣлью туда уже стянуты значительныя силы англо-французскаго флота.

18. Балтійскій флотъ зимою 1914—15 года на Гельсингфорсскомъ рейдѣ.

Дѣйствительно, 5-го марта, союзнымъ флотомъ была предпринята первая попытка форсировать Дарданелльскій проливъ, которая, однако, кончилась полной неудачей и вызвала большія потери въ судовомъ составѣ.

Первоначальныя газетныя свѣдѣнія рисовали полную увѣренность союзниковъ въ томъ, что эта операція окажется очень

легкой. Поэтому, они рѣшили предпринять ее только съ однимъ флотомъ, который долженъ былъ своимъ огнемъ смести турецкія береговыя батареи, по свѣдѣніямъ союзниковъ — очень устарѣлыя, и, имѣя впереди тральщики, безпрепятственно, дойти до Константинополя. Гладко вышло на бумагѣ, а на дѣлѣ получились плачевные результаты.

Соединенный флотъ, находившійся подъ общимъ командованіемъ англійскаго Вице-Адмирала Гарденъ, состоялъ изъ 16 большихъ кораблей, въ томъ числѣ новѣйшаго линейнаго корабля „Куинъ Елизабетъ" и двухъ линейныхъ крейсеровъ типа „Инфлексибль".

Сейчасъ же послѣ полдня было начато продвиженіе впередъ. Большіе корабли, открывъ сильный огонь по береговымъ батареямъ, медленно двинулись впередъ, окруженные миноносцами; впереди шли тральщики. Сначала все шло какъ-будто хорошо: тральщики удачно справлялись съ минами, и корабли прошли до 13 километровъ отъ входа въ заливъ, а нѣкоторые — и до 9 километровъ.

Турецкія батареи энергично отвѣчали на огонь союзниковъ, и въ корабли были попаданія, но не причинили большихъ поврежденій. Только около 2 часовъ дня, во французскій броненосецъ „Буве" попало два снаряда; на броненосцѣ произошелъ сильный взрывъ, и онъ почти моментально затонулъ. Вскорѣ погибъ и одинъ англійскій миноносецъ. Бой продолжался. Повидимому, какъ губителенъ ни былъ огонь союзныхъ кораблей, онъ не оправдалъ возлагавшихся надеждъ и не заставилъ окончательно замолчать непріятельскія батареи. Подъ вечеръ, между 6 и 7 часами, вдругъ были замѣчены несшіяся по теченію, прямо на корабли, плавучія мины. Ихъ было такъ много, что защититься, увернуться отъ нихъ было почти невозможно. Вскорѣ многіе корабли оказались подорванными, причемъ тотчасъ же затонули броненосцы „Ирресистибль" и „Океанъ". „Куинъ Елизабетъ" и „Инфлексибль" также получили поврежденія. Послѣ такой катастрофы Адмиралу пришлось отступить отъ пролива. Такимъ образомъ, понеся сильныя потери, флотъ ничего не добился.

Совершенно непонятно, какъ могли союзники такъ легкомысленно отнестись къ этой операціи. Они плохо оцѣнили какъ силу Дарданелльскихъ укрѣпленій, такъ и значеніе минъ. Если о существованіи плавучихъ минъ они и не могли знать, то вѣроятное усиленіе нѣмцами турецкихъ береговыхъ батарей за время войны — обязаны были принять въ разсчетъ.

Какъ теперь они поступятъ дальше? Опредѣленно можно сказать, что будутъ настойчиво продолжать операцію, чтобы не страдалъ ихъ престижъ.

24-го марта, изъ Чернаго моря къ намъ донеслась пріятная вѣсть. Въ Пасхальную ночь, у самой Одессы, погибъ турецкій крейсеръ „Меджидіе“. Пользуясь туманомъ, онъ хотѣлъ обстрѣлять Одессу, но попалъ на загражденіе и затонулъ, причемъ такъ удачно, что можетъ быть поднятъ. Такимъ образомъ, Черноморскій Флотъ неожиданно получилъ очень цѣнный призъ.

Послѣ долгихъ поисковъ, англичанамъ, наконецъ, удалось найти германскій легкій крейсеръ „Дрезденъ“, ускользнувшій отъ нихъ послѣ боя у Фальклэндскихъ острововъ.

1-го марта, передъ Кумберлэндской бухтой о. Жуанъ-Фернандецъ, въ которую онъ укрылся, внезапно появились крейсера „Кентъ“, „Глазгоу“ и вспомогательный крейсеръ „Орама“. Этотъ островъ принадлежитъ Чилійской республикѣ, но англійскіе корабли, не задумываясь, нарушили нейтралитетъ и открыли огонь. „Дрезденъ“ былъ небоеспособенъ, а потому командиръ, чтобы онъ не достался въ руки противника, немедленно его взорвалъ. Экипажъ, высадившійся на берегъ, былъ интернированъ чилійскими властями.

Собственно говоря, теперь уничтоженъ послѣдній крейсеръ эскадры Адмирала Спее, если не считать „Кенигсберга“, окончательно заблокированнаго въ рѣкѣ Руфиджи.

Упорные слухи о гибели „Карлсруэ“, про который долгое время не было ничего слышно, оправдались полностью. Крейсеръ этотъ погибъ еще 22-го октября прошлаго года. Онъ спокойно шелъ въ морѣ, вмѣстѣ съ захваченнымъ имъ пароходомъ. Команда только-что поужинала. Вдругъ — взрывъ, и крейсеръ рвется на двѣ части. Носовая часть сейчасъ же затонула, а кормовая — нѣкоторое время еще плавала. Спасать уже было нечего, и экипажу только и оставалось, что переѣхать на свой призъ. Было рѣшено или прорваться на немъ на родину, или высадиться въ нейтральной странѣ. Прорывъ удался блестяще и, послѣ труднаго мѣсячнаго плаванія, пароходъ пришелъ въ Германію.

Что касается вспомогательныхъ крейсеровъ, несшихъ каперскую службу въ разныхъ водахъ, то всѣ они также закончили свою дѣятельность.

Изъ этихъ крейсеровъ — „Кайзеръ Вильгельмъ деръ Гроссе“, нуждаясь въ углѣ, 13-го августа 1914 года, зашелъ въ ближайшій нейтральный портъ Ріо-дель-Оро, принадлежащій Испаніи. Тамъ его прослѣдилъ англійскій крейсеръ „Хигфлюеръ“, который потребовалъ, чтобы онъ спустилъ флагъ. Вмѣсто этого, командиръ принялъ бой и, когда замолчала его послѣдняя пушка, взорвалъ корабль.

„Принцъ Эйтель-Фридрихъ“, предварительно потопивъ американскій пароходъ съ контрабандой, 25-го февраля вошелъ въ американскій же портъ Нью-Портнюсъ и попросилъ

разрѣшенія произвести машинный ремонтъ. Американское правительство предоставило ему необходимый срокъ. Когда ремонтъ подходилъ къ концу, командиру пришлось убѣдиться, что англичане уже стерегутъ „Эйтель-Фридриха", и что выйти ему благополучно изъ порта нѣтъ никакой возможности. Тогда, 26-го марта, онъ интернировалъ крейсеръ.

28-го марта, въ этотъ же самый портъ, пришелъ еще одинъ вспомогательный крейсеръ, уже послѣдній — „Кронпринцъ Вильгельмъ". Въ его ямахъ оставалось всего 21 тонна угля, и онъ совершенно не имѣлъ снарядовъ; провизія тоже была на исходѣ. Крейсеръ не могъ даже произвести положеннаго салюта американскому флагу. Онъ принужденъ былъ интернироваться, что и сдѣлалъ 14-го апрѣля.

Крейсерская война окончилась. Любопытно подвести ея итоги, хотя бы на основаніи цифровыхъ данныхъ въ нейтральной печати.

„Эмденъ" потопилъ 17 пароходовъ, общимъ водоизмѣщеніемъ въ 73900 тоннъ; „Карлеруэ" — 17 (76600 т.); „Дрезденъ" — 5 (16100 т.); „Лейпцигъ" — 3 (12150 т.) и „Кенигсбергъ" — 1 (6800 т.). Вспомогательными крейсерами потоплено: „Кронпринцемъ Вильгельмомъ" — 13 (53660 т.); „Принцемъ Ейтель-Фридрихомъ" — 10 (30050 т.) и „Кайзеромъ Вильгельмомъ деръ Гроссе" — 2 (10460 т.). Всего — 68 пароходовъ, водоизмѣщеніемъ въ — 340920 тоннъ.

Что тамъ ни говори, а германскіе крейсера оправдали свое назначеніе и принесли страшный вредъ морской торговлѣ.

Касаясь крейсерской войны, нельзя не отмѣтить характернаго отношенія воюющихъ сторонъ къ ими же скрѣпленнымъ международнымъ законамъ.

Международное Право гласитъ, что права нейтральныхъ державъ священны и ни въ коемъ случаѣ не могутъ нарушаться. На дѣлѣ же, когда это выгодно, воюющія стороны нарушаютъ ихъ, безъ зазрѣнія совѣсти. Такъ, въ 1914 году, относительно Бельгіи и Люксембурга поступила Германія; такъ, въ крейсерской войнѣ, поступала и Англія. Выходитъ, что законъ – одно, а жизнь – другое. . .

5-го апрѣля въ личномъ составѣ „Новика" произошла крупная перемѣна; вмѣсто Капитана 2-го ранга П. П. Палецкаго, командиромъ былъ назначенъ Капитанъ 2-го ранга М. А. Беренсъ. Вообще всегда перемѣна командира корабля имѣетъ огромное значеніе, а въ военное время — тѣмъ болѣе. Нашъ новый командиръ, по всей своей предыдущей дѣятельности, какъ въ мирное время, такъ и въ Японскую войну, вполнѣ заслуживалъ такого корабля, какъ „Новикъ". Поэтому мы съ радостью встрѣтили его назначеніе.

Въ тотъ же день онъ прибылъ на миноносецъ и вступилъ въ командованіе.

Въ десятыхъ числахъ апрѣля, ледъ въ Финскомъ заливѣ сталъ быстро таять, и хотя еще встрѣчались плавающіе льды, но Ревельскій рейдъ очистился; такимъ образомъ миноносцы получили возможность двигаться.

18-го апрѣля „Новику" было приказано срочно приготовиться къ походу. Приказаніе пришло въ полдень, но раньше, чѣмъ къ вечеру, мы не могли быть готовы, такъ какъ находились въ суточной готовности.

Въ 5 часовъ дня, Штабъ Командующаго Флотомъ приказалъ намъ по радіо принять 50 минъ; сейчасъ-же подойдя къ транспорту „Фертъ", мы начали пріемку.

Къ 7 часамъ вечера, наконецъ, все было окончено, и „Новикъ" былъ готовъ выйти въ море.

Срочность похода объяснялась тѣмъ, что непріятельскіе миноносцы сдѣлали набѣгъ на Рижскій заливъ, гдѣ они обстрѣляли маяки Свальферортъ и Руно и взяли въ плѣнъ всѣхъ, кто только былъ на нихъ.

Этотъ набѣгъ былъ въ пятницу, а сегодня, въ понедѣльникъ, непріятель опять входилъ въ заливъ. У насъ отчего-то медлили, и только вчера туда была послана подлодка „Акула" со 2-ой группой 2-го Дивизіона Миноносцевъ, а сегодня посылается „Новикъ", Полу-Дивизіонъ съ минами и 1-ая группа 2-го Дивизіона.

Вечеромъ однако, выяснилось, что выходъ отложенъ до утра.

На слѣдующее утро выдалась великолѣпная, настоящая весенняя, погода. Какъ было условлено, въ 3½ часа утра, мы вышли изъ гавани, опредѣлили девіацію и пошли въ Моонзундъ.

Съ нами пошелъ миноносецъ „Пограничникъ", который задержался, перевозя заболѣвшаго Командующаго Флотомъ изъ Гельсингфорса въ Ревель.

Въ 11 часовъ утра мы были въ Куйвастѣ, гдѣ уже стояли пришедшіе раньше миноносцы Полу-Дивизіона и 2-го Дивизіона. Сейчасъ-же было собрано совѣщаніе у старшаго изъ начальниковъ, для окончательной выработки плана предстоящей постановки минъ въ Ирбенѣ.

Во время совѣщанія получилось тревожное извѣстіе, что постъ пограничной стражи въ Ирбенскомъ проливѣ видитъ непріятеля. Однако, не особенно довѣряя этому источнику, спросили по телефону маякъ Церель, не видитъ ли онъ чего-нибудь подозрительнаго; оказалось, что горизонтъ совершенно чистъ, и въ морѣ ни одного корабля не видно.

Вскорѣ весь отрядъ вышелъ въ Ирбенскій проливъ на постановку загражденій.

Идя Рижскимъ заливомъ, мы, вдругъ, увидѣли на горизонтѣ подлодку. Изъпредосторожности, всѣмъ миноносцамъ съ минами сейчасъ-же было приказано повернуть, а „Донскому Казаку“ — пойти ее опознать, такъ какъ было извѣстно, что въ этомъ районѣ могла находиться наша подлодка „Акула“. Такъ на самомъ дѣлѣ и оказалось, и отрядъ спокойно продолжалъ путь.

Около 8 часовъ 30 минутъ вечера, отрядъ добрался до назначеннаго мѣста, перестроился въ кильватерную колонну и началъ постановку минъ.

Загражденіе ставилось въ одну линію, при курсѣ N, причемъ миноносцы были въ слѣдующемъ порядкѣ: „Пограничникъ“, „Охотникъ“, „Новикъ“, „Кондратенко“ и „Сибирскій Стрѣлокъ“; мы имѣли 50 минъ, а Полу-Дивизіонъ по 35.

Во время постановки, на курсѣ головного миноносца оказалась плавающая непріятельская мина: изъ-за нея произошла нѣкоторая заминка, такъ какъ ее пришлось разстрѣливать; то же самое сдѣлали и съ тремя нашими минами, которыя почему-то всплыли.

По окончаніи постановки, отрядъ всю ночь крейсеровалъ поперекъ пролива, охраняя его входъ. Къ утру, вдругъ, сильно засвѣжѣло, и въ морѣ стало трудно держаться, а потому пришлось стать на якорь у Домеснеса.

Къ полудню вѣтеръ зашелъ къ W, и насъ всѣхъ стало сильно качать; тогда опять пришлось сняться съ якоря и искать другого убѣжища у береговъ о. Эзель. Это убѣжище отрядъ нашелъ въ бухтѣ Пія и тамъ спокойно провелъ ночь.

Утромъ, Старшій Начальникъ просилъ нашего командира сходить на островъ Руно и выяснить, какія, въ сущности, поврежденія причинилъ тамъ непріятель.

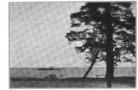
Придя туда, мы встали на якорь, и я съ нѣсколькими офицерами съѣхалъ на берегъ.

Самъ островъ очень живописенъ и имѣетъ прекрасный пляжъ для купанія. Населеніе его представляетъ собою довольно любопытное явленіе: это все настоящіе шведы, заселившіе его еще съ давнихъ временъ и живущіе совершенно обособленно. Даже теперь еще они не знаютъ толкомъ, чьи, собственно говоря, они подданные – Швеціи, или Россіи? Живутъ они исключительно рыбнымъ промысломъ, и во время войны имъ было очень тяжело отъ нехватка соли и муки. Впослѣдствіи даже, Начальникъ Минной Дивизіи нѣсколько разъ посылалъ имъ эти продукты. Ловить рыбу имъ тоже теперь, изъ-за военныхъ соображеній почти запрещено. Въ общемъ, имъ пришлось очень туго.

По утвержденію смотрителя маяка, появленіе непріятеля произошло совершенно внезапно. Нѣсколько дней тому назадъ,

рано утромъ, къ острову подошли два миноносца и, какъ сначала показалось на маякѣ, подъ Андреевскимъ флагомъ. Съ нихъ сейчасъ-же былъ свезенъ десантъ, въ количествѣ около 60-ти человѣкъ, при 3-хъ офицерахъ; тогда уже стало ясно, что это непріятель.

Десантъ, первымъ дѣломъ, направился къ маяку и взорвалъ домикъ съ бензиновымъ бакомъ и вышку маяка. Послѣ этого онъ произвелъ обыскъ и, забравъ 4-хъ служащихъ призывного возраста, вернулся на миноносцы. Мѣстныхъ жителей непріятель не тронулъ и только обыскалъ ихъ дома.

19. „Новикъ" на якорѣ у о. Руно.

Послѣ осмотра острова, насъ срочно послали въ Ревель, гдѣ на слѣдующее утро приказали принять 40 минъ. Исполнивъ это, мы остались въ гавани, а вечеромъ, къ намъ прибылъ Начальникъ Оперативнаго Отдѣленія, Капитанъ 1-го ранга А. В. Колчакъ, съ которымъ „Новикъ" и вышелъ въ Моонзундъ.

Тогда выяснилось, что предполагается экспедиція къ Либавѣ, чтобы поставить мины въ районахъ, которые, очевидно, подготовляя наступленіе, усиленно эти дни тралилъ непріятель.

23-го апрѣля, около полудня, съ этой цѣлью, снялись съ якоря 2-ой Дивизіонъ, Полу-Дивизіонъ и „Новикъ"; 5-ый Дивизіонъ ждалъ насъ у Михайловскаго маяка, а 3-ій — шелъ, непосредственно, къ Люзерорту.

Пройдя Рижскій заливъ вмѣстѣ, между Стейнортомъ и Бакгофеномъ отрядъ раздѣлился, причемъ 2-ой Дивизіонъ и „Новикъ" повернули въ море, а остальные миноносцы продолжали путь вдоль берега.

Отойдя на опредѣленное разстояніе отъ берега, мы повернули на югъ, къ Либавѣ.

Къ 1 часу ночи, никого не встрѣтивъ, миноносцы подошли къ мѣсту постановки, въ 22 миляхъ отъ Либавы и 15 миляхъ отъ маяка Пограничный, гдѣ „Новикъ“ и разбросалъ свои 40 минъ.

20. Походъ къ Либавѣ.

Тѣмъ временемъ, Полу-Дивизіонъ разбросалъ 80 минъ на 7 миль къ N отъ Либавы.

Что касается 2-го Дивизіона, то онъ былъ безъ минъ и сопровождалъ насъ только для того, чтобы, въ случаѣ встрѣчи, отвлечь на себя противника. Но изъ-за большого хода, онъ такъ сильно искрилъ изъ трубъ, что этимъ скорѣе былъ способенъ навлечь на насъ непріятеля, чѣмъ отвлечь.

Къ счастью, насъ рѣшительно никто не видѣлъ, и операція сошла удачно.

На обратномъ пути, около $3\frac{1}{2}$ часовъ утра, когда намъ уже былъ виденъ возвращающійся Полу-Дивизіонъ, мы замѣтили на горизонтѣ, приблизительно на NW, орудійныя вспышки и услышали гулъ выстрѣловъ.

Оставалось только предположить, что это наши крейсера встрѣтились съ непріятельскими развѣдчиками, такъ какъ было извѣстно, что Адмиралъ Бахиревъ со своей Бригадой Крейсеровъ находится въ морѣ, прикрывая нашу экспедицію. Такъ потомъ и оказалось: со стороны непріятеля былъ крейсеръ „Аугсбургъ“ съ двумя миноносцами.

Послѣ нашего соединенія съ Полу-Дивизіономъ, весь отрядъ благополучно вернулся въ Моонзундъ.

Нельзя не высказать удивленія, что развѣдка непріятеля у Либавы была такъ слаба: столько миноносцевъ подходило почти къ самому порту въ свѣтлую ночь, да еще съ факелами изъ трубъ, и никто ихъ не замѣтилъ.

Скоро результатъ постановки оказался на лицо, такъ какъ непріятель доносилъ, что у Либавы взорвался миноносецъ. Такимъ образомъ, его упорное траленіе въ теченіе нѣсколькихъ дней было сведено на нѣтъ.

Въ тотъ же день намъ пришлось опять принять 50 минъ съ заградителя „Енисей“ и въ 6 часовъ вечера, „Новикъ“

вмѣстѣ съ Полу-Дивизіономъ пошелъ къ Михайловскому маяку. Погода, къ тому времени, сильно испортилась; подулъ свѣжій вѣтеръ и пошелъ дождь.

Въ 2 часа ночи миноносцы встали на якорь у Михайловскаго маяка, а въ 4 часа пошли ставить загражденіе. Во время постановки „Новикъ" находился въ серединѣ Полу-Дивизіона. Постановка прошла не совсѣмъ гладко, такъ какъ „Пограничникъ" сильно оттянулъ, да и вообще было трудно маневрировать въ одной линіи такимъ разнотипнымъ судамъ.

Въ этотъ разъ впервые ставились мины образца 1912 года, съ клапанами потопленія. Придавая имъ большое значеніе, мы очень интересовались, какъ онѣ будутъ дѣйствовать.

Когда отрядъ отошелъ на нѣкоторое разстояніе отъ мѣста постановки, вдругъ послышалось два сильныхъ взрыва: было очевидно, что взорвались двѣ нашихъ мины, послѣ того, какъ растаялъ сахаръ.

Черезъ нѣсколько времени, внезапно, нашелъ очень густой туманъ, и продолжать путь было страшно трудно; чтобы не растеряться, приходилось временами свѣтить прожекторами, и это сильно облегчало поддержаніе строя.

Туманъ на морѣ — это ужасно непріятное явленіе. Если море почти неподвижно, а въ воздухѣ чувствуется сырость — то онъ неминуемъ; его можно предсказать безъ ошибки.

Туманъ спускается на море очень быстро, и почти моментально все заволакивается густой бѣлой пеленой; очертанія береговъ сливаются съ моремъ, и контуры сосѣднихъ кораблей исчезаютъ. Ничего не видно — временами скрывается даже носъ корабля, точно спустился какой-то гигантскій сводъ, изъ подъ котораго нѣтъ никакого выхода. Море видно только у самаго борта, и какъ-то зловѣще темнѣя, оно недовольно плещется въ туманѣ. Ощущается сырой воздухъ, который непріятно пронизываетъ одежду; со снастей капаетъ, и всѣ предметы становятся влажными.

Кругомъ начинаютъ гудѣть свистки и ревѣть сирены, которыми суда даютъ о себѣ знать. На мостикѣ напряженно прислушиваются и стараются опредѣлить ихъ направленіе и разстояніе. Хотя кругомъ и ничего не видно, но необходимо зорко слѣдить за окружающимъ, чтобы во время замѣтить, если изъ мглы неожиданно вынырнетъ какой-нибудь неопредѣленный, расплывчатый силуэтъ. Пропустишь, не замѣтишь, и катастрофа неизбѣжна.

Вскорѣ всѣ эти дикіе звуки, время отъ времени заглушаемые ревомъ свистка своего корабля, начинаютъ страшно раздражать и, наконецъ, теряешь всякую способность различать — съ какой стороны какой звукъ доносится. То кажется, что звукъ приближается, то — удаляется; то онъ слышится справа,

то — слѣва. . . То и дѣло нервно хватаешься за ручки телеграфа, чтобы въ случаѣ чего успѣть во время измѣнить ходъ, но, вслушавшись, опять бросаешь ихъ и ждешь. . .

Временами пелена какъ бы разрывается, и въ эти просвѣты на нѣсколько минутъ открывается чистый горизонтъ. Торопливо и жадно ловишь этотъ моментъ, чтобы что-нибудь увидѣть и хоть немного оріентироваться.

Такой туманъ, если онъ продолжается долго, когда идешь въ виду береговъ въ мѣстахъ, гдѣ есть мели и камни, опаснѣе любой непогоды. Малѣйшая ошибка въ счисленіи и — корабль выскочитъ на мель, или разобьется о скалы. . .

Около полудня отрядъ сталъ входить въ Моонзундъ и, такъ какъ весь переходъ былъ совершенъ въ сплошномъ туманѣ, то, благодаря получившейся въ прокладкѣ ошибкѣ, при поворотѣ въ Куйвастъ, головной миноносецъ оказался на 10-ти футовой банкѣ.

Къ счастью, въ этотъ моментъ прояснило, и все обошлось сравнительно благополучно; только „Сибирскій Стрѣлокъ" слегка коснулся винтами грунта.

Послѣ этого отрядъ благополучно дошелъ до якорнаго мѣста, а когда окончательно разъяснило, „Новикъ" подошелъ къ транспорту „Волга", чтобы принять нефть, и тамъ остался на ночь.

На слѣдующій день Полу-Дивизіонъ и одна группа 2-го Дивизіона ушли въ Ревель, а „Новикъ", 3-ій и 5-ый Дивизіоны и вторая группа 2-го Дивизіона остались въ Моонзундѣ. Всѣмъ намъ была дана задача охранять входъ въ Ирбенъ и, кромѣ того, поддержать посты Службы Связи, отступавшіе по побережью отъ занятой непріятелемъ Либавы. Для этого командиръ перешелъ въ Куйвастъ, а остальные миноносцы по очереди несли дежурство у Михайловскаго маяка.

До 30-го числа „Новикъ" стоялъ безъ всякаго движенія и мы даже начали уже скучать, какъ 1-го мая были получены свѣдѣнія, что непріятель предполагаетъ завтра устроить демонстрацію въ Финскомъ заливѣ съ большими силами; ввиду этого, у насъ, въ Моонзундѣ, были сосредоточены подлодки и миноносцы.

Въ этотъ же день у Утэ появился непріятельскій легкій крейсеръ типа „Нимфэ" съ миноносцемъ и подлодкой. Очевидно, цѣлью этого появленія была ловушка, и непріятель желалъ выманить наши крейсера, которые тамъ стояли на якорѣ. Вмѣсто этого, онъ самъ попалъ на нашу подлодку „Драконъ", которая дважды его атаковывала, но, къ сожалѣнію, безуспѣшно.

На слѣдующій день задулъ сильный штормъ, такъ что едва-ли непріятель могъ что-либо предпринять; даже у насъ

въ Моонзундѣ стало такъ свѣжо, что пришлось перейти за островъ Моонъ. Черезъ день штормъ началъ стихать, и скоро стало опять совсѣмъ тихо.

8-го мая былъ экстренно вызванъ въ Ревель миноносецъ „Пограничникъ", какъ оказалось, для перевозки тѣла Командующаго Флотомъ, Адмирала Н. О. фонъ-Эссена, который неожиданно скончался отъ воспаленія легкихъ. Хоронить его предполагалось въ Петроградѣ, въ Ново-Дѣвичьемъ Монастырѣ, и для перевезенія туда тѣла былъ избранъ „Пограничникъ", какъ самый любимый имъ корабль.

Это извѣстіе насъ страшно поразило. Въ лицѣ Адмирала Эссена мы несли наибольшую потерю за время войны, потерю страшную и невознаградимую. И кто же могъ быть достой-

21. Эскадренный миноносецъ „Пограничникъ".

нымъ ему замѣстителемъ — Адмиралы: Русинъ, Стеценко, Керберъ или Канинъ? Можетъ быть, это и достойнѣйшіе люди, но они ничѣмъ особенно не выдѣлились и, во всякомъ случаѣ, не пользовались такимъ авторитетомъ, какимъ пользовался покойный Адмиралъ.

Адмиралъ Н. О. фонъ-Эссенъ умеръ всего 54 лѣтъ, надорвавшись отъ девятимѣсячной напряженной работы во время войны. Легкая простуда оказалась роковой, и Балтійскій Флотъ лишился своего славнаго вождя.

Какъ живой возстаетъ онъ въ памяти... Небольшого роста, съ умными сѣрыми глазами, съ маленькой рыжеватой бородкой, съ быстрыми и энергичными движеніями... Съ перваго же знакомства, онъ производилъ сильное впечатлѣніе.

Его высокій умъ, военный талантъ и большія организаторскія способности принесли неоцѣнимыя услуги Русскому флоту, а отеческое и справедливое отношеніе къ подчиненнымъ внушали къ нему глубокую любовь всего личнаго состава флота. За нимъ и съ нимъ — работали не за страхъ, а за совѣсть...

Николай Оттовичъ фонъ-Эссенъ родился въ Петроградѣ, 11-го декабря 1860 года. Въ 1880 году, онъ первымъ окончилъ Морское Училище, такъ что его имя занесено на мраморную доску. Потомъ онъ окончилъ Морскую Академію и Офицерскіе Артиллерійскіе классы и вплоть до Японской войны непрерывно плавалъ. Нѣсколько лѣтъ онъ провелъ на Дальнемъ Востокѣ и въ Средиземномъ морѣ, а въ 1902 году получилъ въ командованіе только что построенный крейсеръ „Новикъ", который и повелъ на Дальній Востокъ.

22. Командующій Флотомъ Балтійскаго моря, Адмиралъ Николай Оттовичъ фонъ-Эссенъ.

Вспыхнула война, и, при защитѣ Портъ-Артура, и онъ, и его „Новикъ", покрыли себя неувядаемой славой.

Вотъ памятное 27-ое января 1904 года. „Новикъ" первымъ атакуетъ непріятельскую эскадру и подъ убійственнымъ огнемъ подходитъ къ ней всего на 15-17 кабельтовыхъ. Такая отвага приводитъ въ изумленіе даже противника.

Наскоро исправивъ полученныя въ первомъ бою поврежденія, онъ, 12-го февраля, уже принимаетъ дѣятельное участіе во второмъ бою съ японской эскадрой, а затѣмъ неоднократно

производитъ дерзкія развѣдки и оказываетъ поддержку своимъ миноносцамъ.

26-го февраля, подъ флагомъ Адмирала С. О. Макарова, онъ идетъ на выручку погибающему „Стерегущему".

„Новикъ" всегда въ движеніи, всегда и всюду первый, онъ гроза непріятельскихъ миноносцевъ. . .

Вскорѣ Н. О. Эссенъ получаетъ новое назначеніе: ему ввѣряется броненосецъ „Севастополь". Несмотря на то, что онъ принимаетъ корабль значительно поврежденнымъ въ бояхъ, онъ съ нимъ участвуетъ во всѣхъ выходахъ съ Адмираломъ Макаровымъ.

Послѣ гибели Адмирала Макарова, Н. О. Эссенъ назначается на должность флагъ-капитана при Начальникѣ Эскадры и все время настаиваетъ на ея активной дѣятельности. „Не флотъ для Артура, а Артуръ для флота" — говоритъ онъ.

10-го іюня, во время выхода эскадры, „Севастополь" подрывается на минѣ и, отбиваясь отъ минныхъ атакъ, только благодаря умѣлымъ распоряженіямъ своего командира, благополучно возвращается въ гавань.

Быстро исправивъ поврежденія, броненосецъ 28-го іюля участвуетъ въ неудавшемся прорывѣ эскадры во Владивостокъ. Во время боя, онъ пытается таранить противника и прорвать его строй. Но это ему не удается, и съ эскадрой онъ возвращается въ Портъ-Артуръ.

10-го августа „Севастополь" одинъ выходитъ въ бухту Тахэ и тамъ огнемъ своихъ 12" орудій сбиваетъ непріятельскія батареи. На обратномъ пути, онъ опять подрывается на минѣ и, подъ сильнымъ огнемъ непріятельскаго флота, возвращается въ гавань.

24-го октября броненосецъ уже исправленъ.

25-го ноября, вмѣсто того, чтобы „Севастополю" безславно погибать въ гавани, Н. О. Эссенъ рѣшаетъ при первомъ же благопріятномъ случаѣ, прорвать блокаду. Для этого броненосецъ выходитъ на внѣшній рейдъ. Въ ту же ночь онъ подвергается ожесточенной атакѣ непріятельскихъ миноносцевъ, и такія же атаки повторяются почти ежедневно. Всѣ онѣ отбиваются съ большимъ урономъ для противника. Наконецъ, изъ болѣе чѣмъ семидесяти, выпущенныхъ миноносцами минъ, двѣ достигаютъ цѣли, и „Севастополь" получаетъ тяжкія поврежденія.

Однако и послѣ этого онъ принимаетъ еще участіе въ перекидной стрѣльбѣ по непріятельскимъ береговымъ батареямъ и наноситъ имъ большой вредъ.

Одновременно, Н. О. Эссенъ назначается начальникомъ Ляотешанскаго отдѣла обороны и на сушѣ продолжаетъ свою кипучую дѣятельность по защитѣ Артура.

19-го декабря получается приказъ объ уничтоженіи кораблей. Чтобы „Севастополь“ не могъ достаться непріятелю даже въ испорченномъ видѣ, Н. О. Эссенъ, при невѣроятно трудныхъ условіяхъ, выводитъ и топитъ его у Ляотешана, на глубинѣ 25 саженей.

На „Севастополѣ“ онъ остается до его самаго послѣдняго момента, и только когда броненосецъ уже сильно погрузился и получилъ большой кренъ, наконецъ, соглашается перейти на подошедшій къ борту буксиръ. Съ него онъ наблюдаетъ за тяжелой картиной гибели своего корабля. . . Самъ онъ ее описываетъ такъ: „. . . Кренъ быстро увеличивался на правый бортъ. Вотъ палуба его вошла въ воду; все на ней посыпалось. Но вотъ корабль зачерпнулъ трубами и вдругъ сразу опрокинулся. Красная подводная часть его показалась на минуту на поверхности, таранъ вылѣзъ наверхъ, корма грузно опустилась, и броненосецъ исчезъ подъ водой. . .“

Дѣятельность Н. О. Эссена въ Портъ-Артурѣ не прошла незамѣченной. Артуръ его выдвинулъ и далъ право считаться однимъ изъ самыхъ выдающихся офицеровъ нашего флота.

Послѣ возвращенія Н. О. Эссена въ 1905 году въ Россію, начинается новый періодъ его дѣятельности, дѣятельности организаторской, на основаніи выводовъ, сдѣланныхъ изъ опыта войны.

Въ этомъ году онъ назначается командиромъ вновь строившагося тогда въ Англіи крейсера „Рюрикъ“ и одновременно — командиромъ 20-го Флотскаго Экипажа. Какъ разъ въ это время, въ Кронштадтѣ вспыхиваетъ бунтъ, къ которому примыкаютъ матросы всѣхъ экипажей. Въ городѣ идутъ буйные грабежи и безчинства; слышна безпрерывная стрѣльба; повсюду видны пьяныя банды. Нѣтъ нигдѣ только матросовъ 20-го Экипажа: онъ весь остался въ казармахъ и къ бунту не присоединился. Это былъ Экипажъ, какъ и всѣ другіе: и онъ былъ недалекъ отъ участія въ мятежѣ. Разобравъ винтовки, матросы уже направились было къ выходу. Вдругъ неожиданно, у воротъ казармъ, путь имъ преградилъ Командиръ Экипажа, который былъ совершенно одинъ. Въ рукѣ у него былъ револьверъ. Въ слѣдующую минуту раздался его рѣшительный окрикъ „Назадъ! . . Только черезъ мой трупъ вы выйдете отсюда!“ . . Матросы замялись и, воспользовавшись моментомъ, Н. О. Эссенъ сталъ убѣждать ихъ отказаться отъ безумнаго шага. Онъ говорилъ имъ о значеніи Воинской Присяги, о томъ, что сами же они потомъ будутъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ, да будетъ поздно. . . Матросы сумрачно слушали своего Командира, сгрудившись вокругъ: каждое его слово пронизывало ихъ, какъ электрическая искра. . . Вскорѣ отъ мятежнаго настроенія не осталось и слѣда, и матросы вернулись въ казармы. . . Ни

одного своего командира потомъ они не любили такъ, какъ любили Эссена.

Этотъ подвигъ стоилъ „Новика" и „Севастополя". . .

Въ 1906 году ему ввѣряется отрядъ минныхъ крейсеровъ. Подъ его талантливымъ командованіемъ, этотъ отрядъ становится ядромъ возсоздающагося флота, и въ немъ вырабатывается цѣлый рядъ отличныхъ командировъ и молодыхъ офицеровъ. Создается школа Эссена подобно тому, какъ нѣкогда школы Лазарева, Бутакова, Макарова. . .

Въ 1908 году, уже Контръ-Адмираломъ, Н. О. Эссенъ назначается Начальникомъ Морскихъ Силъ Балтійскаго моря, а послѣ утверждается Командующимъ Флотомъ и въ этой должности остается до послѣдняго дня своей жизни.

За семь съ небольшимъ лѣтъ, онъ буквально возродилъ флотъ и уничтожилъ рутину, пустившую было уже глубокіе корни.

Онъ доказалъ, что береговыя учрежденія должны служить для флота, а не наоборотъ. Возродилъ завѣтъ С. О. Макарова, что „въ морѣ — значитъ дома" и пріучилъ флотъ плавать не только лѣтомъ, но и осенью и зимой, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Н. О. Эссенъ постоянно говорилъ, что практика — это все, что безъ нея нельзя ничему научиться и ничего добиться. Онъ впервые воспротивился тому, чтобы командировъ кораблей подвергали безпощадной отвѣтственности за малѣйшую посадку, отнимая у нихъ всякую охоту подвергаться какому-либо риску. Въ результатѣ — флотъ сталъ при немъ полнымъ хозяиномъ своихъ водъ и не пользовался больше лоцманами для прохода трудными фарватерами. Но не только это доказалъ Н. О. Эссенъ; онъ доказалъ еще много и другихъ простыхъ истинъ, которыя до него у насъ понимали какъ-то плохо.

Всегда личнымъ примѣромъ доказывая правильность своихъ сужденій и дѣйствій, Н. О. Эссенъ не ограничивался только писаніемъ приказовъ, но слѣдилъ самъ за проведеніемъ ихъ въ жизнь и безпрестанно плавалъ, менѣе всего при этомъ заботясь о своемъ удобствѣ.

Онъ всегда былъ въ движеніи, и не легко его было застать гдѣ-нибудь: сегодня онъ въ Либавѣ, завтра въ Ревелѣ, послѣзавтра гдѣ-нибудь въ шхерахъ. . . Только радіо-телеграммы были въ состояніи угнаться за неугомоннымъ Адмираломъ, а услѣдить — только Служба Связи со своихъ постовъ.

Уже и теперь результаты его огромной, плодотворной работы на лицо. Отойдя въ вѣчность, онъ оставилъ намъ въ блестящемъ состояніи флотъ, офицеровъ своей славной школы, способныхъ продолжать его дѣло, и превосходное стратегическое положеніе, занятое нашимъ флотомъ.

Невольно приходятъ на умъ слова покойнаго Адмирала, сказанныя имъ въ началѣ войны, въ которыхъ полностью сказались его благородство и доблесть: „Готовлюсь вступить въ бой, можетъ быть, послѣднiй въ моей жизни. Иду со спокойной совѣстью, ибо сознаю, что сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы использовать данныя мнѣ средства. Мы выполнимъ свой долгъ до конца."

Эссена нѣтъ. . . Но Русскiй флотъ его не забудетъ и никогда не изгладитъ изъ благодарной памяти своей того многаго, чѣмъ онъ ему обязанъ. . .

X.

Первое появленіе непріятельскихъ аэроплановъ въ Рижскомъ заливѣ. Развѣдки „Новика“. Гибель „Енисея“. Бой „Дерзкаго“ и „Гнѣвнаго“ съ „Бреслау“. Бой 5-го и 6-го Дивизіоновъ Миноносцевъ съ крейсерами.

По смерти Н. О. Эссена, временно, въ Командованіе Флотомъ вступилъ Начальникъ Штаба, Вице-Адмиралъ Л. Ф. Керберъ.

Послѣдующіе дни было тихо, и потому мы занялись артиллерійскими и минными стрѣльбами, такъ какъ за зимнее время сильно поотвыкли отъ этого занятія.

12-го мая, наконецъ, выяснилось, что по Высочайшему Повелѣнію новымъ Командующимъ Флотомъ назначенъ Вице-Адмиралъ В. А. Канинъ. Почти по общему мнѣнію, это былъ лучшій выборъ изъ имѣвшихся кандидатовъ, такъ какъ Адмиралъ Канинъ съ первыхъ дней войны зарекомендовалъ себя съ самой лучшей стороны, и всю заслугу организаціи обороны въ то время надо отнести на его счетъ.

Одновременно съ этимъ, къ намъ въ Куйвастъ прибылъ вновь назначенный Начальникъ Минной Дивизіи, Капитанъ 1-го ранга П. П. Трухачевъ, назначенію котораго всѣ были очень рады.

Тогда же, изъ Высочайшаго Приказа мы узнали, что турецкій крейсеръ „Меджидіе“ зачисленъ въ списки Черноморскаго Флота и получилъ имя „Прутъ“, въ честь погибшаго въ началѣ войны заградителя.

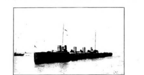
Черезъ нѣсколько дней „Новикъ“ и Полу-Дивизіонъ были посланы на дежурство въ Ирбенскій проливъ. Оно заключалось въ томъ, что „Новикъ“, въ полной готовности, стоялъ на Аренсбургскомъ рейдѣ, а остальные миноносцы, по очереди, несли дозоръ у Михайловскаго маяка.

Вскорѣ, однако, насъ вытребовали въ Куйвастъ, гдѣ приказали принять полный запасъ нефти и быть въ готовности.

Тамъ мы прождали два дня, и только на третій день насъ срочно вытребовали къ Михайловскому маяку, такъ какъ посты

Службы Связи стали обнаруживать появленіе непріятеля у входа въ Рижскій заливъ, Дагерорта и Утэ.

Одновременно съ этимъ, въ первый разъ надъ Рижскимъ заливомъ появился непріятельскій гидропланъ и бросилъ нѣсколько бомбъ въ канонерскую лодку „Грозящій", но не попалъ.

23. „Новикъ" на рейдѣ Аренсбурга.

Но все же, мы такъ до Ирбена и не дошли, потому что, насколько срочно насъ послали, настолько же срочно и вернули обратно, по какимъ-то неизвѣстнымъ соображеніямъ.

Сегодня же вернулась съ моря подлодка „Окунь"; она на параллели Виндавы встрѣтила непріятельскій отрядъ, состоявшій изъ десяти большихъ кораблей и миноносцевъ. „Окунь"

24. Рейдъ Куйвастъ въ Моонзундѣ.

сейчасъ же ихъ атаковалъ и выпустилъ мину въ головной корабль. Замѣтивъ это, противникъ сталъ его таранить и ему удалось согнуть, почти подъ прямымъ угломъ, перископъ.

Когда „Окунь" выпустилъ мину и сталъ быстро погружаться, онъ услыхалъ сильный взрывъ, настолько сильный, что у него полопались электрическія лампочки; поэтому есть основаніе предполагать, что его мина достигла цѣли.

Благодаря согнутости перископа, „Окунь“ оказался въ очень опасномъ положенiи и съ большимъ трудомъ вернулся назадъ.

Весь день у входа въ Рижскiй заливъ держался непрiятельскiй отрядъ, состоявшiй изъ двухъ легкихъ крейсеровъ, транспорта съ гидропланами и 11-ти миноносцевъ, но особенно ничѣмъ себя не проявлялъ. Ночью тоже ощущалось его присутствiе и, повидимому, онъ продолжалъ держаться недалеко въ морѣ.

Въ 10 часовъ утра 22-го мая „Новику“ было приказано идти къ Михайловскому маяку. Подходя туда, мы впервые увидѣли два большихъ непрiятельскихъ гидроплана, которые только что кончили сбрасывать бомбы и теперь улетали къ себѣ на югъ.

Ими было сброшено 20 бомбъ, и хотя ни одна изъ нихъ цѣли не достигла, но надо отдать справедливость: всѣ онѣ сбрасывались очень мѣтко и ложились у самыхъ бортовъ нашихъ миноносцевъ, которые, не имѣя никакого оружiя, чтобы отогнать гидропланы, только отстрѣливались изъ пулеметовъ и винтовокъ и старались увернуться отъ ударовъ. Неизвѣстно, конечно, насколько такое средство дѣйствительно, но было похоже, что имъ, до нѣкоторой степени, достигалась цѣль, а главное, это сильно успокаивало команду, на которую, съ непривычки, бомбы, сбрасываемыя сверху, дѣйствовали довольно непрiятно.

Подойдя къ Михайловскому маяку, „Новикъ“ всталъ на якорь. Въ это время Полу-Дивизiонъ, который пришелъ съ минами, былъ посланъ заградить сѣверный проходъ въ заливъ. Такимъ образомъ для нашихъ выходовъ въ море былъ оставленъ только южный.

Днемъ было принято радiо „Грозящаго“, которымъ онъ доносилъ, что ясно видѣлъ здѣсь въ заливѣ непрiятельскую подлодку. Многiе отнеслись къ этому извѣстiю скептически — ужъ слишкомъ это казалось тогда невѣроятнымъ.

Остальную часть дня миноносцы крейсеровали вдоль минной позицiи, причемъ на горизонтѣ, все время, были видны дымы непрiятельскихъ судовъ.

По донесенiямъ Люзерорта, тамъ держались тѣ же вчерашнiе два легкихъ крейсера, авiацiонная матка и 11 миноносцевъ.

Въ 5 часовъ вечера къ „Новику“ подошелъ Полу-Дивизiонъ подъ брейдъ-вымпеломъ Начальника Минной Дивизiи, который приказалъ намъ вернуться въ Куйвастъ. Непрiятель, повидимому, тоже собирался уходить, такъ какъ дымы стали понемногу скрываться на югъ.

На пути въ Куйвастъ мы приняли печальное радiо о томъ, что заградитель „Енисей“, на переходѣ изъ Ревеля въ Моон-

зундъ, недалеко отъ маяка Оденсхольмъ, былъ потопленъ непріятельской подлодкой.

Потомъ стало извѣстно, что его гибель продолжалась въ теченіе 10-ти минутъ и, такъ какъ по близости, въ этотъ моментъ, никого не было, а вода была еще очень холодная, то спаслось всего 19 матросовъ, и изъ офицеровъ — одинъ лишь старшій механикъ. Кромѣ того, позднѣе, рыбаки подобрали еще одного матроса; всѣ же остальные, въ количествѣ болѣе 200 человѣкъ — погибли.

По разсказамъ очевидцевъ, когда „Енисей" погружался въ воду, всѣ погибавшіе пѣли гимнъ, а командиръ, Капитанъ 1-го ранга Прохоровъ, стоялъ на мостикѣ, отказавшись принять какія-либо мѣры къ своему спасенію. Трагично было въ его гибели то, что это былъ послѣдній его походъ на „Енисеѣ", такъ какъ онъ уже былъ назначенъ командиромъ одного изъ крейсеровъ и остался на заградителѣ только потому, что не успѣлъ еще окончательно его сдать.

Нельзя не признать, что „Енисей" погибъ очень красиво, и честь и слава его командиру, офицерамъ и командѣ; но зачѣмъ же онъ шелъ днемъ совершенно одинъ, безъ конвоира? Вѣдь было извѣстно, что непріятельскія подлодки свободно проникають въ Финскій заливъ, и поэтому большимъ тихоходнымъ судамъ рискованно идти одннмъ. Слѣдовательно, его гибель есть чей-то непростительный недосмотръ изъ-за котораго совершенно зря погибло столько жизней. Спасеніе небольшой горсточки тонувшихъ произошло совершенно случайно, благодаря тому, что въ моментъ катастрофы, въ разстояніи 7—8 миль,

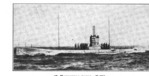

25. Заградитель „Енисей".

оказался миноносецъ „Рьяный", который, увидя взрывъ, полнымъ ходомъ пошелъ туда. Но такъ какъ ему удалось подойти только черезъ 20 минутъ, то было поздно — вода была слиш-

комъ холодна, чтобы въ ней можно было долго держаться, и большинство людей утонуло.

Какъ потомъ выяснилось, „Енисей" былъ потопленъ подлодкой „U 26", то есть той же лодкой, которая потопила и „Палладу".

26. Подводная лодка „U 26".

Около 10 часовъ вечера „Новикъ" благополучно вернулся въ Куйвастъ и ошвартовался къ „Волгѣ".

Ночью Люзерортъ донесъ, что видѣлъ четыре непріятельскихъ миноносца, которые, повидимому, ставили мины, причемъ указанное имъ мѣсто оказалось немного мористѣе того, гдѣ уже были поставлены наши загражденія. Такимъ образомъ вышло, что непріятель только усилилъ нашу позицію.

Въ слѣдующій день непріятель больше не показывался, и надо предполагать, что свои операціи закончилъ, но въ чемъ онѣ заключались, было трудно опредѣлить. Вѣрнѣе всего, что это былъ заслонъ съ развѣдкой для обезпеченія передвиженія войскъ морскими путями къ Либавѣ.

Сегодня днемъ миноносецъ „Расторопный" увидѣлъ подлодку въ Финскомъ заливѣ за Центральной позиціей. Какъ разъ въ это время наши дредноуты недалеко отъ этого мѣста производили учебную стрѣльбу. Имъ тотчасъ же было приказано вернуться въ Гельсингфорсъ, а всѣмъ миноносцамъ немедленно изслѣдовать подозрительный районъ. Проискавъ нѣсколько часовъ, они однако никакой лодки не обнаружили.

Операціи союзниковъ у Дарданеллъ, кажется превратились въ своего рода спортъ. Къ нимъ приковано вниманіе всего міра, и печать стремится хоть приблизительно подсчитать шансы обѣихъ сторонъ на конечный результатъ.

Послѣ первой неудачи союзники пополнили тамъ убыль своего флота, но форсировать съ налета проливъ ужъ больше

не пытались. Они стали концентрировать на Лемносѣ десантныя войска, которыя 12-го апрѣля произвели первую высадку. Имъ удалось закрѣпиться на берегу, но дальнѣйшія попытки продвинуться впередъ кончались неудачей; при этомъ, англичане несли огромныя потери.

Англійское правительство все еще увѣрено въ возможности быстраго паденія Дарданеллъ. Любопытно отмѣтить взглядъ Черчилля на неудавшійся прорывъ 5-го марта. Въ потеряхъ флота за этотъ день онъ не усмотрѣлъ ничего особеннаго и высказался за повтореніе попытки, хотя бы для этого пришлось „уложить“ и всѣ шестнадцать кораблей. Конечно, сидя въ кабинетѣ и не уясняя себѣ характера сложившейся обстановки на мѣстѣ, очень легко посылать на вѣрную гибель какое-угодно количество и кораблей, и людей; можно „уложить“ и не шестнадцать, а тридцать два корабля, и болѣе, но врядъ-ли отъ этого получится какой-нибудь толкъ. . . Кажется, французское командованіе это поняло и категорически воспротивилось повторенію злополучной попытки.

Нѣмцы за это время не дремали, и цѣлый рядъ ихъ подлодокъ, повидимому, получилъ приказаніе идти къ Дарданелламъ и атаковать сосредоточенный тамъ союзный флотъ. Результаты для союзниковъ получились самые печальные: 1-го мая былъ потопленъ броненосецъ „Голіафъ“, 12-го мая — „Тріумфъ“ и 14-го мая — „Мажестикъ“. Кромѣ того было потоплено нѣсколько миноносцевъ и транспортовъ.

Что-то похоже на то, что операціи у Дарданеллъ окажутся просто авантюрой, которая не принесетъ никакой пользы дѣлу войны. . .

24-го мая вернулась изъ похода англійская подлодка „Е 9“ и донесла, что у Готска-Сандэ она потопила непріятельскіе миноносецъ и транспортъ, а можетъ быть и не одинъ, а два миноносца. Подлодка атаковала ихъ, когда они стояли ошвартовавшись къ транспорту; при этомъ она наблюдала два большихъ взрыва.

25-го мая задулъ сильный штормъ и намъ пришлось отмѣнить предположенную стрѣльбу минами. На слѣдующій день онъ стихъ, и мы получили возможность стрѣлять. Стрѣльба была на 20-ти узловомъ ходу по пароходу „Водолей“, причемъ были выпущены два залпа, одинъ за другимъ, по 4 мины. Первый залпъ легъ очень удачно подъ самымъ носомъ „Водолея“; а второй — подъ его кормой.

27-го мая „Новикъ“ получилъ приказаніе идти къ острову Утэ, къ Бригадѣ Крейсеровъ. Въ 8 часовъ вечера, принявъ полный запасъ нефти, мы вышли по назначенію. Пройдя Моонзундъ и выйдя въ море, мы приготовились отразить атаки подлодокъ, такъ какъ, послѣ случая съ „Енисеемъ“, Командую-

щій Флотомъ приказалъ принимать всѣ мѣры предосторожности.

Къ разсвѣту мы подошли къ Утэ, но крейсеровъ не нашли, и пришлось идти дальше въ Люмъ, гдѣ ихъ и застали. Командиръ сейчасъ-же поѣхалъ къ Адмиралу Бахиреву, и тогда выяснилось, что насъ вызвали для охраны тральщиковъ, при ихъ работѣ на внѣшнихъ фарватерахъ.

Въ Люмѣ „Новика" продержали почти четыре дня, но такъ ни разу и не тронули; правда, было очень пріятно повидаться съ офицерами крейсеровъ, но было бы еще пріятнѣе, если бы насъ хоть какъ-нибудь использовали. Между прочимъ, на крейсерахъ разсказывали про встрѣчу съ непріятелемъ въ маѣ, когда мы ходили къ Либавѣ. Они увѣряли, что были видны попаданія съ нашей стороны, хотя стрѣльба была и не важна, такъ какъ было довольно темно, и притомъ она была первой, послѣ зимней стоянки. Въ наши же корабли ни одного попаданія не было.

На четвертый день мы получили приказаніе отъ большого Штаба идти обратно въ Куйвастъ. Въ 8 часовъ вечера „Новикъ", вмѣстѣ съ миноносцемъ „Москвитянинъ", вышелъ въ море и безъ всякихъ приключеній пришелъ въ Моонзундъ.

4-го іюня стали получаться тревожныя свѣдѣнія, что непріятель собирается предпринять какую-то операцію въ нашихъ водахъ, и что постъ на Дагерортѣ уже видѣлъ развѣдчиковъ.

На слѣдующій день опять были видны развѣдчики, а еще черезъ день на горизонтѣ Люверорта появился непріятельскій отрядъ, состоявшій изъ 2 крейсеровъ, 6 миноносцевъ и подлодки. Можно было предположить, что они ставили мины.

Въ этотъ день „Новику" было приказано, совмѣстно съ 1-ой группой 5-го Дивизіона, 2-ой группой 6-го Дивизіона и Полу-Дивизіономъ, поставить загражденіе южнѣе Виндавы. Для этого въ 5 часовъ вечера нашъ отрядъ вышелъ въ море и, пройдя Рижскій заливъ, на параллели Люверорта, раздѣлился: „Новикъ" и 1-ая группа 5-го Дивизіона вышли въ открытое море, а другіе продолжали идти на югъ вдоль берега. Цѣлью нашей группы было служить прикрытіемъ для Полу-Дивизіона, во время постановки минъ; кромѣ того, „Новикъ" долженъ былъ произвести глубокую развѣдку въ море. 2-ая группа 6-го Дивизіона въ это время охраняла постановку съ юга, пройдя немного дальше вдоль берега.

Отойдя отъ берега, „Новикъ" отдѣлился отъ 5-го Дивизіона и, давъ 24 узла, пошелъ на развѣдку. Пройдя 40 миль, командиръ приказалъ повернуть обратно, сбавивъ ходъ до 10 узловъ; за все это время ничего подозрительнаго видно не было.

Въ это время Полу-Дивизіонъ и „Финнъ" должны были поставить загражденіе на 7 миль южнѣе Виндавы и въ 3 миляхъ

отъ берега. Конецъ постановки обозначался условнымъ радіо, принявъ которое, „Новикъ" могъ возвращаться. Вскорѣ это радіо было нами принято и, прибавивъ ходъ, мы пошли въ Рижскій заливъ, гдѣ и соединились со всѣми остальными миноносцами.

Съ 8-го до 13-го іюня „Новикъ" спокойно простоялъ въ Куйвастѣ.

Изъ Чернаго моря пришло извѣстіе о боѣ „Деркаго" и „Гнѣвнаго" съ „Бреслау", происшедшемъ въ ночь съ 28-го на 29-ое мая.

Эти миноносцы вышли на развѣдку въ районъ Зунгулдака. Какъ разъ былъ періодъ безлунныхъ ночей, которыми турки обыкновенно пользовались для доставки угля изъ Зунгулдака въ Константинополь. Погода стояла отличная: море — какъ зеркало, ясное небо и тепло. Походъ обѣщалъ быть очень пріятнымъ.

Съ наступленіемъ темноты, миноносцы уменьшили ходъ и, безшумно скользя по водной глади, шли по направленію Босфора.

Вдругъ, глубокой ночью, они открыли въ разстояніи 10—15 кабельтовыхъ, силуэтъ какого-то корабля. Судя по очертаніямъ, это былъ — „Бреслау". Повидимому, и онъ замѣтилъ миноносцы, такъ какъ зажегъ прожекторъ и сталъ водить имъ по горизонту. Случайно лучъ упалъ на „Гнѣвнаго", по которому сейчасъ же послѣдовалъ залпъ.

Не теряя ни минуты, „Дерзкій" зашелъ подъ корму „Бреслау" и открылъ сильный огонь вдоль крейсера. Первымъ же залпомъ онъ повредилъ ему кормовое орудіе. „Бреслау", видя свое невыгодное положеніе, старался развернуться такъ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать всѣмъ бортомъ. Однако, командиръ „Дерзкаго", Капитанъ 2-го ранга А. О. Гаддъ, обладая бо́льшимъ ходомъ, продолжалъ все время держаться ему въ кильватеръ. Каждый маневръ „Бреслау" сейчасъ же встрѣчалъ съ его стороны соотвѣтствующій контръ-маневръ. Тогда противникъ, закрывъ свѣтъ и сдѣлавъ еще нѣсколько безпорядочныхъ выстрѣловъ, сталъ быстро уходить, преслѣдуемый насѣдавшимъ „Дерзкимъ". Какъ выяснилось позже, во время этого боя, на „Бреслау" были убиты его командиръ и 60 человѣкъ команды.

Потерявъ, наконецъ, въ темнотѣ „Бреслау", „Дерзкій" вернулся къ мѣсту первоначальной встрѣчи съ нимъ и сталъ искать „Гнѣвнаго". Онъ нашелъ его только съ разсвѣтомъ, послѣ двухчасовыхъ поисковъ. „Гнѣвный" находился въ самомъ безпомощномъ состояніи. Оказалось, что въ него попали первые же снаряды. Однимъ изъ нихъ была пробита главная

паропроводная труба, и онъ сразу потерялъ возможность двигаться.

Немедленно „Дерзкимъ“ былъ поданъ буксиръ, и оба миноносца благополучно вернулись въ Севастополь.

14-го іюня всѣмъ миноносцамъ было приказано быть въ полной готовности, такъ какъ ожидались наступательныя дѣйствія со стороны непріятеля. Поэтому, въ 7 часовъ утра 14-го іюня „Новикъ“, 6-ой Дивизіонъ, 1-ая группа 5-го Дивизіона, 1-ая группа 7-го Дивизіона и 1-ая группа 8-го Дивизіона пошли къ Свальферорту.

Когда мы туда пришли, Начальникъ Дивизіи, послалъ насъ на развѣдку въ направленіи Готланда.

Въ половинѣ второго „Новикъ“ снялся съ якоря и пошелъ мимо Цереля. По выходѣ въ море, произошло маленькое недоразумѣніе: съ мостика замѣтили, какъ показалось, перископъ, и мы пошли его таранить. Но, подойдя ближе, разсмотрѣли, что это всего лишь обломокъ какой-то вѣшки, который, плавая вертикально, дѣйствительно очень походилъ на перископъ.

Дойдя до Готланда 24-узловымъ ходомъ и на пути ничего не увидѣвъ, „Новикъ“, согласно инструкціи, повернулъ назадъ и, уменьшивъ ходъ, сталъ возвращаться.

Подходя къ Ирбену, мы увидѣли подлодку въ надводномъ состояніи. Разсмотрѣвъ ее хорошенько, мы удостовѣрились, что это наша лодка типа „Макрель“. Но съ „Макрели“, повидимому, не сразу разобрали, кто идетъ и быстро погрузились. Тогда командиръ далъ самый малый ходъ и перемѣнными курсами сталъ подходить къ ней; только послѣ этого она разобрала, что это „Новикъ“, и всплыла. Затѣмъ, она присоединилась къ намъ, и мы вмѣстѣ пошли къ Церелю.

На слѣдующій день, почти въ тотъ же часъ, мы опять получили приказаніе произвести развѣдку и поэтому немедленно вышли въ море. Уже въ пути было получено радіо — не идти далѣе 20 миль.

До половины шестого „Новикъ“ шелъ курсомъ 280 и все время слѣва видиѣлись дымы непріятельскихъ судовъ. Это, какъ было уже извѣстно, у Виндавы работали непріятельскіе тральщики.

Пройдя условленныхъ 20 миль, мы повернули обратно и въ этотъ моментъ увидѣли на NW дымъ и верхушки двухъ мачтъ; не было никакого сомнѣнія, что это непріятель. Ввиду того, что „Новикъ“ шелъ безъ всякаго дыма, то навѣрно можно было полагать что онъ насъ еще не видѣлъ.

Командиръ все продолжалъ идти впередъ, и замѣченный дымъ быстро приближался. Тогда онъ увеличилъ ходъ до 17 узловъ. Когда разстояніе уменьшилось настолько, что можно было разобрать типъ корабля и выяснилось, что это крейсеръ

типа „Бремен" съ однимъ миноносцемъ, мы повернули назадъ и еще увеличили ходъ.

Увидя „Новика", непріятель погнался за нимъ и было видно, какъ онъ прибавлялъ ходъ; тогда и у насъ командиру пришлось увеличить ходъ до 24 узловъ, послѣ чего крейсеръ сразу сталъ отставать.

Замѣтивъ это онъ повернулъ, и одновременно, давъ опять полный ходъ, повернули и мы. Сейчасъ же разстояніе стало уменьшаться, и когда оно дошло приблизительно до 45 кабельтовыхъ, командиръ легъ на обратный курсъ.

Сейчасъ-же стало видно, что крейсеръ дѣлаетъ то же самое и опять даетъ полный ходъ. Тогда намъ пришлось дать 24 узла, и крейсеръ сталъ отставать; онъ, повидимому, прекратилъ погоню, потому что, когда мы еще разъ повернули на него и дали малый ходъ, онъ уже больше не обращалъ на насъ никакого вниманія.

Послѣ этого намъ оставалось только вернуться къ Церелю. Едва мы успѣли подойти къ нему, какъ съ маяка намъ просемафорили, что 6-ой Дивизіонъ у Люзерорта вступилъ въ бой съ непріятельскими крейсерами. Командиръ, конечно, сейчасъ-же приказалъ сняться съ якоря, и „Новикъ" понесся на поддержку.

Подходя къ Михайловскому маяку, мы увидѣли Полу-Дивизіонъ, идущій съ минами изъ Рижскаго залива, а 5-ый и 6-ой Дивизіоны, идущими отъ Люзерорта. Все, очевидно, уже было кончено, и Начальникъ Дивизіи сигналомъ приказалъ всѣмъ встать на якорь и потребовалъ къ себѣ нашего командира.

Около 11 часовъ вечера вдругъ съ маяка передали, что отъ Люзерорта идутъ два непріятельскихъ крейсера. Командиръ срочно вернулся на миноносецъ, и въ это время всѣмъ было приказано сниматься съ якоря и готовиться къ бою.

На встрѣчу крейсерамъ впередъ была выслана подлодка „Макрель".

Однако, непріятель, не дойдя до насъ кабельтовыхъ на 70, повернулъ и сталъ держаться на параллели Люзерорта, а затѣмъ вскорѣ ушелъ.

Тогда и у насъ съемка съ якоря была отставлена, и все успокоилось.

Изъ сегодняшнихъ дневныхъ событій выяснилось, что 5-ый и 6-ой Дивизіоны, возвращаясь отъ Виндавы, увидѣли два непріятельскихъ крейсера. Одинъ шелъ отъ N, а другой отъ S. Первый, очевидно, былъ тотъ, которого мы видѣли днемъ.

Когда разстояніе до ближайшаго крейсера уменьшилось настолько, что можно было начать стрѣлять, 6-ой Дивизіонъ открылъ огонь, а за нимъ — и 5-ый Дивизіонъ.

Всѣхъ миноносцевъ было 15, и они стрѣляли каждый по способности. Разстояніе было все же слишкомъ велико, и, поэтому, съ нашей стороны попаданій не было видно.

Крейсера же вели организованный огонь и имѣли болѣе дальнобойную артиллерію, такъ что ихъ снаряды стали ложиться очень близко отъ нашихъ миноносцевъ. Тѣмъ не менѣе, они не успѣли окончательно пристрѣляться и съ ихъ стороны тоже не было ни одного попаданія. Врядъ-ли можно это отнести къ чести непріятельскихъ артиллеристовъ.

Послѣ 10-ти минутнаго безрезультатнаго боя, обѣ стороны настолько разошлись, что продолжать стрѣльбу больше не было никакого смысла, и бой прекратился.

27. Бой 5-го и 6-го Дивизіоновъ Миноносцевъ съ двумя непріятельскими крейсерами.

16-го іюня, въ 10 часовъ утра, вся Дивизія снялась съ якоря и пошла ставить мины къ Виндавѣ. Впереди шелъ „Новикъ", за нимъ 5-ый Дивизіонъ, а въ хвостѣ Полу-Дивизіонъ съ минами.

Когда „Новикъ" уже совсѣмъ подошелъ къ Виндавѣ, такъ что ужъ даже отъ насъ быть виденъ простымъ глазомъ молъ, мы всѣ замѣтили, что надъ городомъ летаетъ непріятельскій аэропланъ.

Начальникъ Дивизіи, боясь такимъ образомъ обнаружить передъ непріятелемъ мѣсто постановки минъ, приказалъ всѣмъ повернуть обратно.

При этомъ „Новикъ" съ Полу-Дивизіономъ пошли къ Свальферорту, а 5-ый Дивизіонъ остался въ дозорѣ у Люзерорта и Михайловскаго маяковъ.

Повторить эту операцію было рѣшено въ тотъ же вечеръ. Ввиду этого, въ 9 часовъ, Полу-Дивизіонъ пошелъ опять къ

Виндавѣ, а насъ оставили у Цереля для связи, но съ тѣмъ, чтобы по первому требованію мы вышли на поддержку.

Въ 3 часа ночи было получено условное радіо, что загражденіе поставлено, и, въ 5 часовъ, всѣ благополучно вернулись обратно. Затѣмъ намъ было приказано идти къ Михайловскому маяку, соединиться съ 6-мъ Дивизіономъ и совмѣстно съ нимъ идти въ Куйвастъ, а тамъ, къ 8 часамъ вечера, быть готовыми къ походу и ожидать инструкцій отъ Штаба Флота.

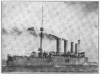
Согласно этому приказанію, въ 8 часовъ „Новикъ" уже былъ готовъ, а немного позже изъ Ревеля пришелъ „Лейтенантъ Бураковъ" который и привезъ инструкціи.

XI.

Походъ съ крейсерами къ Мемелю. Бой у маяка Эстергарнъ. Бой „Рюрика“ съ „Роономъ“ у о. Готландъ.

Согласно полученнаго приказанія отъ большого Штаба, „Новикъ“ въ 1 часъ ночи на 18-ое іюня, совмѣстно съ 6-мъ Дивизіономъ, вышелъ къ Вормсу.

Около 4 часовъ утра отрядъ былъ застигнутъ густымъ туманомъ, который заставилъ всѣхъ встать на якорь недалеко отъ Вормса и ждать, когда хоть немного прояснитъ.

28. Крейсеръ „Адмиралъ Макаровъ“.

Предстоящая операція заключалась въ томъ, что миноносцы съ 1-ой Бригадой Крейсеровъ должны были обстрѣлять Мемель и въ случаѣ встрѣчи съ непріятельскими развѣдчиками — ихъ уничтожить.

Черезъ 50 минутъ туманъ настолько разошелся, что нашъ отрядъ могъ продолжать путь и пошелъ дальше къ банкѣ Винкова, гдѣ было назначено рандеву съ крейсерами.

Но, придя туда въ 8 часовъ 30 минутъ, мы крейсеровъ не застали, такъ какъ они, не дождавъсь насъ, прошли дальше.

29. Крейсеръ „Баянъ".

30. Крейсеръ „Богатырь".

31. Крейсеръ „Олегъ".

Тогда, сообща съ Начальникомъ 6-го Дивизіона, нашъ командиръ рѣшилъ идти къ Дагерорту, но какъ разъ въ это время было получено радіо отъ Начальника Отряда Особаго Назначенія, Контръ-Адмирала Бахирева, съ указаніемъ точнаго маршрута.

Послѣ этого мы дали 24 узла и пошли догонять крейсера, а 6-ой Дивизіонъ, ходъ котораго былъ не болѣе 22 узловъ, сталъ сильно отставать. Скоро Адмиралъ, къ большому горю офицеровъ Дивизіона, отпустилъ ихъ совсѣмъ.

Около 3 часовъ дня „Новикъ" нагналъ Бригаду Крейсеровъ, которая шла въ строѣ кильватера, имѣя головнымъ „Адмирала Макарова" (флагъ Контръ-Адмирала Бахирева), „Баяна", „Богатыря", „Олега" и „Рюрика".

32. Крейсеръ „Рюрикъ".

Видъ Бригады былъ очень внушительный, и мы невольно залюбовались, какъ пять красавцевъ-крейсеровъ шли полнымъ ходомъ, гордо разсѣкая волны и ощетинившись своими орудіями.

Намъ Адмиралъ приказалъ вступить въ кильватеръ „Рюрику", т. е. быть самыми концевыми.

Погода была ненадежная, и съ каждой минутой туманъ все болѣе и болѣе сгущался; кругомъ насъ встала сплошная стѣна.

Благодаря этому, „Рюрикъ" скоро оторвался отъ остальной бригады, и „Новикъ", такимъ образомъ, остался съ нимъ вдвоемъ.

Около 7 часовъ вечера туманъ, на нѣсколько минутъ, разсѣялся, и мы, къ нашей радости, увидѣли недалеко отъ себя бригаду. „Рюрикъ" сейчасъ-же повернулъ на нее, но въ этотъ моментъ опять нашла густая волна тумана, и опять ничего не стало видно. „Рюрикъ" все же успѣлъ поймать струю „Олега", шедшаго заднимъ и сталъ на нее ворочать,

но въ результатѣ опять сбился и легъ на свой старый курсъ.

„Новику" было чрезвычайно трудно держаться за „Рюрикомъ", такъ какъ тотъ совершенно съ нимъ не считался и, мѣняя хода и курсы, даже не предупреждалъ объ этомъ; поэтому мы все время рисковали оторваться. На мостикѣ всѣ находились въ напряженномъ состоянiи и дѣлали невѣроятныя усилiя, чтобы во время замѣтить измѣненiе курса своего мателота.

Наконецъ, полоса тумана кончилась, но, увы, остальной бригады уже больше не было видно.

Въ это время мы находились въ 18 миляхъ отъ Мемеля и съ „Рюрика" намъ передали, что, „если не послѣдуетъ особаго приказанiя, предположено въ 3 часа 30 минутъ утра бомбардировать Мемель".

33. Походъ къ Мемелю.

Передъ этимъ мы перехватили радiо командира „Рюрика", въ которой онъ просилъ Адмирала Бахирева показать свое мѣсто. Получилъ ли онъ на это какой-нибудь отвѣтъ или нѣтъ, намъ не удалось узнать, такъ какъ радiотелеграфированiю сильно мѣшали воздушные электрическiе разряды.

Ввиду того, что до утра еще оставалось много времени, „Рюрикъ", не желая слишкомъ близко держаться отъ Мемеля, повернулъ назадъ, и мы опять вошли въ полосу густого тумана.

Въ это время уже стало темнѣть, и держаться за „Рюрикомъ" стало почти невозможно, и на первомъ неожиданномъ его поворотѣ „Новикъ" окончательно оторвался.

Попавъ въ такое непрiятное положенiе, командиру приходилось немедленно принять какое-нибудь опредѣленное рѣше-

ніе, чтобы ночью не могла произойти случайная встрѣча съ нашими же силами, находящимися теперь гдѣ-то близко отъ насъ, но гдѣ именно — мы не знали.

Исходя изъ этого, командиръ рѣшилъ лечь на курсъ N и, давъ радіо, что оторвался отъ „Рюрика", взялъ курсъ на Церель; ходъ 9 узловъ.

На наше несчастье грозовые разряды продолжались всю ночь и совершенно парализовали работу радіо-станціи, такъ что только временами удавалось принимать какіе-то отрывки телеграммъ. Все время работали неизвѣстныя непріятельскія станціи, и имъ временами мѣшалъ „Рюрикъ"; а потомъ, на время, опять все прерывалось грозовыми разрядами, и ничего нельзя было разобрать.

Въ числѣ отрывковъ различныхъ телеграммъ, между прочимъ, была принята адресованная Начальнику Бригады Крейсеровъ, въ которой сообщалось, что крейсеръ „Аугсбургъ" находится въ морѣ и въ 2 часа будетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ.

Какъ обидно ни было, но мы ничего не могли предпринять, такъ какъ были связаны по рукамъ и ногамъ незнаніемъ мѣста нашихъ крейсеровъ.

Такъ, никого не встрѣтивъ, „Новикъ" продолжалъ идти всю ночь. Въ 4 часа утра командиръ прибавилъ ходъ до 17 узловъ, а къ 9 часамъ 30 минутъ, мы подошли къ Церелю.

Вдругъ, въ 10 часовъ, когда мы уже стояли на якорѣ, намъ удалось принять радіо: „Новику" и „Рюрику" курсъ отъ Эстергарна NW 40"; это насъ сильно смутило, такъ какъ означало, что Адмиралъ Бахиревъ не принялъ нашего радіо, что мы оторвались отъ „Рюрика".

Получивъ это радіо, командиръ сейчасъ-же полнымъ ходомъ вышелъ въ море навстрѣчу бригадѣ.

Вскорѣ было принято еще радіо: „Крейсера имѣли бой; одинъ непріятельскій крейсеръ выбросился на берегъ у маяка Эстергарнъ"[1]).

Эта телеграмма сильно насъ обезкуражила: вѣдь мы, все время, только и мечтали о такой дневной встрѣчѣ съ противникомъ и теперь, когда она произошла, самымъ глупѣйшимъ образомъ ее пропустили. Такимъ фатальнымъ невезеніемъ мы были совершенно удручены и чувствовали себя такъ, точно совершили что-то очень нехорошее.

Продолжая идти на присоединеніе къ бригадѣ, мы приняли телеграмму, которой Адмиралъ приказывалъ намъ „возвратиться", хотя до встрѣчи съ нимъ оставалось всего лишь

[1]) Потомъ выяснилось, что это былъ не крейсеръ, а заградитель „Альбатросъ".

12–15 миль. Пришлось повернуть обратно и мимо Цереля вернуться въ Куйвастъ.

На слѣдующій день пришло приказаніе отъ большого Штаба: „Ожидать распоряженій".

Въ 7 часовъ вечера пришелъ „Искусный" съ секретными пакетами и передалъ намъ приказаніе идти въ Ревель, во исполненіе чего мы въ 10 часовъ вышли въ море.

Въ 5 часовъ утра „Новикъ" вошелъ въ Ревельскую гавань и тотчасъ-же началъ пріемку нефти, а командиръ отправился на „Кречетъ" явиться Командующему Флотомъ.

Идя въ Ревель, мы, конечно, считали, что вызваны для какой-то опредѣленной цѣли и поэтому были страшно удивлены, когда командиръ, вернувшись изъ Штаба, разсказалъ, что тамъ ему никто толкомъ не могъ сказать по чьему приказанію и зачѣмъ „Новикъ" вызванъ.

Получилось довольно странное недоразумѣніе, но во всякомъ случаѣ командиръ рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и дать отдохнуть командѣ и офицерамъ, послѣ двухмѣсячнаго стоянія въ Моонзундѣ.

Въ Ревелѣ намъ удалось выяснить всѣ подробности похода и боя крейсеровъ.

Послѣ того какъ „Рюрикъ" вмѣстѣ съ „Новикомъ" оторвался отъ бригады, Адмиралъ Бахиревъ запросилъ его о мѣстѣ слабой радіо-станціей, такъ какъ не хотѣлъ себя обнаруживать непріятелю, но на это отвѣта не послѣдовало. Тогда стали опасаться, что „Рюрикъ" наткнулся на мину и погибъ.

Затѣмъ, отойдя миль на 30 отъ берега, Адмиралъ еще разъ запросилъ „Рюрика" о его мѣстѣ. Черезъ нѣсколько времени отъ него наконецъ послѣдовалъ, приблизительно, такой отвѣтъ: „вижу берегъ, туманъ разсѣялся, погода хорошая". Адмиралъ ему приказалъ немедленно присоединиться къ остальной бригадѣ.

Бригада продолжала идти медленно на сѣверъ. При подходѣ къ Хоборгу, была получена радіо-телеграмма отъ Адмирала Непенина, что маякъ Дагерортъ видѣлъ непріятельскіе крейсера въ квадратѣ №, курсъ SW, ходъ 17 узловъ.

Получивъ эту телеграмму, Адмиралъ рѣшилъ отставить бомбардировку Мемеля и лечь на новый курсъ, съ разсчетомъ встрѣтить непріятеля около 8 часовъ утра.

Въ 7 часовъ 30 минутъ, еще не видя непріятеля, на бригадѣ пробили боевую тревогу и стали готовиться къ бою.

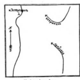
Около 8 часовъ 30 минутъ, прямо по курсу, въ разстояніи около 50 кабельтовыхъ, показалось изъ мглы нѣсколько силуэтовъ кораблей, числомъ около 5–6.

При этомъ курсъ бригады былъ почти N; ходъ 14 узловъ; горизонтъ очень плохой; вѣтра не было. „Рюрикъ" такъ еще и не успѣлъ присоединиться къ эскадрѣ.

Открывъ непріятеля, Адмиралъ приказалъ немедленно дать полный ходъ и измѣнилъ курсъ влѣво на NW, съ цѣлью отрѣзать противника отъ берега и ввести въ бой свой правый бортъ.

34. 1-ая фаза боя.

35. 2-ая фаза боя.

Одновременно былъ открытъ огонь. Непріятельскіе корабли сейчасъ же круто повернули вправо и полнымъ ходомъ стали уходить на NW, за островъ Готландъ. Концевой изъ нихъ энергично отвѣчалъ на огонь. Разстояніе все время держалось около 50 кабельтовыхъ (планъ 1 и 2).

36. Заградитель „Альбатросъ".

Горизонтъ продолжалъ быть очень мглистымъ, и оттого непріятельскіе корабли были видны очень неясно, и трудно было точно опредѣлить ихъ типъ.

Скоро стало замѣтно, что два корабля, одинъ — типа легкихъ крейсеровъ „Бременъ" или „Аугсбургъ", а другой — заградитель „Альбатросъ", отстали. Остальные корабли скрылись во мглѣ на NW.

37. 3-ья фаза боя.

Легкій крейсеръ нѣкоторое время держался при „Альбатросѣ", но, повидимому, убѣдившись въ его критическомъ положеніи, далъ полный ходъ и, отстрѣливаясь, ушелъ на N-NW.

„Альбатросъ" все больше и больше отставалъ, и „Адмиралъ Макаровъ" и „Баянъ" сосредоточили по нему огонь съ разстоянія 40 кабельтовыхъ.

„Богатырю" и „Олегу" Адмиралъ приказалъ дѣйствовать самостоятельно, и они, выйдя изъ строя вправо, тоже открыли огонь (планъ 3).

38. Заградитель „Альбатросъ" послѣ боя.

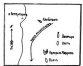
На „Альбатросѣ“ отъ попаданій нашихъ снарядовъ возникъ сильный пожаръ на кормѣ, была сбита фокъ-мачта и былъ замѣченъ сильный дифферентъ на носъ. Онъ легъ на маякъ Эстергарнъ и, медленно двигаясь, сталъ сильно парить. Вслѣдъ за этимъ онъ выбросился на сѣверной сторонѣ бухты.

39. Дымовая завѣса непріятельскихъ миноносцевъ.

Когда бой кончился, было около 10 часовъ утра. Такимъ образомъ онъ продолжался всего около полутора часа, и подъ конецъ разстояніе уменьшилось до 23—25 кабельтовыхъ.

При „Альбатросѣ“ было три миноносца, державшихся отъ него во время боя нѣсколько въ сторонѣ. Приблизительно въ серединѣ боя, они выпустили сильную дымовую завѣсу и этимъ на нѣкоторое время закрыли „Альбатросъ“, такъ что по нему совершенно нельзя было стрѣлять. Они же сами, открывъ сильный огонь, полнымъ ходомъ пошли въ атаку на „Макарова“ и „Баяна“ съ ихъ лѣваго борта.

40. 4-ая фаза боя.

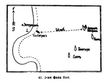
Наши корабли немедленно по нимъ открыли огонь. Дойдя до разстоянія около 20 кабельтовыхъ, миноносцы выпустили свои мины, которыя прошли подъ носомъ „Макарова“. Послѣ этого, продолжая итти полнымъ ходомъ, они скрылись на югъ (планъ 4).

Во время боя наши крейсера имѣли почти все время 20 узловъ ходу. Стрѣлять было трудно, хотя разстояніе до непріятеля было и не слишкомъ велико. Таковы были условія, въ

началѣ боя — изъ-за плохого горизонта и дымовой завѣсы, а въ концѣ — потому, что всѣ наши четыре крейсера сосредоточили свой огонь по одному „Альбатросу“, чѣмъ сильно мѣшали другъ другу.

„Альбатросъ“ храбро сражался своими четырьмя пушками, и въ началѣ его стрѣльба была очень хорошей, но по мѣрѣ того какъ его положенiе все болѣе и болѣе ухудшалось, теряла свою мѣткость и стрѣльба; наши крейсера совершенно отъ нея не страдали.

Попаданiя непрiятеля были только въ „Адмирала Макарова“. Одинъ снарядъ „Альбатроса“ пробилъ ему носъ и палубу и разорвался въ батареѣ, никого не ранивъ. Снарядовъ съ миноносцевъ попало въ него же — три-четыре. Одинъ — въ шестерку, висѣвшую на шханцахъ, другой — въ четвертую трубу и остальные въ кормовой мостикъ. При этомъ былъ тяжело раненъ и потомъ умеръ въ госпиталѣ одинъ комендоръ.

41. 3-ая фаза боя.

Когда „Альбатросъ“ выбросился на берегъ, и бой былъ конченъ, крейсера застопорили машины и стали наблюдать за нимъ. Было видно, какъ къ нему подходило съ берега много шлюпокъ, очевидно для оказанiя помощи и снятiя экипажа (планъ 5).

Скоро по направленiю на SO были замѣчены два дыма, быстро приближавшiеся къ нашимъ кораблямъ.

Тогда Адмиралъ немедленно приказалъ бригадѣ построиться въ кильватерную колонну и лечь на курсъ N. Дымы быстро приближались, и скоро можно было различить два силуэта крейсеровъ.

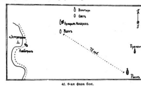
Головнымъ шелъ крейсеръ типа „Бременъ“, а за нимъ, кабельтовыхъ въ восьми, броненосный крейсеръ „Роонъ“.

„Богатырю“ и „Олегу“ было приказано выйти впередъ (планъ 6).

На дистанціи 75 кабельтовыхъ „Роонъ“ открылъ огонь изъ 8″ башенъ по концевому „Баяну“.

„Баянъ“ началъ отвѣчать изъ своихъ 8″ башенъ. Однако, хоть ему и казалось, что въ „Роонъ“ были попаданія, но это было мало вѣроятнымъ. Скоро „Роонъ“ попробовалъ стрѣлять и изъ своихъ 6″ орудій, но получилъ недолеты.

Тѣмъ временемъ разстояніе стало уменьшаться и уже дошло до 65 кабельтовыхъ. Тогда Адмиралъ приказалъ дать самый полный ходъ. Послѣ этого разстояніе стало увеличиваться, и „Роонъ“ повернулъ обратно.

42. 6-ая фаза боя.

За эту короткую перестрѣлку въ „Баянъ“ попалъ одинъ 8″ снарядъ. Онъ пробилъ коечную сѣтку и, ударившись о шестерку, разорвался. Его осколки пробили верхнюю палубу и въ батарейной легко ранили четырехъ человѣкъ.

Причиной, почему Адмиралъ не вступилъ въ бой съ „Роономъ“, было то, что на „Макаровѣ“ оставалось слишкомъ мало крупныхъ снарядовъ, напримѣръ около 90 — 8″ и всего половина запаса 6″; тоже самое и на „Баянѣ“.

На случай, если бы крейсерамъ пришлось все же вступить въ бой съ „Роономъ“, Адмиралъ вызвалъ на поддержку изъ Эре линейные корабли „Цесаревичъ“ и „Славу“, которые немедленно и вышли въ море.

Продолжая путь на N, съ „Макарова“ и „Баяна“ былъ замѣченъ перископъ подлодки и, маневрируя, крейсера открыли по нему огонь. Какъ разъ въ это время до нихъ сталъ доходить грохотъ орудій. Это очевидно „Рюрикъ“ встрѣтился съ „Роономъ“ и вступилъ съ нимъ въ бой.

Такъ на самомъ дѣлѣ и было. Оторвавшись наканунѣ отъ бригады, а потомъ разойдясь и съ державшимся его „Новикомъ“, „Рюрикъ“ остался совершенно одинъ. Получивъ вечеромъ по радіо приказаніе Адмирала Бахирева присоединиться къ нему въ назначенномъ квадратѣ, онъ всю ночь шелъ на сѣверъ. Во время пути, онъ также получилъ предупрежденіе, что можетъ встрѣтиться съ „Аугсбургомъ“ и другими кораблями, почему все время и былъ въ полной готовности вступить въ бой.

Около 8½ часовъ, онъ получилъ телеграмму отъ Адмирала Бахирева: „Имѣю бой съ непріятелемъ въ квадратѣ № “.

„Рюрикъ“ сейчасъ же далъ 19 узловъ и легъ на курсъ NW. Все было готово къ бою, и всѣ съ жадностью всматривались въ даль, стараясь увидѣть противника.

Въ это время была получена новая телеграмма отъ Адмирала Бахирева: „Между вами и нами подлодка“.

Около 10 часовъ – опять телеграмма, что Адмиралъ вступилъ въ бой съ „Рооному“, и одновременно указаніе на курсы, которыми слѣдуетъ идти, чтобы выйти на пересѣчку курса противника.

„Рюрикъ“ далъ полный ходъ, 20 узловъ, и около 10 часовъ 25 минутъ, на горизонтѣ стали видны дымы: сначала одинъ, потомъ второй и, наконецъ, третій.

Скоро стали вырисовываться и силуэты кораблей: одинъ четырехтрубный крейсеръ, а другой — трехтрубный. Пока еще нельзя было разобрать — свои это или чужіе, такъ какъ и наши крейсера типа „Баянъ“ были съ четырьмя прямыми трубами, а типа „Олегъ“ — съ тремя наклонными.

Но вотъ — трехтрубный крейсеръ началъ дѣлать опознательные: мѣдно-красныя вспышки. Очевидно, и онъ также сомнѣвался — свои ли это, или нѣтъ.

Тогда на „Рюрикѣ“ стало очевиднымъ, что это — противникъ и, должно быть, крейсеръ типа „Бременъ“. Въ 10 часовъ 42 минуты, продолжая идти на сближеніе, „Рюрикъ“ открылъ огонь.

Но, едва съ него былъ данъ первый залпъ, какъ у самаго его борта, подъ носомъ, упалъ залпъ 8″ снарядовъ съ „Роона“. На палубу обрушились огромные столбы воды, окатили водой боевую рубку и вывели изъ строя носовые дальномѣры. Кромѣ того, почти сейчасъ же, въ палубу на бакѣ попалъ 100 м/м снарядъ, пробилъ ее и разорвался въ прачешной.

Вслѣдъ за этимъ посыпался еще цѣлый градъ мелкихъ снарядовъ „Бремена“ на палубу и въ броню наружнаго борта.

„Рюрикъ“ продолжалъ идти на сближеніе съ „Роономъ“, но пока стрѣлялъ только по ближайшему „Бремену“.

Непріятель шелъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди „Бременъ“, за нимъ, приблизительно въ 10 кабельтовыхъ, „Роонъ“,

а далѣе, подбитый въ бою съ нашими крейсерами, „Аугсбургъ“. Изъ-за мглы они были очень плохо видны, а иногда ихъ и совсѣмъ заволакивало туманомъ.

Пристрѣлявшись по „Бремену“ и накрывъ его двумя залпами, командиръ „Рюрика“ перенесъ огонь на „Роонъ“, который въ это время энергично стрѣлялъ по нему. Но стрѣльба „Роона“ была не очень мѣткой. Пока было только одно попаданіе 8″ снарядомъ въ кормовую боевую рубку, надъ которой онъ разорвался и совершенно разрушилъ деревянную адмиральскую походную рубку.

Зато „Бременъ“, который оказался послѣ переноса огня на „Роонъ“ въ полной безнаказанности, продолжалъ очень мѣтко стрѣлять, однако не уменьшая дистанціи меньше чѣмъ до 60 кабельтовыхъ; изъ-за этого „Рюрикъ“ не могъ ввести въ дѣйствіе свои 120 м/м пушки, дальность которыхъ была всего 60 кабельтовыхъ.

Въ это время было сообщено, что въ носовой 10″ башнѣ у лѣваго орудія испортилось продуваніе, и она больше не стрѣляетъ, такъ какъ люди задыхаются отъ газовъ своихъ же выстрѣловъ. Пришлось измѣнить курсовой уголъ и ввести кормовую башню.

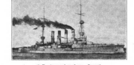
Черезъ семь минутъ послѣ переноса огня на „Роонъ“, „Рюрикъ“ окончательно пристрѣлялся и было видно, какъ въ противника попалъ снарядъ сзади четвертой трубы, и какъ въ этомъ мѣстѣ поднялся бѣлый, съ чернымъ основаніемъ, столбъ дыма.

Съ этого момента огонь „Роона“ еще больше ухудшился. Его выстрѣлы имѣли все время перелеты и ложились въ сторонѣ отъ цѣли. Вскорѣ стрѣльба стала еще хуже, очевидно послѣ того какъ въ него попалъ 8″ снарядъ за кормовой башней, а затѣмъ, почти сейчасъ же, повидимому, и цѣлый залпъ, такъ какъ весь корабль окутался огромнымъ столбомъ бѣлаго и чернаго дыма, съ языками яркаго пламени. Послѣ этого уже стало отвѣчать только одно орудіе, и „Роонъ“, круто повернувъ на югъ, сталъ уходить.

Тогда „Рюрикъ“ началъ его преслѣдовать. Но скоро былъ замѣченъ перископъ подводной лодки, и пришлось на нѣсколько минутъ измѣнить курсъ въ сторону, а за это время разстояніе сильно увеличилось. Тѣмъ не менѣе, погоня продолжалась до 11 часовъ 50 минутъ, когда была получена телеграмма Адмирала Бахирева съ приказаніемъ: „возвратиться“.

Послѣ окончанія боя стали выясняться поврежденія и потери. Оказалось, что раненыхъ всего было 11 человѣкъ. Только одинъ изъ нихъ, матросъ Иняковъ, былъ раненъ тяжело: ему оторвало руку и сильно повредило легкое, такъ что черезъ три часа онъ умеръ; остальные же всѣ были легко ранены. Кромѣ

того, еще было шесть человѣкъ, отравленныхъ газами въ 10" башнѣ, когда испортилось продуванiе, въ томъ числѣ командиръ этой башни. Слѣдуетъ отмѣтить, что, несмотря на удушающiе газы, которые отравляли людей, и они едва-только держались на ногахъ, она все же сдѣлала 6 или 7 выстрѣловъ.

43. Броненосный крейсеръ „Роонъ".

Кромѣ упомянутыхъ выше — одного попаданiя 8" снаряда и одного 100 м/м въ самомъ началѣ боя, было еще семь попаданiй 100 м/м снарядами. Изъ нихъ самыя существенныя были: въ 8" казематъ; въ 16-ый казематъ, гдѣ была ранена вся прислуга; въ 8" пушку правой кормовой башни, на 4 фута отъ дула, послѣ чего въ немъ оказалась вмятина, но орудiе не

44. Эскадренный миноносецъ „Внимательный".

было выведено изъ строя; и, наконецъ, въ волноломъ на бакѣ, послѣ чего снарядъ проникъ въ прачешную, гдѣ произвелъ небольшой пожаръ.

Послѣ поворота „Рюрика" на сѣверъ, остальная часть похода прошла совершенно спокойно; только уже когда, въ

7½ часовъ вечера, у входа въ Финскій заливъ, къ нему подходилъ для охраны дивизіонъ миноносцевъ, была замѣчена подлодка. Тотчасъ же, съ цѣлью таранить ее, отъ дивизіона направился миноносецъ „Внимательный". Повидимому, ему это удалось, такъ какъ послѣ ввода его въ докъ, на винтахъ были обнаружены слѣды краски, и руль былъ сильно погнутъ.

45. Линейный корабль „Поммернъ".

Въ эти дни англійская подлодка „Е 9" вернувшись изъ крейсерства, донесла, что 19-го іюня, у входа въ Данцигскій заливъ, она потопила линейный корабль типа „Дейчландъ".

Какъ потомъ выяснилось, это былъ линейный корабль „Поммернъ", который, однако, былъ только серьезно поврежденъ, но не потопленъ.

XII.

Дѣйствія въ районѣ Виндавы. Вводъ „Славы" въ Рижскій заливъ. Первая попытка непріятеля форсировать Ирбенскій проливъ. „Побѣда". Укрѣпленіе Ирбенской позиціи.

Въ Ревелѣ „Новикъ" простоялъ до полночи 23-го іюня и рано утромъ слѣдующаго дня былъ уже опять въ Куйвастѣ.

Затѣмъ потянулось однообразное стояніе на якорѣ, всегда въ готовности и всегда на чеку, но за то и ужасно томительное. Непріятель не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, а мы, со своей стороны, тоже ничего не предпринимали.

1-го іюля командиръ рѣшилъ пойти на артиллерійскую стрѣльбу, на дистанцію 60 кабельтовыхъ, съ измѣняющимся курсовымъ угломъ.

Стрѣльба прошла, въ общемъ, удовлетворительно, но во время нея у 4-го орудія лопнула крышка компрессора, такъ что на нѣкоторое время это орудіе было выведено изъ строя, и ужъ это было непріятно.

Наконецъ, 2-го іюля, стало тревожнѣе; выяснилось, что наши войска оставили Виндаву, и нѣкоторыя части отступаютъ къ Михайловскому маяку.

Чтобы на всякій случай быть готовыми, командиръ рѣшилъ принять полный запасъ нефти, и для этого мы перешли къ транспорту „Волга".

Днемъ пришло извѣстіе, что у Виндавы появился непріятельскій линейный корабль съ тральщиками, а позднѣе къ нимъ еще присоединились трехтрубный крейсеръ съ миноносцемъ.

Находившаяся въ это время на внѣшней позиціи наша подлодка „Драконъ" пыталась атаковать этотъ крейсеръ, но безуспѣшно.

Цѣлый день непріятель тралилъ подступы къ Виндавѣ, и только, когда стемнѣло, всѣ его суда ушли въ море.

Около полуночи Начальникъ Дивизіи вытребовалъ насъ къ Церелю. 6-ой Дивизіонъ уже былъ тамъ; 5-ый несъ дозоры у Люзерорта и Михайловскаго маяковъ, Полу-Дивизіонъ стоялъ

тамъ же на якорѣ, и только 9-ый Дивизіонъ, въ полной готовности, остался въ Куйвастѣ.

Въ 4 часа утра „Новикъ“ подошелъ къ Церелю и всталъ на якорь; уже свѣтало, но на горизонтѣ никого не было видно.

Въ 4 часа дня насъ послали къ Михайловскому маяку, а оттуда въ Куйвастъ, принять мины.

Это мы исполнили на слѣдующее утро и къ 4 часамъ дня были опять у Михайловскаго маяка.

Въ это время какъ разъ съ него передали, что четыре нашихъ миноносца 6-го Дивизіона, вступили въ перестрѣлку съ двумя непріятельскими, послѣ чего, послѣдніе сейчасъ-же повернули въ море и стали уходить, причемъ при нихъ была обнаружена и подлодка.

Сегодня непріятель занялъ Гольдингенъ и, кажется, идетъ на Виндаву, которая уже оставлена нашими войсками; слѣдовательно, ея занятіе — только вопросъ времени.

Эту ночь предполагалась постановка минъ у Виндавы, на мѣстахъ, гдѣ только что протралилъ непріятель. Но Начальникъ Дивизіи получилъ донесеніе, что у Стейнорта непріятель держитъ сторожевую цѣпь, а поэтому не рискнулъ посылать туда миноносцы съ минами; такимъ образомъ постановка была отмѣнена.

5-го іюля непріятель занялъ Виндаву, ввиду чего пришлось снять наблюдательный постъ съ Люзерорта; итакъ мы понемногу приходили все въ большее и большее соприкосновеніе съ нимъ. Всѣ мѣстные жители призывного возраста, проживавшіе въ этомъ районѣ, и тѣ, кто не желалъ попасть въ руки непріятеля, срочно эвакуировались на транспортѣ „Хабаровскъ“ въ Ревель.

Мы цѣлый день простояли у Михайловскаго маяка и наблюдали, какъ всѣ эти люди тащили свои пожитки, гнали коровъ, свиней и барановъ, и все это спѣшно грузилось на транспортъ. Все, что было возможно использовать для военной цѣли, разрушалось. Сначала хотѣли взорвать и маяки, но Начальникъ Службы Связи пожалѣлъ ихъ разрушить, и впослѣдствіи это принесло намъ много непріятностей.

Въ 3 часа ночи намъ было приказано поставить наши мины на Ирбенской Центральной позиціи и опять вернуться къ Михайловскому маяку.

На слѣдующій день непріятель не показывался, и когда, вечеромъ, получилась телефонограмма, что для замѣны винтовъ намъ приготовленъ докъ въ Гельсингфорсѣ, Начальникъ Дивизіи разрѣшилъ намъ туда идти.

Кромѣ того намъ было приказано замѣнить наши мины Уайтхеда образца 1910 года, болѣе новыми, 1912 года.

Въ Куйвастъ „Новикъ“ пришелъ въ 10 часовъ вечера, принялъ отправлявшихся въ Ревель и Гельсингфорсъ и пошелъ дальше, такъ что 7-го іюля уже могъ войти въ Сандвикскій докъ.

Съ 7-го до 22-го іюля мы простояли въ докѣ, все время ремонтируясь; намъ удалось перемѣнить винты, которые все же оказались въ довольно плохомъ состояніи, прочеканить текущія систерны и исправить еще кое-какія поврежденія.

Кромѣ того мы приняли новый обравецъ минъ Уайтхеда. Эти мины несомнѣнно имѣли нѣкоторыя преимущества передъ предыдущимъ образцомъ, но все же было довольно рискованно его принимать, такъ какъ онъ имѣлъ еще довольно много конструктивныхъ недостатковъ, и, кромѣ того, личный составъ съ нимъ былъ очень мало знакомъ.

Такъ или иначе, 22-го іюля, мы окончили пристрѣлку минъ, приняли все, что необходимо, и, освѣжившись сами, были готовы идти въ Рижскій заливъ, продолжать тамъ боевую службу.

За время нашего стоянія въ Гельсингфорсѣ, въ составѣ морскихъ силъ Рижскаго залива произошла существенная перемѣна: онѣ были усилены линейнымъ кораблемъ „Славой“. Это было сдѣлано потому, что, послѣ отступленія нашихъ войскъ къ городу Ригѣ, Рижскій заливъ сразу пріобрѣлъ очень большое стратегическое значеніе, а слѣдовательно — вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и необходимость усилить его защиту, которая до этого момента была очень слаба и состояла изъ „Новика“, приблизительно 20-ти угольныхъ миноносцевъ устарѣлаго типа и 3-хъ старыхъ канонерокъ. Съ такими силами, конечно, нельзя было расчитывать на успѣшную защиту залива, и Командующій Флотомъ рѣшилъ туда ввести „Славу“. Для этого пришлось предварительно протралить выходной фарватеръ въ море около Цереля, что дѣлалось очень секретно, дабы непріятель не могъ ничего подозрѣвать; поэтому приходилось работать по ночамъ. Когда, наконецъ, фарватеръ былъ готовъ, линейный корабль „Слава“, конвоируемый всѣми миноносцами, вышелъ ночью въ море, подъ прикрытіемъ линейныхъ кораблей „Петропавловскъ“ и „Гангутъ“.

Дойдя благополучно до параллели Цереля, „Слава“ съ тральщиками и миноносцами стала входить въ Ирбенскій проливъ, а дредноуты спустились нѣсколько южнѣе и держались тамъ, пока благополучно не окончилась операція.

Все прошло совершенно гладко, и только на слѣдующее утро, когда „Слава“ уже спокойно стояла на якорѣ въ Рижскомъ заливѣ, непріятельскіе аэропланы могли констатировать ея присутствіе тамъ.

Однако, слишкомъ преувеличивать значеніе ввода „Славы“ для обороны было нельзя; несомнѣнно, мы были усилены на

4—12″ орудія, но, увы, стараго образца и совсѣмъ недальнобойныхъ, а самъ корабль былъ уже настолько устарѣлымъ, что, конечно, не могъ противостоять современнымъ линейнымъ кораблямъ, которые могъ легко прислать сюда противникъ.

23-го іюля, въ 1 часъ 40 минутъ дня, къ намъ прибылъ въ первый разъ за время своего командованія Флотомъ Адмиралъ В. А. Канинъ и пошелъ на „Новикѣ" въ Ревель. Поэтому, мы шли очень большимъ ходомъ и черезъ два часа уже ошвартовывались къ стѣнкѣ въ Ревельской гавани. Тамъ Ко-

46. Линейный корабль „Слава".

мандующій Флотомъ сейчасъ-же отъ насъ уѣхалъ, и мы въ 7 часовъ вечера пошли дальше въ Моонзундъ.

По приходѣ въ Куйвастъ, мы два дня простояли безъ движенія, и только утромъ 26-го намъ срочно было приказано идти къ Церелю.

Тревога на этотъ разъ была очень серьезная: съ разсвѣтомъ, противъ Ирбенскаго пролива появился непріятельскій флотъ въ количествѣ не менѣе 50-ти вымпеловъ, съ тральщиками и транспортами. Изъ этого было ясно, что онъ собирается приступить къ рѣшительному форсированію пролива.

„Новикъ" подошелъ къ позиціи въ 10 часовъ утра. По другую сторону ея были совершенно ясно видны три непріятельскихъ развѣдчика: 2 — типа „Невельской" и 1 - типа „Бременъ", а позади нихъ — лѣсъ мачтъ и облака дыма.

Видъ получался довольно внушительный, въ особенности, если принять во вниманіе, что съ нашей стороны были только „Слава" и около 20-ти старыхъ миноносцевъ. Вотъ этими-то силами мы и должны были не дать противнику протралить загражденіе и войти въ Рижскій заливъ.

Эта задача, конечно, для насъ была непосильной, такъ какъ ни одно изъ орудій нашихъ судовъ не было въ состояніи дострѣлить до непріятеля; онъ же изъ своихъ дальнобойныхъ орудій современныхъ линейныхъ кораблей, могъ безъ всякаго риска для себя, просто отогнать и „Славу", и миноносцы и спокойно тралить, двигаясь впередъ безъ всякой для себя помѣхи.

Съ тяжелымъ сердцемъ пришлось констатировать такое печальное положеніе дѣлъ. Дальше, конечно, оставалось лишь

47. Морскія силы Рижскаго залива, сосредоточенныя у Церели, передъ попыткой непріятеля 26-го іюля прорвать Ирбенскую позицію.

положиться на Бога и дѣлать то, что только возможно при такомъ положеніи вещей.

Пока непріятель работалъ далеко, и наши орудія еще совершенно до него не дострѣливали. Намъ приходилось лишь ждать, и вся Дивизія встала на якорь у Церели.

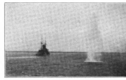
Въ полдень къ позиціи подошла „Слава" и по ней сейчасъ-же открыли огонь два линейныхъ корабля типа „Дейчландъ". Ихъ снаряды сразу же стали ложиться у самой „Славы", которая отвѣчала имъ изъ своихъ 12" орудій, но ея снаряды далеко не долетали. Послѣ того, какъ въ нее было нѣсколько попаданій, ей пришлось уйти съ позиціи, чтобы не быть потопленной.

Въ это время Начальникъ Дивизіи приказалъ командиру идти въ Куйвасть, принять мины и вернуться обратно. Окончивъ пріемку минъ, къ 5 часамъ вечера „Новикъ" понесся обратно къ Церелю.

Придя туда, мы встали на якорь, и командиръ поѣхалъ къ Начальнику Дивизіи за дальнѣйшими инструкціями. Уже вечерѣло. Непріятель прекратилъ траленіе, и было видно, какъ его дымы скрывались на югъ.

По нашимъ свѣдѣніямъ, въ теченіе этого дня, у противника взорвались: 3 миноносца, 1 тральщикъ, 1 легкій крейсеръ типа „Тэтисъ“ и 1 вспомогательный крейсеръ, но послѣдній получилъ только тяжелыя поврежденія и былъ отведенъ въ ближайшій портъ.

За сегодняшній день, въ сущности, непріятель протралилъ почти всю позицію. Но, повидимому, онъ считалъ, что впереди предстоитъ еще серьезная работа, требующая несравненно боль-

48. Линейный корабль „Слава“ на позиціи. Вблизи — разрывъ большого непріятельскаго снаряда.

шихъ жертвъ, такъ какъ доносилъ, что встрѣтилъ сильное сопротивленіе съ нашей стороны.

Отъ Начальника Дивизіи командиръ вернулся съ приказаніемъ „ожидать распоряженій“, и „Новикъ“, какъ и вся Дивизія, остался на якорѣ у Цереля. Подобную стоянку нельзя было не признать довольно опасной, такъ какъ это мѣсто могло быть обстрѣляно съ моря.

На слѣдующій день, 27-го іюля, непріятель ничего не предпринялъ, а наши силы провели его въ полной готовности и ожиданіи.

Воспользовавшись передышкой и обсудивъ съ другими Начальниками создавшееся положеніе, Начальникъ Дивизіи счелъ своимъ долгомъ предупредить Командующаго Флотомъ, что считаетъ форсированіе непріятелемъ позиціи лишь вопросомъ времени; что препятствовать траленію онъ со своими слабыми силами не въ состояніи, и что присутствіе „Славы“ не мѣняетъ положенія.

Нельзя конечно не согласиться съ мнѣніемъ Начальника Дивизіи и надо удивляться большому Штабу, который, счи-

талъ возможнымъ удержаніе за нами Рижскаго залива, не увеличивъ средства обороны. Можно было, напримѣръ, послать подлодки на внѣшнюю сторону позиціи, поставить мины съ приборами, затрудняющими траленіе, или двойныя мины и т. д.; однимъ словомъ, хоть какъ-нибудь увеличить средства обороны. Съ тѣмъ, же, что имѣлось, право никакъ нельзя было разсчитывать на успѣхъ, и непріятель былъ въ состояніи легко пройти въ заливъ.

Вечеромъ мы получили приказаніе поставить загражденіе на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ непріятель его наканунѣ вытралилъ.

Въ 9 часовъ 30 минутъ вечера „Новикъ" снялся съ якоря и пошелъ ставить мины. Ночь была очень темная и, чтобы было возможно оріентироваться, еще засвѣтло, на мѣстѣ главнаго поворота, былъ поставленъ миноносецъ „Донской Казакъ".

Идти приходилось все время между линіями загражденій, руководствуясь только своей прокладкой и потому надо считать, что на штурманскую часть въ этомъ случаѣ легла очень отвѣтственная обязанность, которую она съумѣла блестяще выполнить.

Къ 11 часамъ ночи мы подошли къ мѣсту постановки и благополучно поставили мины на томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ непріятель тралилъ свой фарватеръ.

Около 1 часа ночи мы вернулись обратно къ Церелю и встали на якорь.

Утромъ, въ 4 часа 50 минутъ, мы были разбужены сильнымъ грохотомъ выстрѣловъ, свистомъ и разрывами снарядовъ. Ничего не понимая, я выбѣжалъ на палубу; въ это время „Новикъ" уже снимался съ якоря, и тоже самое дѣлали всѣ остальные миноносцы, а тѣмъ временемъ откуда-то сыпался цѣлый градъ снарядовъ. Однако стоило только взглянуть за маякъ, чтобы все стало ясно: оттуда, изъ-за утренней мглы, неожиданно появились крейсеръ „Роонъ" и линейный корабль типа „Брауншвейгъ" и моментально открыли бѣглый огонь по Церелю, ангарамъ на мысу и всѣмъ судамъ, стоявшимъ на якорѣ.

Утренняя мгла и недостаточная бдительность сдѣлали то, что непріятель былъ обнаруженъ только въ самый послѣдній моментъ; пока успѣли поднять пары и сняться съ якоря, онъ уже открылъ огонь. Правда, съемка была произведена чрезвычайно быстро, и въ какія-нибудь 10 минутъ всѣ миноносцы были въ движеніи. Благодаря такой быстротѣ Дивизія отдѣлалась очень дешево — было только два попаданія въ „Сибирскаго Стрѣлка". Снаряды попали ему въ корму, да и то довольно удачно: повредило только штуртросъ и произвело небольшой пожаръ, который удалось почти сейчасъ-же потушить. Потерь въ личномъ составѣ не было.

Всего непріятель выпустилъ не менѣе 200 снарядовъ. Кромѣ „Сибирскаго Стрѣлка" было нѣсколько попаданій въ различныя зданія на берегу, какъ напримѣръ: въ ангаръ, спасательную станцію, крыло аэроплана и еще нѣсколько.

Конечно, въ данномъ случаѣ во многомъ виноваты мы сами, такъ какъ пренебрегли необходимой осторожностью. Нетрудно было предугадать, что непріятель не преминетъ воспользоваться нашей оплошностью, а потому слѣдовало перемѣнить заранѣе якорное мѣсто. Послѣ, по поводу этого случая, мы острили, что та поспѣшность, съ которой всѣ миноносцы снимались съ якоря была удивительна и такъ быстро, кажется, никто изъ насъ никогда не снимался. Ввиду ранняго часа дня, когда это все произошло, событіе было прозвано „побудкой".

Опасаясь повторенія утренняго визита непріятеля, вся Дивизія перешла на другое мѣсто, значительно дальше отъ Цереля. Затѣмъ, такъ какъ существовало подозрѣніе, что въ заливъ проникли непріятельскія подлодки, миноносцы пошли малымъ ходомъ обслѣдовать районъ, прилегающій къ позиціи, но ничего подозрительнаго не обнаружили.

За этотъ день непріятель больше не показывался, но за то Кильконда и Утэ доносили, что они подверглись сильному обстрѣлу крупныхъ непріятельскихъ силъ.

Въ полдень съ моря вернулась подлодка „Гепардъ" и донесла, что потопила непріятельскій крейсеръ и хотя, погрузившись, сама гибели его не наблюдала, но слышала очень сильный взрывъ, а потому считаетъ, что мины достигли цѣли. Такъ быстро ей самой пришлось погрузиться потому, что находившійся при крейсерѣ миноносецъ хотѣлъ ее атаковать.

Такое донесеніе еще требовало провѣрки: Начальникъ Дивизіи пока не считалъ фактъ доказаннымъ, тѣмъ болѣе, что это могъ быть взрывъ отъ разорвавшагося снаряда или сброшенной бомбы.

29-го іюля также было совершенно спокойно; „Новикъ" простоялъ весь день на якорѣ. Только въ двѣнадцатомъ часу ночи съ Цереля увидѣли три силуэта какихъ то судовъ, которыя шли по направленію бухты Лео; зачѣмъ они шли, такъ и не выяснилось.

Въ 2 часа ночи на 30-ое іюля насъ срочно вызвали въ Куйвастъ и приказали сейчасъ-же принять 50 минъ и полный запасъ нефти. Въ 5 часовъ вечера мы уже пошли обратно къ Церелю.

Утромъ этого дня непріятель опять устроилъ „побудку", но, наученные горькимъ опытомъ, наши суда стояли внѣ обстрѣла, и линейный корабль, безрезультатно пострѣлявъ нѣкоторое время, ушелъ. Подъ вечеръ онъ опять пришелъ, но съ тѣмъ же успѣхомъ; не пострадалъ даже многострадальный маякъ.

Въ 9 часовъ вечера мы подошли къ Церелю и, въ 60 кабельтовыхъ отъ него, встали на якорь. Черезъ полчаса мы опять снялись и пошли ставить мины, ставъ въ хвостѣ 9-го Дивизіона, который тоже шелъ на постановку.

Этотъ походъ въ навигаціонномъ смыслѣ былъ такъ же труденъ, какъ и предыдущій, такъ какъ приходилось идти между сплошнымъ рядомъ загражденій и, при малѣйшей ошибкѣ въ курсѣ, можно было попасть на мину. Ночь была совершенно темная; для облегченія оріентировки на поворотѣ былъ поставленъ миноносецъ „Страшный", а затѣмъ приходилось руководствоваться только своимъ счисленіемъ, т. е. оборотами машинъ и компасомъ.

Тѣмъ не менѣе все прошло гладко, и, пройдя между всѣми загражденіями, мы выкинули мины на 18-узловомъ ходу и благополучно вернулись къ 1 часу ночи на якорное мѣсто.

Эта ночь прошла очень продуктивно, такъ какъ удалось сильно укрѣпить Ирбенскую позицію, поставивъ мины съ „Новика", 5 миноносцевъ 9-го Дивизіона, заградителя „Амуръ" и миноносцевъ „Финнъ", „Доброволецъ" и „Кондратенко", т. е. всего — около 400 минъ. Во время постановокъ однако не обошлось безъ аварій. Чтобы облегчить оріентировку заградителю „Амуръ", у вѣшки былъ поставленъ „Амурецъ", который все время долженъ былъ свѣтить прожекторомъ. Ввиду того, что миноносецъ стоялъ не на якорѣ, а съ застопоренными машинами, его вѣтромъ нанесло на противоподлодочную сѣть. Патронъ ея взорвался, и онъ получилъ большую пробоину въ борту съ лѣвой стороны, противъ машиннаго отдѣленія. „Амурецъ" сталъ уже тонуть, но на помощь къ нему сейчасъ-же подошелъ „Уссуріецъ" и благополучно отбуксировалъ въ Куйвастъ.

Въ 7 часовъ утра мы были посланы къ Церелю, чтобы узнать нѣтъ ли телефонограммы Начальнику Дивизіи, но тамъ ничего не оказалось, и мы вернулись къ „Пограничнику", на который перебрался Начальникъ Дивизіи, послѣ того, какъ „Сибирскій Стрѣлокъ" вышелъ изъ строя. Вскорѣ послѣ этого, намъ было приказано вступить въ дозоръ совмѣстно съ Полу-Дивизіономъ и группой 6-го Дивизіона, причемъ наша очередь была въ полдень.

Быть въ дозорѣ – это довольно-таки скучное занятіе. Приходилось въ теченіе четырехъ часовъ, малымъ ходомъ, взадъ и впередъ бродить вдоль позиціи, все время вглядываясь въ горизонтъ, но не забывая и воду, такъ какъ возможно было появленіе подлодокъ, и тогда самимъ могло бы не поздоровиться.

Въ этотъ день все время на горизонтѣ были видны дымы, которые двигались перемѣнными курсами. Очевидно, непріятель опять началъ траленіе, но пока былъ еще очень далеко.

Въ 5 часовъ, когда дозоръ кончился, „Новикъ" вернулся къ Церелю.

Въ это время было принято радіо, что подлодка „Драконъ" неудачно атаковала крейсеръ типа „Пиллау".

Ночью насъ опять послали въ дозоръ, и мы до 4 часовъ утра бродили вдоль позиціи. Ночь прошла совершенно спокойно, и никакихъ передвиженій со стороны непріятеля не было замѣчено.

Возвращаясь изъ дозора, мы увидѣли на горизонтѣ, за Церелемъ, три непріятельскихъ миноносца, причемъ до нихъ было не менѣе 70 кабельтовыхъ. Въ это время съ нами поровнялись „Охотникъ" и „Кондратенко", вышедшіе намъ на смѣну. Увидя эти миноносцы, они моментально открыли огонь; тогда къ нимъ присоединился и „Новикъ". Послѣ трехъ залповъ, когда стало ясно, что наши снаряды не долетаютъ, мы прекратили стрѣльбу. Непріятель быстро повернулъ и сталъ уходить навстрѣчу, вышедшему къ нему на поддержку, легкому крейсеру.

Этого числа были получены свѣдѣнія, что, повидимому, завтра непріятель начнетъ прорывъ позиціи съ большими силами.

XIII.

Вторая попытка непріятеля форсировать Ирбенскій проливъ. Бой „Новика“ съ двумя непріятельскими миноносцами. Непріятель въ Рижскомъ заливѣ. Походъ „Новика“ къ Домеснесу. Гибель „Сивуча“ и „Корейца“. Уходъ непріятеля изъ Рижскаго залива.

Въ ночь на 3-ье августа присутствіе непріятеля ощущалось все время. Уже въ 5 часовъ 30 минутъ утра, вся Дивизія, имѣя подъ парами полное число котловъ, снялась съ якоря и пошла на позицію.

На горизонтѣ уже съ ранняго утра стало видно большое число дымовъ, но пока они были еще очень далеки. Поэтому Начальникъ Дивизіи, оставивъ „Новика“ и „Казанца“ въ дозорѣ, въ 8 часовъ 30 минутъ, съ остальными миноносцами, пошелъ обратно на якорное мѣсто.

Около 11 часовъ количество дымовъ начало сильно увеличиваться, и они замѣтно приближались къ намъ. Тогда нашъ командиръ далъ объ этомъ знать Начальнику Дивизіи, и сейчасъ-же на позицію вышли всѣ наши суда. Увы, ихъ было немного: 3 миноносца типа „Кондратенко“, 3 типа „Доброволецъ“ и 3 типа „Украйна“; кромѣ того „Слава“, заградитель „Амуръ“ и еще нѣсколько малыхъ миноносцевъ.

Теперь уже непріятель настолько приблизился, что можно было даже опредѣлить количество его судовъ: ихъ было около 40.

Медленно двигаясь на насъ, непріятель шелъ, имѣя впереди тральщики и два легкихъ крейсера.

Мы всѣ продолжали ходить безцѣльно вдоль позиціи, ожидая дальнѣйшихъ событій. Въ это время, когда „Новикъ“ подошелъ на 55-60 кабельтовыхъ къ Михайловскому маяку, какая-то береговая батарея неожиданно открыла по нему огонь, но стрѣляла очень медленно и съ большими недолетами.

Около 1 часа 30 минутъ дня на горизонтѣ былъ замѣченъ большой взрывъ, который проектировался на силуэтѣ непріятельскаго корабля. Кто именно взорвался, да и взорвался ли вообще, или можетъ быть это былъ просто взрывъ нѣсколь-

кихъ детонировавшихъ минъ — отъ насъ невозможно было опредѣлить.

Черезъ нѣсколько времени къ позиціи подошла „Слава", окруженная маленькими миноносцами. По ней сейчасъ-же открыли сильный огонь одинъ изъ линейныхъ кораблей и легкій крейсеръ. „Слава" стала отвѣчать, но у нея получались большіе недолеты и, за безполезностью, она скоро прекратила стрѣльбу и пошла вдоль позиціи къ Михайловскому маяку. Подойдя

40. Взрывъ мины.

къ нему, она обстрѣляла его изъ 6" орудій. Ей сейчасъ-же стала отвѣчать береговая батарея, но разстояніе для обѣихъ сторонъ было слишкомъ большое, и огонь пришлось прекратить.

Вскорѣ послѣ этого по „Славѣ" опять открыли огонь два линейныхъ корабля, причемъ одинъ изъ нихъ былъ навѣрное новѣйшаго типа, такъ какъ имѣлъ очень крупную и дальнобойную артиллерію, и его снаряды крыли „Славу". Сама же она далеко не могла дострѣлять до противника, и потому ей пришлось отойти вглубь залива.

50. Миноносецъ „Войсковой“.

Въ 5 часовъ вечера со „Славы“ замѣтили, что вдоль берега, отъ Люзерорта, пробирается непріятельскій миноносецъ, и открыли по нему сильный огонь изъ 6″ орудій, такъ что тотъ былъ принужденъ повернуть обратно. Въ это время линейные корабли опять начали стрѣлять по самой „Славѣ“.

Такъ прошелъ весь день. Непріятель продолжалъ безпрепятственно свою работу, все глубже и глубже оттѣсняя насъ въ заливъ. Малѣйшая попытка съ нашей стороны помѣшать ему сводилась на нѣтъ, благодаря его болѣе крупной и дальнобойной артиллеріи.

Когда стемнѣло, всѣ миноносцы отошли къ Кальбодаргрунду, а „Слава“ въ Аренсбургъ, гдѣ былъ поставленъ бонъ съ сѣтями; миноносцы „Кондратенко“ и „Охотникъ“ — оставлены въ дозорѣ, въ южной части позиціи.

Въ 11 часовъ ночи мы приняли радіо „Кондратенко“, что въ заливъ прорвались два непріятельскихъ миноноска, и что онъ съ ними имѣлъ перестрѣлку, но потомъ, изъ-за полной темноты, потерялъ изъ виду.

Послѣ всѣхъ событій дня и прорыва миноносцевъ въ заливъ, ночь на 4-ое августа всѣ провели очень тревожно. Все время приходилось быть на чеку, чтобы во время отразить возможную минную атаку. Ночь была страшно темная: за полъ-кабельтова ничего не было видно. Это одновременно и улучшало, и ухудшало наше положеніе.

Около 3 часовъ ночи мы вдругъ увидѣли на горизонтѣ вспышки выстрѣловъ и сейчасъ-же пробили тревогу. Вскорѣ изъ радіо миноносца „Войсковой“ выяснилось, что, идя съ „Украйной“ на смѣну „Кондратенко“, онъ встрѣтилъ непріятеля и вступилъ съ нимъ въ бой, который длился всего лишь нѣсколько минутъ. За это время „Войсковой“ получилъ нѣсколько легкихъ пробоинъ и имѣлъ трехъ тяжело раненыхъ матросовъ.

Съ 4 часовъ утра въ дозоръ предстояло вступить „Новику“, и поэтому, еще за полчаса до этого времени, мы снялись съ якоря и пошли на позицію.

Уже свѣтало. „Новикъ“ шелъ вдоль позиціи. На горизонтѣ былъ виденъ Михайловскій маякъ. Вдругъ съ мостика замѣтили, что намъ навстрѣчу, полнымъ ходомъ, идутъ какіе-то два миноносца. Въ первый моментъ показалось, что это миноносцы 9-го Дивизіона, но, всмотрѣвшись хорошенько, мы сразу различили, что это что-то не то и, чтобы окончательно удостовѣриться, подняли опознательные. Отвѣта не послѣдовало. Тогда стало очевиднымъ, что это именно и есть тотъ непріятель, который прорвался ночью и имѣлъ столкновеніе съ „Кондратенко“ и „Войсковымъ“.

Командиръ приказалъ открыть огонь. Послѣ перваго же нашего залпа, миноносцы повернули и стали отвѣчать намъ. Ихъ снаряды ложились очень хорошо, давая только небольшие недолеты и перелеты, но попаданій въ насъ пока не было.

Наша стрѣльба, въ свою очередь, была безукоризненной. Третьимъ залпомъ мы накрыли первый миноносецъ и сбили ему трубу; на его полубакѣ возникъ пожаръ. Онъ весь окутался клубами пара и дыма, и на кормѣ у него было видно яркое пламя. Стрѣльба его сразу ослабѣла и потеряла мѣткость, но онъ все еще стрѣлялъ.

Пора было приниматься и за другой миноносецъ, и командиръ приказалъ перевести огонь. Опять наша стрѣльба была губительна: и на этомъ миноносцѣ также были видны

51. Носовое 105 м/м орудіе „Новика“ въ дѣйствіи.

пожары, и его стрѣльба перестала быть мѣткой. Вдругъ мы замѣтили, что первый, какъ будто-бы, сталъ понемногу оправляться и медленно ворочать къ берегу. Пришлось снова перевести огонь, и было видно, какъ въ него попало еще нѣсколько снарядовъ. На немъ возникли новые пожары, и онъ сильно погрузился кормой. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ медленно двигаться къ берегу, выпуская бѣлыя и красныя ракеты и, повидимому, стремился выброситься на мелкое мѣсто.

Въ это время мы вторично перевели огонь на задній миноносецъ и нанесли ему еще нѣсколько поврежденій, такъ что и онъ оказался въ тяжеломъ положеніи.

Тогда, очевидно, какъ послѣднее средство самозащиты, второй миноносецъ выпустилъ дымовую завѣсу. Это средство, лишь недавно введенное въ морскіе бои, было превосходно использовано противникомъ и, при такой тихой погодѣ, какая была, завѣса совершенно закрыла отъ насъ оба миноносца. Продолжать стрѣльбу было безполезно.

Между тѣмъ, за время боя, мы понемногу приблизились къ мѣсту расположенія сѣтей и минъ, и дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля было безполезно.

Весь бой длился 17 минутъ; наше маневрированіе было самымъ несложнымъ, такъ какъ обѣ стороны были стѣснены близкимъ расположеніемъ минныхъ загражденій. Командиръ все время только старался, по возможности, сохранять постоянный курсовой уголъ и разстояніе. Ходъ за все время боя мы имѣли постоянный, и, не болѣе 17 узловъ; это тоже во многомъ способствовало успѣху.

Такимъ образомъ результатъ боя надо считать для насъ блестящимъ, такъ какъ противникъ, въ суммѣ, былъ значительно сильнѣе насъ, имѣя шесть — 100 м/м орудій, противъ нашихъ четырехъ — того же калибра.

Миноносцы, съ которыми мы имѣли бой, принадлежали къ современному типу судовъ и строились до войны по заказу Аргентинской республики. Съ началомъ военныхъ дѣйствій они были реквизированы германскимъ правительствомъ и вошли въ строй его флота.

Въ общемъ, „Новикъ" нанесъ непріятелю очень тяжелыя поврежденія и надолго вывелъ оба миноносца изъ строя, если только на пути они не затонули или не выбросились на берегъ. Въ насъ же, собственно говоря, попаданій совсѣмъ не было. Только два снаряда разорвалось у самаго борта, такъ что ихъ осколками были нанесены нѣкоторыя мелкія поврежденія. Такъ, 2-ой моторный, деревянный катеръ получилъ небольшія пробоины, его шлюпбалка и два пиллерса задняго мостика оказались въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробитыми и т. п. Кромѣ того, въ телеграф-

ной рубкѣ сильной струей воздуха были сорваны со стѣны приборы отправительной станціи. Но, возможно, что это было сдѣлано и своими орудіями, при стрѣльбѣ на предѣльныхъ носовыхъ курсовыхъ углахъ.

Потерь и раненій въ личномъ составѣ не было, и только двумъ матросамъ попали въ ноги два маленькихъ осколочка, величиною съ горошину; считать это раненіемъ, конечно, нельзя.

Такой выдающійся результатъ боя надо приписать прежде всего заслугамъ командира „Новика", М. А. Беренса, который своимъ поразительнымъ хладнокровіемъ и талантливымъ управленіемъ корабля много способствовалъ успѣшности стрѣльбы и вселялъ спокойствіе и увѣренность въ дѣйствія всего личнаго состава. Этотъ бой еще разъ доказалъ его блестящія военныя дарованія.

52. Бой „Новика" съ двумя германскими миноносцами на разсвѣтѣ 4-го августа 1915 г.

Управленіе огнемъ нашей артиллеріи Лейтенантомъ Д. И. Федотовымъ, также нельзя не признать исключительно блестящимъ, дающимъ ему полное право считать себя однимъ изъ главныхъ виновниковъ этого успѣха.

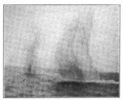
Дѣйствія остального личнаго состава, въ особенности плутонговаго командира, Мичмана П. Н. Бергштрессера, артиллерійскаго кондуктора М. З. Попова и остальной прислуги орудій, были выше всякихъ похвалъ. Каждый изъ нихъ отлично доказалъ знаніе дѣла, храбрость и сознаніе долга.

Этимъ боемъ мы, новиковцы, по праву можемъ гордиться, да и не только мы, а и весь нашъ Балтійскій Флотъ, такъ какъ онъ является однимъ изъ самыхъ выдающихся эпизодовъ, за эту войну, на нашемъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Къ концу боя къ намъ подошли три миноносца 5-го Дивизіона, подъ командой Капитана 1-го ранга П. М. Плена. Нельзя

не отмѣтить огромную выдержку и пониманіе обстановки этимъ начальникомъ, который, сразу оцѣнивъ положеніе, не позволилъ своимъ судамъ вмѣшаться въ нашъ бой, чѣмъ не внесъ безпорядка въ стрѣльбу и не нарушилъ ея стройности. Въ тоже время онъ держался настолько близко, что могъ въ любой моментъ оказать намъ поддержку.

Когда нашъ бой былъ уже оконченъ, на позицію вышла „Слава" и другіе миноносцы. Стоило только ей появиться, какъ непріятель немедленно открылъ по ней огонь съ своихъ линейныхъ кораблей. Залпы стали ложиться очень хорошо:

53. Разрывы большихъ непріятельскихъ снарядовъ во время боя въ Рижскомъ заливѣ.

почти сразу въ нее попало три снаряда, причинивъ серьезныя поврежденія. Въ виду того, что погода была очень туманной, то такая мѣткость стрѣльбы казалась странной, тѣмъ болѣе, что стрѣлявшіе суда даже не были видны; это дало поводъ думать, что ее корректировали съ Михайловскаго маяка.

Во время этого обстрѣла, когда мы находились очень близко отъ „Славы", въ насъ чуть-чуть не попалъ 12" снарядъ, разорвавшійся у самой кормы. Весь миноносецъ вздрогнулъ; подъ кормой поднялся огромный столбъ воды, и только благодаря нашему ходу не обрушился на палубу.

Наканунѣ этого дня непріятель доносилъ, что онъ дошелъ до Михайловскаго маяка, и что сегодня предполагаетъ прорвать позицію. Дѣйствительно, онъ все болѣе и болѣе приближался къ намъ. Ему оставалось протралить всего двѣ-три

линіи, а дальше онъ могъ уже спокойно двигаться внутрь залива, такъ какъ больше никакихъ препятствій мы ему не могли поставить.

Когда стало очевидно, что больше не на что разсчитывать, Начальникъ Дивизіи, чтобы не подвергать излишней опасности „Славу“ и канонерки, отправилъ ихъ въ Куйвастъ. Вскорѣ онъ и самъ отправился туда съ миноносцами, оставивъ въ Ирбенскомъ проливѣ только „Новика“. Онъ приказалъ намъ держаться тамъ до темноты или до тѣхъ поръ, пока, это будетъ возможно.

Это приказаніе Начальникъ Дивизіи передалъ намъ лично въ мегафонъ, пройдя вдоль нашего борта на „Пограничникѣ“, и тогда только командиръ получилъ возможность доложить ему о результатахъ нашего боя.

Послѣ этого, мы до темноты продержались въ районѣ Доменеса, а вечеромъ вернулись въ Куйвастъ. Тогда еще можно было считать, что непріятель въ заливъ не вошелъ.

На слѣдующій день, 5-го августа, мы узнали, что непріятель окончательно проровалъ позицію. 5-ый Дивизіонъ, который былъ посланъ на развѣдку, видѣлъ его недалеко отъ Доменеса, медленно двигающимся вглубь залива.

По свѣдѣніямъ, на этотъ разъ нѣмцы рѣшили окончательно покончить съ нами, уничтоживъ „Славу“ и закупоривъ выходъ изъ Моонзунда. Поэтому мы были готовы къ тому, что у входа въ Моонзундъ разыграется рѣшительный бой, и сильно боялись за участь „Славы“.

6-го августа въ Куйвастъ прибылъ, посланный Командующимъ Флотомъ, его Флагъ-Капитанъ по Оперативной части, Капитанъ 1-го ранга А. В. Колчакъ. Послѣ его совѣщанія съ Начальникомъ Дивизіи, „Новику“ было приказано срочно принять 10 двойныхъ минъ и быть готовымъ къ выходу въ море. Черезъ нѣсколько времени къ намъ пріѣхали Начальникъ Дивизіи и Флагъ-Капитанъ, и мы немедленно снялись съ якоря.

Цѣль похода была закупорить Аренсбургскую бухту; давъ 24 узла, „Новикъ“ пошелъ въ этомъ направленіи. Подходя туда, мы увидѣли еще издали, что тамъ работаютъ непріятельскіе тральщики подъ охраной крейсера.

Очевидно, ставить мины при такихъ условіяхъ было невозможно, и Начальникъ Дивизіи приказалъ повернуть къ Доменесу.

Во время поворота у насъ произошло маленькое недоразумѣніе. При передачѣ приказаній съ мостика къ мѣсту сбрасыванія минъ, было сказано „отставить“, а дошло „поставить мины“, и поэтому одна мина была сброшена.

Подойдя къ Доменесу, мы и тамъ тоже замѣтили одинъ крейсеръ типа „Аугсбургъ“, который, увидя насъ, бросился

въ погоню, и „Новикъ“ съ большимъ трудомъ сталъ отъ него уходить. Одинъ моментъ разстояніе даже уменьшилось до 40 кабельтовыхъ, и казалось, что онъ насъ неизбѣжно нагоnитъ.

54. Непріятельскіе тральщики во время работы (съ фот. Ф. Финке).

нитъ. Больше же хода мы дать не могли, такъ какъ наши воздушные насосы стали захлебываться. На наше счастье и крейсеръ, повидимому, довелъ до максимума свой ходъ, и вскорѣ мы замѣтили, что разстояніе стало медленно увеличиваться, и крейсеръ, пройдя еще немного, прекратилъ погоню.

Къ 2 часамъ дня мы вернулись въ Куйвастъ, гдѣ сейчасъ же было отдано приказаніе „Амуру“ заградить входъ въ Моонзундъ, и у входа дозорнымъ миноносцемъ былъ поставленъ „Донской Казакъ“.

55. Эскадренный миноносецъ „Донской Казакъ“.

Не прошло и часа послѣ возвращенія „Амура“, какъ, въ 5 часовъ, „Донской Казакъ“ уже доносилъ, что большія силы

непріятеля подходять къ нашему загражденію, и что онъ вступилъ съ ними въ бой. На поддержку ему долженъ былъ идти 6-ой Дивизіонъ, но скоро онъ и самъ благополучно вернулся на рейдъ.

Послѣ этого мы считали, что непріятель будетъ обстрѣливать Куйвастскій рейдъ, а потому всѣ суда перешли къ острову Шильдау и приготовились къ бою. Однако непріятель дальше не пошелъ, и, ввиду того, что окончательно стемнѣло, можно было предположить, что дальнѣйшія дѣйствія онъ отложилъ до слѣдующаго дня.

По какимъ-то совершенно непонятнымъ соображеніямъ, въ этотъ же день, въ 3 часа, канонерскія лодки „Сивучъ" и „Корецъ" вышли изъ Риги въ Моонзундъ. Какъ должно было неизбѣжно случиться, онѣ вскорѣ оказались отрѣзанными отъ обоихъ этихъ пунктовъ. Начальникъ Дивизіи, запертый со своими судами въ Моонзундѣ, не могъ имъ оказать рѣшительно никакой поддержки, и къ тому же не зналъ въ какой части залива онѣ находятся. До вечера о нихъ ничего не было слышно, какъ вдругъ, получилось радіо отъ командира „Сивуча", Капитана 2-го ранга П. Н. Черкасова, что съ темнотою ихъ открылъ непріятель и погнался за ними. Затѣмъ опять все стало тихо, и только поздно вечеромъ удалось принять отрывочное нешифрованное, и даже безъ подписи, радіо — „выскочилъ на камни". Мы предполагали, что доноситъ „Сивучъ", но потомъ выяснилось, что это былъ „Корецъ". Еще позже было получено донесеніе за подписью „Корейца" — „сбился съ пути". Затѣмъ все окончательно замолкло.

На всякій случай, дозорному миноносцу, у внѣшняго конца загражденія, было приказано всю ночь свѣтить прожекторомъ, чтобы, если одна изъ канонерокъ подойдетъ ко входу въ Моонзундъ, ей было бы легче оріентироваться, и она не попала бы на наше новое загражденіе. Прошла ночь; но ни о той, ни о другой канонерской лодкѣ ничего не было слышно. Осталось только предположить, что онѣ обѣ погибли. Интересно знать по чьему распоряженію онѣ вышли изъ Риги, когда непріятель уже давно былъ въ заливѣ?

Несчастье обыкновенно никогда не приходитъ одно. Мало того, что сегодня непріятель занялъ заливъ, и погибли „Сивучъ" и „Корецъ" — кромѣ того утромъ, взорвался еще заградитель „Ладога". Окончивъ постановку 800 минъ въ районѣ Утэ и возвращаясь въ шхеры, онъ на внутреннемъ фарватерѣ наткнулся на мину и черезъ 3 часа затонулъ. Къ счастью, всѣ люди спаслись, перебѣжавъ на конвоирующіе „Ладогу" миноносцы. Погибло только пять человѣкъ, которые въ моментъ взрыва, въ паникѣ, выбросились въ воду.

Предполагалось, что эта катастрофа произошла потому, что въ послѣднее время непріятель сталъ ставить мины съ особыхъ подводныхъ заградителей. Такой заградитель у нихъ имѣетъ 6 минъ и можетъ ихъ ставить въ подводномъ состояніи, такъ что обнаружить моментъ постановки нѣтъ никакой возможности. Вотъ навѣрное „Ладога" и попала на такое загражденіе; иначе посты Службы Связи не могли бы не замѣтить непріятеля, который вошелъ въ шхеры и сталъ ставить мины. Счастье также, что это случилось на обратномъ пути, когда „Ладога" была уже пустой, а то, конечно, никому изъ ея личнаго состава не удалось бы спастись. Нельзя не признать, что это новое изобрѣтеніе въ области веденія морской войны является очень серьезнымъ оружіемъ, съ которымъ будетъ чрезвычайно трудно бороться. Теперь, для идущихъ въ море судовъ явилась еще одна опасность, которая своей неожиданностью будетъ особенно непріятно вліять на настроеніе личнаго состава.

7-го августа утромъ все было тихо, и непріятель въ виду Моонзунда больше не показывался. Въ 11 часовъ утра къ намъ подошелъ катеръ Штаба Начальника Дивизіи съ приглашеніемъ командиру ѣхать на совѣщаніе по выработкѣ дальнѣйшихъ дѣйствій. Одновременно мы узнали, что нашъ Начальникъ Дивизіи, Капитанъ 1-го ранга П. П. Трухачевъ, произведенъ въ Контръ-Адмиралы.

Только въ этотъ день, наконецъ, дошли до насъ нѣкоторыя подробности о гибели „Сивуча" и „Корейца". По этимъ свѣдѣніямъ, „Сивучъ" погибъ ночью въ бою съ крейсеромъ и двумя миноносцами. Это былъ короткій, но жестокій бой. „Сивучъ" былъ весь разстрѣлянъ: онъ сразу же получилъ много подводныхъ и надводныхъ пробоинъ. Всюду на немъ возникли пожары, и онъ сталъ представлять изъ себя сплошной костеръ. Но, хотя борта и были накалены уже докрасна, и всюду стали взрываться снаряды и патроны, онъ боя не прекратилъ до послѣдней минуты. Изъ всего личнаго состава „Сивуча" спаслось только два офицера и сорокъ матросовъ, которыхъ утромъ подобралъ непріятель.

Что касается „Корейца", то ему, благодаря темнотѣ, удалось уйти отъ преслѣдованія, и онъ направился въ сторону Пернова. Изъ-за частыхъ перемѣнъ курса и хода онъ потерялъ свое мѣсто и попалъ на каменную гряду, которую, впрочемъ, счастливо перескочилъ и, такимъ образомъ, очутился въ районѣ, гдѣ его нельзя было преслѣдовать.

8-го августа мы получили неожиданное и совершенно для насъ непонятное извѣстіе, что непріятель покинулъ Рижскій заливъ. Чѣмъ это слѣдовало объяснить, мы совершенно недоумѣвали. Вѣдь, чтобы прорвать загражденіе, имъ было

потрачено много усилій, и при этомъ — понесены довольно большія потери. Такъ почему, же, достигнувъ цѣли, онъ вдругъ все бросилъ и ушелъ, ограничившись только бомбардировкой Пернова и затопленіемъ у его подходовъ трехъ пароходовъ съ камнями? Не зная, конечно, всѣхъ обстоятельствъ, мы считали это совершенно непонятнымъ, хотя очень выгоднымъ и пріятнымъ для насъ событіемъ.

Тѣмъ не менѣе, вся Дивизія простояла въ Куйвастѣ еще два дня, ожидая какихъ-нибудь дѣйствій со стороны непріятеля; но, повидимому, въ заливѣ больше никого не было, и противникъ дѣйствительно его покинулъ.

56. Канонерская лодка „Сивучъ".

Но командиръ „Корейца", которому еще не успѣли сообщить объ этомъ, изъ опасенія прихода непріятеля, совершенно уничтожилъ свое судно, предварительно снявъ орудія и погрузивъ ихъ на шхуну. Все, что можно было увезти съ собой, было также снято и отправлено на берегъ, и только послѣ этого произведены взрывы и пожары.

Въ ряду этихъ событій были получены и пріятныя извѣстія объ удачной атакѣ англійской подлодки „Е 1" броненосцаго крейсера „Мольтке" и о потопленіи подлодкой „Акулой" непріятельскаго легкаго крейсера.

На слѣдующій день, 11-го августа, Адмиралъ послалъ насъ на развѣдку къ Церелю. Для этого мы вышли въ 7 часовъ утра изъ Куйваста, обошли загражденіе, поставленное для защиты входа въ Моонзундъ, и вошли въ заливъ. Первое, что намъ бросилось въ глаза, это были вѣшки, поставленныя непріятелемъ для обозначенія протраленнаго имъ пространства. Нашъ командиръ, предполагая, что непріятель

могъ при отходѣ изъ залива поставить загражденіе, и что этотъ фарватеръ онъ обвѣховалъ для себя, пошелъ вдоль вѣшекъ, и „Новикъ" благополучно дошелъ до Цереля. Подойдя къ маяку, командиръ его опросилъ, не видѣлъ ли онъ что-нибудь въ морѣ; но съ него отвѣтили, что ужъ нѣсколько дней, какъ ничего не видно. Тогда мы продолжали путь и пошли вдоль нашей бывшей позиціи, причемъ убѣдились, что маневренныя вѣшки остались нетронутыми. Дойдя до ея конца, мы повернули вдоль восточнаго берега и, пройдя еще немного, увидѣли плавающую непріятельскую мину. Это навело на мысль, что она могла быть и всплывшей миной, и что именно въ этомъ районѣ

57. Линейный крейсеръ „Мольтке".

непріятель и могъ поставить свое загражденіе. Поэтому командиръ повернулъ къ западному берегу, вдоль котораго и вернулся въ Куйвасть. На пути мы попробовали дать полный ходъ, но его удалось довести только до 28 узловъ, такъ какъ воздушные насосы стали опять захлебываться. Такимъ образомъ выяснилось, что съ ними не все обстоитъ благополучно, и что это обстоятельство надо имѣть виду.

Въ 5 часовъ вечера „Новикъ" уже былъ въ Куйвастѣ. Въ это время пришелъ изъ Ревеля „Сибирскій Стрѣлокъ" съ Начальникомъ Штаба Командующаго Флотомъ, Контръ-Адмираломъ Григоровымъ.

На слѣдующее утро, ввиду его пріѣзда, на транспортѣ „Ока" было собрано большое совѣщаніе, для выработки новаго плана возстановленія минной позиціи въ Ирбенскомъ проливѣ. На засѣданіи было рѣшено поставить цѣлый рядъ новыхъ загражденій и, кромѣ того, на мелкихъ мѣстахъ у береговъ, затопить шхуны и пароходы съ камнями, чтобы тамъ нельзя было пробираться подлодкамъ и миноносцамъ.

Въ 1 часъ дня насъ опять послали къ Церелю на развѣдку, и мы, опять проходивъ цѣлый день, ничего не видѣли.

Вечеромъ съ почтой были получены петроградскія газеты, которыя пестрѣли описаніями боевъ въ Рижскомъ заливѣ. Все написанное было такъ далеко отъ истины, и успѣхи наши такъ прикрашены, что даже непріятно было ихъ читать. По этому случаю легко представить себѣ, какъ мало заслуживаютъ довѣрія газетныя сообщенія о разныхъ военныхъ дѣйствіяхъ.

XIV.

Возстановленіе Ирбенской позиціи. Начальникъ Минной Обороны въ Рижскомъ заливѣ. Пожалованіе Орденомъ Св. Георгія Побѣдоносца командира „Новика“ и артиллерійскаго офицера. Обстрѣлъ береговъ. Встрѣча „Счастливаго“, „Безпокойнаго“ и „Пронзительнаго“ съ „Гебеномъ“. Бой „Пронзительнаго“, „Быстраго“ и „Нерпы“ съ „Гамидіе“. Дѣйствія по 6-ое октября.

13-го августа у насъ начались спѣшныя работы по возстановленію позиціи. Въ 2 часа „Новикъ“ подошелъ къ „Блокшиву № 4“ и принялъ 25 двойныхъ минъ, послѣ чего, вмѣстѣ съ Полу-Дивизіономъ, пошелъ въ бухту Пія. Тамъ мы застали 5-ый Дивизіонъ, который конвоировалъ шхуны и пароходы, предназначенные къ затопленію. Въ виду того, что такого рода операціи выполнимы только при тихой погодѣ, то весь этотъ караванъ выжидалъ удобнаго момента.

Вечеромъ Начальникъ Дивизіи собралъ у себя совѣщаніе, на которомъ было рѣшено внести нѣкоторыя измѣненія въ мѣстахъ постановки минъ и затопленія судовъ.

Выполнить эту операцію было желательно въ ту же ночь, но, конечно, при условіи благопріятной погоды. Для обезпеченія ея въ море должны были выйти два дредноута и 1-ая Бригада Крейсеровъ. Это была очень надежная защита, и Дивизія могла спокойно работать.

Въ 5 часовъ утра слѣдующаго дня „Новикъ“ вышелъ въ море, чтобы поставить мины. Погода была сравнительно тихая; поэтому, вся наша армада еще въ 2 часа двинулась въ море, со своими пароходами и шхунами. Къ 8 часамъ утра „Новикъ“ подошелъ къ южной вѣшкѣ позиціи и поставилъ тамъ мины въ двѣ линіи. Всѣ остальные миноносцы также выполнили задачу: такимъ образомъ, за эту ночь удалось сразу поставить 260 минъ. На этотъ разъ тоже не обошлось безъ аваріи. Полу-Дивизіону пришлось ставить свои мины на внѣшней сторонѣ позиціи; идти туда приходилось между старыми, своими и непріятельскими, загражденіями. Когда мины имъ были уже поставлены, и онъ шелъ обратно, „Охотникъ“, который былъ

заднимъ, попалъ на мину и получилъ большую пробоину. Счастье еще, что эта мина была съ малымъ зарядомъ, а то бы онъ, конечно, погибъ; теперь-же онъ даже подъ своими машинами вышелъ изъ опасной зоны и благополучно дошелъ до Куйваста. Странное совпаденіе, что подорвался „Охотникъ", шедшій четвертымъ въ кильватерной колоннѣ. Вѣдь, по тому же мѣсту, одинъ за другимъ прошли, не задѣвъ минъ, три миноносца, а онъ подорвался — значитъ судьба и случай.

Вернувшись около 2 часовъ 30 минутъ въ Куйвастъ, мы сейчасъ-же подошли къ „Блокшиву № 4", чтобы принять еще 25 двойныхъ минъ и затѣмъ стали ждать извѣстія, что шхуны затоплены, такъ какъ наше новое загражденіе должно было закрыть подходы къ этому мѣсту. Вопросъ теперь заключался въ томъ, когда удастся произвести это затопленіе; разъ это зависѣло отъ погоды, которая въ данное время рѣдко бываетъ хорошей, то наше ожиданіе могло затянуться и безконечно долго. Вотъ оно и потянулось. Слѣдующій день было очень свѣжо; потомъ какъ будто стало стихать, но зато была еще большая волна, и мы все ожидали.

16-го августа къ намъ пришло извѣстіе, что въ Рижскій заливъ прибудетъ Начальникъ Минной Обороны, Контръ-Адмиралъ Максимовъ, чтобы принять главное командованіе надъ всѣми силами, сосредоточенными здѣсь. Это извѣстіе было принято съ большимъ негодованіемъ. Контръ-Адмиралъ Максимовъ не пользовался никакимъ авторитетомъ, тогда какъ Контръ-Адмиралъ Трухачевъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ. Дѣйствительно, слухи не надолго опередили событія: уже вечеромъ Начальникъ Минной Обороны пріѣхалъ въ Моонзундъ и поднялъ свой флагъ на „Пограничникѣ", но предупредилъ нашего командира, что скоро переберется къ намъ. Не желая этого, нашъ командиръ приложилъ всѣ старанія убѣдить его, что у насъ совершенно нѣтъ подходящаго помѣщенія, но это ни къ чему не привело, и Адмиралъ остался при своемъ намѣреніи.

Рано утромъ, на слѣдующій день, мы подошли къ транспорту „Волга" и приняли полный запасъ нефти, а въ полдень пошли къ Церелю, гдѣ уже сосредоточилась вся остальная Дивизія.

Мы нашли миноносцы на якорѣ у мыса Кави; когда туда подошли, Начальникъ Минной Обороны приказалъ намъ сходить на позицію къ Славской вѣшкѣ и провѣрить по картѣ мѣсто затопленія шхунъ. Придя туда, мы увидѣли только верхушки мачтъ затопленныхъ шхунъ. Выходило, что шхуны затоплены на слишкомъ глубокомъ мѣстѣ, а потому и едва ли принесутъ существенную пользу. Выполнивъ свою задачу, „Новикъ" сталъ возвращаться. Было какъ разъ 6 часовъ; всѣ офицеры

съ командиромъ собрались въ каютъ-компанiи ужинать. Вдругъ, у самаго нашего борта, мы услышали довольно сильные звуки взрывовъ и, не понимая въ чемъ дѣло, стремглавъ выскочили наверхъ. Тутъ сразу все стало ясно. Надъ нами леталъ большой непрiятельскiй гидропланъ и сбрасывалъ бомбы. Его замѣтили съ мостика только тогда, когда онъ успѣлъ уже сбросить нѣсколько бомбъ, такъ какъ онъ летѣлъ на насъ съ солнечной стороны и потому былъ очень плохо виденъ. Командиру оставалось только начать уклоняться отъ его атакъ, описывая въ разныя стороны циркуляцiи. Моменты, когда бомбы отдѣлялись отъ аэроплана, были хорошо видны, и сторону поворота не трудно было разсчитать. Цѣлыхъ 20 минутъ продолжались атаки гидроплана; онъ сбросилъ въ насъ 10 бомбъ, но, къ счастью, ни одна изъ нихъ не попала въ цѣль. Нѣкоторые взрывы были настолько близки отъ борта, что брызги и мелкiе осколки сыпались дождемъ на палубу. При другихъ обстоятельствахъ это, пожалуй, было бы и не такъ ужасно; но у насъ на палубѣ стояло 50 совершенно готовыхъ къ постановкѣ минъ. Въ случаѣ, еслибы одна изъ бомбъ попала въ такую мину, то произошелъ бы ужасный взрывъ, и отъ насъ бы ничего не осталось. Поэтому, во время атаки, намъ пришлось разоружить всѣ мины. Съ своей стороны мы стрѣляли въ гидропланъ изъ пулеметовъ и винтовокъ, но отъ этого никакихъ результатовъ не было видно; очевидно, онъ остался невредимъ.

Вернувшись къ мысу Кави, мы узнали, что ожидается возобновленiе попытокъ непрiятеля проникнуть въ заливъ, причемъ, одновременно, на сухопутномъ фронтѣ должно начаться его наступленiе на Ригу.

На слѣдующее утро Начальникъ Минной Обороны поднялъ у насъ свой флагъ и переѣхалъ къ намъ со своимъ Штабомъ. Изъ-за отсутствiя спецiальнаго помѣщенiя, это насъ страшно стѣснило; кромѣ того, явился цѣлый рядъ новыхъ хлопотъ, недоразумѣнiй и безпокойствъ. Правда, было и преимущество: мы все время находились въ курсѣ событiй, такъ какъ всѣ свѣдѣнiя поступали прежде всего къ намъ.

Утромъ никакихъ признаковъ приближенiя непрiятеля не было замѣтно. Днемъ вдругъ стало сильно свѣжѣть; немного спустя вѣтеръ перешелъ въ штормъ. Стало очевиднымъ, что сегодня непрiятель ничего не предприметъ. Въ 5 часовъ 30 минутъ дня стало настолько свѣжо, что всей Дивизiи пришлось перейти въ бухту Пiя, изъ опасенiя быть сорванными съ якорей.

На слѣдующее утро, 19-го августа, сильную волну развело и въ бухтѣ. Опять пришлось мѣнять мѣсто: всѣ перешли къ мысу Мэрисъ. Изъ-за этого шторма въ Ирбенскомъ проливѣ появилась масса сорванныхъ минъ и подлодочныхъ сѣтей; поэтому, даже стоя на якорѣ, приходилось все время опасаться,

что вѣтромъ и теченіемъ ихъ можетъ нанести на насъ. Во время переходовъ у вахтенныхъ начальниковъ не хватало глазъ, чтобы за всѣмъ услѣдить: на небѣ надо было не пропустить аэроплана, на морѣ — дымы и въ морѣ — перископъ, мину или сѣть. Современному морскому офицеру, въ военное время, полезно бы имѣть еще пару запасныхъ глазъ.

Штормъ продолжался почти три дня, и только 21-го стало стихать. Этимъ сейчасъ-же воспользовался Адмиралъ и послалъ два миноносца 6-го Дивизіона обстрѣлять мѣстечки Роэнъ и Мэзорогоцемъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ, непріятель держалъ свои войска. Наши миноносцы внезапно появились передъ этими пунктами, съ разсвѣтомъ, и энергично ихъ обстрѣляли. О результатахъ обстрѣла судить было трудно.

58. Миноносцы 6-го Дивизіона во время сильной волны.

Днемъ Адмиралъ рѣшилъ обстрѣлять Михайловскій маякъ и, если возможно, его разрушить. Для этого была послана „Слава". Послѣ ея обстрѣла, кругомъ маяка были видны сильные взрывы и пожары, но въ самый маякъ ей попасть не удалось, и онъ по прежнему спокойно стоялъ во всю свою величину. Желая наблюдать стрѣльбу „Славы", Адмиралъ на „Новикѣ" пошелъ къ ней, но когда мы пришли, она уже окончивала обстрѣлъ, и намъ осталось только повернуть обратно. Какъ разъ въ это время были замѣчены непріятельскій аэропланъ, летѣвшій съ юга, по направленію „Славы". Онъ сбросилъ въ нее четыре бомбы, которыя, однако, не попали въ цѣль.

На слѣдующій день, рано утромъ, „Новикъ" наконецъ получилъ приказаніе поставить свои мины. Раньше Адмиралъ не разрѣ-

шалъ намъ этого сдѣлать, пока заградители „Мологa" и „Свирь" не поставятъ минъ на внѣшней сторонѣ позиціи, куда должны были пройти по всѣмъ ранѣе поставленнымъ загражденіямъ, пользуясь своей 3′ осадкой. Они это выполнили только сегодня ночью. Наша постановка прошла спокойно, и мы избавились отъ своихъ 25 двойныхъ минъ, которыя не давали намъ повернуться на палубѣ, и всѣмъ страшно надоѣли.

Послѣ окончанія операціи, мы узнали чрезвычайно пріятную для насъ новость, что Начальникъ Минной Обороны уѣзжаетъ въ Гельсингфорсъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію въ безполезности своего пребыванія въ Рижскомъ заливѣ и передаетъ командованіе Начальнику Дивизіи. Ввиду такого рѣшенія Адмирала, мы пошли къ „Сибирскому Стрѣлку" для передачи дѣлъ Начальнику Дивизіи, а затѣмъ повезли Адмирала черезъ Куйвастъ въ Рогокюль. Рогокюль — это новая база для миноносцевъ, устроенная во время войны, недалеко отъ Гапсаля. „Новикъ" шелъ туда въ первый разъ и то, что мы тамъ нашли, не слишкомъ насъ порадовало. Безотрадная мѣстность, нѣсколько деревянныхъ бараковъ и пристань, окруженная съ обѣихъ сторонъ молами, такъ что получались двѣ довольно большія гавани — вотъ и все устройство. Конечно, для миноносцевъ было все же удобнѣе стоять здѣсь, чѣмъ гдѣ-нибудь на якорѣ, но зато неудачная распланировка стѣнокъ гавани не позволяла, въ случаѣ тревоги, быстро выйти изъ нея, въ особенности при южныхъ вѣтрахъ. Это ужъ было очень неудобно. Базу назвали Рогокюлемъ, но ввиду мѣстнаго происхожденія этого слова, оно очень трудно усваивалось нашими матросами; они никакъ не могли запомнить „Рогокюль" и скоро передѣлали въ болѣе легкое для нихъ „Редикюль". Это названіе такъ и осталось навсегда за базой.

Въ Рогокюлѣ мы простояли только одну ночь и, принявъ для „Славы" 68—12″ снарядовъ, пошли въ 6 часовъ утра въ Куйвастъ. Тамъ приняли еще и провизіи и, превратившись въ настоящій транспортъ съ грузомъ, пошли дальше въ Аренсбургъ, гдѣ стояла „Слава". Сдавъ на нее снаряды, мы перешли къ „Сибирскому Стрѣлку" для передачи почты и провизіи, а затѣмъ встали недалеко отъ него на якорь.

За послѣдніе дни непріятель совсѣмъ не показывался; только летали усиленно его аэропланы, появляясь ежедневно два раза въ день: около 10 часовъ утра и 5 часовъ вечера; одинъ въ первый разъ даже долетѣлъ до Куйваста. Благодаря этому мы полюбили свѣжія погоды. По крайней мѣрѣ можно было быть спокойными, что никто не потревожитъ, а то, вѣдь, приходилось два раза въ день сниматься съ якоря и маневрировать съ самымъ глупымъ сознаніемъ своей полной безпомощности. Еще счастье, что до сихъ поръ аэропланы не попадали

бомбами въ цѣль; но когда они достаточно напрактикуются, тогда намъ будетъ много хуже.

24-го августа мы получили радостное извѣстіе, что Георгіевская Дума признала достойными награжденія Орденомъ Св. Георгія Побѣдоносца 4 степени Контръ-Адмирала П. П. Трухачева — за бои въ Рижскомъ заливѣ, а также — Капитана 2-го ранга М. А. Беренса и Лейтенанта Д. И. Федотова — за бой „Новика“ съ двумя непріятельскими миноносцами. Ввиду такого событія у насъ цѣлый день было празднество. Потомъ Адмиралъ чествовалъ насъ, мы ему отвѣчали и всѣ были очень радостно настроены. Одновременно съ этимъ выяснились и нѣкоторыя подробности самого боя 4-го августа.

50. Миноносецъ „V 99“; выбросившійся на берегъ, послѣ боя съ „Новикомъ“. (Съ фот. Ф. Финне).

Оказывается, мы вели его съ миноносцами „V 99“ и „V 100“. Въ нихъ попало одиннадцать нашихъ снарядовъ, причемъ было убито 17 человѣкъ, 39 — ранено и 6 — пропало безъ вѣсти. Миноносцы получили серьезныя поврежденія; особенно пострадалъ миноносецъ „V 99“. Кромѣ того, уходя отъ насъ, они запутались въ противолодочныхъ сѣтяхъ и получили на нихъ еще двѣ пробоины. Миноносецъ „V 99“ принужденъ былъ выброситься на берегъ, гдѣ черезъ два дня былъ взорванъ своей командой.

Съ 25-го до 27-го августа никакихъ особыхъ событій не произошло; „Новикъ“ все время стоялъ въ Аренсбургѣ.

Въ нейтральной печати, нѣтъ-нѣтъ, и проскальзываютъ интересныя свѣдѣнія о различныхъ эпизодахъ войны. Вполнѣ понятно, что сообщенія воюющихъ державъ никогда не могутъ быть безпристрастными; кромѣ того, многое еще скрывается въ силу военныхъ соображеній. Нейтральнымъ же газетамъ нѣтъ

никакого основанія что-либо утаивать, или освѣщать подъ особо пристрастнымъ угломъ. Поэтому, обыкновенно, получается гораздо болѣе яркая картина, чѣмъ та, которую даютъ официальныя сообщенія сторонъ.

Въ данномъ случаѣ, рѣчь идетъ объ уничтоженіи англичанами крейсера „Кенигсбергъ", заблокированнаго десять мѣсяцевъ тому назадъ въ устьѣ рѣки Руфиджи, въ Занзибарѣ. Туда онъ укрылся отъ преслѣдованія, послѣ боя съ крейсеромъ „Пегасусъ", котораго потопилъ 6-го сентября 1914 года.

Рѣка Руфиджи, при впаденіи въ океанъ, образуетъ очень мелководную дельту съ цѣлымъ рядомъ рукавовъ. Изъ нихъ только два — Симба-Урана и Кикунья, оказались достаточно глубоки для осадки „Кенигсберга"; по нимъ-то онъ и поднялся такъ далеко, что сталъ неуязвимъ.

Крейсеръ уже не имѣлъ ни угля, ни воды, ни провіанта; снарядовъ тоже почти не было. Для защиты пришлось построить батареи на берегу.

Въ первые же дни блокады, англичане стали пытаться войти въ рѣку, чтобы его потопить, но онъ удачно отбивалъ всѣ атаки.

День-ото-дня росли блокирующія силы и, наконецъ, дошли до 21 корабля. Тутъ были броненосные и легкіе крейсера, канонерки, сторожевыя суда и матка аэроплановъ. Однако, всѣ усилія были безплодны: „Кенигсбергъ" оставался невредимъ.

Тогда англичане рѣшили принять серьезныя мѣры. Были присланы два монитора — „Мерсей" и „Севернъ", вооруженные 6" артиллеріей, въ то время какъ „Кенигсбергъ" имѣлъ только 4".

Съ 24-го іюня, крейсеръ уже подвергается непрерывному обстрѣлу, причемъ мониторы, пользуясь своей малой осадкой, входятъ въ самую дельту, а остальные корабли стрѣляютъ перекиднымъ огнемъ. „Кенигсбергъ" буквально засыпается снарядами, но оказываетъ самое энергичное сопротивленіе. Ежедневно, въ теченіе пяти дней, повторяется тоже самое. Онъ весь превращенъ почти въ груду желѣза и объятъ пламенемъ; на немъ, то и дѣло, происходятъ мелкіе взрывы. Экипажъ безсиленъ бороться съ ними и только поддерживаетъ огонь изъ оставшихся орудій. Дальше вести бой — немыслимо, и командиръ отдаетъ послѣднее приказаніе — взорвать крейсеръ. . .

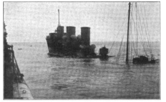
Такъ погибъ „Кенигсбергъ".

28-го въ первый разъ надъ Финскимъ заливомъ появился непріятельскій цеппелинъ. Его замѣтили около полуночи у Вормса и прослѣдили, что онъ шелъ по направленію Ревеля. Своевременно тамъ были предупреждены всѣ батареи, которыя и приготовились его встрѣтить соотвѣтствующимъ образомъ. Однако, до Ревеля онъ почему-то не долетѣлъ и, выбросивъ

въ виду Балтійскаго Порта всѣ свои бомбы въ море, повернулъ и скрылся на западъ. Такой налетъ для насъ являлся еще новостью, и мы всѣ были страшно заинтересованы увидѣть цеппелинъ.

Въ этотъ же день и наши воздушныя силы проявили активную дѣятельность, сдѣлавъ 8-ью гидропланами налетъ на Виндаву. Тамъ въ гавани они увидѣли линейный корабль типа „Виттельсбахъ“ и сбросили въ него много бомбъ, которыя, впрочемъ, въ цѣль не попали. При этомъ, одинъ изъ нашихъ аппаратовъ, или будучи подбитъ, или изъ-за какой-нибудь своей неисправности, снизился. Два нашихъ летчика, такимъ образомъ, пропали.

29-го августа въ обычное время летали аэропланы и бросали бомбы, но опять безрезультатно. Ими было сброшено 3 бомбы въ „Хабаровскъ“, 10 въ „Финна“ и 2 въ „Эмира Бухарскаго“ — которые стояли на Аренсбургскомъ рейдѣ. Это означало, что аэропланы начали летать къ Аренсбургу, гдѣ мы были очень стѣснены въ маневрированіи, и потому командиръ счелъ за лучшее перейти къ мысу Кави.

60. Миноносецъ „V 99“ послѣ взрыва 6-го августа.
(Съ фот. Ф. Финке).

Слѣдующій день не отличался отъ предыдущаго, и аэропланы опять, по обыкновенію безрезультатно, бросали бомбы. Въ насъ они бросили 3 бомбы, во „Всадника“ — 3, въ „Хабаровскъ“ — 13 и въ Церель — 3.

Въ 5 часовъ 30 минутъ вечера мы получили приказанiе идти въ Куйвастъ и, придя туда, сразу стали принимать нефть, а командиръ поѣхалъ къ Адмиралу. Вскорѣ выяснилось, что „Новикъ" вытребованъ ввиду того, что ожидается смотръ Командующаго Флотомъ, который прибудетъ сюда завтра. Дѣйствительно, 31-го августа, вечеромъ, на „Сибирскомъ Стрѣлкѣ" прибылъ Адмиралъ Канинъ и предупредилъ, что на слѣдующiй день посѣтитъ всѣ суда. Поэтому съ утра всюду приготовились къ смотру, т. е. почище прiодѣлись, вычистили „мѣдяшку", а потомъ слонялись изъ угла въ уголъ, не зная какъ убить время. Командующiй Флотомъ началъ свой объѣздъ со „Славы", потомъ побывалъ на „Орлицѣ", „Хабаровскѣ", „Новикѣ" и всѣхъ другихъ миноносцахъ. У насъ онъ благодарилъ офицеровъ и команду, поздравилъ съ полученiемъ Георгiевскихъ Крестовъ и уѣхалъ. Въ общемъ смотръ прошелъ довольно вяло. Смотры, въ особенности въ военное время, должны сопровождаться извѣстной обстановкой и подъемомъ, чтобы оставить впечатлѣнiе и вселить въ личный составъ бодрость и вѣру. Тогда только они имѣютъ смыслъ, а не навѣваютъ тоску.

2-го сентября „Новикъ" еще простоялъ въ Куйвастѣ, а затѣмъ перешелъ въ Рогокюль, гдѣ все же было удобнѣе стоять, такъ какъ можно было имѣть непосредственное сообщенiе съ берегомъ и въ любое время выйти походить. Вѣдь, всѣ четыре лѣтнихъ мѣсяца, кромѣ двухъ недѣль, мы провели на миноносцѣ, совершенно не съѣзжая на берегъ. Кромѣ этого большое удобство такого стоянiя еще въ томъ, что прiемки провизiи и различныхъ запасовъ и матерiаловъ происходятъ прямо съ пристани, и не приходится это возить на шлюпкахъ.

Днемъ 4-го сентября было получено печальное извѣстiе, что тральщикъ „Взрывъ" при входѣ въ Моонзундъ, попалъ на мину и моментально затонулъ. Катастрофа произошла въ 4 миляхъ отъ маяка Вормсъ, въ мѣстѣ слiянiя новаго и стараго фарватеровъ. Конечно, въ этомъ случаѣ нѣтъ ничего особеннаго, такъ какъ гибель корабля во время войны есть обычное явленiе, и личный составъ всегда долженъ быть къ ней готовъ.

Но, данный случай выдѣляется тѣмъ, что катастрофа произошла въ такомъ мѣстѣ, которое ни въ коемъ случаѣ не должно было быть доступно непрiятелю. Мины оказались поставленными на внутреннемъ фарватерѣ, проникновенiе куда ужъ по чисто навигацiоннымъ условiямъ чрезвычайно трудно, и кромѣ того это мѣсто находится въ непосредственномъ наблюденiи постовъ Службы Связи. Тотъ фактъ, что мины были незамѣтно поставлены, объясняется тѣмъ, что непрiятель ихъ ставилъ съ подлодокъ и имѣлъ у себя человѣка хорошо знакомаго съ лоцiей этихъ мѣстъ. Нельзя не отдать должнаго коман-

дирамъ этихъ подлодокъ, которые такъ храбро и дерзко проникаютъ къ непріятелю, рискуя быть обнаруженными или самимъ взорваться на минахъ.

Въ этотъ день, передъ фронтомъ команды, Начальникъ Дивизіи торжественно вручилъ командиру и Лейтенанту Федотову Знаки Ордена Св. Георгія Побѣдоносца, а на слѣдующій день, при той-же обстановкѣ, была раздача Георгіевскихъ Крестовъ командѣ. Послѣ этой церемоніи произошелъ печальный случай. Начальникъ Дивизіи, идя по сходнѣ на берегъ, оступился, упалъ и сломалъ себѣ руку. Его сейчасъ-же пришлось отправить на автомобилѣ въ Ревельскій госпиталь.

Слѣдующіе два дня, 6-го и 7-го сентября, прошли спокойно и только 8-го вечеромъ было получено извѣстіе, что непріятельскій отрядъ, состоящій изъ 8 линейныхъ кораблей, 2 броненосныхъ крейсеровъ, 2 легкихъ крейсеровъ, 7 тральщиковъ и 1 парохода съ моторными шлюпками, вышелъ изъ Киля на N. Всѣхъ насъ сейчасъ-же выгнали изъ Рогокюля въ Куйвастъ, гдѣ мы и встали, ожидая дальнѣйшихъ событій. Въ тотъ же день къ намъ прибылъ Капитанъ 1-го ранга А. В. Колчакъ, который, на время болѣзни Адмирала Трухачева, принялъ командованіе Дивизіей. Онъ поднялъ свой брейдъвымпелъ на „Пограничникѣ".

9-го сентября стало сильно свѣжѣть и задулъ штормъ отъ NW. За эти дни о непріятельской эскадрѣ больше ничего не было слышно. Только одинъ моментъ Дагерортъ видѣлъ на горизонтѣ какіе-то дымы.

10-го сентября выяснилось, что эта эскадра поставила большое загражденіе у банки Олегъ и пошла кругомъ Готланда; вотъ почему ея и не было видно съ нашихъ наблюдательныхъ постовъ.

Такимъ образомъ ужъ нѣсколько недѣль непріятель ничего не предпринималъ противъ Рижскаго залива. Ввиду осенняго времени можно было предполагать, что навѣрно въ этомъ году онъ ничего больше и не предприметъ, такъ что Дивизія спокойно оставалась стоять въ Куйвастѣ.

12-го сентября „Слава" была послана къ мѣстечку Шлокъ, обстрѣлять побережье, чтобы помочь нашимъ войскамъ овладѣть этимъ райономъ. Когда стрѣльба была ужъ окончена, „Слава" на время обѣда, на томъ же мѣстѣ, встала на якорь. Въ это время, совершенно неожиданно, непріятельская береговая батарея, которая во время обстрѣла ничѣмъ себя не обнаружила, открыла огонь, и одна ея шрапнель попала въ амбразуру боевой рубки, гдѣ и разорвалась. При этомъ были убиты командиръ корабля, одинъ офицеръ и четыре матроса, которые какъ-разъ должны были выйти изъ рубки. Спасся только одинъ штурманъ, Мичманъ Ваксмутъ. Командиромъ корабля

былъ Капитанъ 1-го ранга Вяземскій. Съ нимъ находился Флагманскій Артиллерійскій офицеръ Штаба Флота, Капитанъ 2-го ранга Свиньинъ, который остался случайно на „Славѣ", послѣ осмотра ея артиллеріи и пошелъ въ походъ по собственному желанію. Особенно чувствительна для Флота была потеря послѣдняго, такъ какъ онъ былъ одинъ изъ самыхъ выдающихся артиллеристовъ, и его теоретическія изслѣдованія стрѣльбы принесли огромную пользу Флоту. Какъ иногда трагично складываются обстоятельства! Въ „Славу" попало всего три снаряда, и надо же было одному изъ нихъ попасть именно въ амбразуру, которая представляетъ изъ себя всего лишь маленькую щель.

Дѣйствія самой „Славы" были очень удачны.

Какъ послѣ передавали въ Штабѣ XII Арміи, ея стрѣльба произвела колоссальное впечатлѣніе. Противникъ очистилъ всю береговую полосу, и наши войска прочно закрѣпились на ней.

На сухопутьѣ вообще незнакомы съ дѣйствіемъ такихъ скорострѣльныхъ орудій, какія имѣются на корабляхъ. Благодаря примѣненію электричества и другимъ техническимъ усовершенствованіямъ, мы имѣемъ возможность развить такой огонь, о которомъ сухопутной артиллеріи не приходится и мечтать; поэтому, на сушѣ нашъ „бѣглый огонь" кажется уже не „ураганнымъ огнемъ", а какимъ-то бѣшеннымъ вихремъ снарядовъ. Дѣйствительно, стоитъ только представить себѣ картину, какъ „Слава", или миноносцы, начинаютъ обстрѣливать какой-нибудь опредѣленный квадратъ, когда, напримѣръ, каждое 4" орудіе дѣлаетъ по 15—16 выстрѣловъ въ минуту. Какое-нибудь поле въ нѣсколько минутъ становится совершенно изрытымъ, покрытымъ сплошными глубокими ямами. Если же потокъ снарядовъ обрушивается на лѣсъ, то тамъ стоитъ прямо адъ: грохотъ разрывающихся снарядовъ, трескъ падающихъ деревьевъ, которыя нерѣдко срѣзаются осколками до самыхъ корней, свистъ осколковъ и шумъ летящихъ камней — все это сливается въ одинъ протяжный, дикій стонъ и порождаетъ безумный ужасъ.

Говорятъ, что на противника наши обстрѣлы наводятъ такую панику, что, бросая все, онъ разбѣгается въ разныя стороны, особенно въ лѣсу, откуда „сыпется", какъ листья съ деревьевъ. . .

Поэтому то Командованіе Арміи и цѣнитъ такъ обстрѣлы береговъ флотомъ и всегда, въ тяжелые моменты на побережьѣ, обращается къ намъ за помощью.

На слѣдующій день согласно нашей просьбѣ, для насъ былъ приготовленъ докъ, чтобы освидѣтельствовать наши гребные винты, и Начальникъ Дивизіи насъ отпустилъ въ Гельсингфорсъ. На одинъ день мы задержались въ Ревелѣ и 15-го

сентября вошли въ докъ. Когда вода изъ дока была выкачана, то выяснилось, что нашъ лѣвый винтъ слегка погнутъ, средній исправенъ, а правый сильно помятъ, причемъ характеръ деформаціи таковъ, какъ бываетъ отъ взрыва. Очевидно это произошло, когда у насъ подъ самой кормой взорвался большой снарядъ, во время боя въ Рижскомъ заливѣ.

Съ 16-го по 21-ое сентября намъ пришлось простоять въ докѣ.

Тутъ мы узнали о столкновеніи Черноморскихъ миноносцевъ съ „Гебеномъ". Встрѣча произошла 9-го сентября, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Находясь въ морѣ, подъ флагомъ Контръ-Адмирала Саблина, миноносцы „Счастливый", „Беапокойный" и „Пронзительный" увидѣли утромъ на горизонтѣ большой дымъ и пошли по его направленію. Вскорѣ выяснилось, что это — „дядя" безъ „племянника", какъ въ шутку черноморцы прозвали „Гебена" и „Бреслау".

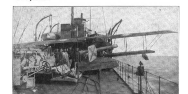
Адмиралъ Саблинъ рѣшилъ воспользоваться случаемъ и атаковать „Гебена". Подпустивъ миноносцы на 80-90 кабельтовыхъ, противникъ открылъ по нимъ жестокій огонь. Его стрѣльба была очень мѣткой; только благодаря счастливой случайности, не оказалось попаданій. Свой огонь „Гебенъ" сосредоточилъ главнымъ образомъ по флагманскому миноносцу „Счастливый", у котораго подъ самой кормой разорвалось два 11" снаряда. Однако, все сошло благополучно. Попытка миноносцевъ подойти къ „Гебену" на дистанцію миннаго выстрѣла кончилась полной неудачей; повернувъ, они стали быстро уходить отъ него по разнымъ направленіямъ. „Гебенъ" преслѣдовалъ ихъ только самое короткое время, и они вскорѣ благополучно сошлись у Херсонскаго маяка.

25-го утромъ, „Новикъ" шхерами вышелъ въ Моонзундъ. Выйдя изъ нихъ и пересѣкая заливъ, мы увидѣли, недалеко отъ Оденсхольма, плавающій на водѣ гидропланъ, и сейчасъ-же подошли къ нему. Это оказался нашъ аппаратъ съ летчикомъ, Мичманомъ Мустяцъ. Онъ наканунѣ, въ 5 часовъ вечера, вылетѣлъ съ Ревельской станціи и скоро принужденъ былъ сѣсть на воду, изъ-за порчи мотора. Такимъ образомъ, прошло уже 16 часовъ, какъ аппаратъ, въ совершенно безпомощномъ состояніи, находился на водѣ. Еще счастье, что все время былъ штиль, а то бы, конечно, летчикъ давно погибъ. Странно, конечно, что его не сразу хватились на воздушной станціи и не стали искать. Такъ или иначе, но если бы не мы, летчикъ навѣрно погибъ бы, промучившись еще нѣсколько часовъ.

Чтобы спасти аппаратъ, пришлось спустить четверку и ею прибуксировать его къ борту, а потомъ, на моторной шлюпбалкѣ поднять на палубу. Подъемъ вышелъ очень удачнымъ;

аппаратъ совершенно не повредили и удобно поставили на палубу. Одновременно командиръ послалъ радіо о случившемся Начальнику Службы Связи, Контръ-Адмиралу А. И. Непенину. Сейчасъ-же онъ получилъ въ отвѣтъ: „спасибо дружище", — и просьбу доставить аппаратъ въ Ревель. Пришлось идти туда, и тамъ мы остались уже до утра.

Въ 6 часовъ утра, опредѣливъ девіацію, „Новикъ" продолжалъ путь въ Моонзундъ. Погода была тихая, но ненадежная въ смыслѣ тумана. Дѣйствительно, немного спустя, нашелъ туманъ, и даже очень густой, такъ что пришлось уменьшить ходъ. У Оденсхольма онъ разсѣялся, и намъ удалось, оріентировавшись, благополучно дойти до входа въ Моонзундъ и дальше въ Куйвастъ.

61. „Новикъ" съ поднятымъ на палубу аэропланомъ.

На слѣдующій день было получено извѣстіе, что отрядъ непріятельскихъ миноносцевъ вышелъ въ Виндаву. Изъ предосторожности мы были посланы къ Церелю. Но тамъ было все спокойно, и на горизонтѣ — ни одного дыма; только, по обыкновенію, летали непріятельскіе аэропланы, производя развѣдку.

На третій день нашего стоянія у Цереля, со „Стерегущаго", который былъ старшимъ на рейдѣ, просили послать на берегъ минеровъ съ офицеромъ разоружить выброшенныя на берегъ мины. Пришлось ѣхать мнѣ съ пятью матросами. Забравъ кой-какіе инструменты, мы отправились. Мины оказались разбросанными на протяженіи 5—6 верстъ отъ Цереля, да еще почти всѣ находились въ водѣ, такъ что до нихъ приходилось

добираться вбродъ, а вода, кстати сказать, была очень холодная. Первою пришлось разоружать нашу мину образца 1912 года, которую чуть ли не сами же мы ставили. Во время отвинчиванія горловины, произошелъ взрывъ клапана потопленія и вырвало глухую пробку, но такъ удачно, что никого изъ насъ даже не задѣло, а главное что сама мина не взорвалась. Потомъ разоружили двѣ непріятельскихъ мины и еще одну нашу, но ужъ безъ всякихъ приключеній.

Изъ ихъ осмотра можно было вывести заключеніе, что наши мины внутри сохранились гораздо лучше, чѣмъ непріятельскія, и всѣ ихъ механизмы продолжали прекрасно дѣйствовать, тогда какъ у непріятельскихъ внутрь проникла вода, и все сильно оборжавѣло.

Тѣмъ временемъ, пока мы возились съ минами, „Новикъ" былъ атакованъ непріятельскимъ аэропланомъ, который сбросилъ въ него три бомбы, но, какъ всегда — неудачно.

Вечеромъ командиръ получилъ приказаніе съ разсвѣтомъ вернуться въ Куйвастъ, и на слѣдующее утро мы вышли въ море.

30-го сентября къ намъ пріѣхалъ съ визитомъ, временно исполнявшій должность Начальника Дивизіи, Капитанъ 1-го ранга А. В. Колчакъ, и, послѣ бесѣды съ командиромъ, посидѣлъ немного въ каютъ-компаніи.

Между прочимъ, онъ сообщилъ намъ подробности недавняго боя Черноморскихъ миноносцевъ „Пронзительный" (брейдъ-вымпелъ Начальника 1-го Дивизіона), „Быстрый" и подлодки „Нерпа" съ крейсеромъ „Гамидіе".

Выйдя утромъ, -го сентября въ очередное дежурство, миноносцы къ вечеру были уже у Зунгулдака и затѣмъ, уменьшивъ ходъ до 10 узловъ, шли по направленію Босфора. На разсвѣтѣ, со стороны Зунгулдака показались дымы. Что это былъ непріятель, не могло быть никакого сомнѣнія, такъ какъ всѣ русскіе корабли, въ данный моментъ, находились въ Севастополѣ. Дымы все увеличивались; казалось, что непріятель тоже замѣтилъ миноносцы.

Одновременно съ дымами, на разстояніи нѣсколькихъ кабельтовыхъ, была обнаружена подлодка, которая оказалась „Нерпой", подъ командой Капитана 2-го ранга В. В. Вилькена. Начальникъ Дивизіона сейчасъ же подошелъ къ ней и условился о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ на случай боя съ показавшимся противникомъ.

Послѣ этого, разойдясь съ „Нерпой" и увеличивъ ходъ, миноносцы пошли по направленію дымовъ. Вскорѣ, когда стало уже совсѣмъ свѣтло, имъ открылся крейсеръ „Гамидіе", одинъ миноносецъ и четыре транспорта. Послѣдніе были сильно загружены углемъ. Весьма вѣроятно, что съ „Гами-

діе" увидѣли не только миноносцы, но и „Нерпу" ибо онъ сразу началъ идти перемѣнными курсами, а по дыму можно было судить, что въ его кочегаркахъ быстро подымаютъ пары.

Сблизившись съ противникомъ на 60-70 кабельтовыхъ, миноносцы открыли огонь. Стрѣлять было очень удобно, такъ какъ стояла на рѣдкость хорошая погода. „Гамидіе" отвѣчалъ довольно слабо, но все же нѣкоторые снаряды ложились отъ миноносцевъ въ разстояніи всего только 2-3 кабельтовыхъ. Крейсеръ все время усиленно телеграфировалъ къ далекому „Гебену" . . .

Въ этотъ моментъ „Нерпа" пошла въ атаку, но, выйдя неудачно на позицію, не выпустила минъ. Тѣмъ не менѣе, ея меневръ произвелъ на „Гамидіе" такое впечатлѣніе, что, бросивъ на произволъ судьбы транспорты, онъ вмѣстѣ съ миноносцемъ, сталъ полнымъ ходомъ уходить къ Босфору.

„Пронзительный" и „Быстрый" нѣкоторое время продолжали еще обстрѣливать уходящаго противника, а послѣ — занялись транспортами, которые къ тому времени уже выбросились на берегъ. Въ разстояніи около 15-ти кабельтовыхъ миноносцы принялись ихъ разстрѣливать, а потомъ выпустили нѣсколько минъ.

Несомнѣнно, этотъ бой — удаченъ, но какъ-то невольно напрашивается вопросъ: какимъ образомъ наши миноносцы, обладая такимъ преимуществомъ въ ходѣ, позволили безнаказанно уйти и „Гамидіе" и бывшему при немъ миноносцу?

Въ этотъ же день пришли приказы съ офицерскими наградами за нашъ бой. Было получено: 3 — Св. Владиміра 4 степени, 1 — Св. Анну 3 степени и 2 — Св. Анны 4 степени.

2-го октября, въ 10 часовъ 10 минутъ вечера, надъ Церелемъ появился цеппелинъ и сбросилъ нѣсколько бомбъ, но, какъ потомъ выяснилось, онѣ всѣ упали въ море.

По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, наши и англійскія подлодки за это время очень успѣшно дѣйствовали въ Балтійскомъ морѣ, и имъ удалось потопить очень много пароходовъ, поддерживавшихъ грузовое сообщеніе между Швеціей и Германіей. При этомъ, чтобы не тратить очень цѣнныя мины, подлодка „Е 19" — потопила одинъ пароходъ артиллерійскимъ огнемъ, а „Е 18" привела — другой, совершенно исправный и съ грузомъ, въ Ревель. Кажется, это очень сильно подѣйствовало на непріятеля, и онъ временно даже прекратилъ всякое сообщеніе со Швеціей.

Мы простояли въ Куйвастѣ до 5-го октября, когда намъ было приказано идти къ Церелю, чтобы пополнить кадръ дозорныхъ миноносцевъ, которыхъ тамъ осталось всего три. Такое положеніе создалось потому, что все, что только воз-

можно, было послано къ Ригѣ обстрѣливать побережье, гдѣ противникъ опять сталъ наступать.

Подойдя къ Ирбенской позиціи, „Новикъ" всталъ на якорь у Славской вѣшки, недалеко отъ „Стерегущаго", чтобы смѣнить его съ дозора. Тамъ мы остались до слѣдующаго дня, когда, смѣнившись, пошли, согласно приказанію, осмотрѣть восточный берегъ Ирбенскаго пролива до Домеснеса. Пройдя вдоль него, мы ничего подозрительнаго не обнаружили и пошли на якорное мѣсто къ Менто.

Въ этотъ день, наконецъ, удалось снять съ мели и благополучно привести въ Куйвастъ миноносецъ „Инженеръ-Механикъ Зверевъ", который, изъ-за ошибки въ счисленіи, недѣли двѣ тому назадъ сѣлъ на мель у острова Руно.

XV.

Десантъ у Домеснеса. Потопленіе крейсера „Принцъ Адальбертъ“. Волненіе на линейныхъ корабляхъ въ Гельсингфорсѣ. Потопленіе легкаго крейсера „Ундине“. Первый походъ съ I-ой Бригадой Линейныхъ Кораблей.

7-го октября Начальникъ Дивизіи началъ осуществлять свою идею высадить десантъ на побережьѣ Рижскаго залива, у мѣстечка Роена, въ тылу у непріятеля. Въ составъ высаживаемаго отряда должны были войти эскадронъ драгунъ, двѣ роты морской пѣхоты и подрывная партія. Много офицеровъ десанта было взято изъ числа охотниковъ съ миноносцевъ. Такимъ образомъ они имѣли слабое понятіе о дѣйствіяхъ на сушѣ и не знали своихъ людей. Командованіе отрядомъ было поручено командиру „Инженеръ-Механика Дмитріева“, Капитану 2-го ранга П. О. Шишко.

Въ общемъ получился довольно-таки пестрый составъ, совершенно неопытный въ такого рода операціяхъ. Только на драгунъ еще можно было положиться, а всѣ другіе были очень ненадежны.

Для перевозки отряда были назначены канонерская лодка „Храбрый“ и тральщикъ „№ 5“, конвоируемые миноносцами 5-го Дивизіона. „Слава“ и всѣ остальные миноносцы должны были служить поддержкой десанта и обстрѣливать мѣсто высадки. Въ Куйвастѣ былъ оставленъ только „Новикъ“. Нашему командиру были поручены завѣдываніе движеніемъ въ Моонзундѣ и связь со Штабомъ Флота.

8-го октября экспедиція еще не вернулась; мы продолжали распоряжаться въ Моонзундѣ, имѣя много хлопотъ съ пароходами, буксирами и баржами, шедшими изъ Риги, и даже съ понтоннымъ мостомъ, который тоже тащился оттуда. Вся эта компанія не знала куда и какъ идти; то и дѣло, кто-нибудь садился на мель; всѣ были настроены крайне панически, какъ это и полагается при эвакуаціи.

9-го октября, въ 7 часовъ утра, мы, наконецъ, получили радіо, что десантъ высаженъ, но не у Роена, а у Домеснеса. Какъ потомъ выяснилось, высадка была совершенно не замѣ-

чена непріятелемъ. Только когда всѣ уже были на берегу, ихъ встрѣтили два небольшихъ отряда ландштурма, по 70 человѣкъ каждый, которые, повидимому, несли тамъ дозорную службу и въ этотъ моментъ смѣняли другъ друга. Оба эти отряда были совершенно разбиты нашими; у непріятеля убиты 1 офицеръ и 42 солдата, 7 — взято въ плѣнъ, а остальные — оставлены ранеными, или разбѣжались. Наши потери выразились всего на всего въ четырехъ тяжело раненыхъ матросахъ. Разсказывали о многихъ курьезахъ при высадкѣ, да и во время дѣйствій десанта, благодаря неопытности всѣхъ участниковъ. Можно съ увѣренностью сказать, что если бы наши части встрѣтили серьезное сопротивленіе со стороны непріятеля, то уцѣлѣли бы очень немногіе, и все это предпріятіе кончилось бы печально. Теперь же, что ни говори, а на лицо — блестящая побѣда. Значеніе ея, правда, только моральное, но все же это — побѣда и непріятность противнику.

Къ вечеру этого дня всѣ участники экспедиціи вернулись обратно, вполнѣ удовлетворенные своимъ успѣхомъ и тѣмъ, что такъ дешево отдѣлались отъ этой затѣи.

10-го октября пришло извѣстіе, что въ Балтійскомъ морѣ погибъ непріятельскій броненосный крейсеръ „Роонъ", причемъ съ него спаслось всего 3 человѣка. Обстоятельства гибели у нас не были извѣстны, но предполагали, что онъ взорвался на минѣ, такъ какъ, еслибы его взорвала одна изъ нашихъ подлодокъ, то, конечно, это было бы извѣстно. Такъ или иначе, а это большая потеря для непріятельскаго флота.

11-го октября, изъ похода въ непріятельскія воды, вернулась англійская подлодка „Е 8" и донесла, что у Либавы она взорвала крейсеръ „Принцъ Адальбертъ" который моментально же затонулъ. Такимъ образомъ оказалось, что погибъ не „Роонъ", а „Принцъ Адальбертъ".

Въ нашихъ водахъ все продолжало быть тихо. Всѣ послѣдующіе дни мы были заняты замѣной минъ Уайтхеда 1912 года на 1910 годъ, такъ какъ первый типъ совершенно не былъ приспособленъ къ стрѣльбѣ въ холодное время года.

16-го октября наша воздушная развѣдка обнаружила у входа въ Ирбенскій проливъ шесть военныхъ кораблей. Это обстоятельство сейчасъ-же заставило насъ насторожиться; всѣмъ было приказано быть наготовѣ, но пока оставаться въ Рогокюлѣ. Однако, вскорѣ этотъ отрядъ скрылся на югъ, и мы остались стоять въ гавани.

Утромъ 18-го октября, съ миноносца „Москвитянинъ", былъ замѣченъ, въ 2 миляхъ на SW 70° отъ Цереля, плавающій на водѣ непріятельскій аэропланъ и сейчасъ-же былъ имъ взятъ на буксиръ. На немъ попали въ плѣнъ офицеръ-летчикъ и механикъ; аппаратъ остался цѣлъ, но у него были какія-то

поломки въ моторѣ. Въ этотъ день Начальникъ Дивизіи опять получилъ просьбу сухопутнаго командованія прислать суда для обстрѣла береговой полосы. Ввиду этого „Слава" и миноносцы срочно пошли къ Ригѣ.

19-го октября пришелъ въ Рогокюль „Москвитянинъ" и привезъ плѣнныхъ съ захваченнаго имъ аэроплана. Нашимъ офицерамъ очень понравился летчикъ, который оказался весьма симпатичнымъ и интереснымъ человѣкомъ. Его много разспрашивали о положеніи дѣлъ въ Германіи, конечно, насколько это не преступало понятій о военныхъ секретахъ. Между прочимъ, онъ сказалъ, что Германіи было очень невыгодно начинать войну съ тремя великими державами, но при создавшемся общемъ политическомъ положеніи — это было неизбѣжно. Все равно, черезъ 2–3 года положеніе Германіи настолько ухудшилось бы, что ей все-таки пришлось бы воевать; но тогда соотношеніе силъ для нея было бы еще неблагопріятнѣе. До извѣстной степени, онъ правъ, но едва ли и теперь Германія выйдетъ удачно изъ этой борьбы.

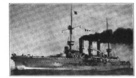
Самъ летчикъ попалъ въ плѣнъ, потерпѣвъ аварію еще наканунѣ; такимъ образомъ, онъ пробылъ на водѣ всю ночь. Все, что только было возможно, онъ выбросилъ въ воду. На аппаратѣ остался только моторъ, изъ-за порчи котораго летчикъ и снизился. Поврежденіе мотора произошло во время атаки на наши миноносцы, когда пулеметной пулей ему пробило трубку охлажденія. Во время буксировки „Москвитяниномъ", аппаратъ перевернулся, но это не причинило ему значительныхъ поврежденій; корпусъ остался цѣлъ. Все-таки возстановить его не было никакой надежды, такъ какъ моторъ не могъ быть исправленъ, а подходящаго у насъ не нашлось бы.

По мнѣнію этого летчика, своими воздушными атаками нѣмцы вывели изъ строя по крайней мѣрѣ семь нашихъ миноносцевъ; онъ даже перечислилъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ. Увы, ему пришлось глубоко разочароваться, такъ какъ ему тутъ же показали ихъ совершенно невредимыми.

Скоро намъ удалось узнать интересныя подробности о гибели крейсера „Принцъ Адальбертъ", взорваннаго англійской подлодкой „Е 8" у Либавы. Оказывается, она попала въ него одновременно двумя минами, по 8 пудовъ тола каждая, съ дистанціи въ 6 кабельтовыхъ. Съ лодки было видно, какъ весь крейсеръ вздрогнулъ, приподнялся, изъ амбразуръ боевой рубки выбросило огромное пламя, и онъ сталъ быстро погружаться. Взрывъ былъ настолько силенъ, что даже сама лодка ощутила большое сотрясеніе. При крейсерѣ находилось два миноносца, которые бросились спасать людей, но имъ удалось вытащить изъ воды всего только трехъ человѣкъ. Вся гибель продолжалась приблизительно 12 секундъ. Взрывъ на „Принцѣ

Адальбертѣ" былъ, очевидно, однороденъ взрыву на „Палладѣ", хотя она затонула еще быстрѣе, чѣмъ этотъ крейсеръ. Теперь „Паллада" отомщена.

20-го и 21-го октября „Новикъ" простоялъ въ Рогокюлѣ въ полномъ бездѣйствіи, а 22-го командиръ получилъ какія-то секретныя инструкціи отъ Начальника Дивизіи. Хотя это все и было весьма секретно, и командиръ намъ рѣшительно ничего не сказалъ, но на „стѣнкѣ", т. е. на пристани, у которой стояли всѣ миноносцы, и гдѣ въ часы досуга мы всѣ встрѣчались другъ съ другомъ, прошелъ слухъ, что предстоитъ походъ съ дредноутами, и что „Новику" съ 6-мъ Дивизіономъ предстоитъ ихъ сопровождать.

62. Крейсеръ „Принцъ Адальбертъ".

На слѣдующее утро, 23-го октября, мы дѣйствительно вышли съ 6-мъ Дивизіономъ въ Лапвикъ, гдѣ угольные миноносцы предполагали принять запасъ угля. Въ морѣ насъ сильно качало, такъ какъ дулъ почти штормъ отъ NO. На пути къ Лапвику, было получено приказаніе идти въ Гельсингфорсъ. Командиръ сейчасъ-же повернулъ туда, и около 4 часовъ дня „Новикъ" уже ошвартовывался въ Южной гавани. Проходя по рейду, мы обратили вниманіе, что ни одного изъ большихъ судовъ въ Гельсингфорсѣ нѣтъ, и что, вообще, творится что-то не совсѣмъ ладное.

На слѣдующій день стало выясниться, что экспедиція, для которой вызванъ „Новикъ", кажется, не состоится, потому что на „Гангутѣ" неожиданно вспыхнули безпорядки. Поводъ былъ пустячный: обычно, послѣ угольной погрузки команда на ужинъ получала макароны, а на этотъ разъ ей почему-то дали гречневую кашу. Придравшись къ этому, она не стала ѣсть

каши и вообще стала вести себя демонстративно. Въ этотъ моментъ командира не было на кораблѣ, и когда стало извѣстно, что онъ возвращается, команда съ криками „ура" бросилась къ трапу его встрѣчать, подчеркивая этимъ свою симпатію къ нему и нелюбовь къ старшему офицеру. Командиру удалось успокоить команду, и онъ приказалъ ей построиться. Тогда вдругъ вышли впередъ представители и отъ имени всѣхъ предъявили требованіе о списаніи съ корабля офицеровъ съ иностранными фамиліями — старшаго офицера и еще двѣнадцати другихъ.

63. Бригада линейныхъ кораблей на внѣшнемъ Гельсингфорсскомъ рейдѣ съ минными сѣтями.

Въ этомъ требованіи, безусловно вредномъ для флота, не было никакого логическаго смысла. Во всемъ была ясно видна политическая подкладка, результатъ подпольной пропаганды, а не простое недовольство пищей или фамиліями офицеровъ. Долгъ повелѣвалъ немедленно пресѣчь въ корнѣ безпорядки, и поэтому было приказано немедленно арестовать зачинщиковъ и отправить на берегъ въ тюрьму. Такихъ зачинщиковъ было арестовано 50 человѣкъ и предано военному суду.

Черезъ нѣсколько дней аналогичный случай повторился и на линейномъ кораблѣ „Императоръ Павелъ I". Тогда Командующій Флотомъ выслалъ всѣ большія суда въ море, и тамъ происходилъ разборъ дѣла.

Такимъ образомъ, сталъ ужъ сказываться результатъ затяжной войны. Команды устали отъ бездѣйствія и безконечнаго сидѣнія на корабляхъ и, подъ вліяніемъ пропаганды на берегу, начали волноваться. Во время войны, когда для успѣха дѣла требуется полное напряженіе всѣхъ силъ страны, это

явленіе, разлагающее военную организацію, является началомъ гибели всего. Съ нимъ необходимо бороться самыми энергичными мѣрами, чтобы съ корнемъ вырвать всѣ вредные ростки, иначе они быстро расцвѣтутъ пышнымъ цвѣтомъ и тогда уже невозможно будетъ съ ними справиться. Таковъ законъ организаціи каждой военной силы, что только безусловное подчиненіе и повиновеніе младшихъ старшимъ, безъ всякихъ компромиссовъ и оговорокъ, создаетъ дѣйствительную силу, могущую расчитывать на побѣду.

25-го октября изъ Кронштадта пришелъ первый готовый миноносецъ типа „Новикъ", „Побѣдитель", и ошвартовался у нашего борта. Этотъ типъ долженъ былъ явиться усовершенствованнымъ „Новикомъ", но, увы, этого никакъ нельзя было признать, такъ какъ скорость хода у насъ была больше, мореходность — лучше, надстроекъ — не было и т. д. Артиллерійское вооруженіе — одинаково съ нами, а минное, хотя и больше, чѣмъ наше, на четыре трубы, но это не такъ ужъ важно; при желаніи и у насъ легко замѣнить двухтрубные аппараты — трехтрубными. Кромѣ того у новыхъ миноносцевъ слишкомъ много введено электричества, что несомнѣнно очень удобно, но, ввиду тяжелой службы миноносцевъ, ненадежно, такъ какъ приборы могутъ сдать въ самый рѣшительный моментъ.

Вообще, что-то роковое тяготѣетъ надъ нашимъ отечественнымъ судостроеніемъ. Стоитъ только появиться у насъ какому-нибудь удачному типу корабля, какъ сейчасъ же слѣдующихъ представителей его начинаютъ „улучшать": надстраиваютъ, укорачиваютъ, удлиняютъ. . . Въ результатѣ получается не „улучшенный", а „ухудшенный" типъ корабля.

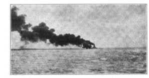
Такъ было съ типами — „Цесаревича" („Императоръ Александръ III", „Князь Суворовъ", „Бородино", „Орелъ" и „Слава"), „Богатыря" („Олегъ"), крейсера „Новикъ" („Изумрудъ" и „Жемчугъ"), — такъ вышло и съ улучшеннымъ типомъ нашего „Новика".

26-го и 27-го октября мы простояли въ Гельсингфорсѣ, ожидая приказаній. Въ это время англійская подлодка „Е 19" донесла, что потопила непріятельскій легкій крейсеръ „Ундине".

28-го октября, въ 1 часъ дня, нами было получено приказаніе идти въ Лапвикъ, но дойти туда не удалось изъ-за сильной пурги и пришлось на всю ночь встать на якорь у Эсшера. На слѣдующій день утромъ погода настолько улучшилась, что мы могли продолжать путь и пошли дальше на рейдъ Севастополь, куда должны были придти не позже I часа дня. Недалеко отъ Гангэ „Новикъ" нагналъ 6-ой Дивизіонъ, такъ и простоявшій все это время въ Лапвикѣ, и соединился съ нимъ.

Въ морѣ въ этотъ день было очень свѣжо, и поэтому мы ужъ начали сомнѣваться, удастся ли миноносцамъ вообще держаться при дредноутахъ, въ особенности если послѣдніе будутъ идти большимъ ходомъ.

Около полдня мы были на рейдѣ Севастополь и тамъ застали „Гангутъ" и „Петропавловскъ", подъ флагомъ Вице-Адмирала Кербера. Вставъ на якорь, командиръ поѣхалъ къ Адмиралу за полученіемъ инструкцій. Въ 3 часа на рейдъ пришла I-ая Бригада Крейсеровъ, подъ флагомъ Контръ-Адмирала Бахирева, въ составѣ „Рюрика", „Адмирала Макарова", „Баяна" и „Олега". Сейчасъ-же всѣ стали сниматься съ якоря. Насъ послали впереди эскадры, а остальныя суда шли въ кильватерной колоннѣ, окруженные маленькими миноносцами.

64. Залпъ изъ всѣхъ башенъ линейнаго корабля „Гангутъ".

Какъ только „Новикъ" вышелъ въ открытое море, его сейчасъ-же стало сильно качать и, когда эскадра дала 19 узловъ, идя противъ волны, стало бить носомъ, причемъ волны перекатывались даже черезъ мостикъ. Всѣ, кто тамъ ни находился, промокли насквозь, и никакіе дождевики не могли помочь. Что касается другихъ миноносцевъ, то они ужъ совершенно не могли держаться, и ихъ пришлось отпустить назадъ. Были моменты, когда становилось такъ тяжело, что мы колебались, не попроситься ли и намъ назадъ, въ особенности, если дальше будетъ еще хуже.

Въ такіе походы стоять на мостикѣ миноносца очень тяжело. Время холодное: чтобы простоять нѣсколько часовъ подрядъ на вѣтру, надо одѣться очень тепло, иначе замерзнешь. Перекатывающіяся черезъ мостикъ волны все время обдаютъ водой; и слѣдовало бы надѣть дождевикъ и резиновые сапоги, а нельзя — въ нихъ слишкомъ холодно.

Вотъ и стоишь, понемногу намокая, и крѣпко держишься обѣими руками за поручни мостика, а ногами упираешься въ палубу. Скоро привыкаешь къ направленіямъ размаховъ качки и упираешься уже какъ-то автоматически, въ тактъ уходящему изъ подъ ногъ мостику, присѣдая по временамъ, чтобы брызги разбившейся о носъ волны пролетѣли мимо.

Все время приходится быть особенно внимательнымъ. Ночь темная, эскадра идетъ безъ огней, съ трудомъ различаешь силуэтъ передняго корабля; а ходъ большой, того и гляди — или налѣзешь на него, или такъ оттянешь линію, что совсѣмъ оторвешься отъ эскадры: тогда уже въ темнотѣ ее и не найдешь. Да и искать нельзя — могутъ принять за непріятеля и начнутъ стрѣлять. Поэтому все время напряженно стережешь каждое движеніе своего мателота, зорко посматриваешь за рулевымъ, да то и дѣло передаешь въ машину, чтобы прибавили или убавили число оборотовъ турбинамъ.

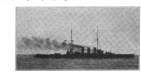
65. Походъ съ 1-ой Бригадой Линейныхъ Кораблей.

Въ такія погоды море непривѣтливое, злое; такъ и кажется, что будто въ порывѣ какой-то страшной, неизвѣданной злобы, оно разломитъ миноносецъ въ щепы; но онъ только скрипитъ и, переваливаясь съ борта на бортъ, перескакиваетъ съ одной волны на другую. . .

Когда эскадра уже перестроилась по ночному, головными пошли дредноуты, а „Новикъ" въ самомъ хвостѣ, за „Олегомъ". На наше счастье стало понемногу стихать и къ полночи было ужъ совсѣмъ тихо. „Новикъ" всю ночь продержался хорошо, но крейсера оторвались отъ дредноутовъ и, когда разсвѣло, между бригадами оказалось большое разстояніе.

Къ 8 часамъ утра эскадра пришла на параллель южной оконечности острова Готланда, къ мѣсту, гдѣ должно было быть поставлено загражденіе. Крейсера сейчасъ-же начали ставить мины. Постановка прошла быстро и безъ всякой помѣхи со стороны непріятеля. Во время нея дредноуты и „Новикъ" служили заслономъ съ юга. Когда мы маневрировали съ дредноутами, произошелъ маленькій инцидентъ, который однако чуть не кончился довольно печально. Мы съ „Новика" замѣтили въ нѣсколькихъ кабельтовыхъ отъ насъ, на курсѣ

„Петропавловска“, плавающую мину, съ которой онъ неизбѣжно долженъ былъ столкнуться. Не колеблясь, долго, видитъ онъ ее или нѣтъ, командиръ далъ нѣсколько тревожныхъ свистковъ. Повидимому, мину съ „Петропавловска“ замѣтили только тогда,

66. „Рюрикъ“ ставитъ мины.

когда раздался нашъ свистокъ, потому что онъ въ этотъ моментъ круто повернулъ, пройдя отъ нея совершенно близко.

Послѣ окончанія постановки минъ эскадра повернула на N и пошла между островомъ Готландомъ и шведскимъ берегомъ, перестроившись такъ, что въ серединѣ находились два

67. Линейные корабли „Гангутъ“ и „Петропавловскъ“ служатъ заслономъ во время постановки минъ.

дредноута, а спереди и сзади по два крейсера; мы же шли на траверзѣ „Петропавловска“.

Скоро на горизонтѣ былъ замѣченъ дымъ, который, повидимому, принадлежалъ какому-то коммерческому пароходу. Адмиралъ сейчасъ-же послалъ насъ его осмотрѣть, и мы выяснили,

что это — шведъ, идущій съ грузомъ лѣса, черезъ Мальмэ въ Лондонъ. Намъ осталось только его отпустить, а самимъ вернуться къ эскадрѣ.

Въ 4 часа дня на горизонтѣ снова показался дымъ, и насъ опять послали на развѣдку. Подойдя ближе, мы убѣдились, что это тоже шведскій пароходъ съ лѣсомъ. Для опроса командиръ приказалъ въ рупоръ ему остановиться. Но, несмотря на это, онъ продолжалъ идти. Тогда намъ пришлось дать холостой выстрѣлъ и погнаться за нимъ. Кромѣ того, чтобы заставить пароходъ немедленно исполнить приказаніе, командиръ рѣшилъ ему срѣзать носъ. Когда „Новикъ", пересѣкая курсъ, былъ уже противъ его форъ-штевня онъ такъ приблизился, что вотъ-вотъ долженъ былъ врѣзаться въ насъ. Положеніе казалось безвыходнымъ, но въ разстояніи 5—6 футъ пароходъ, наконецъ, остановился, и мы съ облегченіемъ вздохнули. Первое впечатлѣніе было, что это сдѣлано нарочно, чтобы насъ протаранить; но капитанъ парохода увѣрялъ, что у него очень слабая машина, которая долго забираетъ на задній ходъ, въ особенности, когда пароходъ такъ сильно загруженъ, какъ теперь. Трудно было оспаривать; возможно, что капитанъ былъ правъ. Оказалось, что пароходъ шелъ тоже въ Лондонъ и, отпустивъ его, мы вернулись къ эскадрѣ.

Погода къ этому времени измѣнилась къ лучшему; вѣтеръ стихъ, и волненіе почти улеглось. Эскадра, не встрѣтивъ непріятеля, спокойно продолжала путь. Въ половинѣ перваго ночи, по счисленію, долженъ былъ открыться маякъ Дагерортъ, послѣ чего ей надо было раздѣлиться: дредноуты и „Новикъ" шли Финскимъ заливомъ въ Ревель, а крейсера черезъ Утэ въ Люмъ. Однако, въ назначенное время, Дагерортъ не открылся и, такимъ образомъ, мы не могли опредѣлиться. Пришлось всю ночь до разсвѣта продержаться въ морѣ. Мы на „Новикѣ" очень устали послѣ такого похода, а потому перспектива провести еще ночь въ морѣ намъ совсѣмъ не улыбалась, тѣмъ болѣе, что стало очень холодно и временами шелъ снѣгъ. Ночь потянулась томительно долго; линейные корабли ходили взадъ и впередъ въ опредѣленномъ районѣ, а мы плелись за ними. Наконецъ стало свѣтать. Немного спустя, подошли 5-ый, 6-ой, 8-ой и 9-ый Дивизіоны и благополучно проконвоировали насъ, до Утэ, послѣ чего эскадра пошла шхерами въ Лапвикъ. На траверзѣ Гангэ Адмиралъ поднялъ сигналъ: „Новику" изъявляется особая благодарность за походъ", и отпустилъ насъ въ Гельсингфорсъ, а самъ съ дредноутами остался на ночь на Лапвикскомъ рейдѣ.

Съ 31-го октября до 4-го ноября намъ дали возможность простоять въ Гельсингфорсѣ, а затѣмъ послали въ Ревель. За это время мы хорошо отдохнули отъ Моонзунда.

6-го Ноября у Люзерорта обнаружилась дѣятельность непріятеля, и „Новикъ" былъ срочно вытребованъ Начальникомъ Дивизіи. Въ полдень мы вышли по назначенію. Въ морѣ оказался густой туманъ, и въ немъ пришлось идти до самаго Оденсхольма, гдѣ на наше счастье онъ разсѣялся; до Куморскаго буя удалось дойти благополучно. Тамъ опять нашелъ туманъ, и такъ какъ входъ въ Моонзундъ былъ очень сложенъ, пришлось встать на якорь. Только черезъ два часа окончательно прояснило и, въ 7 часовъ вечера, мы получили возможность идти дальше и ужъ безпрепятственно дошли до Куйваста.

XVI.

Уничтоженіе сторожевого судна у банки Спаунъ. Второй походъ съ I-ой Бригадой Линейныхъ Кораблей. Постановка загражденія у Виндавы. Неудачный походъ. Аварія „Забіяки“.

7-го ноября, утромъ, въ Куйвастъ пришелъ на „Охотникѣ“ Капитанъ 1-го ранга А. В. Колчакъ. Въ 10 часовъ къ нему были приглашены на совѣщаніе командиры всѣхъ миноносцевъ, для обсужденія плана предположенной операціи. Въ 1 часъ дня, по сигналу Начальника Дивизіи — „Новикъ“, „Страшный“ и 1-ая группа 5-го Дивизіона снялись съ якоря и вышли въ Рижскій заливъ вслѣдъ за „Охотникомъ“, на которомъ былъ поднятъ брейдъ-вымпелъ Капитана 1-го ранга Колчака. Въ морѣ стоялъ густой туманъ; мы прошли весь заливъ, ничего не видя. Возможность оріентироваться представилась только у Ирбенскаго пролива, когда разсѣялся туманъ.

68. Уничтоженіе сторожевого судна у банки Спаунъ.

Въ Балтійское море отрядъ вышелъ новымъ фарватеромъ мимо Цереля, въ кильватерной колоннѣ, имѣя впереди „Эмира Бухарскаго“, подъ брейдъ-вымпеломъ Начальника 5-го Дивизіона, Капитана 1-го ранга П. М. Плена, и заднимъ — „Новика“.

Цѣлью нашей операціи было уничтоженіе непріятельскаго дозорнаго корабля у банки Спаунъ, на подходахъ къ Виндавѣ. Выйдя на чистую воду, отрядъ повернулъ къ югу. „Новику“ было приказано держаться на правомъ траверзѣ „Охотника“. Вскорѣ совсѣмъ стемнѣло, и было очень трудно что-либо разсмотрѣть.

Около 9 часовъ 30 минутъ, нашему сигнальному старшинѣ, обладавшему отличнымъ зрѣніемъ и навыкомъ, удалось увидѣть справа по траверзу какой-то силуэтъ. Всѣ мы такъ и впились глазами въ эту точку. Можно было опредѣленно сказать, что тамъ что-то видно, но что именно, пока опредѣлить было трудно. Когда мы прошли еще немного впередъ, то стало ясно видно, что это силуэтъ какого-то корабля. Тогда командиръ приказалъ сдѣлать „Охотнику“ условный сигналъ ратьеромъ „Г, Г, Г. . .“, что означало — „вижу непріятеля“. Продолжая идти по направленію силуэта, мы все время старались разобраться, что это за судно, и одинъ моментъ намъ показалось, что это подлодка въ надводномъ состояніи.

Ввиду того, что немного раньше было перехвачено радіо Начальника Службы Связи, въ которомъ онъ предупреждалъ нашу подлодку „Вепрь“, что она можетъ встрѣтить въ морѣ свои миноносцы, мы стали очень бояться принять ее за непріятеля.

Такъ, колеблясь и боясь ошибиться, мы, наконецъ, подошли близко къ силуэту и сдѣлали ему опознательный сигналъ. Онъ отвѣтилъ, но невѣрно. Въ тотъ же моментъ мы замѣтили дымъ и контуры обыкновеннаго парохода. Тогда стало ясно, что это непріятель, и „Новикъ“ открылъ огонь. Нашему примѣру сейчасъ-же послѣдовалъ „Охотникъ“, шедшій нѣсколько въ сторонѣ отъ насъ.

Отъ перваго же нашего попаданія на пароходѣ возникъ пожаръ и онъ, давъ въ отвѣтъ нѣсколько безпорядочныхъ выстрѣловъ, замолкъ. Между тѣмъ, мы стали замѣчать, что близко отъ насъ ложатся чьи-то снаряды. Можно было думать, что это стрѣляютъ какія-нибудь подошедшія непріятельскія суда; но кругомъ, кромѣ горѣвшаго парохода, да нашихъ миноносцевъ никого не было видно. Тогда стало яснымъ, что это ни что иное, какъ перелеты „Охотника“, который зашелъ за пароходъ съ противоположной намъ стороны и, такимъ образомъ, стрѣлялъ одновременно и по „Новику“. Когда у самого нашего носа разорвалось подрядъ три снаряда, намъ пришлось прекратить огонь и, давъ полный ходъ, выйти изъ подъ обстрѣла. Отойдя немного къ N, мы повернули обратно и стали медленно подходить къ мѣсту боя, дѣлая опознательные.

Въ это время пароходъ, объятый пламенемъ, все продолжалъ горѣть, представляя изъ себя огромный костеръ. „Охотникъ“ и „Страшный“ разстрѣливали его, подойдя вплотную. Время быстро шло и очень-то медлить было нельзя. Поэтому Начальникъ Дивизіи приказалъ „Охотнику“ выпустить мину, которая, попавъ въ пароходъ, вызвала огромный взрывъ, послѣ чего онъ быстро пошелъ ко дну.

Остальную часть боя „Новикъ“, находился уже въ сторонѣ и только наблюдалъ за происходившимъ. Зрѣлище было жут-

кимъ, но въ то же время и очень красивымъ, особенно въ такую темную ночь.

Когда съ пароходомъ было кончено, отрядъ сейчасъ-же повернулъ на N и, не мѣшкая сталъ уходить. Да и было пора это сдѣлать, такъ какъ по радіо насъ предупредили, что непріятелемъ выслана погоня, и нѣсколькимъ флотиліямъ миноносцевъ приказано отрѣзать насъ отъ Ирбена. Кромѣ того, еще въ самомъ началѣ боя, телеграфистъ уничтоженнаго нами судна, повидимому, по своей иниціативѣ, сталъ судорожно телеграфировать, повторяя безъ конца: „Wir werden beschossen!“.. На это ему кто-то отвѣтилъ, давая квитанцію 54 П... Да и плѣнные сообщили, что по близости въ морѣ ходитъ крейсеръ „Любекъ“ съ миноносцемъ, а изъ Либавы кто-то вышелъ имъ на выручку. Въ нашемъ же отрядѣ, кромѣ насъ, остальные миноносцы были тихоходы; слѣдовательно, тѣмъ важнѣе было не терять времени и уходить. Благодаря этимъ предупрежденіямъ, намъ удалось во время уйти и, оріентировавшись по маяку Дагерортъ, войти въ Финскій заливъ.

Въ дальнѣйшемъ изъ опроса плѣнныхъ выяснилось, что потопленное отрядомъ судно было доворнымъ пароходомъ, вооруженнымъ всего 2—57 м/м орудіями. Онъ цѣлый день находился въ дозорѣ, а на ночь всталъ на якорь у банки Спаунъ, въ 25 миляхъ на NW отъ Виндавы. Въ тотъ моментъ, когда мы его обнаружили, вся команда сидѣла за ужиномъ, и потому насъ замѣтили очень поздно. Разобравъ что мы — непріятель, попробовали было стрѣлять. Но, сдѣлавъ два выстрѣла, сразу поняли тщетность сопротивленія и, все побросавъ, начали спасаться. Часть команды сѣла на шлюпки, а другіе, одѣвъ спасательные пояса, бросились за бортъ. Тѣ изъ команды, которые очутились въ холодной водѣ, стали неистово кричать, моля о спасеніи. Ихъ голоса разносились далеко вокругъ, и какъ-то тяжело становилось, слушая ихъ и невольно ставя себя въ ихъ положеніе. Послѣ гибели парохода, „Страшный“ подошелъ къ мѣсту, гдѣ плавали утопавшіе, и ему удалось спасти изъ воды 1 — офицера и 19 — матросовъ, „Охотникъ“ и „Москвитянинъ“ спасли еще по одному человѣку. По показанію плѣнныхъ, на суднѣ всего было 23 человѣка команды и 3 офицера; слѣдовательно, на шлюпкѣ могло спастись еще четыре человѣка; но ее мы не нашли.

Съ разсвѣтомъ, отрядъ подошелъ ко входу въ Моонзундъ и пошелъ въ Рогокюль, а „Страшный“ съ плѣнными былъ посланъ въ Ревель. Въ этотъ день надъ Ирбеномъ усиленно летали непріятельскіе аэропланы, но бомбъ не сбрасывали; походило, будто они стараются опредѣлить, какіе корабли произвели ночной набѣгъ.

10-го ноября задулъ сильный штормъ отъ SW, такъ что всѣмъ волей-неволей пришлось простоять въ Рогокюлѣ въ полномъ бездѣйствіи. На слѣдующій день туда прибылъ выздоровѣвшій Начальникъ Дивизіи, Контръ-Адмиралъ Трухачевъ и временно остановился на „Новикѣ".

Дополнительно теперь стало извѣстно, что съ потопленнаго дозорнаго корабля спаслось на шлюпкѣ еще четыре человѣка, которыхъ на слѣдующій день подобралъ непріятель. Такимъ образомъ, никто изъ его команды не погибъ. Отъ спасшихся на шлюпкѣ непріятелю удалось узнать подробности гибели, а то, что тамъ считали въ первый моментъ, что это сдѣлала подлодка.

Сегодня до насъ дошли свѣдѣнія, что въ Оландскихъ шхерахъ съ матки подлодокъ „Оланда", у дежурнаго офицера пропалъ радіо-телеграфный кодъ, принадлежавшій подлодкѣ „Бѣлуга". Эта въ достаточной мѣрѣ таинственная исторія доказываетъ насколько развитъ непріятельскій шпіонажъ и насколько слѣдуетъ быть осторожными съ секретными документами. Теперь придется мѣнять весь кодъ. Не говоря уже о сложности этой работы, очевидно, непріятель узналъ много нашихъ секретовъ.

12-го ноября уѣхалъ съ Дивизіи Капитанъ 1-го ранга А. В. Колчакъ, сдавши командованіе Адмиралу Трухачеву. Почти всѣ офицеры миноносцевъ, стоявшихъ въ Рогокюлѣ, провожали его до поѣзда. Нельзя было не отдать должнаго этому энергичному человѣку съ яснымъ умомъ и сильной волей, вносившему въ каждое дѣло, за которое онъ только брался, индивидуальность и живую струю.

Время все шло, и дѣло близилось къ зимѣ. Всякая дѣятельность въ нашихъ водахъ стала замирать, и „Новикъ" спокойно продолжалъ стоять въ Рогокюлѣ. Моонзундъ уже всѣмъ намъ ужасно надоѣлъ, и хотѣлось поскорѣе уйти въ Ревель. Но какъ на зло зима все не устанавливалась, и холода держались недолго. Стоило только задуть южному вѣтру, какъ начинавшій было образовываться ледъ сейчасъ-же таялъ.

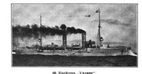
Въ эти дни до насъ дошли свѣдѣнія, что на загражденіи, поставленномъ во время послѣдняго похода крейсерами, взорвался одинъ непріятельскій крейсеръ, но какой и когда — осталось невыясненнымъ.

Изъ разсказа командира лодки „Е 19", удалось узнать подробности атаки на крейсеръ „Ундине". „Е 19" находилась въ районѣ Арконы, на путяхъ сообщенія между Засницомъ и Треллеборгомъ. Вдругъ она увидѣла на горизонтѣ приближающіеся дымы: это шелъ крейсеръ „Ундине", конвоирующій, съ двумя миноносцами, паромъ.

Лодка немедленно приготовилась къ атакѣ: когда караванъ приблизился, она выпустила мину въ крейсеръ и попала

ему въ носъ. Тотъ сейчасъ же накренился; на бакѣ его вспыхнулъ большой пожаръ. Онъ сталъ медленно тонуть. Вся команда столпилась на кормѣ и повидимому собиралась спасаться. Миноносцы же кружились и стрѣляли въ воду, но совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ была лодка.

Видя, что крейсеръ тонетъ медленно, и не будучи увѣренъ, что онъ совсѣмъ потонетъ, командиръ „Е 19", приказалъ пустить вторую мину, которая попала въ корму, гдѣ какъ разъ въ этотъ моментъ столпилась команда. Въ перископъ было видно, какъ произошелъ страшный взрывъ, и человѣческія тѣла полетѣли въ воздухъ. Черезъ три минуты крейсера не стало, и только миноносцы подбирали тонущихъ людей. Имъ

69. Крейсеръ „Ундине".

удалось спасти всего около ста человѣкъ. Пассажиры парома съ ужасомъ наблюдали за ужасной трагедiей, разыгравшейся на ихъ глазахъ, боясь, какъ бы и ихъ самихъ не постигла та же участь.

19-го ноября „Новику" было приказано принять полный запасъ нефти и быть готовымъ къ 9 часамъ утра слѣдующаго дня. Утромъ, въ назначенное время, вмѣстѣ съ 6-мъ Дивизiономъ, мы пошли на рейдъ Севастополь. Въ морѣ была страшная пурга и мгла, такъ что, при входѣ въ шхеры, пришлось около часу плутать, не имѣя возможности какъ-нибудь орiентироваться. Въ концѣ концовъ кое-какъ влѣзли, и въ 3 часа дня были на мѣстѣ.

На рейдѣ уже находились крейсера „Рюрикъ", подъ флагомъ Контръ-Адмирала Бахирева, „Адмиралъ Макаровъ", „Баянъ" и „Олегъ", а „Богатырь" стоялъ рядомъ въ Юнгфрувундѣ. На слѣдующiй день туда пришли заградители „Уралъ" и „Амуръ" и передали на всѣ крейсера мины.

Погода стояла очень свѣжая, дулъ NW, и температура упала до — 6⁰ Реомюра.

22-го ноября, въ 2 часа 45 минутъ дня, всѣ крейсера и миноносцы снялись съ якоря и пошли къ выходному фарватеру отъ Эрэ, гдѣ присоединились къ линейнымъ кораблямъ „Петропавловскъ" (флагъ Вице-Адмирала Керберъ), и „Гангутъ".

70. Второй походъ съ 1-ой Бригадой Линейныхъ Кораблей.

Послѣ этого вся эскадра, конвоируемая 6-мъ, 7-мъ и 9-мъ Дивизіонами Миноносцевъ, стала медленно выходить въ открытое море. Къ 5 часамъ вечера стало сильно темнѣть, и такъ какъ эскадра уже достаточно отошла отъ опасной зоны, то Адмиралъ отпустилъ всѣ миноносцы, кромѣ „Новика".

Въ этотъ день погода была немного лучше вчерашней. Вѣтеръ стихъ, и волна улеглась. Съ заходомъ солнца, вдругъ сразу стало очень темно, такъ что даже во время отдѣленія

71. Линейные корабли „Петропавловскъ" и „Гангутъ" во время похода.

нашихъ миноносцевъ отъ эскадры, когда они проходили мимо насъ, нашъ вахтенный начальникъ въ темнотѣ принялъ ихъ за непріятельскіе и поднялъ тревогу. Но мы теперь были уже

достаточно опытны, чтобы быстро разобраться въ обстановкѣ и не поднять напрасной тревоги.

Всю ночь эскадра шла 19 узловымъ ходомъ. Къ полночи погода стала еще лучше, и вѣтеръ совсѣмъ стихъ. Благодаря разошедшимся тучамъ стало совсѣмъ свѣтло и, такимъ образомъ, держаться было нетрудно. Вообще походъ начался очень пріятно.

Когда во время такого похода, въ тихую, лунную ночь, стоишь на мостикѣ корабля, который несется полнымъ ходомъ, то невольно и мысли несутся тоже впередъ — куда то далеко-далеко. . .

Кругомъ — серебрится величавая водная ширь. По ней скользятъ совершенно темные силуэты кораблей. Сверху глядитъ черно-синее небо съ яркой луной и миріадами звѣздъ. Тишина — поразительная. Она заглушаетъ всѣ звуки, какъ бы подчеркивая журчаніе воды, разсѣкаемой носомъ корабля. . . На душѣ такъ хорошо, такъ спокойно, какъ это можетъ быть только въ морѣ.

Въ головѣ, несмотря на то, что стараешься сосредоточить все вниманіе на темномъ горизонтѣ и окружающихъ корабляхъ, возникаютъ другія, далекія картины. Картины, дорогія сердцу. Переносишься туда, гдѣ теперь царитъ мирная тишина, гдѣ не витаютъ призраки войны и смерти, гдѣ все дышитъ спокойствіемъ и уютомъ. И такъ ясно, такъ реально представляешь себѣ эту картину. . .

Въ мечтахъ улетаешь далеко; кругомъ все какъ-то плыветъ, колыхается и исчезаетъ. . . Но вдругъ приходишь въ себя, точно отъ чьего то прикосновенія, и начинаешь ходить по мостику; задашь, чтобы отвлечь свои мысли, ненужный вопросъ рулевому или сигнальщику, и снова смотришь впередъ. . .

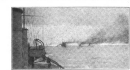
Слишкомъ чарующе-хороша эта ночь, слишкомъ красиво море! Нельзя не поддаться обаянію этой красоты! . .

Эскадра шла въ кильватерной колоннѣ, имѣя впереди „Баяна“ и „Адмирала Макарова“; затѣмъ слѣдовали — „Петропавловскъ“, „Гангутъ“, „Рюрикъ“, „Богатырь“, „Олегъ“ и „Новикъ“.

Суда эскадры вытянулись, какъ по ниточкѣ, такъ что казалось, будто впереди шелъ только одинъ корабль. Но еслибы кто-нибудь взглянулъ на насъ сбоку, то передъ нимъ, какъ призраки, встали бы гигантскія тѣни всѣхъ судовъ эскадры.

Казалось, что они мертвы; на нихъ не было видно ни одного огня, не слышно ни одного звука; и только — черные клубы дыма выдавали, что внутри ихъ кипѣла жизнь: тамъ — все было готово къ бою, и стоило только появиться на горизонтѣ какимъ-либо силуэтамъ, какъ они всѣ ожили бы и опоясались вспышками орудійныхъ выстрѣловъ. . .

Ночью мы получили извѣстіе, что непріятель сегодня тоже предпринялъ заградительную операцію и поставилъ мины у южной части внѣшней стороны Ирбенской позиціи. Ставилось

72. Эскадра возвращается послѣ постановки загражденія.

оно съ заградителя, который охранялся крейсеромъ „Аугсбургъ“ и миноносцами. Вышло оригинальное совпаденіе: непріятель пришелъ къ намъ и поставилъ мины и, почти въ одно и тоже время, мы за тѣмъ же идемъ къ нему.

Къ 9 часамъ утра эскадра благополучно подошла къ району, на 5 миль южнѣе того мѣста, гдѣ ставились мины въ прошлый разъ, и крейсера сейчасъ-же начали постановку. Всего было поставлено 700 минъ, въ двѣ линіи. Это загражденіе должно было служить продолженіемъ прежняго и располагалось поперекъ моря, составляя районъ въ 31 милю.

Во время постановки, линейные корабли и „Новикъ“, какъ и въ прошлый разъ, установили завѣсу съ юга.

Въ 10 часовъ 30 минутъ все было кончено, и эскадра повернула на N, а намъ Адмиралъ приказалъ произвести развѣдку къ югу. Сейчасъ-же давъ 30 узловъ, мы вышли изъ строя и пошли прямо на югъ. Пройдя около часу и ничего не обнаруживъ, мы повернули обратно и къ 12 часамъ присоединились къ эскадрѣ, вступивъ на свое мѣсто, на траверзъ Адмирала.

Все время эскадра шла перемѣнными курсами, избравъ путь между островомъ Готландомъ и шведскимъ берегомъ; ходъ былъ 19 узловъ. Головнымъ шелъ „Богатырь“, сзади съ обѣихъ сторонъ шли „Адмиралъ Макаровъ“ и „Баянъ“, въ серединѣ „Петропавловскъ“, „Гангутъ“ и „Рюрикъ“, а сзади „Олегъ“.

Въ 5 часовъ, съ наступленіемъ темноты, эскадра раздѣлилась на двѣ группы. Въ первую вошли линейные корабли, „Богатырь“ и „Новикъ“ и она должна была по возможности,

опредѣлившись по Фарэ, идти въ Ревель, а вторая — крейсерская группа идетъ прямо на Утэ въ шхеры.

Въ 5 часовъ 30 минутъ мы открыли Фарэ и, удачно опредѣлившись, взяли курсъ ко входу въ Финскій заливъ. Чѣмъ сѣвернѣе поднималась эскадра, тѣмъ становилось все холоднѣе и холоднѣе, и погода стала замѣтно портиться. При входѣ въ Финскій заливъ началась пурга, и температура упала до — 6° Реомюра. Когда наступила ночь, намъ на „Новикѣ“ пришлось очень туго: было страшно темно, снѣгъ слѣпилъ глаза и, стоя на вѣтру, мы совершенно коченѣли, такъ что съ трудомъ держались въ кильватерѣ линейныхъ кораблей, которые къ тому же очень часто мѣняли курсъ.

Къ 9 часамъ утра, совершенно обледенѣвшій съ толстымъ слоемъ льда на носу, кормѣ и отводахъ, „Новикъ“, наконецъ, добрался до Ревельской гавани.

Командующій Флотомъ и Вице-Адмиралъ Керберъ изъявили намъ особую благодарность, и мы были оставлены въ Ревелѣ.

Съ 25-го ноября до 1-го декабря „Новикъ“ стоялъ въ Ревелѣ. Походило на то, что, повидимому, насъ въ Моонзундъ больше посылать не собирались. Да тамъ и нечего было больше дѣлать, такъ какъ всякая дѣятельность непріятеля совершенно замерла, и только въ рѣдкія, хорошія погоды летали аэропланы.

За этотъ періодъ у насъ произошла катастрофа съ подлодкой „Акулой“, которая была послана ставить мины въ непріятельскія воды, и вотъ ужъ третью недѣлю не возвращалась обратно. Теперь уже не могло быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что она погибла. Это былъ у насъ первый опытъ приспособленія подлодки для постановки загражденія, и все при-

73. Подводная лодка „Акула“.

способленіе было совершенно ново и испробовано только на рейдѣ. Возникло предположеніе, что именно изъ-за этого и могло произойти несчастье.

2-го декабря „Новику" было приказано выйти на рейдъ и принять 50 минъ съ заградителя „Волга". Исполнивъ это, мы подошли къ стоявшему на рейдѣ миноносцу „Побѣдитель" и ошвартовались къ его борту. На слѣдующій день предполагался походъ съ вновь вошедшими въ строй миноносцами „Побѣдитель" и „Забіяка". Они были только-что закончены, и даже не всѣ мелкія работы на нихъ были доведены до конца, такъ что имъ предстоялъ первый боевой походъ.

Руководство операціей было поручено Начальнику 1-го Дивизіона Миноносцевъ, еще не принимавшему лично участія, ни въ этой, ни въ прошлой войнахъ, а, слѣдовательно, не обладавшему никакимъ боевымъ опытомъ.

Съемка съ якоря была назначена на 3-е декабря, въ 9 часовъ утра; однако, изъ-за пурги, миноносцы снялись только въ 10 часовъ.

Нашъ отрядъ состоялъ изъ трехъ миноносцевъ — „Побѣдителя", „Забіяки" и „Новика", и шелъ въ строѣ уступа, имѣя 20 узловъ ходу. Погода была довольно тихая, пурга прекратилась и идти было очень хорошо. Главное — было хорошо то, что горизонтъ былъ очень ясенъ.

Недалеко отъ Оденсхольма, прямо по курсу, мы встрѣтили три плавающія мины, и намъ пришлось ихъ обходить. Вообще, все шло пока гладко, и только чувствовалась какая-то неувѣренность у руководителя операціи, выражавшаяся въ частыхъ измѣненіяхъ курсовъ, перемѣнахъ ходовъ и усиленной сигнализаціи.

Отрядъ шелъ къ Виндавѣ, въ тотъ районъ, гдѣ должна была выбросить свои мины погибшая „Акула". Загражденіе предполагалось поставить въ мѣстѣ скрещиванія фарватеровъ на Виндаву, Люзерортъ и въ открытое море. По свѣдѣніямъ отъ плѣнныхъ, невдалекѣ отъ этого мѣста долженъ былъ находиться буй, а иногда ставилось на якорь и сторожевое судно.

Въ 9 часовъ 30 минутъ вечера миноносцы подошли къ назначенному пункту, но ни буя, ни судна не увидѣли. По нашей, Новиковской прокладкѣ однако выходило, что мы попали на не совсѣмъ вѣрное мѣсто и ошиблись на три мили. Чтобы сообщить объ этомъ „Побѣдителю" не сигналя, командиръ подошелъ къ нему и передалъ все въ рупоръ. Тотъ сейчасъ же исправилъ свою ошибку, но и тогда мы ничего не увидѣли, хотя можетъ быть и, потому, что было очень темно.

Къ 10 часамъ облака разошлись, и начала свѣтить полная луна. Нашъ отрядъ продолжалъ идти по направленію берега. Мы находились теперь въ самомъ опасномъ мѣстѣ, потому что были уже совсѣмъ близко отъ Виндавы и окружавшихъ ее загражденій.

По какимъ-то соображеніямъ, когда отрядъ еще не совсѣмъ дошелъ до мѣста постановки, Начальникъ Дивизіона приказалъ „Забіякѣ" поставить мины. Затѣмъ поставилъ ихъ и „Побѣдитель". Наконецъ, по нашимъ даннымъ мы пришли въ назначенное для насъ мѣсто, и командиръ приказалъ начать постановку.

„Новикъ" долженъ былъ поставить три отдѣльныя группы: первую въ 25 минъ, вторую въ 20 и третью въ 5. Первую группу намъ удалось поставить совершенно точно, какъ и надо было, поперекъ фарватера, имѣя 20 узловъ ходу и сбрасывая мины черезъ каждыя 5 секундъ. Вторую группу поставили не такъ удачно: во время постановки „Побѣдителю", повидимому, что-то почудилось, и онъ метнулся въ сторону, сбивъ насъ. Эта группа располагалась вдоль фарватера съ большими интервалами между минами, такъ что ихъ сбрасывали черезъ каждыя 10 секундъ. Третья и послѣдняя группа должна была ставиться на мѣстѣ предполагаемаго буя, но, изъ-за какого-то неожиданнаго маневра „Побѣдителя", намъ опять пришлось поставить ее не совсѣмъ точно; впрочемъ, въ концѣ-концовъ, это ужъ было не такъ важно. Вся наша постановка, такимъ образомъ, длилась очень долго, болѣе часа, и такъ какъ при этомъ мы имѣли очень большой ходъ, а сбрасывать мины приходилось черезъ 5 секундъ, то всѣ страшно утомились. Вообще, это очень трудная задача — ставить мины такъ быстро одну за другой. Чуть — малѣйшая задержка — и сейчасъ-же произойдетъ растяженіе всей линіи, а, слѣдовательно, будетъ нарушена густота загражденія и границы его района; сохраненіе же ихъ, по тактическимъ заданіямъ, иногда бываетъ чрезвычайно важно.

74. Постановка загражденія у Виндавы.

Какъ разъ во время постановки мы получили предупрежденіе, что непріятельскій корабль, кажется, „Кайзеринъ Августа", въ 5 часовъ утра выходитъ въ дозоръ, и для него приказано освѣтить Виндаву и Либаву. У насъ уже было почти все кончено и опасаться было больше нечего; а вотъ этотъ корабль нельзя не пожалѣть, такъ какъ ему приходилось идти именно тѣмъ фарватеромъ, на которомъ мы разбросали мины.

Въ половинѣ перваго ночи отрядъ совсѣмъ закончилъ постановку и повернулъ на N. Въ 4 часа 30 минутъ мы должны были открыть Дагерортъ и по нему опредѣлиться, чтобы провѣрить наше мѣсто для входа въ Финскій заливъ. Мы открыли его на полчаса позже, и то только увидѣли лишь нѣсколько проблесковъ. Это обстоятельство, видимо, сильно смутило Начальника Дивизіона, и онъ около трехъ часовъ ходилъ малымъ ходомъ около этого мѣста, совершенно запутавъ наше счисленіе. Дагерортъ и Тахкона открылись только на разсвѣтѣ. Тогда, миноносцы, давъ 24 узла, безъ всякихъ недоразумѣній, въ 1 часъ дня, пришли въ Ревель.

Для „Новика" этимъ закончилась 12-ая постановка минъ съ начала войны, при его непосредственномъ участіи. Всего онъ поставилъ 542 мины. Кромѣ того онъ участвовалъ еще во многихъ постановкахъ, охраняя ставившія суда.

6-го декабря былъ торжественный день. Нашего командира произвели въ Капитаны 1-го ранга, старшаго офицера въ Капитаны 2-го ранга и младшаго механика въ Лейтенанты. Цѣлый день у насъ были поздравители съ разныхъ судовъ, и, вообще шло торжество.

Въ дополненіе ко всему, было получено пріятное для насъ радіо Штаба Флота: „Флотъ извѣщается, что 4-го декабря вечеромъ нами потоплены въ Балтійскомъ морѣ крейсеръ „Бременъ" и большой миноносецъ". Изъ дальнѣйшаго выяснилось, что эти два непріятельскихъ корабля попали на загражденіе, которое было поставлено „Новикомъ" 4-го декабря у банки Спаунъ. Ихъ гибель произошла всего черезъ нѣсколько часовъ, послѣ ухода нашего отряда. Изъ-за темноты и холодной воды непріятелю удалось спасти всего лишь 110 человѣкъ.

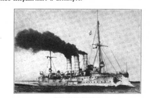
10-го декабря пришло извѣстіе, что на томъ же загражденіи взорвались еще одинъ миноносецъ и дозорный корабль. Очевидно, мѣсто постановки было выбрано очень удачно, и непріятель послѣ перваго случая не обратилъ достаточно серьезнаго вниманія на то, чтобы изслѣдовать не только мѣсто гибели, но и прилегающій районъ.

Послѣдующій періодъ, съ 11-го до 22-го декабря, прошелъ совершенно спокойно, да и погода измѣнилась, и стало замѣтно быстрое приближеніе зимы. Уже нѣсколько дней держался морозъ, и температура спустилась до — 16° Реомюра. Условія плаванія становились очень тяжелыми, а для миноносцевъ, съ ихъ тонкой обшивкой, и рискованными.

23-го декабря былъ назначенъ новый Начальникъ Дивизіи — Капитанъ 1-го ранга А. В. Колчакъ, а Контръ-Адмиралъ П. П. Трухачевъ получилъ 1-ую Бригаду Крейсеровъ. Въ тотъ же день онъ обошелъ всѣ миноносцы, прощаясь съ офицерами и командами.

Въ соотвѣтствіи съ темпераментомъ новаго Начальника Дивизіи, энергичнымъ и крайне дѣятельнымъ, насъ въ тотъ же день выгнали на рейдъ и заставили принять 40 минъ съ заградителя „Волга". Послѣ окончанія пріемки мы встали на рейдѣ на якорь. Въ 6 часовъ вечера на „Новикъ" переѣхалъ новый Начальникъ Дивизіи со своимъ Штабомъ, избравъ насъ на походъ своимъ флагманскимъ кораблемъ.

Въ 8 часовъ вечера онъ устроилъ совѣщаніе командировъ „Побѣдителя", „Забіяки", „Сибирскаго Стрѣлка", „Генерала Кондратенко" и „Пограничника", которые должны были идти вмѣстѣ съ нами въ походъ. Постановка предполагалась у маяковъ Пограничнаго и Стейнортъ.

75. Крейсеръ „Бременъ".

24-го декабря, въ 7 часовъ утра, отрядъ снялся съ якоря и вышелъ въ море. Пройдя островъ Наргенъ, онъ попалъ въ довольно густой туманъ, но, тѣмъ не менѣе, продолжалъ путь. У Оденсхольма туманъ разсѣялся, но зато вѣтеръ, который все время дулъ отъ SW, вдругъ перемѣнился и задулъ отъ NW. Это обстоятельство въ данный періодъ времени было очень серьезно для насъ, такъ какъ образовавшійся у сѣвернаго берега залива ледъ могъ быть отнесенъ къ югу, и, на обратномъ пути, мы могли быть отрѣзанными отъ Ревеля. Пробираться же миноносцамъ сквозь плавающій ледъ было совершенно невозможно изъ-за тонкости обшивки борта. Опасаясь этого, Начальникъ Дивизіи запросилъ Службу Связи о вѣтрѣ у острова Наргенъ, чтобы узнать, мѣстный ли вѣтеръ дуетъ въ районѣ, гдѣ мы находимся, или это измѣненіе произошло вездѣ. На наше

счастье оказалось, что у Наргена дуетъ по прежнему SW, и мы спокойно продолжали путь.

Въ 1 часъ дня отрядъ подошелъ къ Дагерорту и на своемъ курсѣ встрѣтилъ двѣ плавающія мины, такъ что „Новику" даже пришлось отклониться. Третьимъ въ строѣ уступа шелъ „Забіяка", который замѣтилъ эти мины слишкомъ поздно. Лѣвымъ бортомъ онъ задѣлъ за одну изъ нихъ, и произошелъ сильный взрывъ. Въ результатъ, у „Забіяки" получилась огромная пробоина въ кормѣ съ лѣваго борта, въ помѣщеніи кондукторовъ. Кромѣ того были согнуты оба вала винтовъ, образовался большой кренъ, корма сѣла и руль заклинило. Первое впечатлѣніе было таково, что „Забіяка" вотъ-вотъ

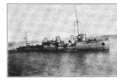
76. Эскадренный миноносецъ „Побѣдитель" во льдахъ.

перевернется и затонетъ. Начальникъ Дивизіи приказалъ „Побѣдителю" немедленно подать ему буксиры. Тотъ попробовалъ подойти, но вышло какъ-то неудачно, и онъ даже чуть не протаранилъ насъ; тогда, опасаясь вообще за удачность маневра, Начальникъ Дивизіи приказалъ подать буксиры „Новику". Командиръ сейчасъ-же подошелъ къ борту „Забіяки", и ужъ черезъ полчаса было подано два стальныхъ буксира. Когда мы начали пробовать буксировать и увеличили ходъ до 70 оборотовъ, одинъ изъ буксировъ лопнулъ; пришлось начинать сначала. Произошло это потому, что, благодаря заклиненному рулю, „Забіяка" все время стремился вправо и натягивалъ буксиръ, который и не выдержалъ такого большого маневра. Тогда было рѣшено подать буксиромъ якорный канатъ, тѣмъ болѣе, что у насъ остались только тонкіе перлини, непригодные для буксировки.

Ввиду этого, мы подтянули 40 саженъ якорнаго каната „Забіяки“, закрѣпили его стальнымъ перлинемъ и начали опять буксировать, доведя свободно до 100 оборотовъ, что соотвѣтствовало 5 узламъ хода.

Походъ, конечно, пришлось отставить и возвращаться въ Ревель. Дальше все шло хорошо. Руль удалось поставить болѣе или менѣе прямо, и буксиры больше не лопались. Тѣмъ не менѣе, весь вечеръ и всю ночь мы провели страшно безпокойно, такъ какъ боялись, что вѣтеръ можетъ засвѣжѣть и буксиры — лопнуть, а тогда, въ темнотѣ, „Забіяку“ не удастся спасти.

Такимъ образомъ, никогда намъ не приходилось проводить такого печальнаго сочельника, какъ въ этомъ году. Только

77. Эскадренный миноносецъ „Забіяка“.

къ 10 часамъ утра, 25-го декабря, „Новику“ удалось благополучно прибуксировать „Забіяку“ на Ревельскій рейдъ и передать спасательному пароходу „Эрви“, высланному намъ навстрѣчу.

Еще счастье, что потери въ личномъ составѣ на „Забіякѣ“ были не очень большія — убито три кондуктора и тяжело ранено пять матросовъ; изъ офицеровъ никто не пострадалъ.

Такъ печально кончился нашъ послѣдній походъ въ этомъ году, и хотя Начальникъ Дивизіи непремѣнно хотѣлъ повторить его, но ужъ погода больше этого не позволяла. Понемногу наступала настоящая зима.

Тѣмъ не менѣе, до 29-го декабря „Новика“ держали еще въ полной готовности, и только потомъ намъ было разрѣшено вступить въ ремонтъ. Наша дѣятельность на зиму замерла.

Въ началѣ января пришло извѣстіе, что союзники, наконецъ, отказались отъ дальнѣйшихъ дѣйствій на Галлипольскомъ полуостровѣ. Ихъ упорство сломлено, и какой цѣной! Пока еще нѣтъ общаго списка потерь въ людяхъ, но говорятъ, что онѣ колоссальны; особенно много потерь у англичанъ.

Въ двадцатыхъ числахъ декабря былъ полученъ приказъ объ отозваніи войскъ, и ихъ стали перевозить обратно на континентъ.

Любопытно подсчитать потери флота за эти девять мѣсяцевъ. Англичане потеряли пять броненосцевъ („Иррезистибль", „Океанъ", „Голіафъ", „Тріумфъ" и „Мажестикъ") и французы одинъ — „Буве". Помимо этого погибло много миноносцевъ, подлодокъ и транспортовъ.

Въ особенности много союзники потеряли подлодокъ, которыя все время пытались пройти Дарданеллы, и при этомъ погибали. Тогда, съ неменьшимъ упорствомъ, на прорывъ шли другія подлодки, но и онѣ не возвращались. Потомъ эти попытки превратились уже какъ бы въ спортъ, въ которомъ англичане и французы состязались въ умѣніи и отвагѣ. Только одной англійской подлодкѣ удалось проникнуть въ Мраморное море, гдѣ, 26-го іюля, она потопила старый турецкій броненосецъ „Хайрединъ Барбаросса" и произвела нѣкоторый переполохъ.

Въ операціяхъ у Дарданеллъ принялъ участіе и нашъ легкій крейсеръ „Аскольдъ", своими дѣйствіями стяжавшій очень лестные отзывы. Въ мартѣ, во время извѣстныхъ попытокъ форсировать проливъ, его стрѣльба была отмѣчена самимъ союзнымъ командованіемъ.

Итакъ, вопросъ о Дарданеллахъ пока конченъ. Теперь уже можно опредѣленно сказать, что это дѣйствительно была только авантюра. Врядъ ли кто въ будущемъ рѣшится такъ легкомысленно предпринять подобныя операціи. . .

Истекъ 1915 годъ. Для „Новика" онъ былъ очень удаченъ въ боевомъ и навигаціонномъ смыслѣ. За небольшими перерывами, намъ пришлось все время проявлять живую дѣятельность и участвовать въ бояхъ и многихъ походахъ. Въ виду того, что война на нашемъ театрѣ вылилась въ чисто позиціонную борьбу, то соотвѣтственно съ этимъ и характеръ нашихъ дѣйствій былъ оборонительный; приходилось защищать заранѣе приготовленныя позиціи и дѣйствовать въ тылу непріятеля.

По своему вооруженію и типу „Новикъ" былъ построенъ для активной борьбы, именно — для эскадреннаго боя. Но опытъ войны доказалъ, что при навигаціонныхъ условіяхъ Балтійскаго театра и при подавляющемъ численностью противникѣ, было очень мало вѣроятія, чтобы такой бой могъ состояться.

Въ силу этого, нашъ миноносецъ чаще служилъ какъ заградитель, или артиллерійскій корабль, а не миноносецъ, какъ таковой, имѣющій сильное минное вооруженіе. Вообще мины на миноносцахъ понемногу перешли на второй планъ и, казалось, что едва-ли ихъ удастся использовать во время текущей войны.

Я подчеркиваю это обстоятельство потому, что оно непосредственно вытекало изъ опыта войны и неизбѣжно должно было сказаться на вооруженіи нашихъ будущихъ миноносцевъ, а можетъ быть и заставить разработать совершенно новый типъ корабля, примѣнительно къ условіямъ борьбы въ нашихъ водахъ.

Личный составъ „Новика" за эту кампанію пріобрѣлъ большой боевой опытъ и знанія, плавая въ тяжелыхъ условіяхъ военнаго времени, да еще подъ командой такого выдающагося командира, какъ М. А. Беренсъ. Пережитыя опасности и трудности насъ всѣхъ сплотили, внушили любовь и гордость къ своему кораблю и вѣру въ благополучный исходъ войны. У насъ создалось убѣжденіе, что „Новикъ" — корабль, которому везетъ; что онъ всегда съ успѣхомъ выйдетъ изъ любого положенія, какъ бы оно опасно ни было. Кто знаетъ моряковъ — для тѣхъ ясно, какое большое значеніе имѣетъ такое убѣжденіе и какъ оно способствуетъ общему настроенію всего личнаго состава корабля. Моряки вообще суевѣрны, а въ военное время — тѣмъ болѣе. У насъ на флотѣ, да и навѣрно въ другихъ флотахъ, замѣчались корабли и командиры, которыхъ считали въ этомъ смыслѣ счастливыми и несчастливыми, внѣ зависимости отъ ихъ личныхъ качествъ и свойствъ.

Но вторая боевая кампанія дала себя знать, и личный составъ сильно утомился, такъ какъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ безпрерывно находился въ плаваніяхъ, иногда по полтора-два мѣсяца не съѣзжая на берегъ. Обычное состояніе въ теченіе этого времени было ожиданіе или готовность въ любой моментъ къ самому худшему, а это сильно дѣйствовало на нервы. Въ результатѣ получалась усталость, чисто физическая, и духовная отъ войны вообще.

XVII.

Перевооруженіе крейсеровъ и миноносцевъ. Начало кампаніи 1916 г. Налетъ аэроплановъ на „Славу“. Начало прорытія Моонзундскаго канала. Три катастрофы. Разгромъ каравана у Ландсорта.

Какъ и прошлую зиму, нашъ флотъ, скованный льдами, стоялъ въ портахъ, энергично готовясь къ предстоящей кампаніи.

За этотъ періодъ были произведены серьезныя работы по перевооруженію многихъ кораблей, причемъ ихъ артиллерія была значительно усилена.

На крейсерахъ „Адмиралъ Макаровъ“ и „Баянъ“ были сняты всѣ 3″ орудія и взамѣнъ ихъ поставлены 1—8″ въ кормѣ и по 4—6″ съ каждаго борта; кромѣ того, на каждый крейсеръ были поставлены по 2—3″ и 2—47 м/м. противо-аэропланныхъ пушки. Ихъ артиллерія состояла уже изъ 3—8″ и 12—6″.

На „Олегѣ“ и „Богатырѣ“ всѣ 6″ орудія были замѣнены 130 м/м. Теперь вооруженіе этихъ крейсеровъ было 16—130 м/м. Кромѣ нихъ было установлено по двѣ аэропланныхъ пушки.

На „Россіи“ и „Громобоѣ“ было оставлено только по 12—6″, а взамѣнъ снятыхъ поставлены по 4—8″ (что съ прежними всего составляло 8—8″), по двѣ въ носу и въ кормѣ — по діаметральной плоскости. Они также получили по четыре аэропланныхъ пушки.

На „Діанѣ“ взамѣнъ 6″ и 3″ артиллеріи было поставлено 10—130 м/м. орудій и двѣ аэропланныхъ пушки.

Весь 6-ой Дивизіонъ Миноносцевъ (типа „Украйна“) былъ капитально перевооруженъ. У этихъ миноносцевъ въ кормѣ были сдѣланы особыя подкрѣпленія, на которыхъ установлено третье 4″ орудіе. Такимъ образомъ, они получили очень сильное вооруженіе, немногимъ слабѣе, чѣмъ на миноносцахъ типа „Новикъ“.

На „Новикѣ“ и другихъ миноносцахъ, на которыхъ стояли 4″ орудія, они всѣ были замѣнены новыми, на высокихъ основаніяхъ, которыя могли стрѣлять уже не на 70 кабельтовыхъ, а на 82. Это было особенно важно при обстрѣлахъ береговъ.

Почти всѣ работы удалось окончить къ открытію навигаціи, такъ что наши крейсера оказались почти въ два раза сильнѣе, чѣмъ прежде.

Да и весь флотъ сталъ много сильнѣе. Теперь была уже цѣлая бригада новѣйшихъ линейныхъ кораблей. Помимо уже вступившихъ новыхъ миноносцевъ „Побѣдитель" и „Забіяка", ожидалось еще вступленіе въ строй „Орфея", „Грома", „Десны", „Летуна", „Азарда", „Самсона" и „Капитана Изылметьева". Новыя подлодки также, одна за другой, стали входить въ строй, и кромѣ уже вступившихъ „Гепарда", „Барса" и „Вепря", должны были войти „Волкъ", „Львица", „Пантера", „Кугуаръ", „Тигръ", „Рысь" и пять небольшихъ американскихъ подлодокъ, присланныхъ черезъ Владивостокъ въ разобранномъ видѣ.

Сильно разрослись и отдѣльныя дивизіи, какъ напримѣръ — Дивизія Траленія. Она теперь состояла изъ двухъ отрядовъ, причемъ въ каждый изъ нихъ входило по четыре дивизіона. Для несенія дозоровъ и ловли подлодокъ была организована Сторожевая Дивизія, въ которую вошли два дивизіона маленькихъ миноносцевъ и три дивизіона специальныхъ сторожевыхъ судовъ. Кромѣ этого, еще организовывался специальный отрядъ Сѣтьевыхъ Заградителей для постановки противолодочныхъ сѣтей.

Также было закончено оборудованіе Або-Оландскаго укрѣпленнаго района и въ помощь его береговымъ батареямъ сформированъ особый отрядъ судовъ.

Работы по постройкѣ батарей на островахъ Наргенъ, Вульфъ, Реншеръ, Руссарэ, Эрэ, Утэ, Даго и всего района Свеаборгской крѣпости, шли ускореннымъ темпомъ, и часть 12″, 10″, 9″,2 и 8″ батарей были уже готовы.

Что касается „Новика", то къ началу кампаніи онъ кончилъ ремонтъ и перебралъ всѣ свои механизмы.

Къ веснѣ у насъ, въ офицерскомъ составѣ, произошли крупныя перемѣны. Въ февралѣ, старшій механикъ, Капитанъ 2-го ранга Г. К. Кравченко, былъ назначенъ Флагманскимъ Механикомъ Штаба Минной Дивизіи, и вмѣсто него къ намъ переведенъ Старшій Лейтенантъ М. А. Злобинъ. 7-го марта старшій офицеръ, Капитанъ 2-го ранга М. А. Бабицынъ, получилъ эскадренный миноносецъ „Громящій", а я занялъ его мѣсто.

Въ этомъ назначеніи для меня ничего неожиданнаго не было. Хотя вообще должность старшаго офицера считалась очень отвѣтственной и тяжелой, но исполнять ее на „Новикѣ", при его нынѣшнемъ составѣ и во время войны, я считалъ для себя очень лестнымъ.

Въ это время дѣло уже близилось къ веснѣ, и я сейчасъ-же дѣятельно принялся за приготовленіе миноносца къ кампаніи. Задача для меня сильно облегчалась тѣмъ, что я отлично зналъ

каждаго „новиковца“, зналъ, что онъ изъ себя представляетъ и на что годенъ.

29-го марта, утромъ, „Новикъ“ вышелъ на первую пробу машинъ и развилъ ходъ до 31,5 узловъ. Вообще, благодаря большому старанію новаго старшаго механика, проба сошла очень хорошо. Одновременно были испробованы орудія на высокихъ установкахъ. Это испытаніе сошло также вполнѣ удачно, причемъ, на такомъ большомъ разстояніи, съ мостика не было видно даже всплесковъ.

Послѣ испытаній, мы уничтожили и опредѣлили девіацію и вернулись въ гавань.

Въ теченіе послѣдующихъ двухъ недѣль командиръ очень часто выходилъ на рейдъ, для прохожденія курса минныхъ и артиллерійскихъ стрѣльбъ; но въ Рижскій заливъ идти было еще рано.

14-го апрѣля Контръ-Адмиралъ Колчакъ (его на Пасху произвели въ Контръ-Адмиралы) приказалъ „Новику“ быть готовымъ къ полудню для перехода въ Моонзундъ. Это приказаніе оказалось нѣсколько преждевременнымъ, такъ какъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, въ Моонзундѣ было еще много льда. Походъ пришлось отложить. Въ 2 часа дня Адмиралъ все же пошелъ туда на „Сибирскомъ Стрѣлкѣ“, взявъ съ собой и „Кондратенко“, чтобы попытаться пройти между льдами въ Рижскій заливъ. Ночью, когда ему дѣйствительно удалось туда пройти, онъ вызвалъ насъ и всѣ остальные миноносцы.

Поэтому, въ 4 часа утра, „Новикъ“, совмѣстно съ „Охотникомъ“, „Пограничникомъ“ и 2-ой группой 6-го Дивизіона, вышелъ въ Моонзундъ. На пути было еще довольно много льда. Въ 4 часа дня всѣ соединились у острова Шильдау и перешли къ Вердеру, гдѣ всю зиму стояла „Слава“. Тамъ, невдалекѣ отъ нея, мы встали на якорь.

Непріятель передъ Рижскимъ заливомъ пока еще не показывался. Только начали летать аэропланы. Какъ разъ наканунѣ они сдѣлали налетъ на „Славу“, имѣвшій для нея очень печальныя послѣдствія. Аэропланы появились совершенно неожиданно съ восходомъ солнца и, очень низко снизившись, сбросили 10 бомбъ. Изъ нихъ три достигли цѣли: двѣ взорвались, ударившись о палубу надъ каютъ-компаніей, пробили ее и произвели тамъ довольно большія поврежденія; а третья попала въ четверку, висѣвшую на шлюпбалкахъ за бортомъ и разбила ее въ щепы. Не обошлось и безъ жертвъ — 7 матросовъ было тяжело ранено; изъ нихъ 5 вскорѣ умерли.

Со слѣдующаго же дня Начальникъ Дивизіи рѣшилъ начать дозоры у Ирбенской позиціи. Въ первую очередь было рѣшено послать 6-ой Дивизіонъ, только что окончившій перевооруженіе и теперь имѣвшій по 3—100 м/м орудія. По при-

ходѣ его на позицію, непріятельскіе аэропланы сейчасъ-же устроили ему встрѣчу, но вѣроятно были очень разочарованы, будучи встрѣчены огнемъ аэропланныхъ орудій.

Въ 7 часовъ вечера всѣмъ миноносцамъ пришлось укрыться за Вердеръ изъ-за льда, который вѣтеръ гналъ прямо на насъ. Только „Сибирскій Стрѣлокъ" съ Начальникомъ Дивизіи опять пошелъ въ Моонзундъ, чтобы встрѣтить англійскія подлодки „Е 1" и „Е 18", которыя до прихода нашихъ лодокъ несли службу въ Рижскомъ заливѣ.

Около 1 часа ночи наши сигнальщики вдругъ услышали жужжаніе работающихъ пропеллеровъ, но не могли замѣтить ничего подозрительнаго на небѣ. Къ ихъ докладу всѣ отнеслись довольно скептически. Однако, вскорѣ послѣ этого, въ разстояніи около 10 миль, раздалось десять сильныхъ взрывовъ, какъ-будто отъ разрыва 12" снарядовъ; послѣ каждаго изъ нихъ было видно большое пламя. Тогда мы поняли, что это былъ цеппелинъ. Судя по направленію вспышекъ, всѣ бомбы упали въ море. Можно было предположить, что онъ навѣрно хотѣлъ попасть въ „Славу", но точно не могъ разобрать, гдѣ она стояла, и все попало мимо. Размѣры его бомбъ были очень большія и производили впечатлѣніе, что содержали не менѣе 5 пудовъ взрывчатаго вещества. Попади такая бомба въ „Славу", ей бы не сдобровать.

19-го апрѣля Начальникъ Дивизіи приказалъ „Новику" перейти въ Рогокюль, гдѣ онъ и простоялъ до 28-го числа. Въ этотъ день, къ 8 часамъ утра, намъ было приказано приготовиться къ походу. Ровно въ назначенное время, для слѣдованія въ Куйвастъ, къ намъ прибыли Командующій Флотомъ, Генералъ-Адъютантъ Н. І. Ивановъ и Начальникъ Дивизіи. Генералъ-Адъютантъ Ивановъ имѣлъ особое порученіе отъ Государя произвести инспектированіе всего берегового фронта и теперь желалъ объѣхать острова Даго и Эзель.

Мы на „Новикѣ" были очень довольны этимъ случаемъ и хотѣли имъ воспользоваться, чтобы узнать отъ такого авторитетнаго лица о дѣйствительномъ положеніи на фронтахъ. Во время обѣда въ каютъ-компаніи, мы все время старались навести Генерала на интересовавшую насъ тему, но онъ упорно не желалъ ее поддерживать; такъ мы рѣшительно ничего отъ него и не узнали. Правда, кое-что потомъ удалось узнать отъ лицъ его свиты, но это было слишкомъ мало, и мы были разочарованы.

Когда „Новикъ" пришелъ въ Куйвастъ, Генералъ-Адъютантъ Ивановъ немедленно уѣхалъ на берегъ, а Командующій Флотомъ произвелъ смотръ „Славѣ" и батареямъ острова Моона. Послѣ этого, онъ съ Начальникомъ Дивизіи пошелъ съ нами обратно въ Рогокюль.

Съ 29-го апрѣля до 19-го мая мы опять безпрерывно стояли у стѣнки въ Рогокюльской гавани, и никто насъ не тревожилъ.

Въ эти дни жизнь на миноносцѣ протекала очень однообразно.

Обыкновенно команду будили часовъ въ шесть, а офицеры вставали къ подъему флага — къ восьми часамъ. Съ 8 до 8½ всѣ пили кофе, обсуждая событія за истекшую ночь, о которыхъ узнавалось по принятымъ ночью телеграммамъ. Если же новостей не было, тогда разговоръ какъ-то не клеился: всѣ грустно предвкушали скучный, монотонный день.

Съ 9 до 11½ часовъ шли судовыя работы или ученія. Въ это время что-нибудь чинилось, ремонтировалось и налаживалось: чистились орудія, прокачивались мины и т. д. Главнымъ образомъ всегда было много работы у машинной команды, такъ какъ нѣжные механизмы миноносца, находясь въ частомъ употребленіи, требовали за собою неустаннаго ухода. Необходимость всегда быть въ полной боевой готовности заставляла особенно тщательно слѣдить за состояніемъ всѣхъ механизмовъ и вооруженія.

До обѣда время проходило довольно незамѣтно. Въ 11½ часовъ давался сигналъ окончить работы. Тогда команда подметала палубу и мыла руки, и если было тепло – разрѣшалось купаться. Одновременно я, какъ старшій, офицеръ представлялъ командиру „пробу", т. е. котелокъ со щами, которыя команда должна была ѣсть за обѣдомъ. Послѣ того, какъ командиръ одобрялъ „пробу", она обыкновенно приносилась въ каютъ-

78. Ученіе у минныхъ аппаратовъ.

79. Провѣрка минъ Уайтхеда.

компанію, гдѣ ея уже поджидали всѣ офицеры. Разыгравшіеся аппетиты брали свое, и, черезъ пять минутъ, отъ вкусныхъ командныхъ щей ничего уже не оставалось.

Въ полдень, весь миноносецъ обѣдалъ. Всѣ офицеры, включая и командира, обѣдали вмѣстѣ. Велись оживленные, хотя и порядкомъ уже всѣмъ пріѣвшіеся, разговоры. Темами обыкновенно служили, прежде всего, текущія событія; если ничего интереснаго не было, то на сцену всплывали воспоминанія о старыхъ плаваніяхъ, встрѣчахъ, посѣщеніи заграничныхъ портовъ и т. д.

Послѣ обѣда, до двухъ часовъ, можно было отдыхать, и многіе офицеры, въ особенности постарше, были не прочь часикъ вздремнуть; другіе же, если была хорошая погода, садились гдѣ-нибудь на палубѣ, грѣлись на солнышкѣ, курили, или сидѣли въ каютъ-компаніи, играя въ трикъ-тракъ, шашки и шахматы.

Въ 1½ часовъ будили команду, и она пила чай; то же дѣлали и офицеры. Въ 2 часа команда опять строилась во фронтъ для разводки по работамъ. Разъ въ недѣлю, обыкновенно по четвергамъ, устраивалось такъ называемое „чемоданное ученіе", которое очень любила команда. Тогда на верхнюю палубу выносили парусиновые чемоданы, въ которыхъ она хранила свои вещи, и все изъ нихъ вытаскивалось, развѣшивалось и провѣтривалось. Команда чинила, штопала и приводила въ порядокъ свое бѣлье.

Такъ шло время до 6 часовъ, когда всѣ садились ужинать. Иногда пріѣзжали въ гости офицеры съ сосѣднихъ кораблей, и это уже вносило нѣкоторое разнообразіе.

Самымъ интереснымъ моментомъ въ теченіи дня было полученіе почты. Почта, вообще, есть святая святыхъ на корабляхъ, и о ней очень тщательно заботятся. Она передается непосредственно въ руки старшему офицеру, который самъ ее разбираетъ и раздаетъ письма офицерамъ, а командѣ передаетъ черезъ фельдфебелей. Съ почтой получались письма и газеты, т. е. то единственное, что насъ связывало съ остальнымъ міромъ, и изъ чего мы узнавали всѣ новости внѣшней жизни.

А потомъ — опять сидѣніе по каютамъ, или въ каютъ-компаніи, чтеніе книгъ, чай, игра въ различныя игры, иногда — на роялѣ, и пѣніе, а около 11 часовъ — спать, чтобы и слѣдующій день провести, какъ предыдущій. . .

Въ это время шли спѣшныя работы по укрѣпленію Ирбенской позиціи. Было поставлено огромное количество минъ и сѣтей съ мелкосидящихъ тральщиковъ и теплоходовъ. Всѣ эти постановки были очень трудно выполнимы и сопряжены съ большимъ рискомъ, такъ какъ очень много минъ уцѣлѣло съ прошлаго года. Во всякомъ случаѣ на это нельзя было употреблять миноносцы, сидѣвшіе до 12 футъ.

При этомъ не обошлось и безъ несчастья. 14-го мая тральщикъ „№ 5", протраливая фарватеръ въ Ирбенскомъ проливѣ, наскочилъ на мину, она взорвалась, и черезъ минуту онъ затонулъ. Изъ экипажа спаслось только 11 матросовъ и 3 офицера, и то почти всѣ они были тяжело ранены.

Наряду съ этими работами, приступлено къ прорытію въ Моонзундѣ канала для проводки большихъ кораблей.

Первоначально онъ долженъ быть доведенъ только до глубины 30 футъ чтобы какъ можно скорѣе получить возможность ввести „Цесаревича" и крейсера, а также вывести для ремонта и отдыха „Славу". Но потомъ его предполагается еще углубить до 40 футъ.

За работу принялись очень энергично, и въ Моонзундъ стянуто болѣе сорока землечерпалокъ, которыя работаютъ день и ночь; работа быстро подвигается впередъ.

Для обороны Рижскаго залива этотъ каналъ имѣетъ огромное значеніе и совершенно мѣняетъ общее положеніе. Если же еще удастся глубину его довести до 40 футъ, то непріятелю можетъ быть придется считаться и съ нашими дредноутами.

15-го мая произошла еще одна катастрофа, но ужъ въ Финскомъ заливѣ. На тральщикѣ „Взрывъ", во время постановки загражденія, на палубѣ взорвался противотральный патронъ. Отъ этого детонировала тутъ же находившаяся мина, а затѣмъ и другая. Тральщикъ получилъ огромную пробоину въ кормѣ и почти моментально затонулъ. При этомъ было много жертвъ — погибъ руководитель постановки Мичманъ Поповъ, 3 — кондуктора и 29 — матросовъ. Этотъ случай

доказываетъ, насколько опасны такого рода работы, и что, слѣдовательно, руководство ими слѣдуетъ поручать только весьма свѣдущимъ лицамъ.

Въ связи съ этой катастрофой, невольно вспоминается аналогичный случай, тоже во время постановки минъ загражденій. Онъ имѣлъ мѣсто въ самомъ началѣ войны, на миноносцѣ „Генералъ Кондратенко", и кончился благополучно только благодаря находчивости и храбрости миннаго офицера, Лейтенанта В. Е. Эмме.

1-го августа 1914 года Полу-Дивизіонъ Особаго Назначенія, получилъ приказаніе поставить добавочное загражденіе на Центральной позиціи. Принявъ мины, онъ вышелъ выполнить полученное приказаніе. Прійдя къ мѣсту постановки, миноносцы выстроились въ строй фронта, причемъ крайнимъ былъ „Сибирскій Стрѣлокъ", вторымъ „Генералъ Кондратенко", и затѣмъ — два остальныхъ.

Когда ужъ постановка началась, съ „Сибирскаго Стрѣлка" вдругъ замѣтили, что на „Кондратенко" произошло какое-то замѣшательство, и вся команда съ кормы бѣжитъ на носъ. На кормѣ остались только минный офицеръ и кондукторъ, которые надъ чѣмъ-то спѣшно работали. Вскорѣ, за кормой, была замѣчена всплывшая мина, колпаки которой то и дѣло показывались надъ водой. Еще черезъ нѣсколько мгновеній раздался взрывъ, сзади миноносца поднялся огромный столбъ воды и совершенно закрылъ всю корму. Когда онъ разсѣялся, было видно, что за бортомъ плаваетъ человѣкъ, и ему Лейтенантъ Эмме бросаетъ деревянную сходню; затѣмъ миноносецъ застопорилъ машины и спасъ тонущаго.

Оказалось, что, при сбрасываніи минъ, минрепъ одной изъ нихъ зацѣпился за срѣзъ фальшборта, и она стала тащиться за миноносцемъ, временами показывая свои колпаки надъ водой; часть ихъ оказалась сильно помятой.

Черезъ три-четыре минуты, достаточно было только растаять сахару, вставленному ввидѣ предохранителя, мина неминуемо должна была взорваться и оторвать „Кондратенко" корму. Минный офицеръ немедленно приказалъ командѣ бѣжать на носъ, а самъ съ кондукторомъ остался и сталъ спѣшно перерѣзать острогубцами стальныя проволоки минрепа.

Моментъ былъ самый критическій. Каждое мгновеніе можно было ждать взрыва, и тогда Лейтенантъ Эмме и кондукторъ неизбѣжно бы погибли.

Работа кипѣла. . . Однако минрепъ все еще не былъ перерѣзанъ, а время было на исходѣ. Казалось, еще секунда, и будетъ поздно. Но вотъ остались двѣ, три проволоки; наконецъ, и онѣ перерѣзаны. . . Мина отдѣлилась и стала отплывать отъ миноносца, но не успѣло разстояніе увеличиться и на

нѣсколько футъ, какъ раздался взрывъ. Корма миноносца высоко приподнялась, затѣмъ быстро опустилась и на нее обрушился потокъ воды. Со страшной силой Лейтенантъ Эмме былъ отброшенъ по палубѣ на нѣсколько саженей отъ кормы, а кондуктора выбросило за бортъ. Не растерявшись и тутъ, Лейтенантъ быстро вскочилъ на ноги и помогъ кондуктору спастись, бросивъ ему первое, что попалось подъ руки, т. е. деревянную сходню.

Въ этомъ случаѣ, Лейтенантъ Эмме спасъ миноносецъ и всѣхъ, находившихся на немъ, отъ вѣрной гибели. Какъ опытный спеціалистъ, онъ сейчасъ же понялъ, что послѣ снятія колпаковъ взрывъ неизбѣженъ, но ни одной минуты не поколебался рискнуть своей жизнью, чтобы перерѣзать минрепъ.

80. Эскадренный миноносецъ „Генералъ Кондратенко".

16-го мая произошла третья по счету катастрофа. Маленькая подлодка устарѣвшаго типа, „Сомъ", выйдя въ открытое море подкидать непріятеля, въ назначенное время не вернулась обратно. Потомъ уже выяснилось, что она подверглась на курсъ какого-то шведскаго парохода и, онъ ее протаранилъ. Всѣ подробности гибели, она погребла, конечно, вмѣстѣ съ собою, и никогда никто ихъ не узнаетъ. Въ гибели подлодокъ именно то и ужасно, что онѣ гибнутъ такъ, что никому ничего не извѣстно, гдѣ и какъ это произошло. Очевидно, что въ большинствѣ случаевъ, экипажъ подлодки сознаетъ свою гибель и, даже, нѣкоторое время живетъ, будучи заживо погребеннымъ, зная, что спасенія уже нѣтъ, и всѣ должны неизбѣжно погибнуть. Можно себѣ представить, какими ужасными драмами подъ водой сопровождается ихъ смерть, сколько изъ этихъ страдальцевъ сходитъ съ ума, и какія нечеловѣческія муки они при этомъ испытываютъ.

19-го мая, въ 4 часа утра, командиру было приказано идти въ Ревель. Воспользовавшись этимъ случаемъ, онъ рѣшилъ на пути испытать наши механизмы на большихъ ходахъ; все сошло очень хорошо. Слѣдующій день удалось посвятить стрѣльбѣ по буксируемому щиту, а 21-го мы пошли въ Гельсингфорсъ. На пути предполагалось опять произвести стрѣльбу, но помѣшалъ туманъ, и пришлось идти прямо въ Гельсингфорсъ.

Тамъ „Новикъ" простоялъ четыре дня, послѣ чего его послали обратно въ Моонзундъ. Когда мы ужъ были близко отъ Оденсхольма, то получили радіо Начальника Дивизіи, въ которомъ онъ приказывалъ намъ идти въ Ревель. Пришлось повернуть назадъ, и въ 1 часъ дня мы вошли въ гавань и ошвартовались къ „Сибирскому Стрѣлку".

Эти дни всѣ газеты полны телеграммами о боѣ между англійскимъ и германскимъ флотами, происшедшемъ 18—19 мая у береговъ Ютландіи. Англичане потеряли въ немъ 3 — линейныхъ крейсера („Куинъ Мери", „Инвинсибль" и „Индефатигабль"), 3 — броненосныхъ крейсера („Дефенсъ", „Блэкъ Принцъ" и „Варріоръ"), и 8 — эскадренныхъ миноносцевъ. Потери германскаго флота точно неизвѣстны. По нѣмецкимъ даннымъ, онѣ состоятъ всего изъ 1 — линейнаго корабля („Поммернъ"), 3 — легкихъ крейсеровъ („Висбаденъ", „Фрауенлобъ" и „Эльбингъ") и 5 — эскадренныхъ миноносцевъ. Едва-ли нѣмцы отдѣлались такъ легко. Вѣроятно, ихъ данныя сильно грѣшатъ противъ дѣйствительности. Но, какъ бы тамъ они ни скрывали потерь, рано или поздно, все станетъ извѣстно. Будемъ ждать подробностей отъ нашего Штаба, помимо офиціальныхъ сообщеній и газетныхъ слуховъ.

28-го мая „Новикъ" долженъ былъ пойти въ походъ совмѣстно съ „Побѣдителемъ", „Громомъ" и „Орфеемъ". Въ полдень назначеннаго дня, Начальникъ Дивизіи перенесъ къ намъ свой флагъ, и мы готовились уже выйти въ море, но произошла неожиданная задержка. Оказалось, что „Громъ" не успѣлъ выйти изъ дока, а у „Побѣдителя" что-то испортилось въ машинѣ. Въ концѣ концовъ удалось выйти изъ гавани только въ 2 часа, и то — безъ „Грома".

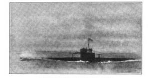
Когда отрядъ уже былъ въ морѣ, командиръ объявилъ намъ, что мы идемъ для уничтоженія каравана непріятельскихъ пароходовъ, идущаго изъ Лулео въ Германію. Этотъ караванъ, состоящій изъ пяти пароходовъ съ грузомъ руды, сегодня, въ 7 часовъ вечера, будетъ въ районѣ Ландсорта. Идетъ онъ подъ конвоемъ четырехъ вооруженныхъ сторожевыхъ судовъ, одного вспомогательнаго крейсера и нѣсколькихъ небольшихъ миноносцевъ.

Чтобы задержать караванъ, кромѣ нашей флотиліи выйдетъ еще Бригада Крейсеровъ, въ составѣ „Рюрика", „Олега" и

„Богатыря". Оба нашихъ отряда должны обнаружить караванъ и, вступивъ съ нимъ въ бой, уничтожить.

Погода стояла штилевая, но мѣстами былъ туманъ. До Дагерорта флотилія дошла удачно, имѣя все время 24 узла хода; но дальше дѣло пошло хуже. Стало выясняться, что, изъ-за тумана въ шхерахъ, крейсера не могли своевременно выйти въ море, а у „Орфея", входившаго въ составъ нашей флотиліи, испортились три вентиляторныхъ машинки, и онъ сталъ сильно отставать.

Эти два обстоятельства сдѣлали то, что отрядъ неизбѣжно долженъ былъ опоздать къ мѣсту встрѣчи съ караваномъ. Слѣдовательно, ничего больше не оставалось, какъ вернуться обратно. Начальникъ Дивизіи такъ и сдѣлалъ. Онъ отпустилъ

81. Англійская подводная лодка „Е 18".

„Побѣдителя" и „Орфея" въ Ревель, а самъ на „Новикъ" пошелъ въ Рогокюль. На этотъ разъ не повезло: помѣшали различныя обстоятельства, а главное — туманъ. Будемъ надѣяться, что слѣдующая попытка будетъ удачнѣе.

Вернувшись въ Рогокюль, Адмиралъ перехалъ на „Сибирскій Стрѣлокъ", а мы остались на якорѣ ждать повторенія операціи.

Среди событій, имѣвшихъ большое значеніе въ тотъ моментъ, надо отмѣтить гибель англійской подлодки „Е 18". Она вышла въ море три недѣли тому назадъ и обратно не возвращалась, а потому не могло быть сомнѣнія, что она погибла.

Въ послѣдній походъ, „Е 18" удалось 13-го мая, въ 4 ч. 42 м. дня, въ разстояніи 30 миль отъ Либавы, обнаружить противника. Миноносецъ, который подлодка немедленно атаковала, былъ новаго типа. Мина попала ему въ бортъ, впереди

командного мостика. О происшедшемъ она сейчасъ же донесла по радіо.

Спустя нѣкоторое время, Начальникъ Службы Связи сообщилъ интересныя подробности о результатѣ атаки подлодки „Е 18". Оказалось, что у этого миноносца былъ совершенно оторванъ носъ, который однако затонулъ не сразу, а нѣкоторое время плавалъ, пока изъ него не вышелъ воздухъ. Во время взрыва, въ носовомъ помѣщеніи находилась часть команды, которая, такимъ образомъ, была заживо погребена. Самъ же миноносецъ былъ спасенъ.

Много позднѣе, уже во время печатанія настоящаго труда, изъ авторитетныхъ германскихъ источниковъ было получено

82. Носъ миноносца „V 100", оторванный миной подлодки „Е 18" (съ фот. Ф. Финке).

полное подтвержденіе данныхъ Адмирала Непенина. Этотъ миноносецъ былъ — „V 100". Дѣйствительно, на немъ погибло 12 человѣкъ команды, попытки спасти которыхъ не увѣнчались успѣхомъ. Несмотря на столь тяжкія поврежденія, „V 100" былъ доведенъ до гавани. Потомъ ему придѣлали новый носъ, и онъ продолжалъ служить въ строю.

На слѣдующій день, въ полночь, Адмиралъ опять перенесъ къ намъ свой флагъ и переѣхалъ со своимъ штабомъ.

Въ 2 часа утра на 31-ое мая „Новикъ" вышелъ въ море и пошелъ черезъ Гангэ въ Люмъ. На пути мы соединились съ „Побѣдителемъ" и „Громомъ" и въ 10 часовъ 30 минутъ утра встали на якорь въ Люмѣ, гдѣ стояла 1-ая Бригада Крейсеровъ.

Выяснивъ всѣ детали похода съ Начальникомъ Бригады Крейсеровъ, Адмиралъ Колчакъ собралъ у насъ на „Новикѣ", совѣщаніе командировъ миноносцевъ.

Въ 1 часъ 30 минутъ дня, Бригада Крейсеровъ, въ составѣ „Рюрика", „Олега" и „Богатыря", конвоируемая 6-мъ и 7-мъ Дивизіонами Миноносцевъ, стала сниматься съ якоря. Черезъ полчаса снялись и наши миноносцы.

Быстро нагнавъ крейсера, мы пошли впереди ихъ. Въ открытомъ морѣ, отрядъ отдѣлился отъ Бригады и взялъ курсъ на Ландсортъ. Крейсера же пошли нѣсколько южнѣе насъ.

83. Походъ къ Ландсорту.

Около полночи, находясь уже близко отъ Ландсорта, мы увидѣли на горизонтѣ караванъ пароходовъ, шедшій съ открытыми огнями. Между пароходами были замѣтны какіе-то маленькіе силуэты, которые мы приняли за миноносцы. Всего удалось насчитать 10–12 судовъ, но разобраться въ ихъ типѣ было еще невозможно.

Недолго думая, Начальникъ Дивизіи приказалъ дать полный ходъ, и миноносцы быстро стали сближаться съ карананомъ.

Передъ Адмираломъ возникла дилемма, дѣйствительно ли это германскіе пароходы, а не шведскіе, такъ какъ имѣлись свѣдѣнія, что и шведы тоже, изъ предосторожности, конвоируютъ свои коммерческія суда. Если бы это было такъ, то могъ произойти непріятный конфликтъ.

Чтобы какъ-нибудь выяснить вопросъ, Адмиралъ рѣшилъ дать выстрѣлъ и посмотрѣть, какъ отнесутся къ этому суда, конвоирующія караванъ.

Выстрѣлъ былъ данъ, но, по крайней мѣрѣ наружно, онъ никакого впечатлѣнія не произвелъ, и караванъ продолжалъ спокойно идти дальше. Тогда Адмиралъ приказалъ дать второй выстрѣлъ, который произвелъ уже совсѣмъ другой эффектъ. Съ одного изъ судовъ взвилась бѣлая ракета, потомъ красная и опять бѣлая, и между пароходами стало замѣтно сильное смятеніе.

Тогда всякія сомнѣнія исчезли, и Адмиралъ приказалъ открыть огонь, сосредоточивъ его по переднимъ пароходамъ.

Однако, очень близко къ каравану мы не подходили, такъ какъ существовало предположеніе, что вспомогательныя суда, конвоирующія пароходы, вооружены весьма крупной артил-

лерiей, а кромѣ того, какъ уже упоминалось, среди конвоировъ были замѣчены миноносцы.

По мѣрѣ того, какъ наши миноносцы стрѣляли, среди судовъ каравана, были видны пожары и взрывы, что несомнѣнно свидѣтельствовало объ удачномъ дѣйствiи нашей артиллерiи. Среди каравана возникла сильная паника. Видно было, какъ кто-то безпорядочно сталъ свѣтить прожекторомъ, кто-то слабо стрѣлялъ, неизвѣстно по какой цѣли, и всѣ пароходы сбились въ невообразимую кучу. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ рѣшилъ воспользоваться Адмиралъ и приказалъ „Новику" выпустить двѣ мины. Достигли ли онѣ цѣли, трудно было сказать, но въ тотъ же моментъ одинъ изъ пароходовъ ярко загорѣлся и сталъ сильно парить.

Тѣмъ временемъ наша флотилiя все продолжала стрѣлять, стараясь обойти караванъ, чтобы не дать возможность пароходамъ спрятаться въ территорiальныя воды Швецiи. Вдругъ было замѣчено, что отъ каравана отдѣлились какiе-то силуэты и, прикрываясь дымовой завѣсой, пошли на сближенiе съ нами. Это были миноносцы. Адмиралъ сейчасъ-же приказалъ прибавить ходъ до 30 узловъ и сосредоточить по нимъ огонь. Вскорѣ миноносцы не выдержали нашего огня и повернули обратно. Мы стали подходить ближе къ каравану, который продолжалъ безпорядочно метаться. Большинство пароходовъ бросилось въ территорiальныя воды; остальные парили и старались уйти къ югу, и только одинъ стоялъ неподвижно. Повидимому, онъ былъ сильно поврежденъ. Адмиралъ рѣшилъ съ нимъ покончить, и мы направились къ нему. Подойдя на разстоянiе одного кабельтова, „Новикъ" выпустилъ мину, но она, ударившись о пароходъ, не взорвалась. Тогда выпустили вторую съ дистанцiи 3 кабельтовыхъ, но она опять не взорвалась, хотя было видно, что попала въ бортъ. Считая, что наши мины не въ порядкѣ, Адмиралъ приказалъ выпустить мины „Грому". Тотъ это сдѣлалъ съ разстоянiя въ одинъ кабельтовъ отъ судна, но опять обѣ выпущенныя мины, попавъ въ цѣль, не взорвались. Только когда „Громъ", отойдя кабельтовыхъ на восемь, выпустилъ мину, она, наконецъ, взорвалась въ кормѣ парохода. Послѣ этого онъ сталъ медленно тонуть, причемъ въ носу у него былъ виденъ пожаръ, а изнутри слышались частые взрывы.

Къ этому времени бой прекратился, и „Новикъ" занялся спасенiемъ погибавшихъ людей, которые плавали вокругъ насъ на различныхъ обломкахъ, разбитыхъ шлюпкахъ и просто въ водѣ, неистово взывая о помощи. Спасать было очень трудно. Времени было дано мало и шлюпокъ спустить было нельзя. Приходилось лишь бросать концы, подтягивать къ борту тонувшихъ людей, и такимъ образомъ вытаскивать ихъ на палубу. Удалось спасти всего 9 человѣкъ. Невольно вспоминается, какъ къ борту

былъ подтянутъ одинъ очень грузный матросъ въ спасательномъ поясѣ. Онъ сильно окоченѣлъ и еле могъ двигать своими членами, такъ что наши люди начали вытаскивать его съ большимъ трудомъ. Какъ разъ въ этотъ моментъ, „Новикъ" далъ ходъ, и матросъ, не удержавшись, сорвался съ штормъ-трапа и упалъ въ воду, чуть не стянувъ съ собою и одного нашего матроса; потомъ его быстро затянуло подъ винты, и онъ погибъ. Вообще то была ужасно тяжелая картина, и всѣхъ беапомощно плававшихъ людей хотѣлось непремѣнно спасти; ихъ вопли еще на долго останутся въ памяти у насъ. Тратить же больше времени Адмиралъ не могъ, такъ какъ получилъ предупрежденіе, что въ этомъ районѣ находится непріятельская подлодка, и что какія-то суда вышли на выручку каравана.

Отъ спасенныхъ плѣнныхъ удалось узнать, что они всѣ со вспомогательнаго крейсера „Германъ", который конвоировалъ пароходы и былъ вооруженъ двумя орудіями небольшого калибра. Спеціально служа для борьбы съ подлодками, онъ имѣлъ для непотопляемости воздушный балластъ.

Въ 12 часовъ 45 минутъ все было кончено. Тѣ пароходы, которые уцѣлѣли, забрались въ шведскія воды, и ихъ преслѣдовать больше было нельзя. Мы стали уходить.

До 2 часовъ ночи отрядъ шелъ по направленію Ландсорта. Около этого времени, стоя на вахтѣ, я увидѣлъ впереди самодвижущуюся мину (торпеду), которая плавала параллельно нашему курсу. Я сейчасъ-же доложилъ объ этомъ командиру и Адмиралу, и онъ, предполагая, что мы атакованы непріятельской подлодкой, приказалъ прибавить ходъ и измѣнить курсъ. Въ этотъ моментъ мы замѣтили еще одну мину, и опять на нашемъ курсѣ. Тогда ужъ больше не было сомнѣнія, что „Новикъ" дѣйствительно атакованъ подлодкой, хотя кругомъ рѣшительно ничего не было видно. Очевидно, она ошиблась въ опредѣленіи нашего хода и дистанціи, или просто не успѣла выйти на позицію.

Около 4 часовъ утра мы увидѣли наши крейсера и присоединились къ нимъ, а черезъ нѣсколько времени Адмиралъ рѣшилъ отдѣлиться и идти мимо Дагерорта въ Моонзундъ. Какъ разъ въ это время съ „Рюрика" замѣтили перископъ. Бригада успѣла уклониться, и подлодкѣ не удалось ея атаковать.

Продолжая идти, около 10 часовъ, Адмиралъ получилъ радіо, что у Дагерорта держатся двѣ непріятельскія подлодки. Тогда, не желая подвергать суда излишнему риску, онъ рѣшилъ идти черезъ Утэ въ Люмъ.

Когда миноносцы и крейсера стояли уже на якорѣ въ Люмѣ, была получена телеграмма, что на фарватерѣ отъ Утэ, по ко-

торому мы только что всѣ прошли, тральщики обнаружили минное загражденіе и видѣли подлодку.

При сопоставленіи всѣхъ этихъ данныхъ, получалось впечатлѣніе, что у входа въ Финскій заливъ сконцентрировалась цѣлая масса подлодокъ, и что наши корабли только случайно избѣжали опасности.

Въ Люмѣ Адмиралъ собралъ совѣщаніе изъ командировъ своихъ миноносцевъ для выясненія результата боя, какъ онъ представлялся съ отдѣльныхъ миноносцевъ. На этомъ совѣщаніи командиры пришли къ выводу, что потоплено не менѣе трехъ судовъ. Такой результатъ, можетъ быть, и нельзя считать слишкомъ блестящимъ, но, принимая во вниманіе всѣ превходящія обстоятельства, какъ-то преувеличенныя агентскія

84. Возвращеніе миноносцевъ послѣ разгрома непріятельскаго каравана у Ландсорта.

свѣдѣнія о силахъ конвоя, темноту и близость шведскихъ территоріальныхъ водъ, все же можно считать его удовлетворительнымъ. Конечно, подсчетъ результатовъ съ нашей стороны былъ очень приблизителенъ; могло быть, что они были значительно больше. Во всякомъ случаѣ приходилось ждать полученія свѣдѣній съ другой стороны, и тогда только было возможно составить себѣ общую картину. Къ вечеру уже получились первыя свѣдѣнія, что изъ судовъ, конвоировавшихъ караванъ, погибло два вспомогательныхъ крейсера. Въ это число, очевидно, входилъ „Германъ“ и корабль, въ который, повидимому, попали наши мины.

Остатокъ этого дня и ночь отрядъ простоялъ на якорѣ въ Люмѣ, а на слѣдующее утро, 2-го іюня, пошелъ въ Рогокюль. Выйдя у Гангэ изъ шхеръ, Адмиралъ отпустилъ „Побѣдителя“ и „Грома“ въ Ревель, а самъ благополучно вошелъ въ Моонзундъ.

XVIII.

Походъ 2-ой Бригады Крейсеровъ и 1-го Дивизіона Миноносцевъ. Содѣйствіе XII Арміи у Риги. Посадка на камни „Новика“. Пріобрѣтеніе кораблей у Японіи. Подробности Ютландскаго боя. „Новикъ“ въ докѣ. Назначеніе Адмирала А. В. Колчака Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ. Вице-Адмиралъ А. В. Колчакъ. Его предыдущая дѣятельность. Гибель „Добровольца“ и подрывъ „Донского Казака“. Конецъ ремонта „Новика“.

Въ 4 часа дня, 2-го іюня, „Новикъ“ пришелъ въ Рогокюль, и Адмиралъ сейчасъ-же перенесъ свой флагъ на „Сибирскій Стрѣлокъ“, мы же опять начали скучное стояніе.

4-го іюня получились ужъ болѣе подробныя свѣдѣнія о разгромленномъ нами караванѣ: онъ состоялъ изъ 13 — пароходовъ, 6 — вооруженныхъ тральщиковъ, 1 — вспомогательнаго крейсера и 3 — миноносцевъ; изъ этого числа въ конечномъ результатѣ не досчитывалось пяти кораблей. Это ужъ нѣсколько мѣняло всю картину. Оказалось, что мы нанесли больше потерь, чѣмъ ожидали сами.

7-го іюня командиръ рѣшилъ выйти въ море и испробовать, какъ будутъ дѣйствовать воздушные насосы съ новыми крылатками. Испытаніе прошло очень удачно; миноносецъ легко развилъ 30 узловъ; насосы работали очень хорошо. Послѣ испытанія мы хотѣли воспользоваться случаемъ и пристрѣлять наши новыя мины, но, когда подошли къ острову Руно, вдругъ такъ засвѣжѣло, что пришлось возвращаться въ Рогокюль. Къ вечеру вѣтеръ перешелъ въ штормъ, который продолжался два дня и былъ настолько силенъ, что даже на рейдѣ у Рогокюля развело сильную волну. Насъ начало дрейфовать: пришлось отдать второй якорь.

Къ 9-му іюня, наконецъ, стало стихать; волненіе совсѣмъ улеглось. Въ этотъ день, въ Моонзундъ, для ознакомленія съ нашей организаціей защиты Рижскаго залива пришелъ на „Пограничникѣ“ Контръ-Адмиралъ англійской службы, Виллиморъ. Это внесло нѣкоторое разнообразіе въ нашу нудную

жизнь, и мы передавали другъ другу его разсказы о западномъ фронтѣ и англійскомъ флотѣ.

„Новикъ“ все еще стоялъ въ Рогокюлѣ, а остальные миноносцы несли дозоры на Ирбенской позиціи. Это, конечно, не означало, что вообще дѣятельность въ Рижскомъ заливѣ замерла; напротивъ, все время продолжали вестись крупныя работы по усиленію позиціи, и она была ужъ въ значительной степени сильнѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Одной изъ самыхъ крупныхъ работъ, имѣвшей огромное значеніе для обороны, надо было считать завершавшееся прорытіе въ Моонзундѣ канала для судовъ съ осадкой до 30 футъ. Кромѣ того, еще прорывался каналъ въ Соэло-Зундѣ (проливъ между Даго и Эзелемъ) для миноносцевъ съ осадкой до 16 футъ, благодаря чему, они получали возможность выйти въ море помимо Ирбенскаго пролива или Дагерорта. Также спѣшно заканчивался цѣлый рядъ батарей на островахъ Моонъ, Эзель, Даго и полуостровѣ Вердеръ. Вообще, организаціонная работа кипѣла, и защита Рижскаго залива съ каждымъ днемъ становилась все сильнѣе и сильнѣе. Непріятелю теперь ужъ не такъ легко было бы форсировать позицію.

13-го іюня надъ Ирбенскимъ проливомъ произошелъ воздушный бой, въ которомъ нашимъ летчикамъ удалось уничтожить непріятельскій гидропланъ.

16-го іюня была предпринята вторая операція по уничтоженію каравановъ пароходовъ. На этотъ разъ для нея былъ назначенъ совсѣмъ особый составъ судовъ: крейсера „Громобой“ и „Діана“, подъ флагомъ Вице-Адмирала А. П. Куроша, миноносцы „Доброволецъ“, „Москвитянинъ“, „Эмиръ Бухарскій“, „Генералъ Кондратенко“ и „Охотникъ“, а также флотилія новыхъ миноносцевъ въ составѣ „Побѣдителя“, „Грома“ и „Орфея“, подъ командой Начальника 1-го Дивизіона.

Въ полночь на 17-ое іюня, 1-ый Дивизіонъ Миноносцевъ, находясь недалеко отъ шведскихъ береговъ, встрѣтилъ 8 непріятельскихъ миноносцевъ стараго типа. Начальникъ Дивизіона рѣшилъ не вступать съ ними въ бой и сталъ отступать на крейсера, предупредивъ Начальника Бригады, что наводитъ на него непріятеля. Адмиралъ Курошъ подпустилъ непріятельскіе миноносцы на дистанцію 50—55 кабельтовыхъ, и открылъ по нимъ ожесточенный огонь. Несмотря на это, одинъ изъ нихъ выскочилъ впередъ и выпустилъ мины, которыя однако не дошли кабельтовыхъ на 5—7. Увидѣвъ въ какой сильный огонь они попали, миноносцы окутались дымовой завѣсой, и послѣ этого обѣ стороны разошлись. На этомъ закончилась и операція; всѣ наши суда вернулись обратно.

Въ дѣйствіяхъ нашего отряда, насколько можно судить со стороны, очень многое не ясно. Не желая впадать въ кри-

тику, мы можемъ только сказать, что въ результатѣ непріятелю удалось выполнить свою задачу, т. е. защитить караванъ пароходовъ, несмотря на свою слабость по сравненію съ нашими силами. Нашъ же отрядъ не съумѣлъ выполнить поставленной ему задачи, и лица, имъ руководившія, не проявили ни настойчивости, ни предпріимчивости.

Во всякомъ случаѣ, мы на „Новикѣ" теперь были довольны, что насъ не взяли съ собой, а въ первый моментъ страшно обижались на это.

18-го іюня Адмиралъ получилъ срочную просьбу поддержать наши войска подъ Ригой и, забравъ съ собой „Славу", „Храбраго", „Грозящаго", 5-ый Дивизіонъ и „Войскового", на „Сибирскомъ Стрѣлкѣ" немедленно вышелъ туда. По слухамъ, дошедшимъ до насъ, начальство, столь долгожданное наступленіе нашихъ войскъ.

На слѣдующій день, согласно приказанію Начальника Дивизіи, всѣ оставшіеся суда перешли въ Куйвастъ.

21-го іюня вернулся Адмиралъ со всѣми судами изъ Риги. Ему удалось энергично обстрѣлять всю береговую полосу и нащупать батареи, которыя непріятель въ большомъ количествѣ построилъ для своей защиты съ моря. Удалось обнаружить 4", 6" и 9" батареи. Корректировка нашей стрѣльбы велась при помощи аэроплановъ, что вышло очень удачно. Вообще, Командующій Арміей остался очень доволенъ поддержкой, оказанной флотомъ.

Во время обстрѣла произошелъ воздушный бой трехъ нашихъ аэроплановъ съ тремя непріятельскими Фокерами. Нашимъ удалось сшибить два непріятельскихъ аппарата; одинъ изъ нихъ сѣлъ на воду и съ него были взяты въ плѣнъ летчикъ и механикъ, а другой упалъ въ районъ расположенія непріятельскихъ войскъ. Съ нашей стороны пострадалъ одинъ аппаратъ и, подбитый, упалъ въ море; летчикъ, Подпоручикъ Ивѣвковъ, и механикъ погибли.

22-го іюня намъ было объявлено, что ожидается прибытіе Командующаго Флотомъ, Адмирала Канина, который собирается произвести общій смотръ. Доставить Адмирала Канина въ Моонзундъ были посланы „Охотникъ" и „Пограничникъ". На слѣдующій день его еще не было, и только 24-го числа онъ пришелъ на „Пограничникѣ". Пріѣхавъ, Адмиралъ Канинъ немедленно отправился на автомобилѣ въ Аренсбургъ произвести тамъ смотръ войскамъ, а къ вечеру прибылъ обратно въ Куйвастъ.

25-го іюня, въ 8 часовъ утра, „Новикъ" поднялъ флагъ Начальника Дивизіи и со всей Дивизіей и „Славой" вышелъ на смотровое маневрированіе въ районъ острова Руно, гдѣ предполагалось, что долженъ произойти бой, въ случаѣ про-

рыва непріятеля въ заливъ. Командующій Флотомъ пошелъ на „Славѣ“, и съ нимъ пошелъ Адмиралъ Колчакъ. Маневрированіе было непродолжительно и несложно, но, повидимому, вполнѣ удовлетворило Адмирала Канина; по крайней мѣрѣ онъ вскорѣ поднялъ сигналъ, изъявлявшій особую благодарность силамъ Рижскаго залива. Послѣ этого всѣмъ было приказано возвратиться въ Рогокюль.

Вечеромъ командиръ получилъ изъ Гельсингфорса извѣщеніе, что для „Новика“ приготовленъ докъ, и Начальникъ Дивизіи разрѣшилъ намъ туда идти.

Въ эти дни мы узнали, что наше Правительство пріобрѣло у Японіи броненосцы „Сагами“ (б. „Пересвѣтъ“), „Танго“ (б. „Полтава“), крейсеръ „Сойя“ (б. „Варягъ“) и б. пароходъ Добровольнаго Флота „Орелъ“, нѣкогда входившій въ составъ эскадры Адмирала Рожественскаго, какъ госпитальное судно. Всѣмъ имъ возвращены старыя названія, за исключеніемъ „Танго“, который названъ „Чесмой“.

Эти корабли предназначаются для охраны побережья Сѣвернаго Ледовитаго Океана и пойдутъ въ Архангельскъ.

Передаютъ, что они сданы японцами въ такомъ запущенномъ видѣ, какъ въ отношеніи механизмовъ, такъ и вооруженія, что потребовался самый серьезный ремонтъ.

Вскорѣ послѣ этого, „Пересвѣтъ“, во время одного изъ своихъ пробныхъ выходовъ изъ Владивостока, сѣлъ на мель. Посадка была столь серьезна, что его пришлось совершенно разгрузить, и только послѣ мѣсячной упорной работы онъ, наконецъ, былъ снятъ.

Вообще, эта покупка не имѣетъ никакого боевого значенія. Было бы лучше на эти деньги купить хотя бы одинъ корабль, но болѣе современнаго типа.

А все-таки, какъ то пріятно, что эти корабли опять вернулись къ намъ, опять плаваютъ подъ нашимъ флагомъ. . .

26-го іюня, въ 4 часа утра, сдавши лишнюю нефть на транспортъ „Ольга“, мы вышли въ Гельсингфорсъ, совершенно не предполагая, что этотъ походъ будетъ сопряженъ для насъ съ очень тяжелыми, едва не ставшими роковыми, послѣдствіями.

По выходѣ въ море командиръ приказалъ дать полный ходъ и постараться достичь наибольшаго, на который „Новикъ“ только способенъ. Погода стояла штилевая и ясная, но у Оденсхольма вдругъ сталъ находить туманъ, который сгущался все больше и больше. Наконецъ мы оказались окруженными сплошной стѣной и летѣли 32-узловымъ ходомъ, ничего не видя впереди. Уменьшить ходъ было обидно, такъ какъ разстояніе до острова Наргена было небольшое, а мы расчитывали еще увеличить ходъ. У Пакерорта миноносецъ имѣлъ ужъ 33 узла. На наше счастье туманъ немного разсѣялся, такъ что можно было оп-

редѣлиться. Немного погодя, онъ опять сильно сгустился, и, опять ничего не видя, мы продолжали идти все тѣмъ же ходомъ. Только, когда по счисленію было уже близко отъ Наргена, командиръ уменьшилъ ходъ до 17 узловъ. Подойдя къ нему почти вплотную, передъ самымъ поворотомъ на фарватеръ вдоль острова, когда по нашимъ разсчетамъ намъ оставалось пройти еще 2 – 3 кабельтова, мы вдругъ увидѣли, вырисовывающіеся съ обѣихъ сторонъ въ туманѣ, какіе-то темные предметы. Въ первый моментъ мы ихъ приняли за буйки сѣтьевого загражденія, но тутъ же разобрали, что это камни; командиръ моментально далъ полный назадъ, но уже было поздно. Раздалось нѣсколько сильныхъ толчковъ, „Новикъ" вздрогнулъ и остановился. Командиръ сейчасъ-же остановилъ всѣ машины и раньше, чѣмъ что-либо предпринять, приказалъ хорошенько осмотрѣться, чтобы не ухудшить положенія, давая безъ толку различные хода. Послѣ тщательнаго осмотра выяснилось, что корма находится на чистой водѣ и подъ ней глубина 17 – 20 футъ, но, начиная съ носового турбиннаго отдѣленія и дальше до самаго отдѣленія мокрой провизіи, которое было расположено почти въ самомъ носу, корпусъ миноносца сплошь — на камняхъ.

Оріентировавшись въ положеніи, командиръ сталъ осторожно пробовать давать задній ходъ, причемъ выяснилось, что проворачивается только лѣвый винтъ, а другіе задѣваютъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ попытокъ, стало ясно, что самимъ сняться съ камней невозможно, и командиръ послалъ радіо съ просьбой выслать намъ на помощь сильные буксиры.

Мѣсто нашей аваріи было на восточномъ берегу острова Наргенъ. Когда туманъ разсѣялся, мы увидѣли, что нашъ носъ находится почти на самомъ берегу; съ него, почти буквально, можно было спрыгнуть на сухое мѣсто. На наше счастье, погода все продолжала быть штилевой, и это насъ спасло. Еслибы задулъ свѣжій вѣтеръ, да еще изъ W-ыхъ четвертей, тогда „Новика" сейчасъ-же начало бы бить о камни и, можетъ быть, спасеніе стало бы невозможнымъ.

Первая помощь подошла къ намъ въ 10 часовъ утра, черезъ два часа послѣ посадки. Это были три малосильныхъ буксира и таможенный крейсерокъ „Кондоръ". Всѣ четверо подали концы и начали насъ тащить, но они оказались слишкомъ слабыми, и „Новикъ" продолжалъ неподвижно стоять на мѣстѣ. Дальнѣйшія ихъ попытки стащить насъ кончились тѣмъ, что лопнули концы. Пришлось все бросить и ожидать прихода сильнаго буксира-ледокола „Петръ Великій". Наконецъ, въ полдень подошелъ и онъ. Къ намъ сейчасъ-же пріѣхалъ его капитанъ, чтобы обсудить, какъ лучше завести буксиры. Обсудивъ и взвѣсивъ всѣ обстоятельства, было рѣшено обвести

брагу вокругъ всего корпуса миноносца черезъ якорные клюзы, и для этого взять 400 саженный 6" стальной перлинь. Началась лихорадочная работа. Мы всѣ, и матросы, и офицеры, работали безпрерывно въ теченіе 6 часовъ. Наконецъ перлинь былъ четыре раза обнесенъ кругомъ корабля, а каждый шлагъ обтянутъ шпилями и въ коуши на его концахъ введена скоба. „Петръ Великій" завелъ за нее свой буксиръ и потихоньку сталъ буксировать, но миноносецъ не тронулся; въ концѣ-концовъ лопнулъ буксиръ. Пришлось заводить новый, но когда „Петръ" началъ опять тащить, лопнула скоба браги. Тогда въ третій разъ завели буксиръ и ввели новую скобу, впрягли съ обѣихъ сторонъ еще дополнительно по малому буксиру и кромѣ того мы сами, средней и лѣвой турбинами, стали давать малые задніе хода. Пока „Петръ" тащилъ плавно, ничего не выходило, „Новикъ" продолжалъ стоять безъ малѣйшаго движенія въ томъ же положеніи, какъ и былъ. Но когда онъ сталъ тянуть толчками, то послѣ перваго же толчка миноносецъ шевельнулся и началъ медленно сдвигаться. Дальше все шло легче и легче и, наконецъ, ровно въ полночь, онъ оказался на чистой водѣ.

Что мы перечувствовали и какъ перемучились за этотъ день, трудно себѣ представить. Боязнь за свой любимый корабль, за участь командира и уязвленное самолюбіе, все это смѣшалось вмѣстѣ, и общее настроеніе было подавленное. Понятно, съ какимъ облегченіемъ мы всѣ вздохнули, когда почувствовали первые признаки движенія миноносца, и все время только боялись, что опять могутъ лопнуть буксиры. Успокоились мы только тогда, когда почувствовали подъ собой чистую воду.

Когда „Петръ" отдалъ свой буксиръ, то брага, которая сильно обтянулась во время буксировки, всѣми своими шлагами упала на средній винтъ, и не было никакой возможности ее поднять. Безъ этого нельзя было дать ходъ ни одной турбиной. Провозившись съ этимъ довольно долго, все-таки пришлось подать буксиры „Петру Великому", и ему буксировать насъ до Гельсингфорса.

Изслѣдовавъ послѣ этого внутреннее дно, мы убѣдились, что оно повсюду совершенно цѣло, а, слѣдовательно, и всѣ механизмы невредимы, но все междудонное пространство отъ носового турбиннаго отдѣленія и до отсѣка мокрой провизіи сплошь наполнилось водой.

27-го іюня, въ 9 часовъ утра, „Новикъ" безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній, былъ прибуксированъ къ Сандвикскому доку и сейчасъ-же введенъ въ него. Къ вечеру вода изъ дока была выкачана и можно было приступить къ подробному осмотру полученныхъ нами поврежденій. Увы, то, что мы увидѣли было очень печально. Все днище, начиная съ турбиннаго отдѣленія

и до носа, было совершенно исковеркано, и много листовъ было прорвано камнями, которые такъ и застряли въ нѣкоторыхъ дырахъ.

Послѣ осмотра аваріи заводскими инженерами, они заявили, что, даже въ лучшемъ случаѣ, при очень спѣшной работѣ, имъ удастся закончить починку только въ шесть недѣль. Приходилось мѣнять всѣ исковерканные листы, выпрямить или замѣнить части шпангоутовъ, выпрямлять во многихъ мѣстахъ киль, потомъ прочеканить все днище и испробовать всѣ систерны на герметичность. Послѣднее было особенно важнымъ изъ-за того, что наше междудонное пространство служило въ то же время и нефтяными систернами. Слѣдовательно, недостаточная ихъ герметичность способствовала бы утечкѣ нефти.

Мы всѣ продолжали быть въ страшно угнетенномъ состояніи. Только то сочувствіе, съ которымъ было встрѣчено наше несчастье Командующимъ Флотомъ, Адмираломъ Колчакомъ и всѣми другими, немного смягчало наше горе.

Съ этого дня началось томительное доковое стояніе со всѣми его лишеніями и безпокойствами, въ особенности въ жаркое лѣтнее время. Весь день и всю ночь стоялъ невообразимый стукъ пневматическихъ зубилъ и молотковъ клепальщиковъ и чеканщиковъ, такъ что иногда даже разговаривать можно было съ трудомъ. Нестерпимая духота въ помѣщеніяхъ, грязь, съ которой было очень трудно бороться, и другія неудобства дѣлали жизнь страшно непріятной, а для старшаго офицера и старшаго механика совсѣмъ тяжелой. . .

Въ это время явилась возможность болѣе или менѣе ознакомиться съ подробностями Ютландскаго боя. Очень интересны были свѣдѣнія, присланныя нашимъ представителемъ на англійскомъ „Большомъ Флотѣ“.

Это былъ генеральный бой между величайшими въ мірѣ эскадрами новѣйшихъ кораблей, именно тотъ бой, котораго такъ жаждали англичане съ первыхъ дней войны. Казалось, что такого столкновенія уже и не произойдетъ, и что сильнѣйшіе флоты міра такъ себя ничѣмъ и не проявятъ. Дѣйствительно, они могли бы простоять всю войну въ портахъ и, находясь въ „полной готовности“ къ выходу въ море, все-таки не выйти. Со стороны германскаго флота это было бы вполнѣ логично. Какъ бы онъ ни былъ хорошъ въ смыслѣ организаціи и блестящихъ качествъ личнаго состава, но, численностью и вооруженіемъ кораблей, по крайней мѣрѣ вдвое былъ слабѣе англійскаго. Нѣмцы могли бы разсчитывать на побѣду только въ томъ случаѣ, еслибы англійскій флотъ былъ совершенно дезорганизованъ. Но онъ находился на должной высотѣ: и корабли, и личный составъ его были очень хороши. Германское командованіе все это отлично учитывало, а потому его флотъ

выходилъ въ море очень осторожно и избѣгалъ слишкомъ удаляться отъ своихъ укрѣпленныхъ позицій. Вѣдь, выйдя навстрѣчу англійскому флоту и принявъ бой, онъ рисковалъ быть разбитымъ, а тогда страна лишилась бы сразу главной защиты съ моря.

Какъ бы ни было, но германскій флотъ вышелъ, и у береговъ Ютландіи разыгрался упорный бой, самый гигантскій изъ всѣхъ, которые когда-либо были. Никогда еще не принимало участія въ бою такое большое количество такихъ большихъ кораблей. Тамъ было около 350 судовъ съ экипажемъ свыше 100,000 человѣкъ. Цусимскій бой меркнетъ передъ нимъ, а Трафальгаръ и Абукиръ кажутся дѣтской забавой.

Интересно, что нашъ Начальникъ Службы Связи, Контръ-Адмиралъ Непенинъ, за нѣсколько дней до боя предупредилъ англичанъ, что нѣмцы готовятся къ большому выходу въ Сѣверное море. Трудно, конечно, сказать, какое впечатлѣніе на англичанъ произвело предупрежденіе, но весьма возможно, что, благодаря ему, они въ день боя оказались въ морѣ.

Схематически бой рисуется въ такомъ видѣ.

18-го мая, въ 3 ч. 10 м. дня, англійскіе легкіе крейсера открыли непріятельскихъ развѣдчиковъ. Сейчасъ же, по полученіи этихъ свѣдѣній, Начальникъ эскадры линейныхъ крейсеровъ приказалъ дать полный ходъ и вслѣдъ за своими легкими крейсерами пошелъ навстрѣчу непріятелю. Въ его распоряженіи находились 1-ая и 2-ая эскадры линейныхъ крейсеровъ, всего — шесть кораблей. Кромѣ того къ нему были приданы 5-ая эскадра линейныхъ кораблей, подъ флагомъ Контръ-Адмирала Эвансъ-Томаса, а также три эскадры легкихъ крейсеровъ, по четыре корабля въ каждой, и около сорока миноносцевъ.

Немного спустя показалась непріятельская эскадра, состоявшая изъ пяти линейныхъ крейсеровъ, подъ флагомъ Вице-Адмирала Хиппера.

Въ 4 ч. 30 м., на дистанціи 93 кабельтова, завязался бой. Затѣмъ разстояніе варьировалось между 90 и 70 кабельтовыхъ. Ходъ былъ 28 узловъ. Англичане стрѣляли по отдѣльнымъ цѣлямъ, а нѣмцы — сосредоточеннымъ огнемъ по опредѣленнымъ кораблямъ.

Въ моментъ начала боя 5-ая эскадра линейныхъ кораблей находилась въ 10 миляхъ отъ мѣста боя.

Черезъ 16 минутъ уже стали сказываться результаты боя. Задній линейный крейсеръ „Индефатигабль" вышелъ изъ строя и сильно горѣлъ. Въ 5 ч. 04 м. на немъ произошелъ ужасный взрывъ, и онъ моментально затонулъ. Съ него спаслось только два человѣка.

Силы обѣихъ сторонъ сравнялись, но не надолго. Въ 5 ч. 08 м. 5-ая эскадра линейныхъ кораблей вступила въ бой на дистанціи 100 кабельтовыхъ.

Положеніе германцевъ сильно ухудшилось. Очевидно, чтобы временно уменьшить силу огня англійскихъ кораблей, Адмиралъ Хипперъ выпустилъ въ атаку свои миноносцы подъ прикрытіемъ легкаго крейсера „Регенсбургъ".

Они были встрѣчены убійственнымъ огнемъ и контръ-атакой 12 англійскихъ миноносцевъ, которые почти въ тоже время получили аналогичное приказаніе атаковать германскіе линейные крейсера.

Обѣ стороны сблизились до 5,5 кабельтовыхъ. Произошелъ жестокій бой, въ которомъ погибло два германскихъ миноносца.

Тремъ англійскимъ миноносцамъ („Несторъ", „Номадъ" и „Некаторъ") удалось прорваться черезъ непріятельскую цѣпь, и каждый изъ нихъ выпустилъ по двѣ мины въ линейные крейсера, такъ что послѣднимъ пришлось повернуть, чтобы избѣжать минъ. При этомъ миноносецъ „Номадъ" былъ выведенъ изъ строя. Такимъ образомъ, атака германскихъ миноносцевъ не удалась, а англичане отчасти достигли цѣли.

Приблизительно въ моментъ вступленія въ бой 5-ой эскадры линейныхъ кораблей, англійскій миноносецъ „Ландраилъ" замѣтилъ съ праваго борта „Ліона" перископъ. Одновременно, легкій крейсеръ „Ноттингамъ" увидѣлъ перископъ съ другого его борта. Благодаря этому, у англичанъ явилось предположеніе, что германскій Адмиралъ навелъ ихъ на позицію разставленныхъ подлодокъ.

Тѣмъ временемъ, артиллерійскій огонь достигъ своего наибольшаго напряженія.

Эскадра Контръ-Адмирала Эвансъ-Томаса сосредоточила огонь, главнымъ образомъ по концевымъ кораблямъ. Въ 5 ч. 18 м. загорѣлся германскій линейный крейсеръ типа „Мольтке", шедшій третьимъ.

Въ это время горизонтъ началъ портиться, и германскіе корабли стали очень плохо видны. Иногда приходилось цѣлиться только по вспышкамъ выстрѣловъ. Ввиду этого, Адмиралъ Битти, рѣшивъ уменьшить дистанцію, пошелъ на сближеніе.

Въ 5 ч. 30 м. произошелъ взрывъ на линейномъ крейсерѣ „Куинъ Мэри", и онъ стремительно затонулъ. Спаслось только два человѣка. Гибель „Куинъ Мэри" внесла нѣкоторое разстройство въ англійскій строй, такъ какъ заднимъ кораблямъ пришлось обходить мѣсто взрыва.

Въ 5 ч. 38 м., Адмиралъ Битти получилъ донесеніе легкихъ крейсеровъ, что на горизонтѣ открылись главныя силы против-

ника. Адмиралъ сейчасъ же повернулъ на сѣверъ, съ цѣлью навести противника на силы Адмирала Джеллико.

Для того чтобы прикрыть маневръ Адмирала Битти, 5-ая эскадра линейныхъ кораблей, усилила свой огонь по линейнымъ крейсерамъ Адмирала Хиппера. Когда маневръ былъ выполненъ, 5-ая эскадра тоже легла на сѣверный курсъ. Во время этого, германскіе крейсера старались сосредоточить огонь по кораблямъ, находившимся на циркуляціи.

Англійскія легкія силы тоже присоединились къ главной эскадрѣ, кромѣ 2-ой эскадры легкихъ крейсеровъ, продолжавшей идти на югъ, чтобы слѣдить за дѣйствіями противника.

По приближеніи своихъ главныхъ силъ, германскіе линейные крейсера стали въ ихъ головѣ.

Этимъ маневромъ закончился бой линейныхъ крейсеровъ, продолжавшійся въ теченіе часа.

Германскія главныя силы состояли изъ трехъ эскадръ линейныхъ кораблей, всего 21 корабль, и шли, имѣя въ головѣ корабли типа „Кенигъ".

Въ 5 ч. 57 м. начался бой на сѣверномъ курсѣ, который продолжался около часа.

5-ая эскадра линейныхъ кораблей подверглась сильному обстрѣлу 3-ей германской эскадры (линейные корабли типа „Кенигъ"). Другія двѣ германскія эскадры были еще слишкомъ далеки, чтобы принять участіе въ бою.

Германскіе корабли продолжали быть очень плохо видны, такъ что временами приходилось прекращать стрѣльбу.

Въ 6 ч. 45 м., Адмиралъ Битти послалъ легкіе крейсера и миноносцы въ атаку на непріятельскіе линейные корабли. Ихъ встрѣтилъ сильный отпоръ и контръ-маневръ непріятельскихъ легкихъ силъ. Англійскіе миноносцы при этомъ проявили удивительную храбрость.

Тѣмъ временемъ, Командующій англійскимъ „Большимъ Флотомъ" получилъ сообщеніе о появленіи германскаго флота и о вступленіи съ нимъ въ бой Адмирала Битти. Онъ далъ самъ полный ходъ и пошелъ ему навстрѣчу.

Подходъ „Большого Флота" къ мѣсту боя сильно задержался, такъ какъ Адмиралъ Битти, идя долго передъ этимъ южнымъ курсомъ, сильно удалился отъ главныхъ силъ. Для оказанія скорѣйшей поддержки, Адмиралъ Джеллико выдѣлилъ быстроходную 3-ью эскадру линейныхъ крейсеровъ, подъ флагомъ Контръ-Адмирала Гуда, и выслалъ ее впередъ. Кромѣ нея онъ также — послалъ эскадру броненосныхъ крейсеровъ, подъ командой Контръ-Адмирала Арбутнота, 4-ую эскадру легкихъ крейсеровъ и 4-ую флотилію миноносцевъ.

Въ 6 ч. 30 м. Адмиралъ Гудъ уже приблизился настолько къ мѣсту боя, что увидѣлъ вспышки выстрѣловъ. Посланный

имъ на развѣдку легкій крейсеръ „Честеръ“ былъ принужденъ вернуться, не выполнивъ порученія, изъ-за встрѣченнаго сопротивленія со стороны непріятельскихъ легкихъ крейсеровъ. Тогда, для того, чтобы не выйти позади мѣста боя, Адмиралъ рѣшилъ лечь на курсъ N.

Въ этомъ направленіи онъ встрѣтилъ германскіе легкіе крейсера „Висбаденъ“, „Франкфуртъ“, „Эльбингъ“ и „Ростокъ“. Обстрѣлявъ, онъ заставилъ ихъ отступить. Одинъ изъ снарядовъ попалъ „Висбадену“ въ машину, и онъ потерялъ возможность двигаться. Съ цѣлью его защитить, германскіе миноносцы бросились въ атаку и заставили крейсера Гуда повернуть.

Къ этому моменту подошли броненосные крейсера Адмирала Арбутнота, которые стали преслѣдовать германскіе легкіе крейсера. Въ своемъ увлеченіи Адмиралъ Арбутнотъ неожиданно попалъ подъ огонь линейныхъ крейсеровъ Адмирала Хиппера. Почти сейчасъ же, его флагманскій крейсеръ „Дефенсъ“ получилъ два большихъ снаряда въ середину корпуса, переломился пополамъ и погибъ вмѣстѣ съ Адмираломъ и всѣмъ экипажемъ. Крейсеръ „Блэкъ Принцъ“ былъ выведенъ изъ строя и, немного погодя, затонулъ. Третій крейсеръ „Варріоръ“ тоже получилъ сильное поврежденіе и вышелъ изъ строя.

Тѣмъ временемъ эскадры Адмирала Битти и Хиппера потеряли другъ друга изъ виду.

Въ 6 ч. 50 м., съ „Ліона“ (флагманскій корабль Адмирала Битти) увидѣли линейные корабли Адмирала Джеллико. Адмиралъ Битти прибавилъ ходъ до самаго возможнаго и повернулъ на востокъ, чтобы дать мѣсто своимъ главнымъ силамъ, а самому вступить въ ихъ голову. Разстояніе до непріятеля равнялось 60 кабельтовымъ. Тогда германскіе линейные крейсера понемногу стали склоняться на SW.

Въ 7 ч. 10 м. Контръ-Адмиралъ Гудъ увидѣлъ свои линейные крейсера, которые продолжали вести бой. Адмиралъ Битти приказалъ ему занять мѣсто въ головѣ своихъ силъ. Блестящимъ маневромъ, уже черезъ 11 минутъ, Адмиралъ Гудъ вступилъ на указанное мѣсто. Затѣмъ онъ безстрашно сблизился съ непріятелемъ на 40 кабельтовыхъ и своимъ огнемъ заставилъ передній крейсеръ „Лютцовъ“ измѣнить курсъ къ югу.

Бой достигъ высшаго напряженія.

Для того, чтобы смять голову противника и затруднить вступленіе въ бой „Большому Флоту“, нѣмцы сконцентрировали свой огонь по флагманскому кораблю Адмирала Гуда, „Инвинсибль“. Въ 7 ч. 30 м., на немъ вспыхнулъ пожаръ, произошелъ взрывъ, и онъ затонулъ. При этомъ погибли Адмиралъ, и весь экипажъ въ числѣ 780 человѣкъ, кромѣ шести спасенныхъ.

Въ 7 ч. 25 м., Контръ-Адмиралъ Нэпиръ со своими легкими крейсерами атаковалъ голову германскихъ главныхъ силъ. Крейсера „Фальмутъ“ и „Ярмутъ“ выпустили мины съ дистанціи 32 кабельтовыхъ по линейнымъ крейсерамъ, но ни одна мина не достигла цѣли.

Главныя силы англичанъ подходили къ мѣсту боя, въ нѣсколькихъ кильватерныхъ колоннахъ, для того, чтобы, въ зависимости отъ обстановки, было бы удобнѣе развернуться въ ту или другую сторону.

Чтобы въ туманѣ не проскочить мѣсто боя, Адмиралъ Джеллико, повернулъ на курсъ NW.

Едва только онъ установилъ связь съ линейными крейсерами Адмирала Битти, какъ опять легъ на прежній курсъ, стараясь какъ можно скорѣе съ ними соединиться. Маневръ занялъ много времени и, благодаря этому, Адмиралъ Джеллико могъ начать бой только значительно позже.

Эскадры „Большого Флота“, приближаясь къ мѣсту боя, располагались въ строѣ пелленга. Имъ пришлось пройти мимо все еще безпомощно плававшаго „Висбадена“. Этотъ несчастный крейсеръ снова былъ жестоко обстрѣлянъ 2-ой и 4-ой эскадрами линейныхъ кораблей. Онъ отвѣчалъ англичанамъ изъ своего послѣдняго орудія и вскорѣ, расстрѣлянный, пошелъ ко дну съ развѣвавшимся кормовымъ флагомъ. Съ него спасся только одинъ человѣкъ, котораго черезъ сорокъ часовъ подобралъ съ плота случайно проходившій коммерческій пароходъ.

Въ 6 ч. 55 м., главныя силы англичанъ уже подошли близко къ мѣсту боя, но изъ-за плохой видимости не могли стрѣлять, такъ какъ трудно было даже разобрать, какіе корабли — свои, а какіе — непріятельскіе.

Въ 7 ч., съ лѣваго борта открылись крейсера Адмирала Битти, а въ 7 ч. 06 м., съ праваго борта — линейные корабли 5-ой эскадры.

Немедленно Адмиралъ Битти занялъ мѣсто въ головѣ флота. Тоже самое стремился сдѣлать и Начальникъ 5-ой эскадры линейныхъ кораблей, Адмиралъ Эвансъ-Томасъ, но, изъ-за недостаточной скорости своихъ кораблей, не поспѣлъ и остался въ хвостѣ.

Въ 7 ч. 14 м., Битти донесъ по радіо Адмиралу Джеллико о расположеніи противника, который сталъ выстраивать тогда свой флотъ въ боевой порядокъ. Съ этого момента англійскія главныя силы начали бой на дистанціи 55—60 кабельтовыхъ. Сперва открыла огонь 1-ая эскадра линейныхъ кораблей, которая сосредоточила его по линейнымъ кораблямъ типа „Кенигъ“ и „Кайзеръ“. Еще черезъ 15 минутъ ввязалась въ бой 4-ая эскадра, на которой держалъ флагъ самъ Адмиралъ Джеллико, и послѣдней — 2-ая эскадра.

Въ самомъ концѣ колонны шелъ линейный корабль „Мальборугъ", подъ флагомъ замѣстителя Адмирала Джеллико — Вице-Адмирала Бурней.

Маневрируя, англійскій флотъ стремился охватить голову противника. Чтобы избѣжать этого маневра, германскій Адмиралъ повернулъ на W, очевидно, стараясь понемногу привести на параллельный курсъ. Этимъ постепеннымъ поворотомъ онъ несомнѣнно пытался парализовать дѣйствіе противника, благодаря которому онъ попадалъ въ критическое положеніе.

Съ цѣлью дать возможность своему флоту выравнять строй, германскіе миноносцы устроили дымовую завѣсу, подъ прикрытіемъ которой ему и удалось произвести перестроеніе.

Вслѣдъ затѣмъ германскій Командующій Флотомъ принялъ бой.

Когда противники уже вошли въ соприкосновеніе, голова германской колонны все еще находилась въ невыгодномъ положеніи, и линейные крейсера Адмирала Хиппера старались ее прикрыть.

Бой шелъ почти на параллельныхъ курсахъ и нѣсколько напоминалъ первую фазу Цусимскаго боя.

Сразу же сталъ сказываться перевѣсъ въ силахъ англичанъ. Англійскій флотъ стрѣлялъ очень хорошо. Германскіе корабли по временамъ совершенно закрывались огромными столбами воды отъ разрывовъ снарядовъ.

Огонь съ каждой минутой становился все болѣе и болѣе ожесточеннымъ. Гулъ орудій былъ слышенъ даже въ Норвегіи и на западномъ берегу Ютландіи.

Германскій флотъ отвѣчалъ очень энергично, доведя свой огонь до наибольшаго напряженія между 7 ч. 20 м. и 7 ч. 30 м. Отъ его огня больше всего пострадала 1-ая эскадра линейныхъ кораблей.

Въ 7 ч. 45 м., германскій линейный крейсеръ „Лютцовъ" не былъ уже больше въ состояніи держаться въ строю и, сильно отставъ, присоединился ко 2-ой эскадрѣ линейныхъ кораблей, шедшей въ хвостѣ. Поврежденія, полученныя имъ, были настолько серьезны, что ночью, на пути въ базу, онъ затонулъ. Флагъ Адмирала Хиппера съ „Лютцова" былъ перенесенъ на „Мольтке".

Къ моменту выхода „Лютцова" изъ строя, изъ-за плохой видимости, дистанція боя сократилась до 43 кабельтовыхъ. Стараясь еще болѣе сблизиться, англичане все время склонялись къ югу. Германскій Адмиралъ, которому было невыгодно такое сближеніе, старался этого не допустить, пуская въ атаку миноносцы и устраивая дымовыя завѣсы.

Благодаря измѣненіямъ курсовъ, англичане оказались позади противника.

Горизонтъ продолжалъ быть очень плохимъ, такъ что имъ ни разу не удалось увидѣть сразу всю непріятельскую линію. Лучше всѣхъ видѣла противника 5-ая эскадра линейныхъ кораблей, шедшая въ хвостѣ колонны, ввиду чего она могла безпрерывно поддерживать огонь.

Нѣмцамъ приходилось все хуже и хуже. Ихъ огонь слабѣлъ съ каждой минутой и становился все менѣе и менѣе мѣткимъ.

Въ 7 ч. 45 м., нѣмцы выпустили въ атаку миноносцы. Эта атака была очень энергична. Въ линейный корабль „Мальборугъ" попали двѣ мины. Однако, онѣ причинили ему сравнительно незначительныя поврежденія; онъ не измѣнилъ своего хода и почти сейчасъ же опять открылъ огонь.

Для отраженія атакъ, англичане сосредоточили по миноносцамъ огонь не только противоминной, но и крупной артиллеріи, не исключая 14″ и 15″ калибровъ.

Тѣмъ не менѣе, чтобы избѣжать минъ, имъ пришлось повернуть, и они потеряли изъ виду противника. На нѣкоторое время бой прекратился.

Въ 8 ч., англичане вновь открыли непріятеля, и бой возобновился. Положеніе германскаго флота опять стало критическимъ. Тогда германскій Адмиралъ снова пустилъ въ атаку миноносцы. Въ ней приняли участіе не только легкія силы, но и линейный крейсеръ „Дерффлингеръ" устремившійся полнымъ ходомъ на противника. Хотя они и были встрѣчены контръатакой, но все-же англичанамъ пришлось повернуть и прекратить огонь. Итакъ, атака достигла цѣли: нѣмцы могли легче вздохнуть.

Время склонялось къ вечеру, и горизонтъ окончательно сталъ плохимъ. Дневной бой прекратился. . .

Послѣ окончанія его, Адмиралъ Джеллико нѣкоторое время продолжалъ еще идти на югъ, а въ 10 ч., во избѣжаніе минныхъ атакъ, повернулъ на сѣверъ и пошелъ къ Хорнъ-Реву. При этомъ легкіе крейсера и миноносцы установили въ тылу флота охранную цѣпь.

Однако, силы Адмирала Битти все еще продолжали имѣть контактъ съ противникомъ, и когда, въ 8 ч. 45 м., онъ былъ потерянъ изъ виду, Адмиралъ приказалъ найти его 1-ой и 3-ей эскадрамъ легкихъ крейсеровъ.

Въ 9 ч. 20 м., Битти удалось открыть германскіе концевые корабли, по которымъ онъ и открылъ огонь. Во время перестрѣлки „Ліонъ", „Принцесса Ройяль", „Нью-Зеландъ" и „Индомитабль" произвели сильные пожары на трехъ большихъ корабляхъ.

Наконецъ, изъ-за темноты, Адмиралъ окончательно потерялъ непріятеля. Пройдя на SW до 10 ч. 24 м., онъ повер-

нулъ на тотъ же курсъ, на который легъ Джеллико, съ разсчетомъ, что на разсвѣтѣ ему опять удастся открыть непріятеля.

Ночью, очевидно ища англійскія главныя силы, на мѣстѣ дневного боя появились германскіе миноносцы. Но тамъ они нашли только безформенныя массы разбитыхъ за день кораблей, причемъ имъ удалось спасти еще часть державшихся на водѣ англичанъ. Во время этого между ними и англійскими миноносцами произошло нѣсколько столкновеній.

Англійскіе миноносцы тоже были высланы на поиски непріятельскихъ главныхъ силъ и произвели на нихъ рядъ дерзкихъ нападеній.

Въ 9 ч. 18 м., 11-ая флотилія миноносцевъ произвела атаку на корабли Адмирала Шеера. Эта атака была отбита; тогда она вступила въ бой съ миноносцами, изъ которыхъ одного потопила.

4-ая эскадра англійскихъ легкихъ крейсеровъ, служившая поддержкой 11-ой флотиліи, подъ сильнымъ огнемъ противника тоже пошла въ атаку, и ей удалось попасть миной въ одинъ изъ кораблей типа „Кайзеръ". Во время этого же боя она потопила четыре миноносца.

Послѣ 11 часовъ вечера начались уже непрерывныя атаки, которыя съ малыми промежутками продолжались до 2 часовъ. Въ атакахъ приняли участіе до 100 миноносцевъ, выпустившихъ не менѣе 500 минъ.

Англичане вели атаки какъ съ головы, такъ и съ хвоста колонны. Миноносцы поддерживались огнемъ легкихъ крейсеровъ. Германскіе корабли весьма удачно отбивали атаки, освѣщая прожекторами и самихъ атакующихъ, и слѣды шедшихъ минъ. Благодаря этому, имъ во время удавалось увертываться, ворочая или на мины, или отъ минъ. При этомъ былъ огромный рискъ столкновеній, такъ какъ корабли шли съ потушенными огнями и очень плохо видѣли другъ друга.

Во время ночныхъ атакъ особенно отличились 4-ая и 12-ая флотиліи миноносцевъ.

4-ая флотилія атаковала 1-ую германскую эскадру линейныхъ кораблей. Миноносцы шли въ атаки зигзагами, стараясь своей артиллеріей сбить непріятельскіе прожектора, чтобы тѣмъ и другимъ затруднить стрѣльбу противника.

Въ ночной темнотѣ завязался жестокій бой. Свѣтъ прожекторовъ, вспышки выстрѣловъ, безпрестанный гулъ орудій и взрывы минъ — все это въ своемъ сочетаніи создавало обстановку ада. Первой жертвой боя палъ флагманскій миноносецъ „Типперери". Кромѣ него пострадало еще пять миноносцевъ. Атаки каждаго отдѣльнаго миноносца были безумны по своей отвагѣ. Онѣ превзошли самыя пылкія мечтанія молодыхъ офицеровъ. Эти подвиги были достойны тѣхъ сѣдыхъ традицій,

которыми такъ всегда гордился англійскій флотъ. До чего доходила рѣшимость командировъ достигнуть наименьшей дистанціи показываетъ то, что одинъ изъ нихъ, въ пылу, даже столкнулся съ непріятельскимъ кораблемъ. Изъ атаки вышелъ неповрежденнымъ только одинъ миноносецъ.

По англійскимъ свѣдѣніямъ, довольно много торпедъ достигло цѣли.

12-ая флотилія миноносцевъ встрѣтила шесть германскихъ линейныхъ кораблей типа „Кайзеръ". Ей удалось незамѣченной появиться передъ ними и подойти на необходимую дистанцію. Миноносцы выпустили огромное количество минъ по второму и третьему кораблямъ въ строю, причемъ третій корабль моментально взлетѣлъ на воздухъ. Вѣроятно на немъ произошла детонація погребовъ.

Черезъ 20 минутъ послѣ атаки, миноносецъ „Менадъ" дерзко возвратился на тоже мѣсто, выпустилъ мины и попалъ въ четвертый корабль.

Въ 3 ч. 35 м., два миноносца принадлежавшихъ къ 13-ой флотиліи, открыли корабль типа „Поммернъ" и атаковали его. Послѣ взрыва онъ сейчасъ же затонулъ.

Въ теченіе ночи имѣли цѣлый рядъ столкновеній съ противникомъ и англійскіе легкіе крейсера. Обѣ стороны получили тяжелыя поврежденія, какъ отъ артиллерійскаго огня, такъ и отъ минъ.

Бой между англійскимъ и германскимъ флотами долженъ былъ обязательно возобновиться на разсвѣтѣ 19-го мая. Велико, вѣроятно, было изумленіе германскаго Адмирала, когда на утро онъ увидѣлъ пустой горизонтъ.

По англійскимъ донесеніямъ, въ этотъ день, утромъ, „Большой Флотъ" находился къ югу и западу отъ Хорнъ-Рева, разыскивая непріятеля и сосредотачивая свои легкія силы. Придя къ мѣсту вчерашняго боя, онъ не нашелъ тамъ ни одного непріятельскаго корабля. Ему удалось только спасти часть командъ съ погибшихъ миноносцевъ.

Въ 2 ч. 15 м., Адмиралъ Джеллико повернулъ по направленію своей базы и пришелъ туда 20-го мая.

По донесенію Джеллико, ему не удалось найти германскій флотъ, съ которымъ онъ хотѣлъ продолжать бой, а потому и принужденъ былъ вернуться.

Насколько англійскій Командующій старался въ этотъ день возобновить бой, судить трудно. Нѣмцы опредѣленно утверждаютъ, что англійскій флотъ не имѣлъ къ этому ни малѣйшаго поползновенія. Во всякомъ случаѣ, странно, что Адмиралъ Джеллико не съумѣлъ обнаружить германскій флотъ, который возвращался въ свою базу, имѣя очень серьезныя поврежденія.

По непонятнымъ соображеніямъ, англійское Адмиралтейство опубликовало о происшедшемъ боѣ только черезъ нѣсколько дней, когда уже по всей Англіи пополали тревожные слухи, говорившіе о пораженіи. Этому также много способствовало то, что первое официальное извѣстіе о боѣ принадлежало нѣмцамъ, которые привели въ немъ длинный списокъ англійскихъ потерь. Отсюда слѣдуетъ, какъ опасно не объявлять своевременно о тѣхъ или другихъ крупныхъ событіяхъ войны.

Общепризнанныя потери въ бою заключаются въ слѣдующихъ корабляхъ.

Съ германской стороны — линейный корабль „Поммернъ", линейный крейсеръ „Лютцовъ", легкіе крейсера „Висбаденъ", „Эльбингъ", „Ростокъ", „Фрауенлобъ" и 5 миноносцевъ, т. е. всего — 11 кораблей.

У англичанъ — линейные крейсера „Куинъ Мэри", „Индефатигабль" и „Инвинсибль"; броненосные крейсера — „Дефенсъ", „Блэкъ Принцъ" и „Варріоръ"; эскадренные миноносцы — „Типперери", „Турбулентъ", „Несторъ", „Номадъ", „Шаркъ", „Спарроухавкъ", „Ардентъ" и „Фортуне". Всего — 14 кораблей.

Кромѣ того, англичане настаиваютъ на томъ, что ими потоплено 2 — линейныхъ корабля типа „Кайзеръ", 1 — линейный корабль типа „Кенигъ", 1 — линейный крейсеръ, 1 — легкій крейсеръ, 4 — миноносца и 1 — подводная лодка.

Со своей стороны нѣмцы утверждаютъ, что у англичанъ погибли: 1 — линейный корабль типа „Куинъ Елизабетъ", 1 — броненосный крейсеръ типа „Кресси", 2 — легкихъ крейсера и 5 — миноносцевъ.

Утвержденія германскаго Морского Штаба о гибели англійскихъ кораблей не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Очевидно, говоря о потерѣ англичанами линейнаго корабля типа „Куинъ Елизабетъ", они имѣютъ въ виду однотипный „Варспитъ". Правда, этотъ корабль во время боя получилъ сильныя поврежденія, и на немъ былъ большой пожаръ, но онъ не затонулъ. Такъ-же обстоитъ дѣло и съ другими англійскими кораблями, потопленными германскимъ Морскимъ Штабомъ въ его донесеніи.

Вообще, болѣе или менѣе всѣ англійскія суда получили серьезныя поврежденія. Особенно пострадала эскадра Адмирала Битти и легкія силы.

Въ такомъ видѣ рисуется этотъ величайшій въ исторіи морской бой.

Кто-же побѣдитель? Вопросъ этотъ интересуетъ весь міръ.

Англичане потеряли въ два раза больше, чѣмъ нѣмцы. Означаетъ ли это побѣду германскаго флота?

Конечно, нѣтъ. Послѣ дневного боя 18-го мая, германскій Адмиралъ пошелъ прямымъ путемъ въ свои гавани и не искалъ больше встрѣчи съ противникомъ. Такимъ образомъ, поле сраженія осталось за англичанами.

Но и англичане на слѣдующій день не очень-то стремились продолжать бой. Какое объясненіе слѣдуетъ дать этому?

Принимая во вниманіе вдвое большія потери англичанъ, приходится придти къ выводу, что тактическая побѣда принадлежитъ нѣмцамъ. Они лучше стрѣляли и лучше маневрировали. Но нельзя не принять во вниманіе, что они находились въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ видимости, чѣмъ англичане. Кромѣ того, эскадра Адмирала Битти оказалась слишкомъ выдвинутой относительно своихъ главныхъ силъ, что тоже въ значительной степени послужило въ пользу нѣмцевъ.

Германскій флотъ пострадалъ за бой 18-го мая очень сильно и, благодаря огромному количественному перевѣсу англичанъ, онъ врядъ ли могъ бы съ такимъ же успѣхомъ продолжать его и на слѣдующій день. Да въ его расчеты и не могъ входить бой съ цѣлымъ англійскимъ флотомъ. Задачей нѣмцевъ было, обрушившись всѣми силами на отдѣльныя части англичанъ, уничтожить ихъ до подхода главныхъ силъ. Это ему отчасти и удалось. Однако, относительно быстрый подходъ „Большого Флота" лишилъ ихъ возможности вполнѣ использовать свое временное превосходство въ силахъ. Къ слѣдующему дню у нихъ уже не было никакихъ шансовъ на какой-либо успѣхъ. Большинство ихъ кораблей имѣло такія большія поврежденія, что потеряли ходъ и возможность легко маневрировать; часть артиллеріи была выведена изъ строя; запасы снарядовъ были на исходѣ, а база — далека. Возобновись только бой, нѣмцы очутились бы лицомъ къ лицу съ катастрофой. Какой бы героизмъ ни проявили германскіе моряки, онъ имъ не могъ бы помочь.

Итакъ, если тактическая побѣда была на сторонѣ нѣмцевъ, то стратегическая — осталась за англичанами.

Положеніе на морѣ совершенно не измѣнилось. Англичане владѣютъ имъ, какъ и прежде. Но и соотношеніе въ силахъ осталось тоже, что и раньше, т. е. они принуждены считаться съ германскимъ флотомъ. Въ этомъ, конечно, виноватъ Командующій англійскимъ флотомъ, Адмиралъ Джеллико, который не съумѣлъ принудить на слѣдующій день противника къ бою.

Если нѣмцы стрѣляли и маневрировали хорошо, то нельзя не отдать должное и англичанамъ. При благопріятныхъ условіяхъ видимости, ихъ огонь былъ ужасенъ и наносилъ огромныя поврежденія германскимъ кораблямъ.

Легкія силы обѣихъ сторонъ дѣйствовали выше всякихъ похвалъ. Ни градъ снарядовъ современныхъ скорострѣльныхъ

орудій, ни снаряды до 15″ калибра включительно — ничто не могло ихъ остановить въ достиженіи поставленной цѣли. Онѣ безстрашно шли и въ дневныя, и въ ночныя атаки, шли на вѣрную смерть и погибали, какъ герои. Когда ихъ подбивали, и они не могли больше двигаться, ихъ огонь не ослабѣвалъ ни на одно мгновеніе вплоть до самой гибели. Въ этомъ отношеніи противники были достойны другъ друга.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то значеніе, какое сыграли въ бою легкіе крейсера и миноносцы. Какъ только положеніе какой-либо изъ сторонъ становилось критическимъ, сейчасъ же пускались въ атаку миноносцы и, почти каждый разъ, эта мѣра достигала цѣли: противникъ поворачивалъ и на время прекращалъ огонь. Но каждый разъ такая атака стоила очень дорого; миноносцы и легкіе крейсера, если только они не погибали, получали очень серьезныя поврежденія и выходили изъ строя. Въ будущемъ, очевидно, въ этомъ направленіи техника должна дать какой-то новый типъ корабля, болѣе приспособленный для минныхъ атакъ при современныхъ условіяхъ. Конечно, должны быть усовершенствованы и сами мины, которыя уже теперь недостаточно быстроходны и обладаютъ незначительной дистанціей хода. При современной дальнобойности противоминной артиллеріи, это заставляетъ миноносцы быть слишкомъ долгое время подъ огнемъ, а, слѣдовательно, подвергаетъ ихъ излишнему риску. Кромѣ того, при тактическихъ требованіяхъ нашего времени, предъявляемыхъ миноносцамъ относительно скорости хода, большого миннаго и артиллерійскаго вооруженія, а также дальности плаванія, они сильно возросли въ водоизмѣщеніи, что дѣлаетъ ихъ удобной цѣлью. Въ силу этихъ причинъ, вѣроятность достиженія требуемой дистанціи миннаго выстрѣла почти немыслима.

Личный составъ миноносцевъ въ современныхъ минныхъ атакахъ долженъ проявлять чудеса храбрости. Только тогда онъ въ состояніи разсчитывать на какой-нибудь успѣхъ, какъ это было во время Ютландскаго боя. Но можно ли быть всегда увѣреннымъ въ томъ, что такая храбрость будетъ проявлена, и не слѣдуетъ ли облегчить условія, въ которыхъ находится во время атаки миноносецъ, чтобы ея успѣхъ былъ бы всегда болѣе обезпеченъ?

Какъ англичане, такъ и нѣмцы, въ этомъ бою проявили столько примѣровъ личнаго мужества и доблести, что совершенно невозможно отдать предпочтеніе какой-либо сторонѣ. И тѣ, и другіе вполнѣ поддержали честь своего флага: геройски сражались, геройски, безтрепетно погибали. . .

Что далъ этотъ бой намъ? Измѣнилъ ли онъ положеніе на нашемъ театрѣ, будутъ ли чувствоваться его отголоски у насъ?

Врядъ-ли. Все остается по старому, такъ какъ бой не былъ рѣшительнымъ; соотношеніе силъ осталось такимъ же, какъ и раньше, а, слѣдовательно, характеръ дальнѣйшихъ дѣйствій обѣихъ сторонъ не измѣнится. Мы по прежнему будемъ сидѣть за своимъ загражденіемъ и . . . ждать. Можетъ быть, произойдетъ второй бой, который будетъ имѣть болѣе опредѣленный исходъ, но на это разсчитывать трудно. Пройдетъ долгій періодъ, пока флоты обѣихъ сторонъ будутъ чиниться и приводиться въ боевую готовность. Потомъ же, едва-ли германскій флотъ рискнетъ снова выйти, такъ какъ изъ опыта Ютландскаго боя онъ не могъ не убѣдиться, что противъ англійскаго перевѣса въ силахъ онъ не въ состояніи что-либо сдѣлать.

Между тѣмъ, ремонтъ „Новика" быстро подвигался впередъ. Шли дни за днями. Изъ Рижскаго залива доходили

85. Штабъ Командующаго Флотомъ Балтійскаго моря, во главѣ съ Командующимъ Флотомъ, Адмираломъ В. А. Канинымъ, и Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ, Вице-Адмираломъ А. В. Колчакомъ, въ день назначенія послѣдняго на этотъ постъ.

только слухи. Ничего особеннаго тамъ не происходило. Это до извѣстной степени насъ еще утѣшало. 4-го іюля мы узнали неожиданную новость, что нашъ Начальникъ Дивизіи, Контръ-Адмиралъ А. В. Колчакъ, назначенъ Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ и произведенъ въ Вице-Адмиралы. Его мѣсто занялъ командиръ линейнаго корабля „Гангутъ", Флигель-Адъютантъ Капитанъ 1-го ранга М. А. Кедровъ, съ производствомъ въ Контръ-Адмиралы и съ зачисленіемъ въ Свиту.

Такое высокое назначеніе А. В. Колчака было принято всѣми съ большимъ восторгомъ. Конечно, разставаться съ нимъ было очень тяжело, такъ какъ вся Дивизія его очень любила, преклоняясь передъ его коллосальной энергіей, умомъ и храбростью. Но мы понимали, что на такомъ отвѣтственномъ посту, какъ Командующій Флотомъ, онъ могъ принести несравненно большую пользу Россіи, чѣмъ на скромномъ посту Начальника Минной Дивизіи.

Нельзя не остановиться подробнѣе на замѣчательной личности Вице-Адмирала А. В. Колчака.

Небольшого роста, худощавый, стройный, съ движеніями гибкими и точными. Лицо съ острымъ, четкимъ, тонко вырѣзаннымъ профилемъ; гордый, съ горбинкой, носъ; твердый овалъ бритаго подбородка; тонкія губы; глаза, то вспыхивающіе, то потухающіе подъ тяжелыми вѣками. Весь его обликъ — олицетвореніе силы, ума, энергіи, благородства и рѣшимости.

Ничего фальшиваго, придуманнаго, неискренняго; все естественно и просто. Въ немъ есть что-то, приковывающее взоры и сердца; онъ съ перваго же взгляда располагаетъ къ себѣ и внушаетъ обаяніе и вѣру.

Вотъ — портретъ Адмирала: очевидно, сама судьба предопредѣлила ему всегда руководить другими людьми.

Если мы окинемъ взоромъ его предыдущую карьеру, съ первыхъ дней службы, то она носитъ тотъ же отпечатокъ, что и его наружность: онъ — головой выше окружающихъ его людей; онъ идетъ впереди, внѣ установленныхъ рамокъ и порядка.

Въ 1894 году онъ кончаетъ Морской Корпусъ, вторымъ въ выпускѣ.

Съ 1895 года, онъ четыре года подрядъ не сходитъ съ палубы корабля и плаваетъ на крейсерахъ „Рюрикъ" и „Крейсеръ" на Дальнемъ Востокѣ.

Черезъ два мѣсяца послѣ возвращенія въ Кронштадтъ, на броненосцѣ „Петропавловскъ", онъ опять уходитъ на Дальній Востокъ. Но, на пути въ Средиземномъ морѣ, получаетъ приглашеніе отъ Императорской Академіи Наукъ принять участіе въ экспедиціи въ Ледовитый Океанъ, подъ начальствомъ барона Толя. Онъ уже и тогда выдѣлился своимъ интересомъ къ полярнымъ экспедиціямъ и незаурядными работами по океанографіи.

А. В. Колчакъ принялъ предложеніе и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ подготовки, лѣтомъ 1900 года, ушелъ въ составѣ экспедиціи на суднѣ „Заря" въ Карское море и къ берегамъ Таймыра.

Перезимовавъ тамъ, въ іюлѣ 1901 года „Заря" пошла дальше на Востокъ, обогнула мысъ Челюскинъ и, выйдя въ Сибирское море, направилась къ Ново-Сибирскимъ островамъ, гдѣ встала на вторую зимовку.

Весной 1902 года баронъ Толь предпринялъ санную экспедицію на о. Беннетъ. Благодаря неблагопріятнымъ вѣтрамъ и состоянію льда, экспедиція не удалась, и о партіи не было никакихъ свѣдѣній.

Тогда Академія Наукъ рѣшила организовать помощь партіи и поручила А. В. Колчаку разработать ея планъ. Весной онъ, съ шестью матросами и восемью тунгусами и якутами, былъ уже въ пути. Сперва на саняхъ, а потомъ на китобойномъ вельботѣ, онъ упорно продвигается впередъ.

Испытавъ страшныя трудности и лишенія, А. В. Колчакъ 6-го августа 1903 года, высадился на Беннетѣ, но партіи барона Толя тамъ не нашелъ. Послѣ подробнаго изслѣдованія этого острова и 43-дневнаго плаванія на открытой шлюпкѣ среди льдовъ, онъ вернулся обратно.

За выполненіе столь трудной экспедиціи, Императорское Географическое Общество поднесло ему большую Константиновскую медаль, которую до этого момента имѣли всего три путешественника.

Не успѣвъ вернуться даже въ Петербургъ, онъ узнаетъ о вспыхнувшей Японской войнѣ и отправляется на эскадру Адмирала Макарова въ Портъ-Артуръ.

Тамъ онъ сначала плаваетъ на крейсерѣ „Аскольдъ", а потомъ получаетъ въ командованіе миноносецъ „Сердитый", съ которымъ совершаетъ цѣлый рядъ подвиговъ. Затѣмъ, когда главная защита Портъ-Артура окончательно перешла на сушу, онъ былъ назначенъ командиромъ 75 м/м батареи на сѣверо-восточномъ фронтѣ и прокомандовалъ ею до самой сдачи крѣпости.

Далѣе А. В. Колчакъ посвящаетъ всю энергію на возсозданіе Флота и работаетъ въ имъ же созданномъ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ. Въ немъ онъ становится Начальникомъ оперативной части по Балтійскому театру и разрабатываетъ планъ войны съ Германіей.

Въ 1908-09 г. г. онъ опять принимаетъ участіе въ полярной экспедиціи, въ качествѣ командира ледокола „Вайгачъ". Но скоро его вызываютъ обратно въ Петербургъ: идетъ возрожденіе Флота, и онъ — необходимъ. До 1912 года А. В. Колчакъ продолжаетъ работать въ Генеральномъ Штабѣ, а затѣмъ, онъ — снова на палубѣ корабля.

Въ этомъ году онъ назначается командиромъ миноносца „Уссуріецъ", а въ 1913 году — командиромъ миноносца „Пограничникъ" и, одновременно, исполняетъ обязанности флагъ-капитана по оперативной части Штаба Флота.

Началась Великая война, и А. В. Колчакъ, оставаясь все время по оперативной части въ Штабѣ Флота, принимаетъ участіе въ цѣломъ рядѣ, имъ же самимъ разработанныхъ, экс-

педицій для постановки минныхъ загражденій у непріятельскихъ береговъ.

Осенью 1915 года онъ принимаетъ командованіе надъ нашей Минной Дивизіей и сразу ее оживляетъ. При ея помощи значительно усиливаетъ защиту столь важнаго Рижскаго залива и, кромѣ того, неоднократно своими кораблями поддерживаетъ армію генерала Радко Дмитріева, что позволяетъ ей укрѣпиться впереди Риги и не сдать противнику этотъ важный пунктъ.

За это ему былъ пожалованъ Орденъ Св. Георгія 4 ст.

И вотъ теперь, въ нарушеніе всѣхъ условностей, имѣя всего 41 годъ, онъ произведенъ въ Вице-Адмиралы, пробывъ Контръ-Адмираломъ всего два мѣсяца, и назначенъ Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ.

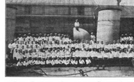
Вотъ относительно назначенія новаго Начальника Дивизіи мнѣнія сильно расходились: одни считали его безусловно подходящимъ на этомъ мѣстѣ, а другіе, наоборотъ, утверждали противное. Боялись, что, такъ какъ онъ былъ всегда далекъ отъ Минной Дивизіи, то не сможетъ понять духа личнаго состава миноносцевъ и не съумѣетъ войти въ положеніе Дивизіи, а на этой почвѣ возникнетъ много недоразумѣній и конфликтовъ. Только въ одномъ никто не сомнѣвался — что онъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся и образованныхъ нашихъ морскихъ офицеровъ. Да, трудно и невыгодно принимать мѣста послѣ столь выдающихся предшественниковъ, какъ Колчакъ! Надо отдать полную справедливость Адмиралу Кедрову, что, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ совмѣстной съ нимъ службы въ тяжелой боевой обстановкѣ, такое предубѣжденіе совершенно пропало, и всѣ преклонились передъ его энергіей, знаніемъ дѣла и яснымъ умомъ. Въ нашей тѣсной каютъ-компанейской средѣ его полюбили, какъ старшаго соплавателя и замѣчательно интереснаго и веселаго собесѣдника.

Въ іюлѣ командиръ получилъ увѣдомленіе, что рѣшено окончательно приспособить „Новикъ" подъ флагманскій корабль. Для этого приказано было срочно устроить необходимыя помѣщенія для Штаба и его команды. Это было какъ разъ то, отъ чего командиръ такъ всегда усиленно старался избавиться, еще находясь въ Рижскомъ заливѣ. Онъ считалъ, что, превратясь въ яхту Адмирала, „Новикъ", потеряетъ свою самостоятельность и будетъ совершенно обезличенъ. Однако, получивъ такое категорическое приказаніе, намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ приняться за соотвѣтствующія перестройки.

19-го іюля, въ день Св. Серафима Саровскаго, мы рѣшили въ первый разъ праздновать нашъ судовой праздникъ и, по возможности, пышнѣе, несмотря на неудобство стоянки въ докѣ. Для этого были разосланы приглашенія всѣмъ бывшимъ офи-

церамъ „Новика" и въ каютъ-компаніи дружественныхъ намъ кораблей. Утромъ, въ день праздника, было торжественное Богослуженіе, на которомъ присутствовалъ Адмиралъ Трухачевъ, а затѣмъ состоялся обѣдъ. Съ утра мы были засыпаны поздравленіями и цвѣтами. Это доказывало, насколько нашъ „Новикъ" былъ любимъ среди Балтійскаго Флота. Вообще нашъ, первый разъ справлявшійся, судовой праздникъ удался на славу.

8-го августа пришло извѣстіе, что эскадренные миноносцы „Доброволецъ" и „Донской Казакъ" подорвались на непріятельскихъ минахъ, причемъ первый тотчасъ же затонулъ.

86. Группа „Новика" во главѣ съ командиромъ, Капитаномъ 1-го ранга М. А. Беренсомъ.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Какъ разъ въ эти дни по ночамъ происходили работы по загражденію проходовъ у самаго южнаго берега, посредствомъ затопленія пароходовъ и лайбъ съ камнями. Чтобы производящимъ эту операцію судамъ было удобнѣе оріентироваться, — въ такъ называемомъ маневренномъ мѣшкѣ, т. е. въ углу между загражденіями, долженъ былъ встать „Доброволецъ", и все время свѣтить по опредѣленному направленію.

Съ утра этого дня, въ дозорѣ находились миноносцы „Донской Казакъ" и „Забайкалецъ". Весь день стоялъ туманъ, который временами разсѣивался. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ „Донской Казакъ", стоявшій на якорѣ у южной части загражденія, увидѣлъ на SO отъ себя, на загражденіи, силуэты непріятельскихъ судовъ и немедленно по нимъ открылъ огонь. Но въ этотъ моментъ опять нашла такая густая полоса тумана,

что ничего не стало видно. Миноносецъ сейчасъ же поднялъ тревогу, и всѣ силы Рижскаго залива вышли на позицію. Къ 6 часамъ вечера, наконецъ, туманъ разошелся, но горизонтъ былъ чистъ.

Къ вечеру стало сильно свѣжѣть, но, тѣмъ не менѣе, операція по загражденію проходовъ должна была продолжаться. Въ назначенное время „Доброволецъ" всталъ на свое мѣсто и открылъ освѣщеніе прожекторомъ.

Съ „Донского Казака", находившагося въ трехъ миляхъ отъ него, все время слѣдили за нимъ. Около 9½ часовъ, свѣтъ прожектора вдругъ погасъ и больше ужъ не зажигался. Въ тотъ же моментъ былъ услышанъ взрывъ. Думая, что взорвалась какая-нибудь мина на позиціи, какъ это часто бывало въ свѣжую погоду, на него не обратили особаго вниманія.

Но въ 10 часовъ 10 минутъ была получена радіо-телеграмма Начальника 5-го Дивизіона: „Доброволецъ" — взорванъ". Мѣсто „Добровольца" занялъ „Москвитянинъ", которому удалось подобрать трехъ офицеровъ и пятьдесятъ человѣкъ команды.

Въ числѣ погибшихъ на „Добровольцѣ" былъ и его командиръ, Капитанъ 2-го ранга Н. А. Вирениусъ, одинъ изъ выдающихся офицеровъ нашего флота, который принялъ миноносецъ только наканунѣ, передъ его выходомъ въ море.

87. Эскадренный миноносецъ „Доброволецъ".

Утромъ слѣдующаго дня „Донской Казакъ", окончивъ дозоръ, снялся съ якоря и подошелъ къ мѣсту гибели „Добровольца" — приблизительно на 40-45 кабельтовыхъ отъ непріятельскаго берега. Тамъ ему удалось подобрать пять труповъ, которые затѣмъ ему было приказано отвезти въ Рогокюль.

Поэтому, „Донской Казакъ" взялъ курсъ на Моонзундъ, давъ ходъ 21 узелъ. Въ 9 часовъ 48 минутъ утра, неожиданно

на миноносцѣ всѣ ощутили сильный толчекъ точно онъ перескочилъ черезъ гряду. „Донской Казакъ" сразу остановился и сталъ крениться на лѣвый бортъ. Оказалось, что подъ его кормой взорвалась мина.

88. Эскадренный миноносецъ „Донской Казакъ" послѣ подрыва.

Этимъ взрывомъ былъ оторванъ почти весь кормовой отсѣкъ, вплоть до офицерскаго помѣщенія. Лѣвый винтъ съ валомъ былъ отломленъ до дейдвуда, а правый согнутъ подъ угломъ, около 10°. Огромной силой взрыва также былъ сорванъ съ мѣста бомбометъ Виккерса, который, ударившись о вторую дымовую трубу, вылетѣлъ за бортъ.

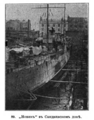
Миноносецъ потерялъ возможность двигаться и управляться; была опасность, что онъ сейчасъ же затонетъ. Къ нему на помощь спѣшно подошли миноносцы „Стерегущій" и „Забайкалецъ". Первый подалъ буксиръ, а второй ошвартовался къ борту. Такимъ образомъ, они благополучно его привели въ Куйвастъ.

Во время взрыва, на „Донскомъ Казакѣ" было убито девять матросовъ, тяжело ранено — два, и легко — девять.

Такимъ образомъ, оказалось, что непріятелю, во время тумана, при помощи мелкосидящихъ судовъ, удалось разбросать мины съ внутренней стороны позиціи. Этотъ районъ былъ немедленно тщательно протраленъ.

Между тѣмъ, работы по нашему ремонту быстро подходили къ концу. Заводъ точно выполнилъ свое обѣщаніе, и почти ровно черезъ шесть недѣль, 13-го августа, „Новикъ" получилъ возможность выйти изъ дока. Простоявъ еще нѣсколько дней

у завода, чтобы закончить кое-какія мелкія работы и перекраситься, мы перешли въ Сѣверную гавань для пріемки полнаго запаса нефти.

89. „Новикъ" въ Сандвиковомъ докѣ.

20-го августа, утромъ, намъ было приказано идти въ Ревель. Тамъ, около 5 часовъ вечера, къ намъ прибылъ Командующій Флотомъ и Начальникъ Дивизіи, и мы вышли обратно въ Гельсингфорсъ.

XIX.

Возвращеніе въ Моонзундъ. Дѣйствія непріятеля въ Ирбенскомъ проливѣ. Обстрѣлы „Храбраго“. Непріятельскія подлодки въ Рижскомъ заливѣ. Открытіе Моонзундскаго канала. Вводъ „Цесаревича“ и „Адмирала Макарова“. Назначеніе Вице-Адмирала А. И. Непенина Командующимъ Балтійскимъ Флотомъ. Налеты нашихъ аэроплановъ. Посадка „Севастополя“.

22-го августа было рѣшено, что Начальникъ Дивизіи окончательно перенесетъ къ намъ свой флагъ. Въ тотъ же день, къ нашему борту подошелъ „Сибирскій Стрѣлокъ“ и сталъ передавать все имущество Штаба, послѣ чего перебрался къ намъ и самъ Адмиралъ.

Вечеромъ, изъ Моонзунда, было получено тревожное извѣстіе что въ Ирбенѣ, подъ берегомъ, производятъ траленіе 23 непріятельскихъ тральщика, и что тамъ же работаютъ двѣ землечерпалки. Ввиду этого Адмиралъ сталъ торопиться съ уходомъ, и въ 6 часовъ мы вышли въ Ревель.

Въ пути было получено извѣстіе, что потерпѣли аварію миноносцы „Орфей“ и „Забіяка“; кстати, послѣдній только-что окончилъ аварійный ремонтъ. Оба сѣли на камни въ шхерахъ, и довольно-таки глупо: днемъ, въ ясную погоду, неосторожно сойдя съ фарватеровъ. Правда, имъ обоимъ вскорѣ удалось сняться, но на довольно продолжительное время они все-же выведены изъ строя.

Идя въ Ревель, мы все время тщательно осматривались кругомъ, такъ какъ наканунѣ подлодка „Пантера“, вышедшая на практическое маневрированіе за Центральной позиціей, на путяхъ между Ревелемъ и Гельсингфорсомъ, увидѣла непріятельскую подлодку, которая выпустила мину, прошедшую отъ нея всего въ 20 саженяхъ. Это извѣстіе сильно встревожило большой Штабъ, и дневное сообщеніе между Ревелемъ и Гельсингфорсомъ было прервано. Но сегодня мы ничего подозрительнаго не увидѣли и благополучно вошли въ гавань.

Въ Ревелѣ пришлось нѣсколько задержаться, чтобы Адмиралъ имѣлъ возможность переговорить съ Начальникомъ Службы Связи. Ночью же, мы пошли дальше, причемъ вошли въ Моонзундъ Нукке-Вормсскимъ фарватеромъ, который былъ только что углубленъ и протраленъ для судовъ нашей осадки. По нему въ первый разъ шло такое длинное судно, какъ „Новикъ". Прошли мы его благополучно, но идти было очень трудно и небезопасно, такъ какъ на пути было много крутыхъ поворотовъ и легко можно было задѣть винтами за грунтъ.

Въ 9 часовъ утра, 23-го августа, „Новикъ" былъ уже въ Куйвастѣ, гдѣ Адмиралъ предполагалъ осмотрѣть только-что присланные новые сторожевые катера. Въ это время были замѣчены три непріятельскихъ аэроплана, которые летѣли по направленію на Куйвасть. Какъ только они приблизились, всѣ суда, стоявшія на рейдѣ, открыли огонь, и тогда они сейчасъ-же повернули обратно, не сбросивъ ни одной бомбы.

Въ полдень мы вышли къ Церелю и, подойдя къ нему, ошвартовались къ „Стерегущему", стоявшему на бочкѣ. Сегодня въ Ирбенѣ все — тихо. Наши летчики, производившіе развѣдку, видѣли, что непріятельскіе тральщики стоятъ въ рѣчкѣ Малая Ирбенка и, должно быть, отдыхаютъ.

Вечеромъ были получены свѣдѣнія, что въ Финскомъ заливѣ, за Передовой позиціей, съ маяка Оденсхольмъ, видѣли подлодку. Вскорѣ, недалеко отъ этого мѣста, ею было атаковано одно изъ сторожевыхъ судовъ. Это доказывало, что Передовая позиція несомнѣнно проникаема для подлодокъ, и что на нее ни въ коемъ случаѣ нельзя расчитывать, какъ на защиту отъ нихъ, несмотря на большое количество поставленныхъ минъ.

Ночью надъ Эзелемъ леталъ цеппелинъ и старался сбросить бомбы въ нашу воздушную станцію въ Паппенгольмѣ, но изъ-за темноты ошибся, и всѣ 22 бомбы попали въ море.

Почти въ этотъ же часъ мы были разбужены сильной стрѣльбой и пусканіемъ свѣтящихся ракетъ со стороны непріятельскаго берега, гдѣ располагался цѣлый рядъ батарей. Что послужило причиной, что тамъ померещилось — сказать трудно, такъ какъ въ эту ночь съ нашей стороны никакихъ операцій не предпринималось.

Въ подобныхъ мелкихъ событіяхъ и проходили обыкновенно дни на сторожевыхъ постахъ. Понемногу всѣ привыкли къ такой обстановкѣ.

Утромъ слѣдующаго дня летали наши и непріятельскіе аэропланы, производя обычную развѣдку. Въ устьяхъ рѣчекъ Клейнъ и Гроссъ Ирбенокъ были опять обнаружены тральщики и катера. Ввиду этого, Адмиралъ рѣшилъ обстрѣлять эти районы. Въ три часа дня „Новикъ" вышелъ для обстрѣла устья

Клейнъ-Ирбена, а канонерская лодка „Храбрый“ — устья Гроссъ-Ирбена. Стрѣльба прошла гладко; только очень трудно было вести корректировку а, слѣдовательно, и судить о результатахъ.

Въ этотъ день, ночью, предполагалась очень рискованная постановка минъ съ плоскодонныхъ тральщиковъ типа „Капсюль“. Мѣсто загражденія было выбрано подъ самымъ непріятельскимъ берегомъ, въ районѣ уже ранѣе поставленныхъ загражденій, на параллели башни Шлиттеръ, гдѣ невдалекѣ располагалось нѣсколько береговыхъ батарей. Командованіе этой экспедиціей было поручено Начальнику 4-го Дивизіона Миноносцевъ, Капитану 1-го ранга П. В. Вилькену. Около 11 часовъ вечера, тральщики вышли въ море; ночь была очень темная, и вѣтра почти не было. Въ началѣ перваго часа мы услышали очень сильную канонаду, увидѣли ракеты и лучи прожекторовъ и думали, что это обнаружены наши тральщики. Такъ въ дѣйствительности и оказалось, но только къ счастью, всѣ мины были уже поставлены, и они уже возвращались. Въ эту же ночь, дозорный миноносецъ „Пограничникъ“ замѣтилъ цеппелинъ, медленно шедшій на N. Потомъ выяснилось, что онъ сбросилъ 26 бомбъ на о. Руно, но причиненныя имъ поврежденія были незначительны.

Утромъ „Храбрый“ опять былъ посланъ обстрѣлять устье Гроссъ-Ирбена. Во время обстрѣла былъ замѣченъ взрывъ отъ удачно попавшаго снаряда, причемъ вокругъ возникли пожары.

Какъ бы въ отместку, въ 11 часовъ, два непріятельскихъ аэроплана сбросили бомбы въ находившееся въ дозорѣ сторожевое судно. Вообще же, аэропланы стали гораздо осторожнѣе и съ опаской трогаютъ наши миноносцы, такъ какъ теперь почти всѣ имѣютъ противоаэропланныя пушки.

Послѣ полдня опять было замѣчено, что непріятель сталъ тралить подъ берегомъ. Сейчасъ-же, чтобъ обстрѣлять его былъ посланъ „Храбрый“, при первомъ же залпѣ котораго всѣ тральщики разбѣжались.

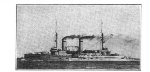
Слѣдующій день тоже ничего особеннаго не принесъ; продолжалась установившаяся обычная жизнь на позиціи. Утромъ, производя развѣдки, летали наши и непріятельскіе аэропланы, а „Храбрый“ обстрѣливалъ берегъ и тральщики.

Какъ позднѣе призналъ самъ непріятель, во время этихъ обстрѣловъ устій Гроссъ и Клейнъ-Ирбенокъ, намъ удалось потопить нѣсколько тральщиковъ и моторныхъ катеровъ.

Въ 1 часъ 30 минутъ дня, Адмиралъ вышелъ съ нами въ Рогокюль, гдѣ мы и остались въ гавани. Все время „Новикъ“ находился въ полной готовности выйти въ море, такъ какъ непріятель упорно пытается тралить подъ берегомъ. Такое

упорство съ его стороны можно было объяснить лишь тѣмъ, что онъ желаетъ провести въ заливъ подлодки.

Съ утра 30-го августа стали поступать еще болѣе тревожныя свѣдѣнія, что у Михайловскаго маяка появились крейсеръ типа „Бременъ", 4 миноносца и 8 тральщиковъ, а въ морѣ видны 4 большихъ корабля и 2 подлодки. Тогда, около 1 часа дня, мы съ Адмираломъ вышли къ Церелю. Одновременно онъ приказалъ стянуться туда же всѣмъ силамъ Рижскаго залива и крейсеру „Діана", а „Слава" пока была оставлена въ Куйвастѣ, но въ готовности въ любой моментъ выйти въ море. Кромѣ того, въ этотъ день, только-что законченнымъ Моонзундскимъ каналомъ проходилъ линейный корабль „Цесаревичъ", который долженъ былъ присоединиться къ морскимъ силамъ залива.

90. Линейный корабль „Цесаревичъ".

Въ дозорѣ, въ это время, находился 2-ой Дивизіонъ Миноносцевъ въ составѣ „Летуна" и „Капитана Изылметьева", подъ общей командой Начальника Дивизіона, Капитана 1-го ранга А. В. Развозова.

Находясь въ морѣ, мы получили радіо командира „Діаны", въ которомъ онъ сообщалъ, что былъ атакованъ непріятельской подлодкой у знака Аллиразъ. Какъ разъ въ это время „Новику" предстояло идти тѣмъ же мѣстомъ. Усиленно всматриваясь въ горизонтъ, мы замѣтили перископъ, который при нашемъ появленіи сейчасъ-же исчезъ подъ водой.

Въ 7 часовъ вечера, мы подошли къ позиціи, гдѣ застали „Діану", конвоирующую „Забайкальцемъ", „Войсковымъ", „Страшнымъ", „Сибирскимъ Стрѣлкомъ" и „Пограничникомъ", а также дозорные миноносцы „Летунъ" и „Капитанъ Изылметьевъ".

Съ приходомъ „Діаны", непріятельскій крейсеръ, державшійся у позиціи, немедленно ушелъ. Не видя больше ника-

ких агрессивных дѣйствій со стороны противника, Адмиралъ отдалъ необходимыя инструкціи всѣмъ судамъ, а самъ съ „Новикомъ" пошелъ къ Церелю; тамъ мы встали на бочку, чтобы имѣть телефонную связь съ берегомъ.

Вскорѣ послѣ этого появилось 7 непріятельскихъ аэроплановъ, которые, летая надъ нами, время-отъ-времени пускали ракеты. Очевидно, это была сигнализація для прорвавшихся въ заливъ подлодокъ.

Съ темнотою все успокоилось, и непріятель скрылся за горизонтомъ. Ночь наступила очень свѣтлая и штилевая, но къ утру стало свѣжѣть. Задулъ сильный вѣтеръ отъ W, который скоро перешелъ въ штормъ. Бочка, на которой стоялъ „Новикъ", поползла, и намъ пришлось перейти на другое мѣсто.

Непріятеля не было больше видно; вѣроятно, ему пришлось укрыться въ Либавѣ или Виндавѣ. Тѣмъ временемъ стало опредѣленно выясняться, что ему дѣйствительно удалось ввести въ заливъ три подлодки.

Сегодня благополучно окончилась проводка каналомъ „Цесаревича", и онъ присоединился къ остальнымъ большимъ кораблямъ. Такимъ образомъ мы, стали сильнѣе на четыре 12" орудія, но, къ сожалѣнію, недальнобойныхъ.

Утромъ, 1-го сентября, штормъ стихъ, и Адмиралъ пошелъ въ Аренсбургъ для переговоровъ съ командиромъ „Славы".

Главной задачей Начальника Дивизіи было обнаружить мѣсто базированія проникшихъ подлодокъ, чтобы сдѣлать ихъ пребываніе въ заливѣ невозможнымъ. Въ виду того, что явилось предположеніе, что онѣ базируются гдѣ-то у Роена, туда немедленно были посланы поставить загражденіе „Охотникъ" и „Кондратенко".

2-го сентября, въ Рижскій заливъ былъ введенъ еще крейсеръ „Адмиралъ Макаровъ". Теперь въ нашемъ распоряженіи было уже четыре большихъ корабля; это уже не то, что въ прошломъ году, когда всего только были — „Слава" и 16 старыхъ угольныхъ миноносцевъ.

3-го сентября заштилѣло, и непріятель этимъ сейчасъ-же воспользовался и началъ тралить. Воздушной развѣдкой было установлено, что у Люзерорта и Михайловскаго маяковъ работаютъ около 40 тральщиковъ. Такое энергичное траленіе было уже серьезно, и Адмиралъ сталъ опасаться, что это — подготовка для будущей наступательной операціи. Поэтому, въ тылу уже рѣшено было поставить мины въ тылу у непріятеля, недалеко отъ Люзерорта и Михайловскаго маяковъ. Ставить приходилось, идя по загражденіямъ, а потому для этого были предназначены бывшій волжскій плоскодонный пароходъ „Припять", тенлоходы и тральщики типа „Капсюль".

Ночью всѣ названныя суда благополучно выполнили свое заданіе, не будучи обнаруженными непріятелемъ. На постановку на „Припяти“ ходилъ самъ Начальникъ Дивизіи. Удачѣ много способствовало то, что было очень темно и вѣтеръ 1-2 балла.

Въ этотъ день, наконецъ, въ первый разъ со дня прорыва дали о себѣ знать прорвавшіяся въ заливъ подлодки. Одна изъ нихъ появилась на позиціи у четвертой вѣшки, недалеко отъ находившагося въ дозорѣ миноносца „Уссуріецъ“, но его не тронула.

Въ слѣдующіе дни дѣятельность непріятеля опять замерла; траленія почти не наблюдалось, и даже въ Виндавѣ осталось всего два легкихъ крейсера.

91. Заградитель „Припять“ идетъ на постановку минъ.

4-го сентября находившееся въ дозорѣ сторожевое судно „Барсукъ“ увидѣло подъ непріятельскимъ берегомъ три взрыва и сейчасъ-же донесло объ этомъ Начальнику Дивизіи. Адмиралъ рѣшилъ немедленно обстрѣлять этотъ районъ, такъ какъ боялся, что непріятель незамѣтно со шлюпокъ производитъ траленіе.

Въ 2 часа дня, „Новикъ“ вышелъ на позицію и, вставъ у крайней вѣшки и сдѣлавъ кренъ въ 3½ градуса, выпустилъ нѣсколько залповъ на 80 кабельтовыхъ. Однако за дальностью разстоянія, опредѣлить результатъ было невозможно.

Вечеромъ наши гидропланы имѣли въ воздухѣ бой, который кончился безрезультатно. На нашемъ аппаратѣ № 28 былъ раненъ пулеметной пулей механикъ.

О подлодкахъ опять не было ничего слышно, но, немного погодя стало достовѣрно извѣстно, что въ заливѣ держатся уже только двѣ подлодки: куда исчезла третья — было неизвѣстно.

Въ слѣдующіе дни погода сильно испортилась. Перейдя въ Аренсбургъ, „Новикъ" оттуда вскорѣ ушелъ въ Куйвастъ и тамъ уже ждалъ дальнѣйшихъ событій.

7-го сентября совершенно неожиданно мы получили радіо, за подписью Адмирала Канина, слѣдующаго содержанія: „По повелѣнію Верховнаго Главнокомандующаго, командованіе Балтійскимъ Флотомъ сдалъ Вице-Адмиралу Непенину".

Находясь все время далеко отъ центра внутреннихъ событій, мы были очень поражены и въ тоже время обрадованы этимъ извѣстіемъ, такъ какъ въ командованіи Адмирала Канина чувствовалась какая-то апатія и пассивность; а флоту необходимо было встряхнуться и вести болѣе живую дѣятельность.

Сопряженныя съ этимъ дальнѣйшія событія не заставили себя долго ждать. Уже въ 1 часъ дня была получена телефонограмма, что новый Командующій Флотомъ на миноносцѣ „Побѣдитель", съ „Громомъ", „Страшнымъ" и „Финномъ", вышелъ въ Куйвастъ для свиданія съ Начальникомъ Дивизіи. Въ 6 часовъ, подъ флагомъ Командующаго Флотомъ, „Побѣдитель" вошелъ на рейдъ и всталъ на якорь недалеко отъ „Новика".

Немного спустя, Адмиралъ Непенинъ пріѣхалъ къ намъ, расцѣловался съ Начальникомъ Дивизіи и командиромъ и пошелъ въ каюту Адмирала. Тамъ онъ долго бесѣдовалъ съ Начальникомъ Дивизіи, а потомъ туда были приглашены командиръ, чины нашего Штаба и Флагъ-Капитанъ по Оперативной части, Капитанъ 1-го ранга князь Черкасскій. Совѣщаніе затянулось до 10 часовъ вечера.

Слѣдующее утро новый Командующій Флотомъ посвятилъ осмотру судовъ, а въ 9 часовъ мы пошли съ „Побѣдителемъ" къ большимъ кораблямъ, стоявшимъ на Аренсбургскомъ рейдѣ и къ Церелю для его осмотра. Адмиралъ все время очень торопился, и потому мы шли 27-узловымъ ходомъ.

Назначеніе на постъ Командующаго Балтійскимъ Флотомъ Вице-Адмирала А. И. Непенина было принято всѣмъ флотомъ съ большой радостью и надеждами. Въ особенности была довольна Минная Дивизія, которая, находясь все время на передовыхъ позиціяхъ, высоко цѣнила предыдущую дѣятельность Адмирала. Сколько разъ Начальникъ Службы Связи, благодаря своей поразительной освѣдомленности, спасалъ наши суда отъ большихъ непріятностей, и сколько разъ, исключительно благодаря его свѣдѣніямъ, намъ удавались чрезвычайно трудные походы.

Адмиралъ Непенинъ особенно выдвинулся во время войны, будучи на должности Начальника Службы Связи и Начальника Приморского Фронта. Его удивительныя организаторскія способности, неутомимая энергія, твердость воли и умъ принесли неоцѣнимыя услуги нашему флоту. Начальникъ Службы Связи

всегда все зналъ, ему всѣ слѣпо вѣрили, и онъ безусловно былъ самымъ авторитетнымъ лицомъ на флотѣ; предъ нимъ преклонялись, его любили, но и побаивались. Онъ былъ яркой и выдающейся личностью, на которую можно было всецѣло положиться и возложить большія надежды.

Смѣна Адмирала Канина, какъ говорятъ, была полной неожиданностью не только для окружающихъ, но и для самого Адмирала. Этого нельзя не поставить въ вину Ставкѣ. Если его нашли не оправдавшимъ своего назначенія, то можно было бы смѣнить гораздо мягче и, ужъ во всякомъ случаѣ, предупредивъ заранѣе его самого. Правда, Адмиралъ Канинъ не пользовался особой популярностью, но былъ весьма ува-

92. Командующій Балтійскимъ Флотомъ,
Вице-Адмиралъ А. И. Непенинъ.

жаемъ среди всего личнаго состава флота. Потомъ уже, по Высочайшему Повелѣнію, Адмиралъ былъ зачисленъ въ Государственный Совѣтъ.

У Цереля мы пробыли недолго и, какъ только Командующій Флотомъ вернулся съ осмотра ангаровъ и маяка, мы сейчасъ-же снялись съ якоря и пошли на Аренсбургскій рейдъ. Тамъ Адмиралъ посѣтилъ „Славу", „Адмирала Макарова", „Сибирскаго Стрѣлка" и „Новика". У насъ онъ произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, что считаетъ „Новика" самымъ доблестнымъ кораблемъ Балтійскаго Флота и вѣритъ, что онъ всегда съ честью поддержитъ свое имя.

Въ 5 часовъ вечера мы вернулись въ Куйвастъ, а Командующій Флотомъ прошелъ дальше въ Ревель.

Дальше опять потянулись однообразные дни. Осеннія, дождливыя погоды и длинныя темныя ночи сдѣлали жизнь на судахъ невыносимо томительной.

11-го сентября, три германскихъ гидроплана атаковали два коммерческихъ парохода, шедшихъ изъ Риги въ Моонзундъ. Сильно снизившись, они сбросили нѣсколько бомбъ, но все-таки промахнулись. Тогда одинъ изъ аппаратовъ сѣлъ на воду и выпустилъ по пароходу двѣ торпеды, изъ которыхъ — одна прошла подъ его носомъ, а другая, не дойдя, затонула. Это нападеніе произвело на пароходахъ страшную панику. Первый изъ нихъ бросился уходить въ сторону берега, гдѣ и былъ брошенъ на произволъ судьбы, а второй сейчасъ же покинутъ командой, которая, сѣвъ на шлюпки, обратилась въ бѣгство. Ввиду того, что было свѣжо, а шлюпки — переполнены, то одна изъ нихъ перевернулась: при этомъ утонули два матроса. Въ это время непріятель уже улетѣлъ, и команда сочла за лучшее вернуться на покинутый пароходъ, послѣ чего онъ спокойно дошелъ до Куйваста. Въ этомъ эпизодѣ интересно то, что непріятель примѣнилъ совершенно новый методъ атакъ гидропланами при помощи торпедъ. У насъ уже былъ аналогичный случай со „Славой". Когда она стояла на Аренсбургскомъ рейдѣ, прилетѣло, нѣсколько гидроплановъ, и двое изъ нихъ, снизившись до воды и подбѣжавъ совсѣмъ близко къ ней, выпустили по торпедѣ. Обѣ мины, какъ и въ этомъ случаѣ, не достигли цѣли, и мы тогда сильно сомнѣвались, дѣйствительно ли они выпустили ихъ. Теперь же приходилось считать, что это былъ безусловный фактъ.

13-го сентября, три нашихъ летчика произвели чрезвычайно дерзкій налетъ на непріятельскую воздушную станцію, расположенную на озерѣ Ангернъ. Навстрѣчу имъ, почти одновременно, поднялось 20 непріятельскихъ аэроплановъ. Произошелъ жестокій бой, жертвами котораго съ нашей стороны были летчикъ, Лейтенантъ А. Н. Горковенко, упавшій со своимъ аппаратомъ въ море и разбившійся на смерть, и механикъ на другомъ аппаратѣ; послѣдній былъ тяжело раненъ. Нашимъ летчикамъ удалось сбить одинъ непріятельскій аппаратъ и все же сбросить въ станцію нѣсколько бомбъ.

Ночью, къ Церелю прилетѣлъ цеппелинъ, который сбросилъ нѣсколько бомбъ, не причинившихъ, однако, никакого вреда.

15-го сентября, ночью, опять появился цеппелинъ, но на этотъ разъ у входа въ Финскій заливъ; потомъ онъ пролетѣлъ надъ Утэ и Эрэ, но не сбросилъ ни одной бомбы.

Дальше все шло обычнымъ порядкомъ. Одинъ разъ непріятель пробовалъ было тралить 11-ью тральщиками, но скоро погода настолько испортилась, что работы пришлось

прекратить. Вообще, погода почти все время была очень свѣжей, а потому мы бездѣйствовали, стоя въ Куйвастѣ.

Больше всего Адмирала, по прежнему, безпокоилъ вопросъ о нахожденіи въ Рижскомъ заливѣ подлодокъ. Несмотря на всѣ попытки, никакъ не удавалось точно установить, гдѣ именно онѣ базируются и какъ проникаютъ черезъ загражденія. Время-отъ-времени мы предпринимали походы для тщательнаго изслѣдованія различныхъ районовъ. Такъ, 17-го числа, въ 2 часа ночи, „Новикъ", „Украйна" и три миноносца 7-го Дивизіона вышли къ Маркграфену. Операція была разсчитана такъ, что отрядъ появляется съ разсвѣтомъ, и одновременно прилетаютъ аэропланы съ „Орлицы", которая держится все время у острова Руно.

Съ разсвѣтомъ, нашъ отрядъ былъ уже на мѣстѣ, но аэропланы появились только въ 8 часовъ. Сейчасъ же, какъ только ихъ обнаружили съ непріятельской воздушной станціи на Ангернскомъ озерѣ, навстрѣчу имъ вылетѣло 5 аэроплановъ. Нашимъ аппаратамъ пришлось укрыться подъ защиту „Новика", и только когда онъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, непріятель улетѣлъ обратно. Никакихъ признаковъ нахожденія подлодокъ, однако, мы не обнаружили и вернулись въ Куйвастъ. Немного позже пришло донесеніе, что на разсвѣтѣ этого же дня нашъ дозорный катеръ ихъ обнаружилъ у Гроссъ-Ирбена. Онѣ стояли, ошвартовавшись другъ къ другу, въ надводномъ состояніи и, повидимому, весь экипажъ ихъ спалъ. Съ разстоянія 25 кабельтововъ катеръ открылъ огонь, и лодки, быстро разойдясь, погрузились.

Катеру не удалось причинить имъ никакого вреда, такъ какъ разстояніе было слишкомъ велико, а у командира не хватило выдержки подойти незамѣтно поближе, и ужъ только тогда начать стрѣлять.

Очевидно, одна изъ этихъ же лодокъ, въ 10 часовъ утра, атаковала находившійся въ дозорѣ „Туркменецъ". Только по какой-то счастливой случайности, мина прошла подъ его носомъ.

Судя по случаю съ катеромъ, подтверждавшему мнѣніе Командующаго Флотомъ, непріятельскія подлодки проходили въ заливъ вдоль берега и выходили въ море у Домеснесскаго рифа; возможно также, что онѣ проходили и между 2-ой и 3-ей вѣшками маневреннаго мѣшка, дѣлая это въ темное время, когда ничего нельзя замѣтить.

20-го сентября, Адмиралъ рѣшилъ опять обшарить заливъ со всѣми наличными миноносцами. Выходъ былъ назначенъ въ 5 часовъ утра, когда еще было совершенно темно, но въ морѣ оказалось такъ свѣжо, что всѣмъ пришлось вернуться назадъ.

Въ этотъ день у о. Руно снизился и сѣлъ на воду непріятельскій аппаратъ; его удалось взять въ плѣнъ въ сравнительно исправномъ состояніи. На немъ были захвачены летчикъ, по фамиліи Роше, и механикъ.

22-го сентября, Адмиралъ рѣшилъ повторить неудавшіеся поиски за лодками и, въ 5 часовъ утра, вся Дивизія опять вышла въ море. Было еще темно. При выходѣ съ рейда, командиръ, желая обогнать 4-ый Дивизіонъ, прорѣзалъ ему строй, но вышло неудачно: „Новикъ" столкнулся съ „Охотникомъ" и своротилъ себѣ слегка форштевень; къ счастью, настолько мало, что можно было продолжать плавать безъ ремонта. Что касается „Охотника", то у него оказался вмятымъ бортъ и исковерканнымъ — привальный брусъ. Затѣмъ, въ теченіе восьми часовъ, Дивизія ходила перемѣнными курсами по заливу, но ничего подозрительнаго не обнаружила. Къ вечеру, когда засвѣжѣло, она вернулась въ Куйвастъ.

Изъ опроса плѣнныхъ летчиковъ выяснилось, что подлодки проникаютъ въ заливъ, проходя вдоль берега, но остаются въ немъ очень недолго и тѣмъ же путемъ идутъ назадъ. Значитъ, предположеніе Командующаго Флотомъ было правильно.

Кромѣ того плѣнные утверждали, что ихъ аэропланы не стрѣляютъ торпедами, а снижаются до воды, чтобы отвлечь вниманіе отъ дѣйствій другихъ аппаратовъ.

24-го сентября нашего Адмирала вызвалъ Командующій Флотомъ, а потому на слѣдующее утро мы пошли въ Гельсингфорсъ, гдѣ простояли три дня.

За это время произошелъ печальный случай. Линейный корабль „Севастополь", идя въ шхерахъ стратегическимъ фарватеромъ, сѣлъ на камни. Несмотря на всѣ принятыя мѣры, его никакъ не удавалось снять, и пришлось начать разгрузку.

27-го сентября, „Новикъ" черезъ Ревель пошелъ обратно въ Моонзундъ.

XX.

Постановка загражденія у Стейнорта. Подвигъ „Тюленя“. Походъ въ районъ Сарычева маяка. Катастрофа „Императрицы Маріи“ въ Севастополѣ. Гибель „Казанца“. Подрывъ „Летуна“. Набѣгъ непріятельскихъ миноносцевъ на Балтійскій Портъ. Командующій германской флотиліей о прорывѣ 27-го октября. Подрывъ „Рюрика“. Назначеніе Капитана I-го ранга М. А. Беренса командиромъ „Петропавловска“. Гибель „Пересвѣта“ въ Средиземномъ морѣ. Флотъ къ концу кампаніи 1916 года.

До 4-го октября „Новикъ“ простоялъ въ полномъ бездѣйствіи въ Рогокюлѣ. Только въ этотъ день сталъ очевиденъ походъ, такъ какъ намъ было приказано принять съ блокшива 40 минъ, образца 1908 года. Такое же приказаніе получили „Летунъ“, „Десна“, „Капитанъ Изылметьевъ“ и „Орфей“.

Въ 12 часовъ 20 минутъ дня, отрядъ снялся съ якоря и вышелъ въ море черезъ Соэло-Зундъ. По выходѣ изъ него, мы увидѣли два летѣвшихъ аппарата; у одного изъ нихъ что-то случилось, и онъ сѣлъ на воду, а другой, снизившись у нашего борта, просилъ оказать помощь первому. Адмиралъ немедленно приказалъ спустить моторный катеръ, чтобы отбуксировать аппаратъ къ берегу. Мы же продолжали путь.

Погода была подходящей; вѣтеръ — около 3 балловъ и даже стихалъ; насъ слегка покачивало отъ старой зыби. Небо было облачное, и потому съ заходомъ солнца стало очень темно.

На параллели Кильконды, гдѣ располагалась наша воздушная станція, мы увидѣли лучъ прожектора, который ярко прорѣзывалъ темноту ночи: это воздушная станція предохраняла себя отъ внезапнаго нападенія съ моря.

Отрядъ шелъ въ кильватерной колоннѣ, имѣя головнымъ „Новика“, а концевымъ „Орфея“. Ввиду того, что нѣкоторые изъ миноносцевъ только-что вступили въ строй и шли въ подобный походъ въ первый разъ, мы сильно побаивались, не произойдутъ ли у нихъ въ пути какія-либо поломки.

Къ полночи, когда отрядъ былъ уже близко отъ мѣста постановки, вдругъ съ мостика замѣтили впереди два силуэта, которые шли въ ту же сторону, что и мы.

Мы ихъ понемногу нагоняли. Когда разстояніе уменьшилось, можно было совершенно отчетливо разглядѣть, что это — два миноносца. Очевидно, они шли въ Либаву. Насъ они не замѣтили, потому что у нихъ, какъ всегда это бываетъ, все вниманіе было обращено только впередъ.

Несмотря на огромное превосходство, какъ въ силѣ, такъ и въ скорости, мы ничего не могли предпринять противъ непріятеля и даже старались, чтобы онъ насъ не открылъ, такъ какъ шли съ минами, которыя необходимо было поставить незамѣтно.

93. Походъ къ Стейнорту.

Въ 12 ч. 20 м., отрядъ подошелъ къ самому маяку Стейнортъ и, хотя былъ не совсѣмъ еще въ назначенномъ мѣстѣ, но Адмиралъ, не желая упустить противника, рѣшилъ поставить загражденіе раньше. Благодаря неожиданности приказанія, намъ пришлось страшно торопиться, такъ какъ наши мины были еще не готовы. Все-таки нѣкоторыя изъ нихъ запоздали, и произошло общее растяженіе линіи постановки; три послѣднихъ мины пришлось даже сбросить значительно позже.

Послѣ постановки, когда Адмиралъ уже совсѣмъ собрался отдать приказаніе о погонѣ за непріятелемъ, вдругъ съ „Летуна“ по семафору спросили, когда начнется постановка. Оказывается, на другихъ миноносцахъ не разобрали сигнала о ея началѣ, и продолжали идти съ минами. Пришлось повернуть и идти обратно на то же мѣсто, бросивъ всякую мысль о погонѣ. Было очень обидно вертѣться у Стейнорта около двухъ часовъ подрядъ; вѣдь, съ маяка насъ могли легко замѣтить, и тогда возникло бы подозрѣніе, что мы ставили мины.

Вообще, во время этого похода, наша внутренняя организація замѣтно хромала, и неопытность личнаго состава на всѣхъ новыхъ миноносцахъ вызывала много недоразумѣній.

Когда, наконецъ, мины были поставлены, отрядъ повернулъ на сѣверъ и пошелъ обратно въ Соэло-Зундъ.

Въ 8 часовъ утра, онъ былъ у входа въ Соэло-Зундъ. Сейчасъ же къ намъ подошелъ нашъ моторный катеръ, и старшина доложилъ, что онъ благополучно отбуксировалъ аппаратъ къ берегу, гдѣ его вытащили и теперь исправляютъ.

Въ самомъ проливѣ мы встрѣтили „Амурца" и „Эмира Бухарскаго". На нашихъ глазахъ, послѣднiй, при разворачиванiи, попалъ на камни и получилъ пробоину. Войдя на Кассарскiй плесъ, мы еще повстрѣчали „Орлицу", шедшую за своимъ аппаратомъ.

Около 1 часа дня, миноносцы вошли въ Рогокюльскую гавань и встали на свое обычное мѣсто.

Командующiй Флотомъ остался вполнѣ доволенъ результатомъ нашей операцiи и считалъ, что отрядъ все-же не былъ замѣченъ непрiятелемъ.

6-го октября изъ Чернаго моря пришли подробности подвига подлодки „Тюлень", совершеннаго ею 29-го сентября.

„Тюлень", подъ командой Старшаго Лейтенанта М. А. Китицына, находился въ обычномъ дежурствѣ въ районѣ Босфора. Была ночь. Подлодка всплыла на поверхность. Вдругъ въ темнотѣ обрисовался силуэтъ какого-то большого парохода, идущаго отъ Босфора.

Командиръ „Тюленя" рѣшилъ не топить его миной, а попытаться захватить и привести въ Севастополь. Съ этой цѣлью онъ повернулъ навстрѣчу пароходу и безшумно сталъ приближаться.

Пароходъ не замѣтилъ подлодки, и снаряды, которые онъ въ слѣдующiй моментъ получилъ, явились для него полной неожиданностью. На немъ сейчасъ же возникъ пожаръ. Поднялась тревога, и началась безпорядочная стрѣльба: пароходъ оказался вооруженнымъ нѣсколькими орудiями. Къ счастью, „Тюлень" былъ въ мертвомъ углѣ и совершенно не пострадалъ отъ этого огня.

Послѣ нѣсколькихъ еще попаданiй, на пароходѣ произошла паника, и весь экипажъ бросился къ шлюпкамъ. Увидя это, командиръ „Тюленя" прекратилъ огонь и отправилъ туда вахтеннаго начальника, механика и 5 человѣкъ команды. Къ утру пожаръ былъ потушенъ, подняты пары, и пароходъ самостоятельно могъ идти въ Севастополь.

Онъ былъ водоизмѣщенiемъ около 3.000 тоннъ и носилъ названiе „Родосто". Имъ командовалъ германскiй офицеръ, который съ двумя еще германскими и однимъ турецкимъ офицерами, а также 20-ью матросами, попалъ въ плѣнъ.

О происшедшемъ „Тюлень" немедленно далъ знать по радiо Командующему Флотомъ. Съ быстротою молнiи, вѣсть объ этомъ облетѣла весь Севастополь, и для встрѣчи на берегу собралась огромная толпа. Вскорѣ на горизонтѣ пока-

зался дымъ; всѣ такъ и впились въ него глазами. Черезъ нѣсколько времени на Севастопольскій рейдъ медленно вошелъ, конвоируемый „Тюленемъ", „Родосто" подъ Андреевскимъ флагомъ, поднятымъ надъ турецкимъ полумѣсяцемъ. Громкое, долго несмолкавшее „ура" привѣтствовало прибытіе приза Черноморскаго Флота.

7-го октября, Командующій Флотомъ получилъ извѣстіе, что въ районѣ Сарычевскаго маяка держится непріятельскій отрядъ, въ составѣ трехъ полу-флотилій миноносцевъ. Были данныя предполагать, что онъ поставилъ загражденіе. Ввиду этого Командующій послалъ насъ его нагнать. Мы срочно вышли изъ гавани на Кассарскій плесъ въ слѣдующемъ составѣ: „Новикъ", „Побѣдитель", „Орфей", „Громъ", „Летунъ", „Десна", „Капитанъ Изылметьевъ", „Дѣльный" и „Дѣятельный". До нашего выхода, фарватеръ отъ Соэло-Зунда въ море, долженъ былъ быть протраленъ 2-мъ Дивизіономъ Тральщиковъ.

Въ 2 часа дня мы подошли къ Соэло-Зунду и увидѣли, что всѣ тральщики преспокойно стоятъ на якорѣ. На вопросъ Адмирала, протраленъ-ли фарватеръ, они заявили, что работать не могли изъ-за слишкомъ большой зыби. Намъ всѣмъ пришлось встать на якорь. Тральщиковъ сейчасъ-же заставили выйти въ море и попробовать тралить. Въ 5 часовъ пришло донесеніе, что работать нельзя. Оставалось только ждать.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, тральщики вышли на работу и въ полдень донесли, что она окончена. Нашъ отрядъ немедленно снялся и вышелъ въ море. Благополучно пройдя Соэло-Зундъ, онъ легъ на фарватеръ и дошелъ до мѣста плавучаго Сарычевскаго маяка. Въ морѣ, конечно, больше никого не было; да и немудрено — вѣдь, съ момента появленія непріятеля прошло почти двое сутокъ. Было бы совершенно невѣроятно, чтобы онъ держался тамъ такъ долго.

Обратно пришлось возвращаться въ темнотѣ. Для оріентировки, еще заранѣе, на поворотахъ были поставлены „Дѣльный" и „Дѣятельный".

Къ 7 часамъ вечера миноносцы благополучно добрались до пролива и встали на якорь у Сэрро, такъ какъ въ такую темноту идти каналомъ было нельзя.

На слѣдующее утро, съ разсвѣтомъ, отрядъ прошелъ каналъ и вошелъ на Кассарскій плесъ. Тамъ его засталъ густой туманъ, такъ что онъ съ большимъ трудомъ добрался до Куйваста, и два миноносца даже слегка попортили себѣ лопасти винтовъ.

Вечеромъ „Новикъ" пошелъ на стрѣльбу особыми снарядами, которые, разрываясь, довольно долго освѣщаютъ цѣль. Стрѣльба прошла удачно, но Адмиралъ рѣшилъ произвести еще нѣсколько испытаній. Въ слѣдующій вечеръ „Новикъ" снова пошелъ на стрѣльбу, и мы старались выработать болѣе вы-

годный методъ пользованія этими снарядами. Для этого сначала мы изъ трехъ орудій освѣщали щитъ, а остальные миноносцы стрѣляли, потомъ каждый миноносецъ самъ для себя освѣщалъ щитъ и т. д. . . Въ заключеніе цѣль была освѣщена прожекторомъ, и стрѣльба вышла такъ же хороша, какъ и со свѣтящимися снарядами. Это обстоятельство какъ бы умаляло ихъ значеніе; но преимущество все же оставалось въ томъ, что въ первомъ случаѣ стрѣлявшіе не показывали своего мѣста противнику, а во вторыхъ — ему было легко пристрѣляться по прожектору, сбить его и нанести поврежденіе самому судну, которое имъ освѣщаетъ.

9-го октября мы узнали, что въ Севастополѣ погибъ линейный корабль „Императрица Марія". Отъ недостатковъ въ устройствѣ вентиляціи бомбовыхъ погребовъ, на немъ вспыхнулъ пожаръ, который быстро распространился, несмотря на всѣ принятыя мѣры; затѣмъ, одинъ за другимъ, стали взрываться погреба.

Когда Командующій Флотомъ, Адмиралъ А. В. Колчакъ, узналъ о случившемся, онъ немедленно отправился на „Марію", гдѣ самъ руководилъ тушеніемъ пожара. Однако, предупредить дальнѣйшіе взрывы не было возможности, а потому, чтобы спасти корабль, Адмиралъ Колчакъ отдалъ приказаніе затопить его на мелкомъ мѣстѣ. Онъ покинулъ „Императрицу Марію" послѣднимъ, тогда, когда она уже погружалась.

Въ связи съ этой катастрофой, немедленно поползли зловѣщіе слухи. Но тщательное разслѣдованіе выяснило, что тутъ на лицо былъ только несчастный случай, а не злой умыселъ.

Черезъ нѣсколько дней Адмирала Кедрова опять вызвалъ Командующій Флотомъ, и мы пошли въ Ревель. Тамъ выяснилось, что на нашемъ Стейнортскомъ загражденіи взорвались подлодка „U 32", пароходъ и три тральщика. Слѣдовательно, постановка дѣйствительно прошла незамѣченной непріятелемъ, и мѣсто было выбрано очень удачно.

Черезъ день, мы вернулись въ Куйвастъ и опять потянулось однообразное стояніе на якорѣ.

За это время произошла катастрофа съ „Казанцемъ", который, вмѣстѣ съ „Украйной", конвоировалъ въ Ревель транспортъ „Хабаровскъ".

Въ 11 часовъ 45 минутъ утра, у Грасгрунда его атаковала подлодка, воспользовавшаяся тѣмъ, что онъ шелъ очень малымъ ходомъ. Мина попала почти въ середину борта, и миноносецъ немедленно пошелъ ко дну. Изъ офицерскаго состава спаслось трое; погибли Инженеръ-Механикъ Старшій Лейтенантъ Э. Е. Розенгренъ и Мичманъ Шакѣевъ. Изъ команды спаслось 2 кондуктора и 29 матросовъ. Несомнѣнно, что было большой оплошностью посылать днемъ тихоходный транспортъ мо-

ремъ, хотя бы и подъ конвоемъ миноносцевъ, разъ хорошо извѣстно, что тамъ часто появляются непріятельскія подлодки. Транспорты отлично могли бы ходить по ночамъ.

До 22-го октября, „Новикъ" все время стоялъ въ Куйвастѣ или въ Рогокюлѣ. Въ этотъ день, изъ Моонзунда въ Гельсингфорсъ должны были выйти линейный корабль „Слава", и крейсеръ „Діана". Ввиду этого, Адмиралъ хотѣлъ съ ними проститься и затѣмъ проконвоировать до выхода изъ Моонзунда.

Въ полдень, оба эти корабля вошли въ каналъ и стали медленно двигаться къ Вормсу, куда благополучно пришли къ 6 часамъ. До 4 часовъ утра, они должны были еще простоять тамъ, и только послѣ уже продолжать путь въ Гельсингфорсъ, черезъ Лапвикъ.

94. Эскадренный миноносецъ „Казанецъ".

Это было огромное событіе для личнаго состава „Славы", которая больше года простояла въ Рижскомъ заливѣ. За это время было нѣсколько моментовъ, когда ея гибель можно было считать неизбѣжной, такъ какъ, запертая съ моря сильнѣйшимъ непріятелемъ, она никакъ не могла спастись, не имѣя возможности пройти черезъ Моонзундъ. Открытіе канала сразу измѣнило ея положеніе, и теперь она благополучно выходила изъ залива къ великой радости всѣхъ ея офицеровъ и команды. Нельзя не отдать должнаго „Славѣ". Она съ честью вышла изъ всѣхъ выпавшихъ на ея долю тяжелыхъ испытаній, а вѣдь — было время, когда вся тяжесть непріятельскаго натиска падала только на нее одну.

25-го октября было получено извѣстіе, что въ 11 часовъ 50 минутъ утра, на минѣ у Вульфскаго знака, подорвался „Летунъ". Отъ взрыва у него въ кормѣ образовалась огромная

пробоина, и отъ турбинной переборки до ахтеръ-штевня все заполнилось водой. Онъ потерялъ возможность двигаться, и его дотащили до Ревельской гавани при помощи буксировъ.

Не обошлось и безъ жертвъ; было убито 5 матросовъ, тяжело ранено — 6, и легко — 8.

Мѣсто, гдѣ подорвался „Летунъ", находилось за Центральной позиціей; считалось, что непріятель никакъ туда не могъ проникнуть. Единственнымъ объясненіемъ этому факту, могло быть подозрѣніе, что, нѣсколько дней тому назадъ, сквозь загражденіе какимъ-то способомъ удалось проникнуть непріятельскому подводному заградителю, который и разбросалъ небольшое количество минъ въ восточной части Финскаго залива. Ввиду же того, что онѣ были разбросаны на огромномъ пространствѣ, обнаружить ихъ почти не представлялось возможности. Слѣдовательно, движеніе судовъ въ этой части залива должно было уже происходить только по фарватерамъ; но возможно, что и на нихъ могла попасться какая-нибудь мина.

Въ этотъ же вечеръ были получены дополнительныя свѣдѣнія, что на нашемъ Стейнортскомъ загражденіи взорвались еще два парохода.

Ночь съ 27-го на 28-ое октября выдалась очень безпокойной. Тревога началась съ того, что наблюдательные посты съ маяковъ Вормсъ и Тахкона, около 10 часовъ вечера, услыхали на NW нѣсколько сильныхъ взрывовъ. Судя по направленію, они произошли въ районѣ Передовой позиціи.

Въ 2 часа 45 минутъ ночи пришло еще болѣе тревожное извѣстіе: маякъ Пакерортъ увидѣлъ 8 непріятельскихъ миноносцевъ. Вскорѣ затѣмъ, онъ донесъ, что миноносцы, подойдя къ Балтійскому Порту, обстрѣливали его въ теченіе 20 минутъ, а послѣ — скрылись на западъ.

Едва только получилось первое донесеніе Пакерорта, какъ насъ сейчасъ же всѣхъ разбудили, и Дивизіи было приказано срочно выйти въ море и отрѣзать пути отступленія непріятельскимъ миноносцамъ.

Всѣ миноносцы Дивизіи сейчасъ-же стали спѣшно поднимать пары. Къ 5 часамъ утра 1-ый и 5-ый Дивизіоны и „Новикъ" уже вышли на рейдъ и начали входить въ Нукка-Вормскій проходъ, но въ это время отъ Командующаго Флотомъ пришло отмѣнительное радіо. До разсвѣта мы остались стоять на рейдѣ, а потомъ стали опять входить въ гавань.

Въ 10 часовъ утра снова было получено приказаніе немедленно выйти къ Передовой позиціи, гдѣ, по свѣдѣніямъ, остался подорвавшійся непріятельскій миноносецъ.

Въ 11 часовъ, „Новикъ" вышелъ въ море, причемъ въ пути присоединился къ 1-му и 5-му Дивизіонамъ. Было указано, что непріятель держится въ 148 квадратѣ. Подойдя туда въ 3 часа

дня, мы тамъ ужъ больше никого не застали, и такъ какъ въ это время поднялся довольно сильный туманъ, то Адмиралъ рѣшилъ прекратить поиски и вернуться въ Рогокюль.

По свѣдѣніямъ Штаба Флота, во время этого безумнаго ночного прорыва, непріятель понесъ значительныя потери: два миноносца взорвались и погибли при прорывѣ въ заливъ; кромѣ того, одинъ миноносецъ подорвался на обратномъ пути, но затонулъ не сразу, и его нѣкоторое время буксировали другіе миноносцы. Есть основаніе предполагать, что это далеко еще не всѣ потери. Всего прорывавшихся миноносцевъ было 11, изъ которыхъ, слѣдовательно, по первымъ свѣдѣніямъ, погибло три.

30-го октября Командующій Флотомъ вызвалъ Начальника Дивизіи въ Ревель. Въ 11 часовъ 30 минутъ утра, совмѣстно съ „Побѣдителемъ" и „Громомъ", мы вышли въ море и благополучно дошли до Ревеля. Тамъ уже имѣлись дополнительныя свѣдѣнія о прошломъ набѣгѣ непріятеля. Оказывается, изъ 11 миноносцевъ погибло семь. Картина происшедшаго была приблизительно слѣдующая. Отрядъ, состоявшій изъ 11 миноносцевъ, прорывался въ заливъ, идя въ кильватерной колоннѣ. У банки Аполлонъ взорвались первыхъ два миноносца. Тогда Начальникъ отряда запросилъ — идти ли ему дальше, и въ отвѣтъ получилъ приказаніе продолжать операцію. Дальнѣйшій путь къ Балтійскому Порту прошелъ удачно и, подойдя туда, три миноносца вошли на рейдъ и начали стрѣлять. Ихъ снарядами было убито 2 солдата, 2 женщины и 4 дѣтей, ранено — 7 человѣкъ, и кромѣ того убито 12 лошадей. Насколько въ темнотѣ можно было замѣтить, отрядъ состоялъ изъ четырехъ новѣйшихъ миноносцевъ, а остальные, хотя были тоже большіе, но сравнительно стараго типа.

На обратномъ пути, отрядъ, придерживаясь Финляндскаго берега, снова попалъ на загражденіе Передовой позиціи, гдѣ у него сейчасъ-же взорвалось три миноносца. Это обстоятельство сильно смутило остальныхъ, и они пошли вдоль позиціи къ югу. Во время путешествія по загражденіямъ опять взорвался одинъ миноносецъ. Тогда, должно быть съ отчаянія, оставшіеся рѣшили идти на „ура" и повернули на W. Немного спустя, изъ нихъ подорвался еще одинъ, и вскорѣ, какъ и всѣ предыдущіе, затонулъ. Уцѣлѣло и вышло на чистую воду только три миноносца, да и то у одного изъ нихъ произошла какая-то аварія съ котломъ, и онъ потерялъ возможность двигаться. Тогда другіе два взяли его на буксиръ.

Все это время у входа въ Финскій заливъ держались два легкихъ крейсера съ нѣсколькими маленькими миноносцами, готовые поддержать отрядъ въ случаѣ погони съ нашей стороны.

Оцѣнивая этотъ набѣгъ такъ, какъ онъ представляется намъ, его только и можно охарактеризовать, какъ „безумный", не дѣлающій чести освѣдомленности германскаго командованія. Зная навѣрное, что у насъ очень сильно заминированъ входъ въ Финскій заливъ, оно все же послало въ него свои суда. Непріятель не могъ не знать о загражденіяхъ, если не изъ тайныхъ источниковъ, то во всякомъ случаѣ отъ подлодокъ, которыя все время держались у входа въ заливъ, и очень часто проникали за загражденіе. Можетъ быть, именно онѣ и ввели его въ заблужденіе, указавъ какой-нибудь фарватеръ, которымъ сами пользовались, но за неимѣніемъ точной оріентировки, отряду попасть на него не удалось.

Исходя изъ того, что цѣлью операціи, повидимому, было лишь обстрѣлять Балтійскій Портъ, который самъ по себѣ, никакого военнаго значенія не имѣлъ и былъ населенъ почти исключительно мирными рыбаками, можно сказать, что непріятель, оцѣнивъ слишкомъ мало нашу защиту залива, очень жестоко за это поплатился.

Интересно, какъ вѣрно и подробно нарисовалъ этотъ прорывъ Командующій Флотомъ, Адмиралъ Непенинъ. Еще разъ мы получили подтвержденіе, что всѣ его свѣдѣнія и выводы всегда были безошибочны.

Приводимое ниже, въ переводѣ съ нѣмецкаго, описаніе набѣга непріятельскихъ миноносцевъ, составленное Начальникомъ Флотиліи, Капитаномъ Виттингъ и помѣщенное въ книгѣ „Auf See unbesiegt", стр. 68, очень совпадаетъ съ тѣмъ, что сообщилъ Непенинъ.

„На минахъ.

Это было 27-го октября.

Бѣшеннымъ ходомъ неслись 11 миноносцевъ X Флотиліи, подъ моимъ командованіемъ, внутрь Финскаго залива навстрѣчу непріятелю.

Что можетъ быть лучше!

Въ моемъ распоряженіи — храбрые, закаленные войной офицеры и команды. Они слѣпо довѣряютъ другъ другу и въ трудныя минуты работаютъ рука объ руку. Ихъ томитъ нетерпѣніе столкнуться съ врагомъ, сразиться во имя побѣды и славы Германіи. Моя флотилія состоитъ изъ новѣйшихъ, лучшихъ миноносцевъ. Намъ поставлена цѣль — уничтоженіе непріятельскихъ кораблей, цѣль, которою, какъ солдатъ, долженъ гордиться каждый истый морякъ.

Правда, заданіе очень нелегко и рискованно. Адмиралъ, пославшій насъ, взялъ на себя тяжелую отвѣтственность. Но это уже не наше, и не мое дѣло. Мы знаемъ, что русскіе пона-

ставили много минъ въ своихъ водахъ, но счастье сопутствуетъ риску; отчего бы ему не улыбнуться и намъ!

Итакъ, впередъ! „Курсъ — Ost, ходъ — 21 узелъ, строй — кильватеръ", такъ гласилъ мой сигналъ съ наступленіемъ темноты.

Въ безконечно длинной колоннѣ шли миноносцы за головнымъ „S 56". Такой строй былъ избранъ, чтобы по возможности предохранить себя отъ минъ. Разстояніе между каждымъ изъ миноносцевъ — 300 метровъ. Сзади видны только три миноносца; остальные — теряются въ темнотѣ. Это — неудобно, но ничего не подѣлаешь; недаромъ, вся линія, отъ головного „S 56" и до концевого корабля, растянулась болѣе чѣмъ на 3000 метровъ.

Погода благопріятная: луна скрыта облаками и море спокойно.

Въ 8 ч. 38 м., передаютъ по Морзе, что задніе миноносцы отстали. Пришлось повернуть, чтобы узнать, что случилось. Трехъ заднихъ миноносцевъ — нѣтъ: „S 57" (доблестный Старшій Лейтенантъ Притвицъ; впослѣдствіи — погибъ), „V 75" (Капитанъ-Лейтенантъ Менхе) и „G 89" (Капитанъ-Лейтенантъ Заупе). Ихъ больше не видно. Наконецъ, по линіи, съ задняго миноносца передаютъ, что одинъ изъ нихъ подорвался на минѣ.

Это было печальное начало. Но что дѣлать! Долгіе поиски въ темнотѣ этихъ миноносцевъ, которые теперь остались гдѣ-то далеко на западѣ, все равно ни къ чему не приведутъ. Кромѣ того, вѣдь, при пострадавшемъ, согласно заранѣе отданному распоряженію, остались два миноносца.

Повернули опять и съ остальными идемъ дальше на востокъ. Только позже, удалось узнать подробности того, что случилось. Оказывается, на „V 75", подъ команднымъ мостикомъ, взорвалась мина, и кочегарки быстро наполнились водой. На помощь къ нему подошелъ „S 57". Вдругъ раздался новый, страшный взрывъ, которымъ „V 75" былъ разорванъ на три части. Этимъ же взрывомъ на „S 57", срываетъ главный паропроводъ, а вскорѣ, онъ и самъ попадаетъ на мину и гибнетъ. „G 89" спасаетъ съ обоихъ миноносцевъ ихъ экипажи.

Между тѣмъ, флотилія продолжаетъ свой путь 21-узловымъ ходомъ. Въ 10 ч., мы съ большимъ трудомъ открыли островъ Оденсхольмъ и опредѣлились, чтобы точно знать свое мѣсто во время предстоящей операціи.

Наконецъ, отъ „G 89" приходитъ радіо, что „V 75" и „S 57" погибли.

Я сейчасъ же хотѣлъ приказать, чтобы три миноносца пошли ему на помощь, такъ какъ онъ имѣлъ на себѣ три комплекта команды; но въ это время приходитъ второе радіо, что „G 89" повернулъ на западъ и имѣетъ ходъ 30 узловъ. Тѣмъ лучше.

Значитъ, я могу спокойно продолжать путь съ остальными восемью миноносцами. Пусть успѣхъ операціи вознаградитъ насъ за потерю двухъ кораблей.

Но гдѣ же непріятель? Или онъ опять предательски предупрежденъ о нашемъ набѣгѣ? Ни одного корабля, ни одного дозорнаго судна, хотя мы уже давно въ Финскомъ заливѣ. Это обидно. . .

Для того, чтобы сдѣлать что-нибудь, я рѣшаю войти въ Роогеръ-Викъ и обстрѣлять укрѣпленный Балтійскій Портъ. Возможно, что въ его гавани стоятъ непріятельскіе корабли.

Пять миноносцевъ я оставляю передъ бухтой, а съ „G 90“ (Капитанъ-Лейтенантъ Херингъ), „S 59“ (Капитанъ-Лейтенантъ Клейнъ) и „S 56“ (бравый и жизнерадостный Капитанъ-Лейтенантъ Крехъ; впослѣдствіи — тоже погибъ), я вхожу въ бухту Роогеръ-Викъ.

Загражденіе, очевидно, поставлено въ самой бухтѣ.

Осторожно проходя вплотную къ форту съ восточной стороны, мы подходимъ къ молу на разстояніе 600 метровъ. Ни одного корабля нѣтъ. Какъ это досадно! Что же, остается обстрѣлять только военныя сооруженія.

Бѣдный Балтійскій Портъ! Напрасно тамъ чувствуютъ себя такъ спокойно за минными загражденіями. Какой переполохъ поднялся, вѣроятно, въ немъ, когда въ 1 ч. 30 м. ночи, шесть прожекторовъ вдругъ неожиданно забѣгали своими лучами взадъ и впередъ, и началась ужасная бомбардировка. Но „варвары“ обстрѣливаютъ только сооруженія въ гавани: склады, сараи и подобныя постройки, и щадятъ мирный городъ. . . Выпущены 162 разрывныхъ гранаты; результатъ — солдаты и лошади убиты, а военныя сооруженія превращены въ развалины. . .

Послѣ этого выходимъ изъ бухты и, давъ 26 узловъ, несемся на западъ. Тамъ, за миннымъ полемъ, въ условленномъ мѣстѣ, насъ ждутъ наши легкіе крейсера.

Чтобы не попасть на то мѣсто, гдѣ взорвались „S 57“ и „V 75“ я немного мѣняю курсъ.

Вдругъ за послѣднимъ миноносцемъ нашей колонны блеснули вспышки и послышался грохотъ орудій! Итакъ, непріятель все-таки насъ открылъ и напалъ на задніе миноносцы! Самый полный ходъ впередъ! Скорѣе на помощь! Въ этотъ моментъ, на второмъ миноносцѣ, „G 90“ (Капитанъ-Лейтенантъ Херингъ), поднимается огромный столбъ воды. Кругомъ больше ничего не слышно. На самомъ миноносцѣ — образцовое спокойствіе. Проходя мимо „G 90“, я узнаю подробности несчастія. Оказывается, мина взорвалась подъ турбинами. Это — ужъ третій миноносецъ.

„S 59“ (Капитанъ-Лейтенантъ Клейнъ), подойдя къ борту „G 90“ принимаетъ его команду, а тотъ тѣмъ временемъ тонетъ.

Не успѣло еще остыть впечатлѣніе объ этой потерѣ, какъ прожекторъ задняго миноносца, прорѣзая своими лучами темноту ночи начинаетъ сигналить. Мы съ отчаяніемъ читаемъ: „V 72“ М. М. (попаданіе миной). Нѣтъ, это не подводныя лодки — это мины! . .

Но вѣдь это — адъ, куда мы попали!

Я подхожу къ „V 72“ (бравый Капитанъ-Лейтенантъ баронъ фонъ-Редеръ; позже — тоже погибъ). У его борта уже стоитъ „V 77“ (Капитанъ-Лейтенантъ Стратманъ), который снимаетъ команду.

Довести подорванные миноносцы до порта нечего и думать: они настолько повреждены, что еле держатся на водѣ.

Итакъ, „S 57“ и „V 75“ погибли на пути впередъ, а теперь погибли „G 90“ и „V 72“; отъ гордой Флотиліи остается всего шесть миноносцевъ. Что-то еще готовитъ намъ судьба!

Тѣмъ временемъ, „G 89“ благополучно подошелъ къ крейсерамъ.

Продолжаемъ путь на западъ. Но не успѣли еще всѣ миноносцы соединиться, какъ сзади меня, снова вспыхиваетъ ужасное „М. М.“. Это — „S 58“ (бравый Капитанъ-Лейтенантъ Херманъ; позже — погибъ).

И этотъ миноносецъ такъ сильно поврежденъ, что больше не въ состояніи держаться на водѣ. Въ его отсѣки вливается огромное количество воды, и онъ вдругъ опрокидывается. Слава Богу еще, что большая часть команды — уже на „S 59“.

Что за страшная ночь! Кругомъ — темнота, погода все портится, а за загражденіями, навѣрно, ждетъ насъ со своими флотиліями непріятель. Среди же этого чертова котла — только мины, противъ которыхъ нѣтъ защиты.

Вдругъ опять зажигается прожекторъ: „М. М.“. Значитъ, опять надо, рискуя собой, снимать людей съ подорвавшагося миноносца, а затѣмъ, что наиболѣе обидно, онъ погибнетъ со своими торпедами, которыя, однако, потонутъ не сразу.

Увы, онѣ должны потонуть, такъ какъ мы ихъ не можемъ взять съ собою, и онѣ не должны плавать на поверхности, чтобы не попасть въ руки русскихъ.

Весь этотъ ужасъ скрашивается только благодаря мужеству, проявляемому офицерами и командами.

Но не время для размышленій! Всѣмъ довольно работы, и миноносцамъ, которые тонутъ, и тѣмъ, которые спасаютъ. Мнѣ самому то и дѣло приходится отдавать приказаніе за приказаніемъ, и по возможности вести миноносцы такъ, чтобы и остальные не наткнулись на мины. Курсъ держимъ на югъ, такъ какъ мнѣ онъ кажется самымъ безопаснымъ; вѣроятно,

загражденія расположены именно по этому направленію, а слѣдовательно, мы будемъ идти параллельно ему.

Разумѣется, тѣ, которые подходятъ къ борту подорвавшагося миноносца, и сами подвергаются огромной опасности, но другого выхода нѣтъ. Если бы еще было точно извѣстно расположеніе загражденія, тогда всѣ миноносцы просто остались бы за нимъ, а спасеніе велось при помощи шлюпокъ. Но разъ вокругъ — мины, то для меня, какъ Начальника, можетъ быть только два рѣшенія: или предоставлять подорвавшійся миноносецъ его собственной участи, и съ другими стремиться полнымъ ходомъ выйти съ миннаго поля, или – посылать миноносецъ къ борту пострадавшаго снять экипажъ, находясь съ остальными по близости, наготовѣ помочь и второму, если онъ тоже попадетъ на мину. Первое рѣшеніе мнѣ, какъ германскому офицеру, не могло придти даже на умъ; такимъ образомъ, оставалось только — послѣднее.

Спасеніе шлюпками тянется слишкомъ долго. Ужъ болѣе часа, какъ „S 59" перевозитъ ими команду „S 58"; онъ не можетъ подойти къ самому борту, ибо на поверхности, рядомъ съ нимъ, видны мины. Все это время остальные миноносцы должны держаться тутъ же, на минномъ полѣ.

Наконецъ, „S 59" — готовъ, и идетъ за остальными миноносцами. Но не успѣваетъ онъ пройти и 1000 метровъ, какъ его постигаетъ та же судьба. Сквозь темноту ночи опять сверкаетъ зловѣщее „M. M.".

Теперь уже я самъ иду къ борту „S 59".

Очень непріятное плаваніе. Вотъ я вижу двѣ большія мины, плавающія на поверхности, почти рядомъ съ „S 59". Скорѣе къ борту, взять команду, и прочь отъ тебя, доблестный корабль! Ты слишкомъ тяжело поврежденъ, чтобы тебя можно было довести домой.

„S 59" уже имѣлъ на себѣ два лишнихъ состава, а потому, когда „S 56" пришлось снять съ него всѣхъ людей, на немъ оказалось три лишнихъ комплекта. Всего на нашемъ борту находилось теперь — почти 400 человѣкъ.

Но какъ хорошо держатъ себя люди! Ни страха, ни злобы, ни слова упрека; даже нѣтъ торопливости при пересадкѣ. Все идетъ, какъ на ученіи. По временамъ слышатся возгласы: „сперва возьмите раненыхъ, а потомъ перейдемъ и мы." Да, то были надежные люди! . .

Я еще имѣю четыре миноносца! Неужели, еще не конецъ этой дьявольской ночи? Нѣтъ! Мы все пока – на минахъ. Довольно размышленій! Они не помогутъ. Скорѣе, какъ можно скорѣе прочь изъ этихъ злыхъ водъ! Дальше, дальше, на западъ, съ „S 56", „V 76", „V 77" и „V 78", со скоростью 27 узловъ!

Одно утѣшеніе: стало свѣтать. Но бѣдамъ еще не пришелъ конецъ. Вдругъ опять тихій звукъ взрыва подъ послѣднимъ миноносцемъ, „V 76“ (Капитанъ-Лейтенантъ Ясперъ). Высокій столбъ воды, и — „М. М.“. „V 77“ спасаетъ экипажъ, а „V 76“ тонетъ.

Осталось только три миноносца. Одиноко и грустно мы ищемъ правильный путь домой и, на этотъ разъ, находимъ. . . Удивительнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, „S 56“ избѣжалъ всѣ мины, хотя, какъ флагманскій, шелъ въ кильватерной колоннѣ головнымъ. Наконецъ, и съ нимъ произошло несчастье, но, правда, безъ тяжелыхъ послѣдствій. Неожиданно, лопнула одна изъ трубъ, и изъ котловъ ушла почти вся вода. Миноносецъ принужденъ остановиться. Сейчасъ же на помощь къ нему подходятъ „V 77“ (Капитанъ-Лейтенантъ Стратманъ) и „V 78“, съ моимъ вѣрнымъ Начальникомъ Полу-Флотиліи, Капитанъ-Лейтенантомъ Регенсбургъ, и храбрымъ командиромъ, Капитанъ-Лейтенантомъ Кранцъ. Они ошвартовываются къ бортамъ и даютъ воду. Исправленіе аваріи длится почти часъ. Кругомъ все еще — мины.

Наконецъ, мы — на чистой водѣ, заботы о сохраненіи миноносцевъ въ цѣлости окончены, и навстрѣчу намъ уже идутъ другіе миноносцы. Они высланы Контръ-Адмираломъ Лангемакъ, находящимся на „Кольбергѣ“. Вскорѣ и онъ самъ встрѣчаетъ насъ привѣтственнымъ сигналомъ, трогающимъ душу и сердце.

Непріятеля мы такъ и не видѣли. Какъ выяснилось позже, онъ даже не выходилъ въ море.

Проклятая, злая ночь была позади насъ!

Изъ 11 миноносцевъ осталось только четыре: „S 56“, „V 77“, „V 78“ и „G 89“.

Я, мои офицеры и команды переживали тяжелыя минуты.

Но мы сдѣлали все, что могли, и это сознаніе утѣшало насъ.

Война требуетъ жертвъ. Правда, мы не потопили ни одного непріятельскаго корабля, но зато все же разрушили важныя сооруженія Балтійскаго Порта и проникли въ тѣ воды, гдѣ русскіе чувствовали себя въ полной безопасности.

Отнынѣ они должны быть всегда готовы къ такимъ случаямъ, какъ этотъ. Все же, наше дѣло имѣетъ большое значеніе, такъ какъ непріятель какъ разъ подготовлялъ перевозку войскъ изъ Ревеля въ Ригу, что для нашей арміи было тогда очень невыгодно.

Въ эти тяжелые часы, мы, офицеры и команды X Флотиліи, научились понимать и цѣнить другъ друга. Ни слова, ни дѣйствія, ни приказанія не омрачаютъ память объ этихъ часахъ тѣснаго, самоотверженнаго и свѣтлаго единенія.

Со скорбью доношу о потерѣ столькихъ миноносцевъ, съ гордостью за личный составъ, и въ надеждѣ что съ такими офицерами и командами, мнѣ придется принять участіе еще въ другихъ операціяхъ, — и закончилъ свой рапортъ такъ:

„. . . Краткіе промежутки между взрывами, частая гибель миноносцевъ и ежеминутное сознаніе возможности погибнуть — требовали отъ офицеровъ и командъ огромнаго самообладанія, граничившаго съ подвигомъ.

Съ чувствомъ гордости, я, какъ Начальникъ Флотиліи, могу донести о выдающемся поведеніи офицеровъ и командъ. Люди соперничали въ выдержкѣ и спасали прежде всего раненыхъ.

Всѣ маневры, спасеніе людей и подготовки къ взрывамъ, производились съ величайшимъ самообладаніемъ и тщательностью.

Только такому примѣрному, хладнокровному и доблестному поведенію офицеровъ и командъ можно приписать то, что всѣ оставшіеся въ живыхъ были спасены, и что общія потери были всего 16 убитыхъ."

2-го ноября „Новикъ" съ „Десной" опять пошли въ Рогокюль, гдѣ и застряли надолго.

3-го ноября 3-ій Дивизіонъ Тральщиковъ обнаружилъ загражденіе у входа въ Нуккэ-Вормскій фарватеръ. Трудно было опредѣлить, когда его поставилъ непріятель, но возможно, что именно въ ту ночь, когда былъ прорывъ миноносцевъ. Спасибо Командующему Флотомъ, который, предугадывая эту возможность, отмѣнилъ нашъ походъ; вѣдь, мы уже входили въ этотъ проходъ, и тогда первымъ пострадалъ бы именно „Новикъ", шедшій впереди.

4-го ноября, вечеръ и ночь были опять тревожными: ожидался налетъ нѣсколькихъ цеппелиновъ, а кромѣ того въ морѣ, недалеко отъ острова Эзель, держалось около 20 непріятельскихъ миноносцевъ. Одинъ моментъ Командующій Флотомъ даже сталъ опасаться, не подготовка ли это большого прорыва въ Финскій заливъ, а потому всѣ суда, и, главнымъ образомъ, Минная Дивизія были въ полной готовности въ любой моментъ выйти въ море. Потомъ всѣ эти приготовленія были отставлены, такъ какъ цеппелины близко не показывались, а миноносцы скоро ушли.

Въ тотъ же день была затралена мина у маяка Нерва, т. е. недалеко отъ Кронштадта. Это еще разъ подтвердило версію, что непріятельскій подводный заградитель разбросалъ свои мины по всей восточной части залива; поэтому приходилось быть очень осторожными.

9-го ноября получилось аналогичное подтвержденіе, но уже болѣе печальнаго характера: на пути въ Кронштадтъ подорвался на минѣ и получилъ большую пробоину крейсеръ „Рюрикъ“.

Подробности его подрыва таковы.

6-го ноября „Рюрикъ“, совмѣстно съ „Андреемъ Первозваннымъ“ и „Баяномъ“, въ 4 часа дня, вышелъ изъ Гельсингфорса въ Кронштадтъ для ремонта.

Отрядъ шелъ въ кильватерной колоннѣ, имѣя головнымъ „Андрея“, затѣмъ — „Рюрика“ и „Баяна“. Его конвоировалъ 8-ой Дивизіонъ Миноносцевъ.

Въ 8 ч. 15 м. вечера, при поворотѣ на створъ южныхъ Гогландскихъ маяковъ, въ $3^1/_2$ кабельтовыхъ отъ берега, „Рюрикъ“, катясь влѣво, коснулся *правой* скулой мины, приблизительно между восьмымъ и десятымъ шпангоутами. Повидимому, непріятельское загражденіе было поставлено совершенно точно на створѣ. По какой-то счастливой случайности, „Андрей“, сидѣвшій значительно глубже „Рюрика“, прошелъ, не задѣвъ мины.

Звукъ взрыва былъ настолько силенъ, что походилъ на залпъ дредноута изъ всѣхъ башенъ. На поверхности воды показалось огромное пламя, которое черезъ правый якорный клюзъ проникло на палубу. Вслѣдъ затѣмъ, поднялся гигантскій столбъ воды, высотой до 140 футовъ, выше форъ-марса, и обрушился на носовую часть крейсера. Люди, находившіеся на мостикѣ, были моментально снесены на шкафутъ, и тамъ только остались командиръ, штурманъ и вахтенный начальникъ, которыхъ потокомъ воды прижало къ рубкѣ.

Первое впечатлѣніе офицеровъ, находившихся въ моментъ взрыва въ каютъ-компаніи, было, что взорвался носовой погребъ. Команда же рѣшила, что крейсеръ попалъ подъ бомбы цеппелина, а потому всѣ бросились внизъ.

Ввиду того, что на командномъ мостикѣ всѣ были оглушены или смыты, своевременно не были включены колокола громкаго боя, и такимъ образомъ не была пробита водяная тревога. Сейчасъ же старшій офицеръ приказалъ офицерамъ обойти помѣщенія и послать команду по мѣстамъ. Черезъ три минуты послѣ этого, начали уже дѣйствовать водоотливныя турбины и были задраены всѣ двери и люки. Работа сильно облегчалась тѣмъ, что на всемъ крейсерѣ продолжало дѣйствовать электричество.

Положеніе „Рюрика“ внушало сильное опасеніе, ибо вода проникла во всѣ носовыя помѣщенія, а въ шпилевомъ отдѣленіи — прибывала приблизительно со скоростью $1^1/_2 - 2$ фута въ минуту. Крейсеръ получилъ дифферентъ въ 2′ 4″. Послѣ обслѣдованія удалось установить, что вся носовая часть,

до переборки на 30-мъ шпангоутѣ, совершенно затоплена. Чтобы эта переборка не сдала, ее сейчасъ же подкрѣпили деревянными подпорами.

Когда работы были закончены, „Рюрикъ" попробовалъ дать ходъ; это было черезъ 20 минутъ послѣ взрыва. Сначала онъ далъ 2, потомъ 4, 6 и, наконецъ, 8 узловъ, но вскорѣ былъ вынужденъ опять сбавить его до 6 узловъ, такъ какъ переборку шпилевого отдѣленія стало сильно пучить.

Работамъ сильно мѣшало огромное количество газа, наполнившаго всю носовую часть. Онъ былъ невидимъ и почти безъ запаха, но всѣ признаки отравленія имъ были на лицо. Вытяжной вентиляціи на крейсерѣ не было, а переносные вентиляторы оказались слишкомъ слабы; не помогали и противогазныя маски. Всѣ офицеры и 128 человѣкъ команды получили отравленіе. Едва только офицеры чувствовали себя немного лучше, они немедленно спускались внизъ, но вскорѣ ихъ снова выносили оттуда почти безъ чувствъ. Нельзя не отмѣтить особо энергичной и самоотверженной работы трюмныхъ, во главѣ со Старшимъ Лейтенантомъ С. К. Рашевскимъ: они всѣ были отравлены, а Рашевскаго три раза выносили безъ чувствъ.

Попытка подвести пластырь кончилась полной неудачей, такъ какъ онъ оказался въ три раза меньше площади пробоины, а, кромѣ того, все внутреннее желѣзо крейсера завернуло на лѣвый бокъ, что лишало возможности завести подкильные концы. Помимо всего работы еще осложнялись ночной темнотой.

По счастью, взрывомъ никто не былъ убитъ, хотя нѣкоторые матросы въ самый моментъ взрыва и находились въ носовыхъ помѣщеніяхъ; давленіемъ воздуха ихъ только выбросило наверхъ.

Получивъ донесеніе о подрывѣ „Рюрика", Командующій Флотомъ немедленно приказалъ Кронштадту выслать навстрѣчу крейсеру всѣ наличныя плавучія средства.

Въ 4 ч. утра, 7-го ноября, отрядъ подошелъ къ о. Лаванъ-Сари, гдѣ отдалъ якорь и простоялъ до 8-ми часовъ, для подробнаго осмотра подкрѣпленій переборки. У Сескара его встрѣтили Кронштадтскіе буксиры, а къ 8-ми часамъ вечера корабли благополучно вошли на внѣшній рейдъ.

8-го ноября „Рюрикъ" былъ введенъ въ докъ. Послѣ откачиванія воды оказалось, что площадь пробоины равнялась приблизительно 800 кв. футамъ. Носовыя помѣщенія до карапаса были совершенно уничтожены, и образовалась огромная арка. Вся внутренность крейсера съ лѣвой стороны оказалась вывернутой наружу. Форштевень, выше тарана, лопнулъ, и таранъ безпомощно висѣлъ. Киля до 27-го шпангоута

совершенно не было. Все желѣзо до того исковеркано, что убрать его очень трудно. Крейсеръ выбылъ изъ строя не менѣе, чѣмъ на десять недѣль.

10-го ноября у насъ была получена телефонограмма, что М. А. Беренсъ назначенъ командиромъ линейнаго корабля „Петропавловскъ", а „Новика" получилъ командиръ миноносца „Москвитянинъ", Капитанъ 2-го ранга А. К. Пилкинъ.

Прощаніе съ М. А. Беренсомъ продолжалось три дня и носило трогательный характеръ; разставаться съ нимъ было очень тяжело. Да и не удивительно: вѣдь, мы теряли въ немъ не только блестящаго боевого командира, но и обаятельнаго человѣка, котораго глубоко любили и уважали. Не только мы, офицеры „Новика", сожалѣли о М. А. Беренсѣ, о немъ сожалѣла и вся Минная Дивизія; за эти дни у насъ перебывали почти всѣ, чтобы проститься съ нимъ.

12-го ноября, наконецъ, проводы были кончены, и М.А.Беренсъ на миноносцѣ „Бдительный" ушелъ въ Лапвикъ принимать „Петропавловскъ". Мы, и почти всѣ офицеры Дивизіи, стояли на пристани и съ грустью смотрѣли на уходившій миноносецъ.

95. Командиръ „Новика", Капитанъ 1-го ранга М. А. Беренсъ.

15-го ноября состоялся первый походъ съ новымъ командиромъ къ Церелю, для осмотра Адмираломъ работъ по постройкѣ 12" батареи. „Новикъ" пришелъ туда въ 5 часовъ вечера и сталъ на бочку. Ночью задулъ сильный вѣтеръ отъ SW, и утромъ съ трудомъ удалось сообщиться съ берегомъ. Послѣ осмотра работъ, которыя шли очень успѣшно, мы, въ полдень, давъ 24 узла, вернулись въ Рогокюль.

Въ ночь на 19-ое ноября, во время постановки минъ въ Ирбенскомъ проливѣ, произошелъ печальный случай на одномъ изъ моторныхъ катеровъ. У него на палубѣ взорвалась своя же мина, и онъ моментально затонулъ. При этомъ погибъ минный офицеръ, Лейтенантъ Е. Р. Греве, и два матроса: остальныхъ, тяжело раненыхъ, спасъ другой катеръ. Я хорошо зналъ этого офицера, и мнѣ было страшно его жаль. Онъ былъ молодъ, жизнерадостенъ и притомъ — отличный офицеръ. Всего

нѣсколько дней тому назадъ, я бесѣдовалъ съ нимъ, а теперь его уже нѣтъ. . .

До 1-го декабря, мы безпрерывно простояли въ Рогокюлѣ, изнывая отъ однообразія и скуки. Въ этотъ день, наконецъ, Адмиралъ пошелъ съ нами, „Изылметьевымъ" и „Десной" въ Гельсингфорсъ.

На переходѣ эти миноносцы должны были произвести испытаніе на полный ходъ. Имъ удалось довести скорость до 30 узловъ, но на такомъ ходу „Новикъ", ихъ совершенно легко обогналъ. Вообще, несмотря на вступленіе въ строй многихъ новыхъ миноносцевъ, онъ до сихъ поръ остается лучшимъ ходокомъ флота.

3-го декабря мы вернулись въ Моонзундъ, въ послѣдній разъ въ этомъ году, такъ какъ уже приближалась зима, и понемногу все стало замерзать.

5-го декабря, Адмиралъ рѣшилъ, передъ окончательнымъ уходомъ изъ залива, посѣтить Церельскую батарею, а потомъ еще сходить въ Ригу. Выйдя утромъ, мы, къ 3 часамъ дня, подошли къ Церелю. Адмиралъ сейчасъ-же отправился осматривать работы и прощаться съ остававшимся тамъ на зиму личнымъ составомъ.

На слѣдующее утро, мы отправились въ Ригу, причемъ были очень довольны случаю побывать въ непосредственной близости съ сухопутнымъ фронтомъ.

Войдя въ Двину и дойдя до самого города „Новикъ", ошвартовался у Таможенной набережной. Въ тотъ же день Адмиралъ поѣхалъ на о. Заячій осмотрѣть помѣщеніе, гдѣ должна была жить команда нашихъ сторожевыхъ катеровъ. Слѣдующее утро было посвящено осмотру крѣпости Усть-Двинска, а въ 2 часа дня къ намъ пріѣхалъ Командующій Арміей, генералъ Радко-Дмитріевъ. Онъ подробно осмотрѣлъ миноносецъ, бесѣдовалъ съ командой и потомъ былъ приглашенъ въ каютъ-компанію. Мы сейчасъ-же стали распрашивать его о положеніи на всѣхъ фронтахъ, а въ частности и у него. Генералъ охотно отвѣчалъ на вопросы и былъ очень оптимистически настроенъ. О своемъ фронтѣ онъ разсказалъ, что по сравненію съ непріятелемъ, у него теперь большой перевѣсъ въ силахъ, и что онъ расчитываетъ, въ недалекомъ будущемъ начать наступленіе.

8-го декабря „Новикъ" вышелъ въ Куйвастъ. Въ это время Двина уже покрылась тонкимъ льдомъ, и оставаться тамъ дольше, ни въ коемъ случаѣ было нельзя. Въ 3 часа дня мы были въ Куйвастѣ, гдѣ ошвартовались къ „Пограничнику" и „Кондратенко", стоявшимъ на бочкѣ.

На слѣдующее утро Адмиралъ поѣхалъ проститься на „Цесаревичъ" и „Адмиралъ Макаровъ", которые оставались на зиму въ Моонзундѣ, а въ полдень мы пошли въ Рогокюль.

За островомъ Шильдау уже появился тонкій ледъ, и на этотъ разъ, кажется, дѣйствительно, Моонзундъ сталъ замерзать.

10-го декабря было рѣшено окончательно покинуть Моонзундъ и пойти на зимовку въ Ревель. Это было большой радостью для всѣхъ насъ, такъ какъ за эти девять мѣсяцевъ Моонзундское стояніе намъ очень надоѣло.

Въ Ревель „Новикъ" пришелъ совершенно обмерзшимъ. Весь бакъ, корма и отводы покрылись толстымъ слоемъ льда; слѣдовательно, дѣйствительно пора было кончать кампанію.

11-го декабря мы устроили прощальный обѣдъ Адмиралу Кедрову, такъ какъ онъ на зиму оставался въ Ревелѣ на транспортѣ „Либава", а мы уходили для ремонта въ Гельсингфорсъ. Прощаніе съ Адмираломъ было очень теплое, такъ какъ за эти мѣсяцы совмѣстной жизни мы сильно къ нему привязались и оцѣнили его трудъ и энергію.

12-го декабря „Новикъ" перешелъ въ Гельсингфорсъ и сейчасъ же подошелъ къ Сандвикскому заводу, гдѣ вступилъ въ ремонтъ.

Къ концу года нашему флоту не повезло. 21-го декабря, въ Средиземномъ морѣ погибъ, наткнувшись на мину, линейный корабль „Пересвѣтъ", шедшій съ Востока въ Архангельскъ.

Въ связи съ его гибелью будетъ кстати отмѣтить интересную подробность о походѣ первой части Отдѣльнаго Отряда Балтійскаго моря, которую едва не постигла та же участь. Въ Портъ-Саидѣ, Командующій Отрядомъ, Контръ-Адмиралъ Бестужевъ-Рюминъ, получилъ отъ Союзнаго Командованія въ Средиземномъ морѣ точное указаніе фарватеровъ, которыми онъ долженъ идти. Пользуясь ими, онъ все время находился бы въ районахъ, за которыми наблюдали миноносцы и сторожевыя суда союзниковъ. Этимъ обезпечивалась безопасность плаванія отъ подлодокъ, что для такихъ сравнительно тихоходовъ, какъ „Чесма" и „Варягъ", имѣло большое значеніе.

Однако, Адмиралъ рѣшилъ, что прямо пересѣчь Средиземное море будетъ все же безопаснѣе, чѣмъ слѣдовать фарватерами, и пошелъ избраннымъ курсомъ. Этимъ онъ бралъ на себя огромную отвѣтственность, и, въ случаѣ несчастья, вся вина легла бы только на него.

Отрядъ благополучно прошелъ все море, не встрѣтивъ ни одной лодки. Въ первомъ же порту, въ который онъ зашелъ, стало извѣстно, что какъ разъ въ эти дни именно на тѣхъ фарватерахъ, появились подлодки и потопили нѣсколько кораблей. Такимъ образомъ, благодаря своему Адмиралу, Отрядъ избѣжалъ опасности.

„Пересвѣтъ", который шелъ позже, избралъ указанный ему путь и . . . нарвавшись на мину — погибъ.

Такимъ образомъ, кончилась третья боевая кампанія, тянувшаяся девять мѣсяцевъ. Война все продолжалась, и ея конецъ еще казался безконечно далекимъ.

Эта кампанія для „Новика" была гораздо спокойнѣе въ боевомъ отношеніи, но зато и болѣе нудной по сравненію съ прошлыми годами. Изъ-за одного этого мы ужс очень устали.

Защита Рижскаго залива, въ которой, главнымъ образомъ. „Новикъ" и принималъ участіе, въ этомъ году была болѣе организована и усилена открытіемъ Моонзундскаго канала, постройкой батарей и постановкой большого количества минъ.

Составъ судовъ Минной Дивизіи сильно увеличился. Кромѣ миноносцевъ новѣйшаго типа, въ нее вошло еще много сторожевыхъ катеровъ и вспомогательныхъ судовъ. Потребность въ нихъ вытекала изъ опыта войны, такъ какъ выяснилась необходимость имѣть мелкосидящія суда, могущія ходить по загражденіямъ, ставить мины и обладающія сравнительно крупной артиллеріей для обстрѣла береговъ. Въ виду того, что постройка такихъ судовъ заняла бы слишкомъ много времени, то для этой цѣли были использованы волжскіе плоскодонные пароходы, на которыхъ установили сначала 75 м/м орудія, а потомъ замѣнили 100 м/м.

Однимъ словомъ, защита Рижскаго залива стала гораздо сильнѣе. Въ будущемъ году непріятельскій флотъ встрѣтитъ, уже очень серьезное сопротивленіе, если даже и пошлетъ на поддержку прорывающимся силамъ свои новѣйшіе линейные корабли.

Совершенно такое же увеличеніе средствъ обороны, но еще въ большемъ масштабѣ, наблюдалось и въ отношеніи Финскаго залива. За періодъ войны, вдоль его береговъ, удалось построить значительное количество очень сильныхъ батарей, которыя въ совокупности дѣлали заливъ похожимъ на сплошную крѣпость.

Вообще, Балтійскій фронтъ былъ доведенъ до высокой степени обороноспособности, и его теперь было очень трудно сломить.

Все, только что сказанное, относилось до матеріальной части; но что касалось личнаго состава флота, то тамъ дѣло обстояло хуже. Всѣ, начиная съ офицеровъ и кончая матросами, очень утомились за время войны. Постоянное напряженіе нервовъ и суровыя условія военнаго времени сдѣлались слишкомъ долгими и надоѣдливыми. Соотвѣтственно съ этимъ, стали замѣтно падать и нравы офицерской среды. Этому много способствовало также влитіе въ офицерскій составъ большого количества сборнаго элемента военнаго времени. Среди офицерской среды стали сильно распространяться карточная игра и, вопреки всякимъ запрещеніямъ, злоупотребленіе спиртными на-

питками. На этой почвѣ создавались конфликты и манкированіе службой.

Такое же паденіе нравовъ было замѣтно и въ матросской средѣ: всѣми правдами и неправдами, они старались уйти отъ войны и спрятаться отъ опасности. Среди нихъ тоже появились карточная игра и пьянство, хотя послѣднее въ сравнительно небольшой степени изъ-за дороговизны спиртныхъ напитковъ.

Отношенія между офицерами и матросами на судахъ, за рѣдкими исключеніями, были очень хорошія. Тяжелая обстановка войны и опасности, которыя переживались вмѣстѣ всѣмъ экипажемъ корабля, сплачивали ихъ общими интересами.

Но въ воздухѣ уже чувствовалось, что война слишкомъ затянулась, что она становилась не подъ силу русскому народу; съ большимъ трудомъ онъ терпѣлъ всѣ связанныя съ ней лишенія.

Я нарочно остановился подробнѣе на настроеніи личнаго состава, чтобы подчеркнуть, насколько важно при затяжной войнѣ, считаться съ духомъ арміи и флота. Часто, несмотря на улучшеніе матеріальнаго состоянія, общее положеніе въ значительной степени ухудшается изъ-за нравственной усталости человѣка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Смерть флота.

XXI.

Наканунѣ смуты. Роль Адмирала Непенина въ дни кризиса. Отзвукъ событій на „Новикѣ". Переворотъ въ Гельсингфорсѣ. Ночь на 4-ое марта. Революціонныя интриги Адмирала Максимова. Убійство Адмирала Непенина. Государь Императоръ и Флотъ. Бунтъ на „Андреѣ Первозванномъ". Подвигъ Капитана I-го ранга Г. О. Гадда и его желѣзная выдержка. Убійство офицеровъ на корабляхъ и берегу. Виновники крови. Ревель. Моонзундъ. Кронштадтъ. Смерть Вирена, Бутакова и Рейна. Послѣдніе дни на „Новикѣ".

Съ января новаго года начался зимній періодъ съ его обычной жизнью: отпусками, ремонтами, занятіями, комиссіями и т. п. зимними развлеченіями. Въ этомъ году всѣ какъ-то старались безшабашно веселиться. Въ послѣдніе мѣсяцы это стало носить даже какой-то дикій отпечатокъ, будто людямъ было нечего терять впереди, и они махнувъ на все рукой, торопились забыться. . .

Такъ прошелъ незамѣтно январь, и уже подходилъ къ концу февраль. Къ этому времени, истекъ срокъ необходимаго для меня пребыванія въ должности старшаго офицера. Я былъ назначенъ на новую должность — 1-го Флагманскаго Миннаго Офицера Штаба Минной Обороны и долженъ былъ покинуть „Новикъ".

Мысль о разлукѣ съ „Новикомъ" для меня была ужасно тяжела. Я провелъ на немъ почти три года, причемъ, меня связывало съ нимъ столько воспоминаній и переживаній, и я положилъ на него столько труда и заботъ, что онъ мнѣ сталъ безконечно близокъ и дорогъ. Но что дѣлать — всему бываетъ конецъ; приходилось и мнѣ проститься съ „Новикомъ".

Къ концу февраля внутреннее политическое положеніе Россіи стало сильно обостряться. Изъ Петрограда стали доходить чрезвычайно тревожные слухи. Они говорили о какомъ-то переворотѣ, объ отреченіи Государя и объ образованіи Временного правительства.

Передавали, что среди взбунтовавшихся частей гарнизона былъ и Гвардейскій Экипажъ, который, не вѣря въ сочувствіе своихъ офицеровъ перевороту, сталъ вести себя по отношенію къ нимъ самымъ угрожающимъ образомъ. Всѣ офицеры, находившіеся при исполненіи служебныхъ обязанностей, были тотчасъ же имъ арестованы, и матросы поговаривали о томъ, что слѣдуетъ арестовать и остальныхъ, а послѣ уже заодно расправиться со всѣми. Въ концѣ-концовъ, положеніе настолько обострилось, что Командиру Экипажа, Великому Князю Кириллу Владиміровичу, ничего не оставалось, какъ, для предупрежденія печальныхъ эксцессовъ, лично вести Экипажъ, по его требованію, къ Государственной Думѣ.

Пришло также извѣстіе, что на крейсерѣ „Аврора", стоявшемъ въ Невѣ, былъ убитъ командиръ, Капитанъ 1-го ранга М. И. Никольскій, пытавшійся не пустить къ себѣ на крейсеръ банду неизвѣстныхъ подозрительныхъ лицъ. Со старшимъ офицеромъ, онъ вышелъ ей навстрѣчу и загородилъ собою путь. Его тутъ же убили и ворвались на крейсеръ.

Наконецъ, желѣзнодорожное сообщеніе съ Петроградомъ прервалось; всякіе слухи прекратились, и дальнѣйшія свѣдѣнія стали поступать только черезъ Штабъ Флота, который былъ непосредственно связанъ съ Генеральнымъ Штабомъ въ Петроградѣ аппаратами Юза.

Неожиданно, Командующій Флотомъ, Адмиралъ Непенинъ, получилъ отъ Предсѣдателя Государственной Думы, Родзянко, телеграмму. Въ ней сообщалось, что въ Петроградѣ вспыхнуло возстаніе, которое разрастается съ каждой минутой. Ввиду якобы очевиднаго безсилія Правительства, Государственная Дума, чтобы предотвратить неисчислимыя бѣдствія, образовала Временный Комитетъ, который и принялъ власть въ свои руки. На сохраненіе Династіи можетъ быть надежда только въ томъ случаѣ, если Государь отречется отъ Престола въ пользу Наслѣдника Цесаревича, при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича. Кромѣ того, въ телеграммѣ указывалось, что Временный Комитетъ Государственной Думы уже признанъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и нѣсколькими Главнокомандующими Фронтовъ. Въ силу создавшагося остраго положенія, Родзянко просилъ Непенина дать срочный отвѣтъ.

Такая телеграмма страшно поразила Непенина. Ему, всегда стоявшему въ сторонѣ отъ внутренней политики, было непонятно это движеніе и сильно пугало послѣдствіями; онъ предчувствовалъ плохой конецъ. Въ глубокомъ раздумьѣ, замѣтно волнуясь, онъ ходилъ по каютѣ, не зная какъ быть. Тотъ фактъ, что переворотъ происходилъ, видимо, съ одобренія Великаго Князя Николая Николаевича и другихъ Главнокомандующихъ, говорилъ о наступленіи грознаго кризиса. Чув-

ствуя, какъ гибельно отразился бы въ такой острый моментъ, какъ война, расколъ среди главныхъ военачальниковъ, и стремясь сохранить въ боеспособномъ состоянiи ввѣренный ему Флотъ, Адмиралъ Непенинъ, послѣ долгой внутренней борьбы, рѣшилъ признать Временный Комитетъ Государственной Думы.

Въ этомъ смыслѣ онъ и послалъ отвѣтъ Родзянко.

Увы! Не зналъ того всевѣдущiй въ своей сферѣ Адмиралъ Непенинъ, что онъ жестоко спровоцированъ. Положенiе вовсе не было такимъ, какъ его обрисовалъ Родзянко. Тотъ понималъ, какъ склонить на свою сторону Адмирала, который, находясь вдали отъ центра политики, не могъ быть въ курсѣ происходившаго. Вѣроятно, такъ же какъ и Непенинъ, были спровоцированы и нѣкоторые Главнокомандующiе Фронтовъ и, такимъ образомъ, получалось впечатлѣнiе, что переворотъ единодушно признанъ всѣмъ Высшимъ Командованiемъ.

Медлить Адмиралу Непенину было нельзя, такъ какъ на Флотѣ уже поползли зловѣщiе слухи о внутреннихъ событiяхъ, причемъ нѣкоторые корабли были уже ненадежны; очевидно, пропаганда съ берега работала, не покладая рукъ. Непенину оставалось только идти впереди событiй, чтобы не упустить инициативы. Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что пришли Родзянко телеграмму другого характера, чѣмъ та, которая была получена, Непенинъ, несмотря ни на что, ни на безпорядки на Флотѣ, ни на грозившiя быть убiйства офицеровъ, отвѣтилъ бы отказомъ въ признанiи. Но лукавая телеграмма говорила только о передачѣ власти Наслѣднику Цесаревичу, причемъ въ ней сквозилъ намекъ, что это только временная мѣра, диктуемая необходимостью момента. Еслибы было не такъ, то Адмиралъ Непенинъ съумѣлъ бы умереть. Онъ много разъ уже видѣлъ смерть предъ своими глазами и всегда былъ готовъ къ ней. Когда, въ ноябрѣ 1904 года, на рейдѣ Портъ-Артура, броненосецъ „Севастополь", подъ командой славнаго Эссена, отбивалъ безчисленныя атаки японскихъ миноносцевъ, рядомъ съ нимъ, бокъ о бокъ, велъ бой и погибъ маленькiй миноносецъ „Сторожевой". Командиромъ его былъ будущiй Командующiй Балтiйскимъ Флотомъ — въ то время Капитанъ 2-го ранга А. И. Непенинъ. И теперь бы онъ поддержалъ честь своего Георгiевскаго Креста, полученнаго имъ еще за Артуръ. . .

Адмиралъ Непенинъ, послѣ посылки телеграммы, ходилъ, какъ убитый. Онъ не сочувствовалъ и не могъ сочувствовать тому, что творилось тамъ, въ Петроградѣ. Прежняго, жизнерадостнаго, дѣятельнаго Адмирала нельзя было узнать. Онъ какъ-то сразу весь осунулся и постарѣлъ за нѣсколько часовъ.

Непенинъ говорилъ своимъ близкимъ, что предвидитъ гибель флота. На слѣдующiй же день, онъ послалъ Родзянко вторичную телеграмму, которой предупреждалъ, что, если не

будутъ приняты экстренныя мѣры, Балтійскій Флотъ неизбѣжно развалится.

Отославъ отвѣтъ, Адмиралъ немедленно устроилъ у себя, на „Кречетѣ", собраніе всѣхъ Флагмановъ, на которое пригласилъ и Коменданта Крѣпости. Когда всѣ собрались, онъ объявилъ о телеграммѣ Родзянко и о своемъ отвѣтѣ, прибавивъ, что если кто-либо изъ присутствующихъ не согласенъ съ его рѣшеніемъ, того онъ проситъ придти къ нему въ каюту.

Всѣ присутствовавшие на собраніи Флагманы, признали рѣшеніе Командующаго правильнымъ. Они, разумѣется, не привѣтствовали разыгрывавшихся событій, но считались, какъ тогда представлялось, съ ихъ неизбѣжностью.

Только одинъ изъ Флагмановъ никакъ не могъ согласиться съ логичностью приводимыхъ доводовъ.

Этотъ Флагманъ былъ — Адмиралъ Михаилъ Коронатовичъ Бахиревъ.

Сейчасъ же послѣ засѣданія, онъ прошелъ въ каюту къ Адмиралу Непенину и заявилъ ему, что остается вѣренъ Его Величеству, а потому не считаетъ для себя возможнымъ продолжать службу.

Въ отвѣтъ на это онъ услышалъ тихій, сдавленный голосъ Непенина: „Слушай, Михаилъ Коронатовичъ, неужели ты хоть на минуту могъ усомниться въ томъ, что я не такъ же вѣренъ Государю, какъ и ты. . . Я еще не представляю себѣ, какъ все это могло случиться, какимъ образомъ и кѣмъ Государь поставленъ въ такое положеніе. . . Теперь война, которую необходимо довести до конца. Я вѣрю, что послѣ окончанія ея, Государь, если Ему только будетъ благоугодно, снова приметъ Власть въ Свои руки. Мы же теперь должны не уходить, а оставаться и бороться, какъ съ внѣшними, такъ и съ внутренними врагами, путемъ умѣлаго руководства ввѣренныхъ намъ массъ. Иначе, если мы уйдемъ, то этимъ только сыграемъ имъ въ руку" . . .

„А мнѣ кажется" — отвѣтилъ Бахиревъ, „что сдѣлать ничего нельзя, если только послѣдуетъ отреченіе. Сегодня потребуютъ передачи Власти Наслѣднику Цесаревичу, завтра этимъ уже не удовлетворятся, потребуютъ республики, а послѣзавтра — приведутъ Россію къ гибели. Ты говоришь — сейчасъ война; считаешь, что необходимо оставаться. Можетъ быть, ты и правъ; а можетъ быть мы съ тобой уже и не дождемся ея окончанія, такъ какъ отъ насъ предпочтутъ избавиться. Конечно, когда нѣтъ Государя, все же, пока – есть Россія, которой мы должны служить. Я остаюсь, но только до конца войны". . .

Кромѣ Адмирала Бахирева, отрицательное отношеніе къ вынесенному на собраніи Флагмановъ рѣшенію, высказалъ временно исполнявшій должность Начальника 2-ой Бригады Ли-

нейныхъ Кораблей, Капитанъ 1-го ранга Г. О. Гаддъ; но его мнѣніе Командующій Флотомъ узналъ только позже, такъ какъ, по какому-то недоразумѣнію, Г. О. Гаддъ не былъ приглашенъ на засѣданіе.

На основаніи своего отвѣта, даннаго Родзянко, Адмиралъ Непенинъ счелъ долгомъ донести объ этомъ, черезъ Ставку, и Государю Императору. 1-го марта Генералъ Лукомскій передалъ въ Псковъ по прямому проводу: „Адмиралъ Непенинъ доноситъ, что не призналъ возможнымъ, протестовать противъ призыва Временнаго Комитета. Такимъ образомъ, Балтійскій Флотъ призналъ Временный Комитетъ Государственной Думы.“

2-го марта Командующій Флотомъ послалъ на Имя Государя Императора вторую телеграмму:

„Съ огромнымъ трудомъ удерживаю въ повиновеніи флотъ и ввѣренныя мнѣ войска. Въ Ревелѣ положеніе критическое, но не теряю еще надежды его удержать. Всеподданѣйше присоединяюсь къ ходатайствамъ Главнокомандующихъ Фронтами о немедленномъ принятіи рѣшенія, формулированнаго Предсѣдателемъ Государственной Думы. Если рѣшеніе не будетъ принято въ теченіе ближайшихъ часовъ, то это повлечетъ за собою катастрофу съ неисчислимыми бѣдствіями для нашей Родины. 23 час. 40 мин. 2-го марта 1917 года № 260, Вице-Адмиралъ Непенинъ.“

Эти двѣ телеграммы, въ особенности — послѣдняя, какъ бы указываютъ, что Адмиралъ Непенинъ былъ сторонникомъ переворота и считалъ необходимымъ принятіе требованій Государственной Думы. Но могъ ли онъ думать, что Государственная Дума именно и явилась очагомъ возникшей смуты, а вовсе не думала о ея ликвидаціи. Родзянко представлялъ ему общее положеніе совершенно безвыходнымъ. Полученныя имъ по прямому проводу изъ Петрограда отъ Морского Генеральнаго Штаба свѣдѣнія рисовали картину точно такой же. Кромѣ того, къ нему все чаще и чаще стали поступать донесенія Начальниковъ частей и контръ-развѣдокъ, что среди командъ наблюдается сильное броженіе, и вотъ-вотъ можетъ вспыхнуть бунтъ. Что ему было дѣлать? Какъ могъ онъ не вѣрить тому, что слышалъ со всѣхъ сторонъ? Какъ могъ подозрѣвать обманъ со стороны Временнаго Комитета Думы, признаннаго Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ и большинствомъ Главнокомандующихъ Фронтовъ? Какъ, наконецъ, могъ онъ не обратить вниманія на тѣ грозные симптомы бунта на флотѣ, которые были слишкомъ очевидны.

Адмиралъ Непенинъ не участвовалъ и даже не зналъ о заговорѣ, который въ это время расцвѣлъ пышнымъ цвѣтомъ; не могъ онъ подозрѣвать и измѣны въ рядахъ Главнокомандующихъ.

Все время, пока Гельсингфорсъ находился въ изолированномъ положенiи, Командующiй Флотомъ, получая извѣстiя, немедленно всѣ ихъ сообщалъ по судамъ, чтобы никто не могъ заподозрить его въ замалчиванiи событiй и вѣрить злонамѣреннымъ слухамъ. Въ этомъ отношенiи онъ велъ себя безусловно правильно, съ полнымъ пониманiемъ момента и всей отвѣтственности, ложившейся на него. Онъ передалъ офицерамъ, что за все происходящее на Флотѣ отвѣчаетъ исключительно онъ, и только просилъ вполнѣ положиться на него и безпрекословно исполнять всѣ его требованiя.

Никто не имѣлъ нравственнаго права упрекнуть Непенина въ утаенiи или извращенiи фактовъ: все было гласно, все объявлялось такъ, какъ информировалось изъ Петрограда.

Команды на судахъ пока вели себя спокойно и никакой подозрительности не выказывали, очевидно, какъ и большинство офицеровъ, не отдавая себѣ отчета въ происходившемъ.

3-го марта, утромъ, былъ полученъ текстъ Акта объ отреченiи Государя Императора. Адмиралъ Непенинъ просилъ немного обождать съ его объявленiемъ на судахъ, въ силу особыхъ политическихъ соображенiй.

Настроенiе командъ съ утра этого дня стало замѣтно повышаться; очевидно, среди нихъ велась усиленная агитацiя. Въ 5 часовъ вечера, я съѣхалъ съ корабля. Въ городѣ все было спокойно, и жизнь текла своимъ обычнымъ порядкомъ. Встрѣчные матросы отдавали аккуратно честь и имѣли свой обычный подтянутый видъ. Къ 7 часамъ я вернулся на миноносецъ, такъ какъ Командующiй Флотомъ требовалъ, чтобы всѣ офицеры и команды съ 7 часовъ вечера находились бы на корабляхъ.

Въ 8 часовъ, ввиду начавшихъ циркулировать въ городѣ, тревожныхъ слуховъ о полученiи телеграммы объ отреченiи Государя, командиръ рѣшилъ объявить ее командѣ, не дожидаясь приказанiй изъ Штаба; почти одновременно оттуда было получено аналогичное приказанiе.

Актъ объ отреченiи наша команда приняла спокойно, и на меня произвело впечатлѣнiе, что она уже была знакома съ нимъ. Послѣ прочтенiя его, я остался въ палубѣ побесѣдовать съ командой. Вдругъ, туда спустился командиръ и сообщилъ, что ему по телефону передали, что на „Андреѣ Первозванномъ" и „Павлѣ I" вспыхнули безпорядки; на нихъ есть убитые и раненые. Со своей стороны онъ высказалъ увѣренность въ благоразумiи команды и просилъ ее сохранять спокойствiе.

Въ началѣ десятаго, я ушелъ изъ палубы; тогда команда была въ совершенно спокойномъ настроенiи и очень хорошо относилась къ офицерамъ.

Когда я пришелъ въ каютъ-компанію, мнѣ сообщили что получены дополнительныя свѣдѣнія о томъ, что взбунтовались еще 5-ый и 9-ый Дивизіоны Миноносцевъ[1]), и что тамъ тоже есть убитые офицеры.

Въ это время съ „Кречета“, т. е. изъ Штаба Флота, были затребованы по два делегата отъ командъ каждаго корабля. Наша команда выбрала старшаго телеграфиста Уломскаго и строевого боцманмата Самусевича, которые немедленно и ушли.

Около 10 часовъ ко мнѣ пришли два представителя команды и попросили спуститься въ палубу. Когда я туда пришелъ, отъ меня потребовали выдать всей командѣ револьверы. На мой вопросъ, для чего это нужно, матросы отвѣтили, что въ городѣ назначенъ митингъ, на который со всѣхъ кораблей должны явиться вооруженныя команды. Я сталъ убѣждать ихъ никуда не ходить, такъ какъ это можетъ имѣть очень печальныя послѣдствія. Однако мнѣ сразу стало ясно, что всякіе уговоры безполезны; рѣшеніе идти, очевидно, было принято подъ давленіемъ извнѣ, и сопротивленіе офицеровъ только вызвало бы лишнія жертвы. Мнѣ пришлось дать свое согласіе, о чемъ я и доложилъ командиру.

Затѣмъ я опять спустился въ палубу. Тамъ команда попросила меня выдать ей и патроны. Было ясно, что это — простая „вѣжливость“, и что если я добровольно ихъ не дамъ, то они будутъ взяты силой.

Надо отдать должное, настроеніе команды оставалось вполнѣ доброжелательнымъ. Было замѣтно, что многіе и рады были бы не ходить, да боятся осужденія остальной команды. Въ это время въ палубу спустилось еще нѣсколько офицеровъ. Они пробовали отговорить матросовъ идти въ городъ, но какъ и надо было ждать, это ни къ чему не привело. Всего собралось идти около 40 человѣкъ, которые и стали сходить по сходнѣ на берегъ. Тамъ уже собрались команды сосѣднихъ судовъ, и раздавались окрики съ требованіемъ, чтобы наша команда торопилась; при этомъ слышались угрозы, что она плохо исполняетъ „общій долгъ“, и что ее слѣдуетъ подогнать.

Во время ухода команды на берегъ, къ сходнѣ подошелъ нашъ командиръ. Онъ сталъ громко доказывать всю безсмысленность идти куда-то ночью, вооруженными, когда всѣ страшно нервно настроены, и при малѣйшемъ недоразумѣніи въ темнотѣ могутъ легко перестрѣлять другъ друга. Его выслушивали, но все же шли. Я сталъ сильно опасаться, что его услышатъ чужія команды на берегу, и тогда произойдутъ эксцессы.

[1]) Относительно 9-го Дивизіона Миноносцевъ свѣдѣнія были невѣрны. Бунтъ вспыхнулъ не на немъ, а на тральщикахъ.

Поэтому я просилъ его лучше уйти съ палубы, что онъ нехотя и исполнилъ, махнувъ рукой.

Затѣмъ ко мнѣ подошелъ фельдфебель и, отъ имени команды, просилъ усилить наружные посты, на что я, конечно, охотно согласился.

Когда, команда ушла на берегъ, у насъ на миноносцѣ стало совсѣмъ тихо. Но на душѣ у всѣхъ насъ, офицеровъ, было далеко не спокойно: мы очень боялись за судьбу офицеровъ на другихъ корабляхъ.

Въ моментъ ухода команды, кто-то, очевидно, согласно общему распоряженію, прервалъ телефонъ, о чемъ и было сообщено съ берега.

Черезъ нѣсколько времени, выходя изъ каютъ-компаніи, одинъ изъ нашихъ офицеровъ увидѣлъ часового, стоявшаго недалеко отъ ея двери, что имѣло видъ, будто офицеры находились подъ арестомъ. Я сейчасъ-же пошелъ узнать въ чемъ дѣло и строго спросилъ часового, зачѣмъ и по чьему приказанію онъ поставленъ? Тотъ очень сконфуженно отвѣтилъ: „Не могу знать, Ваше Высокоблагородіе". Тогда я о томъ же задалъ вопросъ вахтенному, который объяснилъ, что вышло распоряженіе, чтобы команды арестовали своихъ офицеровъ и отобрали у нихъ оружіе. Это уже исполнено на большинствѣ судовъ; наша же команда, всецѣло довѣряя своимъ офицерамъ, но не желая въ тоже время навлекать на себя неудовольствія со стороны другихъ кораблей, поставила часового у входа въ каютъ-компанію только для видимости. . .

Около 2 часовъ ночи, на 4-ое марта, въ полномъ порядкѣ и не использовавъ ни одного патрона, вернулась съ берега команда, ходившая на митингъ. Сейчасъ-же былъ убранъ часовой, соединенъ телефонъ, и всѣ легли спать.

Черезъ нѣсколько времени изъ госпиталя по телефону позвонилъ одинъ нашъ больной офицеръ и передалъ, что къ нимъ то и дѣло приносятъ тяжело раненыхъ, и страшно изуродованные трупы офицеровъ.

Послѣ всѣхъ этихъ событій, наконецъ, попробовали лечь спать и мы, офицеры, но съ тяжелымъ, непріятнымъ чувствомъ, что произошла какая-то ужасная, непоправимая катастрофа.

Около 4 часовъ утра, вдругъ у меня въ каютѣ зазвонилъ телефонъ. Когда я взялъ трубку, отозвался Штабъ Минной Дивизіи. Флагъ-офицеръ сообщилъ, что большая толпа вооруженныхъ винтовками солдатъ и матросовъ направляется къ кораблямъ, стоящимъ у Сандвикскаго завода, чтобы на нихъ убивать офицеровъ, т. е. какъ разъ туда, гдѣ стоялъ „Новикъ". Извѣстіе уже не произвело на меня никакого впечатлѣнія: такъ, морально и физически, я усталъ за истекшія сутки. Представивъ всю безнадежность нашего положенія въ случаѣ прихода

этой банды, я рѣшилъ, раньше чѣмъ поднимать тревогу, подождать дальнѣйшихъ событій. Цѣлый часъ я лежалъ и прислушивался, не раздадутся ли приближающіеся крики, но все было тихо, и только изрѣдка въ городѣ слышались отдѣльные ружейные выстрѣлы. Остатокъ ночи прошелъ для насъ совершенно спокойно, и еслибы не выстрѣлы, можно было бы думать, что и въ городѣ все стало тихо. Но они краснорѣчиво свидѣтельствовали, что, подъ вліяніемъ чьей-то злой воли, творятся акты безразсуднаго звѣрства, жертвами котораго являются неповинные люди, или виновные только тѣмъ, что въ такой моментъ, какъ революція, оказались на положеніи начальниковъ, а слѣдовательно и лицъ, на которыхъ должна обрушиться злоба мятежниковъ.

Можно ли представить, что переживали въ эти ужасные часы родные и близкіе несчастныхъ офицеровъ! Вѣдь, съ Флотомъ они были связаны самыми тѣсными узами, самымъ дорогимъ, что у нихъ было въ жизни: тамъ находились ихъ мужья, отцы, сыновья и братья. . .

Слухи о бунтѣ на корабляхъ быстро распространились по городу; конечно, все передавалось въ сильно преувеличенномъ видѣ. Къ этому времени, на улицахъ началась безпорядочная ружейная стрѣльба; стали раздаваться дикіе крики и, то и дѣло, съ бѣшеной скоростью — носиться автомобили. Эти автомобили, переполненные вооруженнымъ сбродомъ, прорѣзывая воздухъ жуткими, протяжными гудками, заставляли всѣхъ цѣпенѣть отъ ужаса. Въ воображеніи семей офицеровъ невольно стали рисоваться мрачныя, безнадежныя картины. Казалось — все погибло, и никто изъ офицеровъ уже не уцѣлѣетъ. . .

Непрерывно трещали телефоны. Знакомые справлялись другъ у друга, нѣтъ ли хоть какихъ-нибудь свѣдѣній и другъ другу передавали все, что удавалось услышать. Эти разговоры еще больше волновали, еще больше сбивали съ толка. Трудно было разобраться, что — правда, а что — вымыселъ.

Вдругъ телефоны перестаютъ работать. По чьему-то приказанію, они всѣ — выключены. Волненіе и тревога достигаютъ апогея. О снѣ уже никто и не помышляетъ. Всѣ терзаются мыслями, что происходитъ тамъ, въ порту и на рейдѣ. Живы-ли тѣ, которые такъ безконечно близки и дороги. Осторожно, чтобы не быть замѣченными, и чтобы не попасть подъ шальныя пули, по временамъ со звономъ влетающія въ комнаты, жены, матери и дѣти не отходятъ отъ оконъ, всматриваясь въ темноту.

Спустя нѣкоторое время, изъ госпиталя, куда стали привозить раненыхъ и тѣла убитыхъ офицеровъ, нѣкоторымъ семьямъ сообщили, что въ числѣ привезенныхъ находятся

близкіе имъ люди. Въ первыя минуты, несчастныя женщины совершенно теряли всякую способность соображать и, какъ безумныя, метались взадъ и впередъ. . . Стоны, женскія рыданія и дѣтскій плачъ — сливались въ одинъ безудержный взрывъ отчаянія. Неужели, это — правда? Вѣдь, всего нѣсколько часовъ тому назадъ онъ былъ здѣсь. За что же могли его убить, когда на кораблѣ его такъ любили. . .

Всѣ въ слезахъ, въ чемъ только попало, несчастныя женщины бѣгутъ туда, въ госпиталь, въ мертвецкую. . . Все-таки гдѣ-то, тамъ, въ тайникахъ души, у нихъ теплится маленькая надежда, что, быть можетъ, это — не онъ, это — ошибка. . .

Вотъ, онѣ — въ мертвецкой. Боже, какой ужасъ! . . Сколько истерзанныхъ труповъ! . . Они всѣ брошены кое-какъ, прямо на полъ, свалены въ одну общую, ужасную груду. Все — знакомыя лица. . . Безучастно глядятъ остеклянѣвшіе глаза покойниковъ. Имъ теперь все — безразлично, они — уже далеки душой отъ пережитыхъ мукъ. . .

„Это — тѣ, которые пришли отъ великой скорби; они омыли одежды свои и убѣлили ихъ кровью Агнца. За это они пребываютъ нынѣ предъ Престоломъ Бога" . . .

Къ тѣламъ не допускаютъ. Ихъ стерегутъ какіе-то человѣкоподобные звѣри. Съ площадной бранью они выгоняютъ пришедшихъ женъ и матерей, глумятся при нихъ надъ мертвецами. . .

Что дѣлать? У кого искать помощи, защиты? . . Кто отдастъ имъ хоть эти изуродованные трупы? Къ новымъ, революціоннымъ властямъ, авось онѣ тронутся. . . Скорѣй — туда! Но тамъ, ихъ встрѣчаютъ только новыя оскорбленія и глумливый хохотъ. Кажется, что въ лицѣ представителей грядущаго, уже недалекаго, Хама, смѣется самъ Сатана. . .

Брезжитъ разсвѣтъ, и чудится, что въ сумракѣ его витаютъ зловѣщіе флюиды свершившихся злодѣяній. Съ новой силой встаютъ въ памяти кошмары прошлой ночи, и жгучая волна отчаянія опять заполняетъ безутѣшныя души.

Близится день. Улицы полны шумомъ, криками, стрѣльбой. Надъ Гельсингфорсомъ встаетъ багровое солнце, солнце крови. Проклятая ночь! проклятое утро! . .

4-го марта, въ 8 ч. 30 м. утра, по просьбѣ командира, я выстроилъ во фронтъ команду въ носовой палубѣ. Онъ хотѣлъ съ ней поговорить о текущемъ моментѣ и въ частности — о вчерашнемъ уходѣ. Когда я спустился въ палубу, команда уже построилась. Ко мнѣ навстрѣчу вышелъ боцманъ и отъ ея имени просилъ немедленно списать трехъ офицеровъ, одного кондуктора и двухъ сверхсрочно-служащихъ, какъ нелюби-

мыхъ командой. Я сталъ убѣждать, что это — вредно, немыслимо сдѣлать.

Пришелъ командиръ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ, въ свою очередь, сталъ уговаривать и доказывать, насколько это вредно отзовется на боеспособности корабля. Однако, все было тщетно: команда стояла на своемъ. Впослѣдствіи, одинъ изъ наиболѣе наглыхъ нашихъ матросовъ, въ моемъ разговорѣ съ нимъ, довольно цинично заявилъ, что команда не тронула ихъ только изъ уваженія ко мнѣ, и чтобы не запятнать кровью „Новикъ". Поэтому, несмотря на расправы на другихъ судахъ, она ограничилась только требованіемъ о немедленномъ списаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что это было только бахвальство: я опредѣленно знаю, что ужъ совсѣмъ не такъ матросы ненавидѣли всѣхъ этихъ лицъ. Все было, главнымъ образомъ, сдѣлано для показанія своей власти, и чтобы быть „не хуже" командъ другихъ судовъ. Недаромъ, ужъ слышались упреки, что старая новиковская команда настроена реакціонно и не идетъ въ головѣ революціи. Подобное же обвиненіе въ тотъ моментъ считалось среди командъ, самымъ большимъ оскорбленіемъ.

Послѣ инцидента часть команды ушла на берегъ, и на миноносцѣ опять стало тихо.

Въ полдень вернулось уже большинство команды. Быстро пообѣдавъ, они пришли въ каютъ-компанію приглашать командира, меня, старшаго механика и еще одного офицера идти на Вокзальную площадь встрѣчать пріѣзжающихъ изъ Петрограда членовъ Временнаго правительства и Петроградскаго совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Командиръ не захотѣлъ оставить корабль въ такой серьезный моментъ; пришлось идти мнѣ и остальнымъ „приглашеннымъ".

На большой Вокзальной площади, для встрѣчи депутатовъ, собралась огромная толпа представителей арміи и флота въ Гельсингфорсѣ, причемъ всѣ солдаты и матросы были вооружены, а всѣ офицеры — безоружны.

Когда наша группа входила на площадь, всѣ ранѣе пришедшія части привѣтствовали насъ криками „ура", какъ бы показывая радость по поводу присоединенія къ перевороту еще одной воинской части.

Съ лѣвой стороны главнаго вокзальнаго подъѣзда, тогда еще бывшаго противъ гостинницы „Феннія", стояли моряки, а съ правой — сухопутные. Всѣмъ этимъ сборищемъ старался распоряжаться и привести въ нѣчто стройное комендантскій адъютантъ, прапорщикъ Брилліантовъ. Многотысячное революціонное стадо повиновалось плохо. Былъ невообразимый хаосъ. Вдругъ, среди общаго гама, откуда-то раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Съ перепуга, нѣкоторые солдаты схватились было за винтовки, но оказалось, что обращаться съ ними

не умѣютъ. Винтовки эти, только что присланныя изъ Америки, были похищены изъ разгромленнаго арсенала, и солдаты ихъ не знали. Произошло нѣсколько случайныхъ выстрѣловъ. Тогда тѣ, которые не видѣли, отчего они произошли, рѣшили, что кто-то открылъ огонь изъ оконъ окружающихъ домовъ. Началась безсмысленная стрѣльба. Все это многотысячное революцiонное воинство обуяла неимовѣрная паника. Одни — сейчасъ же кинулись къ зданiю вокзала, давя и опрокидывая переднихъ; другiе, побросавъ ружья, лежали ничкомъ на мостовой, а нѣкоторые ползали на четверенькахъ, судорожно стараясь спрятать голову. . .

Къ чести матросовъ „Новика“ надо сказать, что никто изъ нихъ не поддался чувству животнаго страха, и они продолжали спокойно стоять.

Для успокоенiя обезумѣвшей толпы, оркестру было приказано играть какой-то маршъ и, тогда, понемногу, всѣ стали приходить въ себя. Когда, наконецъ, все успокоилось и заняло свои мѣста, для безопасности и предотвращенiя вторичной паники, была оцѣплена вся площадь, а караулы обыскали и заняли прилегающiе дома.

Паника началась съ того, что въ автомобиль, въ которомъ ѣхалъ Генералъ Н. Ф. Котенъ, влѣзли вооруженные солдаты и въ грубой формѣ потребовали отъ Генерала выдачи оружiя. Генералъ отказался исполнить требованiе и выхватилъ револьверъ; тогда его тутъ же убили.

Поѣздъ съ депутатами сильно запоздалъ, и мы все продолжали ждать.

Въ 3 часа дня разнеслась вѣсть, что, въ 1 часъ 20 минутъ, въ воротахъ Свеаборгскаго Порта предательски, въ спину, убитъ, шедшiй на Вокзальную площадь, Командующiй Флотомъ, Вице-Адмиралъ А. И. Непенинъ. Въ Командованiе Флотомъ сейчасъ же вступилъ, какъ старшiй, Вице-Адмиралъ Максимовъ, который, кстати, сталъ немедленно величать себя первымъ революцiоннымъ адмираломъ. Вскорѣ мы имѣли случай убѣдиться въ справедливости слуховъ: на площадь въѣхалъ автомобиль съ Адмираломъ Максимовымъ, украшеннымъ огромнымъ краснымъ бантомъ и окруженнымъ нѣсколькими офицерами своего штаба и вооруженными матросами. Команды привѣтствовали его громкими криками „ура“. Получалось впечатлѣнiе, что это — одинъ изъ популярнѣйшихъ вождей переворота и врагъ „стараго режима“, но никакъ не вице-адмиралъ, проведшiй всю жизнь на Службѣ Его Величества.

Позднѣе выяснились небезынтересныя подробности, какъ убiйства Адмирала Непенина, такъ и вступленiя Максимова на постъ Командующаго Флотомъ.

Адмиралъ Максимовъ всегда отличался карьеризмомъ и мелочно-честолюбивымъ характеромъ. Не имѣя, ни по заслугамъ, ни по уму, никакихъ данныхъ претендовать на занятiе высокаго поста Командующаго Флотомъ, онъ былъ въ страшной претензiи, когда не онъ, а Адмиралъ Непенинъ былъ назначенъ на этотъ постъ. Вѣдь, Непенинъ былъ моложе его! . .

При первыхъ же признакахъ революцiи, Максимовъ почувствовалъ, что пришла, наконецъ, пора осуществить свои честолюбивые замыслы. Онъ сталъ тайно агитировать среди своихъ подчиненныхъ, чтобы тѣ выбрали его на постъ, который ему такъ хотѣлось занять. Добиться этого было не трудно. Скоро, при содѣйствiи своего расторопнаго флагъ-офицера, Старшаго Лейтенанта Василевскаго, той же формацiи, какъ и онъ самъ, его избрали . . . писаря его же штаба. Но такъ какъ этого было, всетаки, какъ будто недостаточно, то, при помощи того же флагъ-офицера, была собрана толпа матросовъ такъ называемой „береговой роты“, которой завѣдывалъ все тотъ же флагъ-офицеръ. Къ толпѣ присоединились случайные солдаты и просто всякiй сбродъ и, по наущенiю спецiальныхъ лицъ, она-то, и приступила къ выборомъ новаго Командующаго Флотомъ.

При этомъ не обошлось безъ маленькаго, но характернаго инцидента. Дѣло происходило на улицѣ. Случайно мимо проходилъ Старшiй Лейтенантъ А. П. Гедримовичъ. Увидѣвъ подобнаго рода выборы, онъ вскочилъ на первую попавшуюся бочку и громко, при хохотѣ окружавшихъ его матросовъ, крикнулъ: „что вы дѣлаете? кого выбираете Командующимъ Флотомъ? дурака выбираете!!“ . . Это выступленiе, хотя и принятое сочувственно, все-таки не помѣшало успѣху выборовъ Максимова. Тотчасъ же послѣ нихъ, онъ и его главные помощники, Капитанъ 2-го ранга Л. Муравьевъ и Старшiй Лейтенантъ К. Василевскiй, увѣшанные красными бантами и лентами, сѣли въ автомобиль. Этотъ автомобиль былъ буквально весь облѣпленъ вооруженными матросами, тоже въ красныхъ бантахъ. Въ такомъ видѣ Максимовъ отправился на „Кречетъ“, чтобы объявить Адмиралу Непенину о своемъ избранiи. Но тотъ ему опредѣленно заявилъ, что никакихъ выборовъ не признаетъ, что онъ и флотъ подчинились Временному правительству, и кому оно укажетъ, тому и сдастъ командованiе.

Максимовъ уѣхалъ, но съ самовольно поднятымъ на автомобилѣ значкомъ Командующаго Флотомъ. Такъ онъ, вскорѣ, направился и на Вокзальную площадь. Тѣмъ временемъ былъ убитъ Адмиралъ Непенинъ и, такимъ образомъ, командованiе Флотомъ уже фактически перешло къ нему, какъ къ старшему. Адмиралъ Максимовъ сталъ Командующимъ Флотомъ! . .

Убiйство Адмирала Непенина произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Большинство команды „Кречета“ отправи-

лось на площадь, чтобы встрѣтить членовъ Временнаго правительства. Въ это время къ „Кречету" подошла большая толпа, конечно, вся вооруженная, и стала шумно требовать, чтобы Адмиралъ тоже пошелъ на площадь встрѣчать депутацію. Опасаясь, как бы она не ворвалась во внутреннія помѣщенія штаба, гдѣ хранились разные важные документы, шифры и т. д., и чтобы все это не было расхищено, Адмиралъ Непенинъ рѣшилъ пойти, и, въ сопровожденіи своего флагъ-офицера, Лейтенанта П. И. Гирбаха, сошелъ на берегъ. Они шли впереди, а за ними толпа, среди которой находился и будущій убійца Адмирала, одѣтый въ морскую унтеръ-офицерскую форму. Онъ шелъ все время сзади Адмирала, держа на перевѣсъ винтовку. Передаютъ, что у него на ленточкѣ была надпись „Гангутъ", но проблематично утверждать этого нельзя. Вѣрнѣе всего, это былъ спеціально нанятый убійца.

Когда Адмиралъ былъ уже у воротъ порта, къ флагъ-офицеру подошло изъ толпы нѣсколько матросовъ. Эти матросы сказали ему: „уйдите, г-нъ Лейтенантъ, здѣсь будетъ нехорошее дѣло". И, какъ бы въ подтвержденіе ихъ словъ, едва только Адмиралъ сталъ выходить изъ воротъ порта, сзади него раздался выстрѣлъ. То убійца въ матросской формѣ совершилъ свое злое дѣло. Адмиралъ упалъ, но и тогда въ него было сдѣлано еще нѣсколько выстрѣловъ изъ винтовокъ и револьверовъ.

Флагъ-офицеръ, въ моментъ перваго выстрѣла и послѣдовавшей затѣмъ свалки, былъ насильно оттисненъ своими доброжелателями-матросами въ сторону и этимъ спасенъ.

Этотъ случай опредѣленно показываетъ, что тутъ преслѣдовалась цѣль убить именно Адмирала Непенина, внѣ связи съ убійствами офицеровъ вообще.

Наконецъ, около 4 часовъ, пришелъ столь долгожданный поѣздъ, и на немъ пріѣхали: министръ по дѣламъ Финляндіи, Родичевъ, депутатъ Скобелевъ и два представителя Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Всѣ четверо сказали витіеватыя рѣчи о необходимости прекратить безчинства и поддерживать дисциплину. Какъ изъ рога изобилія сыпались слова: „товарищи", „завоеванія революціи", „революціонная честь" и т. д. Присутствовавшіе остались ими вполнѣ довольны и много, и долго кричали „ура". Что будетъ дальше — никто не зналъ, а пока — невольно вставали предъ глазами окровавленныя тѣни убитыхъ во имя революціи офицеровъ. . .

Послѣ встрѣчи, всѣ спокойно разошлись по своимъ частямъ, и всюду наблюдалось очень оживленное настроеніе.

По возвращеніи на миноносецъ, команда попросила меня выйти на палубу. Выборный отъ нея сказалъ мнѣ рѣчь, въ

которой отъ имени матросовъ благодарилъ за справедливое и заботливое отношенiе къ нимъ въ прежнее время и, въ знакъ признательности, просилъ разрѣшенiя меня покачать. Затѣмъ они начали командира и другихъ офицеровъ.

Вечеромъ, ввиду общаго успокоенiя, всѣмъ было разрѣшено идти на берегъ. Заботы команды обо мнѣ простерлись такъ далеко, что когда я собрался идти, она очень просила меня не ходить одному по улицамъ, такъ какъ боялась, что, ввиду бывшихъ случаевъ нападенiя неизвѣстныхъ матросовъ и солдатъ на офицеровъ, тоже самое могло случиться и со мной; меня просили всегда брать съ собой въ провожатые кого-либо изъ нашихъ матросовъ.

5-го марта, къ вечеру, ко мнѣ пришли представители команды и, нѣсколько смущенно, заявили, что послѣдняя считаетъ неудобнымъ, чтобы въ каютъ-компанiи продолжали висѣть Царскiе Портреты, а потому проситъ ихъ снять. Надо замѣтить, что въ то время, когда на всѣхъ корабляхъ, тотчасъ же послѣ переворота, были сняты и уничтожены портреты Государя и Его Августѣйшей Семьи, на „Новикѣ" они еще продолжали висѣть.

У насъ портретъ Государя былъ съ Его личной надписью, сдѣланною Имъ во время смотра на миноносцѣ, когда Онъ выходилъ на немъ въ море. Это была реликвiя корабля.

Когда я подошелъ къ Портретамъ, невольно нахлынулъ цѣлый рядъ мыслей.

28-ое января 1904 года. Я — старшiй гардемаринъ Морского Корпуса. Весь корпусъ живетъ только однимъ: вновь вспыхнувшей войной съ Японiей. Всѣ наши мысли невольно прикованы къ Тихоокеанской Эскадрѣ, и на всѣ лады обсуждается неожиданное нападенiе японскихъ миноносцевъ на наши корабли; занятiя совершенно не идутъ на умъ.

Утромъ намъ вдругъ объявили, что около 2-хъ часовъ дня Государь Императоръ посѣтитъ Корпусъ. Хотя больше ничего сказано не было, но прiѣздъ Государя въ такой моментъ уже самъ по себѣ обѣщалъ что-то особо-выдающееся въ жизни Корпуса...

Огромная столовая зала, видѣвшая столько поколѣнiй будущихъ морскихъ офицеровъ, казалось, въ этотъ день была настроена особенно торжественно. Спокойная, величественная статуя Великаго Основателя Флота, какъ всегда, покровительственно смотрѣла на насъ. Въ концѣ залы стоялъ нашъ старый бригъ „Меркурiй", съ которымъ у насъ было связано столько воспоминанiй. Все это — была хорошо знакомая намъ картина, но въ этотъ день даже она производила какое-то необычное впечатлѣнiе.

Вскорѣ послѣ того, когда Корпусъ былъ выстроенъ, раздались условные звонки, означавшіе, что Государь уже пріѣхалъ, и мы всѣ замерли на своихъ мѣстахъ.

Еще нѣсколько минутъ, безконечно долгихъ въ нашемъ представленіи, и въ залъ вошли Государь и Государыня въ сопровожденіи Великаго Князя Кирилла Владиміровича, Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, Директора Корпуса, Вице-Адмирала Чухнина, и другихъ лицъ свиты.

Привѣтливо поздоровавшись съ нами, Государь обошелъ весь фронтъ и затѣмъ что-то тихо сказалъ Директору Корпуса. Раздалась команда: „Старшіе Гардемарины, десять шаговъ впередъ, шагомъ, маршъ!" . .

Государь обратился къ намъ съ рѣчью, и мы жадно схватывали каждое Его слово. Онъ сказалъ, что вопреки его стремленію сохранить миръ, пришлось все-таки начать войну съ Японіей, что Флотъ въ Артурѣ уже принялъ боевое крещеніе, и что для него теперь очень нужны офицеры, а потому Онъ производитъ насъ въ мичманы на три мѣсяца раньше срока.

Наши сердца дрожали и были заполнены безпредѣльной любовью и преданностью Нашему Монарху. Прошло нѣсколько мгновеній послѣ того, какъ Государь поздравилъ насъ съ производствомъ въ офицеры, прежде чѣмъ мы вышли изъ охватившаго насъ полузабытья, и нашъ бурный восторгъ сказался въ одномъ громовомъ, безудержномъ „ура" . . .

Едва Государь съ Государыней, простившись, стали выходить изъ зала, мы стремглавъ бросились за Ними; ни приказанія, ни просьбы — ничто не могло остановить насъ. Окруживъ Ихъ плотной стѣной въ швейцарской, мы наперерывъ стали умолять Государя отправить насъ всѣхъ на Артурскую Эскадру. Государь, улыбаясь, возразилъ, что если Онъ насъ всѣхъ туда отправитъ, то кто же тогда будетъ служить на Балтійскомъ и Черноморскомъ Флотахъ, но все же обѣщалъ предоставить нашему выпуску нѣсколько вакансій.

Та величественная простота и милостивое отношеніе къ намъ, которыя Царственная Чета выказала, насъ окончательно ободрила, и мы осмѣлѣли. Наша просьба къ Нимъ дать что-нибудь на память поставила Ихъ въ затрудненіе. Государь и Государыня переглянулись и сказали, что сейчасъ съ Ними ничего нѣтъ. Тогда мы стали просить отдать носовые платки и пуговицы отъ пальто. Въ слѣдующія же секунды, платки были разорваны на мельчайшіе куски, и на пальто Государя и Государыни не было ни единой пуговицы; вскорѣ въ наши руки перешло даже боа Государыни . . . Лица свиты тщетно пытались оградить Ихъ отъ насъ и хоть нѣсколько умѣрить нашъ порывъ. А Государь и Государыня попрежнему все ласково улыбались и шутили надъ нами . . .

Наконецъ, Они сѣли въ карету. Еще мигъ — и мы всѣ были на улицѣ и облѣпили экипажъ. Наиболѣе предпріимчивые и рѣшительные умудрились даже взобраться на крышу кареты, хотя, правда, скоро имъ пришлось спрыгнуть, такъ какъ опасались за цѣлость рессоръ. Карета тронулась, а вслѣдъ за ней, безъ фуражекъ и шинелей, съ криками „ура", неслись мы всѣ. Какъ сравнительно ни тихо ѣхала карета, но, къ нашему отчаянію, мы отставали все больше и больше, и только свита Государя, взявъ насъ въ свои сани, да подоспѣвшіе извозчики спасли положеніе. Какъ бы тамъ ни было, но когда у подъѣзда Зимняго Дворца Государь и Государыня вышли изъ кареты, мы всѣ оказались тутъ же. Они были страшно обезпокоены, что мы можемъ простудиться, такъ какъ морозъ доходилъ до 12 градусовъ, и приказали немедленно подать намъ чаю и вина, а тѣмъ временемъ — послать въ Корпусъ за шинелями. Еще разъ простившись съ нами и пожелавъ намъ счастья, наши Державные Хозяева прослѣдовали въ Свои покои . . .

Такъ счастливы, какъ тогда, никто изъ насъ еще никогда, да и потомъ тоже, не былъ. Впослѣдствіи, когда Государь встрѣчалъ кого-нибудь изъ насъ и узнавалъ, что мы выпуска 1904 года, по Его Лицу скользила привѣтливая улыбка, и Онъ говорилъ: „А-а, вы моего выпуска" . . .

Нашъ выпускъ былъ первымъ Царскимъ выпускомъ. Мы вступили въ жизнь, встрѣченные Царской Милостью. Быстро неслись года. Многихъ изъ насъ — уже нѣтъ: одни — еще тогда же, въ Японскую войну, погибли въ Портъ-Артурѣ и при Цусимѣ; другіе — въ эту войну; третьи, можетъ быть, стоятъ уже на очереди . . .

И другія мысли приходятъ на умъ. Государь часто бывалъ на Флотѣ и очень его любилъ.

Мнѣ лично много разъ приходилось участвовать на Его смотрахъ. Я помню смотръ 2-ой Тихоокеанской эскадры передъ ея отправленіемъ на Востокъ; помню, какъ Государь выходилъ на эскадренномъ миноносцѣ „Пограничникъ", съ Адмираломъ Эссеномъ, во главѣ всей Минной Дивизіи, въ море; смотры миноносцевъ, участвовавшихъ въ охранѣ яхты Государя „Штандартъ"; выходъ на заградителѣ „Амуръ" для постановки минъ; выходъ Его на крейсерѣ „Рюрикъ" и смотръ въ Гельсингфорсѣ, 25-го февраля 1915 года. . .

Какимъ бурнымъ, восторженнымъ „ура" привѣтствовали тогда Государя команды. Чувствовалось, что въ этомъ „ура" не было ничего искусственнаго, ничего натянутаго: оно росло и ширилось, идя отъ самаго сердца, изъ самой глубины русской души.

Всѣ эти смотры вносили въ нашу среду большое оживленіе и подъемъ духа; мы ихъ ждали, мы къ нимъ тщательно готовились и ихъ не боялись, какъ другихъ смотровъ. Флотъ былъ счастливъ видѣть у себя Государя.

Всегда неизмѣнно привѣтливый, съ доброй улыбкой на лицѣ, красивыми, задумчивыми и скорбными глазами, Онъ всегда умѣлъ сказать намъ задушевное слово, вызвать какое-то особо-трогательное чувство къ Себѣ. Онъ обладалъ удивительной памятью на лица и легко вспоминалъ офицеровъ, которыхъ Ему приходилось видѣть хотя бы только два-три раза.

Обаяніе Его личности, сила блеска Монаршей Власти, олицетвореніе въ Немъ величія и мощи Россіи — все это окружало Его какимъ-то особымъ, притягательнымъ ореоломъ. И все-таки какъ-то невольно чувствовалось, что, несмотря на всю Его безграничную любовь къ Россіи и народу, эта Власть давитъ Его тяжкимъ бременемъ, что Онъ несчастенъ, и что на Немъ лежитъ какая-то особая роковая печать грядущаго мученичества. . .

Но почему теперь вдругъ родилась такая злоба, такая ненависть? . . Почему еще нѣсколько дней назадъ ея не было? Кѣмъ она вызвана, откуда явилась? . . Вѣдь искусственность, неестественность ея чувствовалась хотя бы сегодня здѣсь, на „Новикѣ", въ томъ смущеніи, съ какимъ представители команды требовали удаленія Портретовъ. . . Что теперь дѣлается тамъ, гдѣ Государь? Остался ли Ему кто-нибудь вѣренъ, или же Онъ очутился лицомъ къ лицу только съ измѣной, окруженъ только Своими врагами? . .

Портреты у меня въ рукахъ. . . Какая-то щемящая тоска заползаетъ въ душу. Я прихожу къ себѣ въ каюту и какъ-то случайно мнѣ бросается въ глаза фотографія „Рюрика" подъ брейдъ-вымпеломъ Государя. . .

Какъ будто это было вчера. . . А что будетъ теперь? . . Къ чему мы идемъ — пока никто еще не въ состояніи отвѣтить, но чувствуется, что добра не будетъ.

Разъ ужъ на стеньгахъ висятъ красные флаги, то, можетъ быть, придется пережить флоту и такой моментъ, когда какой-нибудь самозванный правитель изъ разряда фаворитовъ революціи, произведетъ ему смотръ. . . подъ своимъ флагомъ! . . Не дай Богъ дожить и услышать объ этомъ! . .

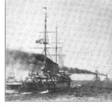
Пусть же эти Портреты хранятся какъ зѣница ока! Быть можетъ, ужъ не на этомъ „Новикѣ", а на другомъ, но вѣрится — что Они опять въ каютъ-компаніи займутъ Свое мѣсто. . .

Прошло нѣсколько дней. Въ Гельсингфорсѣ и на Флотѣ всѣ находились еще подъ впечатлѣніемъ страшной, кровавой ночи съ 3-го на 4-ое марта. Каждый моментъ можно было

ожидать повторенія вспышекъ, новыхъ насилій, новыхъ убійствъ. Однако, притупившіеся нервы отказывались уже реагировать на что-либо.

Постепенно стали выясняться подробности того, что происходило на корабляхъ въ ту ночь. Если, въ общемъ, слухи, циркулировавшіе тогда въ городѣ, были преувеличены, то въ отношеніи къ нѣкоторымъ кораблямъ они были очень близки къ истинѣ.

Гельсингфорскій рейдъ спитъ подъ покровомъ тяжелаго льда. Сверху глядитъ ясное звѣздное небо. Блеститъ снѣгъ.

96. „Рюрикъ" подъ брейдъ-вымпеломъ Государя Императора.

На бѣломъ фонѣ неясно вырисовываются темные контуры линейныхъ кораблей и крейсеровъ. Тутъ сосредоточены главныя силы, главный оплотъ Россіи на Балтійскомъ морѣ. Мористѣе другихъ кораблей, выдѣляется бригада дредноутовъ; здѣсь же виднѣются „Андрей Первозванный", „Императоръ Павелъ I", „Слава", „Громобой", „Россія", „Діана". Спокойные дымки, поднимающіеся лентой къ небу, говорятъ о томъ, что на нихъ кипитъ неугомонная жизнь. Кругомъ — тихо. Ничто не указываетъ, что близится трагедія. . .

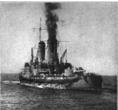
Вдругъ, какъ будто по какому-то сигналу, здѣсь и тамъ, на всѣхъ корабляхъ замелькали ровные, безжизненные огни — красныхъ клотиковыхъ фонарей. Проектируясь на темнотѣ

ночи, они производили жуткое впечатлѣніе и вызывали предчувствіе чего-то недобраго.

Это были буревѣстники революціи, злодѣяній и позора.

Сухой трескъ безпорядочныхъ винтовочныхъ выстрѣловъ, прорвавшійся сквозь тишину ночи, служилъ разъясненіемъ самовольныхъ красныхъ огней. Начинался бунтъ, полилась кровь офицеровъ. . .

Болѣе остро, чѣмъ гдѣ-либо, онъ прошелъ на 2-ой Бригадѣ Линейныхъ Кораблей.

97. Линейный корабль „Андрей Первозванный".

Вотъ что происходило на „Андреѣ Первозванномъ", по разсказу его командира, Капитана 1-го ранга Г. О. Гаддъ. Вмѣстѣ со своими офицерами, онъ пережилъ эту ночь при самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ.

„1-го марта утромъ, корабль посѣтилъ Командующій Флотомъ, Адмиралъ Непенинъ, и объявилъ передъ фронтомъ команды объ отреченіи Государя Императора и переходѣ власти въ руки Временнаго правительства.

Черезъ два дня былъ полученъ Актъ Государя Императора, и объявленъ командѣ.

Всѣ эти извѣстія она приняла спокойно.

3-го марта вернулся изъ Петрограда Начальникъ нашей

бригады, Контръ-Адмиралъ А. К. Небольсинъ, и въ тотъ же вечеръ рѣшилъ пойти на „Кречетъ", въ Штабъ Флота.

Около 8 часовъ вечера этого дня, когда меня позвалъ къ себѣ Адмиралъ, вдругъ пришелъ старшій офицеръ и доложилъ, что въ командѣ замѣтно сильное волненіе. Я сейчасъ же приказалъ играть сборъ, а самъ поспѣшилъ сообщить о происшедшемъ Адмиралу; но тотъ на это отвѣтилъ: „справляйтесь сами, а я пойду въ Штабъ", и ушелъ.

Тогда я направился къ командныыъ помѣщеніямъ. По дорогѣ мнѣ кто-то сказалъ, что убитъ вахтенный начальникъ, а далѣе сообщили, что убитъ Адмиралъ. Потомъ я встрѣтилъ нѣсколькихъ кондукторовъ, бѣжавшихъ мнѣ навстрѣчу и кричавшихъ, что „команда разобрала винтовки и стрѣляетъ".

Видя, что времени терять нельзя, я вбѣжалъ въ каютъ-компанію и приказалъ офицерамъ взять револьверы и держаться всѣмъ вмѣстѣ, около меня.

Дѣйствительно, скоро началась стрѣльба, и я съ офицерами, уже подъ выстрѣлами, прошелъ въ кормовое помѣщеніе. По дорогѣ я снялъ часового отъ денежнаго сундука, чтобы его не могли случайно убить, а одному изъ офицеровъ приказалъ по телефону передать о происходящемъ въ Штабъ Флота.

Команда, увидя, что офицеры вооружены револьверами, не рѣшалась наступать по корридорамъ и начала стрѣлять черезъ иллюминаторы въ верхней палубѣ, что было удобно, такъ какъ наши помѣщенія были освѣщены.

Тогда, съ однимъ изъ офицеровъ, я бросился въ каюту Адмирала, чтобы выключить лампочки. Но въ тотъ же моментъ, черезъ палубный иллюминаторъ, была открыта сильная стрѣльба. Пули такъ и свистали надъ нашими головами и сыпался цѣлый градъ осколковъ. Почти сейчасъ же намъ пришлось выскочить обратно, и мы успѣли потушить только часть огней.

Тѣмъ временемъ, офицеры раздѣлились на двѣ группы, и каждая охраняла свой выходъ въ корридоръ, рѣшившись если не отбиться, то во всякомъ случаѣ, дорого продать свою жизнь.

Пули пронизывали тонкія желѣзныя переборки, каждый моментъ угрожая попасть въ кого-нибудь изъ насъ. Вмѣстѣ съ ихъ жужжаніемъ и звономъ падающихъ осколковъ стеколъ, мы слышали дикіе крики, ругань и угрозы толпы убійцъ.

Помѣщеніе, которое мы заняли, соединяло два корридора, ведущихъ къ адмиральскому салону, и само не имѣло палубныхъ иллюминаторовъ. Но зато оно имѣло выходной трапъ на верхнюю палубу, люкъ котораго на зимнее время былъ обнесенъ тонкой деревянной надстройкой. Пули, легко проникая черезъ ея стѣнки, достигали насъ, такъ что скоро былъ тяжело раненъ въ грудь и животъ Мичманъ Т. Т. Воробьевъ, и убитъ одинъ изъ вѣстовыхъ.

Черезъ нѣсколько времени, такъ какъ осада все продолжалась, я предложилъ офицерамъ выйти наверхъ къ командѣ и попробовать ее образумить.

Мы пошли. . . Я шелъ впереди. Едва только я успѣлъ ступить на палубу, какъ нѣсколько пуль сразу же просвистѣло надъ моей головой, и я убѣдился, что пока выходить нельзя и придется продолжать выдерживать осаду внизу.

Уже три четверти часа продолжалась эта отвратительная стрѣльба по офицерамъ, какъ вдругъ мы услышали крикъ у люка: „Мичмана Р. наверхъ." Этотъ Мичманъ всегда былъ любимцемъ команды, и потому я посовѣтовалъ ему выйти наверхъ, такъ какъ очевидно ему никакой опасности не угрожало, а наоборотъ его хотѣли спасти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ помочь и намъ, уговаривая команду успокоиться.

Но стрѣльба и послѣ этого продолжалась все время, и не видя ея конца, я опять рѣшилъ выйти къ командѣ, но на этотъ разъ одинъ.

Поднявшись по трапу и открывъ дверь деревянной надстройки, я увидѣлъ противъ себя одного изъ молодыхъ матросовъ корабля съ винтовкой, направленной на меня, а шагахъ въ двадцати стояла толпа человѣкъ въ сто и угрюмо молчала. Небольшія группы бѣгали съ винтовками по палубѣ, стрѣляли и что-то кричали. Кругомъ было почти темно, такъ что лицъ нельзя было разобрать.

Я быстро направился къ толпѣ, отъ которой отдѣлилось двое матросовъ. Идя мнѣ навстрѣчу, они кричали: „идите скорѣе къ намъ, командиръ".

Вбѣжавъ въ толпу, я вскочилъ на возвышеніе и, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, обратился къ ней съ рѣчью: „Матросы, я вашъ командиръ, всегда желалъ вамъ добра и теперь пришелъ, чтобы помочь разобраться въ томъ, что творится, и оберечь васъ отъ невѣрныхъ шаговъ. Я передъ вами одинъ, и вамъ ничего не стоитъ меня убить, но выслушайте меня и скажите: чего вы хотите, почему напали на своихъ офицеровъ? Что они вамъ сдѣлали дурного?

Вдругъ я замѣтилъ, что рядомъ со мной оказался какой то рабочій, очевидно агитаторъ, который перебилъ меня и сталъ кричать: „кровопійцы, вы нашу кровь пили, мы вамъ покажемъ" . . . Чтобы не дать повліять его выкрикамъ на толпу, я въ отвѣтъ крикнулъ: „пусть онъ объяснитъ, кто и чью кровь пилъ." Тогда вдругъ изъ толпы раздался голосъ: „намъ рыбу давали къ обѣду", а другой добавилъ: „насъ къ Вамъ не допускали офицеры."

Я сейчасъ же отвѣтилъ: „неправда, я, ежемѣсячно опрашивая претензіи, всегда говорилъ, что каждый, кто хочетъ гово-

рить лично со мной, можетъ заявить объ этомъ, и ему будетъ назначено время. Правду я говорю или нѣтъ?“

И я облегченно вздохнулъ, когда въ отвѣтъ на это послышались голоса: „правда, правда, они врутъ, противъ Васъ мы ничего не имѣемъ.“

Въ этотъ самый моментъ раздались душу раздирающіе крики, и я увидѣлъ, какъ на палубу были вытащены два кондуктора съ окровавленными головами: ихъ тутъ же разстрѣляли; а потомъ убійцы подошли къ толпѣ и начали кричать: „чего вы его слушаете, бросайте за бортъ, нечего тамъ жалѣть“. . . Съ кормы же раздались крики: „офицеры убили часового у сундука.“

Воспользовавшись этой явной ложью, я громко сказалъ: „ложь, не вѣрьте имъ, я самъ его снялъ, оберегая отъ ихъ же пуль.“

Тѣмъ временемъ, толпа окружавшая меня, быстро возрастала и я видѣлъ, что на мою сторону переходитъ большая часть команды, и потому, ужъ болѣе увѣренно, продолжалъ говорить, доказывая, что во время войны всякіе безпорядки и бунты для Россіи губительны и крайне выгодны непріятелю, что послѣдній на нихъ очень разсчитываетъ и т. д.

Вдругъ къ нашей толпѣ стали подходить нѣсколько какихъ то матросовъ, крича: „разойдись, мы его возьмемъ на штыки.“

Толпа кругомъ меня какъ-то разомъ замерла; я же судорожно схватился за рукоятку револьвера. Видя все ближе подходящихъ убійцъ, я думалъ: мой револьверъ имѣетъ всего девять пуль; восемь выпущу въ этихъ мерзавцевъ, а девятой покончу съ собой.“

Но въ этотъ моментъ произошло то, чего я никакъ не могъ ожидать. Отъ толпы, окружавшей меня, отдѣлилось человѣкъ пятьдесятъ и пошли навстрѣчу убійцамъ: „не дадимъ нашего командира въ обиду.“ Тогда и остальная толпа тоже стала кричать и требовать, чтобы меня не тронули. Убійцы отступили. . .

Избѣжавъ такимъ образомъ смерти, я, совершенно усталый и охрипшій, снова обратился къ командѣ, прося спасти и другихъ офицеровъ.

Однако, мой голосъ уже отказывался повиноваться, и я невольно долженъ былъ замолчать. Этимъ, конечно, могли бы воспользоваться находившіеся по близости агитаторы и опять начать возбуждать противъ меня толпу. Чтобы выйти изъ этого опаснаго положенія, стоявшій рядомъ со мной Мичманъ Б., котораго команда вызвала наверхъ, такъ же какъ и Мичмана Р., громко крикнулъ: „А, ну-ка, на „ура“ нашего командира“, и меня подхватили и начали качать.

Это была побѣда, и я былъ окончательно спасенъ. Но остальные офицеры продолжали быть въ большой опасности, и слыша продолжающуюся по нимъ стрѣльбу, я рѣшилъ опять заговорить о нихъ.

Такъ какъ дѣло происходило на открытомъ воздухѣ, а я былъ безъ пальто, то, наконецъ, совсѣмъ продрогъ. Это замѣтили окружающіе матросы, и одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ свою шинель. Но я отклонилъ предложеніе, и тогда было рѣшено перейти въ ближайшій казематъ.

Тамъ я снова обратился къ командѣ, требуя спасти офицеровъ. Я предложилъ ей дать мнѣ слово, что ничья рука больше не подымется на нихъ; я же пройду къ нимъ и попрошу отдать револьверы, послѣ чего они будутъ арестованы въ адмиральскомъ салонѣ, и ихъ будетъ охранять караулъ.

Мнѣ на это отвѣтили „нѣтъ. Вы будете убиты, не дойдя до нихъ."

Тогда мнѣ пришла мысль вызвать офицеровъ къ себѣ въ казематъ. И хоть это было сопряжено съ рискомъ, но, оставаясь попрежнему въ кормѣ, они всѣ неизбѣжно были бы перестрѣляны.

Команда на это предложеніе согласилась, но съ условіемъ, что по телефону будетъ говорить матросъ, а не я. Мнѣ, конечно, только оставалось выразить свое согласіе, но, чтобы офицеры, не зная, живъ ли я, не подумали, что ихъ хотятъ заманить въ ловушку, стоя у телефона, я сталъ громко диктовать то, что слѣдуетъ передавать. Такимъ образомъ, мой голосъ былъ слышенъ офицерамъ, и они поняли, что этотъ вызовъ дѣйствительно исходитъ отъ меня.

Позже выяснилось, что когда шайка убійцъ увидѣла, что большинство команды на моей сторонѣ, она срочно собрала импровизированный судъ, который, безъ долгихъ разсужденій, приговорилъ всѣхъ офицеровъ, кромѣ меня и двухъ Мичмановъ, къ разстрѣлу. Этимъ они очевидно хотѣли въ глазахъ остальной команды оформить убійства и въ дальнѣйшемъ гарантировать себя отъ возможныхъ репрессій.

Во время переговоровъ по телефону съ офицерами, въ казематъ вошелъ матросъ съ „Павла I" и наглымъ тономъ спросилъ: „что, покончили съ офицерами, всѣхъ перебили? Медлить нельзя." Но ему отвѣтили очень грубо: „мы сами знаемъ что намъ дѣлать" — и негодяй, со сконфуженной рожей, быстро исчезъ изъ каземата.

Скоро всѣмъ офицерамъ благополучно удалось пробраться ко мнѣ въ казематъ, и по ихъ блѣднымъ лицамъ можно было прочесть, сколько ужасныхъ моментовъ имъ пришлось пережить за этотъ короткій промежутокъ времени.

Сюда же былъ приведенъ тяжело раненый Мичманъ Т. Т. Воробьевъ. Его посадили на стулъ, и онъ, на всѣ обращенные къ нему вопросы, только безсмысленно смѣялся. Несчастный мальчикъ за эти два часа совершенно потерялъ разсудокъ. Я попросилъ младшаго врача отвести его въ лазаретъ. Двое матросовъ вызвались довести и, взявъ его подъ руки, вмѣстѣ съ докторомъ ушли. Какъ оказалось послѣ, они по дорогѣ убили его, на глазахъ у этого врача.

Еще разъ потребовавъ отъ команды обѣщанія, что никто не тронетъ безоружныхъ офицеровъ, я и всѣ остальные отдали свои револьверы. Послѣ этого мы всѣ прошли въ адмиральское помѣщеніе, у котораго былъ поставленъ часовой, съ инструкціей отъ команды: „никого, кромѣ командира не выпускать."

Хорошо еще, что пока команда была трезва, и съ ней можно было разговаривать. Но я очень боялся, что ее научатъ разгромить погребъ съ виномъ, а тогда насъ ничто ужъ не спасло бы. Поэтому я убѣдилъ команду поставить часовыхъ у винныхъ погребовъ.

Время шло, но на кораблѣ все еще не было спокойно, и банда убійцъ продолжала свое дѣло. Мы слышали выстрѣлы и предсмертные крики новыхъ жертвъ. Это продолжалась охота на кондукторовъ и унтеръ-офицеровъ, которые попрятались по кораблю. Ужасно было то, что я рѣшительно ничего не могъ предпринять въ ихъ защиту.

Насъ больше уже не трогали, и я сидѣлъ или у себя въ каютѣ, изъ которой была видна дверь въ корридоръ, или былъ у офицеровъ.

Вдругъ, я услышалъ шумъ въ корридорѣ и увидѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ команды, бѣгущихъ ко мнѣ. Я пошелъ имъ навстрѣчу и спросилъ, что надо. Они, страшно испуганными голосами, отвѣтили, что на насъ идетъ батальонъ изъ крѣпости: „помогите, мы не знаемъ, что дѣлать". Я приказалъ ни одного посторонняго человѣка не пускать на корабль. Мнѣ отвѣтили „такъ точно", и стали униженно просить командовать ими.

Тогда я вышелъ наверхъ, приказалъ сбросить сходню, и команда встала у заряженныхъ 120 м/м орудій и пулеметовъ.

Мы прожекторомъ освѣтили толпу, идущую по льду мимо корабля, но, очевидно, она преслѣдовала какую-то другую цѣль, потому что прошла, не обративъ никакого вниманія на насъ и скрылась по направленію города. Какъ позже выяснилось, она шла убивать всѣхъ встрѣчныхъ офицеровъ и даже вытаскивала ихъ изъ квартиръ.

Послѣ того какъ команда, столь храбрая на убійство горсточки беззащитныхъ людей и струсившая при первомъ же призракѣ опасности настолько, что у тѣхъ, кого только что

хотѣла убить, готова была просить самымъ униженнымъ образомъ о помощи, успокоилась, я опять спустился къ себѣ въ каюту.

Находясь на верхней палубѣ, я видѣлъ, что на всѣхъ корабляхъ флота горѣли зловѣщіе красные огни, а на сосѣднемъ „Павлѣ I", то и дѣло вспыхивали ружейные выстрѣлы.

Весь остатокъ ночи я и офицеры не спали и все ждали, что опять что-нибудь произойдетъ, такъ какъ продолжали не довѣрять командѣ. Но, наконецъ, около 6 часовъ утра, начало свѣтать, и сразу стало легче на душѣ; да и выстрѣлы на кораблѣ окончательно затихли, и все какъ будто успокоилось.

Тогда я пошелъ къ себѣ въ каюту, думая немного отдохнуть. Оскотѣвшись въ ней, я увидѣлъ, что всѣ стѣны, письменный столъ и кровать изрѣшечены пулями, а полъ усѣянъ осколками разбитыхъ стеколъ иллюминаторовъ и кусочками дерева.

Печальный видъ каюты командира линейнаго корабля во время войны и послѣ боя, но не съ противникомъ, а со своей же командой! . .

Позже, изъ бесѣды съ офицерами, мнѣ удалось выяснить обстановку, при которой былъ убитъ Адмиралъ Небольсинъ. Оказывается, онъ, послѣ разговора со мной, сошелъ съ корабля на ледъ, но не успѣлъ еще пройти его, какъ по нему была открыта стрѣльба. Тогда онъ сейчасъ же направился обратно къ кораблю и, когда всходилъ по сходнѣ, въ него было сдѣлано въ упоръ два выстрѣла, и онъ упалъ замертво.

Что касается нахтеннаго начальника, Лейтенанта Г. А. Бубнова, то онъ былъ убитъ во время того, какъ хотѣлъ заставить караулъ повиноваться себѣ. Для этого онъ схватилъ винтовку у одного изъ матросовъ, но въ тотъ же моментъ былъ застрѣленъ кѣмъ-то съ кормового мостика.

Потомъ тѣла, какъ Адмирала, такъ и Лейтенанта Бубнова, были ограблены и свезены въ покойницкую.

На слѣдующее утро, команда выбирала судовой комитетъ, въ который, конечно, вошли всѣ наибольшіе мерзавцы и крикуны. Одновременно былъ составленъ и судъ, которому было поручено судить всѣхъ офицеровъ. Онъ не замедлилъ оправдать оказанное ему довѣріе и скоро вынесъ приговоръ, по которому пять офицеровъ были приговорены къ разстрѣлу; въ томъ числѣ и младшій докторъ, очевидно только за то, что былъ свидѣтелемъ гнуснаго убійства раненаго Мичмана Воробьева.

Вечеромъ, съ готовымъ приговоромъ, ко мнѣ пришли члены судового комитета и заявили о желаніи прочитать его офицерамъ.

Теперь, такимъ образомъ, для меня явилась новая трудная задача: задержать исполненіе приговора, а потомъ уговорить

и совсѣмъ его отмѣнить. Для начала я предложилъ комитету перевести осужденныхъ офицеровъ въ мой кабинетъ, съ тѣмъ, что ни я къ нимъ безъ членовъ комитета, ни они безъ меня, не смѣли бы входить. Они на это согласились, и эти несчастные офицеры были помѣщены въ кабинетѣ, а остальные освобождены изъ подъ ареста безъ права съѣзда на берегъ.

Двое сутокъ я употребилъ на непрерывные разговоры, уговоры и убѣжденія команды отмѣнить этотъ нелѣпый приговоръ, но все было напрасно. Между тѣмъ, больше медлить было нельзя, ибо приговоръ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе на слѣдующій день въ три часа дня. Тогда я рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству спасти ихъ: это – использовать пріѣздъ членовъ Временнаго правительства. Въ этомъ духѣ я сталъ инспирировать команду, говоря что, странно, что члены правительства посѣтили всѣ корабли, кромѣ насъ. Да и, дѣйствительно, было странно, что они не посѣтили насъ, когда здѣсь ихъ помощь особенно была нужна, и этого не могъ не знать Командующій Флотомъ, Адмиралъ Максимовъ! . .

Наконецъ, на слѣдующій день утромъ, мнѣ удалось команду убѣдить пригласить на корабль, пріѣхавшаго, въ числѣ депутаціи, Родичева. Подъ контролемъ одного изъ членовъ комитета, въ 10 часовъ утра, я передалъ, какъ бы отъ имени команды ея желаніе теперь же видѣть Родичева. Я старался придать такой оттѣнокъ своему разговору, чтобы въ Штабѣ поняли, что если онъ не пріѣдетъ, то опять произойдутъ печальныя событія.

Но все же, не будучи совершенно увѣренъ, что моя просьба будетъ исполнена, я черезъ часъ вторично позвонилъ въ Штабъ и сказалъ, что команда ждетъ Родичева, и необходимо торопиться.

Въ часъ дня я звонилъ еще разъ, и мнѣ подтвердили, что Родичевъ къ двумъ часамъ пріѣдетъ на корабль. Я сказалъ, что это самый послѣдній срокъ, что команда больше не хочетъ ждать и повторилъ: „Вы понимаете меня.“ Мнѣ отвѣтили: „мы Васъ понимаемъ, это будетъ исполнено.“

Послѣ этого началось мучительное ожиданіе. Время шло чрезвычайно быстро; скоро было ужъ два часа, а затѣмъ оставался всего одинъ часъ и до приведенія въ исполненіе приговора. Если Родичевъ, вопреки всѣмъ моимъ просьбамъ, все же не пріѣдетъ, то послѣдняя надежда на спасеніе рухнетъ, и несчастные пять офицеровъ, на нашихъ глазахъ, будутъ разстрѣляны.

Наконецъ, пробило два часа, и черезъ нѣсколько минутъ мнѣ сообщили, что въ автомобилѣ ѣдетъ Родичевъ. Я облегченно вздохнулъ.

Взойдя на корабль, онъ въ полголоса меня спросилъ, есть ли арестованные офицеры. Я отвѣтилъ, что пять человѣкъ ожидаютъ съ минуты на минуту приведенія въ исполненіе смертнаго приговора.

Рѣчь Родичева въ защиту офицеровъ произвела сильное впечатлѣніе на команду, и она съ криками „ура" снесла его на автомобиль. Арестованные офицеры были освобождены и приговоръ отмѣненъ.

Такъ кончилась пытка этихъ трехъ дней и, кромѣ Адмирала, двухъ офицеровъ, да нѣсколькихъ кондукторовъ, остальныя жертвы были спасены. Но эти три кошмарныхъ дня не прошли безслѣдно и навсегда запечатлѣлись въ нашихъ душахъ.

Тѣмъ не менѣе, команда все еще не была совершенно спокойна, и агитаторы съ утра до вечера произносили рѣчи, стараясь ее настроить противъ офицеровъ и, въ частности, подорвать мое вліяніе. Они никакъ не могли простить мнѣ, что оно имѣло большее значеніе, чѣмъ вся ихъ агитація.

Всѣ вечера, до поздней ночи, мы съ офицерами просиживали въ каютъ-компаніи. Они не хотѣли расходиться по своимъ каютамъ, будучи увѣрены, что въ этомъ случаѣ въ ту же ночь они по одиночкѣ будутъ перебиты.

Какъ результатъ пережитаго было то, что два офицера совершенно потеряли разсудокъ, и ихъ пришлось отправить въ госпиталь. Среди кондукторовъ трое сошло съ ума. Изъ нихъ одного вынули изъ петли, когда онъ уже висѣлъ на ремнѣ въ своей каютѣ. Другой же, одѣвшись въ парадную форму, вышелъ изъ каюты и сталъ кричать, что онъ сейчасъ пойдетъ къ командиру и разскажетъ, кто кого убивалъ. Это очень не понравилось убійцамъ, и они тутъ же его разстрѣляли.

Въ послѣдующіе дни въ командѣ все продолжалась агитація противъ меня. Указывалось на случай съ Родичевымъ, какъ на то, что я обманулъ команду. Потомъ былъ пущенъ слухъ, что офицеры, желая отомстить командѣ, рѣшили взорвать корабль и всѣхъ матросовъ утопить. Все это дѣйствовало на нее и, хоть до открытаго мятежа не доходило, но все время чувствовалось приподнятое настроеніе, и приходилось быть на чеку. То и дѣло приходилось разъяснять всякія глупѣйшія недоразумѣнія, успокаивать и убѣждать относиться болѣе критически ко всему происходящему. Пока это удавалось, но не было никакой гарантіи, что вдругъ опять не возникнутъ эксцессы.

Въ скоромъ времени на мѣсто убитаго Начальника бригады былъ назначенъ я. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось возиться уже съ тремя кораблями, на которыхъ царилъ полный

развалъ; недаромъ, наша бригада послѣ переворота была прозвана „каторжной“.

Черезъ нѣсколько времени, опять стало замѣтно сильное броженіе среди командъ, и пришлось опасаться повторенія мартовскихъ событій. Причиной этому послужила усиленная агитація за снятіе съ офицеровъ и кондукторовъ погонъ, а съ унтеръ-офицеровъ нашивокъ, какъ яркихъ отличій „стараго режима“.

Когда Командующему Флотомъ было донесено объ этомъ, онъ объявилъ, что немедленно снесется съ правительствомъ по вопросу объ измѣненіи формы всего личнаго состава флота. При этомъ, форма будетъ безъ погонъ.

Однажды, когда я пріѣхалъ на корабль, меня встрѣтили унтеръ-офицеры безъ нашивокъ, и старшій офицеръ доложилъ, что команда волнуется и требуетъ, чтобы офицеры и кондукторы немедленно сняли погоны.

Я сейчасъ же вызвалъ къ себѣ судовые комитеты со всѣхъ кораблей бригады и объяснилъ имъ, въ какомъ положеніи находится дѣло объ измѣненіи формы, что необходимо подождать нѣкоторое время, пока она будетъ выработана, и ею обзаведутся офицеры. Комитеты со мной согласились и обѣщали успокоить команды.

Во время этихъ переговоровъ мнѣ дважды докладывали, что поведеніе команды на „Андреѣ“ становится все болѣе и болѣе угрожающимъ. Когда, послѣ окончанія совѣщанія, я вышелъ въ корридоръ, то увидѣлъ взволнованнаго старшаго офицера и нѣсколькихъ другихъ, которые вопросительно смотрѣли на меня, какъ бы ожидая моего выступленія въ ихъ защиту.

Тогда я рѣшилъ положить конецъ агитаціи и оградить офицеровъ отъ новой опасности. Выйдя на палубу, я громко приказалъ поднять сигналъ: „Ввиду предстоящаго измѣненія формы, предлагаю офицерамъ и кондукторамъ бригады снять погоны, а унтеръ-офицерамъ нашивки.“

Когда же всѣ корабли отвѣтили на сигналъ, я снялъ и свои погоны. За мной наблюдали. Но, кажется, ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на моемъ лицѣ, хотя меня и душили слезы...

Но этого съ меня было совершенно достаточно. Очевидно, что такого рода издѣвательствамъ не предвидѣлось конца. Поэтому я рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ уйти съ бригады и вообще покинуть службу на флотѣ, такъ какъ становилось яснымъ, что больше разчитывать не на что, и что онъ, съ каждымъ днемъ, все ближе, и ближе— къ полному разложенію“...

Позже, относительно бунта на „Андреѣ Первозванномъ“, мнѣ приходилось бесѣдовать съ его офицерами. Пережитые ужасы оставили въ ихъ памяти неизгладимый отпечатокъ. „Ни-

когда намъ не забыть уже этихъ дней" — говорили они. „То, что мы испытали — былъ какой-то адъ, хуже ада. . . Все произошло такъ неожиданно, что мы не успѣли даже опомниться. Безусловно, насъ всѣхъ бы перебили, вдоволь поиздѣвавшись надъ нами, еслибы не желѣзная выдержка и мужество нашего командира. Какъ онъ былъ тогда великолѣпенъ! Всегда впереди, готовый умереть за каждаго изъ насъ, первымъ принять удары убійцъ. . . Въ его глазахъ горѣлъ какой-то особый стальной блескъ, блескъ непоколебимой рѣшимости

98. Командиръ линейнаго корабля „Андрей Первозванный", Капитанъ I-го ранга Г. О. Гаддъ.

и безграничнаго самопожертвованія. Твердо и увѣренно, какъ будто ни въ чемъ не бывало, онъ вышелъ къ командѣ, чтобы попытаться ее успокоить. Когда мы были уже арестованы и находились въ адмиральскомъ помѣщеніи, онъ, съ цѣлью преградить путь толпѣ матросовъ, еслибы она вздумала расправиться съ нами самосудомъ, усѣлся сзади дверей, вслушиваясь въ малѣйшій шумъ, доносившійся извнѣ. . . Мы его очень любили и раньше, но тутъ онъ сталъ безконечно дорогъ намъ, и такимъ останется для насъ уже навсегда."

Когда происходили вышеописанныя событія на „Андреѣ

Первозванномъ", на сосѣднемъ „Императорѣ Павлѣ I" наблюдалась картина еще ужаснѣе.

Бунтъ вспыхнулъ съ того, что въ палубѣ былъ поднятъ на штыки штурманскій офицеръ, Лейтенантъ В. К. Ланге, якобы за то, что считался агентомъ охраннаго отдѣленія; въ дѣйствительности, конечно, ничего подобнаго не было.

На шумъ, поднятый во время этого убійства, немедленно пошелъ старшій офицеръ, Старшій Лейтенантъ В. А. Яновскій, предварительно пославъ дежурнаго офицера, Мичмана Шуманскаго, передать распоряженіе офицерамъ, чтобы они шли по своимъ ротамъ.

Передавъ это приказаніе, Мичманъ Шуманскій и нѣсколько другихъ офицеровъ быстро направились по корридорамъ къ ротамъ.

Въ корридорѣ имъ навстрѣчу шла группа матросовъ. Мичманъ Шуманскій не какъ то случайно проскочилъ, а слѣдующій, Лейтенантъ Н. Н. Савинскій, былъ остановленъ. Матросы просили Савинскаго не ходить далѣе, такъ какъ его убьютъ.

Лейтенантъ Савинскій былъ совершенно безоруженъ и на это предупрежденіе только поднялъ руки къ верху и сказалъ: „что же — убейте"... И въ тотъ же моментъ, дѣйствительно, былъ убитъ ударомъ кувалды по затылку. Его убилъ подкравшійся сзади кочегаръ Руденокъ, изъ крестьянъ Полтавской губерніи.

Когда предупреждавшіе Савинскаго матросы хотѣли его перенести въ лазаретъ, убійца еще нѣсколько разъ ударилъ его по головѣ кувалдой.

Той же кувалдой кочегаръ Руденокъ убилъ и проскочившего толпу Мичмана Шуманскаго. Онъ же убилъ и Мичмана Булича.

Старшій офицеръ, старавшійся на верхней палубѣ образумить команду, былъ ею схваченъ, избитъ чѣмъ попало, за ноги дотащенъ до борта и выброшенъ на ледъ.

Командиръ этого корабля, Капитанъ 1-го ранга С. Н. Дмитріевъ, на защиту своихъ офицеровъ выступить не рѣшился, успокоить команду не пытался и просидѣлъ, въ теченіе всего остраго момента, въ каютъ-компаніи, предоставивъ каждому дѣйствовать по своему усмотрѣнію.

Въ тотъ же вечеръ начала вести себя крайне вызывающе и команда на крейсерѣ „Діана". Хотя убійствъ пока не было, но у всѣхъ офицеровъ было отобрано оружіе, а старшій офицеръ, Капитанъ 2-го ранга Б. Н. Рыбкинъ, и штурманъ были арестованы. Всю ночь эти офицеры, сидя въ своихъ каютахъ, слышали за стѣнками разговоры, что ихъ надо разстрѣлять, спустить подъ ледъ, и такъ далѣе. Самочувствіе ихъ было самое ужасное.

На слѣдующій день, 4-го марта, ихъ продолжали держать арестованными. Къ вечеру же, они узнали, что ихъ якобы рѣшено отвести на гауптвахту и потомъ судить.

Дѣйствительно, около захода солнца, имъ было велѣно одѣться. Съ карауломъ, въ три или четыре человѣка, вооруженныхъ винтовками, ихъ вывели на ледъ и повели по направленію города.

Пока они находились на палубѣ и сходили по трапу, вокругъ ихъ собралась толпа матросовъ, и слышались площадная брань и угрозы. Невольно у нихъ закралось сомнѣніе, дѣйствительно ли ихъ ведутъ на гауптвахту и не покончатъ ли съ ними по дорогѣ.

Конвой по отношенію къ нимъ велъ себя очень грубо и тоже угрожалъ. Когда ихъ группа уже была на порядочномъ разстояніи отъ корабля, а городъ былъ еще далеко — они увидѣли, что имъ навстрѣчу идетъ нѣсколько человѣкъ въ матросской формѣ и зимнихъ шапкахъ безъ ленточекъ, вооруженныхъ винтовками.

Поровнявшись съ арестованными офицерами, они прогнали конвой, а сами въ упоръ дали нѣсколько залповъ по несчастнымъ офицерамъ. Тѣ сейчасъ же упали, обливаясь кровью, такъ какъ въ нихъ попало сразу по нѣсколько пуль.

Штурманъ, хотя и былъ тяжело раненъ, но не сразу потерялъ сознаніе. Онъ видѣлъ, какъ убійцы подошли къ Капитану 2-го ранга Рыбкину. Тотъ лежалъ безъ движенія, но еще хрипѣлъ; тогда они стали его добивать прикладами и еще нѣсколько разъ въ него выстрѣлили. Только убѣдившись окончательно, что онъ мертвъ, подошли къ штурману. Тотъ притворился мертвымъ и они, потрогавъ его и нѣсколько разъ ударивъ прикладами, ушли. Эти люди-звѣри, съ легкой руки, убили двухъ человѣкъ и какъ ни въ чемъ не бывало ушли, ушли съ такимъ видомъ точно исполнили свой долгъ!

Вскорѣ послѣ этого, штурманъ лишился чувствъ. Когда же онъ очнулся, то увидѣлъ, что уже довольно темно, и что недалеко отъ него проходитъ мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, финнъ.

Онъ подозвалъ его слабымъ голосомъ, попросилъ помочь встать и отвести въ какой-нибудь домъ. Мальчикъ сейчасъ же подошелъ; штурманъ кое-какъ всталъ и, общими усиліями, они побрели. Но это было трудно, мальчикъ былъ слишкомъ слабъ, а штурманъ почти не могъ держаться на ногахъ. Такимъ образомъ, падая, отдыхая и ползя, имъ удалось немного отойти въ сторону отъ дороги. Тамъ мальчикъ оставилъ штурмана, а самъ побѣжалъ въ городъ за извозчикомъ.

Спустя нѣкоторое время онъ пріѣхалъ на извозчикѣ, и вмѣстѣ они положили раненаго на дно саней и покрыли по-

лостью. Черезъ часъ штурманъ уже лежалъ въ частной лѣчебницѣ, съ промытыми и перевязанными ранами. А черезъ мѣсяцъ, несмотря на то, что у него было три раны навылетъ, его здоровье поправилось уже настолько, что онъ могъ уѣхать тайкомъ въ Петроградъ, а затѣмъ и бѣжать заграницу. Все время его болѣзни персоналъ больницы тщательно его оберегалъ отъ возможныхъ встрѣчъ съ командой „Діаны", скрывая даже, что онъ — офицеръ. Конечно, это сильно облегчалось тѣмъ, что всѣ были убѣждены въ смерти штурмана. . .

На 1-омъ Дивизіонѣ тральщиковъ, команда была тоже въ очень приподнятомъ настроеніи, но убійствъ не производила, за исключеніемъ команды тральщика „Ретивый". На „Ретивомъ" были убиты — командиръ, Лейтенантъ А. Н. Репнинскій, и Мичманъ Д. Н. Чайковскій.

Большинство офицеровъ дивизіона въ это время отсутствовало, но, какъ только были получены тревожныя свѣдѣнія, сейчасъ же всѣ поѣхали на свои суда. Одинъ изъ командировъ, Старшій Лейтенантъ В. Н. Кулибинъ, возвращаясь на свой тральщикъ, встрѣтилъ по дорогѣ большую толпу изъ матросовъ, солдатъ и рабочихъ. На него тутъ же набросились, хотѣли арестовать и, пожалуй, и прикончили бы, но за него вступились матросы съ его дивизіона; благодаря имъ онъ былъ отпущенъ.

Добравшись до своего судна, онъ ничего особеннаго на немъ не замѣтилъ. Команда была совершенно спокойна и къ нему очень доброжелательна, такъ какъ онъ былъ ею любимъ. Поговоривъ съ ними о происходящемъ, Кулибинъ спустился къ себѣ въ каюту.

Черезъ нѣсколько времени, онъ вдругъ услышалъ, что его кто-то зоветъ съ верхней палубы. Поднявшись на нее, онъ увидѣлъ, что у трапа, съ револьверомъ въ рукѣ, стоитъ матросъ съ „Ретиваго". Такъ какъ видъ у него былъ угрожающій, то Кулибинъ хотѣлъ спуститься въ каюту и взять револьверъ. Но было уже поздно. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и онъ упалъ, раненый двумя пулями. Матросъ же продолжалъ стрѣлять, пока одна изъ пуль, рекошетировавъ отъ стальной стѣнки люка, не попала ему самому въ животъ, и онъ упалъ. Сбѣжалась команда тральщика, сейчасъ же ихъ обоихъ отнесли въ госпиталь, но убійца, промучившись нѣсколько часовъ, умеръ.

Кулибинъ былъ очень тяжело раненъ, такъ какъ одна изъ пуль задѣла позвоночный столбъ, и онъ больше года пролежалъ почти безъ движенія, имѣя парализованными ноги и руки. Убійцу же причислили къ „жертвамъ революціи" и торжественно хоронили въ красномъ гробу. . .

Было и еще нѣсколько убитыхъ офицеровъ на Дивизіи Траленія, но не своими командами, а никому неизвѣстными лицами

въ матросской формѣ. Ими былъ убитъ командиръ тральщика „Взрывъ“, Капитанъ 2-го ранга К. П. Гильтебрандтъ, командиръ тральщика № 218, Старшій Лейтенантъ Л. К. Львовъ, и командиръ тральщика „Минрепъ“, Лейтенантъ А. Г. Бойе.

Въ первый день переворота, на стѣнкѣ, у которой стояла Сторожевая Дивизія, собралась большая толпа изъ матросовъ и солдатъ, вооруженныхъ винтовками и револьверами. Она требовала выдачи офицеровъ и при этомъ страшно шумѣла. Услышавъ, что на берегу творится что-то неладное, на палубу кораблей вышли нѣкоторые офицеры и матросы. Между ними былъ и командиръ „Мѣткаго“, Старшій Лейтенантъ П. Г. Виттъ.

Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, и убѣдившись, что его миноносцу ничего не угрожаетъ, онъ повернулся и собирался спуститься внизъ, но въ этотъ моментъ былъ убитъ изъ винтовки какимъ то солдатомъ изъ толпы.

При аналогичныхъ обстоятельствахъ были убиты командиры: посыльнаго судна „Куница“, Лейтенантъ А. П. Ефимовъ, и сѣтьевого заградителя „Зея“, Лейтенантъ графъ В. М. Подгоричани-Петровичъ.

Въ первый же день революціи, очевидно тѣ же убійцы появились и на бонахъ, у которыхъ стояли, ошвартовавшись, 9-ый и 5-ый Дивизіоны миноносцевъ. Дѣло было около полудня, когда почти вся команда ушла на Вокзальную площадь. Повидимому разсчитывая на это, толпа ихъ подошла сначала къ 9-му Дивизіону и стала требовать отъ вахтенныхъ матросовъ выдачи офицеровъ. Но тѣ прогнали ихъ вонъ, не пропустивъ даже на палубу. Тогда они пошли къ 5-му Дивизіону. На ближайшемъ отъ края миноносцѣ „Эмиръ Бухарскій“, какъ разъ въ это время, вахтенный отсутствовалъ. Получивъ „свободу“, онъ сталъ ею пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и не смѣнившись, пошелъ обѣдать. Негодяи безпрепятственно вошли на миноносецъ и быстро спустились въ каютъ-компанію. Тамъ сидѣли за обѣдомъ три офицера: Старшій Лейтенантъ Варзаръ, Мичманъ Лауданскій и Мичманъ Нейбергъ. Быстро расправившись съ ними самымъ звѣрскимъ образомъ, убійцы такъ же быстро и скрылись. Вѣроятно, они собирались такимъ же способомъ поступить и съ офицерами другихъ миноносцевъ, но ихъ случайно замѣтилъ офицерскій вѣстовой, который несъ въ каютъ-компанію второе блюдо. Онъ моментально поднялъ тревогу. Тогда злодѣи бѣжали и, опасаясь погони, скрылись съ боновъ.

Накунунѣ вечеромъ, на этомъ же дивизіонѣ, на миноносцѣ „Уссуріецъ“ былъ убитъ его командиръ, Капитанъ 2-го ранга М. М. Поливановъ, и механикъ, Старшій Лейтенантъ А. Н. Плѣшковъ.

Командиръ „Гайдамака", услышавъ выстрѣлы, послалъ туда своего Мичмана Биттенбиндера узнать, что случилось. Но только что Мичманъ вошелъ на палубу, какъ въ него, почти въ упоръ, было выпущено нѣсколько пуль изъ Нагана. Три изъ нихъ попали ему въ животъ. Онъ сейчасъ же упалъ, но у него все же еще хватило силъ проползти отъ сходни до носа „Уссурійца". Оттуда его взяла команда сосѣдняго „Всадника" и перенесла на его миноносецъ.

Промучившись нѣсколько часовъ, онъ умеръ. На похороны его пошла вся команда „Гайдамака", которая его страшно жалѣла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, матросы считали, что онъ — неизбѣжная жертва революціи, и этимъ оправдывали его убійство командой „Уссурійца".

99. Эскадренный миноносецъ „Эмиръ Бухарскій".

На второй или третій день послѣ переворота были убиты командиръ Свеаборгскаго Порта, Генералъ-Лейтенантъ В. Н. Протопоповъ, и молодой корабельный инженеръ Л. Г. Кирилловъ. Первый былъ очень гуманный человѣкъ, и его всѣ любили, а второй только что началъ свою службу и даже не успѣлъ себя ничѣмъ проявить. Такимъ образомъ, нельзя и предположить, чтобы причиной убійства могло послужить ихъ отношеніе къ подчиненнымъ. Тѣмъ болѣе, что они были убиты изъ-за угла какими то неизвѣстными лицами, которые безнаказанно скрылись.

Но далеко не вездѣ убійцамъ удавалось ихъ гнусное дѣло. Когда, напримѣръ, подойдя къ дредноутамъ, они потребовали выдачи офицеровъ, имъ въ отвѣтъ были вызваны караулы. Это заставило ихъ разбѣжаться.

Съ крейсера „Россія" этимъ же мерзавцамъ для того, чтобы разойтись, было дано только нѣсколько минутъ, иначе угрожали открыть огонь.

Такъ прошелъ переворотъ на Флотѣ, на берегу же убійства офицеровъ происходили въ обстановкѣ, еще болѣе ужасной.

Ихъ убивали при встрѣчѣ на улицѣ, или врываясь въ ихъ квартиры и мѣста службы, безчеловѣчно издѣваясь надъ ними въ послѣднія минуты. Но и этимъ не довольствовалась толпа звѣрей-убійцъ: она уродовала и трупы и не подпускала къ нимъ несчастныхъ близкихъ, свидѣтелей этихъ ужасовъ.

Передаютъ, что трупъ одного изъ офицеровъ эти изверги поставили стоя въ уголъ покойницкой и, съ кривляніями подскакивая къ нему, говорили: „Ишь-ты, стоитъ! . . Ну, постой, постой, ..., и мы предъ тобой когда-то стояли на вытяжку!" . .

Даже похоронить мучениковъ нельзя было такъ, какъ они того заслуживали своей кончиной: боялись издѣвательствъ во время погребенія, и ни революціонныя организаціи, ни революціонный командующій флотомъ не брались оградить отъ этого. Они были тайкомъ ночью отвезены на кладбище и наскоро зарыты. Первое время надъ ихъ могилами нельзя было сдѣлать и надписей на крестахъ, такъ какъ по кладбищамъ бродили какіе-то мерзавцы, которые дѣлали на крестахъ различныя гнусныя надписи.

Послѣдующіе дни прошли спокойно, и убійства офицеровъ въ Гельсингфорсѣ почти прекратились, а если и были, то только отдѣльные случаи. Но что сдѣлано — того не вернешь, и „безкровный" переворотъ въ Гельсингфорсѣ стоилъ жизни тридцати восьми только морскимъ офицерамъ, не считая сухопутныхъ. Большинство изъ нихъ погибло отъ руки таинственныхъ убійцъ въ формахъ матросовъ и солдатъ; но были павшіе и отъ рукъ своей собственной команды. . .

Разбираясь въ этихъ убійствахъ, въ связи съ существовавшими взаимоотношеніями на флотѣ между офицерами и командами, нельзя не придти къ убѣжденію, что то, что произошло, было не случайнымъ явленіемъ, а кѣмъ-то организованнымъ, преднамѣреннымъ убійствомъ. Но съ какой цѣлью?

Мы тогда терялись въ догадкахъ, стараясь найти причину убійства нашихъ несчастныхъ офицеровъ. Нѣкоторые приписывали это германскимъ агентамъ, съ цѣлью разстроить боеспособность флота; другіе — какой-то таинственной организаціи, тѣмъ болѣе, что въ городѣ появился списокъ офицеровъ, намѣченныхъ къ убійству, причемъ въ него были помѣщены всѣ командиры, старшіе офицеры и старшіе спеціалисты. Если бы убійства дѣйствительно были бы по нему выполнены, то флотъ оказался бы совершенно безъ руководителей. Но, такъ или иначе, для всѣхъ было ясно, что всѣ эти эксцессы были вызваны искусственно, подъ вліяніемъ агитаціи, совершены просто подосланными убійцами, а не были вспышкой негодованія за отношеніе начальства къ подчиненнымъ.

Только значительно позже, совершенно случайно, одинъ изъ видныхъ большевистскихъ дѣятелей, присяжный повѣренный, еврей Шпицбергъ, въ разговорѣ съ нѣсколькими морскими офицерами, пролилъ свѣтъ на эту драму.

Онъ совершенно откровенно заявилъ, что убійства были организованы большевиками во имя революціи. Они принуждены были прибѣгнуть къ этому, такъ какъ не оправдались ихъ расчеты на то, что, изъ-за тяжелыхъ условій жизни, режима и поведенія офицеровъ, переворотъ автоматически вызоветъ рѣзню офицеровъ. Шпицбергъ говорилъ: „Прошло два, три дня съ начала переворота, а Балтійскій флотъ, умно руководимый своимъ Командующимъ, адмираломъ Непенинымъ, продолжалъ быть спокойнымъ. Тогда пришлось, для *углубленія* революціи, пока не поздно, отдѣлить матросовъ отъ офицеровъ и вырыть между ними непроходимую пропасть ненависти и недовѣрія. Для этого-то и былъ убитъ адмиралъ Непенинъ и другіе офицеры. Образовывалась *пропасть*, не было больше умнаго руководителя, офицеры уже смотрѣли на матросовъ, какъ на убійцъ, а матросы боялись мести офицеровъ въ случаѣ реакціи“. . .

Шпицбергъ правъ. Мы не забудемъ этихъ дней, этихъ убійствъ. Но отвѣтственность за нихъ мы возложимъ не на одураченныхъ матросовъ, а на устроителей и вождей революціи.

Эти убійства были ужасны, но еще ужаснѣе – то, что они никѣмъ не были осуждены. Развѣ общество особенно требовало ихъ разслѣдованія, развѣ оно ихъ рѣзко порицало? . . Впрочемъ, о чемъ же и толковать, разъ самъ военно-морской министръ новаго правительства, Гучковъ, санкціонировалъ награжденіе Георгіевскимъ Крестомъ унтеръ-офицера Запаснаго Батальона Волынскаго полка, Кирпичникова, за то, что тотъ убилъ своего батальоннаго командира. . .

Въ свое время, господа Керенскіе, Гучковы, Львовы, Милюковы и т. д., объявили амнистію всѣмъ такимъ убійцамъ и этимъ не только покрыли убійства во имя революціи, но и узаконили ихъ послѣ переворота. Этимъ они взяли на себя кровь, пролитую наемными убійцами, которые были посланы „вырыть пропасть“; этимъ они заслужили вѣчное проклятіе и отъ близкихъ этихъ жертвъ, и отъ всей Россіи! . .

Цѣлый рядъ надмогильныхъ крестовъ на кладбищахъ Гельсингфорса — всегда будетъ служить живымъ укоромъ этимъ господамъ и требовать отмщенія. . .

Въ каждомъ изъ другихъ портовъ Балтійскаго моря переворотъ носилъ свои характерныя черты и проявлялся спокойно или бурно, въ зависимости отъ того, какіе корабли и части на

нихъ базировались и, главнымъ образомъ, насколько, подпольная агитація, обратила серьезное вниманіе на данный пунктъ.

Второй базой Дѣйствующаго Флота былъ Ревель. Въ немъ зимовали: 1-ая Бригада Крейсеровъ, Дивизія Подводныхъ Лодокъ и часть Минной Дивизіи. Это были все корабли, много плававшіе и часто входившіе въ соприкосновеніе съ непріятелемъ. Поэтому ихъ настроеніе было значительно бодрѣе, чѣмъ на дредноутахъ и броненосцахъ. Команды были болѣе сплочены, лучше знали своихъ офицеровъ и, находясь не одинъ разъ въ тяжелыхъ боевыхъ передѣлкахъ, научились цѣнить начальниковъ, понимая, какъ трудно ихъ замѣнить.

1-го марта на судахъ было объявлено о переворотѣ въ Петроградѣ и переходѣ власти къ Временному Комитету Государственной Думы. Затѣмъ пришло извѣстіе объ отреченіи Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича. Всѣ эти извѣстія команды приняли совершенно спокойно; ни на одномъ кораблѣ не возникло безпорядковъ, и ни одного морского офицера не было убито. Команды то и дѣло обращались къ офицерамъ за разъясненіями по поводу текущаго момента, совѣтовались съ ними и относились во всѣхъ случаяхъ съ должнымъ чинопочитаніемъ.

Служба на корабляхъ ни только не опустилась, но стала еще строже, команда старалась добросовѣстнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ и слѣдила другъ за другомъ. Было полное желаніе воевать, и о мирѣ никто не хотѣлъ и слышать.

Такое спокойное отношеніе командъ къ текущимъ событіямъ, позволило даже, параллельно съ возникновеніемъ революціонныхъ организацій матросовъ, организовать и офицерскій союзъ для защиты правъ офицеровъ и урегулированія новаго положенія.

Въ городѣ переворотъ прошелъ не такъ спокойно. Тамъ собралась большая толпа черни, выпустила арестантовъ, подожгла тюрьму и тоже самое сдѣлала и съ гауптвахтой. Во время столкновенія, ею былъ убитъ караульный начальникъ, сухопутный прапорщикъ, и избитъ, пріѣхавшій успокаивать ее комендантъ крѣпости.

Въ Моонзундѣ, на передовой позиціи, всю зиму стояли линейный корабль „Цесаревичъ" и крейсеръ „Адмиралъ Макаровъ". На нихъ извѣстіе о переворотѣ ничуть не испортило отношеній между офицерами и командами.

Въ третьемъ большомъ порту, на который Дѣйствующій Флотъ во время войны не базировался, кромѣ нѣсколькихъ учебныхъ судовъ и транспортовъ, другихъ кораблей не было. Но зато тамъ былъ огромный контингентъ молодыхъ матросовъ, обучавшихся въ спеціальныхъ классахъ; были береговыя команды изъ старыхъ матросовъ, списанныхъ съ кораблей за плохое поведеніе и отбывшихъ наказаніе въ тюрьмахъ и дисци-

плинарныхъ батальонахъ. Уже только по своему составу матросовъ, этотъ портъ былъ благодарной почвой для мятежа. Молодые матросы призыва 1917 года явились на службу наполовину распропагандированными и не желавшими воевать. Еще въ деревняхъ услужливые агитаторы вдалбливали имъ въ головы, что воевать не надо, и что начальство, которому великолѣпно живется на счетъ казны, только и занято угнетеніемъ своихъ подчиненныхъ. Итакъ, они явились готовыми жадно внимать всякой подпольной агитаціи о „миръ во чтобы то ни стало", и про то, что офицеры — это ихъ злѣйшіе враги. Про другой же элементъ матросовъ, штрафованныхъ, побывавшихъ въ тюрьмахъ и дисциплинарныхъ батальонахъ, говорить не приходится. Они всегда были готовы на все, тѣмъ болѣе, что и терять-то имъ было нечего.

Главнымъ Командиромъ и Военнымъ Губернаторомъ Кронштадта былъ Адмиралъ Р. Н. Виренъ, человѣкъ по натурѣ прямой, властный и храбрый, но безконечно строгій и требовательный. Онъ былъ неумолимъ ко всякой мелочи и немилосердно распекалъ всѣхъ на каждомъ шагу. Угодить ему было невозможно: и то было плохо, и это нехорошо, и чуть что — подальше не иди. Матросы, какъ угорѣлые, мчались отъ Главнаго Командира въ разныя стороны, стремясь спрятать фуражку: при малѣйшемъ упущеніи, Адмиралъ Виренъ немедленно требовалъ ее, чтобы узнать номеръ. По этому номеру потомъ находили провинившагося.

Въ своемъ порту, не только во военное время, но и въ мирное, Адмиралъ Виренъ завелъ такіе строгіе порядки, что матросамъ, во время отпуска въ городъ, рѣшительно некуда было дѣваться: все запрещалось. Бродить же по улицамъ было скучно, да и опасно, такъ какъ можно было попасться на глаза Главному Командиру, или другимъ офицерамъ, которые, подъ вліяніемъ предъявляемыхъ имъ требованій, тоже становились чрезмѣрно взыскательными. Оставалось, чтобы за какой-нибудь пустякъ не попасть на гауптвахту, скрываться по разнымъ сомнительнымъ притонамъ.

Строевыхъ офицеровъ въ Кронштадтѣ почти не было. Большинство изъ начальниковъ частей и штабныхъ уже давно отошло отъ строевого флота и потеряло съ нимъ всякую связь; а слушатели Минныхъ Классовъ, присланные на зиму туда учиться, не имѣли никакого отношенія къ командамъ. Ни они — кронштадтцевъ, ни кронштадтцы — ихъ, не знали.

Матросами завѣдывали офицеры, числившіеся по Адмиралтейству, изъ которыхъ очень много было перешедшихъ изъ арміи; другая же часть ихъ состояла изъ подпоручиковъ и прапорщиковъ, произведенныхъ во время войны изъ моряковъ торговаго флота и кондукторовъ.

Офицеры по Адмиралтейству совершенно не были подготовлены къ обращенію съ матросами и не понимали ихъ, а тѣ — видя въ нихъ „чужихъ офицеровъ", не питали къ нимъ должнаго уваженія, хотя бы потому, что они были „армейскими". Что же касается подпоручиковъ и прапорщиковъ, то они, какъ вообще временный элементъ, уже не пользовались въ матросской средѣ никакимъ авторитетомъ. Вполнѣ понятно, что воспитать въ слѣдуемомъ духѣ своихъ подчиненныхъ они не могли.

Во главѣ Учебныхъ Отрядовъ стоялъ Вице-Адміралъ А. Д. Сапсай, человѣкъ мало энергичный и замкнутый, всегда сторонившійся отъ командъ. Онѣ его совсѣмъ не знали.

Количество учениковъ-матросовъ доходило до 3000 человѣкъ. Изъ-за недостатка офицеровъ, всѣ они, и на занятіяхъ въ классахъ, и всѣ вечера, т. е. круглыя сутки, находились на полной отвѣтственности своихъ инструкторовъ изъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Инструкторы же эти, сами по себѣ, были не слишкомъ надежны, такъ какъ, изъ-за большого спроса на нихъ, приходилось брать каждаго, кто, казалось, мало-мальски удовлетворялъ требуемымъ условіямъ и изъявлялъ на это желаніе. Ученики-матросы и въ грошъ не ставили своихъ инструкторовъ; наоборотъ, тѣ сами подпадали подъ ихъ вліяніе. Такимъ образомъ, создавалась благопріятная обстановка для революціонной пропаганды.

Находясь вблизи Петрограда и имѣя въ своемъ распоряженіи прямой проводъ, высшее начальство Кронштадта было всегда въ курсѣ происходившихъ событій. Когда тамъ вспыхнуло возстаніе, оно должно было тщательно разобраться въ обстановкѣ и освѣтить все такъ, какъ это было въ дѣйствительности. Вмѣсто того, начальство предпочло все скрыть, какъ-будто ничего и не случилось. Были введены еще новыя строгости. Матросовъ рѣшительно никуда не выпускали, и они безвыходно находились на корабляхъ и въ казармахъ. Для усиленія присмотра за ними по всѣмъ учебнымъ судамъ были расписаны офицеры-слушатели, которые, не принося никакой пользы, очутились благодаря этому въ очень опасномъ положеніи. Они были чужды этимъ командамъ и, въ такой критическій моментъ, только зря возбуждали противъ себя злобу.

Наивно было думать, что какія-либо мѣры могли совершенно изолировать такое большое количество людей отъ внѣшняго вліянія. Конечно, изъ нелегальныхъ источниковъ, къ нимъ доходили всѣ извѣстія, но уже въ сильно извращенномъ видѣ. Злоба и ненависть, возбуждаемыя агитаторами, накапливались все больше и больше; положеніе обострялось съ каждой минутой. Начальство же все еще не прозрѣвало.

Вотъ тутъ-то и произошла трагедія. Когда у главарей революціи въ Кронштадтѣ составилось впечатлѣніе, что поло-

женіе восставшихъ въ Петроградѣ окрѣпло, а слѣдовательно — они мало чѣмъ рискуютъ, ихъ было подавить въ это время, все восставіе.

Ночью, взбунтовавшіяся команды стали врываться въ каюты офицеровъ съ вопросомъ, признаютъ ли они Временное правительство? Что могли отвѣчать офицеры на подобный вопросъ? Если „никакого Временнаго правительства не знаю" — „врагъ народа", и въ лучшемъ случаѣ арестъ, а то — ударъ штыкомъ. . . Къ чести офицеровъ надо сказать, что, несмотря на всю трагичность своего положенія, они давали отрицательные отвѣты.

Одновременно, дикія, разъяренныя банды матросовъ, солдатъ и черни, со звѣрскими лицами и жаждой крови, вооруженныя чѣмъ попало, бросились по улицамъ города. Прежде всего выпустили арестантовъ, а потомъ, соединившись съ ними, начали истребленіе ненавистнаго начальства.

Первой жертвой этой ненасытной злобы палъ Адмиралъ Р. Н. Виренъ.

Когда толпа подошла къ дому Главнаго Командира, Адмиралъ Виренъ, услышавъ шумъ и крикъ, самъ открылъ дверь, однако, оставивъ ее на цѣпочкѣ. Увидя матросовъ, онъ стремительно распахнулъ ее настежь и грозно крикнулъ: „что нужно?!" Матросы, еще такъ недавно трепетавшіе при звукѣ его голоса, и теперь сразу притихли и растерялись. Только когда изъ заднихъ рядовъ послышались единичные выкрики: „тебя надо, кровопійца, вотъ кого намъ надо"! — толпа опять заволновалась, заревѣла и, бросившись на Адмирала, стащила его полу-одѣтымъ внизъ и поволокла по улицамъ.

Матросы улюлюкали, подбѣгали къ Вирену, плевали ему въ лицо и съ площадной бранью кричали: „а ну-ка, покажи свой номеръ!" . . .

Толпа была одѣта въ самые фантастическіе костюмы: кто — въ вывернутыхъ шерстью наружу полушубкахъ, кто — въ офицерскихъ пальто, кто — съ саблями, кто — въ арестантскихъ халатахъ, и т. д. Ночью, при свѣтѣ факеловъ, это шествіе имѣло очень жуткій видъ, точно демоны справляли свой адскій праздникъ. Мирные жители, завидя эту процессію, съ ужасомъ шарахались въ стороны.

Посреди этой толпы, шелъ Адмиралъ. Онъ былъ весь въ крови. Искалѣченный, еле передвигая ноги, то и дѣло падая, медленно двигался мученикъ навстрѣчу лютой смерти. Изъ его груди не вырывалось ни одного стона, что приводило толпу въ еще большее бѣшенство. Ея вой напоминалъ собой вой шакаловъ, чувствующихъ близкую добычу. . .

Когда-то, въ дни Портъ-Артура, въ неравномъ бою съ нѣсколькими японскими крейсерами и миноносцами, погибалъ миноносецъ „Страшный". Разбитый непріятельскими снаря-

дами, онъ парилъ. Паръ этотъ — былъ предсмертнымъ дыханіемъ умирающаго бойца... Японскіе корабли уже готовились было его захватить. Въ это время, на выручку „Страшнаго" несся „Баянъ". На командномъ мостикѣ стоялъ его командиръ, тогда еще Капитанъ 1-го ранга Виренъ. Впившись глазами впередъ, онъ все время приказывалъ передать въ машины, чтобы дали еще большій ходъ. Крейсеръ уже перешелъ предѣлы своей скорости и летѣлъ, разсѣкая волны, чтобы прикрыть „Страшнаго". Весь корпусъ его дрожалъ. Еще немного, и онъ опоясался бѣшенымъ огнемъ... Японскія суда повернули, а „Баянъ", подлетѣвъ къ мѣсту недавняго побоища, застопорилъ машины. „Страшнаго" — уже не было, онъ скрылся подъ волнами. Подобравъ оставшихся людей, „Баянъ", при общемъ восторгѣ, возвратился въ Артуръ... Что, еслибы теперь предъ этой звѣрской толпой вдругъ встали бы тѣ матросы, которые были тогда спасены „Баяномъ"? Что сказали бы они убійцамъ Адмирала Вирена? Съумѣли бы отстоять ему жизнь?..

Пожалуй, нѣтъ. Толпа уже была опьянена кровью; въ ней проснулся многоликій звѣрь, который не отдаетъ назадъ своей добычи.

Мукамъ Вирена приближался конецъ. Пресытившись терзаніемъ жертвы, палачи окончательно добили ее на Якорной площади, а тѣло сбросили въ оврагъ. Тамъ оно лежало долгое время, такъ какъ его было запрещено хоронить.

На слѣдующій день, рано утромъ, былъ арестованъ и Начальникъ Штаба Порта, Контръ-Адмиралъ А. Г. Бутаковъ. На просьбы близкихъ уѣхать изъ Кронштадта, онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, сказавъ, что предпочитаетъ смерть бѣгству. На двукратное предложеніе матросовъ признать новую власть, Адмиралъ, не задумываясь ни на одно мгновеніе, отвѣтилъ: „Я присягалъ Государю и Ему никогда не измѣню, не то что вы негодяи!" Послѣ этого его приговорили къ смерти и разстрѣляли у памятника Адмиралу Макарову. Первый залпъ былъ неудаченъ, и у Адмирала оказалась простреленной только фуражка. Тогда, еще разъ подтвердивъ свою вѣрность Государю, Адмиралъ спокойно приказалъ стрѣлять снова, но цѣлиться уже какъ-слѣдуетъ...

Очень звѣрски также былъ убитъ Командиръ 1-го Балтійскаго Флотскаго Экипажа, Генералъ-Майоръ Н. В. Стронскій, нелюбимый матросами за свою требовательность.

Командиръ учебнаго корабля „Императоръ Александръ II", Капитанъ 1-го ранга Н. И. Повалишинъ, былъ убитъ на льду, когда онъ, видя, что ему неизбѣжно грозитъ смерть, хотѣлъ скрыться отъ преслѣдователей. Его замѣтили и тутъ же разстрѣляли.

Старшаго Лейтенанта Н. Н. Ивкова, плававшаго на учебномъ суднѣ „Африка", команда живымъ спустила подъ ледъ.

Всю ночь убійцы рыскали по квартирамъ, грабили и вытаскивали офицеровъ, чтобы съ ними расправиться. Въ числѣ убитыхъ были Капитаны 1-го ранга К. И. Степановъ и Г. П. Пекарскій; Капитаны 2-го ранга А. М. Басовъ и В. И. Сохачевскій; Старшіе Лейтенанты В. В. Будкевичъ, В. К. Балласъ и Мичманъ Б. Д. Висковатовъ. Остальные — были офицеры по Адмиралтейству, Подпоручики и Прапорщики. Только по офиціальнымъ свѣдѣніямъ Штаба, очень не полнымъ, убитыхъ было свыше двадцати пяти человѣкъ. Кромѣ того, было убито много кондукторовъ и сверхсрочно-служащихъ.

Оставшіеся въ живыхъ на корабляхъ офицеры, находились уже въ это время подъ арестомъ; отъ нихъ было отобрано оружіе и сняты погоны. Жившіе на берегу были заключены на гауптвахту, и среди нихъ — Вице-Адмиралы А. Д. Сапсай, А. П. Курошъ и Контръ-Адмиралъ Н. Г. Рейнъ. Адмиралъ Курошъ всего только три дня тому назадъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ, чтобы принять должность Коменданта Крѣпости. Контръ-Адмиралъ Рейнъ тоже совсѣмъ недавно пріѣхалъ въ Кронштадтъ, гдѣ получилъ Учебно-Минный Отрядъ. Какъ Курошъ, такъ и Рейнъ держали себя во время ареста и допросовъ съ рѣдкимъ достоинствомъ и стойко переносили глумленія.

Всѣхъ офицеровъ непрерывно допрашивали, предъявляя имъ самыя нелѣпыя обвиненія. Часть изъ нихъ была разстрѣляна на площади передъ гауптвахтой. Офицеръ, который вызывался, могъ быть почти увѣренъ, что его разстрѣляютъ.

Когда вызвали Адмирала Рейна, стараго георгіевскаго кавалера, онъ спокойно простился со всѣми и сказалъ, что идетъ на смерть. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ, его уже разстрѣляли. Во время разстрѣла, его хладнокровіе поразило даже самихъ убійцъ. На его гордомъ, красивомъ лицѣ, при видѣ заряжаемыхъ винтовокъ, мелькнула только презрительная усмѣшка. . .

Далѣе для тѣхъ несчастныхъ офицеровъ, которые пережили этотъ бунтъ, потянулись долгіе дни тюремнаго заточенія. Маленькія камеры были такъ переполнены ими, что одновременно всѣ не могли лежать. Спать приходилось на голыхъ доскахъ; заставляли исполнять самыя грязныя работы и зачастую „забывали" кормить . . . Пища же, которую давали узникамъ, была до того отвратительна, что принимать ее можно было только съ самымъ непріятнымъ чувствомъ. Родственниковъ не допускали; провизія, приносимая ими или не передавалась, или просто не принималась. О нравственныхъ пыткахъ — говорить нечего: разнуздавшіеся хамы были очень изобрѣтательны

на этотъ счетъ. Особо утонченнымъ издѣвательствамъ подвергался Адмиралъ А. П. Курошъ, на которомъ старательно вымещали энергичное подавленіе имъ Свеаборгскаго бунта въ 1906 году.

Черезъ двѣ недѣли, благодаря хлопотамъ пріѣхавшихъ депутацій отъ командъ кораблей Дѣйствующаго Флота, были отпущены офицеры-слушатели Минныхъ Классовъ. Остальные же заключенные, несмотря на увѣщеванія слабаго Временнаго правительства, на которое Кронштадтъ „плевалъ", продолжали томиться въ тюрьмахъ, одновременно служа заложниками и объектами слѣпой ненависти.

Кронштадтъ прогремѣлъ на всю Россію. Можно бы написать цѣлую книгу относительно этой революціонной вакханаліи, къ прекращенію которой Временное правительство боялось принять должныя мѣры. Вся психологія Кронштадтской эпопеи носила грубый, варварскій, настоящій революціонный характеръ. Ничего идейнаго въ ней не было; было только стремленіе разрушить, уничтожить до тла все, что создано вѣками, стремленіе удовлетворить свои животные инстинкты. . .

Вотъ въ какой обстановкѣ узурпаторы власти готовили типъ новаго матроса, своего вѣрнаго клеврета, который долженъ былъ сыграть рѣшающую роль по „углубленію революціи", превратить Россію въ одинъ сплошной, мрачный совѣтскій застѣнокъ. . .

После переворота, я задержался на „Новикѣ" всего нѣсколько дней. Порядокъ пока еще держался, но дисциплина стала замѣтно падать. Матросы ходили какъ въ угарѣ: большинство изъ нихъ, несмотря на свою „ультра-революціонную" окраску, совершенно не понимало смысла и значенія совершившихся событій. Ко мнѣ неоднократно обращался то одинъ, то другой матросъ и, съ нѣсколько сконфуженнымъ видомъ задавалъ какіе-нибудь вопросы политическаго характера. Нѣкоторые изъ нихъ спрашивали меня, почему отрекся отъ Престола Государь, что такое былъ Распутинъ, что за люди взяли теперь власть и т. д. Часто, ни къ селу ни къ городу, во время разговора, они приплетали какое-либо мудреное „модное" слово, слышанное ими случайно на берегу. Иногда повторялось что-то вродѣ обще-извѣстнаго привѣтственнаго крика мятежныхъ солдатъ 14-го декабря 1825 года: „да здравствуетъ Константинъ и жена его Конституція!" . . Такъ, мнѣ высказывали свой взглядъ о томъ, что „какъ бы было хорошо, если бы Царь остался и скрѣпилъ „Золотой Грамотой" всѣ завоеванія революціи. . . Насколько только позволяла обстановка, я разъяснялъ имъ

весь ходъ и смыслъ событій, приводилъ примѣры клеветы изъ Исторіи, просилъ не довѣряться красивымъ словамъ различныхъ „болтуновъ", и т. д. Матросы съ глубокимъ вниманіемъ меня выслушивали, благодарили „за науку" и уходили. Къ чести ихъ могу сказать, что ни одинъ изъ такихъ интимныхъ разговоровъ со мной не былъ никому ими переданъ.

Тѣмъ временемъ революціонная агитація дѣлала свое дѣло. Среди командъ началъ уже наблюдаться „сознательный" элементъ. Раньше онъ являлся исключеніемъ, а теперь былъ сплошь и рядомъ. Примѣры Кронштадта, особо революціонныхъ кораблей, усталость отъ трехлѣтней войны, а главное, сплошныя ошибки Временнаго правительства и новаго, революціоннаго Командующаго Флотомъ, старавшагося подольститься подъ Петроградскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, и судовые комитеты — все это вело къ развалу Флота, означало его близкую смерть. . .

Послѣ моего ухода съ „Новика", я не переставалъ поддерживать съ нимъ связь. Нѣсколько человѣкъ изъ старой команды перешло со мной на „Чайку"; многіе же, которые уже плавали пять лѣтъ, были списаны, по ихъ просьбѣ, на берегъ. Прежній составъ команды совершенно измѣнился. На вакантныя мѣста были присланы молодые матросы призыва 1917 года, изъ числа участниковъ Кронштадтскихъ звѣрствъ. Тутъ были совсѣмъ другія вѣянія, чѣмъ у старой боевой команды „Новика". Понемногу начинался безпорядокъ и развалъ на кораблѣ; молодые, ничего непонимавшіе въ морскомъ дѣлѣ, матросы, принеся шаблонные лозунги о „мирѣ во что бы то ни стало" и кичась „революціонными заслугами", благодаря своему большинству, захватили въ свои руки все вліяніе. Это были развращенные до мозга костей, лѣнивые и круглые невѣжды. Что они могли дать кромѣ развала? . .

XXII.

Положеніе въ Рижскомъ заливѣ до наступленія непріятеля. Гибель „Барса“, „Львицы“, „АГ 14“, „Лейтенанта Буракова“ и „Стройнаго“. Вступленіе Вице-Адмирала М. К. Бахирева въ командованіе морскими силами Рижскаго залива. Вице-Адмиралъ М. К. Бахиревъ. Гибель „Охотника“. Наступленіе непріятеля. Дѣйствія на Кассарскомъ плесѣ. Положеніе на сухопутномъ фронтѣ. Сдача батарей на Сворбэ. Гибель „Грома“. Бой на рейдѣ Куйвастъ. Гибель „Славы“. Уходъ изъ Моонзунда. Причины паденія Рижскаго залива. Жизнь „Новика“.

Какъ слѣдствіе мартовскаго переворота, явились большія перемѣны въ командномъ составѣ Флота вообще и Минной Дивизіи въ частности. Въ первые же дни революціи, Начальникъ Дивизіи, Контръ-Адмиралъ М. А. Кедровъ, былъ вызванъ въ Петроградъ и назначенъ Товарищемъ Морского Министра. Его мѣсто занялъ Капитанъ 1-го ранга А. В. Развозовъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся офицеровъ нашего Флота.

Всю весну „Новикъ“ продолжалъ ремонтъ, но работы, благодаря революціоннымъ порядкамъ, шли медленно. Только въ серединѣ мая ему удалось оторваться отъ Сандвикскаго завода и присоединиться къ другимъ судамъ Дивизіи въ Рижскомъ заливѣ. Сейчасъ же, Начальникъ Дивизіи перенесъ на него свой флагъ.

Личный составъ „Новика“ тогда уже сильно измѣнился, не только въ отношеніи команды, о чемъ упоминалось выше, но и офицеровъ. Изъ стараго состава остались только командиръ, штурманъ и младшій механикъ; остальные всѣ были новые. Подъ вліяніемъ этихъ перемѣнъ измѣнилъ свое лицо и „Новикъ“. Съ большимъ трудомъ только можно было узнать въ немъ прежній корабль, котораго боевыми подвигами такъ гордился старый личный составъ.

Весь первый періодъ кампаніи 1917 года въ Рижскомъ заливѣ и Моонзундѣ прошелъ сплошь въ борьбѣ съ процессомъ разложенія судовыхъ и береговыхъ командъ. Подъ влія-

ніемъ усиленной пропаганды, онѣ, прикрываясь революціонными лозунгами, прилагали всѣ усилія, чтобы избѣжать малѣйшей для себя опасности. Такое гибельное разложеніе до извѣстной степени пока еще сдерживалось, благодаря поразительной энергіи, твердой волѣ и удивительному умѣнію говорить съ командами Начальника Дивизіи, Контръ-Адмирала А. В. Развозова. Подчиняя своему вліянію лучшій матросскій элементъ, онъ тѣмъ самымъ заставлялъ ихъ вліять уже на остальныхъ. Все это было невѣроятно трудно, такъ какъ развалъ всего Государства шелъ быстрыми шагами и неизбѣжно передавался на Флотъ. Никакая сверхчеловѣческая воля отдѣльныхъ начальниковъ не могла этому помѣшать.

Въ іюлѣ распоряженіемъ Временнаго правительства былъ смѣщенъ съ должности Командующаго Флотомъ, не въ мѣру *дальновидный* Адмиралъ Максимовъ. Его смѣнилъ Контръ-Адмиралъ Д. Н. Вердеревскій. Однако, его командованіе длилось весьма недолго: послѣ извѣстнаго конфликта съ Временнымъ правительствомъ, Адмиралъ былъ вызванъ въ Петроградъ и тамъ арестованъ. Его мѣсто заступилъ Вице-Адмиралъ А. В. Развозовъ. Должность Начальника Дивизіи перешла къ Капитану 1-го ранга Ю. К. Старку, человѣку очень порядочному, но совершенно непригодному для такой роли въ разгаръ революціоннаго броженія и полнаго сумбура понятій. Съ этого момента дѣла пошли совсѣмъ плохо.

Общая разруха, постигшая Флотъ послѣ переворота, неизбѣжно отразилась и на военномъ счастьѣ. За одинъ этотъ періодъ погибли три новыхъ подводки — „Барсъ", „Львица" и „АГ 14".

Изъ нихъ — „Барсъ", отправившись въ двухнедѣльное крейсерство въ Балтійское море, больше уже не возвратился.

„Львица", уйдя къ непріятельскимъ берегамъ, тоже не вернулась. Находившаяся тогда недалеко отъ южной оконечности о. Готландъ, англійская подлодка „Е 19" случайно напала на слѣдъ ея гибели. Замѣтивъ какой-то вертикально плавающій предметъ, она подошла ближе и увидѣла мину безъ заряднаго отдѣленія. По номеру удалось установить, что эта мина принадлежала „Львицѣ". Во время осмотра, „Е 19" подверглась атакѣ непріятельской подлодки и чуть сама не сдѣлалась ея жертвой. Возможно, что „Львица" была взорвана той же подлодкой.

„АГ 14" погибла во время обычнаго дежурства въ районѣ Либавы. Ея командиромъ былъ единственный сынъ покойнаго Адмирала Н. О. Эссена, молодой офицеръ, подававшій очень большія надежды. Онъ былъ отличнымъ командиромъ и со своей лодкой показывалъ прямо фокусы. Сдѣлался ли онъ

жертвой непріятельской подлодки, или попалъ на загражденіе, такъ и осталось невыясненнымъ.

Произошло также несчастье и съ подлодкой „АГ 15", правда, окончившееся сравнительно благополучно. Эта лодка затонула благодаря тому, что, въ моментъ погруженія, главная горловина не была плотно задраена, въ силу чего туда хлынула вода. Въ послѣднюю минуту всѣмъ удалось спастись. „АГ 15" затонула на мелкомъ мѣстѣ, и ее вскорѣ подняли.

Наконецъ, 30-го іюля, посыльное судно „Лейтенантъ Бураковъ" наткнулось на мину, поставленную непріятелемъ въ Ледъ-Зундѣ, у о. Оланда; часть команды спаслась, но офицеры — всѣ погибли.

100. Подводная лодка „АГ 14".

Въ военномъ отношеніи весь періодъ, до паденія Риги, 22-го августа, въ Рижскомъ заливѣ прошелъ очень спокойно. Непріятель почти ничѣмъ себя не проявлялъ. Но съ этого момента атмосфера уже стала сгущаться. Чувствовалось, что настало время, когда непріятель приступитъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Въ концѣ августа, недалеко отъ мыса Кави, у Ирбенскаго пролива, по небрежности своего командира, выскочилъ на мель миноносецъ „Стройный". Этотъ командиръ, выбранный матросами, явился удивительно яркимъ выразителемъ пресловутаго „выборнаго начала". Было немедленно приступлено къ снятію миноносца, но непріятель, провѣдавъ это, сталъ ежедневно присылать аэропланы. Уже при одномъ ихъ появленіи, всѣ бросали работу и прятались. Послѣ того, какъ въ миноносецъ

попало нѣсколько бомбъ, причинившихъ ему большія поврежденія, работы пришлось бросить. Съ теченіемъ времени, „Стройный" былъ окончательно разбитъ штормами.

Тѣмъ временемъ, согласно распоряженію Командующаго Флотомъ, главное командованіе надъ всѣми силами въ Рижскомъ заливѣ, принялъ на себя Вице-Адмиралъ М. К. Бахиревъ, который и руководилъ всѣми операціями до самаго послѣдняго момента.

Вице-Адмиралъ Михаилъ Коронатовичъ Бахиревъ былъ морякъ до мозга костей. Всю свою службу онъ провелъ въ безпрерывныхъ плаваніяхъ; для него море и флотъ были все; всѣ его интересы сосредоточились только на нихъ. Но онъ былъ не только морякъ: былъ и военачальникъ „Божіей Милостью", что блестяще доказалъ еще въ Японскую войну, командуя миноносцемъ „Смѣлый", который подъ его командованіемъ проявлялъ всегда чудеса храбрости и отваги.

Великая война застала М. К. Бахирева въ должности командира крейсера „Рюрикъ". Блестящія военныя дарованія быстро выдвинули его въ Начальники Бригады Крейсеровъ, потомъ Начальники Бригады Дредноутовъ и, наконецъ, Начальники Минной Обороны.

Кто не зналъ у насъ на Флотѣ Михаила Коронатовича, кто его не любилъ и не относился къ нему съ глубочайшимъ уваженіемъ! Всегда ровный, спокойный, выдержанный, въ минуты опасности никогда не теряющійся и безупречно храбрый, исключительно храбрый. При этомъ необходимо отмѣтить, что онъ, при такой своей храбрости, раньше чѣмъ послать въ опасность свои корабли, долго взвѣшивалъ и обдумывалъ, какъ бы подвергнуть ихъ меньшему риску, и потомъ все время болѣлъ душой, пока они не вернутся обратно.

На видъ суровый, молчаливый, но совершенно далекій отъ какого-либо самомнѣнія, онъ въ кругу офицерской семьи былъ всегда просто всѣми любимый, почитаемый и обаятельный соплаватель. Ему не надо было дѣлать начальническаго вида; его и такъ уважали и никому даже и на умъ не пришло бы принять по отношенію къ нему фамильярный тонъ.

Адмиралъ не любилъ „словъ"; онъ признавалъ только дѣло. Катастрофа февральскаго переворота на него подѣйствовала удручающимъ образомъ. Онъ хотѣлъ отъ всего сразу же совершенно отстраниться, но тяжелое положеніе, въ которое попала Россія послѣ революціи, заставило его, вѣрнаго сына своей родины, еще остаться на нѣкоторое время, пока не кончится война. Онъ доблестно закончилъ финалъ жизни Русскаго Балтійскаго Флота, выведя его навстрѣчу сильнѣйшаго врага, во время боя въ Моонзундѣ.

Потомъ же, когда война закончилась, онъ не счелъ возможнымъ больше оставаться на службѣ, вышелъ въ отставку и, несмотря на всю опасность, въ то время, работы на возрожденіе прежней Великой Россіи, въ особенности въ положеніи столь выдающагося адмирала, какъ всегда, презирая опасность, взялъ на себя главное руководство подготовлявшимся возстаніемъ на Флотѣ. Послѣ неудачи, онъ палъ отъ руки правителей-звѣрей.

Политики Адмиралъ терпѣть не могъ и презиралъ партійныхъ говоруновъ, губившихъ страну. Онъ просто и честно любилъ Россію, любилъ всей силой своей самобытной, гордой души, мучился и страдалъ за нее.

101. Вице-Адмиралъ М. К. Бахиревъ.

Вся красота души М. К. Бахирева сказалась въ его словахъ во время допроса: „никакой партіи я не сочувствую, но люблю Россію", и въ отвѣтъ на смертный приговоръ — „ну, что-же, надъ тѣломъ вы вольны, но духа моего вы не убьете".

Онъ былъ героемъ и умеръ, какъ умираютъ герои. Его имя никогда не изгладится изъ исторіи Русскаго Флота, которому онъ отдалъ всю свою душу и жизнь. Это имя — синонимъ Чести, Вѣры и Вѣрности и мы, офицеры Россійскаго Императорскаго Флота, всегда будемъ гордиться нашимъ незабвеннымъ героемъ-адмираломъ.

Въ сентябрѣ, въ заливѣ, съ каждымъ днемъ становилось все тревожнѣе и тревожнѣе. Въ Ирбенскомъ проливѣ непріятельскіе тральщики начали вести упорное траленіе. По ночамъ были видны огни, и не только въ проливѣ, но и на W отъ маяка Церель. Это доказывало, что работа ведется не только днемъ, но и ночью. Очевидно непріятель, имѣя свѣдѣнія о существованіи нашей 12" батареи, боялся ея обстрѣла, а потому подготовлялъ безопасный районъ для своихъ кораблей, чтобы ее первымъ дѣломъ уничтожить.

13-го сентября, погибъ, подорвавшись на минѣ, эскадренный миноносецъ „Охотникъ", находившійся въ дозорѣ на Ирбенской позиціи. Какъ только раздался взрывъ, команда стремглавъ бросилась спасаться: разобрала койки, спасатель-

ные пояса и стала спускать шлюпки. Вскорѣ всѣ онѣ были переполнены матросами, изъ которыхъ никто и не подумалъ предложить офицерамъ мѣсто. Они же, считая для себя недопустимымъ просить объ этомъ, остались на миноносцѣ, молча наблюдая за уходившими шлюпками. Миноносецъ погружался, и скоро вода подступила къ палубѣ, на которой стояли офицеры. . . Съ „Охотникомъ" погибли — его командиръ, Старшій Лейтенантъ В. А. Фокъ, Лейтенантъ В. К. Панферовъ и еще два офицера.

Все это время наши летчики безпрестанно доносили о какихъ-то пароходахъ въ устьяхъ Гроссъ и Клейнъ-Ирбенокъ, а также и о большомъ количествѣ мелкихъ тральщиковъ, систематически работающихъ вдоль берега.

102. Эскадренный миноносецъ „Охотникъ".

Непріятельскіе аэропланы тоже начали проявлять очень живую дѣятельность, производя непрерывныя развѣдки не только въ Ирбенскомъ проливѣ, но долетая и до Куйваста. Ихъ полеты не ограничивались лишь одной развѣдкой, и нѣсколько разъ они сбрасывали бомбы на нашу 12" батарею. Одинъ изъ такихъ ночныхъ налетовъ былъ для непріятеля очень удаченъ: бомба попала въ погребъ для снарядовъ, который загорѣлся и почти моментально взлетѣлъ на воздухъ. Не говоря уже объ огромной матеріальной потерѣ для насъ, этотъ взрывъ стоилъ жизни 40 человѣкамъ, въ томъ числѣ доблестнымъ офицерамъ — Капитану 2-го ранга К. В. Ломану и Лейтенанту Д. М. Тимофееву.

Такимъ образомъ, часъ отъ часу положеніе становилось все болѣе угрожающимъ. Было ясно, что въ ближайшемъ будущемъ можно ожидать рѣшительныхъ дѣйствій со стороны не-

пріятеля. При нашемъ внутреннемъ броженіи, это создавало особенно нервное и тяжелое настроеніе.

29-го сентября пришло извѣстіе, что непріятель, подъ прикрытіемъ морскихъ силъ, въ составъ которыхъ входятъ и дредноуты, высаживаетъ десантъ въ бухтѣ Тагалахтъ.

Въ силу такого извѣстія, всѣ силы Рижскаго залива получили приказаніе быть въ получасовой готовности.

Опасаясь прорыва непріятеля на Кассарскій плесъ, Адмиралъ Бахиревъ послалъ для охраны Соэло-Зунда миноносцы „Генералъ Кондратенко“ и „Пограничникъ“. Однако, было уже поздно: черезъ два часа „Кондратенко“ донесъ, что на плесъ прорвался непріятельскій миноносецъ, съ которымъ завязался бой. На поддержку была выслана канонерская лодка „Грозящій“. Кромѣ того, было рѣшено при первой же возможности заградить Соэло-Зундъ, для чего предназначить плоскодонный заградитель „Припять“.

Въ теченіе всего дня продолжали поступать свѣдѣнія объ удачной высадкѣ непріятельскаго десанта. Наши батареи, расположенныя въ этомъ районѣ, оказали противнику очень слабое сопротивленіе и скоро были сбиты его огнемъ. Только батарея Сэрро оказала болѣе дѣйствительное сопротивленіе, и ей даже удалось потопить непріятельскій миноносецъ.

Почти одновременно, другой миноносецъ подошелъ къ нашей воздушной станціи въ Паппенгольмѣ и обстрѣлялъ ее. Нашимъ летчикамъ ничего не оставалось, какъ перелетѣть съ Эзеля.

Около 4 часовъ дня, „Кондратенко“ донесъ, что на Кассарскій плесъ прорвалось еще нѣсколько миноносцевъ. Адмиралъ немедленно выслалъ на помощь „Изяслава“, „Грома“, „Забіяку“, „Самсона“ и „Новика“, который былъ свободенъ, такъ какъ Начальникъ Дивизіи находился въ Рогокюлѣ.

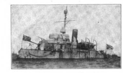
Когда отрядъ подошелъ къ Кассарскому плесу, онъ увидѣлъ, что въ NO-ой части плеса, курсомъ SO, идутъ наши миноносцы, имѣя головной „Десну“, подъ флагомъ Адмирала Старка, который на ней пришелъ изъ Рогокюля, затѣмъ — „Кондратенко“ и „Пограничника“. Сзади была видна сильно отставшая канонерская лодка „Грозящій“.

Въ направленіи на SW отъ нашихъ силъ, приблизительно тѣмъ же курсомъ, шли непріятельскіе миноносцы. Въ наступавшей темнотѣ было очень трудно опредѣлить ихъ количество и типъ. Казалось, что они были сравнительно старой постройки.

Съ темнотой бой прекратился и, оставивъ два миноносца въ дозорѣ, съ остальными, Начальникъ Дивизіи вернулся въ Куйвастъ.

На слѣдующее утро, 30-го сентября, съ разсвѣтомъ, на Кассарскій плесъ для развѣдки вышли — „Новикъ“ (флагъ

Начальника Дивизiи), „Громъ“, „Изяславъ“, „Константинъ“, „Побѣдитель“ и „Забiяка“. Обойдя весь плесъ, отрядъ непрiятеля не обнаружилъ; только на горизонтѣ были видны какiе-то уродливые силуэты пароходовъ. Разстоянiе до нихъ было 60-65 кабельтовыхъ. „Новику“ и „Грому“ было приказано по нимъ открыть огонь. Повидимому, снаряды сразу же стали ложиться удачно, такъ какъ пароходы, сильно задымивъ, начали уходить. Въ это время къ нимъ на помощь, изъ-за мыса вышелъ крейсеръ типа „Грауденцъ“ и открылъ по „Новику“ сильный огонь. „Новику“, совсѣмъ близко подошедшему на этомъ курсѣ къ острову Даго, пришлось круто повернуть на Ost и начать уходить. Непрiятельскiе снаряды

103. Канонерская лодка „Гремящiй“.

ложились очень хорошо: послѣ третьяго залпа онъ началъ крыть „Новика“ и накрывалъ все время, пока тотъ не вышелъ изъ предѣловъ огня. Трудно объяснить, почему въ него не попало ни одного снаряда, такъ какъ, уходя, онъ даже не вилялъ, а все время шелъ прямымъ курсомъ, причемъ снаряды ложились у самаго борта.

За „Новикомъ“, въ строѣ фронта, отошли и всѣ остальные миноносцы, вставъ на якорь въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ пролива.

Во время этихъ боевъ, молодой командиръ „Новика“, Капитанъ 2-го ранга А. К. Пилкинъ, велъ себя такъ, что его предшественникъ, М. А. Беренсъ, могъ быть вполнѣ спокоенъ за боевую честь любимаго корабля. Своей выдержкой и присутствiемъ духа, А. К. Пилкинъ невольно подчинялъ себѣ весь миноносецъ. Легко орiентируясь въ обстановкѣ, онъ какъ бы ловилъ маневры противника и противопоставлялъ имъ должныя мѣры. Его советы сильно помогали Адмиралу въ руководствѣ боемъ.

Около 4 часовъ дня, къ борту „Новика“ ошвартовался заградитель „Припять“, который пришелъ съ минами изъ Рогокюля, для загражденія выхода съ плеса въ море. Команда „Припяти“ была очень ненадежна, и потому возникло сомнѣніе, что постановка загражденія будетъ удачна.

Къ вечеру погода стала портиться. Вѣтеръ сильно засвѣжѣлъ, и начало моросить. Еще засвѣтло, Начальникъ Дивизіи приказалъ всѣмъ миноносцамъ перейти на якорное мѣсто на Шильдаускомъ створѣ, и только самъ, на „Новикѣ“, остался на томъ же мѣстѣ, чтобы лично отправить „Припять“ на постановку. Когда же она, конвоируемая миноносцемъ „Разящій“, вышла для выполненія операціи, Адмиралъ перешелъ тоже на Шильдаускій створъ, гдѣ и всталъ на якорь вмѣстѣ съ остальными миноносцами.

Приблизительно черезъ 1½-2 часа послѣ этого было получено радіо отъ „Разящаго“: „Экспедиція не удалась, возвращаюсь съ „Припятью“. Скоро подошли и они сами.

На слѣдующій день выяснилось, что, подъ вліяніемъ агитаціи трусливой части команды, остальные отказались выполнить постановку, мотивируя слишкомъ большой опасностью; проливъ остался открытымъ для прохода непріятеля. Подобные случаи возможны только, конечно, въ революціонное время, когда они остаются обыкновенно безнаказанными.

Съ разсвѣтомъ 1-го октября, „Новикъ“ пошелъ въ Куйвастъ, а „Побѣдителю“, „Забіякѣ“, „Грому“ и „Константину“ было приказано идти въ дозоръ на Кассарскій плесъ. Въ помощь имъ еще пошла канонерская лодка „Храбрый“.

Что касается сухопутнаго фронта, то къ 1-му октября въ рукахъ непріятеля былъ уже весь о. Эзель; собирались защищать только о. Моонъ. Для этого, у переправы былъ поставленъ отрядъ добровольцевъ съ „Цесаревича“, „Славы“ и другихъ большихъ кораблей, который сдерживалъ натискъ непріятеля до прибытія ударнаго батальона изъ Ревеля.

На о. Эзелѣ продолжала еще держаться только 12“ батарея на полуостровѣ Сворбэ, которая въ началѣ высадки непріятеля была настроена очень воинственно, но потомъ, по мѣрѣ развертыванія событій, стала терять мужество и требовала прислать на поддержку большіе корабли. 2-го октября туда былъ посланъ „Цесаревичъ“, но помощь уже не понадобилась: батарея сдалась. Ему было приказано принять людей, уничтоживъ ее своимъ огнемъ.

Около полудня, 1-го октября, было получено радіо „Побѣдителя“, что дозорные миноносцы обстрѣляны непріятельскимъ дредноутомъ, и что въ „Громъ“ попалъ снарядъ, вслѣдствіе чего онъ, на буксирѣ канонерской лодки „Храбрый“, уходитъ съ плеса.

За этимъ послѣдовало и второе радіо „Побѣдителя", въ которомъ онъ сообщалъ, что на плесъ прорвалось нѣсколько непріятельскихъ миноносцевъ, и что наши миноносцы вступили съ ними въ бой. На подмогу имъ была послана канонерская лодка „Хивинецъ".

104. Эскадренный миноносецъ „Громъ".

Около 3 часовъ дня было получено третье радіо „Побѣдителя", что наши миноносцы съ боемъ отходятъ и просятъ помощи. Адмиралъ Бахиревъ немедленно послалъ на плесъ „Новика", подъ флагомъ Начальника Дивизіи, „Самсона" и пять угольныхъ миноносцевъ.

Подходя къ Кассарскому плесу, этотъ отрядъ увидѣлъ, шедшимъ впереди всѣхъ, „Забіяку", съ креномъ на правый бортъ и сбитой кормовой пушкой. Затѣмъ шелъ „Побѣдитель",

105. Непріятельскій миноносецъ пытается взять на буксиръ тонущаго „Грома" (Съ фот. Ф. Финне).

„Константинъ" и немного въ сторонѣ — „Хивинецъ" и „Храбрый". „Грома" съ ними не было. На горизонтѣ, кабельтовыхъ въ 60, видиѣлись почти неподвижные непріятельскіе миноносцы. Обѣ стороны поддерживали слабый огонь.

Съ „Побѣдителя“ передали, что „Громъ“ погибъ. Дѣйствительно, на горизонтѣ можно было разсмотрѣть въ полу-погруженномъ состояніи какой-то корабль, весь объятый пламенемъ и дымомъ. Вслѣдъ затѣмъ къ нему подошелъ непріятельскій миноносецъ, и, очевидно, пытался взять его на буксиръ. Но вскорѣ „Громъ“ окончательно затонулъ.

106. Канонерская лодка „Храбрый“.

По мѣрѣ того, какъ отрядъ подходилъ къ мѣсту боя, вокругъ него все чаще и чаще стали ложиться снаряды. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что изъ-за узкости мѣста, всѣ наши миноносцы сбились въ кучу. Находясь подъ непріятельскими снарядами и не имѣя возможности быстро перестроиться, они подвергались очень большому риску, а потому — Начальникъ Дивизіи приказалъ всѣмъ отходить по способности.

Медленно подвигаясь назадъ, наши суда, наконецъ, вышли изъ сферы огня. Оставивъ дозоръ, Начальникъ Дивизіи съ остальными миноносцами вернулся въ Куйвастъ.

Придя туда и ошвартовавшись къ транспорту „Либава“, всѣ узнали, что тамъ находится командиръ „Грома“, Лейтенантъ А. П. Ваксмутъ, котораго считали погибшимъ. Гибель „Грома“ произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда непріятельскіе миноносцы прорвались на плесъ, наши миноносцы, уходя, дали слишкомъ большой ходъ, чѣмъ развели на мелководьѣ сильное волненіе, изъ-за котораго лопнули швартовы, соединявшіе „Грома“ съ „Храбрымъ“. „Храбрый“ началъ было опять подходить къ нему, чтобы взять на буксиръ, но къ этому времени остальныя наши суда успѣли уже отойти. Непріятель, увидѣвъ безпомощное состояніе „Грома“, сосредоточилъ по нему огонь; въ него попало нѣсколько снарядовъ. Командой овладѣла паника. Когда подошелъ „Храбрый“, матросы вмѣсто того, чтобы подать швартовы, бросились на него, какъ безумные. Офицерамъ только и оставалось, что пе-

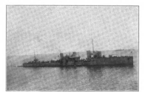
рейти туда же. Командира, который не хотѣлъ покидать корабля, увели почти силой. Когда съ „Грома“ сходили послѣдніе изъ его экипажа, онъ сильно горѣлъ. Пожаръ особенно свирѣпствовалъ въ помѣщеніи каютъ-компаніи, откуда ничего не удалось спасти.

Въ этомъ бою „Храбрый“ потопилъ артиллерійскимъ огнемъ непріятельскій миноносецъ; самъ же онъ не получилъ никакихъ поврежденій. Вообще, дѣйствія „Храбраго“ надо отмѣтить какъ безукоризненныя въ военномъ и выше доблестныя въ моральномъ отношеніяхъ.

Еще утромъ того же дня изъ Рогокюля на „Финнѣ“ пришелъ Командующій Флотомъ съ нѣкоторыми чинами своего Штаба для совѣщанія съ Адмираломъ Бахиревымъ. Выяснилось, что сухопутныя части отказываются сражаться, и что разсчитывать на нихъ совершенно нельзя.

1-го октября, съ цѣлью поднять духъ батарей на Сворбѣ, къ Церелю выходилъ „Баянъ“, подъ флагомъ Адмирала Бахирева, который къ вечеру вернулся обратно. На слѣдующій день, какъ выше упоминалось, эти батареи сдались.

2-го октября, пришлось констатировать, что Кассарскій плесъ находится въ полной власти непріятеля, который его

107. Эскадренный миноносецъ „Автроилъ“.

больше не покидаетъ. По инициативѣ Начальника 3-го Дивизиона, Капитана 1-го ранга К. В. Шевелева, было рѣшено попытаться вновь овладѣть плесомъ. Туда пошли „Изяславъ“ (брейдъ-вымпелъ Начальника 3-го Дивизиона), „Автроилъ“ и

„Гавріилъ“. Около полудня, туда же, на „Новикѣ“ вышелъ и Начальникъ Дивизіи.

Когда „Новикъ“ подошелъ къ плесу, миноносцы Капитана 1-го ранга Шевелева уже возвращались. Онъ доложилъ Адмиралу, что навстрѣчу отряду на плесъ вышло около семи непріятельскихъ миноносцевъ; начался бой. Большой перевѣсъ въ силахъ противника заставилъ наши миноносцы повернуть. При этомъ, во время большого хода, „Изяславъ“ коснулся винтами грунта и помялъ лопасти, а въ „Автроилъ“ попалъ снарядъ и сдѣлалъ ему небольшую пробоину у ватеръ-линіи.

Миноносцы еще нѣкоторое время продержались на плесѣ, причемъ подошедшимъ канонеркамъ было приказано обстрѣлять непріятельскіе дозорные миноносцы. Послѣ нѣсколькихъ залповъ съ нашей стороны, они повернули на W и выпустили дымовую завѣсу, которая совершенно закрыла ихъ.

За эти дни непріятель еще больше укрѣпился на о. Эвелѣ. Островъ Моонъ былъ еще въ нашихъ рукахъ. На него, съ грѣхомъ пополамъ, удалось высадить два полка пѣхоты и ударный батальонъ. На случай, если бы непріятель началъ наступленіе на о. Моонъ, для обстрѣла переправы была поставлена „Слава“, которая могла ее обстрѣливать, сдѣлавъ себѣ кренъ.

Утромъ, 3-го октября отъ Цереля вернулся „Цесаревичъ“, привезя часть батарейныхъ командъ со Сворбэ. Изъ разсказовъ выяснилось, что непріятель предложилъ батареямъ сдаться, обѣщая всему составу самыя лучшія условія плѣна, если только онъ ничего не взорветъ. 12''-ая батарея уже была готова пойти на это, но другія — категорически возстали; батареи все же были уничтожены.

Больше на Кассарскій плесъ наши миноносцы проникнуть уже не пытались. Для охраны, у его восточнаго входа были поставлены двѣ канонерки и нѣсколько миноносцевъ, а затѣмъ еще приданъ и крейсеръ „Адмиралъ Макаровъ“, который могъ обстрѣливать всю восточную часть плеса.

Утромъ же, были получены свѣдѣнія, что непріятель собирается высадить десантъ съ NW-ой стороны о. Моона и уже провелъ на плесъ транспорты. Помимо того, въ проливъ между островами Эзелемъ и Мoономъ прошли миноносцы, которые начали обстрѣливать переправу, находившуюся пока въ нашихъ рукахъ. „Славѣ“ было приказано ихъ обстрѣлять; послѣ нѣсколькихъ ея выстрѣловъ, непріятельскій огонь прекратился.

Для воспрепятствованія высадкѣ со стороны плеса, Адмиралъ Бахиревъ рѣшилъ ночью атаковать угольными миноносцами непріятельскіе транспорты и миноносцы, вошедшіе на плесъ и въ проливъ. Днемъ на транспортѣ „Либава“ были собраны начальники дивизіоновъ и командиры миноносцевъ для обсужденія общаго плана атаки. Въ атаку миноносцы было

рѣшено выпускать по парамъ, а очередь паръ опредѣлить жребіемъ.

Послѣ засѣданія, Начальникъ Дивизіи на „Новикѣ" пошелъ на Шильдаускій створъ, откуда онъ долженъ былъ лично посылать миноносцы въ атаку. Въ сумеркахъ туда подошли 5-ый и 6-ой Дивизіоны, которые предназначались идти въ атаку. Однако, немного спустя, пришло радіо, что экспедиція отмѣняется. Въ дальнѣйшемъ выяснилось, что причиной отмѣны послужило несочувствіе нѣкоторыхъ командировъ этой операціи. Послѣ общаго совѣщанія, Начальникъ 6-го Дивизіона, Капитанъ 2-го ранга А. Екимовъ, собралъ у себя особое совѣщаніе командировъ своихъ миноносцевъ, на которомъ было

108. Атака непріятельскихъ аэроплановъ на рейдѣ Куйвастъ.

рѣшено, что экспедиція слишкомъ опасна по сравненію съ ожидаемыми результатами. Съ нѣсколькими командирами онъ поѣхалъ къ Адмиралу Бахиреву. Видя такое настроеніе, Адмиралъ отмѣнилъ операцію. Этотъ случай доказываетъ, что общее разложеніе коснулось не только командъ но и части офицерства.

Съ разсвѣтомъ, 4-го октября, „Новикъ" снялся съ якоря и пошелъ въ Куйвастъ. На пути имъ было принято радіо миноносца „Дѣятельный", находившагося въ дозорѣ у южнаго входа въ Моонзундъ, что на SW видно 17 дымовъ.

Стало ясно, что непріятель прошелъ Ирбенскую позицію, и что теперь насталъ рѣшительный моментъ борьбы. Паденіе Моонзунда было неизбѣжно.

Придя въ Куйвастъ, „Новикъ" ошвартовался къ „Либавѣ". Какъ разъ въ это время транспортамъ было приказано идти

въ Рогокюль; спѣшно снявшись съ якоря, они потянулись туда.

Одновременно съ непріятельскими кораблями, надъ Куйвастомъ появилась цѣлая туча аэроплановъ, которые забросали бомбами рейдъ и пристань. Всюду стояли огромные столбы дыма и воды.

Приблизившись, непріятельскіе корабли открыли огонь по Вердеру, но вначалѣ были большіе недолеты.

Въ это время, наши корабли, во главѣ съ „Баяномъ", подъ флагомъ Адмирала Бахирева, „Цесаревичемъ" и „Славой", держались въ кильватерной колоннѣ на рейдѣ Куйвастъ, по направленію O-W; при нихъ держались миноносцы 6-го и 9-го Дивизіоновъ. При приближеніи непріятельскихъ тральщиковъ, наши силы открыли огонь.

109. Непріятельскія силы у входа въ Моонзундъ ведутъ бой съ отрядомъ Адмирала Бахирева (съ фот. Ф. Финке).

Около полудня „Баянъ" всталъ на якорь и поднялъ сигналъ: „Команда имѣетъ время обѣдать." Вскорѣ послѣ этого, когда непріятельскимъ тральщикамъ удалось очистить необходимое пространство для большихъ кораблей, весь рейдъ оказался подъ ихъ обстрѣломъ.

Непріятель поддерживалъ очень сильный огонь. Вокругъ находившагося еще на якорѣ „Баяна" стояла цѣлая стѣна воды отъ разрывовъ снарядовъ; казалось, что онъ неизбѣжно долженъ погибнуть. Возлѣ „Славы" тоже вставали громадные столбы воды; въ ея борту, около носовой башни, отчетливо видиѣлось нѣсколько пробоинъ. Съ большимъ креномъ на лѣвый бортъ и сѣвъ носомъ, она большимъ ходомъ шла на сѣверъ.

„Баянъ", которому удалось выйти изъ-подъ обстрѣла сравнительно благополучно; шелъ, съ пожаромъ на бакѣ, держа „Славѣ" сигналъ „С", т. е. „стопъ машины". Повидимому, Адмиралъ Бахиревъ опасался, что она, сѣвъ въ каналѣ, закупоритъ выходъ всѣмъ остальнымъ.

Послѣднимъ, медленно отходилъ на сѣверъ „Цесаревичъ", который энергично отстрѣливался изъ своихъ 12" орудій. Онъ также имѣлъ нѣсколько попаданій.

Наконецъ „Баянъ" и „Цесаревичъ" вошли въ каналъ, а „Слава", которая по своей осадкѣ не могла туда войти, была затоплена миной у входа, но неудачно, ибо не закупорила канала, какъ это было желательно. Ея команда была снята миноносцами 6-го Дивизіона и отвезена въ Рогокюль. Въ это время, тамъ уже было приступлено къ полной эвакуаціи и уничтоженію всего, что нельзя было вывезти.

Къ 5-му октября, всѣ силы Рижскаго залива сосредоточились у Вормса. Въ ту же ночь Адмиралъ Бахиревъ предполагалъ ихъ вывести изъ Моонзунда, такъ какъ поступили свѣдѣнія, что непріятель намѣревается отрѣзать и уничтожить въ Моонзундѣ всѣ наши корабли.

Однако въ эту ночь выйти судамъ изъ Моонзунда не удалось: тральщики не протралили выходной фарватеръ. Только черезъ сутки, всѣ суда прошли въ Финскій заливъ. Утромъ 7-го октября, силы Рижскаго залива были въ Лапвикѣ.

Тамъ мы получили извѣстіе, что 5-го октября одинъ изъ непріятельскихъ миноносцевъ, идя Шильдаускимъ створомъ, наскочилъ на нашу мину и быстро затонулъ. Это былъ миноносецъ „S 64".

110. „Слава" послѣ гибели (съ фот. Ф. Финке).

Короткій переходъ въ Лапвикъ былъ очень труденъ, такъ какъ у входа въ Моонзундъ непріятелю удалось поставить загражденіе. Оно было затралено въ самый послѣдній моментъ, и то — только благодаря личной энергіи Начальника Отряда Тральщиковъ. Несмотря на полное нежеланіе командъ работать ночью, въ свѣжую погоду, онъ все-таки заставилъ ихъ это сдѣлать.

Такъ кончилась эпопея упорной защиты Рижскаго залива и Моонзунда, длившаяся цѣлыхъ три года. Всѣ труды, всѣ жертвы, положенныя на это дѣло, пошли прахомъ; все было потеряно изъ-за предательства и трусости гарнизоновъ острововъ и командъ батарей. Конечно, нельзя всецѣло винить въ этомъ только сѣрую массу солдатъ и матросовъ, въ которую въ самый рѣшительный моментъ войны, были брошены лозунги о мирѣ и, тѣмъ самымъ преднамѣренно подорваны дисциплина и авторитетъ офицеровъ. Главная вина лежитъ не на нихъ, а на тѣхъ февральскихъ заговорщикахъ и дѣятеляхъ революціоннаго подполья, которые, своимъ переворотомъ толкнули Россію на путь позора и гибели. . .

111. Погибшій миноносецъ „S 64" (съ фот. Ф. Финие).

Никогда бы непріятелю не удалось такъ легко овладѣть Рижскимъ заливомъ и Моонзундомъ, еслибы не революція. Благодаря мѣропріятіямъ Императорскаго Правительства, его оборона въ 1917 году становилась дѣйствительно грозной.

Такъ, весной, могла уже дѣйствовать, начатая постройкой въ ноябрѣ 1916 года, 12" батарея у Цереля, а двѣ легкихъ — были совершенно готовы. На Моонѣ и Вердерѣ батареи были закончены еще раньше. Съ прорытіемъ Моонзундскаго канала до 30 футъ, въ заливъ безпрепятственно вводились всѣ крейсера, „Цесаревичъ" и „Слава". Въ этомъ году онъ былъ бы доведенъ до 40 футъ глубины, а тогда въ Рижскій заливъ въ любое время можно было ввести „Андрея Первозваннаго", „Императора Павла I", и даже — дредноуты. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что въ строй вошли всѣ новые миноносцы и подводныя лодки, которые, базируясь на Рижскій заливъ, значительно усиливали его оборону. Хорошо обученный, прошедшій черезъ

ряды непрерывныхъ боевъ, личный составъ кораблей и опытная прислуга батарей, которые были до революціи, не будь ея, тоже, являлись бы гарантіей должнаго отпора противнику. Только наступившій развалъ довелъ оборону залива до такого жалкаго состоянія, что непріятелю не надо было ни умѣнія, ни особаго геройства, чтобы его занять. Одного его вида было достаточно, чтобы деморализованныя сухопутныя части немедленно впадали въ панику и сдавались безъ сопротивленія[1]). Что же касается флота, то и на его относительную боеспособность положиться было нельзя.

Послѣ сдачи Моонзунда, „Новикъ" еще нѣкоторое время находился въ составѣ Минной Дивизіи, стоявшей въ Лапвикѣ; затѣмъ онъ былъ отправленъ въ капитальный ремонтъ къ Балтійскому заводу въ Петроградѣ и, такимъ образомъ, уже ни въ чемъ участія не принималъ. Впрочемъ, военно-морскихъ дѣйствій больше уже и не было. Балтійскій Флотъ быстро разлагался въ гаваняхъ Гельсингфорса, Кронштадта и Петрограда.

Въ моемъ представленіи рисуется „Новикъ"; не прежній, гордый красавецъ, но скорбный и забытый. . .

Его не узнать. Облупившаяся сѣрая краска, голыя мачты, кое-гдѣ — доски, которыми заколочены разныя отверстія; всюду — грязь и ржавчина. Внутри — та же мерзость запустѣнія. Только граціозные обводы свидѣтельствуютъ о его былой, совершенной красотѣ.

Кругомъ высятся мрачные эллинги со стеклянными крышами, стапели для большихъ кораблей, закопченныя зданія мастерскихъ. Все — на прежнихъ мѣстахъ, какъ было и много лѣтъ тому назадъ. Но тогда это жило и работало: неугомонно шумѣли станки, стучали зубила чеканщиковъ, молотки клепальщиковъ, жужжали пневматическія сверла. Сотни рабочихъ рукъ трудились днемъ и ночью, создавая морскую мощь Россіи. Теперь — все это погружено въ мертвый сонъ; не клубится больше дымъ изъ высокихъ заводскихъ трубъ, не слышно гудковъ и грохота вагонетокъ.

---

[1]) Какъ-то потомъ, мнѣ случайно пришлось видѣть въ кинематографѣ картину — снимокъ германцевъ съ плѣнныхъ „товарищей-солдатъ" на о. Моонъ.

Она представляла длинный фронтъ солдатъ, растерзанныхъ и неопрятныхъ, которыхъ обходилъ германскій генералъ со своимъ штабомъ.

Но . . . недавней наглости, нахальства и развинченности не было и помина: прежніе „товарищи" стояли на вытяжку и „ѣли" глазами генерала . . .

Гдѣ вы, посохъ Іоанна Васильевича Грознаго и дубинка Великаго Петра! . .

У набережной, противъ Балтійскаго завода, стоятъ огромные корпуса недостроенныхъ линейныхъ крейсеровъ „Измаилъ" и „Кинбурнъ". Тамъ же ошвартовались и многія другія суда, пришедшія было для ремонта послѣ долгихъ, тяжелыхъ плаваній. Всюду — гробовая тишина, въ которую не врывается ни одинъ посторонній звукъ извнѣ. Только Нева спокойно и плавно несетъ свои воды и, омывая корабли, что-то тихо журчитъ имъ въ утѣшеніе.

„Новикъ", „Новикъ"! . . За что Тебѣ, пережившему иные дни, дни блеска и подвиговъ, суждена такая горькая участь? Встаютъ ли въ Твоей душѣ воспоминанія о прошломъ, когда Ты, какъ стрѣла, носился по водной шири, бороздя ее по разнымъ направленіямъ? . .

Еще находясь на стапелѣ, Ты уже привлекалъ къ себѣ вниманіе всего міра. Ты былъ гордостью своихъ строителей. Тобою всѣ любовались, какъ совершенствомъ судостроительной техники. На пробѣ Ты превзошелъ ожиданія, давъ большій ходъ, чѣмъ всѣ предполагали.

Вотъ Ты въ строю, и Балтійскій Флотъ гордится Тобою, какъ лучшимъ кораблемъ. Государь назначаетъ смотръ и идетъ на тебѣ въ море. Подъ Императорскимъ брейдъ-вымпеломъ, ты гордо, будто сознавая Кого несешь на себѣ, летишь впередъ. . .

Государю ты очень понравился, и съ большимъ интересомъ Онъ всего тебя осмотрѣлъ, побывавъ и въ турбинныхъ отдѣленіяхъ, и въ кочегаркахъ.

Война. . . Съ первыхъ же дней ея, Ты — всегда впереди. Безъ Тебя не проходитъ ни одной операціи, ни одного похода. Ты все время — въ Рижскомъ заливѣ, гдѣ сосредотачивается главная борьба.

Съ начала весны, при неразстаявшемъ еще льдѣ, и до зимы, Ты непрерывно плавалъ. Штормы, туманы, пурга — ничто Тебя не останавливало. Днемъ и ночью, по первому же зову, Ты былъ готовъ сняться съ якоря. Ты безшумно скользилъ въ темнотѣ ночей, неся во вражескія воды свои гибельныя мины. Часто Ты возвращался совершенно обледенѣлымъ, но неизмѣнно счастливый и гордый выполненной задачей. . .

Ты былъ неуязвимъ. Ни мины, ни снаряды, ни бомбы не коснулись Тебя и, какъ завороженный, Ты ходилъ среди загражденій. Самъ же, участвуя въ бояхъ, перестрѣлкахъ и постановкахъ минъ, Ты нанесъ противнику тяжкій вредъ: отъ Твоихъ минъ и снарядовъ погибло и потерпѣло поврежденія не менѣе двѣнадцати его кораблей. . .

Твоя жизнь была краткой, но яркой. Ты съумѣлъ поддержать славу и традиціи Портъ-Артурскаго крейсера. Дай Богъ,

чтобы на той высотѣ, на какой Ты былъ, оказался и будущій „Новикъ".

Пронеслись годы, и Ты превратился въ старика. Можетъ быть, Ты уже и не увидишь возрожденія Царской Россіи и Ея Флота. Передай же преемнику своего имени Твою душу, Твое счастье и лихость. Да будетъ тотъ „Новикъ" самымъ лучшимъ, быстроходнымъ и красивымъ кораблемъ нашего Флота! Пусть Твое имя говоритъ Флоту о великихъ и страдныхъ дняхъ, пережитыхъ Тобою, говоритъ о Твоей безупречной службѣ Царю и Россіи. . .

XXIII.

Судовые комитеты. „Центробалтъ“. Натравливаніе командъ на офицеровъ. Снятіе погонъ. Уничтоженіе званій кондукторовъ и сверхсрочно-служащихъ. Переименованіе кораблей. Образованіе союзовъ. Делегація офицеровъ у Керенскаго. Смѣщеніе Максимова и назначеніе Контръ-Адмирала Д. Н. Вердеревскаго. Его конфликтъ съ Временнымъ правительствомъ. Назначеніе А. В. Развозова. Корниловское выступленіе. Убійство четырехъ офицеровъ „Петропавловска“. Взглядъ Керенскаго на это злодѣяніе. „Углубленіе революціи“ на флотѣ. Выборы въ Учредительное собраніе. Большевистскій переворотъ. Гибель „Гепарда“ и „Бдительнаго“. „Морская коллегія“. Модестъ Ивановъ. Упраздненіе должности Командующаго Флотомъ. Уходъ Развозова, Бахирева, Беренса и другихъ офицеровъ. Декретъ о „красномъ флотѣ“. Безпокойство командъ въ связи со слухами о германскомъ десантѣ. Избраніе Вице-Адмирала Развозова и его арестъ. Германская эскадра въ Гангэ. Уничтоженіе „АГ 11“, „АГ 12“, „АГ 15“, „АГ 16“, „Оланда“ и „Ястреба“. Ультиматумъ объ уходѣ изъ Гельсингфорса. Уничтоженіе англійскихъ подлодокъ. Переходъ флота въ Кронштадтъ. Судъ и казнь А. М. Щастнаго.

Первой большой реформой послѣ переворота въ организаціи флота явилось образованіе судовыхъ комитетовъ. Возникли они самочинно, но почти немедленно были узаконены Временнымъ правительствомъ, которое приказало, чтобы выборы были произведены на всѣхъ корабляхъ.

Этотъ выборный органъ всталъ между командимъ составомъ и матросами. По идеѣ онъ долженъ былъ вѣдать только вопросами внутренней жизни команды: распредѣленіемъ на работы, кормленіемъ, съѣздомъ на берегъ и наказаніями. Однако, вскорѣ комитеты стали вмѣшиваться во всѣ рѣшительно распоряженія по кораблю. Несмотря на военное время, они созывали общее собраніе команды для обсужденія приказа о выходѣ въ море, выносили порицанія и выговоры всѣмъ офицерамъ, не

исключая и командира, и т. д.; попутно рѣшался и какой-либо политическій вопросъ государственнаго значенія. Резолюціи публиковались, обыкновенно, въ одномъ изъ демократическихъ органовъ. Бывало, напримѣръ, что судовой комитетъ отъ имени команды какого-нибудь сторожевого судна „Куница“, состоявшей всего изъ двадцати человѣкъ, требовалъ немедленнаго заключенія мира „безъ аннексій и контрибуцій“, передачи всей власти совѣтамъ, или еще что-нибудь въ томъ же родѣ, причемъ заявлялъ, что готовъ съ оружіемъ въ рукахъ поддержать эти требованія.

Чѣмъ дальше шло углубленіе революціи, тѣмъ больше комитеты забирали въ свои руки власть. Главнымъ образомъ, они старались „показать свои права“ командному составу, авторитетъ котораго, благодаря этому, падалъ съ каждымъ днемъ. Среди матросовъ, комитеты, за рѣдкимъ исключеніемъ, пользовались большимъ вліяніемъ. Но и тутъ все шло гладко только до тѣхъ поръ, пока ихъ распоряженія не шли въ разрѣзъ съ желаніями команды. Едва лишь выносились непріятныя постановленія, вродѣ — ограниченія съѣзда на берегъ или увольненія въ отпускъ, трбованія исполненія нѣкоторыхъ обязанностей, наложенія наказаній и т. д., какъ сейчасъ же шелъ ропотъ и начинались требованія о переизбраніи комитета.

Въ первое время въ комитеты выбирались наибольшіе крикуны, особенно проявившіе себя во время переворота. Вскорѣ, однако, ввиду возникновенія всевозможныхъ революціонныхъ организацій — комиссій, съѣздовъ и т. п., требовавшихъ ежедневно все новыхъ и новыхъ представителей отъ кораблей, всѣ они разъѣхались. На корабляхъ остался хотя и болѣе спокойный элементъ, но совсѣмъ сѣрый, который не могъ самъ разобраться въ возникающихъ вопросахъ. Онъ слѣпо дѣйствовалъ по указаніямъ центральной инстанціи, которая сосредотачивалась сперва въ мѣстныхъ совѣтахъ депутатовъ, а потомъ въ центральномъ комитетѣ Балтійскаго флота, или же слѣдовалъ нашептываніямъ негласныхъ агентовъ большевиковъ.

Бывали случаи, что въ составъ комитета выбирались и офицеры, которые пользовались любовью команды; тогда, если они были энергичны, имъ легко удавалось руководить комитетомъ и проводить въ немъ любое рѣшеніе. Впрочемъ, они держались тамъ недолго и забаллотировывались при слѣдующихъ же выборахъ. Упорная агитація достигала своей цѣли. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ рѣже становились случаи выбора офицеровъ; комитеты уже состояли исключительно изъ матросовъ.

Центральный комитетъ Балтійскаго моря, или сокращенно — „центробалтъ“, возникъ нѣсколько позднѣе и состоялъ изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ частей флота и портовъ, напримѣръ: бригадъ линейныхъ кораблей и крейсеровъ, Мин-

ной Дивизіи, Кронштадтскаго порта и т. д. . . Уставъ его былъ выработанъ на первомъ съѣздѣ представителей Балтійскаго флота въ Гельсингфорсѣ. Центробалтъ сразу же сталъ домогаться полноты власти и велъ непрерывную борьбу со штабомъ флота и самимъ Командующимъ. Имѣя энергичную поддержку въ центральныхъ революціонныхъ инстанціяхъ, онъ понемногу сталъ захватывать административную часть, а впослѣдствіи даже добился того, что должность Командующаго флотомъ была вообще уничтожена, и вся власть передана ему. Соотвѣтственно съ ростомъ значенія центробалта, увеличивался и его составъ, почти исключительно состоявшій изъ матросовъ; (только въ началѣ, тамъ былъ одинъ офицеръ). Раньше скромно ютившійся на пароходикѣ „Віола", онъ забралъ теперь въ свое распоряженіе уже Императорскую яхту „Полярная Звѣзда", а потомъ и — „Штандартъ".

Члены центробалта, по своему умственному развитію, были нѣсколько выше комитетовъ, но настроены значительно рѣзче въ революціонномъ духѣ. Въ спеціальныхъ вопросахъ техники морского дѣла они ровнымъ счетомъ ничего не смыслили. На этотъ комитетъ возлагались всѣ отрасли управленія флотомъ, кромѣ одной — оперативной; главнымъ образомъ, конечно, политическія дѣла.

Вопросы разбирались секціями; незначительные — ими же и рѣшались, а болѣе важные обсуждались на „пленарномъ" засѣданіи всего комитета. Если вопросъ былъ чрезвычайной важности, когда комитетъ не хотѣлъ брать на себя всей отвѣтственности, то назначалось общее собраніе вмѣстѣ съ судовыми комитетами, или представителями отъ различныхъ кораблей.

Мнѣ пришлось быть на одномъ „пленарномъ" засѣданіи центробалта, на „Штандартѣ". Въ столовой яхты, еще совсѣмъ недавно роскошной, а теперь уже сильно загрязненной, сидѣло около тридцати человѣкъ, весьма мало похожихъ на матросовъ. Это были какіе-то дегенераты, съ невѣроятными прическами, одѣтые, какъ придется: кто — просто въ тѣльникахъ, кто — въ синихъ фланелевыхъ рубахахъ „на выпускъ" и т. д. Часть изъ нихъ сидѣла, развалясь, вокругъ стола и нещадно дымила папиросами; другіе же полу-лежали на диванахъ вдоль стѣнъ. Предсѣдатель, читая разсматриваемые вопросы, часто путалъ содержаніе и немилосердно коверкалъ сложныя слова; произношеніе ихъ, видимо, доставляло ему огромное удовольствіе. Когда дѣло шло о какомъ-нибудь сложномъ техническомъ вопросѣ, члены „собранія" слушали его очень разсѣянно; такой вопросъ проходилъ быстро, безъ всякихъ преній и споровъ, хотя бы и былъ чрезвычайной важности для флота. Но стоило только зайти рѣчи о понятной сферѣ, какъ — жалованьѣ, обмундированіи, отпускахъ, кормленіи и, въ особенности — поли-

тикѣ, моментально изъ-за каждаго пустяка поднимался настоящiй „сыръ-боръ“: пренiя, споры и, въ концѣ концовъ — личная перебранка отдѣльныхъ членовъ комитета. Страсти то разгорались, то остывали. Нерѣдко, въ такомъ сумбурѣ словъ и понятiй, предлагались самыя курьезныя постановленiя и съ серьезнымъ видомъ обсуждались въ теченiе долгихъ часовъ. Это было засѣданiе дѣтей, старавшихся походить на взрослыхъ.

Такъ началось коллективное управленiе — сначала отдѣльными кораблями, а потомъ и всѣмъ флотомъ. Исторiя всѣхъ странъ и вѣковъ осудила и доказала полную абсурдность такой системы управленiя военной силой. Но революцiонные дѣятели упорно проводили этотъ принципъ и старались на разныхъ собранiяхъ и митингахъ доказать его жизненность, ссылаясь на недовѣрiе массъ къ единоличному управленiю. Этимъ они достигли того, что флотъ сталъ разлагаться и терять боеспособность. Впрочемъ, такъ какъ ихъ цѣль заключалась именно въ этомъ, то они только избрали болѣе вѣрный и скорый способъ дѣйствiй.

Слѣдствiемъ процвѣтанiя комитетовъ явилось обсужденiе вопросовъ о выходахъ въ море и на стрѣльбу, о зимовкѣ, относительно выполненiя приказанiй о постановкѣ минъ, или какойлибо другой боевой операцiи и т. п. Часто команды отказывались исполнять приказанiя, полученныя и отъ самого Командующаго флотомъ. Напримѣръ, „Слава“ пошла въ Моонзундъ только послѣ цѣлаго ряда уговоровъ; заградитель „Припять“, въ самый рѣшительный моментъ защиты Кассарскаго плеса, отказался идти ставить загражденiе, а тральщики отказывались работать. Можно много еще насчитать подобныхъ случаевъ, явившихся слѣдствiемъ коллективнаго управленiя.

Въ то время, какъ одна часть флота находилась на передовыхъ позицiяхъ и готовилась оказать сопротивленiе врагу, другая — „митинговала“ въ тылу.

Главное старанiе агитацiи было направлено на то, чтобы ни въ коемъ случаѣ не допустить единенiя офицеровъ съ матросами, дабы, послѣднiе не могли подпасть подъ ихъ влiянiе.

Когда, послѣ переворота, стало ясно, что въ Гельсингфорсѣ и Кронштадтѣ, офицерство больше не опасно, т. е. не пользуется никакимъ влiянiемъ, сейчасъ же должное вниманiе было обращено и на Ревель. Какъ выше упоминалось, переворотъ носилъ тамъ совершенно мирный характеръ, и офицерство пока не утратило влiянiя на команды.

Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля, тамъ уже началась усиленная агитацiя, очень умно разсчитанная на болѣе или менѣе воинственное настроенiе части командъ. Въ городѣ и на корабляхъ стали циркулировать упорные слухи, что среди офицеровъ есть много германскихъ агентовъ, причемъ указы-

валось на всѣхъ офицеровъ съ иностранными фамиліями. Это возымѣло дѣйствіе. Были арестованы: начальникъ 4-го дивизіона миноносцевъ, командиръ миноносца „Пограничникъ", начальникъ 2-ой Партіи траленія, завѣдующій обученіемъ отряда подводнаго плаванія и одинъ летчикъ. Къ цѣлому ряду другихъ офицеровъ съ иностранными фамиліями были предъявлены обвиненія въ „шпіонажѣ".

Этого было мало. Вскорѣ всюду стали распространяться и другіе слухи, слухи о злоупотребленіяхъ при кормленіи командъ и ремонтѣ кораблей. Команды съ жадностью ухватились за нихъ, разсчитывая получить деньги, которыя можно было бы подѣлить между собою. Безъ всякаго основанія подверглись аресту бывшіе ревизоры „Рюрика", „Баяна", „Двины" и многихъ другихъ кораблей, а нѣсколько командировъ оказалось подъ подозрѣніемъ.

Хорошія отношенія сразу начали портиться; возникло недовѣріе. Видя опасность такой агитаціи, офицеры стали-было энергично бороться противъ нея, но изъ этого ничего не вышло.

Одновременно съ арестами на корабляхъ, произошелъ и еще одинъ инцидентъ, но уже въ городѣ, съ адъютантомъ Коменданта Крѣпости. Его команды не любили за строгость. Во время переворота ,онъ, предугадывая месть, хотѣлъ скрыться изъ Ревеля, но былъ задержанъ и привезенъ обратно. Сперва его посадили въ командный карцеръ, но потомъ рѣшили перевести въ береговое арестное помѣщеніе и, среди бѣлаго дня, повели туда, подъ конвоемъ четырехъ матросовъ. Собравшаяся вокругъ толпа переобула его въ лапти, повѣсила другую пару на шею, а въ руки заставила взять метлу. Въ такомъ видѣ она провожала его, награждая побоями, до самаго арестнаго помѣщенія. Ни конвой, ни члены „совѣтовъ" нисколько не пытались прекратить это безчинство.

Этотъ инцидентъ дискредитировалъ офицерство и, пройдя совершенно безнаказанно, позволялъ поднять голову его врагамъ. Однимъ словомъ, Ревель сталъ догонять Гельсингфорсъ и Кронштадтъ.

Слѣдующими причинами къ обостренію отношеній между офицерами и командами на флотѣ послужили вопросы о снятіи погонъ и уничтоженіи званій кондукторовъ и сверхсрочнослужащихъ.

Офицерство очень дорожило своей исторической формой, которая уже больше вѣка держалась на флотѣ, но, понимая моментъ, готова была подчиниться требованію объ ея измѣненіи. Этотъ вопросъ былъ особенно взвинченъ на 2-ой Бригадѣ Линейныхъ Кораблей, „каторжной бригадѣ", гдѣ едва не произошли новые эксцессы.

Для срочной ликвидаціи этого вопроса, въ Гельсингфорсѣ было собрано общее собраніе морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ.

Собраніе вышло очень многолюднымъ и бурнымъ. Офицерамъ воочію пришлось убѣдиться, что и въ ихъ средѣ далеко не все обстоитъ благополучно.

Такъ, генералъ-майоръ Алексѣевскій, говоря съ эстрады, сорвалъ съ себя погоны и бросилъ ихъ на полъ, со словами: „Довольно! . . я не могу больше носить царскихъ погонъ: они давятъ мнѣ плечи. . . Если вы думаете, что они для меня что-нибудь значатъ, то жестоко ошибаетесь". . . Офицеры были прямо ошеломлены дикимъ поступкомъ сѣдого генерала, который такъ легко отрекся отъ всего того, чему служилъ всю свою жизнь. . .

Не менѣе позорное выступленіе было и со стороны подполковника корпуса гидрографовъ, А. Ножина. Онъ тоже сорвалъ свои погоны, тоже бросилъ ихъ на полъ, но пошелъ еще дальше: сталъ топтать ногами. . . „Эта проклятая эмблема царской власти жжетъ меня" — истерически выкрикивалъ онъ, ударяя себя въ грудь. „Я всегда стыдился этой ливреи и краснѣлъ за нее, встрѣчая товарищей-борцовъ за свободу". . .

Было ясно, что своимъ поведеніемъ, и Алексѣевскій, и Ножинъ разсчитывали обратить на себя вниманіе присутствовавшихъ тутъ же представителей совѣта рабочихъ, солдатскихъ и матросскихъ депутатовъ. На протесты возмущенія нѣкоторыхъ офицеровъ, Ножинъ, потрясая кулаками, началъ уже выкрикивать угрозы о „расправѣ". Тогда предсѣдатель собранія категорически потребовалъ отъ него прекратить подобное выступленіе.

Въ силу создавшагося положенія, собраніе рѣшило послать своихъ представителей къ Командующему флотомъ, съ просьбой разъяснить имъ его отношеніе къ вопросу. Въ отвѣтъ на это, Максимовъ сорвалъ съ себя погоны и сказалъ, что онъ издаетъ приказъ объ ихъ уничтоженіи. Тогда собраніе, во избѣжаніе новыхъ эксцессовъ, приняло резолюцію — немедленно снять погоны и одѣть нарукавныя нашивки. Однако, въ послѣдующіе дни было много случаевъ, когда, на улицахъ Ревеля и Гельсингфорса, толпы солдатъ и матросовъ нападали на офицеровъ, не снявшихъ еще погоны.

Такъ обстояло дѣло съ погонами. Второй вопросъ — о кондукторахъ и сверхсрочно-служащихъ, былъ гораздо серьезнѣе. Съ ихъ уходомъ флотъ лишался своей главной технической силы, а они, между тѣмъ, выбрасывались на улицу, безъ всякихъ средствъ къ жизни; въ большинствѣ же случаевъ, это были многосемейные люди. Всѣ они долголѣтней практикой пріобрѣтали огромный опытъ и являлись лучшими помощни-

ками офицеровъ по всѣмъ отраслямъ техники. Упраздненіемъ этихъ корпорацій былъ нанесенъ непоправимый вредъ боеспособности флота: онъ оказался безъ главныхъ спеціалистовъ.

Агитація противъ кондукторовъ и сверхсрочно-служащихъ велась очень упорно. Она была основана на томъ обвиненіи, что при прежнемъ режимѣ они играли роль „жандармскихъ и полицейскихъ агентовъ", такъ какъ обо всемъ доносили по начальству. Подобная агитація имѣла огромный успѣхъ, и жизнь этихъ бѣдныхъ людей на корабляхъ, въ особенности на большихъ, прямо висѣла на волоскѣ. Никто, кромѣ офицеровъ, за нихъ не заступался; меньше же всего въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Командующій флотомъ, хотя казалось, кому бы, какъ не ему, было важно не допустить проведенія такой мѣры. Заступничество офицеровъ имѣло, конечно, скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный, результатъ. Командующій флотомъ, съ такой же легкостью, какъ снялъ погоны, издалъ приказъ и объ уничтоженіи этихъ корпорацій.

Въ числѣ другихъ революціонныхъ реформъ Временнаго правительства, нельзя не отмѣтить, еще признанія имъ переименованія командами своихъ кораблей.

Отъ самаго зарожденія нашего Флота, съ нареченіемъ именъ кораблямъ была связана особая традиція. Имена давались, обыкновенно, въ честь Верховныхъ Вождей Флота, въ честь его героевъ, въ память былыхъ побѣдъ и Святыхъ, въ дни которыхъ были одержаны эти побѣды. Когда корабль за старостью кончалъ свою службу, погибалъ въ бою или при крушеніи, то его именемъ назывался какой-либо изъ вновь строившихся кораблей.

Такимъ образомъ, славныя имена не терялись, а переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, и каждый корабль имѣлъ свое прошлое, свою исторію. Со старымъ именемъ, въ молодой корабль какъ бы вселялась душа его предшественника; къ нему переходили его былые завѣты и традиціи. Его экипажъ гордился дѣлами своихъ предковъ и старался въ свою очередь поддержать ихъ славу, вплести новые лавры въ ихъ вѣнокъ.

Имя корабля всегда было дорого для личнаго состава. Съ военно-воспитательной точки зрѣнія, это имѣло огромное значеніе.

Когда вспыхнула революція, команды, подъ вліяніемъ всеобщаго угара, принялись переименовывать свои корабли на революціонно-демократическій ладъ. Въ большинствѣ это коснулось тѣхъ кораблей, которые носили Имена Императоровъ, или Императорскіе Титулы.

Такъ, линейный корабль „Императоръ Павелъ I" былъ переименованъ въ — „Республику", и маститый „Цесаревичъ" въ — „Гражданина".

Въ этомъ отношеніи особенно старался „красный“ Кронштадтъ. Старый линейный корабль „Императоръ Александръ II“, нѣкогда — гордость Россіи, принимавшій участіе въ подавленіи мятежа на о. Критѣ, получилъ названіе — „Заря Свободы“; учебное судно „Рында“, представитель еще паруснаго флота, совершившее не одно кругосвѣтное плаваніе, превратилось — въ „Освободителя“.

Немного позже, совершенно новый эскадренный миноносецъ „Владиміръ“ былъ названъ „Свободой“, а учебное судно „Двина“ стало опять — „Памятью Азова“: это имя было отнято у него за бунтъ въ 1906 году, во время котораго команда перебила офицеровъ.

Не миновалъ той же участи и Черноморскій флотъ. Новымъ линейнымъ кораблямъ были даны слѣдующія названія: „Императору Николаю II“ — „Демократія“, „Екатеринѣ II“ — „Свободная Россія“ и „Императору Александръ III“ — „Воля“. Мнѣ лично пришлось наблюдать въ Цусимскомъ бою гибель предшественника послѣдняго изъ этихъ кораблей. Весь разбитый японскими снарядами, безъ трубъ и въ дыму непрерывнаго пожара, онъ шелъ во главѣ эскадры, вмѣсто выбывшаго изъ строя флагманскаго броненосца „Суворовъ“. Его минуты были сочтены; онъ кренился все больше и больше. Но передъ тѣмъ, какъ совсѣмъ уже перевернуться, „Императоръ Александръ III“ послалъ противнику еще одинъ, послѣдній залпъ. . . Съ него не спасся ни одинъ человѣкъ.

Линейный корабль „Пантелеймонъ“ и крейсеръ „Кагулъ“, получили прежнія названія — „Князь Потемкинъ Таврическій“ и „Очаковъ“, которыхъ они лишились за бунтъ въ 1905 году. Однако, вскорѣ первый былъ опять переименованъ, на этотъ разъ уже въ „Борца за свободу“. Имя „великолѣпнаго князя Тавриды“ было найдено недемократичнымъ.

Только случайно старикъ „Ростиславъ“, самый образцовый корабль Черноморскаго флота, всегда высоко державшій знамя вѣрности, избѣгъ той же участи и не былъ переименованъ въ „Единеніе“. Сначала ему ничего не угрожало, но потомъ вдругъ нависла опасность. Въ Севастополь пріѣхалъ сынъ извѣстнаго предводителя бунта на „Очаковѣ“ въ 1905 году, лейтенанта П. Шмидта. Ему устроили торжественную встрѣчу. Увидѣвъ на ленточкахъ у нѣкоторыхъ матросовъ надпись „Ростиславъ“, Шмидтъ сказалъ: „Ростиславъ“ — да? Вашъ корабль — это грязное пятно на всемъ Черноморскомъ флотѣ: онъ усмирилъ „Очакова“, а его команда разстрѣливала моего отца“ . . . Поднялся страшный галдежъ. Въ тотъ же день на „Ростиславѣ“ экстренно собрался судовой комитетъ. Долго спорили, кричали, и дѣло доходило чуть ли не до драки, но ни на чемъ не порѣшили и, по случаю ужина, отложили засѣданіе до слѣдующаго дня.

На слѣдующій же день вопросъ утратилъ остроту и какъ-то больше уже не поднимался.

Всѣ эти новыя официальныя названія прививались плохо. Они мало что говорили флоту и совершенно не выражали лица корабля; даже сугубо-революціонные матросы часто называли свои корабли старыми именами.

Однимъ изъ характерныхъ явленій революціи было возникновеніе на флотѣ безчисленныхъ союзовъ политическаго и профессіональнаго характера. Объединялись рѣшительно всѣ „товарищи": музыканты, шофферы, доктора, фельдшера, санитары, чиновники и т. д., и т. д. При объединеніи, они прежде всего должны были выяснить свое отношеніе къ революціи, показать свое „политическое лицо", или иначе — „платформу".

Эти союзы сейчасъ же принимались вырабатывать для своихъ членовъ новыя права; повышать ставки заработной платы или жалованіе, уменьшать число рабочихъ часовъ и вести непримиримую борьбу съ какой-нибудь организаціей „буржуевъ". Это называлось защищать интересы своей корпораціи. Чѣмъ демократичнѣе былъ союзъ, т. е. чѣмъ изъ болѣе низшихъ служащихъ онъ состоялъ, тѣмъ имѣлъ большій успѣхъ въ своихъ домогательствахъ. Напримѣръ, „союзъ санитаровъ" — забралъ главную роль въ госпиталяхъ; „союзъ фельдшеровъ" — оттѣснилъ докторовъ; „союзъ вольнонаемныхъ служащихъ портовой конторы" вмѣшивался въ управленіе портомъ, и такъ до безконечности.

Офицерство, было меньше всѣхъ подготовлено къ борьбѣ за свои права и прерогативы. Кромѣ того, насколько привѣтствовались всякіе профессіональные союзы, настолько косо смотрѣли на „объединеніе" офицеровъ. Революціонныя власти видѣли въ этомъ опасность для „завоеваній революціи" и зорко слѣдили за офицерами, ограничивая всѣ ихъ попытки возвысить голосъ въ свою защиту. Если же кто и нуждался въ защитѣ, такъ это — именно офицерство, которое безнаказанно подвергалось оскорбленіямъ, арестамъ и всевозможнымъ притѣсненіямъ.

Въ Гельсингфорсѣ, гдѣ положеніе офицеровъ было особенно тяжелымъ, среди нихъ возникла идея организовать тоже союзъ, но безъ всякой политической окраски. Однажды они собрались на учредительное собраніе. Про это сразу стало извѣстно „Совѣту рабочихъ, солдатскихъ и матросскихъ депутатовъ", который сейчасъ же прислалъ своихъ представителей. Они стали доказывать, что раньше чѣмъ составить союзъ, офицеры должны установить „платформу", чтобы демократія убѣдилась въ ихъ искренности. Какъ ни старались офицеры доказать, что они стоятъ внѣ политики и безпрекословно исполняютъ распоряженія Временнаго правительства, члены совѣта

упорно стояли на своемъ и стали угрожать, что не допустятъ образованія союза. Пришлось изобрѣтать „платформу". Какой же могла быть платформа офицеровъ? Воспитанные въ понятіяхъ старыхъ традицій и стараго духа, они, тѣмъ не менѣе, не могли не считаться съ обстановкой момента. Поэтому, имъ оставалось только принять платформу законности, права и порядка.

Платформа вышла несложной. Въ ней не говорилось ни про „завоеванія революціи", ни о всемірномъ пролетаріатѣ и власти совѣтовъ, но только о подчиненіи Временному правительству. Мѣстнымъ демагогамъ она не понравилась: они остались при убѣжденіи, что офицерство — ненадежно, и что за нимъ надо посматривать.

Въ то время политика настолько вскружила всѣмъ головы, что нельзя было подойти даже къ самому простому вопросу, чтобы не потратить безконечные часы на споры о политической платформѣ.

Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи явился 1-ый Всероссійскій Съѣздъ Офицеровъ Арміи и Флота, въ Петроградѣ. Созвалъ его Петроградскій Союзъ Офицеровъ, кстати настроенный очень „революціонно". Офицеры съѣхались со всѣхъ концовъ Россіи, но, конечно, офицеровъ тыла было больше, чѣмъ съ фронта. Пріѣхали и морскіе офицеры отъ флотовъ всѣхъ морей.

Кадровые офицеры фронта, и морскіе, просто понимали задачу, а именно — что они должны выяснить общее состояніе арміи и флота, свое положеніе послѣ переворота и выработать то направленіе, котораго слѣдуетъ держаться. Другіе же офицеры, главнымъ образомъ, изъ недоучившихся студентовъ, еще съ университетской скамьи зараженныхъ соціализмомъ и политиканствомъ, требовали прежде всего выяснить отношеніе офицерства къ революціи. Полились нескончаемыя пренія. Каждый старался блеснуть краснорѣчіемъ и преданностью „завоеваніямъ революціи". Засѣданія тянулись по десять-двѣнадцать часовъ въ сутки и привели только къ тому, что всѣ раздѣлились на три группы: первая стояла на платформѣ Временнаго правительства; вторая — на платформѣ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, и третья — внѣ политики, т. е. „дикіе".

Когда же, наконецъ, черезъ недѣлю обсужденіе платформы закончилось, то на остальную программу осталось всего три дня. Ее, конечно, пришлось скомкать, благо къ тому времени многіе уже разъѣхались. Съѣздъ кончился ничѣмъ. Онъ только внесъ въ души многихъ офицеровъ горькое разочарованіе въ возможности единенія офицерства.

Несмотря на всѣ препятствія, все же на Балтійскомъ флотѣ возникли два офицерскихъ союза: одинъ въ Ревелѣ, а другой,

позже, въ Гельсингфорсѣ. Впослѣдствіи они слились вмѣстѣ и просуществовали до перехода флота въ Кронштадтъ.

Роль этихъ организацій была очень незначительной, такъ какъ офицерамъ нельзя было даже громко заявлять свое мнѣніе; иначе, союзъ разогнали бы сейчасъ же. Да и само офицерство какъ-то мало приспособлялось къ политикѣ и къ подобнымъ организаціямъ относилось весьма скептически, прибѣгая къ нимъ только въ случаяхъ большой опасности.

Вышеописанный періодъ обнималъ конецъ марта, апрѣль и начало мая и, такимъ образомъ, совпалъ съ приготовленіемъ къ лѣтней кампаніи. Пока-что флотъ еще держался, и тѣ корабли, которымъ надлежало быть въ Рижскомъ заливѣ, вышли туда своевременно. Другія работы по возстановленію позицій были тоже выполнены и, такимъ образомъ, въ техническомъ отношеніи, обороноспособность Балтійскаго театра оставалась нормальной.

Конецъ мая и іюнь ничего новаго не принесли; положеніе было попрежнему неопредѣленнымъ и служило отраженіемъ событій въ Петроградѣ. Во всякомъ случаѣ, настроеніе было далеко не спокойнымъ. Работа по „углубленію революціи" шла полнымъ ходомъ, и команды лѣвѣли съ каждымъ днемъ. По адресу Временнаго правительства все громче и громче стали раздаваться брань и угрозы.

Тогда среди офицеровъ на флотѣ преобладалъ еще взглядъ, что Керенскій, бывшій одновременно и главой правительства, и „военно-морскимъ" министромъ, является исключеніемъ изъ обще-революціоннаго синклита. У насъ на него смотрѣли какъ на „русскаго Монка". Впрочемъ, не одни только морскіе офицеры ошибались въ оцѣнкѣ Керенскаго: объ его „удивительной порядочности и честности" почему-то твердила вся Россія.

Поэтому, когда на флотѣ стали усиливаться большевистскія теченія, то, чтобы въ Петроградѣ не заблуждались относительно истиннаго положенія на немъ, офицерскій союзъ послалъ къ Керенскому делегацію изъ двухъ лицъ.

Пріѣхавъ въ Петроградъ, эти офицеры явились на квартиру Морского Министра, гдѣ въ то время жилъ Керенскій, и объяснили цѣль своего пріѣзда. Имъ было предложено нѣсколько обождать въ пріемной, такъ какъ „министръ" завтракаетъ. Прождавъ часъ, офицеры спросили, долго ли имъ придется еще ждать. Оказалось, что „министръ легъ немного отдохнуть". Прошелъ еще часъ. Опять напоминаніе о своемъ „существованіи". Отвѣтъ гласилъ: „министръ уже всталъ, но спѣшно вызванъ на митингъ. Онъ сказалъ, что скоро вернется." Только черезъ полтора часа, въ пріемную вошелъ дежурный офицеръ, который, наконецъ, сообщилъ, что Керенскій проситъ пройти въ кабинетъ, куда сейчасъ придетъ.

Керенскій вошелъ туда, окруженный цѣлой свитой, со снисходительно-величественной улыбкой на лицѣ. Поздоровавшись съ делегатами и пригласивъ всѣхъ сѣсть, легкимъ наклономъ головы онъ далъ понять, что готовъ слушать.

Одинъ изъ делегатовъ началъ подробно излагать положеніе вещей, которое и тогда имѣло уже катастрофическіе симптомы. Казалось бы, что эти свѣдѣнія не могли не интересовать морского министра и главу государства. Вѣдь, ему говорили офицеры, только-что прибывшіе съ мѣста и отлично знакомые съ состояніемъ флота. Кромѣ того, это была не случайная бесѣда, а спеціальное сообщеніе уполномоченныхъ отъ офицеровъ Балтійскаго флота; такимъ образомъ, ихъ устами какъ-бы говорили всѣ наши офицеры.

Проговоривъ нѣсколько минутъ, делегатъ взглянулъ на „министра" и . . . осѣкся. На блѣдномъ, безцвѣтномъ, съ маленькими глазками, лицѣ „народнаго вождя", онъ прочиталъ не только безразличіе, но и смертельную скуку: скоро ли, молъ, меня оставятъ въ покоѣ. . . Было ясно видно, что ему рѣшительно все равно и до делегатовъ, и до пославшихъ ихъ офицеровъ, и до самаго флота.

Нѣсколько минутъ длилось глубокое молчаніе. Офицеры ждали со стороны Керенскаго хоть малѣйшей реплики, чтобы знать, продолжать ли говорить дальше. Однако, Керенскій былъ точно въ забытьѣ. Тогда, кто-то изъ лицъ его свиты почтительно напомнилъ ему, что „докладъ уже конченъ". Очнувшись, тотъ пробормоталъ нѣсколько словъ благодарности за „столь цѣнную информацію" и сталъ прощаться.

Офицеры вышли въ полномъ недоумѣніи и молча переглянулись. Они поняли, что, если во главѣ арміи и флота останется присяжный повѣренный, то добра ждать нечего. Пожалуй, любая делегація отъ „товарищей-матросовъ", съ требованіемъ объ увеличеніи жалованія или пайка, встрѣтила бы другое отношеніе; но что за смыслъ было „возиться" съ офицерами!

Увы! У власти стоялъ не „Монкъ", а просто . . . Керенскій.

Іюль ознаменовался тѣмъ, что Временное правительство, наконецъ, отстранило отъ командованія флотомъ Максимова и назначило на его мѣсто Контръ-Адмирала Д. Н. Вердеревскаго. Смѣна не обошлась безъ инцидента. Максимовъ сперва категорически воспротивился этому. Онъ былъ поддержанъ сильно обольшевистившимся дредноутомъ „Петропавловскъ", который даже ультимативно заявилъ, что откроетъ огонь по „Кречету", если только въ должность вступитъ новый Командующій флотомъ. При этомъ „Петропавловскъ" демонстративно поднялъ второй флагъ Командующаго флотомъ.

Адмиралу Вердеревскому пришлось долго уговаривать Максимова. Въ концѣ-концовъ, тотъ согласился и послалъ телеграмму на „Петропавловскъ“, которой „умолялъ“ спустить флагъ и подчиниться новому Командующему. Инцидентъ былъ исчерпанъ, и Адмиралъ Вердеревскій вступилъ въ командованіе.

Новый Командующій хорошо понималъ положеніе, въ которомъ находился флотъ. Съ первыхъ же шаговъ ему стало ясно, что едва ли уже теперь, послѣ хозяйничанія Максимова, можно что-либо измѣнить къ лучшему. Дни проходили въ непрерывныхъ переговорахъ и уговорахъ: на разныхъ корабляхъ, то и дѣло, возникали самыя невѣроятные конфликты и недоразумѣнія. Только и приходилось что-нибудь улаживать, объяснять, разъяснять и доказывать.

Въ это время, въ Гельсингфорсѣ, собрался 1-ый Съѣздъ представителей всѣхъ портовъ и частей Балтійскаго флота. Пріѣхали и кронштадскіе представители, изъ-за которыхъ начались новыя недоразумѣнія. Они требовали введенія мѣръ демократизаціи, самочинно проведенныхъ ими въ Кронштадтѣ: уничтоженія каютъ-компаній и передачи ихъ въ пользованіе матросовъ, уничтоженія чиновъ, и наконецъ, уничтоженія должности Командующаго флотомъ. Только благодаря представителямъ Минной Дивизіи, Бригады Крейсеровъ и вліянію самого Командующаго флотомъ, удалось отклонить эти пожеланія.

Въ началѣ августа, въ Петроградѣ, вспыхнуло первое возстаніе большевиковъ. Временное правительство очутилось въ очень критическомъ положеніи и, въ моментъ паники, потребовало, отъ Командующаго флотомъ немедленной присылки нѣсколькихъ миноносцевъ. Центробалтъ энергично возсталъ противъ поддержки правительства, и команды не пожелали идти. Тѣмъ временемъ правительство одержало верхъ. Почувствовавъ подъ собою почву, оно потребовало отъ Адмирала Вердеревскаго отчета и приказало ему явиться въ Петроградъ.

Адмиралъ немедленно отправился туда на миноносцѣ и, по приходѣ, сейчасъ же поѣхалъ на квартиру Морского Министра. Тамъ его встрѣтилъ только дежурный офицеръ, хотя всѣмъ заранѣе уже было извѣстно о его прибытіи. Дежурный офицеръ ничего не могъ объяснить толкомъ и имѣлъ растерянный видъ. Вдругъ, черезъ нѣсколько минутъ, въ комнату, во главѣ солдатъ, вошелъ караульный офицеръ, который объявилъ Адмиралу, что онъ арестованъ, именемъ Временнаго правительства. Вердеревскій былъ отведенъ въ одну изъ пустыхъ квартиръ въ домѣ Морского Министерства.

Этотъ арестъ страшно возмутилъ не только офицеровъ, но и команды. Немедленно былъ потребованъ отчетъ уже отъ самаго Керенскаго. Послѣ нѣсколькихъ настойчивыхъ запросовъ,

наконецъ пришелъ отвѣтъ, что Адмиралъ обвиняется въ государственной измѣнѣ, и что для разбора дѣла назначено чрезвычайное слѣдствіе. Первые дни казалось, что ему угрожаетъ серьезная опасность, но потомъ какъ-то вышло, что слѣдствіе ни къ чему не привело, и Адмиралъ былъ выпущенъ на свободу, а позже, даже сдѣланъ Морскимъ Министромъ.

Вмѣсто Адмирала Вердеревскаго, на должность Командующаго флотомъ былъ назначенъ самый популярный въ то время адмиралъ — Начальникъ Минной Дивизіи, А. В. Развозовъ.

112. Командующій Балтійскимъ Флотомъ, Вице-Адмиралъ А. В. Развозовъ.

Его назначенію радовались всѣ офицеры и команды, ибо онъ какъ нельзя лучше подходилъ для роли Командующаго флотомъ въ такое тревожное время.

Стали надѣяться, что ему авось что-нибудь удастся сдѣлать для флота.

Дѣйствительно, первое время какъ будто начался просвѣтъ. Адмиралъ умѣлъ вліять не только на команды, но даже и на демагоговъ различныхъ комитетовъ и совѣтовъ. Онъ какъ бы забралъ комитеты въ руки, тѣмъ болѣе, что на нихъ очень сильно импонировала та поддержка, которую находилъ Развозовъ въ командахъ миноносцевъ.

26-го августа въ Петроградѣ опять вспыхнуло возстаніе. Сперва даже нельзя было разобраться, кто противъ кого возсталъ, но понемногу стало все выясняться. Оказалось, что

Керенскій, предварительно сговорившись съ Генераломъ Корниловымъ, когда дѣло дошло до дѣйствій, жестоко спровоцировалъ и предалъ Генерала. Въ свое оправданіе, онъ разослалъ по всѣмъ арміямъ и флоту юзограмму, въ которой говорилось, что Корниловъ потребовалъ отъ него передачи всей полноты власти ему, съ тѣмъ, чтобы по своему усмотрѣнію составить новое правительство. „Усмотрѣвъ въ этомъ предъявленіи требованій угрозу завоеваніямъ революціи“, — писалъ Керенскій — „я, для спасенія Родины, Свободы и Республиканскаго строя, по уполномочію Временнаго Правительства рѣшилъ принять энергичныя мѣры“.

Въ чемъ же заключались эти энергичныя мѣры? — Въ провокаціи и предательствѣ.

При посредствѣ пропаганды между нижними чинами, ему удалось расшатать шедшій на Петроградъ Конный Корпусъ Генерала Крымова, и остановить его продвиженіе. Послѣ этого онъ вызвалъ Крымова для объясненій. Во время нихъ, награжденный Генераломъ пощечиной, Керенскій, какъ говорятъ, поспѣшилъ „укрыться“ подъ столъ. Въ этотъ моментъ, сзади, съ револьверомъ въ рукахъ, бешумно прокрался Б. Савинковъ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и Крымовъ, пораженный въ спину, упалъ замертво. На выстрѣлы, въ комнату вбѣжали юнкера Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, которые какъ разъ несли тамъ караулъ, а съ другой стороны — солдаты. Савинковъ сейчасъ же вышелъ, а Керенскій, придерживая распухшую щеку, объяснилъ, что Генералъ только-что покончилъ съ собой. Вслѣдъ затѣмъ были арестованы въ Ставкѣ самъ Корниловъ и рядъ другихъ генераловъ. Послѣ временно принявшаго должность Главнокомандующаго, Алексѣева, на это мѣсто былъ назначенъ извѣстный своими большевистскими тенденціями, генералъ Клембовскій.

Корниловское выступленіе имѣло для насъ, морскихъ офицеровъ, самыя печальныя послѣдствія. Такимъ удобнымъ случаемъ, какъ „контръ-революціонный заговоръ генераловъ“, сейчасъ же не преминули воспользоваться большевистскіе агенты. Отъ всѣхъ офицеровъ была отобрана подписка о признаніи Временнаго правительства и непричастности ихъ къ Корниловскому выступленію. Очевидно, было разсчитано на то, что часть офицеровъ откажется выполнить требованіе, а тогда можно будетъ использовать это въ цѣляхъ агитаціи.

Фактически, морскіе офицеры никакъ не могли участвовать въ этомъ выступленіи и даже ничего заранѣе не знали; но вполнѣ понятно, что когда оно произошло, то всѣ въ душѣ ему сочувствовали.

Было очень тяжело отказаться отъ него и лишній разъ подтвердить свое подчиненіе Временному правительству, кото-

рое всѣ презирали. Однако, этотъ вопросъ надо было рѣшить немедленно, такъ какъ уже вставали грозные признаки новой расправы съ офицерами.

Командующій флотомъ, находившійся тогда въ Ревелѣ, учитывая такой моментъ, поспѣшилъ издать приказъ, въ которомъ напоминалъ, что, во время войны, офицеры должны быть въ сторонѣ отъ всякой политики и только исполнять свое прямое дѣло. Этимъ онъ какъ бы отстранялъ всѣхъ морскихъ офицеровъ отъ участія въ событіяхъ. Мы подписали подчиненіе Временному правительству.

Тѣмъ не менѣе, безъ эксцессовъ не обошлось. Въ Або, по подозрѣнію въ сочувствіи Корниловскому выступленію, былъ разстрѣлянъ Лейтенантъ А. И. Макаревичъ, а на „Петропавловскѣ", якобы, за отказъ дать подписку, арестованы и тоже разстрѣляны — Лейтенантъ Б. П. Тизенко и Мичманы Д. Кандыба, К. Михайловъ и М. Кондратьевъ.

Арестъ и убійство этихъ офицеровъ командой „Петропавловска" произошли при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

30-го августа, когда, въ сущности, Корниловское выступленіе было уже ликвидировано, судовой комитетъ „Петропавловска" созвалъ общее собраніе команды. Предсѣдатель его объявилъ, что революціонный комитетъ въ Гельсингфорсѣ постановилъ отобрать отъ всѣхъ офицеровъ подписку въ томъ, что они не подчиняются генералу Корнилову, а будутъ исполнять только распоряженія совѣтовъ. Команда, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, вынесла громкую резолюцію съ требованіемъ немедленной смертной казни Корнилову, и передачи всей власти совѣтамъ.

Послѣ собранія, члены судового комитета обратились къ старшему офицеру съ вопросомъ, когда офицеры подпишутъ эту резолюцію. Имъ было сказано, что они вынесутъ и огласятъ свою собственную, а не предъявленную. Немного спустя, въ каютъ компаніи собрались всѣ офицеры и вынесли слѣдующую резолюцію: „Относясь отрицательно къ выступленію генерала Корнилова, вызывающему гражданскую войну, офицеры не подчиняется его распоряженіямъ, а будутъ исполнять приказанія Правительства, дѣйствующаго въ согласіи со Всероссійскимъ Центральнымъ Исполнительнымъ комитетомъ Совѣта Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ депутатовъ."

Ее подписали всѣ офицеры, кромѣ Мичмановъ Кандыбы и Кондратьева. Въ концѣ-концовъ удалось уговорить и ихъ; такимъ образомъ, она была подписана всѣми.

Послѣ завтрака, около часу дня, судовой комитетъ, пригласилъ офицеровъ къ себѣ, и тамъ ему была передана ихъ резолюція. Она не удовлетворила ни комитетъ, ни присут-

ствовавшую команду: они требовали, чтобы офицеры подписали именно ихъ резолюцію.

Пренія длились полтора часа и привели къ тому, что офицеры согласились добавить къ своей резолюціи еще фразу: „. . . и приказанія Центральнаго Исполнительнаго Комитета, въ согласіи съ мѣстными организаціями и выбранными ими органами.“

Во время преній, въ присутствіи комитета и большого количества команды, конечно, не могло быть и рѣчи о какихъ-либо переговорахъ офицеровъ между собою. На перенесеніе же этого вопроса опять въ каютъ-компанію не соглашался комитетъ. Офицерамъ приходилось рѣшать и дѣйствовать самостоятельно.

Въ результатѣ, новую резолюцію, уже съ добавленіемъ, не пожелали опять подписать Мичманы Кандыба и Кондратьевъ, а также Лейтенантъ Тизенко, который только-что пріѣхалъ изъ отпуска и прямо съ вокзала, попалъ на собраніе; въ подписаніи первой резолюціи онъ не участвовалъ.

Эти три офицера подали особое заявленіе: „1. Мы, нижеподписавшіеся, обязуемся безпрекословно подчиняться всѣмъ боевымъ, направленнымъ противъ внѣшняго врага Россіи, приказаніямъ Командующаго флотомъ, назначеннаго Временнымъ правительствомъ, опирающимся на центрально-демократическій органъ; 2. Не желая проливать кровь русскихъ гражданъ, совершенно отказываемся отъ всякаго активнаго участія во внутренней политикѣ страны; 3. Рѣшительно протестуемъ противъ обвиненія насъ въ какихъ-либо контръ-революціонныхъ взглядахъ и просимъ намъ дать возможность доказать нашу преданность Россіи посылкою насъ на Церельскій фронтъ, въ самое непосредственное соприкосновеніе съ внѣшнимъ врагомъ нашей родины.“

Мичманъ Михайловъ, который все это время стоялъ на вахтѣ, по какимъ-то соображеніямъ тоже подписалъ не общеофицерскую резолюцію, а отдѣльное заявленіе.

Тогда было созвано общее собраніе команды, на которомъ предсѣдатель огласилъ какъ общую резолюцію офицеровъ, такъ и отдѣльное заявленіе. Выслушавъ ихъ, матросы отнеслись къ нимъ совершенно спокойно, а потому офицеры считали, что вопросъ уже исчерпанъ.

Вечеромъ началась агитація. 4-ая рота заявила, что она не желаетъ имѣть въ своемъ составѣ Лейтенанта Тизенко и Мичмана Кандыбу и требуетъ назначенія новаго ротнаго командира. Одновременно, команда запретила Тизенко и Кандыбѣ съѣзжать на берегъ.

На слѣдующее утро, старшій офицеръ позвалъ предсѣдателя судового комитета, матроса-электрика Дючкова, чтобы какъ-

нибудь уладить инцидентъ. Тотъ посовѣтовалъ переговорить съ ротами всѣмъ офицерамъ, подавшимъ отдѣльное заявленіе.

Такъ и было сдѣлано. Вскорѣ Мичманъ Кондратьевъ доложилъ старшему офицеру, что ему не удалось придти къ какому-либо соглашенію съ ротой. Остальные три офицера должны были говорить позже.

Около 11½ часовъ, къ командиру корабля, Капитану I-го ранга, Д. Д. Тыртову, пришелъ Дючковъ и заявилъ, что онъ боится самосуда и считаетъ, что будетъ лучше, если всѣ четыре офицера будутъ арестованы и отправлены на берегъ, въ распоряженіе революціоннаго комитета. Онъ добавилъ еще, что революціонный комитетъ предоставилъ рѣшить самой командѣ, удовлетворительна ли такая подписка, или нѣтъ.

Послѣ обѣда, комитетъ пригласилъ къ себѣ старшаго офицера; съ нимъ пошелъ и командиръ. Придя туда, они увидѣли тамъ всѣхъ этихъ офицеровъ. Очевидно было, что шелъ допросъ.

Имъ задавались чисто-провокаціонные вопросы, напримѣръ: „Если Командующій флотомъ перейдетъ на сторону Корнилова, то будете ли Вы исполнять его приказанія"; или — „Если Центральный комитетъ прикажетъ Вамъ идти въ Петроградъ, занятый войсками Корнилова, — исполните ли Вы такое приказаніе?" Три офицера лаконически отвѣчали: „нѣтъ, не исполнимъ", а четвертый, Кондратьевъ, сказалъ, что считаетъ подобные вопросы совершенно праздными и, во всякомъ случаѣ, исполнитъ только приказанія Командующаго флотомъ.

Противъ постановки такихъ вопросовъ, заявили протестъ командиръ, старшій офицеръ и одинъ изъ членовъ судового комитета — офицеръ. Конечно, это не помогло.

Когда опросъ былъ законченъ и составленъ протоколъ, то Кандыба и Кондратьевъ обратились къ командиру съ просьбой перевести ихъ туда, гдѣ можно воевать, а не заниматься только политикой. Слышавшій это, предсѣдатель Дючковъ сказалъ, какъ бы про себя: „Ну, что касается Кондратьева, то это можно."

Судовой комитетъ рѣшилъ ихъ окончательно арестовать, но, во избѣжаніе самосуда — отправить на берегъ, въ революціонный комитетъ.

Когда, для выслушанія протокола, собралась вся команда, среди нея стали раздаваться голоса, требовавшіе немедленнаго самосуда. Предсѣдательствовавшій Дючковъ предложилъ это голосовать. Болѣе умѣренные элементы стали возражать, но Дючковъ, не обращая на нихъ вниманія, все-таки поставилъ на голосованіе вопросъ — „отправлять ли ихъ въ революціонный

комитетъ, или немедленно убить". За второе предложенiе было всего около 30 человѣкъ, а присутствовало — 800.

Въ это время на корабль прiѣхали два представителя центробалта, до котораго дошелъ слухъ о готовящемся самосудѣ. Они потребовали, чтобы имъ были выданы офицеры, но судовой комитетъ отказалъ, говоря, что нѣтъ никакого основанiя опасаться самосуда, и что, все равно, вечеромъ, ихъ отправятъ въ распоряженiе революцiоннаго комитета. Комитетъ особенно настаивалъ на отправленiи вечеромъ, такъ какъ говорилъ, что иначе боится эксцессовъ.

Вскорѣ затѣмъ, къ старшему офицеру явился дежурный по комитету и доложилъ, что арестованные хотятъ съ нимъ говорить. Когда онъ пришелъ, они попросили его устроить имъ возможность переодѣться во все чистое, собрать умывальныя принадлежности и проститься съ каютъ-компанiей. Первыя двѣ ихъ просьбы были удовлетворены комитетомъ, а на третью — сказано, „что они еще увидятся".

У каюты Мичмана Кандыбы, гдѣ находились арестованные офицеры, все время толпились матросы. Они вели себя крайне вызывающе. Слышались угровы, брань и насмѣшки.

Старшему офицеру приходилось нѣсколько разъ требовать отъ членовъ комитета, чтобы они ихъ отгоняли.

Вечеромъ, передъ отправкой офицеровъ на берегъ, состоялся митингъ, но не на верхней палубѣ, какъ обыкновенно, а въ нижнемъ помѣщенiи. Какъ потомъ выяснилось, на немъ было постановлено разстрѣлять этихъ офицеровъ. О постановленiи команды судовой комитетъ ничего не сказалъ офицерамъ и даже скрылъ, что былъ митингъ.

Наконецъ, въ 8 часовъ 45 минутъ, былъ поданъ катеръ, и туда посажены арестованные, подъ конвоемъ шестнадцати матросовъ, выбранныхъ комитетомъ. Часть изъ нихъ была вооружена винтовками, а другая — револьверами. Предсѣдатель Дючковъ заявилъ для успокоенiя, что кромѣ того поѣдутъ члены комитета — гальванеръ Климентьевъ и комендоръ Кокинъ. Въ конвой, между прочимъ, входили гальванеръ Мамоновъ (бывшiй сельскiй учитель) и матросъ Гилевъ. Арестованныхъ слѣдовало доставить на Эспланадную пристань, противъ Марiинскаго дворца, гдѣ ихъ должны были уже ожидать представители центробалта.

Однако, вмѣсто того, чтобы идти туда, катеръ направился на Елисаветинскую пристань, въ сторонѣ отъ центра города. Увидѣвъ это, офицеры стали требовать, чтобы ихъ везли именно на Эспланадную пристань, но конвой объявилъ имъ, что они приговорены къ смерти и сейчасъ будутъ разстрѣляны.

Подъѣзжая къ пристани, Мичманъ Кондратьевъ, обладавшiй большой физической силой, прыгнулъ съ чемоданчикомъ

черезъ головы матросовъ въ воду и сталъ кричать о помощи, въ надеждѣ обратить вниманіе, рядомъ стоявшихъ частныхъ судовъ. Дѣйствительно, его крикъ былъ услышанъ, но, боясь вооруженныхъ матросовъ, никто не рѣшился оказать помощи.

Матросы на катерѣ стали ловить Кондратьева. Онъ былъ отличный пловецъ, и имъ было очень трудно его поймать; тогда они ударили его весломъ или прикладомъ и сломали лѣвую руку, между локтемъ и плечомъ. Затѣмъ Кондратьевъ былъ вытащенъ на катеръ, гдѣ матросы принялись бить его прикладами и ногами.

Когда офицеры были высажены, ихъ выстроили спиной къ морю, въ двадцати шагахъ отъ углового дома; одинъ изъ матросовъ отправился за автомобилемъ.

Имъ предложили проститься. Они только молча пожали другъ другу руки. Раздался залпъ, и Мичманы Кандыба и Кондратьевъ упали, а Лейтенантъ Тизенко и Мичманъ Михайловъ остались еще стоять. Они были всѣ въ крови.

Лейтенантъ Тизенко вскрикнулъ: „Что вы, негодяи, дѣлаете“, а у Михайлова вырвался возгласъ: „добивайте, мерзавцы, меня до конца“. . .

Матросы, какъ дикіе звѣри, бросились на офицеровъ, стали ихъ разстрѣливать въ упоръ изъ револьверовъ, колоть штыками и бить прикладами. Въ результатѣ вся грудь у нихъ была изрѣшетена пулями; каждый имѣлъ не менѣе шестнадцати ранъ. Удары наносились въ головы, отъ чего оказались пробиты черепа и выбиты зубы. Лейтенантъ Тизенко долго не умиралъ и просилъ его скорѣе добить. Нѣсколько матросовъ прикладами выбили ему зубы, сломали носъ и исковеркали все лицо.

Потомъ ихъ тѣла были посажены въ автомобиль и отвезены въ покойницкую, гдѣ и брошены на полъ.

Видъ убитыхъ былъ ужасенъ: платье изодрано въ клочья; нѣкоторые были безъ сапогъ, всѣ—грязные, и такъ изуродованы, что страшно было смотрѣть.

Приблизительно четверть часа спустя послѣ того, какъ катеръ съ арестованными офицерами отвалилъ отъ борта „Петропавловска“, командиру и старшему офицеру, находившимся какъ-разъ вмѣстѣ, было доложено, что въ районѣ порта слышна стрѣльба. Это ихъ сильно встревожило.

Вскорѣ на корабль пріѣхали два члена революціоннаго комитета: солдатъ и матросъ; оба — въ штатскомъ.

Они держали себя какъ-то странно: сперва говорили о дурныхъ слухахъ относительно „Петропавловска“, а потомъ благодарили команду за ея единодушіе и организованность.

Послѣ ихъ пріѣзда, среди команды сталъ передаваться слухъ, что всѣ четыре офицера разстрѣляны. Старшій офицеръ

немедленно потребовалъ къ себѣ Дючкова и спросилъ, что это значитъ. Тотъ, не моргнувъ глазомъ, отвѣтилъ, что рѣшительно ничего не знаетъ, и что конвою передалъ только пакетъ, который долженъ быть доставленъ вмѣстѣ съ арестованными въ революціонный комитетъ.

Тогда старшій офицеръ приказалъ ему, какъ только вернется конвой, узнать все какъ слѣдуетъ и сейчасъ же доложить.

Конвой, наконецъ, вернулся, но раньше чѣмъ явился Дючковъ, за нимъ пришлось посылать три раза. Придя, онъ лаконически заявилъ: „пакетъ-то доставили, а вотъ – офицеровъ убили"; гдѣ находятся тѣла убитыхъ, онъ говорить не хотѣлъ.

Для отысканія тѣлъ и посылки телеграммъ Командующему флотомъ и отцу Кондратьева, адресъ, котораго оказался извѣстенъ, немедленно на берегъ были отправлены два офицера. Сначала комитетъ не хотѣлъ было ихъ пускать и уступилъ только послѣ долгихъ пререканій. Было уже за полночь, и потому имъ не удалось розыскать убитыхъ.

На слѣдующее утро, 1-го сентября, на розыски былъ посланъ уже флагъ-офицеръ. Онъ отправился въ революціонный комитетъ, гдѣ ему и удалось получить копію того письма, которое далъ конвою Дючковъ. Оно гласило такъ: „При семъ препровождаются тѣла четырехъ офицеровъ, разстрѣлянныхъ по приговору команды."

Такимъ образомъ, и Дючковъ, и комитетъ, увѣряя, что всѣ ихъ дѣйствія ведутъ къ спасенію офицеровъ, нагло обманывали, какъ командира, такъ и старшаго офицера. Въ дѣйствительности же, они сами ихъ приговорили къ смерти и сами организовали разстрѣлъ, и только выполненіе его поручили уже довѣреннымъ палачамъ изъ команды.

Тому же флагъ-офицеру удалось получить и разрѣшеніе на ихъ погребеніе.

Сторожъ покойницкой, послѣ того какъ ему посулили денегъ, согласился обмыть и одѣть тѣла. При помощи пріѣхавшихъ офицеровъ корабля, они были положены въ гробы, и въ тотъ же вечеръ, на грузовикахъ, перевезены въ часовню на кладбищѣ.

3-го сентября, при огромномъ стеченіи народа, состоялись ихъ похороны. Это убійство глубоко возмутило въ Гельсингфорсѣ, не только русскихъ, но и мѣстныхъ жителей. Отдать послѣдній долгъ погибшимъ явилось много, совершенно постороннихъ флоту, лицъ. Могилы были сплошь усыпаны цвѣтами.

Убитые офицеры были еще совсѣмъ мальчики: всего 18-19 лѣтъ. Въ политикѣ они не принимали никакого участія, такъ что не было ни малѣйшаго основанія подозрѣвать ихъ въ участіи въ какихъ-либо заговорахъ. Это были жертвы звѣр-

скихъ инстинктовъ шайки преступниковъ, свившихъ себѣ прочное гнѣздо на „Петропавловскѣ“.

Несмотря на всѣ усилія офицеровъ, убійцы остались совершенно безнаказанными, ибо убійства офицеровъ правительство Керенскаго считало въ полномъ порядкѣ вещей.

Въ Казанскомъ Соборѣ, на панихидѣ по этимъ офицерамъ, кромѣ родныхъ и друзей убитыхъ, собралось такъ много молящихся, что ихъ едва могъ вмѣстить въ себѣ обширный храмъ. Въ числѣ духовенства, служившаго панихиду, былъ и отецъ одной изъ жертвъ совершившагося злодѣянія — старый, убѣленный сѣдинами, протоіерей. Невыразимо больно было глядѣть на его, носившее отпечатокъ глубокой скорби, лицо, на слезы, порою скатывавшіяся изъ глазъ по изможденнымъ старческимъ щекамъ, и слышать его голосъ.

Многіе плакали въ соборѣ. По временамъ, то здѣсь, то тамъ передавались слова „революціоннаго вождя арміи и флота“, Керенскаго, который ничего лучшаго не могъ найти, какъ сказать: „эти жертвы неизбѣжны. . . Необходимо было такимъ образомъ прорваться бурѣ народнаго негодованія“. . .

Помнитъ ли, сейчасъ, господинъ Керенскій эти слова, или можетъ быть у него хватитъ наглости отрицать, что онъ ихъ произнесъ?

Кончился инцидентъ съ Корниловымъ, и все пошло еще хуже; несмотря на всѣ усилія Адмирала Развозова, флотъ продолжалъ катиться по наклонной плоскости.

Въ сентябрѣ послѣдовало наступленіе непріятеля на Рижскій заливъ. Послѣ печальной эпопеи защиты Моонзунда, флотъ отступилъ въ Лапвикъ, вскорѣ былъ сданъ и Ревель, и тѣ корабли, которые на него базировались, перешли въ Гельсингфорсъ.

Тѣмъ временемъ, большевистская пропаганда шла полнымъ ходомъ. Корабли, все время находившіеся въ Моонзундѣ, считались далеко ненадежными въ революціонномъ отношеніи, а потому, для приведенія ихъ въ должный видъ, туда была послана извѣстная „Маруся“ Спиридонова. Опять на палубахъ послышались рѣчи: „Товарищи, не вѣрьте вашимъ офицерамъ, слѣдите за ними и, если замѣтите что-нибудь, уничтожайте ихъ.“

Немного спустя, начались выборы въ Учредительное собраніе. Организованы они были самымъ циничнымъ образомъ и происходили подъ давленіемъ и вмѣшательствомъ судовыхъ комитетовъ. Матросы могли выбирать только большевистскихъ кандидатовъ.

Что касается офицеровъ, то ихъ сравнительно было такъ мало, что эти голоса не играли никакого значенія. Они имѣли своихъ кандидатовъ — офицеровъ же, которыхъ и выбирали, хоть заранѣе уже знали, что изъ этого ничего не выйдетъ. Не выби-

рать же какихъ-нибудь Милюковыхъ, Керенскихъ, Черновыхъ, Троцкихъ, Дыбенокъ, Прошьяновъ и т. д. . .

24-го октября вспыхнуло большевистское возстаніе. На этотъ разъ центробалтъ уже самъ потребовалъ посылки миноносцевъ въ Петроградъ, но не для поддержки, а противъ Временнаго правительства, для содѣйствія большевикамъ. Миноносцы пошли, по выбору общаго собранія центробалта и представителей всѣхъ судовъ. Съ тяжелымъ сердцемъ офицерамъ пришлось вести свои корабли въ Петроградъ; но другого исхода не было. Всѣ старанія Командующаго флотомъ, убѣдить собраніе отказаться отъ этой посылки ни къ чему не привели.

Однако, офицеры этихъ миноносцевъ категорически заявили командамъ, что непосредственнаго участія въ выступленіи они не примутъ. Это не вездѣ прошло даромъ. Такъ на миноносцѣ „Дѣятельный" были арестованы всѣ офицеры, кромѣ командира, которому удалось скрыться. Ихъ отправили въ Кронштадтъ, гдѣ собирались судить, какъ „враговъ народа". Стараніями Командующаго флотомъ, эти офицеры, къ счастью, были спасены и отдѣлались только двухнедѣльнымъ арестомъ.

Придя въ Петроградъ, миноносцы ошвартовались къ различнымъ пристанямъ. Стоявшая у Франко-Русскаго завода „Аврора" перемѣнила свое мѣсто и встала на якорь посреди Невы, у Николаевскаго моста. Глазамъ обывателей представилась необычная картина превращенія Петрограда въ военный портъ. Среди нихъ съ ужасомъ передавалось, что корабли обстрѣляютъ городъ въ моментъ выступленія большевиковъ. Прохожіе вдоль набережныхъ и мостовъ боязливо косились на орудія „красной Авроры" и миноносцевъ, какъ на чудовища, готовыя каждую минуту отправить ихъ въ тотъ міръ, гдѣ „нѣтъ ни свободъ, ни революціи, ни воздыханія" . . .

Страхи, какъ всегда, оказались преувеличенными. За всѣ дни переворота, кромѣ „Авроры", ни одинъ корабль не далъ ни одного выстрѣла. „Аврора" же, дѣйствительно, для острастки, сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ, но только холостыми патронами.

Участь Временнаго правительства была уже рѣшена. Такъ энергично клявшійся умереть за революцію Керенскій, переодѣвшись не то матросомъ, не то женщиной, спѣшно удиралъ на автомобилѣ по направленію Гатчины. Засѣдавшій въ Зимнемъ дворцѣ, подъ защитой женскаго батальона, совѣтъ министровъ былъ въ полномъ составѣ арестованъ большевиками и препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость. Власть — пала.

Взвѣшивая обстоятельства переворота, нельзя не признать, что рѣшающая роль въ немъ принадлежала флоту. Не кончись такъ успѣшно возстаніе, безусловно и „Аврора", и миноносцы

не задумались бы бомбардировать Петроградъ, который не могъ оказать имъ никакого сопротивленія. Такъ или иначе, но большевики, имѣя въ своемъ распоряженіи флотъ, были обеспечены хотя бы во временномъ захватѣ столицы.

Въ связи съ переворотомъ, разсказывали очень интересный эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ Петроградѣ, въ которомъ видную роль должна была сыграть подлодка „Ершъ". Она какъ-разъ заканчивала свою постройку и стояла среди другихъ военныхъ кораблей на Невѣ. Въ это время, на „Аврору", команда которой, состояла исключительно изъ большевиковъ, переѣхали всѣ большевистскіе главари, какъ Ленинъ, Троцкій и др. Они собирались бѣжать на ней, въ случаѣ неудачи. Туда же было перевезено и „социализированное" золото, процентныя бумаги

113. Крейсеръ „Аврора".

и другія драгоцѣнности. Троцкій говорилъ командѣ, что если она спасетъ ихъ жизни, то имя „Авроры" останется безсмертнымъ въ исторіи революціи. Матросы обѣщали „камня на камнѣ не оставить" отъ Петрограда, если только одержитъ верхъ Временное правительство.

Узнавъ такое намѣреніе „Авроры", а также, что на ней находятся Ленинъ и Троцкій, небольшая группа смѣльчаковъ рѣшила обезоружить команду „Ерша", захватить подлодку и потопить „Аврору". Ихъ планъ случайно былъ открытъ. Когда объ этомъ узнали „аврорскіе затворники", то первымъ же вопросомъ ихъ было: „А какъ другія суда, все-ли надежны?" Несмотря на утвердительный отвѣтъ, они все-таки предпочли съѣхать съ крейсера и впоныхахъ чуть-было не забыли все свое добро, что вызвало дружный смѣхъ даже среди ультра-революціонной команды.

Всѣхъ офицеровъ въ Гельсингфорсѣ опять хотѣли заставить дать подписку, но на этотъ разъ уже въ неподчиненіи правительству. Однако ее удалось оттянуть, а послѣ этотъ вопросъ потерялъ свою остроту. Новый переворотъ прошелъ для офицеровъ безкровно. Къ этому періоду офицерство впало въ полную апатію, такъ какъ разсчитывать было больше не на что, и всюду казалось непроглядно темно. Съ водвореніемъ большевиковъ стало ясно, что война скоро окончится, а, слѣдовательно, смыслъ пребыванія офицеровъ на флотѣ совершенно измѣнится.

Все шло уже совсѣмъ плохо. Результаты операцій, которые всегда служатъ яркимъ показателемъ состоянія боевой силы, ясно говорили объ ея упадкѣ. Не говоря уже про сдачу Рижскаго залива и Моонзунда и потерю тамъ линейнаго корабля „Слава" и эскадреннаго миноносца „Громъ", мы за эту кампанію потеряли еще восемь боевыхъ кораблей. Въ суммѣ, если не считать тральщиковъ, это равнялось нашимъ потерямъ за всѣ три года войны.

Въ октябрѣ погибла еще одна новѣйшая подлодка „Гепардъ". Она только-что закончила ремонтъ на заводѣ и дѣлала первый переходъ. Главныя работы производились уже во время революціи, а потому велись очень небрежно. На первой же пробѣ выяснилось много недочетовъ; такъ напримѣръ, въ одномъ изъ цилиндровъ мотора была найдена забытая гайка. Обыкновенно, чтобы избѣжать такихъ случаевъ, раньше самъ экипажъ строго наблюдалъ за всѣми работами; но теперь всѣмъ было не до того: сидѣнію въ лодкѣ — предпочитали митинги и прогулки въ городѣ. Послѣ исправленія обнаруженныхъ неисправностей, командиръ все же рѣшился выйти въ походъ, но изъ него уже не вернулся.

Наконецъ, 14-го ноября, погибъ миноносецъ „Бдительный", который подорвался на непріятельской минѣ въ районѣ города Раумо и спустя полчаса затонулъ. Шлюпокъ было недостаточно, и всѣ офицеры остались на погибавшемъ миноносцѣ. Въ числѣ ихъ былъ и Начальникъ 7-го Дивизіона, Капитанъ 1-го ранга В. К. Кедровъ. Это былъ — ученый и, какъ всѣ ученые, замѣчательно разсѣянный человѣкъ. Онъ имѣлъ свои маленькія странности: изъ формы признавалъ только — коротенькій сюртучекъ, любилъ безъ конца ходить взадъ и впередъ по палубѣ, а также вертѣть, подбрасывая и ловя, коробокъ спичекъ. Когда шлюпки были уже далеко отъ почти погрузившагося миноносца, съ нихъ еще видѣли Начальника Дивизіона, который, какъ всегда, быстро ходилъ по палубѣ, играя съ коробкомъ спичекъ; только фалдочки его сюртучка развѣвались по вѣтру. Черезъ нѣсколько минутъ миноносца не стало.

Гибелью „Бдительнаго“ закончился циклъ нашихъ потерь за 1917 годъ: съ одной стороны, военныхъ дѣйствій больше не было, а съ другой — властно заявляла свои права приближавшаяся зима.

Въ серединѣ ноября управленіе Морскимъ Вѣдомствомъ было преобразовано, и во главѣ его встала „Морская коллегія“, состоявшая изъ представителей матросовъ всѣхъ морей; для рѣшенія же техническихъ вопросовъ въ нее вошелъ офицеръ, приблизительно съ правами морского министра. На эту должность былъ избранъ капитанъ 1-го ранга Модестъ Ивановъ.

19-го ноября, Ивановъ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ и поднялъ на „Гражданинѣ“ (б. „Цесаревичъ“) флагъ Морского Ми-

114. Эскадренный миноносецъ „Бдительный“.

нистра. Онъ разсчитывалъ, что къ нему немедленно явится Командующій флотомъ, но жестоко ошибся. Адмиралъ Развозовъ передалъ, что онъ его не признаетъ и, какъ представителю власти комиссаровъ, не подчинится. Возникъ конфликтъ. Центробалтъ, конечно, сейчасъ же всталъ на сторону Иванова и постановилъ отстранить отъ должности Адмирала Развозова, за непризнаніе власти Совѣта народныхъ комиссаровъ.

Тогда Командующій флотомъ собралъ у себя совѣщаніе флагмановъ. На немъ они рѣшили сложить съ себя обязанности въ случаѣ ухода Развозова. Конфликтъ обострился, что въ тотъ моментъ было весьма нежелательно. Съ одной стороны, было важно удержать А. В. Развозова у власти, а съ другой — всетаки теплилась надежда, что черезъ восемь дней, съ открытіемъ Учредительнаго собранія, наступитъ конецъ большевистской власти.

Учтя такія обстоятельства, предсѣдатель Офицерскаго Союза, командиръ линейнаго корабля „Севастополь", Капитанъ 1-го ранга П. В. Вилькенъ, отправился на „Гражданинъ", къ Иванову, чтобы уговорить его уладить инцидентъ. Ивановъ согласился, такъ какъ былъ сильно всѣмъ обезкураженъ и не зналъ, что ему предпринять дальше. П. В. Вилькенъ посовѣтовалъ ему немедленно отправиться на „Кречетъ", гдѣ какъ разъ происходило засѣданіе флагмановъ, и тамъ выяснить создавшееся положеніе.

На „Кречетѣ" Ивановъ далъ флагманамъ полный отчетъ, причемъ заявилъ, что онъ вовсе не членъ правительства большевиковъ, и назначенъ не имъ а выбранъ морскимъ съѣздомъ въ Петроградѣ. Послѣ этого флагманы согласились его признать, но только какъ выборное лицо, а не представителя Совѣта комиссаровъ. Инцидентъ былъ улаженъ, и Адмиралъ Развозовъ остался командовать флотомъ.

Личность самого капитана 1-го ранга Модеста Иванова очень любопытна. Она показываетъ — какія ничтожества пошли въ первую голову, на службу къ большевикамъ.

Ивановъ не пользовался на флотѣ ни любовью, ни уваженіемъ, и только въ молодости славился громкими скандалами. Во время послѣдней войны, командуя старымъ крейсеромъ „Діана", онъ показалъ себя только съ плохой стороны. Такъ, въ бытность крейсера въ Рижскомъ заливѣ, при появленіи непріятеля, онъ поѣхалъ къ Адмиралу и, въ присутствіи многихъ офицеровъ, сталъ доказывать, что крейсеръ не имѣетъ никакого значенія для защиты Рижскаго залива, и его надо немедленно отпустить. Онъ долго умолялъ объ этомъ, но, всетаки, къ крайнему своему огорченію, выпущенъ не былъ.

Онъ былъ очень честолюбивъ; прямо спалъ и видѣлъ себя контръ-адмираломъ. Однако, начальство какъ-то не шло навстрѣчу его мечтамъ и въ адмиралы не производило.

Когда произошла революція, Модестъ Ивановъ сталъ усиленно играть въ популярность и внушать командѣ, что ей слѣдуетъ требовать его производства въ адмиралы. Однажды, на „Діану" пріѣхалъ революціонный „управляющій морскимъ министерствомъ", Лебедевъ. Ивановъ, со свойственнымъ ему апломбомъ, сталъ требовать своего производства. Ни команда, ни Лебедевъ не помогли; его все же не производили. Лишь послѣ большевистскаго переворота онъ, наконецъ, былъ „оцѣненъ" по заслугамъ, и, какъ уже говорилось, получилъ назначеніе, что-то вродѣ морского министра[1]), а наканунѣ упраздне-

[1]) Увы! „Модестъ" скоро лишился своего „высокаго поста" и долгое время находился не у дѣлъ. Только три года спустя, опять взошла его звѣзда: онъ получилъ въ командованіе всѣ суда, находившіяся въ

нія чиновъ, былъ произведенъ . . . въ контръ-адмиралы; правда, только центробалтомъ, но все же въ адмиралы.

Послѣ большевистскаго переворота сразу же, ускореннымъ темпомъ, пошли разныя демократическія реформы. Въ первыхъ числахъ декабря, морская коллегія уже прислала декретъ объ упраздненіи должности Командующаго флотомъ и передачѣ всей власти центробалту.

Офицеры заволновались. Это казалось ужъ слишкомъ. Во главѣ всего становились грубые, невѣжественные матросы, а Адмиралъ Развозовъ, ихъ заступникъ и послѣдняя надежда, покидалъ флотъ.

4-го декабря, по этому поводу, Командующій флотомъ собралъ засѣданіе флагмановъ. Кромѣ адмирала А. Ружека, всѣ они категорически высказались противъ подобной реформы. Что касается Ружека, то онъ былъ совершенно аналогиченъ Модесту Иванову и въ адмиралы былъ произведенъ только командой.

Въ тотъ же вечеръ, въ Морскомъ Собраніи, было созвано и общее собраніе офицеровъ, чтобы рѣшить, что предпринять, и какъ не допустить этой реформы. Засѣданіе было чрезвычайно многолюдно и бурно. Многіе изъ офицеровъ прямо призывали къ открытому протесту. Настроеніе становилось все болѣе возбужденнымъ. Въ результатѣ было рѣшено ультимативно предупредить центробалтъ, что если должность Командующаго флотомъ будетъ уничтожена, то всѣ офицеры сложатъ съ себя свои обязанности.

Это сейчасъ же стало извѣстно центробалту, который прислалъ въ Морское Собраніе двухъ своихъ представителей. Они пріѣхали, когда резолюція была уже вынесена. Послѣ неудачной попытки запугать тѣмъ, что команды на корабляхъ, узнавъ про собраніе, начали волноваться, они пустились было въ объясненіе и защиту новаго проекта. Это былъ просто лепетъ, изъ котораго явствовало, что члены центробалта совершенно не разбираются въ вопросѣ. Кромѣ того было видно, какъ они смущены и испуганы возбужденіемъ многолюднаго собранія офицеровъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ даже замѣтили, что одинъ изъ нихъ передалъ другому револьверъ. Поздней ночью, собраніе, оставшись при своей резолюціи, спокойно разошлось.

На слѣдующій день выяснилось, что такъ или иначе, но подъ давленіемъ изъ Петрограда, эта реформа все равно будетъ проведена. Во главѣ военнаго отдѣла, которымъ замѣнялась оперативная часть штаба флота, долженъ былъ встать адмиралъ

распоряженіи „Чека", т. е. чрезвычайки . . . Что же! На этомъ мѣстѣ онъ, пожалуй, и будетъ полезенъ совѣтской власти.

Ружекъ. Возбужденіе офицеровъ обрушилось на него. Тогда онъ, чтобы оправдать себя, написалъ на имя предсѣдателя общаго собранія письмо, въ которомъ усиленно пытался доказать, что офицерство не разбирается въ данномъ моментѣ, когда только и возможно коллективное управленіе флотомъ.

Центробалтъ былъ сильно обезпокоенъ неожиданнымъ, протестомъ офицеровъ и старался какъ-нибудь уладить дѣло. Для этого онъ пригласилъ ихъ на общее собраніе въ Маріинскій дворецъ.

Офицеровъ собралось опять очень много, но уже въ другомъ составѣ и настроеніи. Одни изъ нихъ боялись послѣдствій энергичнаго шага; другіе – принадлежали къ числу тѣхъ, кто не брезгалъ заискивать даже у большевиковъ; только сравнительно немногіе остались тверды въ принятомъ наканунѣ рѣшеніи.

Засѣданіе обѣщало быть бурнымъ уже съ самого начала. Члены центробалта старались съ мѣстъ всячески мѣшать ораторамъ, высказывавшимся противъ реформы, и, наоборотъ, шумно поощряли ея сторонниковъ. Было очень грустно слышать рѣчи нѣкоторыхъ офицеровъ, часто уже не молодыхъ, отстаивавшихъ дѣйствія, которыя должны были въ корнѣ убить флотъ. Особенно непріятное впечатлѣніе производила рѣчь исполнявшаго должность Начальника Дивизіи Подводнаго Плаванія, Капитана 2-го ранга В. Дудкина. Съ заискивающимъ тономъ обращаясь въ сторону членовъ центробалта, онъ усиленно доказывалъ, что эта реформа не только пріемлема, но даже спасительна для флота, а потому офицеры должны ей безпрекословно подчиниться. Трудно вѣрилось, что говоритъ это старый офицеръ, капитанъ 2-го ранга. . .

Болѣе четырехъ часовъ тянулось это кошмарное засѣданіе. Центробалтъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы собраніе отмѣнило резолюцію вчерашняго дня, и чтобы офицеры согласились подчиниться реформѣ. Но этого не удалось. Новая резолюція гласила, что до тѣхъ поръ, пока вопросъ не будетъ окончательно рѣшенъ на делегатскомъ собраніи представителей всѣхъ кораблей онъ остается открытымъ; данное же собраніе его не вправѣ ни отмѣнить, ни утвердить.

Какъ и слѣдовало ожидать, изъ этого перваго и послѣдняго открытаго протеста офицеровъ Балтійскаго флота, ничего не вышло. Они были и слабы, и нерѣшительны для такихъ серьезныхъ выступленій. Они подчинились, да и не могли не подчиниться, такъ какъ были очень мало сплочены и матеріально зависѣли отъ службы. Можетъ быть, это – житейски и понятно, но грустно.

Ушелъ Адмиралъ Развозовъ, и его мѣсто занялъ наглый и глупый комиссаръ, матросъ Измайловъ. Онъ просто третиро-

валъ своего помощника, „товарища Ружека", несмотря на то, что послѣдній всячески передъ нимъ заискивалъ и лебезилъ.

Теперь флотъ катился внизъ еще быстрѣе и былъ уже на грани полнаго развала. . . Матросы, пользуясь безнаказанностью, бѣжали съ него, когда только хотѣли. На нѣкоторыхъ судахъ оставалось всего по нѣсколько человѣкъ, да и тѣ упорно ничего не хотѣли дѣлать.

Что касается офицерства, то оно сильно измѣнилось къ худшему. Далеко не всѣ изъ него сохраняли свое достоинство. Несмотря на его тяжелое положеніе, на берегу сплошь и рядомъ происходили кутежи и скандалы. Совсѣмъ молодые офицеры

115. Вице-Адмиралъ М. К. Бахиревъ и Капитанъ 1-го ранга П. М. Пленъ, въ Петроградѣ, послѣ выхода въ отставку.

старались спихнуть, при помощи команды, своихъ начальниковъ, чтобы самимъ занять ихъ мѣста. Было даже три случая, когда офицеры скрылись съ солидными казенными суммами. Стало ясно, что безъ сдерживающихъ началъ и офицерство не можетъ держаться и падаетъ все ниже и ниже.

Вслѣдъ за уходомъ Вице-Адмирала Развозова, ушелъ и Вице-Адмиралъ М. К. Бахиревъ, а съ нимъ — его популярный Начальникъ Штаба, Капитанъ 1-го ранга М. А. Беренсъ, и много еще другихъ офицеровъ. Души Флота не стало. . .

29-го января 1918 года, совѣтъ народныхъ комиссаровъ объявилъ его демобилизацію, и издалъ декретъ объ организаціи новаго, „краснаго флота", уже не подъ Андреевскимъ, а подъ краснымъ флагомъ. Декретъ начинался такъ: „Россійскій флотъ, какъ и армія, приведены преступленіями царскаго и буржуазныхъ режимовъ и тяжелой войной въ состояніи полной

разрухи, а потому флотъ, существовавшій на основаніи всеобщей воинской повинности царскихъ законовъ, объявляется распущеннымъ и организуется соціалистическій, рабоче-крестьянскій флотъ"...

„Преступленіями царскаго режима!" Какая специфическая клевета, жгучая ненависть и циничный подлогъ проглядываютъ въ этихъ словахъ! Дай Богъ, чтобы любой флотъ такъ росъ и развивался, какъ Русскій Царскій Флотъ въ послѣдніе годы передъ революціей. Никогда онъ не достигалъ еще такой силы, такой подготовки личнаго состава, такого оборудованія своихъ позицій. Все было доведено почти до совершенства. Когда началась война, мы обладали лишь горсточкой устарѣвшихъ кораблей, да нѣсколькими мелкими батареями на побережьѣ. И вотъ, черезъ самый короткій промежутокъ лѣтъ, лѣтъ самой тяжелой войны, которую когда-либо вела Россія, Флотъ имѣлъ уже и современные линейные корабли, и быстроходнѣйшіе въ мірѣ эскадренные миноносцы, и новѣйшія подлодки; имѣлъ и цѣлый рядъ батарей самаго крупнаго калибра на побережьѣ заливовъ. Онъ росъ не по годамъ, а по мѣсяцамъ и днямъ: то въ его строй входилъ какой-нибудь дредноутъ, то какой-нибудь „Новикъ", то — подлодка... Какимъ усиленнымъ темпомъ, и какъ планомѣрно шло созиданіе морской силы, показываетъ хотя бы то, что заводы, заваленные работой, все же, въ 1917 году, должны были сдать два линейныхъ крейсера типа „Кинбурнъ" и два крейсера типа „Свѣтлана". Возможность такого усиленія отняла у насъ только революція. Флотъ былъ силенъ своимъ духомъ, становился сильнымъ и своей матеріальной частью. Учитывая это, врагъ не смѣлъ соваться въ наши воды, а когда, только два раза — сунулся, жестоко поплатился за свои попытки...

Настала революція. Явились „буржуазные режимы" Львова и Керенскаго, зашевелились большевики. Не прошло и года, какъ отъ Флота осталось только одно печальное воспоминаніе. Шагъ за шагомъ, путемъ пропаганды и разложенія командъ, непрошенные хозяева Россіи вели его къ преступной разрухѣ. Они лишили Флотъ силы его мозга, убили въ немъ душу...

Царское Правительство умѣло создавать и создало нашу мощь, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, доведя ее до полнаго расцвѣта. Революція уничтожила всѣ плоды его долголѣтнихъ усилій, разрушила въ корнѣ все могущество страны.

Нынѣшній декретъ о созданіи „краснаго флота" говоритъ только, какъ мало способны большевики что-либо создать. Онъ показываетъ все ихъ невѣжество въ военно-морскомъ дѣлѣ. Наскоро сфабриковавъ подобный декретъ, они даже не потрудились справиться о томъ, насколько имъ это позволятъ сдѣлать ихъ рессурсы.

Такъ называемый „рабоче-крестьянскій“ флотъ долженъ быть вольнонаемнымъ, т. е. офицеры и матросы будутъ служить по контракту, причемъ получать огромныя оклады жалованія. Повидимому, большевистскіе мудрецы, составлявшіе проектъ, взяли въ основу организацію англійскаго флота до войны и, нѣсколько видоизмѣнивъ, перенесли ее на отечественную почву. Въ результатѣ, содержаніе хотя бы и сильно урѣзаннаго флота обойдется государству въ колоссальныя суммы, которыя оно никогда не будетъ въ состояніи выплатить. Вѣдь и теперь, оно ужъ сплошь и рядомъ задерживаетъ выдачи жалованія и денегъ на кормленіе. Помимо этого, декретъ уже нежизненненъ потому, что онъ опять-таки проводитъ коллективное управленіе флотомъ, несмотря на то, что, на практикѣ недавняго прошлаго, кажется, было достаточно возможностей убѣдиться въ его полной несостоятельности.

Всѣ эти попытки большевиковъ создать нѣчто новое не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Только безграмотные мужики, очутившіеся во главѣ флота, да евреи-комиссары, имѣвшіе о немъ весьма своеобразное понятіе, и могли придумать такую нелѣпость.

Новыя реформы проходили туго. Демократическіе органы управленія флотомъ оказывались совершенно непригодными къ жизни.

Въ январѣ, въ Финляндіи, вспыхнуло большевистское возстаніе. Центробалтъ старался поддержать его не только матеріально, но и людьми. Однако, матросы шли въ финскія красныя войска очень неохотно; наблюдались лишь единичные случаи.

Къ концу февраля, стали доходить угрожающіе слухи о неудачахъ финскихъ красныхъ, о продвиженіи арміи Генерала Маннергейма и предстоящемъ германскомъ десантѣ. На корабляхъ среди командъ началось безпокойство и недовольство центробалтомъ. По иниціативѣ командъ Минной Дивизіи, стали собираться митинги, на которыхъ открыто говорилось о необходимости возвращенія Адмирала Развозова на постъ Командующаго флотомъ.

Дезорганизація власти сказывалась во всемъ. Характерными примѣрами въ этомъ отношеніи, явились случаи побѣговъ ледоколовъ „Волынецъ“ (б. „Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ“) и „Сампо“, которые передались на сторону бѣлыхъ финляндцевъ. Въ Гельсингфорсѣ повсюду шла бойкая распродажа различнаго казеннаго имущества съ кораблей и изъ порта. Продавались: продукты, матеріалы, масла, топливо, мебель каютъ-компаній, револьверы, винтовки и пулеметы. Бывали случаи, когда судовые комитеты продавали даже шлюпки. Никому и въ голову изъ нихъ не приходило, что они совершаютъ преступленіе; все казалось въ порядкѣ вещей. „Вѣдь, это — все наше, народ-

ное" — говорили матросы, когда кто-либо изъ офицеровъ пытался остановить грабежъ.

Лучше всѣхъ держалась Минная Дивизія. Благодаря ей было собрано общее собраніе представителей всѣхъ судовыхъ командъ и членовъ центробалта, которое постановило просить Адмирала Развозова вернуться.

Передъ Адмираломъ всталъ трудный вопросъ: принять ли предложеніе, или отказаться отъ него. Было ясно, что улучшить положеніе флота уже нельзя, но долгъ передъ родиной повелѣвалъ сдѣлать все, чтобы спасти его отъ расхищенія и возможнаго захвата непріятелемъ. Скрѣпя сердце, Адмиралъ согласился, но предупредилъ собраніе, что совѣтской власти онъ все же не признаетъ.

Такой неожиданный поворотъ на флотѣ сильно обезпокоилъ Смольный, который немедленно послалъ на флотъ комиссара Раскольникова съ тѣмъ, чтобы тотъ, такъ или иначе, но убралъ Развозова. Пріѣхавъ въ Гельсингфорсъ, Раскольниковъ отправился на „Штандартъ", на которомъ помѣщался центробалтъ. Созвавъ засѣданіе, онъ выразилъ ему неудовольствіе за недосмотръ, а потомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ членовъ, пошелъ на „Кречетъ". Тамъ, случайно, въ корридорѣ, онъ встрѣтилъ Адмирала, подойдя къ которому, сразу же задалъ вопросъ: „Признаете ли Вы власть народныхъ комиссаровъ?" Адмиралъ, не задумываясь, отвѣтилъ: „Конечно, нѣтъ; я, вѣдь, объ этомъ уже заявилъ при своемъ избраніи"...

Въ ту же ночь, Адмиралъ Развозовъ былъ арестованъ. По требованію командъ, онъ былъ выпущенъ на слѣдующій день, но на постъ Командующаго флотомъ больше не вернулся. Раскольниковъ сейчасъ же заставилъ центробалтъ собрать новое общее собраніе, въ которомъ приняли участіе только команды, настроенныя противъ Адмирала, и вооруженная охрана центробалта. Ужъ при одномъ ея давленіи могло быть вынесено какое-угодно постановленіе. Новая резолюція гласила о смѣщеніи Адмирала Развозова и о передачѣ всей власти центробалту.

Оперативная часть перешла къ Капитану 1-го ранга А. М. Щастному, какъ старшему въ бывшемъ штабѣ Командующаго флотомъ. Благодаря совершенной непригодности центробалта къ управленію флотомъ, особенно въ такой серьезный моментъ, онъ сталъ распоряжаться имъ почти самостоятельно.

21-го марта германскій флотъ появился предъ Гангэ и высадилъ десантъ. При его приближеніи были уничтожены находившіяся тамъ подлодки — „АГ 11", „АГ 12", „АГ 15" и „АГ 16", а также ихъ матка — пароходъ „Оландъ" и сторожевое судно „Ястребъ".

Немедленно, къ Вице-Адмиралу Мейреру, командовавшему окупаціонной эскадрой, выѣхала делегація, состоявшая изъ нѣсколькихъ офицеровъ и матросовъ.

Этой делегаціи было передано требованіе, чтобы къ 30-му марта весь русскій флотъ покинулъ Гельсингфорсъ; тѣ же корабли, которые по своему состоянію принуждены будутъ остаться, должны въ условленный часъ поднять флагъ „Щ“. Это значило, что на нихъ осталось минимальное количество команды, необходимое лишь для охраны, и то, что они не примутъ никакого участія въ борьбѣ нѣмцевъ съ финскими красными. Въ случаѣ неисполненія этихъ требованій, германскій Адмиралъ угрожалъ принять активныя мѣры.

По возвращеніи делегаціи, Капитанъ 1-го ранга Щастный рѣшилъ во что бы то ни стало вывести всѣ корабли въ Кронштадтъ. Совершенно не считаясь ни съ двусмысленными приказаніями Москвы, требовавшей то вывода, то оставленія флота, ни съ опредѣленнымъ давленіемъ со стороны англичанъ, требовавшихъ его уничтоженія, Щастный приступилъ къ выполненію такой трудной задачи.

Началась лихорадочная подготовка къ предстоящему переходу. Ледъ еще былъ довольно прочный, въ особенности отъ Гогланда до Кронштадта, а потому сильно опасались, что часть кораблей, не осиливъ его, затонетъ во время пути. Однако, разсуждать не приходилось; затихъ даже центробалтъ. Было рѣшено послать всѣ суда, даже и тѣ, которые стояли въ ремонтѣ, съ разобранными машинами. Они должны были идти на буксирѣ ледоколовъ.

Работа кипѣла. Команды, напуганныя слухами что нѣмцы будутъ вѣшать матросовъ, безъ суда и слѣдствія, работали такъ, какъ не работали и въ доброе старое время. Одинъ за другимъ, корабли быстро изготовлялись къ выходу въ море.

Въ порту творилось что-то невообразимое. День и ночь тамъ грузились баржи и подводы; грузились провизіей, углемъ и всѣмъ, что только можно было захватить на корабли. Это дѣлалось безъ всякой системы и учета: масса продуктовъ пропадала, многое раскрадывалось и подъ шумокъ продавалось на сторону частнымъ лицамъ. Всѣ думали только о томъ, какъ бы побольше захватить и награбить.

На многихъ корабляхъ всевозможнымъ добромъ были завалены всѣ палубы, каюты и корридоры. Между прочимъ, на одномъ ихъ линейныхъ кораблей возникъ вопросъ — куда дѣвать огромные запасы муки, чтобы она не подмокла. Думали недолго: рѣшено было спрятать въ . . . орудійныя башни. Въ результатѣ многіе механизмы оказались испорченными.

Въ моментъ ухода флота, англичане вывели къ маяку Грохара и взорвали тамъ свои подлодки — „Е 1“, „Е 8“, „Е 9“

и „Е 19“. Кромѣ этихъ, большихъ подлодокъ, ими были уничтожены еще и маленькія — „С 26“, „С 27“ и „С 35“.

Невольно вспоминаются прошлыя заслуги англійскихъ подлодокъ и та помощь, которую онѣ оказали нашему флоту. Находясь въ Балтійскомъ морѣ и работая рука объ руку съ нами, онѣ совершили много подвиговъ, нанесли огромный вредъ противнику. Въ свое время, „Е 1“ подорвала линейный крейсеръ „Мольтке“; „Е 8“ потопила крейсеръ „Принцъ Адальбертъ“; „Е 9“ потопила крейсеръ „Гела“ и подорвала линейный корабль „Поммернъ“ и — „Е 19“ потопила крейсеръ „Ундине“. Нѣкоторыя изъ нихъ потопили еще нѣсколько миноносцевъ и пароходовъ. Имъ не суждено было вернуться на родину; но онѣ сдѣлались жертвами не — врага, а русской разрухи.

Первыми, еще задолго до прихода германцевъ, ушли дредноуты. Потомъ потянулись другія большія суда: линейные корабли, крейсера, заградители и транспорты. Наконецъ, въ послѣднюю очередь — миноносцы, тральщики, яхты „Штандартъ“ и „Полярная Звѣзда“ съ членами центробалта и посыльное судно „Кречетъ“ съ А. М. Щастнымъ. Больше всѣхъ волновались и торопились члены центробалта, которые боялись, что германцы не выпустятъ яхтъ изъ Гельсингфорса и всѣхъ ихъ немедленно разстрѣляютъ.

Въ Гельсингфорсѣ осталось лишь самое незначительное число судовъ, не имѣвшихъ никакого боевого значенія. Согласно условію они, въ назначенный часъ, подняли флагъ „Щ“.

30-го марта, германская эскадра вошла на Гельсингфорскій рейдъ и, одновременно съ войсками, ея десантъ занялъ городъ.

Переходъ въ Кронштадтъ былъ особенно труденъ маленькимъ кораблямъ. Съ большимъ трудомъ ломая ледъ, они страшно медленно продвигались впередъ. При нормальныхъ условіяхъ этотъ переходъ занялъ бы всего 10-12 часовъ; теперь же многіе миноносцы совершили его въ 8-9 дней. Однако, несмотря на такія трудности, всѣ корабли благополучно дошли до Кронштадта, и только нѣсколько миноносцевъ оказались съ сильно продавленными бортами. Многіе корабли дошли, имѣя у себя самое ничтожное количество команды, едва достаточное, чтобы обслуживать котлы и машины на одну смѣну. Такъ же мало на многихъ корабляхъ было и офицеровъ — иные дошли только съ однимъ командиромъ.

Это былъ историческій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко трагическій походъ русскаго флота, такъ недавно мощнаго, въ блестящемъ состояніи, а нынѣ разрушеннаго, непригоднаго ни къ какой борьбѣ. Во время этого послѣдняго похода, во флотѣ еще разъ вспыхнула искра прежней энергіи, прежняго знанія дѣла, и личный составъ съумѣлъ привести его развалины въ послѣднюю базу.

Главная заслуга въ томъ, что флотъ былъ приведенъ въ Кронштадтъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Капитану 1-го ранга А. М. Щастному. Только благодаря его энергіи, онъ не былъ оставленъ непріятелю или затопленъ, какъ того хотѣли союзники.

Придя въ Кронштадтъ, часть судовъ перешла въ Петроградъ и расположилась тамъ вдоль всей Невы; часть же миноносцевъ и тральщиковъ была поставлена въ Шлиссельбургъ для охраны береговъ Ладожскаго озера.

Теперь флотъ оказался вблизи отъ центра власти, подъ непосредственнымъ вліяніемъ и неусыпнымъ наблюденіемъ Смольнаго. Тѣмъ не менѣе, на немъ далеко не все было спокойно, въ особенности на Минной Дивизіи. На многолюдныхъ митингахъ, на которыхъ выступали и офицеры, тамъ стали раздаваться рѣчи противъ власти комиссаровъ и призывы къ открытому возстанію. Наряду съ этимъ, готовился и планъ овладѣнія Петроградомъ послѣ переворота на флотѣ.

Смольному, конечно, сейчасъ же стало объ этомъ извѣстно. Немедленно начались аресты, какъ среди офицеровъ, такъ и среди командъ. Миноносцы, какъ ненадежные корабли, были переставлены значительно выше по теченію Невы, внѣ черты города.

Однимъ изъ первыхъ былъ арестованъ и затѣмъ отправленъ въ Москву, А. М. Щастный, которому предъявили обвиненіе въ измѣнѣ. Депутація отъ командъ, выѣхавшая туда, чтобы требовать его освобожденія, не была никуда допущена.

Обвиненіе, предъявленное А. М. Щастному было формулировано такъ:

„Щастный, совершая героическій подвигъ, тѣмъ самымъ создалъ себѣ популярность, намѣреваясь впослѣдствіи использовать ее противъ Совѣтской власти.“

Такая странная формулировка обвиненія, не можетъ не поразить каждаго здравомыслящаго человѣка, тѣмъ болѣе что на судѣ не было ни одного факта, ни одного свидѣтеля показывавшаго противъ А. М. Щастнаго. Наоборотъ, всѣ показанія въ одинъ голосъ говорили въ его пользу.

Противъ Щастнаго выступилъ только одинъ — Троцкій. У него не было фактовъ; онъ высказывалъ лишь предположенія; но все же утверждалъ, что Щастный искалъ популярности, чтобы направить ее противъ Совѣтской власти.

А. М. Щастнаго защищалъ присяжный повѣренный В. А. Ждановъ. Онъ произнесъ блестящую рѣчь. Защищать было легко, такъ какъ за подсудимаго говорилъ его подвигъ.

Присутствовавшіе ни одной минуты не сомнѣвались, что будетъ вынесенъ оправдательный приговоръ.

Когда судьи, наконецъ, удалились въ совѣщательную комнату, Троцкій, бывшій только „свидѣтелемъ“, тоже моментально шмыгнулъ туда: онъ боялся, что, подъ вліяніемъ рѣчи защитника, судьи вынесутъ оправдательный приговоръ.

Судъ вышелъ. Предсѣдатель верховнаго революціоннаго трибунала громко и раздѣльно прочиталъ смертный приговоръ.

Всѣ остолбенѣли, не хотѣли вѣрить своимъ ушамъ. Кажется, привыкли уже ко всему, но такой явной и возмутительной несправедливости никто не ждалъ.

Защитникъ спросилъ: „Куда можно обжаловать приговоръ?“ „Приговоръ революціоннаго трибунала кассаціи не подлежитъ, хотя можно еще обратиться къ президіуму центральнаго исполнительнаго комитета“ — отвѣтилъ ему, уходя, предсѣдатель.

По статуту верховнаго трибунала, приговоръ могъ быть отмѣненъ только пленарнымъ засѣданіемъ „ЦИКА“. Однако, предсѣдатель послѣдняго, Свердловъ, заявилъ, что ранѣе 24 часовъ „ЦИКА“ созванъ быть не можетъ, а по истеченіи этого срока созывать его безполезно, такъ какъ Щастнаго уже разстрѣляютъ. . .

На разсвѣтѣ, 22-го мая 1918 года, во дворѣ Александровскаго Военнаго Училища, Щастнаго разстрѣляли; разстрѣляли — за спасеніе Балтійскаго Флота.

Броженіе на флотѣ и, главнымъ образомъ — на миноносцахъ, продолжалось еще до начала іюля. Послѣ цѣлаго ряда арестовъ среди офицеровъ и командъ, а также бѣгства отъ почти неминуемаго разстрѣла одного изъ главныхъ иниціаторовъ возмущеній, Лейтенанта Г. Н. Лисаневича, флотъ окончательно замеръ, т. е. сталъ только сборищемъ кораблей, безъ руководителей и личнаго состава. Кронштадтъ и Петроградъ превратились въ кладбище его прошлой мощи и славы, а сами корабли — въ живые трупы. . .

XXIV.

Офицерскій составъ флота. Его отношеніе къ перевороту. Офицеры-ренегаты. Причины признанія Временнаго правительства. Взаимоотношенія между офицерами и матросами. Борьба за вліяніе на команды. Офицеры въ революцію. Типъ русскаго матроса. Его воспитаніе. Условія жизни и службы на кораблѣ. Пропаганда на флотѣ. Аналогія между русскимъ и французскимъ флотами въ революціи. Рѣчь эмигранта Лебедева. Взглядъ матросовъ на революцію. Ея вліяніе на нихъ. Общественное мнѣніе о матросахъ. Нагорный и Сѣдневъ. Сапунъ. Железняковъ. Типъ революціоннаго матроса. Матросы, какъ часть народа.

Неожиданный взрывъ революціи, перевернувшій весь укладъ жизни Русскаго Государства, поставилъ всѣхъ офицеровъ въ тяжелое положеніе; особенно — морскихъ. Они росли и воспитывались въ традиціяхъ монархическаго строя, принесли Присягу на вѣрность Царю и Родинѣ и никогда не допускались до политики. Поэтому, они были совершенно чужды тѣхъ лозунговъ, которые были выдвинуты революціей.

Временное правительство встрѣтило ихъ недоброжелательно и съ полнымъ недовѣріемъ, сказавшемся въ оскорбительномъ отношеніи и натравливаніи на нихъ подчиненныхъ. Это не могло завоевать симпатій, и, съ первыхъ же дней, офицеры стали къ нему въ оппозицію. Вскорѣ, однако, убѣдившись, что безъ офицеровъ никакая военная сила немыслима и будетъ только разнузданной толпой, правительство стало заискивать передъ ними.

Среда морскихъ офицеровъ была очень однородной. Большинство изъ нихъ были кадровые офицеры, вышедшіе изъ Морского Корпуса. Война не повліяла на такую однородность, такъ какъ за все время потерь было очень мало. Такимъ образомъ, всѣ главныя должности, какъ напримѣръ — начальниковъ бригадъ, дивизій, отрядовъ, командировъ судовъ, старшихъ офицеровъ и спеціалистовъ, были заняты кадровыми офицерами. Только младшій составъ на корабляхъ былъ частью

изъ мичмановъ „военнаго времени“, да должности въ тылу флота замѣщались офицерами изъ запаса, моряковъ торговаго флота и произведенныхъ кондукторовъ.

Такимъ образомъ, въ общей массѣ офицерство было монархично и совершенно не сочувствовало перевороту. Только среди офицеровъ „военнаго времени“, въ число которыхъ вошло довольно много студентовъ, были его сторонники. Между прочимъ, именно среди нихъ выдѣлился мичманъ Ильинъ (Раскольниковъ), который, какъ потомъ оказалось, сталъ морскимъ офицеромъ только для того, чтобы удобнѣе вести революціонную агитацію.

Но и среди кадровыхъ офицеровъ встрѣтились такіе, что рѣшили использовать революцію и сразу „перекрасились“, т. е. стали ярыми сторонниками новой власти. Здѣсь были и молодые, и старые офицеры, которымъ въ прежнее время по службѣ „не везло“, а потому они считали себя обиженными. Теперь всѣ они, не гнушаясь никакими средствами, стремились сдѣлать карьеру. Можно привести цѣлый рядъ именъ офицеровъ, запятнавшихъ себя своимъ поведеніемъ во время революціи, напримѣръ: Вице-Адмиралъ А. Максимовъ (революціонный командующій флотомъ), Контръ-Адмиралъ В. Альтфатеръ (прежде — состоявшій при Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго, впослѣдствіи — правая рука Троцкаго); Капитаны 1-го ранга: А. Немитцъ (нынѣ командуетъ совѣтскимъ краснымъ флотомъ и имѣетъ орденъ краснаго знамени), А. Ружекъ (коммунистъ), Модестъ Ивановъ (командуетъ судами, находящимися въ распоряженіи „ЧЕКИ“) и В. Шельтинга (коммунистъ); Капитаны 2-го ранга: В. Мякишевъ (агентъ „ЧЕКА“), баронъ В. Майдель, Н. Третьяковъ и Н. Пини; Старшіе Лейтенанты: В. Янковичъ, Б. Радзіевскій и К. Василевскій; Лейтенанты С. Калакуцкій (агентъ „ЧЕКА“), Б. Элленбогенъ и П. Ламановъ; Подполковникъ корпуса гидрографовъ А. Ножинъ (коммунистъ) и Прапорщикъ С. Гарфильдъ (одинъ изъ главныхъ дѣятелей переворота въ Гельсингфорсѣ) и т. д.

Врядъ ли, однако, большевистское правительство имѣетъ въ нихъ надежныхъ слугъ. Съ той же легкостью, съ которой они въ первый разъ измѣнили своимъ старымъ взглядамъ, они измѣнятъ и во второй и третій разы, едва почувствуютъ первое колебаніе власти.

Главная масса офицерства признала переворотъ и Временное правительство только потому, что считало его принявшимъ власть законнымъ порядкомъ и совершенно не знало закулисной стороны. Офицерамъ казалось, что Государь добровольно отрекся отъ Престола, и добровольно передалъ Власть.

Знай же они, что Власть захвачена Временнымъ правительствомъ насильно, большинство изъ нихъ продолжало бы твердо

стоять за Государя. Весь переворотъ былъ произведенъ за спиною офицеровъ, которые были всецѣло поглощены войной и не могли ждать никакой революціи. Они были глубоко преданы Государю и любили Его, и хотя бы уже потому переворотъ не встрѣтилъ среди нихъ сочувствія. За нихъ рѣшили главнокомандующіе, командующіе и другія высшія начальствующія лица, на которыхъ и лежитъ вся отвѣтственность. Офицеры явились только статистами въ этой величайшей трагедіи, разыгранной либеральными кругами русскаго общества, при благосклонномъ содѣйствіи союзниковъ.

Кто думаетъ, что офицеры только потому были такъ привержены Монархіи, что она давала имъ хорошее положеніе и матеріальныя выгоды — тотъ ошибается. Они были убѣжденными монархистами, такъ какъ, кромѣ всего остального, понимали, что для Россіи, при ея самобытности, только Царская Власть могла и можетъ дать спокойное развитіе и силу. Они понимали все безуміе проведенія утопическихъ идей соціализма, отрицанія отечества и признанія какого-то „всемірнаго 3-го интернаціонала".

Многіе изъ нихъ, уже въ самомъ началѣ революціи, ушли бы изъ Флота, еслибы не война. Они остались только изъ-за чувства долга въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ Родины. Но, оставшись, они какъ бы не замѣчали того, что творилось вокругъ, совершенно игнорировали „всѣхъ и вся" отъ революціи.

Виднымъ представителемъ такой части офицерства прежде всего былъ Вице-Адмиралъ М. К. Бахиревъ, который и въ революцію являлся исключительно Адмираломъ Службы Его Величества. Изъ всѣхъ его дѣйствій, разговоровъ и отношеній къ революціоннымъ порядкамъ неизмѣнно вытекало полное презрѣніе. Команды какъ-то сразу поняли, что съ Адмираломъ разговоры будутъ коротки и все равно ни къ чему не приведутъ; поэтому, онѣ „махнули на него рукой", тѣмъ болѣе, что признавали за нимъ недюжинныя военныя способности.

Наряду съ Адмираломъ Бахиревымъ, все время находился и бывшій командиръ „Новика", а тогда — командиръ „Петропавловска", Капитанъ 1-го ранга М. А. Беренсъ. Онъ тоже никакъ не могъ примириться съ революціонными вѣяніями.

М. А. Беренсъ былъ очень любимъ командой своего корабля и пользовался полнымъ авторитетомъ не только среди нея, но и на всемъ Флотѣ. Агитація не могла бы ему повредить: матросы, просто-на-просто „заткнули бы глотку" любому „крикуну". Но, въ одинъ прекрасный день, такое отношеніе смѣнилось сильной враждой. Безъ вѣдома команды, М. А. Беренсъ принялъ на корабль одного офицера. По этому поводу судовой комитетъ, потребовавъ отъ него объясненій, заявилъ, что ко-

манда не желаетъ этого офицера. Беренсъ молча выслушалъ членовъ комитета и спокойно отвѣтилъ: „А команду я не спрашиваю; это — не ея дѣло". Въ тотъ же день, по постановленію комитета, онъ былъ арестованъ. Тогда штабъ флота, опасаясь печальныхъ послѣдствій, добился его перевода на „Кречетъ". Вслѣдъ затѣмъ, М. А. Беренсъ получилъ другое назначеніе.

Среди молодыхъ офицеровъ, своей нетерпимостью къ „завоеваніямъ революціи" особенно выдѣлился Лейтенантъ Г. Н. Лисаневичъ. Онъ не останавливался ни передъ чѣмъ и не разъ находился на волоскѣ отъ смерти, отъ которой спасался только благодаря своей храбрости и находчивости.

Однажды, идя въ формѣ по одной изъ улицъ Гельсингфорса, онъ увидѣлъ, что въ подъѣздъ какого то дома непрерывно идутъ матросы, солдаты, русскіе рабочіе, и даже финны. Онъ заинтересовался узнать, въ чемъ дѣло и, когда оказалось, что тамъ происходитъ митингъ, вошелъ туда вмѣстѣ съ остальными.

Залъ былъ переполненъ. Съ импровизированной трибуны неслись самыя зажигательныя рѣчи. До тѣхъ поръ, пока только восхваляли революцію, Лисаневичъ сдерживался, но только кто-то попробовалъ заикнуться о „преступленіяхъ стараго режима", Лейтенантъ былъ тутъ-какъ-тутъ. Перебивъ оратора, онъ съ мѣста принялся возражать ему въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Въ первую минуту собраніе „обалдѣло" отъ такой дерзости, но потомъ послышались негодующіе крики и угрозы. Вмѣсто того, чтобы замолчать, Лисаневичъ сталъ говорить еще громче, еще рѣзче и, въ концѣ-концовъ, довелъ „товарищей" до бѣлаго каленія. Въ слѣдующій моментъ къ нему уже протянулись десятки матросскихъ и солдатскихъ рукъ, чтобы тутъ же расправиться съ нимъ. Окрикъ Лисаневича — „Назадъ!" — не остановилъ нападавшихъ. Тогда онъ выхватилъ кортикъ и ударилъ имъ одного изъ подступившихся матросовъ; тотъ упалъ. Воспользовавшись первымъ замѣшательствомъ, Лисаневичъ растолкалъ всѣхъ и выскочилъ на улицу. За нимъ бросились въ погоню; но его — и слѣдъ простылъ.

Просто какимъ-то чудомъ, Лисаневичъ уцѣлѣлъ отъ всѣхъ передрягъ, въ которыхъ ему довелось быть и по доброй волѣ, и злой неволей. Понемногу, онъ сталъ пріобрѣтать значеніе и, зная его „отчаянность", съ нимъ начали считаться и команды. Вполнѣ понятно, что въ моментъ начавшагося среди матросовъ недовольства большевиками, такой человѣкъ легко захватилъ вліяніе надъ ними. Они вѣрили каждому его слову и тщательно охраняли отъ возможныхъ репрессій совѣтской власти.

27-го мая 1918 года, по требованію изъ Москвы, комиссары

флота отдали приказъ объ увольненіи со службы къ красномъ флотѣ „военнаго моряка“ Лисаневича. Приказаніе осталось только на бумагѣ: Лисаневичъ продолжалъ командовать „Капитаномъ Изылметьевымъ“. Наконецъ, большевики рѣшили предпринять противъ него и его сторонниковъ радикальныя мѣры: 3-го іюля, послѣ похоронъ Володарскаго, была сдѣлана попытка ихъ арестовать, но неудачно. Для этой цѣли, рѣшено было использовать одинъ изъ отрядовъ Кронштадтскихъ матросовъ, пріѣхавшихъ для вооруженной демонстраціи противъ буржуевъ и бѣлогвардейцевъ; всѣ они были при винтовкахъ и ручныхъ бомбахъ. Когда, по дорогѣ выяснилось, что онъ долженъ будетъ арестовать „враговъ народа“, Лисаневича и его людей, перебѣжчики-матросы немедленно дали знать объ этомъ на Минную Дивизію.

Тогда на ней рѣшили перевести „Изылметьева“ отъ Невскаго къ Обуховскому заводу, гдѣ было безопаснѣе. Подъ вечеръ, къ миноносцу, стоявшему съ разобранными турбинами, подошли буксиры. Самъ Лисаневичъ былъ на мостикѣ. Выходя изъ-за другихъ, рядомъ стоявшихъ, миноносцевъ, „Изылметьевъ“ случайно зацѣпился винтомъ за якорный канатъ сосѣда. Какъ разъ, въ это время, предназначенный для ареста отрядъ, подъ командой Гуркало (б. „черный“ гардемаринъ, т. е. Гардемаринскихъ Классовъ), входилъ на сосѣдній миноносецъ. Команда „Изылметьева“ встала къ орудіямъ и пулеметамъ. Гуркало крикнулъ изылметьевцамъ, что онъ хочетъ выяснить недоразумѣніе, перепрыгнулъ къ нимъ и подозвалъ къ себѣ прислугу орудій; по недомыслію, тѣ отошли отъ орудій и столпились кругомъ него. Неожиданно Гуркало поднялъ бомбу и скомандовалъ „руки вверхъ“. Казалось, что Лисаневичъ погибнетъ. Однако, произошла полная неожиданность: онъ будто сквозь палубу провалился. Три раза Гуркало обыскивалъ „Изылметьева“, но тщетно; тщетно онъ грозилъ немедленнымъ разстрѣломъ и арестованнымъ одиннадцати матросамъ — команда, которой было 92 человѣка, не выдала своего командира. Черезъ два дня, Лисаневичъ и еще нѣсколько матросовъ были укрыты ею въ надежномъ мѣстѣ на берегу, а оттуда бѣжали на Архангельскій фронтъ.

Приведенные нами примѣры достаточно ярко свидѣтельствуютъ о томъ, что въ корнѣ своемъ офицеры нисколько не перемѣнились и, за исключеніемъ нѣкотораго числа ренегатовъ, совершенно не пошли за революціей. Какъ Бахиревъ являлся представителемъ старшаго въ чинахъ офицерства, такъ — Беренсъ былъ выразителемъ болѣе младшихъ, а Лисаневичъ — совсѣмъ молодыхъ офицеровъ. Отъ Адмирала до Мичмана, всѣ чувствовали одинаково, у всѣхъ были одни и тѣ же взгляды, вѣрованія и переживанія. . .

Напрасно говорятъ, что офицеры не знали простой народъ, что съ нимъ ихъ раздѣляло различіе происхожденія и соціальнаго положенія. Ни общественные, ни революціонные дѣятели, въ особенности — изъ разряда эмигрантовъ, не имѣли такой возможности изучить его, какая представлялась имъ.

Изъ года въ годъ, мимо каждаго изъ офицеровъ, непрерывными рядами проходили представители народа — новобранцы. Они являлись изъ деревней, городовъ, заводовъ, изъ всѣхъ губерній и областей обширной территоріи Россіи. Въ теченіе пяти лѣтъ, всѣ эти люди находились подъ непосредственнымъ воспитательнымъ вліяніемъ офицеровъ, которые самымъ основательнымъ образомъ знакомились съ ними, узнавали ихъ не только въ смыслѣ пригодности къ военной службѣ, но и просто, какъ русскій народъ. Матросы охотно несли офицеру всѣ свои заботы, горе и радости, охотно дѣлились полученными извѣстіями изъ деревни, спрашивали совѣты, просили писать письма, прошенія и передавали о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Часто, въ часы досуга, они разсказывали о жизни въ деревнѣ, о своемъ матеріальномъ положеніи и заработкахъ. Благодаря этому, у офицеровъ составлялось опредѣленное понятіе о народѣ, о его положеніи въ различныхъ частяхъ Россіи, его интересахъ, характерѣ и способностяхъ.

Офицеры были практически знакомы съ народомъ, такъ какъ имѣли дѣло съ нимъ всю свою службу и любили и умѣли цѣнить его. Они отлично понимали, что для него хорошо и полезно, и что можетъ ему принести вредъ. Въ этомъ отношеніи они были гораздо ближе къ нему, чѣмъ профессора, адвокаты и вообще русская интеллигенція, которая ставила его на какой-то недосягаемый пьедесталъ, называла „народомъ-богоносцемъ“ и вѣрила въ его особую миссію. И вотъ — народъ заговорилъ, но вмѣсто мудраго слова откровенія, выказалъ только дикіе животные инстинкты. Его сейчасъ же развѣнчали, стали бранить и ненавидѣть. Народъ же остался только тѣмъ, чѣмъ онъ всегда былъ, т. е. грубымъ, неразвитымъ и часто жестокимъ, но не злымъ, смѣтливымъ и способнымъ.

Времена суроваго обращенія съ матросами на флотѣ давно уже отошли въ преданіе. Послѣ японской войны, когда началось возрожденіе флота, отношеніе къ матросамъ было гуманнымъ и справедливымъ, основывалось на строгихъ рамкахъ закона. Случаи, чтобы команда какого-нибудь корабля ненавидѣла своихъ офицеровъ за плохое обращеніе были исключительно рѣдки. За послѣднія десять лѣтъ можно указать только на одинъ такой случай, а именно – на „Андреѣ Первозванномъ“, въ бытность тамъ старшимъ офицеромъ Капитана 2-го ранга М. Н. Алеамбарова. Матросовъ уже никто и никогда не билъ, а если обнаруживался подобный фактъ, то виновный шелъ подъ

судъ. Большей частью команды кораблей очень любили своихъ офицеровъ. Особенно хорошія взаимоотношенія въ періодъ войны были на „Севастополѣ“, „Гангутѣ“, „Полтавѣ“, „Андреѣ Первозванномъ“, „Цесаревичѣ“, „Россіи“, „Адмиралѣ Макаровѣ“, „Баянѣ“, „Богатырѣ“, „Новикѣ“, „Деснѣ“, „Громѣ“, „Сибирскомъ Стрѣлкѣ“, „Пограничникѣ“, „Генералѣ Кондратенко“, на маленькихъ миноносцахъ и подводныхъ лодкахъ.

Будь офицеры болѣе свѣдущи въ политикѣ, они съумѣли бы послѣ переворота удержать въ своихъ рукахъ команды. Будь они хоть нѣсколько опытны въ ораторскомъ искусствѣ, имъ было бы легко бороться противъ пропаганды, которая сплошь и рядомъ велась совершенно невѣжественными агитаторами. Выступая передъ толпой матросовъ, эти господа только и могли, что выкрикивать отдѣльныя заученныя фразы, вродѣ: „Товарищи, я такой же, какъ и вы, рабочій“, „я двадцать лѣтъ томился на каторгѣ“, „я подвергался гоненіямъ царскихъ палачей“, „товарищи, не вѣрьте вашимъ офицерамъ: офицеры буржуи, золотопогонники, царскіе опричники“; „углубляйте революцію, стремитесь закрѣплять ея завоеванія“ и т. д. Слушатели неистово хлопали, и никому въ голову не приходило обратить вниманіе на то, что ораторъ былъ прилично одѣтъ, упитанъ и совершенно не походилъ на рабочаго: часто его характерныя уши и носъ свидѣтельствовали не столько о каторгѣ, сколько о чертѣ еврейской осѣдлости.

Офицеры не рѣшались выступать на митингахъ и передъ собраніями командъ. Конечно, встрѣчались исключенія, и тогда нерѣдко ораторамъ-евреямъ приходилось плохо. На одномъ митингѣ на „Севастополѣ“, послѣ отвѣтныхъ рѣчей, сказанныхъ командиромъ и нѣсколькими офицерами, команда готова была побросать „агитателевъ“ за бортъ. Злополучные ораторы взмолились о защитѣ къ тѣмъ же офицерамъ, которые, сжалясь надъ ними, отправили ихъ на берегъ, съ другого трапа, на первой попавшейся шлюпкѣ. Экзальтированныя рѣчи Капитана 2-го ранга Н. Зубова такъ дѣйствовали на матросовъ, что они становились на колѣни и приносили клятву о борьбѣ за Россію. Рѣчи Капитана 2-го ранга П. П. Михайлова способствовали тому, что вокругъ него образовалась группа матросовъ, которая, по приходѣ флота въ Петроградъ, возмутилась противъ комиссаровъ. Адмиралъ А. В. Развозовъ имѣлъ такое вліяніе на матросовъ, что на собраніяхъ обыкновенно выносились рѣшенія, предложенныя имъ.

Однако, все это были единичные случаи, а большинство офицеровъ все же стояло въ сторонѣ отъ всякихъ митинговъ и собраній, которые имъ претили до глубины души. Осуждать ихъ за это, конечно, нельзя, тѣмъ болѣе, что теперь опредѣ-

ленно можно сказать, что все равно флотъ пришелъ бы къ тому же концу.

Революція выдвинула на первый планъ соціалистическое ученіе, которое сулило народу жизнь на основахъ „свободы, равенства и братства". Это былъ главный козырь революціи, притворно-радужныя краски котораго дурманили простому народу головы. Офицеры не могли не понимать, въ какую бездну толкаетъ народъ и всю Россію подобный обманъ. Но для того, чтобы обоснованно разъяснять лживость соціалистическихъ тезисовъ, необходимо было ихъ тщательно изучить, а они ни самого ученія, ни его исторіи почти не знали. Впрочемъ, имъ все равно не повѣрили бы: такое ужъ тогда было время.

Были случаи, что нѣкоторые офицеры послѣ переворота сами увлеклись кажущейся идейностью и гуманностью соціализма, въ особенности, если имъ приходилось слышать медовыя рѣчи корифеевъ революціи. Но не было случая, чтобы черезъ мѣсяцъ такой офицеръ не прозрѣвалъ и, тогда, блестящія рѣчи ему ужъ не казались такими красивыми, и увлекательными. Первые же шаги революціонныхъ дѣятелей были такъ далеки отъ того, что говорилось, что это не могло не бросаться въ глаза.

Наконецъ, „праздникъ революціи" окончился, иллюзіи разсѣялись, и все свелось къ жестокой гражданской войнѣ, дѣятельными участниками въ которой оказались неизбѣжно и офицеры. Много пришлось имъ претерпѣть и прежде всего и всѣхъ страдали они. Ихъ силой заставляли сражаться въ рядахъ большевистскихъ армій, угрожая разстрѣломъ не только имъ самимъ, но и ихъ семьямъ. Тѣмъ не менѣе, большая часть изъ нихъ все-таки бѣжала и поступила въ добровольческія арміи. Другіе же хоть и покорились, но только въ силу обстоятельствъ и скрѣпя сердце. Только немногіе изъ морскихъ офицеровъ, чьи имена всѣ извѣстны, сдѣлались вѣрными клевретами еврейской власти, служа ей не за страхъ, а ради милостей и наградъ. Въ ихъ рядахъ много старыхъ знакомыхъ по началу революціи: А. Максимовъ, Модестъ Ивановъ, А. Зеленый, А. Немитцъ, С. Кукель, В. Кукель, А. Сполатбогъ, Н. Пини, В. Винтеръ, С. Ставицкій, М. Петровъ, В. Шельтинга, А. Ружекъ, Л. Гончаровъ I, В. Гончаровъ 2, Э. Панцержанскій, М. Богдановъ, А. Ножинъ и др.

Такъ распылилось морское офицерство по бѣлу свѣту. Кто бѣдствуетъ, найдя пріютъ на чужбинѣ, кто несетъ свой крестъ въ Совѣтской Россіи, униженный и доведенный до полнаго отупѣнія, а кто спитъ уже вѣчнымъ сномъ, послѣ мукъ въ совѣтскихъ застѣнкахъ, или тяжелой страды гражданской войны.

Настанетъ ли время, когда офицеры опять соберутся на родные корабли — и подведутъ итоги всему пережитому? Но будутъ ли они — тѣми же, не наложила ли на нихъ тяжелая жизнь и матеріальныя лишенія своего неумолимаго отпечатка?

Можетъ быть, среди нихъ и окажется такая горсточка, которая любитъ по старому Флотъ и найдетъ въ себѣ силы приняться за его возсозданіе, когда Родина призоветъ къ этой тяжелой и отвѣтственной работѣ.

Перейдемъ теперь къ матросамъ и постараемся выяснить тѣ причины, которыя могли изъ нихъ создать тотъ отрицательный типъ „матроса", который съ первыхъ же дней революціи вызвалъ къ себѣ отвращеніе и презрѣніе всей Россіи.

Русскій флотъ всегда страдалъ недостаткомъ природныхъ моряковъ, выросшихъ на берегу моря, любившихъ его и не понимавшихъ иначе жизнь, какъ на палубѣ корабля. Русскій матросъ никогда не былъ опредѣленнымъ типомъ „моряка-матроса", какъ, напримѣръ, матросъ англійскаго флота. Тотъ, дѣйствительно, обладаетъ всѣми присущими этому призванію характерными чертами и всею душой преданъ морю и кораблю. Нашъ же матросъ это только крестьянинъ или рабочій, который попалъ на флотъ для отбыванія воинской повинности.

На флотъ ежегодно являлись партіи новобранцевъ, случайно назначенныхъ на флотъ. Такъ же случайно ихъ распредѣляли и по спеціальностямъ, руководствуясь лишь степенью грамотности и знаніемъ ремеслъ. Послѣ короткой строевой подготовки начиналось классное обученіе различнымъ теоретическимъ наукамъ, вродѣ физики, электричества, электротехники, радіотелеграфіи и другихъ спеціальныхъ наукъ, а параллельно — учили грамотѣ и ариѳметикѣ. Подъ вліяніемъ новой обстановки, массы новыхъ впечатлѣній и ученія, новобранецъ сразу терялся и съ трудомъ разбирался во всемъ. Проходило нѣсколько мѣсяцевъ, и молодой матросъ уже понемногу осваивался, начиналъ привыкать къ новой жизни и разбираться въ наукахъ. Онъ быстро развивался и становился другимъ человѣкомъ.

Среди новобранцевъ были и такіе, которые уже получили до службы начальное образованіе. Изъ нихъ выбирались кандидаты на унтеръ-офицеровъ, которыхъ особо учили по ихъ спеціальности въ теченіе двухъ лѣтъ. Эти матросы получали довольно серьезное образованіе, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже было немногимъ ниже общe-средняго. Такимъ образомъ, изъ нихъ получались уже полу-интеллигенты.

Однако, какой бы хорошій спеціалистъ ни выходилъ изъ матроса, все же онъ не становился настоящимъ морякомъ. Да и не могъ стать въ такой короткій срокъ, ибо все его знаком-

ство съ моремъ ограничивалось двумя-тремя переходами изъ Кронштадта въ Ревель, Гельсингфорсъ или Тронгзундъ. Имѣя званіе матроса, онъ оставался глубоко сухопутнымъ человѣкомъ. Даже на свою спеціальность, которую въ большинствѣ случаевъ матросы очень любили, они смотрѣли съ той точки зрѣнія, насколько она можетъ быть полезной послѣ службы, въ частной жизни, а не на кораблѣ. Этимъ и объяснялось, почему большинство стремилось попасть въ машинисты, электрики или радіотелеграфисты и довольно неохотно шло въ комендоры, минеры, сигнальщики и т. д. Мысли русскаго матроса всегда сосредотачивались около родной ему суши, а не чуждаго моря.

Это необходимо подчеркнуть, чтобы указать, что матросы тяготились жизнью на корабляхъ. Какъ бы хорошо имъ тамъ ни жилось, они все же всегда тянулись на берегъ и оставались въ душѣ тѣми же крестьянами или рабочими, которыми были до службы.

Плаванія, полученное на службѣ образованіе, обращеніе со сложными механизмами и само море, сильно развивали матросовъ. Черезъ два-три года въ нихъ нельзя было уже узнать прежнихъ простоватыхъ крестьянскихъ парней или рабочихъ: они становились вполнѣ развитыми людьми, способными разбираться во многихъ явленіяхъ окружавшей жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, отлично питаясь, хорошо одѣваясь и даже имѣя сравнительно большія карманныя деньги, матросы пріобрѣтали внѣшній лоскъ и апломбъ, считали себя выше своей среды и въ особенности земляковъ-солдатъ. Тѣ же, которымъ удалось еще побывать заграницей, кое-что увидѣть и встрѣтиться съ новыми людьми, уже и ногъ подъ собой не чувствовали отъ важности и къ своей деревнѣ не относились иначе, какъ съ презрѣніемъ. Въ послѣдніе годы среди командъ сильно развилось франтовство, любовь къ театрамъ, танцамъ и вообще къ общественной жизни. Начальство очень охотно поощряло матросовъ, такъ какъ считало, что это отвлекаетъ ихъ отъ вредныхъ подпольныхъ вліяній. Оно всячески старалось развить въ нихъ любовь къ спорту: катанью подъ парусами, на конькахъ, на лыжахъ, рыбной ловлѣ и т. д.; кромѣ того, разрѣшало также устраивать на корабляхъ спектакли, вечеринки и елки, на которые приглашались знакомые матросовъ. Они это очень цѣнили, и одинъ корабль старался щегольнуть передъ другимъ своими вечерами. Въ военное время, когда на корабли нельзя было приглашать гостей, для вечеровъ спеціально снимались помѣщенія, приглашалась музыка, и шли танцы. На эти вечера неизмѣнно приглашались и офицеры, которые очень любили ихъ посѣщать, такъ какъ, дѣйствительно,

было любопытно поглядѣть на неподдѣльное веселье, увлеченіе танцами и наивно-грубоватое ухаживаніе.

Команды на корабляхъ жили по спеціальностямъ, въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, что ихъ очень сильно сплачивало. Всѣ вечера и вообще все свободное время, матросы проводили только въ своей средѣ, почти безъ наблюденія офицеровъ. Технически такой надзоръ очень труденъ; въ особенности на большихъ корабляхъ, гдѣ обойти сразу безчисленныя отдѣльныя помѣщенія совершенно немыслимо. На нихъ всегда можно найти такой уголокъ, гдѣ никто не потревожитъ, и спокойно вести тамъ любые разговоры.

Ближайшимъ начальникомъ каждаго матроса являлся унтеръ-офицеръ его спеціальности, съ которымъ онъ вмѣстѣ работалъ и жилъ. Это создавало между ними совсѣмъ другое взаимоотношеніе, чѣмъ между унтеръ-офицеромъ и солдатомъ въ арміи. Въ своемъ унтеръ-офицерѣ матросъ-спеціалистъ видѣлъ не столько начальника, сколько авторитета въ спеціальности. Сами условія жизни и одинаковое происхожденіе совершенно сглаживали въ глазахъ матроса различіе ихъ положенія на кораблѣ. Отношенія между ними почти всегда были чисто-товарищескими, но съ долей уваженія, если унтеръ-офицеръ умѣлъ поставить себя на должную высоту.

Въ машинныя команды, т. е. въ машинисты и кочегары, чаще всего назначались молодые матросы изъ бывшихъ заводскихъ. Между ними сплошь и рядомъ попадались члены соціалистическихъ партій, которые и на службѣ продолжали тайно поддерживать старыя связи. Они-то и вели пропаганду среди командъ.

Времени для нея было много, подходящаго мѣста — сколько угодно. Матросы, скучавшіе на корабляхъ, сперва отъ нечего дѣлать, а потомъ — все внимательнѣе и внимательнѣе, вслушивались въ сладкія рѣчи о землѣ, волѣ, равноправіи и другихъ соціалистическихъ „благахъ". Одновременно ихъ настраивали и противъ начальства, якобы повиннаго въ ихъ „угнетенномъ" положеніи.

Помѣшать такой агитаціи было почти невозможно, такъ какъ пришлось бы все время слѣдить за командой, что сильно затруднялось условіями морской жизни, а сыскъ былъ противенъ всѣмъ традиціямъ флота. Кромѣ того, сыскъ на корабляхъ неизбѣжно развращалъ бы команду, ибо пришлось бы пользоваться услугами матросовъ изъ той же команды. Имъ надо было бы особо платить, дѣлать льготы и исключенія, а такъ какъ на это пошелъ бы только худшій элементъ, то онъ могъ легко злоупотреблять своимъ положеніемъ. Возникни же хоть малѣйшее подозрѣніе, взаимоотношеніе между офицерами и командой стало бы моментально портиться и породило недо-

вѣріе и злобу, а въ концѣ-концовъ только дало бы новый козырь той же агитаціи. Но это вовсе не означало, что команды оставались совсѣмъ безъ наблюденія: старшіе офицеры тщательно слѣдили за ихъ настроеніемъ. Иногда случайно удавалось обнаружить „домашняго" агитатора, но, конечно, уже проработавшаго долгое время.

На корабляхъ съ командой въ 800, 1000 или 1200 человѣкъ, такой партійный работникъ легко могъ найти нѣкоторое количество послѣдователей, и, такимъ образомъ, развить дѣло пропаганды. Немудрено, что къ началу революціи, на большихъ корабляхъ оказались цѣлыя ячейки революціонно настроенныхъ матросовъ.

Еще однимъ, очень важнымъ обстоятельствомъ, усугублявшимъ успѣхъ пропаганды къ началу революціи было то, что война длилась уже третій годъ. Команды устали не столько физически, сколько нравственно. Имъ становились не въ моготу суровый режимъ военнаго времени и связанное съ нимъ ограниченіе свободы. За все время войны большинство линейныхъ кораблей такъ и не видѣло непріятеля и стояло на якорѣ въ Гельсингфорсѣ, Ревелѣ или шхерахъ. Команда отъѣдалась, отсыпалась и томилась однообразіемъ.

Благодаря войнѣ, многіе изъ матросовъ, только что отбывшіе пятилѣтнюю воинскую повинность, были снова призваны на дѣйствительную службу. Призывы 1909 – 1912 г. г., вмѣсто пяти, тянули уже лямку по шести, семи и даже восьми лѣтъ.

Еслибы еще въ русскомъ народѣ была сильна идея патріотизма, какъ въ Германіи или Англіи, тогда можно было бы заставить его терпѣть. Но любовь къ родинѣ, какъ цѣлому, въ немъ почти отсутствовала, „Какіе мы — русскіе", говорили мужики, „мы — „вячкіе", до насъ нѣмецъ не дойдетъ; чего мы будемъ воевать — пущай воюютъ тѣ, до кого онъ дошелъ"... Подобныя разсужденія всѣхъ этихъ „вячкихъ", „калуцкихъ" и „скопскихъ" философовъ ярко характеризуютъ взглядъ русскаго народа на войну и пониманіе имъ своего долга. Идея союза народовъ, ихъ взаимоотношенія и политическія задачи Россіи были для него мертвымъ звукомъ. Съ такой психологіей онъ не могъ воевать идейно, а шелъ только „изъ-подъ палки", куда прикажетъ начальство. Къ его распоряженіямъ онъ относился покорно и апатично, ибо былъ убѣжденъ, что такъ надо; начальство, молъ, лучше знаетъ, что дѣлать — на то оно и начальство. Но онъ былъ недоволенъ нарушеннымъ покоемъ, разлукой съ семьей, трудностями и опасностями войны. Поэтому, каждая мысль, каждое слово, говорившее о безцѣльности и необходимости окончить войну, были ему пріятны.

Кромѣ матросовъ общаго типа, по своей натурѣ простыхъ и хорошихъ, на каждомъ кораблѣ былъ еще, хотя и небольшой, уголовно-преступный элементъ. Какъ ни старались отъ него избавиться, но на корабляхъ, въ особенности — большихъ, всегда можно было найти 10 – 15 человѣкъ, способныхъ на все. Революціи ничего не стоило привлечь ихъ на свою сторону, посуливъ деньги, право грабежа и полную безнаказанность.

Изъ приведенной характеристики матросовъ и условій ихъ жизни на флотѣ явствуетъ, почему они такъ легко поддавались любой пропагандѣ; въ особенности – во время затяжной войны. Такъ обстояло дѣло не только на Русскомъ, но и на другихъ флотахъ, и это отлично учитывали тайные руководители всѣхъ революцій. Первое вниманіе обыкновенно обращалось на флотъ. Достаточно взять хотя бы французскую революцію. Вотъ, что говоритъ въ своихъ очеркахъ Оскаръ Гаваръ.

„Ни одна страна въ мірѣ не обладала такимъ составомъ морскихъ офицеровъ, какъ Франція. Это были представители лучшихъ французскихъ фамилій, потомки цѣлыхъ поколѣній моряковъ, преданныхъ своему дѣлу, несравненныхъ по подготовкѣ, возлюбившихъ Родину и Ея славу превыше всего. Съ 1676 по 1782 годъ, французскій флотъ имѣлъ 21 морское сраженіе, изъ которыхъ было проиграно только три.

Какъ только началась революція, главный ея ударъ былъ направленъ именно на флотъ. Въ Тулонѣ разлагающая работа пошла быстро, но въ Брестѣ, гдѣ флотъ состоялъ изъ бретонцевъ, связанныхъ съ офицерствомъ старыми узами, коимъ командовалъ любимый матросами графъ д'Экторъ, — дѣло шло нѣсколько тише, хотя столь же успѣшно.

Черезъ девять лѣтъ послѣ взятія Бастиліи, отъ великолѣпнаго творенія Людовика XVI остались одни обломки.

Къ 1798 году, наши корабли, частью — погибли, частью — попали въ руки непріятеля; офицеры казнены или изгнаны; экипажи инертны или взяты въ плѣнъ; арсеналы опустошены; рейды запущены, а порта пустынны."

Въ началѣ германской революціи 1918 года можно видѣть ту же картину: прежде всего возстаніе происходитъ на флотѣ, который оказывается гораздо болѣе развращеннымъ, чѣмъ армія. Изъ всѣхъ кораблей только крейсера „Регенсбургъ" и „Дрезденъ" остались вѣрны своему Императору и ушли изъ Киля, отъ краснаго флота, въ Свинемюнде.

Итакъ, русскій флотъ не явился исключеніемъ. Медленно, но систематично, внутренніе враги Россіи готовили въ лицѣ матросовъ оружіе будущаго всероссійскаго бунта. Какъ протекала ихъ работа, каковы были пріемы агитаціи на флотѣ, достаточно выпукло свидѣтельствуетъ о томъ рѣчь эмигранта

Лебедева, приведенная въ трудѣ Ѳ. В. Винберга — „Крестный Путь“ (стр. 100).

„Мнѣ довелось“, говоритъ авторъ, „отъ очевидца слышать разсказъ объ одномъ митингѣ, состоявшемся въ апрѣлѣ 1917 года, въ Петроградѣ, въ Александринскомъ Театрѣ.

На этомъ митингѣ выступало съ рѣчами нѣсколько видныхъ „дѣятелей“ изъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, которые собрали публику для ея просвѣщенія въ новомъ духѣ вновь образовавшагося (?) соціалистическаго государства, именовавшагося „Россійской республикой“.

Публика слушала, разиня ротъ, и бурно привѣтствовала каждаго оратора. Состояла она главнымъ образомъ изъ рабочихъ, солдатъ, матросовъ и „ихъ дамъ“, но также были тутъ же и любопытствовавшіе офицеры[1]) и всякій „интеллигентскій“ людъ. Между другими ораторами, говорилъ, „лейтенантъ французской службы“, какъ онъ самъ отрекомендовался, Лебедевъ, бывшій эмигрантъ, поспѣшившій вернуться въ Россію послѣ переворота.

Этотъ господинъ имѣлъ очень большія связи въ высшей эмигрантской „аристократіи“, ибо былъ женатъ на дочери Крапоткина. Въ ту же весну 1917 года онъ былъ назначенъ Товарищемъ Морского Министра, что для лейтенанта, да еще иностранной службы, представляло недурную карьеру: вѣроятно, помогали не однѣ заслуги „партійнаго работника“, но и „высокая“ протекція. Лебедевъ съ большимъ апломбомъ разсказывалъ, какимъ путемъ его партія достигла того, что, въ громадномъ своемъ большинствѣ, матросы Русскаго Флота оказались вѣрными слугами революціи. Нигдѣ пропаганда не имѣла такихъ крупныхъ успѣховъ, какъ именно среди нихъ, и все сдѣлано было не въ самой Россіи, но заграницей, трудами эмигрантовъ.

По словамъ Лебедева, его партія, вполнѣ понимая значеніе вооруженной силы въ странѣ и стремясь ее подчинить своему вліянію, прежде всего избрала флотъ, какъ поприще для своей пропаганды, ибо матросы, во время заграничныхъ плаваній и стоянокъ въ различныхъ портахъ, были гораздо доступнѣе агитаторамъ для „обработки“, чѣмъ нижніе чины арміи.

Къ тому же, среди матросовъ было много людей, особенно воспріимчивыхъ для революціонной пропаганды: на флотѣ по набору попадало много рабочихъ, преимущественно изъ уроженцевъ приволжскихъ губерній, матросовъ коммерческихъ судовъ, разныхъ техниковъ съ фабрикъ и заводовъ — однимъ словомъ, все народъ бывалый и прожженный.

[1]) Офицеры, несмотря на требованія публики, не встали, когда играли марсельезу. Затѣмъ, послѣ приведенной здѣсь рѣчи Лебедева, они всѣ ушли.

Результаты работы оказались блестящими: флотъ удалось революціонировать настолько удачно, что, въ нужный моментъ, онъ весь всталъ на поддержку революціи.

Пропаганда на Балтійскомъ Флотѣ, въ Россіи, была почти невозможна, когда во главѣ его стоялъ Эссенъ. Громадная популярность и обаяніе имени Адмирала Эссена, умѣвшаго сосредоточить въ своихъ рукахъ и неукоснительно строгую дисциплину, и порядокъ службы, и довѣріе и уваженіе подчиненныхъ, въ томъ числѣ и матросовъ, препятствовали развратительнымъ попыткамъ оголтѣлыхъ изувѣровъ. Кромѣ того, — и это обстоятельство являлось какъ бы послѣдствіемъ перваго, — для „героевъ подполья" пропаганда представляла слишкомъ много личной опасности, чтобы стоило, изъ-за малаго результата, котораго можно было достигнуть въ неблагопріятныхъ условіяхъ, рисковать своими агентами.

Этотъ рискъ тѣмъ болѣе былъ бы неблагоразуменъ, что у соціалъ-революціонеровъ имѣлся другой путь, совершенно безопасный и гораздо болѣе дѣйствительный, а именно — дѣятельность заграницей, гдѣ русская, или вѣрнѣе еврейская, эмиграція была очень многочисленна, и гдѣ въ распоряженіи заправилъ имѣлось сколько угодно ловкихъ и исполнительныхъ агентовъ.

Какъ извѣстно, цѣлый рядъ нашихъ судовъ ежегодно отправлялся въ заграничное плаваніе. Когда и какія суда отправлялись — эмигранты узнавали своевременно и прекрасно знали маршрутъ каждой русской эскадры, благодаря своей, отлично поставленной, развѣдкѣ.

По приходѣ русской эскадры въ какой-нибудь иностранный портъ, тамъ ее уже поджидали заранѣе высланные „партійные работники".

Когда матросовъ отпускали „на берегъ", эти „партійные работники", какъ бы случайно, на улицѣ сталкивались съ ними и вступали въ разговоръ. Начиналось съ того, что высказывалась радость встрѣчѣ съ землякомъ заграницей, и мало по малу разговоръ принималъ дружескій, задушевный характеръ.

Затѣмъ новые знакомцы любезно приглашали матросовъ зайти въ ресторанъ выпить и закусить. Такимъ образомъ знакомство закрѣплялось, и въ теченіе короткаго времени удавалось заложить въ головы матросовъ нужныя мысли, причемъ обрабатываніе этихъ головъ въ революціонномъ духѣ дѣлалось постепенно, съ осторожной послѣдовательностью. Первые знакомцы закладывали только „фундаментъ": развитіе мыслей, внушенныхъ ими, зависѣло уже отъ ловкости другихъ „партійныхъ работниковъ", которые поджидали въ слѣдующемъ порту, гдѣ предстояла стоянка корабля, попавшаго въ обработку злѣйшихъ враговъ Россіи.

Иногда стоянки бывали длительныя, и тогда сразу на одномъ пунктѣ достигались уже гораздо большіе результаты: завязывались такимъ образомъ не только мимолетныя знакомства, но и тѣсная дружба и единеніе, такъ что, покидая очередную стоянку, судно увозило много готовыхъ, распропагандированныхъ эсъ-эрами матросовъ, считавшихся, между тѣмъ, матросами Его Величества, защитниками Царя и Родины.

Такъ эсъ-эры получали кадры „сознательныхъ" матросовъ: еще болѣе пошлое, чѣмъ терминъ — „партійный работникъ", какъ рѣжетъ ухо какимъ-то непріятнымъ звукомъ это глупое слово — „сознательный".

„Сознательные" матросы, по возвращеніи въ Россію, привлекали на сторону будущихъ разрушителей Русскаго Государства все больше и больше приверженцевъ, какъ на самомъ флотѣ, такъ и вообще въ населеніи, среди своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ.

Какъ разсказывалъ Лебедевъ, особенно „кипучей" была дѣятельность его и его единомышленниковъ въ періодъ 1909-1913 годовъ. Какъ самохвально и иронически выразился онъ — „Всѣ эти „Цесаревичи", „Славы", „Олеги", „Богатыри", „Авроры" и „Діаны" возвращались изъ заграничнаго плаванія, имѣя на себѣ громадные грузы нелегальной литературы, которую матросы сноровисто проносили на корабль"...

Можно себѣ представить, сколько вреда приносилъ въ Россіи такой грузъ!..

Далѣе продолжалъ Лебедевъ:

„Во флотѣ намъ нужно было только нажать кнопку, чтобы тамъ, гдѣ бы мы ни захотѣли, поднялось возстаніе.

Такъ было въ 1905 году съ „Потемкинымъ", „Очаковымъ"; въ 1906-омъ со Свеаборгомъ и „Памятью Азова"; въ 1907-омъ — въ Владивостокѣ, съ миноносцемъ „Скорый". Такъ было организовано и неудавшееся возстаніе въ Черномъ морѣ, въ 1912 году.

Разъ мы рѣшали, что пора гдѣ-нибудь поднять флотъ, то наши руководители оказывались тутъ-какъ-тутъ, и часто матросы узнавали въ нихъ тѣхъ знакомцевъ, съ которыми встрѣчались заграницей.

Во время войны, наша связь съ матросами порвана не была, хотя, конечно, когда флотъ находился въ морѣ, возможности сношеній съ нимъ не было.

Но за то, въ Балтійскомъ морѣ, 1-ая Бригада Линейныхъ Кораблей („Петропавловскъ", „Гангутъ", „Полтава" и „Севастополь") и часть 2-ой Бригады („Андрей Первозванный" и „Императоръ Павелъ I"), не принимавшія участія въ бояхъ, стояли въ Гельсингфорсѣ и были подъ непосредственнымъ нашимъ вліяніемъ. Именно тутъ мы дѣлали послѣднія пригото-

вленія тѣхъ борцовъ за свободу, которые по справедливости могутъ быть названы красой и гордостью революціи."

Такъ закончилъ свою рѣчь пресловутый „лейтенантъ" Лебедевъ.

Если читатель припомнитъ, что въ то время, когда происходилъ митингъ, именно эти „борцы за свободу" уже убили въ Кронштадтѣ героя Вирена, въ Гельсингфорсѣ Непенина и звѣрски замучили многихъ изъ своихъ офицеровъ, то согласится, что господинъ Лебедевъ, назвавъ этихъ мерзавцевъ „красой и гордостью революціи", какъ себѣ самому, такъ и революціи далъ достаточно яркую характеристику". . .

Очевидно, въ самой природѣ флота, внѣ зависимости отъ національности, заложены данныя къ воспріимчивости командъ къ революціонной пропагандѣ. Условія жизни и сама морская стихія способствуютъ выработкѣ и накопленію человѣческой энергіи, порождаютъ запросы и исканія. Оставаясь не вполнѣ использованнымъ и удовлетвореннымъ, все это является горючимъ матеріаломъ для тайныхъ пагубныхъ вліяній.

Вотъ почему, иногда, и хорошіе матросы попадались въ хитро разставленныя вокругъ сѣти пропаганды. Сперва они шли, какъ бабочки на огонь, а потомъ — уже катились по наклонной плоскости. Для развращенія ихъ въ ходъ пускались всѣ средства и способы. Въ этой области работали не только простые, рядовые агитаторы, но и будущія „свѣтила" революціи. По собственому признанію Керенскаго, подолгу лѣчась въ санаторіи Гранкулла подъ Гельсингфорсомъ, онъ тоже имѣлъ полный контактъ съ флотомъ.

Вотъ какъ велась пропаганда, вотъ откуда у матросовъ взялась вражда къ офицерамъ.

И не сдобровать бы большинству изъ нихъ во время переворота, еслибы на флотѣ не было такого хорошаго отношенія къ командамъ, не царилъ бы такой образцовый порядокъ!

Только поэтому и не оправдались надежды главарей революціи, разсчитывавшихъ, что при переворотѣ автоматически возникнетъ рѣзня Царскихъ офицеровъ.

Первые же шаги революціи доказали, какъ она понималась въ широкихъ массахъ населенія. Всѣ, отъ вождей переворота до рабочаго или крестьянина, торопились удовлетворить лишь свои матеріальные интересы; показная сторона революціонныхъ знаменъ была уже забыта. Минимумъ труда и максимумъ оплаты — вотъ главные лозунги того періода.

Особенно рѣзко жажда денегъ сказалась на флотѣ Команды сейчасъ же принялись дѣлить экономическія суммы, скопленныя отъ кормленія и служившія для улучшенія пищи. Если же, паче чаянія, на кораблѣ такихъ суммъ не оказыва-

лось, то командиру и ревизору предъявлялось обвиненіе и безъ всякихъ данныхъ ихъ долгое время держали въ тюрьмѣ. Одновременно производилась провѣрка отчетностей и за предыдущіе годы, но всѣ старанія найти какое-нибудь злоупотребленіе и тутъ ни къ чему не приводили.

На нѣкоторыхъ корабляхъ были суммы, подаренныя заводами, гдѣ ихъ строили или ремонтировали. Онѣ обыкновенно предназначались на пріобрѣтеніе для командъ граммофоновъ, музыкальныхъ инструментовъ, кинематографа, лыжъ, коньковъ и т. д. Чѣмъ больше былъ корабль, тѣмъ эти суммы достигали и большихъ размѣровъ. Команды сейчасъ же ухватились и за нихъ. Происходилъ сложный и длительный дѣлежъ, сопровождаемый цѣлымъ рядомъ нескончаемыхъ споровъ, брани и даже дракъ. Съ кораблей, гдѣ подобныхъ денегъ не было, немедленно посланы были на соотвѣтствующіе заводы делегаціи, съ предложеніемъ выплатить опредѣленную сумму. Подобныя делегаціи рѣдко встрѣчали отказъ, ибо запуганныя правленія заводовъ предпочитали отдѣлаться отъ нихъ какъ можно скорѣе.

Когда, наконецъ, все было раздѣлено, и денежные сундуки совершенно опустѣли, команды принялись изыскивать новые источники „доходовъ". Такъ, съ соотвѣтствующими угрозами, Временному правительству было предъявлено требованіе объ увеличеніи жалованія. Этотъ вопросъ сталъ оживленно обсуждаться во всѣхъ совѣтахъ, на корабляхъ и въ береговыхъ командахъ. Никогда, кажется, пренія не были такъ безконечны и жарки, какъ при обсужденіи этого вопроса. Никакія доказательства, что государство не въ состояніи платить такіе огромные оклады, не принимались въ разсчетъ. Даже самые умѣренные матросы, когда заходила рѣчь о деньгахъ, прямо теряли голову, и ничто ихъ не могло убѣдить. Матросы высказывали удивленіе, и имъ очень не нравилось, что офицеры считаютъ для себя недопустимымъ тоже требовать увеличенія жалованія. По ихъ понятію, это было въ порядкѣ вещей и такъ естественно, что поведеніе офицеровъ имъ казалось подозрительнымъ: вотъ, молъ, ничего не хотятъ принимать отъ революціи. . .

Когда появились деньги, то матросы, прежде всего, начали франтить. Появились высокіе лакированные сапоги, или даже — просто резиновые, съ голенищами, что — зеркало; короткій бушлатъ въ талію, съ пуговицами на кавалерійскій манеръ; фланелевая рубаха въ обтяжку и на выпускъ; фуражка набекрень, а лѣтомъ — даже соломенная шляпа. . . Особое вниманіе удѣлялось волосамъ, стричь которые считалось положительно неприличнымъ. Шикъ былъ въ наибольшемъ „кокѣ" и лихо закрученныхъ усахъ. Получался самоувѣренный, наглый и, въ тоже время, жалкій видъ.

Съ деньгами появились и другія потребности: захотѣлось — въ рестораны, кафэ, театры и кинематографы. Это требовало денегъ, которыхъ все-таки не хватало. Лишить себя развлеченій матросамъ было уже трудно; поэтому, они не брезгали никакимъ источникомъ, гдѣ можно было хоть что-нибудь достать. Нравственность быстро падала.

Матросовъ всѣ боялись. Революціонная власть всячески заискивала передъ ними и предоставляла имъ большія привилегіи: они получали лучшій паекъ, безпрепятственно ѣздили по желѣзнымъ дорогамъ, ходили даромъ въ государственные театры, и т. д. Все это, вмѣстѣ взятое, кружило имъ головы.

Въ результатѣ, они окончательно развратились: научились бездѣльничать, грабить и убивать. Худшій элементъ, продолжая жить въ командахъ, постепенно развращалъ и остальныхъ.

Такъ вырабатывался типъ столь ненавистнаго всѣмъ революціоннаго матроса.

Онъ именно вырабатывался, а не былъ такимъ по природѣ. Революція избрала матросовъ своимъ оружіемъ и умѣло оттočила его для своихъ цѣлей. Въ частности, использовали ихъ и большевики, которые отлично учли впечатлѣніе общества отъ Кронштадтскихъ и Гельсингфорскихъ звѣрствъ. Продолжая крѣпко держать въ своихъ рукахъ матросовъ, они ихъ натравливали уже не только на офицеровъ, но и на „буржуевъ". Когда же „революціонныхъ матросовъ" не хватало, то ими стали переодѣвать просто всякій сбродъ, готовый на какія-угодно преступленія.

Вина лежитъ не столько на матросахъ, сколько на тѣхъ, кто ихъ развращалъ, развратилъ и довелъ до низинъ нравственнаго паденія. Лиха бѣда — начало, а конецъ только вѣнчаетъ дѣло: начали эсъ-эры, продолжили большевики. . .

Русскій матросъ былъ другимъ. Онъ не разъ проливалъ кровь за Родину, доказывалъ отвагу и героизмъ духа. Севастополь, Дунай, Портъ-Артуръ и многіе другіе памятники свидѣтельствуютъ о подвигахъ, вписанныхъ имъ въ Исторію.

Вспомнимъ и болѣе близкое время. Сколько осыпанныхъ милостями царедворцевъ отвернулось отъ Царя и Его Семьи въ трудную минуту, а простые матросы Нагорный и Сѣдневъ остались Ей вѣрны и преданы до самой смерти.

Когда, благодаря всеобщей измѣнѣ, Государь Императоръ съ Семьей оказался въ плѣну у революціи, въ группѣ оставшихся до конца Ему вѣрныхъ Слугъ были и эти два матроса. Царское Село, Тобольскъ, Екатеринбургъ. . . Они неизмѣнно служили Старымъ Богамъ, отринутымъ взбунтовавшимся народомъ.

Кому приходилось, читая воспоминанія благороднаго П. Жильяра о Царской Семьѣ, видѣть тамъ фотографію богатыря-матроса, съ чисто-русскимъ, добродушнымъ лицомъ, врядъ ли тотъ не проникся невольной симпатіей къ этому, жизнь свою отдавшему за Царя, простому человѣку. Не мудрствуя, онъ исполнилъ долгъ предъ Царемъ, какъ то повелѣвала ему сдѣлать совѣсть.

Мнѣ представляется Тобольскъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ, гуляющій въ сопровожденіи вѣрнаго Нагорнаго. Онъ не спускаетъ глазъ съ Цесаревича готовый принять на себя и первую опасность, и первый ударъ, ради спасенія Надежды Грядущей Россіи. Мнѣ передавали, что когда Нагорному предлагали покинуть Царскую Семью, удивляясь тому, какъ онъ, матросъ, продолжаетъ еще служить Ей, Нагорный далъ гордый, полный достоинства, отвѣтъ: „Своего Цесаревича я никогда не покину“. . .

Увы! Ему пришлось покинуть Цесаревича, но не доброй волей, а по злой неволѣ.

10-го мая, въ 2 ч. дня, Августѣйшія Дѣти Ихъ Величествъ прибыли изъ Тобольска въ Екатеринбургъ. Когда Они выходили изъ вагона, шелъ мелкій весенній дождикъ. Съ ними обращались грубо. Они Сами должны были нести свои вещи. Великой Княжнѣ Татьянѣ Николаевнѣ было уже не подъ силу нести тяжелый саквояжъ; Она прерывисто дышала и еле шла. Къ Ней стремительно шагнулъ Нагорный: „Ваше Императорское Высочество, позвольте мнѣ его взять“. . . Въ слѣдующій моментъ, подъ ударомъ кулака одного изъ конвойныхъ, Нагорный упалъ. . . Онъ молча поднялся, и на одно мгновеніе въ его глазахъ сверкнули молніи, но потомъ сразу потухли: матросъ понялъ, что онъ не имѣетъ права ничего сдѣлать красноармейцу, долженъ стерпѣть и грубую площадную брань; долженъ все перенести ради Тѣхъ, съ Кѣмъ онъ былъ. . .

12-го мая, въ числѣ другихъ лицъ, остававшихся при Царской Семьѣ въ заточеніи, Нагорный былъ взятъ изъ дома Ипатьева въ тюрьму. Когда его выводили, онъ послалъ послѣдній привѣтъ Царской Семьѣ: перекрестилъ домъ, въ которомъ Она находилась.

Онъ былъ разстрѣлянъ вмѣстѣ съ другими заложниками 19-го іюля, причемъ, идя къ мѣсту казни, ободрялъ другихъ „смертниковъ“. Послѣднія минуты его неизвѣстны, но, вѣроятно, онъ умеръ такъ, какъ дай Богъ встрѣтить смерть каждому. . .

Вмѣстѣ съ нимъ былъ разстрѣлянъ и Сѣдневъ, который велъ себя такъ же хорошо, такъ же доблестно.

Когда Екатеринбургъ былъ уже занятъ бѣлыми войсками,

тѣла разстрѣлянныхъ заложниковъ были найдены за городомъ, на свалочномъ мѣстѣ.

10-го августа, состоялись торжественныя похороны жертвъ краснаго террора. Улицы утопали въ массѣ народа. Солнце, сверкая на золотыхъ ризахъ духовенства, скользило на простые деревянные гробы, окруженные близкими погибшихъ. Сзади стройно шли войска, какъ почетный эскортъ мученикамъ за Родину. Печальное пѣніе церковнаго хора смѣнялось заунывными звуками траурнаго марша. Кружась и падая, шелестѣли пожелтѣвшіе листья. . .

Особое вниманіе привлекали два гроба. Они были усыпаны цвѣтами, болѣе чѣмъ другіе. „Кто – это?" — спрашивали въ толпѣ. „Нагорный и Сѣдневъ, слуги Царской Семьи, бывшіе матросы со „Штандарта" — отвѣчали шедшіе за гробами. . .

Это — тѣ, скажемъ мы, кто смертью запечатлѣлъ разъ принесенную ими Присягу на Вѣрность. . .

Но, кромѣ Нагорнаго и Сѣднева, есть еще и другіе безвѣстные пока рыцари долга изъ простыхъ матросовъ. Рѣзкимъ контрастомъ встаютъ они на безотрадномъ фонѣ революціи, свидѣтельствуя о томъ, что не во всемъ русскомъ народѣ умеръ въ сердцѣ и совѣсти Богъ. . . Мнѣ хочется написать нѣсколько именъ, утвердить ихъ въ благодарной русской памяти, но . . . еще не время.

Приходилось мнѣ слышать отъ лицъ, бывшихъ въ Перми въ іюнѣ 1918 года, разсказъ о слухахъ относительно спасенія Великаго Князя Михаила Александровича. Говорили, что въ числѣ отважныхъ заговорщиковъ, былъ и матросъ, сыгравшій видную роль въ обезпеченіи тайны пути слѣдованія. . .

Такихъ исключительно-вѣрныхъ матросовъ было, конечно, очень мало, какъ мало настоящихъ вѣрноподданныхъ осталось и во всей Россіи. Но нельзя забывать, что сама судьба предначертила имъ такъ красиво проявить стойкость чести и духа.

Были и такіе матросы, которые, находясь въ общей средѣ и ничѣмъ рѣшительно изъ нея не выдѣляясь, тоже являлись хорошими, честными русскими людьми. Вспоминается мнѣ одинъ случай, имѣвшій мѣсто на Минной Дивизіи. Матросъ, имени котораго я называть не буду, еще до революціи, вытатуировалъ у себя на груди огромный вензель Государя, а вокругъ – слова: „Боже, Царя Храни!" Понятно, что послѣ переворота, „товарищи" не давали ему покоя и всячески надъ нимъ глумились. Матросъ сумрачно отмалчивался на всѣ насмѣшки и только выше закрывалъ грудь. Когда прошли первые восторги революціи, и многіе изъ матросовъ превратились изъ оплота совѣтской власти въ ея заклятыхъ враговъ, матросъ, убѣдившись, что онъ не ошибался, высоко поднялъ голову и больше Вензеля не прикрывалъ. Въ 1918 году, на Невскомъ

видѣли матроса съ Царскимъ Вензелемъ на груди. Онъ нисколько не скрывался и шелъ съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства. Не такъ давно, мнѣ былъ заданъ вопросъ именно однимъ изъ тѣхъ лицъ, которые его видѣли — не знаю ли я, что это за матросъ. Я, конечно, сейчасъ же сталъ распрашивать о его наружности, а также поинтересовался узнать, когда точно его видѣли. Оказалось, что въ самый разгаръ краснаго террора, послѣ раненія Ленина и убійства Урицкаго. Когда мнѣ его описали, я больше не сомнѣвался, что это — онъ. Живъ ли этотъ матросъ, или палъ уже жертвой чрезвычайки — я не знаю, но онъ встаетъ въ моей памяти, какъ одно изъ характерныхъ явленій въ матросской средѣ.

Еще одинъ изъ матросовъ, уже — не исключеніе, но типичный представитель своей среды. Имя его — Сапунъ. Это былъ — блондинъ невысокаго роста, довольно коренастый, съ широкимъ и смышленнымъ лицомъ. Въ прежнее время онъ былъ исправнымъ и толковымъ матросомъ. Отслуживъ свой срокъ, онъ остался на сверхсрочную службу и честно служилъ и воевалъ. Наступила революція, съ которой рушилось все, что раньше казалось такимъ простымъ, понятнымъ и незыблемымъ; руководителей не было. Офицеры, которымъ раньше вѣрили, за которыми шли въ огонь и воду, сами не могли точно во всемъ разобраться, не могли удовлетворить и любознательность матросовъ, подобныхъ Сапуну, просившихъ ихъ объяснить массу новыхъ словъ, понятій и явленій. Сапуна опьянили митинги, казавшаяся ему красота революціонныхъ лозунговъ. Понятія Вѣра, Царь, Родина для него отошли на задній планъ; ихъ смѣнили чуждыя раньше слова: завоеванія революціи, демократія, пролетаріатъ и т. д. Въ концѣ-концовъ, Сапунъ сталъ истымъ большевикомъ и спасеніе отъ всѣхъ золъ разрухи сталъ видѣть въ торжествѣ совѣтской власти. Полный вѣры въ себя, въ свое право и умѣніе идти во главѣ всего, онъ принялъ на себя командованіе однимъ изъ батальоновъ отряда извѣстнаго Дыбенко, во время наступленія нѣмцевъ на Нарвскомъ фронтѣ. Вотъ тутъ-то и произошла трагедія: несмотря на личную храбрость и самаго Сапуна, и его матросовъ, нѣмцы вдребезги разбили отрядъ. „Ударившись до крови мордой объ столъ", Сапунъ прозрѣлъ. „Да я не только батальономъ, а и взводомъ не могу командовать" — говорилъ онъ съ отчаяніемъ и смертельно возненавидѣлъ совѣтскую власть. Во время выступленія на митингахъ большевистскихъ ораторовъ, и Сапунъ, и его друзья прямо не давали имъ говорить, заглушая ихъ слова криками: „позоръ, довольно, долой". . . На нежелательное вліяніе Сапуна на матросовъ, совѣтская власть не могла не обратить должнаго вниманія. 27-го мая 1918 года, тѣмъ же приказомъ, которымъ увольнялся со службы Лисаневичъ, былъ

уволенъ и Сапунъ, ставшій его правой рукой. Какъ и Лисаневичъ, онъ остался на своемъ миноносцѣ 7-го Дивизіона, а послѣ неудавшагося ихъ ареста, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ на Архангельскій фронтъ. Болѣе нетерпимаго, болѣе свирѣпаго врага большевиковъ, чѣмъ Сапунъ, трудно было встрѣтить: онъ съ лихвой расплачивался съ ними за ихъ обманъ, за предательство, за обиды, причиненныя Россіи и за пролитую ими кровь. Не явился ли онъ прообразомъ будущей мести народа своимъ иноплеменнымъ угнетателямъ? . .

Постепенно переходя въ градаціи состава матросовъ, нельзя не упомянуть еще одного яркаго представителя изъ нихъ, уже изъ категоріи „красы и гордости революціи". Имя его неразрывно связано въ исторіи съ разгономъ пресловутаго Учредительнаго собранія. Это — Желѣзняковъ. Онъ сыгралъ очень эффектную роль въ торжественныхъ похоронахъ одного изъ безсмысленныхъ мечтаній нашей интеллигенціи, думавшей путемъ „четырехвостки" перестроить всю Россію на свой ладъ. Инстинктивно, но какъ нельзя лучше, Желѣзняковъ выразилъ отрицательный взглядъ народа на такой способъ изъявленія „его" воли. Вспомнимъ хотя бы, какъ производились выборы, сколько было допущено разныхъ подлоговъ, подтасовокъ и мелкихъ обмановъ. Еще „блаженной" памяти Временное правительство всѣми правдами и неправдами, старалось оттянуть срокъ созыва Учредительнаго собранія, находя, что „деревня пока не совсѣмъ готова". Тщательно обрабатывая ее въ желательномъ духѣ, оно такъ ни въ чемъ и не успѣло, ибо на смѣну имъ явились большевики. Послѣдніе тоже не стѣснялись въ давленіи на выборы. Въ результатѣ, Учредительное собраніе оказалось въ своемъ составѣ большей частью изъ самыхъ отъявленныхъ преступниковъ, а меньшей — изъ весьма подозрительныхъ личностей. Предсѣдателемъ его былъ избранъ бывшій министръ правительства Керенскаго, Черновъ, какъ извѣстно, принимавшій нѣкогда самое дѣятельное участіе въ экспропріаціи на Фонарномъ переулкѣ. Не менѣе „удачный" выборъ былъ произведенъ и въ товарищи предсѣдателя, которымъ оказалась „популярная" Маруся Спиридонова. По собственному признанію этой представительницы революціоннаго подполья, во время „стараго режима" она вела самую энергичную пропаганду среди солдатъ и матросовъ, которымъ кромѣ рѣчей, „ради пользы дѣла", предлагала и себя. . .

Въ самый разгаръ засѣданія Учредительнаго собранія, неожиданно въ залѣ появился отрядъ матросовъ во главѣ съ Желѣзняковымъ, который предложилъ немедленно всѣмъ разойтись. Возмущенный Черновъ, вскочивъ на трибуну, сталъ что-то говорить о насиліи надъ народными представителями, но рѣчи своей не кончилъ. „Ты — не представитель, а

просто св. . . . .“ — перебилъ его Желѣзняковъ. „Пошелъ вонъ!“ . .

Озадаченный Черновъ поторопился исполнить столь категорическое требованіе, и члены собранія стали спѣшно покидать залъ, оставляя даже свои вещи. Среди доставшихся „трофеевъ“, между прочимъ, была найдена записная книжка одного изъ „народныхъ представителей“, которая достаточно ясно свидѣтельствовала о своемъ владѣльцѣ: тутъ были медицинскіе рецепты „спеціалистовъ“, весьма интимная переписка и стихи довольно пикантнаго содержанія. Какъ бы тамъ ни было, но Желѣзняковъ далъ отличный урокъ и отличную оцѣнку всѣмъ сливкамъ русской революціи, показалъ, что съ ними церемониться нечего. Въ этомъ — его заслуга, и въ силу этого онъ выдѣленъ нами тоже, какъ своеобразный типъ матроса. . .

Анализируя суть матросской среды, въ качествѣ примѣровъ, мы привели здѣсь случаи, въ которыхъ дѣйствующими лицами были отдѣльные матросы. Синтезъ матросской среды тоже очень интересенъ и колоритенъ, такъ какъ рисуетъ ея психологію и отличительныя свойства.

Въ послѣдніе дни защиты Моонзунда, когда сухопутныя части, предпочитая бою — плѣнъ, отказывались драться, небольшая, сборная съ нѣсколькихъ кораблей, горсточка матросовъ продолжала защищать перешеекъ между островами Эзель и Моонъ. Несмотря на то, что тамъ всѣ они были совершенно добровольно, они не только не сдались, но и отказались отойти. Весь отрядъ легъ до одного человѣка.

Началась гражданская война. Югъ Россіи превратился въ сплошной районъ междуусобной борьбы. Весна 1918 года. Армавиръ. Тяжелое время Добровольческой арміи. Сжатая въ кольцо большевиковъ, она судорожно отбиваетъ ихъ непрерывныя атаки. Большевистскія цѣпи слѣдовали одна за другой, причемъ впереди — во весь ростъ, съ винтовками на руку, одѣтые въ лѣтнюю бѣлую форму, шли матросы. Какъ подкошенные, падали они подъ огнемъ пулеметовъ, но оставшіеся продолжали идти впередъ. Изъ нихъ никто не уцѣлѣлъ, но сами Добровольцы признавали, что дойди матросы — имъ пришлось бы очень плохо. Меня просили дать объясненіе такой безумной храбрости, такого мужества предъ лицомъ смерти. Я могъ только отвѣтить: „Это коренится уже въ самой природѣ матросовъ. Опасность на сушѣ, въ сравненіи съ опасностями на морѣ, казалась имъ ничтожной.“

Независимо отъ того, гдѣ, кѣмъ и во имя чего проявляется храбрость — она должна цѣниться всѣми. Отдавали должное матросамъ и въ Добровольческой арміи, хотя ихъ смертельно тамъ ненавидѣли и безпощадно уничтожали. Тутъ кстати будетъ привести мнѣніе одного изъ главныхъ вождей Доброволь-

ческой арміи, Генерала Драгомирова, который сказалъ, что наибольшая опасность въ большевистской арміи для Добровольцевъ заключается именно въ матросахъ, что ими тамъ все только и держится.

Правильно учитывая значеніе матросовъ, Высшее Командованіе Добровольческихъ армій однако никакъ не могло отрѣшиться отъ предубѣжденія противъ нихъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ было бы выгодно съ военной точки зрѣнія думать и дѣйствовать иначе. Морскіе офицеры, находившіеся тогда въ арміи, предложили испытать матросовъ, какъ боевой элементъ, но получили отвѣтъ, что это — немыслимо, такъ какъ слишкомъ велика общая ненависть къ „синимъ воротникамъ". Эту ненависть можно объяснить только тѣмъ, что многіе отожествляютъ всѣхъ матросовъ, отказываются вѣрить, что среди нихъ есть хорошіе люди. Казалось бы, ужъ кому ненавидѣть матросовъ, такъ это — морскимъ офицерамъ; но они отнюдь не ослѣплены чувствомъ мести и строго разбираются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Руденокъ, Дючковъ, Измайловъ, Дыбенко и другіе, если только они еще живы, должны примѣрно расплатиться за свои злодѣянія. Это все — старые матросы; но такихъ было немного.

Убійцы же въ Гельсингфорсѣ и Кронштадтѣ, а также герои Петрограда, были большей частью или „ряженые", или молодые матросы, еще не имѣвшіе никакого представленія о флотѣ.

Къ этой же формаціи принадлежала и команда „Хивинца", укомплектованная по выбору Смольнаго. Большевистскій переворотъ и демобилизація застали „Хивинца" въ Невѣ, и матросы съ него играли видную роль при первыхъ шагахъ новой власти. Вотъ изъ кого состояли тѣ „матросскіе" патрули, которые посылались большевиками для производства обысковъ и арестовъ, неизмѣнно сопровождавшихся грабежами и насиліями. „Хивинецъ" былъ даже непосредственно соединенъ съ Гороховой, 2, полевымъ телефономъ, по которому и получалъ распоряженія. Команда его ни въ чемъ не нуждалась: она получала отъ Смольнаго особое денежное довольствіе, неограниченный паекъ и бѣлый хлѣбъ. Но среди нихъ не было ни одного настоящаго стараго матроса.

Именно такого рода были и тѣ матросы съ „Рюрика", которые служили палачами въ Кронштадтской чрезвычайкѣ, за плату въ 125 рублей съ головы разстрѣляннаго.

Но какое отношеніе къ флоту имѣютъ всѣ они, не видѣвшіе не только – войны, но даже моря? Ихъ срокъ службы былъ не старше — 1917 и 1918 г. г.

Была и совершенно особая категорія „красныхъ матросовъ". Такъ, когда часть Минной Дивизіи изъ-за своей большевист-

ской „неблагонадежности“ была уже переведена поближе къ Обуховскому и Невскому заводамъ, подъ угрозу орудій „Хивинца“, на нее былъ назначенъ комиссаромъ нѣкій Бушъ. Матросомъ онъ никогда не былъ и надѣлъ матросскую фланелевку и фуражку только въ февралѣ 1918 года. Прошлое его терялось въ мракѣ неизвѣстности, а относительно настоящаго не могло быть сомнѣнія, что это — платный агентъ Смольнаго. Всегда расфранченный, до-нельзя вѣжливый и аккуратный, онъ скорѣе напоминалъ не простого матроса, а бывшаго студента. Неужели и его слѣдуетъ причислить къ средѣ матросовъ и на этомъ основаніи дѣлать какіе-нибудь выводы? . .

Отвращеніе, питаемое обществомъ къ матросамъ, вытекаетъ именно отсюда, изъ такихъ примѣровъ. Обобщать — легко, хотя слѣдовало бы и разобраться.

Являются ли матросы печальнымъ исключеніемъ изъ русскаго народа? Большая часть ихъ, несомнѣнно — глубоко преступна, но, развѣ меньшее количество такихъ же злодѣевъ можно найти среди солдатъ, рабочихъ, или крестьянъ? Революція развратила весь народъ. Матросы же, являясь плоть отъ плоти и кровь отъ крови этого народа, со всѣми его плюсами и минусами, не избѣжали той же участи. Почему же обобщаютъ только матросовъ, но не обобщаютъ весь русскій народъ?

Когда былъ здоровъ народный организмъ — были хороши и всѣ его составныя части, когда же ядъ разложенія коснулся Русскаго Колосса, то въ немъ оказался отравленъ каждый атомъ. Вотъ такими то атомами и являются матросы. Дѣйствіе яда не осуждаютъ, но съ нимъ борются, стараются локализовать дальнѣйшій процессъ разрушенія. Матросы будутъ опять хороши, когда выздоровѣетъ Россія.

XXV.

Международное политическое положеніе послѣ войны. Исторія союза Россіи съ Державами Согласія. Роль русской „общественности“ въ подготовкѣ войны. Война, Россія и союзники. Требованія союзниковъ и резолюція Государя Императора. Участіе представителей союзныхъ Державъ въ февральскомъ заговорѣ. Сэръ Джорджъ Бьюкэненъ. Отказъ представителей Англіи въ содѣйствіи спасенію Царской Семьи. Дѣятельность союзниковъ на югѣ Россіи. Обзоръ состоянія Черноморскаго Флота до 18-го іюня 1918 г. Совѣщанія относительно его судьбы. Виновники Новороссійской трагедіи. Союзники въ Севастополѣ. Вторичный уходъ Флота въ Новороссійскъ. Ликвидація Севастопольской крѣпости и оставшихся кораблей. Остатки Черноморскаго Флота въ Бизертѣ. Англійская политика на Балтійскомъ морѣ. Англичане въ Сѣверной Области. Смерть Адмирала А. В. Колчака. Россія и Державы Согласія. Результаты и выводы Міровой войны на морѣ. Памяти Русскаго Флота.

Кончилась Міровая война.

Молчатъ орудія; не работаютъ пулеметы; опустѣли окопы... Не бороздятъ морей грозныя эскадры дредноутовъ; не разсѣкаютъ волны легкіе, граціозные корпуса крейсеровъ, и быстроходные миноносцы не снуютъ по необъятной шири водныхъ пространствъ; не видно больше и коварнаго перископа, незамѣтно подбирающагося къ своей жертвѣ. Моря опустѣли, но. вотъ, понемногу, по всѣмъ направленіямъ, поползли неуклюжіе „купцы“, уже спокойно везущіе теперь грузы. Въ воздухѣ — тишина, и не носятся въ немъ легкокрылыя стальныя птицы, вѣнецъ творенія человѣческаго генія; не плывутъ воздушные корабли, безшумно направляясь къ чужимъ городамъ, чтобы, подъ покровомъ темноты, сбросить тамъ свои бомбы. . .

Почти пять лѣтъ длилась война, и Европа стояла, залитая потоками крови. Сколько убитыхъ и искалѣченныхъ! Сколько лишено крова и обездолено! Огромные цвѣтущіе районы пре-

вращены въ пустыни, а города — въ развалины; уничтожены дивные памятники искусства; сведена на нѣтъ упорная работа цѣлыхъ поколѣній. Пройдетъ много времени прежде, чѣмъ все будетъ возстановлено, и жизнь опять войдетъ въ старое русло.

Эти годы великой борьбы видѣли много героизма, много чудесъ храбрости обѣихъ противныхъ сторонъ. Такой войны еще никогда не знала Исторія, ни по оружію, ни по способамъ веденія, ни по количеству жертвъ. Человѣческій геній неустанно работалъ надъ средствами истребленія, и съ изумительной быстротой совершенствовались аэропланы и воздушные корабли, подводныя лодки и мины, орудія, пулеметы, газы и т. д. Вся энергія міра была направлена исключительно на то, чтобы достичь наибольшихъ результатовъ въ области разрушительной техники.

Всѣ на фронтъ! Все для войны! Война до полной побѣды! — вотъ лозунги, которыми проникся и жилъ обезумѣвшій міръ.

Исходъ войны былъ уже заранѣе предрѣшенъ, такъ какъ Германія, героически боровшаяся одна противъ многочисленныхъ враговъ, не могла побѣдить. Непобѣжденная въ военномъ искусствѣ, она пала, раздавленная численностью противниковъ.

Германія была добита; принуждена была склонить свою гордую голову предъ неумолимыми врагами. Но, кромѣ нея, есть еще и другія жертвы этой войны, и среди нихъ — Великая Россія. Она — тоже въ числѣ побѣжденныхъ; но побѣждена не въ борьбѣ, а происками союзниковъ и внутренними врагами. Прежде — Державная и Могучая, нынѣ Она — нищая, несчастная, безотвѣтная раба иноплеменныхъ правителей и иностранныхъ вожделѣній.

Результаты войны для Россіи и Германіи невольно вызываютъ въ умѣ картину смертельной борьбы между двумя орлами, схватившимися въ воздухѣ. Вокругъ нихъ, въ ожиданіи конца боя, вьются многочисленные вороны. Удары орлиныхъ клювовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, и одна за другой наносятся страшныя раны. . . Въ пылу борьбы, орлы не слышатъ зловѣщаго крика вороньей стаи, которой сами же себя обрекли въ добычу. Только, почуявъ предсмертную тьму и камнемъ летя изъ-подъ небесныхъ высей на чуждую землю, они замѣчаютъ, наконецъ, опасность, но поздно: они обезсилены и сопротивляться не могутъ. . . Торжествуя, набрасывается на нихъ воронье, терзаетъ и тащитъ по кускамъ могучія орлиныя тѣла. . .

Какъ бы тамъ ни было, но цѣль, поставленная союзниками въ началѣ войны, была достигнута. Германія была побѣждена; „Русская опасность“ — ликвидирована. Не выдержали нервы русскаго и германскаго народовъ; не хватило терпѣнія, кото-

рое къ тому же умѣло подтачивалось и тайной работой революціонныхъ партій. Изъ войны родились революціи и, кромѣ побѣды Антанты, она несла съ собой разрушеніе Императорскимъ Тронамъ и рабство народамъ подъ пятой краснаго интернаціонала.

Гуманные принципы, торжественно возвѣщенные Вудро Вильсономъ въ его пресловутыхъ 14 пунктахъ, прозвучали жестокой насмѣшкой. Они были использованы лишь въ выгодахъ побѣдителей, и мирный договоръ, выработанный черезъ годъ, былъ полонъ небывало-суровыхъ требованій къ побѣжденнымъ Державамъ. Онъ лишалъ ихъ армій и флота, наносилъ страшный ударъ промышленности и всему благосостоянію странъ, втаптывалъ въ грязь народную гордость. Чаша вѣсовъ справедливости была рѣзко перетянута пристрастіемъ и корыстью. . .

Скрѣпя сердце, съ непримиримой ненавистью, Центральныя Державы подписали миръ, и эту ненависть глубоко затаили въ себѣ. Своими чрезмѣрными требованіями союзники зародили въ нихъ идею будущаго реванша, укрѣпили ее и подготовили опасность новаго пожара войны.

Правда, въ мирномъ договорѣ, среди именъ побѣжденныхъ Державъ, Россіи не было; но ея не было и въ ряду торжествующихъ побѣдителей. Всѣ Державы Согласія требовали себѣ вознагражденія за понесенныя во время войны жертвы. Только Россія не могла имѣть никакихъ претензій, и никто ни о чемъ ее не спрашивалъ. Наоборотъ, пользуясь ея временной слабостью, союзники принялись систематически ее расчленять и отнимать даже то, что искони ей принадлежало. Думается намъ, что, когда возродится Россія, Державы Согласія симпатій въ ней не встрѣтятъ.

Итакъ, война не разогнала черныхъ тучъ, не установила политическаго равновѣсія. Страсти продолжаютъ бурлить: вновь созданныя государства, влача жалкое существованіе, непрерывно враждуютъ другъ съ другомъ; а большія — неувѣренныя въ прочности сфабрикованнаго мира, продолжаютъ все время быть наготовѣ. Торжествуетъ принципъ: „Хочешь мира — готовься къ войнѣ!“ Революціонныя смуты вспыхиваютъ то здѣсь, то тамъ, и подтачиваютъ вѣковые устои государствъ. Всѣмъ тяжело, всѣ недовольны. . .

На Дальнемъ Востокѣ начинаютъ сгущаться новыя грозовыя тучи, и слышится пока далекое бряцаніе оружія. Проблема Тихаго океана встала на очереди, и куда она приведетъ — не можетъ предсказать ни одинъ мудрый политикъ.

А сквозь темную завѣсу грядущихъ лѣтъ вырисовывается еще и новая борьба: побѣжденныхъ Державъ съ Державами-

побѣдительницами. Дорого заплатитъ Антанта за свою недальновидную политику, за свои роковыя ошибки.

Въ этой будущей войнѣ народовъ, Россія должна сыграть главную роль. Пусть сейчасъ она вся лежитъ въ развалинахъ; но срокъ ея воскресенія уже недалекъ. Какъ бы ни старались тайныя и явныя вліянія помѣшать ей снова встать на ноги — она все-таки будетъ возстановлена. Вмѣстѣ съ Царской Властью, къ ней сказочно быстро вернется ея былая мощь, ея міровое значеніе. Она предъявитъ длинный счетъ всѣмъ своимъ недругамъ, потребуетъ расплаты за пережитыя ею муки и униженія.

Изъ лабиринта міровой политики уже выхватывается и сводится въ одинъ итогъ цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о русскихъ обидахъ. Большая часть изъ нихъ нанесена Россіи ея бывшими союзниками, которые черной неблагодарностью отплатили ей за всѣ ея безчисленныя жертвы во время послѣдней войны.

Картины прошлаго проносятся передъ глазами, будя тяжелыя воспоминанія. . . Чудятся кровавыя нивы Міровой войны, поля, усѣянныя костьми русскихъ воиновъ, побѣдные восторги ликующей Антанты, и, наряду — несчастья Россіи, вызванныя стараніями ея мнимыхъ друзей. . .

Но пусть молчатъ комментаріи, и говорятъ только факты. . . Отрѣшимся на мигъ отъ текущей жизни и перенесемся немного назадъ, чтобы прослѣдить постепенный темпъ дѣйствія злополучнаго для Россіи союза съ Державами Согласія.

Года за два или за три до войны, въ Россію вдругъ что-то часто стали наѣзжать иностранные гости. Начались роскошные банкеты и рауты; рѣчи о симпатіи къ нашей Родинѣ, отвѣтныя „изліянія русскихъ чувствъ"; завѣренія о трогательной преданности русскихъ „общественныхъ силъ" Державамъ Согласія: таковы, въ плоскости политиканства и легкомысленныхъ шатаній части русскаго общества, были первые моменты союзной дружбы.

Все старое было какъ-то сразу забыто. Улетучились изъ памяти нашихъ либераловъ, ставшихъ неожиданно ярыми шовинистами, даже недавнія воспоминанія о русско-японской войнѣ, о томъ, какъ тогда Франція относилась къ Россіи, объ интригахъ Англіи, имѣвшихъ цѣлью колебать мощь Сѣвернаго Колосса. . . Забылось многое, что слѣдовало помнить и изъ круга своихъ мыслей и разсчетовъ не выпускать.

Когда эскадра Адмирала Рожественскаго совершала свой крестный путь, ни одна изъ нейтральныхъ державъ не относилась къ ней такъ недружелюбно, какъ Франція. Русскимъ кораблямъ, ради соблюденія „строжайшаго нейтралитета", ни

подъ какимъ видомъ не позволяли оставаться больше 24 часовъ на „дружественномъ“ рейдѣ и „покорно просили“ уйти, „во избѣжаніе какихъ-либо международныхъ конфликтовъ“.

Злосчастный инцидентъ въ Гуллѣ былъ полонъ загадокъ. Но такъ или иначе, онъ былъ созданъ Англіей, чтобы по возможности скомпрометировать эскадру.

Германія не давала спокойно спать Державамъ Согласія. Не по днямъ, а по часамъ растущая мощь ея и слабый разсчетъ на свои собственныя силы заставляли союзниковъ обратить свой благосклонный взоръ въ сторону Россіи. Началась работа по „завоеванію“ русскихъ симпатій. Огромную пользу въ этомъ дѣлѣ, разумѣется, могла принести пресса. И, путемъ искусныхъ махинацій и крупныхъ денежныхъ субсидій, союзникамъ удалось фактически заполучить въ свои руки главнѣйшіе органы русской печати.

Немало милліоновъ Антанты, при посредствѣ нѣкоторыхъ, скорѣе менѣе, чѣмъ болѣе, почтенныхъ общественныхъ дѣятелей, перешло въ редакціи „Новаго Времени“, „Голоса Москвы“, „Рѣчи“ и другихъ, менѣе крупныхъ и вліятельныхъ, газетъ.

Печальной памяти Гучковъ, Милюковъ, князь Львовъ и прочіе „общественные дѣятели“ отлично играли въ руку „союзникамъ“, и, повинуясь ихъ камертону, гремѣли, одна вслѣдъ за другой, газетныя статьи, направленныя противъ Германіи и трактовавшія о неизбѣжности грядущаго столкновенія съ ней.

А. И. Гучковъ, состоявшій одно время предсѣдателемъ редакціоннаго отдѣла „Новаго Времени“, по разсказамъ хорошо знакомыхъ съ нимъ лицъ, требовалъ къ себѣ въ кабинетъ для просмотра статьи и вычеркивалъ изъ нихъ все, что только не согласовалось съ интересами Державъ Согласія. Ради этого, онъ не стѣснялся даже искажать самый смыслъ статей, говоря сотрудникамъ: „Побольше, господа, какъ можно больше бряцайте оружіемъ, такъ, чтобы черезъ каждую строку можно было бы уже слышать гулъ будущей орудійной канонады“. . .

Успѣхъ пропаганды дѣлалъ свое дѣло. Предостерегавшіе голоса правыхъ о томъ, что война съ Германіей можетъ имѣть роковыя послѣдствія для Россіи, заглушались общимъ хоромъ газетной свистопляски.

Тайныя пружины политики дѣйствовали безошибочно. Стремленіе Государя Императора избѣжать войны было парализовано цѣлымъ рядомъ искусно предпринятыхъ ходовъ.

Война вспыхнула. Желѣзныя германскія арміи, сломивъ сопротивленіе, проникли во внутрь Франціи. Казалось, что Парижъ будетъ неминуемо взятъ. . . Но, для отвлеченія непріятельскихъ силъ, Россія предприняла наступленіе въ Восточную Пруссію. Эта операція для нея не только была безполезна, но даже не соотвѣтствовала цѣлесообразности плана

кампаніи: но она спасла Францію отъ разгрома, казавшагося уже неизбѣжнымъ. Такъ, цѣною жизни сотенъ тысячъ лучшихъ, отборныхъ русскихъ воиновъ, изъ германскихъ рукъ было вырвано уже близкое торжество.

Бурей восторга, ликованій и привѣтствій по адресу Россіи была охвачена вся французская печать. „Temps" писалъ, что Франція никогда не забудетъ того, что Россіей было сдѣлано ради ея спасенія, и что въ благодарной памяти каждаго француза никогда не изгладится воспоминаніе о погибшихъ русскихъ герояхъ.

Каждый разъ, когда начинался натискъ германцевъ на Францію, Россія приходила на помощь своимъ очереднымъ наступленіемъ.

Въ сущности, со стороны союзниковъ, Россія была главной участницей войны, и энергія, затраченная ею, была несоизмѣримо больше союзной.

Какъ же вели себя союзники? — Оставимъ въ покоѣ давно, кстати, заглохшія и забытыя, похвалы ихъ прессы русской доблести, — и прослѣдимъ, что скажутъ факты.

Россія безъ снарядовъ. Она должна получить ихъ, вотъ-вотъ. . . На американскихъ заводахъ ихъ изготовлено огромное количество — но . . . не Россіи достаются они, хотя заказъ сдѣланъ именно ею. Союзники перехватываютъ ихъ для своихъ надобностей, а переговоры и переписка по этому поводу ни къ чему не приводятъ.

И Русская Армія принуждена была отступать. Что же дѣлали въ это время союзники? Они — стояли на старыхъ позиціяхъ, и ихъ штабы торжественными телеграммами оповѣщали весь міръ: „Въ Вогезахъ мы продвинулись на 135 метровъ впередъ и взяли двухъ плѣнныхъ . . ." и т. д.

Но, и безъ помощи союзниковъ, Россія оправилась отъ своихъ неудачъ и продолжала борьбу съ еще большимъ рвеніемъ. . . .

Начало 1917 года. Зимнее затишье. На фронтѣ страшной, но ненужной войны стальною стѣной стояли русскія войска. Внутри Россіи, на заводахъ и фабрикахъ, неугомонно работали станки. По желѣзнымъ дорогамъ, одинъ вслѣдъ другому, неслись поѣзда, подвозя фронту боевые припасы. . .

Весна была не за горами: отдохнувшія и пополненныя арміи ждали ея, чтобы идти въ наступленіе. Никто въ Арміи не зналъ, никто и не предполагалъ, что Россія уже находилась у порога жесточайшей смуты и полнаго развала. Меркла звѣзда Царской Россіи — всходила комета революціи. . .

Союзникамъ русское наступленіе уже не требовалось. Они и безъ нея теперь разсчитывали справиться съ обезкровленной Германіей. Они боялись, что побѣда усилитъ Россію, дастъ ей

въ руки чашу вѣсовъ международной политики. „Русская опасность“ тревожила неумолчной угрозой, и ее было рѣшено ликвидировать еще въ зачаточномъ состоянiи.

Было два исхода. Первый — дипломатическимъ путемъ подчинить Россiю своему влiянiю, сдѣлать ее безпрекословной исполнительницей своихъ предписанiй. Второй, въ случаѣ неудачи перваго — войти въ сношенiя съ русскими либеральными и революцiонными партiями, субсидировать ихъ и приспособить для своихъ цѣлей; когда же почва окажется достаточно подготовленной, посредствомъ государственнаго переворота свергнуть Царскую Власть и у кормила правленiя водворить преднамѣченныхъ ставленниковъ, которыхъ покорное подчиненiе обезпечитъ дальнѣйшее использованiе Россiи.

Въ 1917 году, лѣтомъ, членъ Государственной Думы Е. П. Ковалевскiй, бывшiй послѣ революцiи комиссаромъ народнаго образованiя, разсказывалъ, какъ подготовлялся февральскiй переворотъ, непосредственнымъ участникомъ котораго былъ и онъ.

Въ январѣ 1917 года, въ Петроградъ прибыла союзная комиссiя, въ лицѣ представителей Англiи, Францiи и Италiи.

Послѣ совѣщанiя съ англiйскимъ посломъ, сэромъ Джорджемъ Бьюкэненомъ, французскимъ посломъ Палеологомъ, Гучковымъ, бывшимъ, въ то время предсѣдателемъ Военно-Промышленнаго Комитета, княземъ Львовымъ, предсѣдателемъ Думы Родзянко, Сазоновымъ, Милюковымъ, Генераломъ Поливановымъ и нѣкоторыми другими лицами, эта миссiя имѣла наглость представить нашему Государю требованiя слѣдующаго рода:

I. Введенiе въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго союзныхъ представителей съ правомъ рѣшающаго голоса.

II. Обновленiе командного состава всѣхъ армiй по указанiямъ державъ Согласiя.

III. Введенiе конституцiи съ отвѣтственнымъ министерствомъ.

Государь Императоръ на эти „требованiя“ положилъ такiя резолюцiи:

По первому пункту: „Излишне введенiе союзныхъ представителей, ибо Своихъ представителей въ союзныя армiи, съ правомъ рѣшающаго голоса, вводить не предполагаю.“

По второму пункту: „Тоже излишне. Мои армiи сражаются съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ армiи Моихъ союзниковъ.“

По третьему пункту: „Актъ внутренняго управленiя подлежитъ усмотрѣнiю Монарха и не требуетъ указанiй союзниковъ.“

Въ англійскомъ посольствѣ, сейчасъ же послѣ того, какъ сдѣлался извѣстнымъ отвѣтъ Государя, состоялось экстренное совѣщаніе при участіи вышеупомянутыхъ лицъ.

На этомъ роковомъ и преступномъ совѣщаніи, имѣвшемъ для Россіи безповоротно гибельное значеніе, было рѣшено „бросить законный путь и выступить на путь революціи", причемъ время для переворота было назначено на первый же отъѣздъ Государя въ Ставку. На полученныя отъ союзныхъ представителей деньги начала вестись усиленная агитація въ пользу переворота.

Такъ какъ русскіе участники заговора были увѣдомлены о томъ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Протопоповъ что-то подозрѣваетъ, то въ силу этого, боясь ареста, они пристроились при членахъ союзнической миссіи и жили у нихъ на квартирахъ. Такъ, самъ Ковалевскій пристроился при генералѣ Кастельно. Для обсужденія же вопросовъ текущаго времени и болѣе подробной разработки плана будущаго выступленія — собирались на квартирѣ англійскаго посла Бьюкэнена.

Какъ активно шла работа по подготовкѣ переворота — говоритъ хотя бы дѣятельность лазарета для раненыхъ при англійскомъ посольствѣ, которымъ завѣдывала миссъ Бьюкэненъ. Тамъ открыто шла агитація среди солдатъ, и имъ прививался ядъ злобы и ненависти противъ существующаго Строя. Кромѣ того, когда за англійскими подарками въ посольство являлись пріѣзжавшіе съ фронта солдаты, имъ, жадно схватывавшимъ послѣднія новости о положеніи и настроеніи въ тылу, передавались, какъ неоспоримые факты, разные клеветническіе вымыслы про Царскую Семью, Министровъ и т. д. Гдѣ было сѣрому уму солдатъ разобраться въ тонкостяхъ злостной интриги! Вернувшись въ окопы, они служили безсознательными проводниками союзныхъ замысловъ. Дорого обошлись Россіи эти англійскіе подарки.

Результаты — превзошли ожиданія. Петроградъ занялся заревомъ многочисленныхъ пожаровъ, и забушевалъ безсмысленный, дикій бунтъ. Безпрерывная стрѣльба, красные флаги, возбужденный вой озвѣрѣлой толпы, сплошь состоявшей изъ отбросовъ и подонковъ столицы, которые, какъ по мановенію какой-то волшебной палочки, всѣ вышли изъ своихъ подполій на улицы. Въ эти дни пролились цѣлые потоки крови, и лучшей русской крови: крови тѣхъ, кто оставался вѣренъ Присягѣ и Долгу. . .

Успѣхъ заговора былъ полный. Со звуками марсельезы, къ зданіямъ союзныхъ посольствъ потекли „манифестаціи". Французская набережная кишѣла народомъ, а на балконѣ своего посольскаго дома сэръ Джорджъ Бьюкэненъ распинался передъ толпой и, черезъ переводчика, выражалъ свой восторгъ видѣть русскій народъ освобожденнымъ отъ „Царскаго деспотизма",

и привѣтствовалъ революцію, какъ отъ имени своего народа, такъ и отъ себя лично. . . А рядомъ съ Бьюкэненомъ, въ полномъ сознаніи своего революціоннаго достоинства и достигнутаго успѣха, красовались Милюковъ, Родичевъ и многіе другіе члены Временнаго правительства.

Переворотъ совершился, и съ этого времени началась медленная агонія Россіи. Громы и молніи сыпались на нее отъ союзниковъ за то, что она — измѣняетъ данному слову, что ея фронтъ — сталъ для нихъ обузой. . . Они же привили Россіи ядъ разложенія — и они же еще были въ претензіи на нее, когда, начиная дѣйствовать все сильнѣе и сильнѣе, этотъ ядъ скрутилъ по рукамъ и ногамъ русскую боевую мощь. . .

До наступленія большевизма, союзники дали еще нѣсколько примѣровъ невѣрности своего слова и злого предательства.

Когда-то они клялись Русскому Царю быть въ крѣпкомъ союзѣ съ Нимъ; клялись въ готовности раздѣлить самыя трудныя тяготы ради общей цѣли.

Императоръ Николай II сдержалъ свое слово до конца; а союзники по отношенію къ Нему оказались клятвопреступниками.

Дважды обращались къ англичанамъ русскіе люди съ просьбой помочь имъ въ освобожденіи томившихся въ тяжкой неволѣ Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи.

Первый разъ — это было въ апрѣлѣ 1917 года — обратились за содѣйствіемъ къ Бьюкэнену. Требовалось только, чтобы онъ снесся со своимъ правительствомъ, и оно выслало бы навстрѣчу русскому крейсеру англійскій корабль, который принялъ бы на свой бортъ Государя и Августѣйшую Семью. Въ то время, невольно поддаваясь обаянію личности нашего Царя, этому плану сочувствовалъ даже Керенскій. Поэтому то казалось, что удастся совершить великое дѣло спасенія чистыхъ, невинныхъ Жертвъ безвременья и безлюдія.

Но Сэръ Джорджъ Бьюкэненъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, сказавъ:

„Есть ли когда объ этомъ думать! Теперь всѣ заняты гораздо болѣе серьезными вещами. Да къ тому же, я не хочу обременять моего Государя и мое правительство лишними осложненіями.“

Не менѣе характерный отвѣтъ, въ іюлѣ того же года, на такого же рода просьбу, далъ англійскій военный агентъ, генералъ Ноксъ, къ которому, кстати, въ дни величія и счастья Россіи, очень милостиво относились при нашемъ Дворѣ.

„Англія“ — сказалъ Ноксъ, „нисколько не заинтересована въ судьбѣ Русской Императорской Семьи“. . .

Когда Временное правительство безвременно слетѣло со своихъ курульныхъ креселъ, и на ихъ мѣстахъ водворились

вожди большевизма, союзники забили тревогу и стали кричать, что большевизмъ — это дѣло нѣмецкихъ рукъ, „погубившихъ" такимъ образомъ Россію. . .

Да, Ленинъ и другіе пріѣхали въ „запломбированныхъ" вагонахъ; но не будь февраля, не было бы и октября. Большевизмъ — это естественное слѣдствіе Керенщины, отцами которой были союзники.

Съ водвореніемъ большевиковъ, центральная Россія стала союзникамъ недоступной, а потому они перенесли свою „просвѣщенную дѣятельность" на Югъ, гдѣ стала формироваться Добровольческая Армія, и гдѣ среди казаковъ росло движеніе противъ большевизма.

„Помощь, поддержка — что хотите", но только на словахъ, а не на дѣлѣ. . . А факты говорятъ другое и обнаруживаютъ явную враждебность къ вопросу о возстановленіи Великой Россіи, сложную сѣть интригъ и утонченное предательство.

Въ говорѣ волнъ Чернаго моря слышится ропотъ. То, свидѣтелемъ чего ему привелось быть, вопіетъ къ небу; ибо на судъ человѣческій — надежда плоха, а кромѣ того, многое скрыто. . .

Былой мощи Россіи на немъ — уже нѣтъ. Одна часть Черноморскаго Флота нашла свою могилу въ глубинахъ тѣхъ водъ, на которыхъ еще такъ недавно господствовала; другая — лежитъ искалѣченной въ своей базѣ; третья — ютится въ иностранномъ порту. Краткій обзоръ состоянія Черноморскаго Флота послѣ переворота, составленный Капитаномъ 2-го ранга Н. Р. Гутаномъ, а также — другія данныя, позволяютъ представить ходъ событій и указать виновниковъ этого разгрома.

„Черноморскій флотъ, идя крупными шагами съ первыхъ дней революціи къ полному развалу, окончательно пересталъ существовать, какъ таковой, къ декабрю мѣсяцу 1917 г. До этого момента, несмотря на то, что дезорганизація была уже полная, и флотомъ распоряжались и совѣтъ, и центрофлотъ, и различныя комиссіи, все же, время отъ времени, миноносцы продолжали еще высылаться къ непріятельскимъ берегамъ. Въ морѣ, по инерціи, команды держались въ повиновеніи, и сохранялась даже видимость нѣкоторой организованности, которая сразу исчезала при возвращеніи на рейдъ.

Къ декабрю 1917 г., благодаря разнымъ декретамъ и приказаніямъ, были окончательно уволены въ запасъ послѣдніе старые матросы. Къ этому времени, въ Севастополѣ успѣлъ окончательно свить себѣ гнѣздо большевизмъ, чему способствовало большое число съѣхавшихся въ этотъ городъ, какъ нѣмецкихъ агентовъ, такъ и спеціальныхъ комиссаровъ и агитаторовъ, присланныхъ изъ Москвы и Петрограда.

Въ Севастополѣ начинаетъ играть видную роль, а затѣмъ Совнаркомомъ назначается даже комиссаромъ флота, нѣкто Спиро — типъ талантливаго международнаго афериста, по слухамъ, имѣвшій отношеніе къ Австрійскому Генеральному Штабу.

Все же, на Минной Бригадѣ нижніе чины разлагались сравнительно медленнѣе, чѣмъ на большихъ судахъ, гдѣ они занимались исключительно митингованіемъ, вынесеніемъ модныхъ резолюцій, обысками и отбираніемъ оружія у офицеровъ и гражданскаго населенія. Въ ноябрѣ велась очень сильная агитація противъ Дона, и главнымъ образомъ, его Атамана — покойнаго Генерала Каледина.

Благодаря этой агитаціи, матросы стали формировать сухопутные отряды, отправлявшіеся походнымъ порядкомъ противъ Дона; туда уже вошли и команды Минной Дивизіи. Отряды эти въ пути таяли, такъ какъ большинство расходилось по городамъ и селамъ съ цѣлью грабежа; меньшинство же, доходя до фронта, несло пораженія. Обозленность противъ офицерства, усиливалась съ каждымъ днемъ.

Было ясно, что назрѣваетъ рѣзня. Начались аресты, сначала лицъ, якобы причастныхъ къ подавленію предполагавшагося мятежа на Черноморскомъ флотѣ въ 1912 году. По приказанію комиссара, матроса Романца, были арестованы Адмиралы: Новицкій, Каськовъ, Александровъ; Генералъ Кетрицъ; Капитаны 1-го ранга: Кузнецовъ, Свиньинъ; Капитанъ 2-го ранга Саловъ и нѣсколько другихъ офицеровъ. Тогда же, за отказъ идти съ командой противъ Дона, были арестованы командиръ миноносца „Пронзительный", Капитанъ 2-го ранга Каллистовъ, и почти всѣ его офицеры. Первымъ сигналомъ къ разстрѣлу офицеровъ было убійство среди бѣла дня на миноносцѣ „Фидониси" гулявшаго по палубѣ Мичмана Скородинскаго. Убитъ онъ былъ въ спину изъ машиннаго люка.

Въ эти же дни, Командующій флотомъ, Адмиралъ Немитцъ, съ Капитаномъ 2-го ранга Максимовымъ и флагъ-офицеромъ, срочно выѣхалъ въ Петроградъ на какое-то совѣщаніе, но на пути всѣ они неизвѣстно куда скрылись. За день передъ ними, въ Петроградъ выѣхалъ и комиссаръ Романецъ. Уѣзжая, Немитцъ за себя оставилъ Начальника Штаба, Адмирала Саблина.

Вечеромъ, 15-го декабря, въ день похоронъ Мичмана Скородинскаго, командой миноносца „Хаджибей" были арестованы и затѣмъ разстрѣляны на Малаховомъ курганѣ командиръ, Капитанъ 2-го ранга Пышновъ, и всѣ офицеры миноносца, за исключеніемъ одного. Ночью же, матросами, среди которыхъ видную роль играли вернувшіеся съ похода противъ Дона, были въ экипажѣ разстрѣляны и всѣ арестованные офицеры,

съ Адмираломъ Новицкимъ во главѣ. На слѣдующій день происходили почти поголовные аресты офицеровъ, изъ которыхъ въ ближайшія ночи были разстрѣляны: Капитанъ 1-го ранга Климовъ, Капитанъ 2-го ранга Орловъ, Старшій Лейтенантъ Погорѣльскій, Лейтенантъ Дубницкій и др. Въ большинствѣ случаевъ разстрѣлы производились изъ-за личной мести. Дня черезъ два-три, разными революціонными организаціями были приняты мѣры къ прекращенію разстрѣловъ, которыя конечно не помогли бы, еслибы они не прекратились сами собой. Далѣе были лишь отдѣльные случаи убійствъ въ другихъ портахъ. Всего офицеровъ было убито человѣкъ 35–40. Въ это время, Спиро и былъ назначенъ комиссаромъ флота.

Въ январѣ мѣсяцѣ выяснилось, что несмотря на пресловутый Брестъ-Литовскій мирный договоръ, нѣмцы продолжаютъ вести наступленіе и, что цѣлью этого наступленія является завладѣніе Черноморскимъ флотомъ и портами Чернаго моря. Среди, такъ называемой, революціонной демократіи появляется обычный лозунгъ „борьбы до конца, до послѣдняго снаряда“, появляется упорное желаніе, на словахъ, оборонять Крымъ, путемъ созданія Перекопскаго фронта. Эту идею особенно рьяно пропагандируетъ, вплоть до разрыва съ Совнаркомомъ, комиссаръ Спиро.

Между тѣмъ, изъ Москвы получаются директивы – съ одной стороны, военныхъ дѣйствій не открывать, такъ какъ нѣмцы въ Крымъ не пойдутъ; съ другой же, секретно предписывается приспособить Новороссійскъ для перехода туда флота, а самый флотъ, въ томъ числѣ и всѣ старые корабли, давно стоявшіе уже у стѣнки безъ командъ, готовить къ эвакуаціи. Отъ прямыхъ отвѣтовъ, грозитъ ли Севастополю и Крыму захватъ со стороны нѣмцевъ, Совнаркомъ уклонялся.

Въ серединѣ января было спровоцировано наступленіе на Севастополь какихъ-то несуществующихъ Крымскихъ войскъ. Дѣло въ томъ, что послѣ декабрьскихъ событій, большое число морскихъ офицеровъ бѣжало изъ Севастополя. Часть ихъ остановились въ Симферополѣ, гдѣ въ это время, подъ призрачной охраной, образовавшагося Крымскаго правительства, собралось значительное количество офицеровъ арміи. Былъ образованъ штабъ Крымскихъ войскъ, но самыхъ войскъ, кромѣ 2–3 татарскихъ эскадроновъ на весь Крымъ, не было. Штабъ этотъ повелъ дѣло очень легкомысленно и, быть можетъ, даже иногда „бряцалъ оружіемъ“. Конечно, это былъ достаточный поводъ для провокаціи и, 11-го января ночью, было объявлено о татарскомъ наступленіи на Севастополь. Были срочно призваны и вооружены матросы и рабочіе, и отрядъ, численностью около 7000, отправился на Симферополь. Не встрѣтивъ никакого сопротивленія, этотъ отрядъ вступилъ туда и сталъ

избивать неуспѣвшихъ бѣжать офицеровъ и мѣстныхъ богачей. Часть офицеровъ бѣжала въ Ялту, а часть въ Евпаторію, гдѣ они рѣшили оказать сопротивленіе.

Поэтому, въ эти порты были посланы отряды, и кромѣ того миноносцы, преимущественно типа „Хаджибей". Миноносцы ходили съ однимъ или двумя офицерами, иногда забирая чуть ли не первыхъ попавшихся на улицѣ. По Ялтѣ и Евпаторіи ими было выпущено нѣсколько сотъ снарядовъ, и разстрѣляно и утоплено около 200 человѣкъ преимущественно офицеровъ.

Къ этому времени относится также эвакуація нами Дуная, гдѣ (Совнаркомъ считалъ себя на положеніи войны съ Румыніей), въ концѣ концовъ, румынскіе мониторы артиллерійскимъ огнемъ заставили уйти нашу, пытавшуюся, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, „наступать", Дунайскую флотилію.

Въ январѣ же мѣсяцѣ, для полученія прямого отвѣта отъ Совнаркома о политическомъ положеніи, въ связи съ наступленіемъ нѣмцевъ на Югѣ Россіи, были посланы въ Москву Спиро, Старшій Лейтенантъ Левговдъ и одинъ матросъ. Этимъ лицамъ было поручено достать денежныя средства на содержаніе флота, къ тому времени уже перешедшаго на вольнонаемныя начала. Въ Москвѣ Спиро, называвшій себя лѣвымъ эсъ-эромъ, былъ арестованъ за непризнаніе Брестскаго мира, за ослушаніе совѣтской власти и за пропаганду обороны Крыма.

Съ отъѣздомъ Спиро въ Севастополѣ начинаютъ играть видную роль предсѣдатель центрофлота Романовскій (строевой унтеръ-офицеръ съ „Пантелеймона") и Капитанъ 2-го ранга Богдановъ, назначенный совѣтомъ начальникомъ революціоннаго штаба, главной задачей котораго ставилась борьба съ контръ-революціей. Въ Севастополѣ все это время засѣдалъ революціонный трибуналъ, разбиравшій дѣла офицеровъ по доносу на нихъ матросовъ. Были присуждены: къ безсрочной каторгѣ Капитанъ 1-го ранга Карказъ, якобы за издѣвательство надъ лейтенантомъ Шмидтомъ въ 1905 году; Адмиралъ Львовъ къ 10-ти годамъ и Капитанъ 2-го ранга Цвингманъ къ 12-ти годамъ — за подавленіе мятежа на флотѣ въ 1912 году. Кромѣ того, еще много офицеровъ было присуждено на различные сроки и по различнымъ поводамъ. Содержались всѣ они въ городской тюрьмѣ.

Почти весь февраль прошелъ подъ знакомъ митинговой обороны отъ нѣмцевъ; всюду трубилось о единеніи всѣхъ партій для дѣла обороны. Призывались также и офицеры. Въ срединѣ февраля усиленно ходилъ слухъ и писалось въ газетахъ о присутствіи въ Дарданеллахъ англійскаго флота подъ командой Адмирала Колчака. Слухи эти всячески провоцировались.

Въ ночь съ 23-го на 24-ое февраля (нов. ст.), сравнительно неожиданно произошло первое избіеніе состоятельнаго населенія города. Хотя убійства опредѣленно и не были направлены противъ офицеровъ, тѣмъ не менѣе, помимо ряда домовладѣльцевъ и купцовъ, были убиты и многіе офицеры; въ томъ числѣ и содержавшіеся въ тюрьмѣ Львовъ, Карказъ, Цвингманъ, Вахтинъ и др. Эта рѣзня была организована предсѣдателемъ центрофлота Романовскимъ съ вѣдома предсѣдателя совѣта, матроса-балтійца Пожарова, и, очевидно, Капитана 2-го ранга Богданова. Въ первую ночь было убито и вывезено за боны около 250 человѣкъ. Убійства продолжались, еще и въ ближайшія двѣ ночи, но уже въ значительно меньшей степени. Затѣмъ они прекратились, и имѣли мѣсто только безпрестанные обыски.

Мартъ протекалъ сравнительно спокойно, но зато, подъ вліяніемъ приближенія украинскихъ („гайдамаки") и германскихъ войскъ, еще болѣе стали трубить о необходимости защищаться на Перекопѣ и, наконецъ, газеты возвѣстили объ образованіи Перекопскаго укрѣпленнаго фронта. На самомъ дѣлѣ, тамъ, подъ видомъ арміи, собралось, Богъ вѣсть откуда, около сотни китайцевъ и нѣсколько сотъ красноармейцевъ, грабившихъ окрестные хутора и села.

Съ начала марта появляется рознь между матросами и рабочими порта. Подъ вліяніемъ грабежей, убійствъ, и обысковъ матросовъ, отъ которыхъ начали страдать и семьи рабочихъ, а главное за нежеланіе матросовъ признать правильность требуемой рабочими какой-то денежной прибавки за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, рабочіе почти открыто встали противъ нихъ. Они начали вооружаться и, образовавъ сильную и хорошо вооруженную дружину, взяли ночную охрану города въ свои руки. Надо отдать справедливость, что грабежи и кражи почти совершенно прекратились. Эта дружина, неся охрану города совмѣстно съ организовавшейся къ этому времени, городской самоохраной изъ обывателей, принесла нѣкоторое успокоеніе и сильно мѣшала повторнымъ „Варѳоломеевскимъ ночамъ". Кромѣ всѣхъ этихъ разногласій между матросами и мастеровыми, для розни между ними, появилась еще одна причина. Среди рабочихъ все чаще и чаще говорилось, что обороняться противъ украинцевъ не слѣдуетъ, что они на „фронтъ" не пойдутъ и т. д. Это весьма понятно, такъ какъ Севастополь, отрѣзанный отовсюду, свѣдѣнія о томъ, что дѣлается на Украинѣ и въ Россіи, черпалъ только изъ большевистскихъ газетъ, такъ какъ другія газеты были закрыты. Поэтому, всѣ считали, что при поддержкѣ германцевъ, украинскія части наступаютъ на Крымъ исключительно съ цѣлью освободить его отъ большевиковъ. Среди же рабочихъ порта было много матросовъ.

Не имѣя абсолютно никакой иной информаціи о томъ, что дѣйствительно совершается на Украинѣ, какія войска наступаютъ на Крымъ, и съ какой цѣлью — Командованіе флотомъ, тайно лелѣяло мысль спасти суда и матеріальную часть флота подъ украинской вывѣской.

Въ серединѣ апрѣля, на происходившее въ Морскомъ Собраніи засѣданіе центрофлота и партій с. р. и с. д. были приглашены командиры судовъ, а также Адмиралъ Саблинъ. Адмиралъ Саблинъ заявилъ, что онъ не видитъ спасенія флота въ переводѣ его въ Новороссійскъ, который не является базой и совершенно не приспособленъ для этого и, что съ момента выхода флота за боны, наступитъ моментъ его гибели. Тѣмъ не менѣе, на всякій случай, Адмиралъ Саблинъ послалъ въ Новороссійскъ на гидро-крейсерѣ „Троянъ" комиссію изъ морскихъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ Капитана 1-го ранга Лебединскаго подготовить этотъ портъ для стоянки хотя бы только боеспособныхъ судовъ.

Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля, германо-украинскія части безъ всякаго сопротивленія „Перекопскихъ армій" вступили въ Крымъ и двинулись на Симферополь. Красноармейцы, попытавшись оказать сопротивленіе передовымъ частямъ германскихъ войскъ подъ Симферополемъ, бѣжали въ Севастополь и, подъ командой Капитана 2-го ранга Богданова, стали спѣшно грузиться на транспортъ.

Съ этого момента, въ Севастополѣ начинается паника и наступаетъ какая-то вакханалія власти. На судахъ и на берегу безпрерывно идутъ митинги; даже — ночью. Всѣ ищутъ власть, способную ихъ спасти. Въ одинъ и тотъ же день постанавливаютъ: призвать вновь къ власти ушедшаго Адмирала Саблина, давъ ему диктаторскія полномочія; уволить Саблина и назначить комиссію съ матросомъ во главѣ; повиноваться лишь центрофлоту; упразднить центрофлотъ и просить командира „Воли", Капитана 1-го ранга Тихменева, спасти положеніе и проч., и проч. Всѣ эти постановленія, носившія самый категорическій характеръ, отмѣняли другъ друга. Толпа обезумѣла и агонизируетъ. Совдепъ готовится къ бѣгству.

Наконецъ, 29-го апрѣля (боеспособныя суда все время стоятъ на первомъ положеніи), непріятельскіе разъѣзды появляются въ районѣ Севастополя. Всѣ притихли и ждутъ, что скажутъ дредноуты. Въ это время, команды „Воли" и „Свободной Россіи", срочности ради, не пригласивъ даже представителей другихъ кораблей и миноносцевъ, постанавливаютъ: просить Капитана 1-го ранга Тихменева и выбранную наскоро делегацію отъ дредноутовъ, найти Адмирала Саблина и просить его, какъ единственнаго человѣка могущаго теперь спасти положеніе, принять единоличное командованіе флотомъ; все, что

ни будетъ приказано Адмираломъ, будетъ исполняться беспрекословно, а неповинующіяся суда будутъ приведены къ послушанію 12'' орудіями дредноутовъ, въ чемъ команды послѣднихъ клянутся Адмиралу.

Капитанъ 1-го ранга Тихменевъ съ представителями отъ этихъ командъ ѣдутъ на берегъ на квартиру Адмирала Саблина и уговариваютъ Адмирала. Адмиралъ, послѣ короткаго колебанія, соглашается и ѣдетъ на „Георгій". Около 4-хъ часовъ дня на „Георгіи" поднимается сигналъ: „Поднять украинскій флагъ". Дредноуты исполняютъ приказаніе сразу, остальныя же суда, особенно миноносцы, колеблются. Въ тоже время Адмиралъ Саблинъ даетъ телеграмму на Украину и германскому командованію о томъ, что Черноморскій флотъ украинизировался и, что, посылая парламентеровъ, проситъ пріостановить наступленіе на Севастополь. Парламентерами въ Симферополь ѣдутъ: Контръ-Адмиралъ Клочковскій, Капитанъ 1-го ранга Черниловскій-Соколъ и чиновникъ дипломатической части Тухолка.

Въ этотъ моментъ, на Минной Бригадѣ происходитъ слѣдующее: часть миноносцевъ поднимаетъ украинскій флагъ, большинство (флагъ уже спущенъ) рѣшаютъ ждать до утра и только одинъ „Пронзительный" не желаетъ спускать красный флагъ и готовится къ выходу въ море. Командующій флотомъ объявляетъ командиру „Пронзительнаго", Лейтенанту Безсмертному, что если миноносецъ не повинуется, то пусть уходитъ въ море не позже 11 час. 30 мин. ночи, но безъ права возвращенія на рейдъ. Едва объ этомъ пронюхали команды другихъ миноносцевъ, какъ на всей бригадѣ является неудержимое желаніе бѣжать. Почти всѣ миноносцы, за исключеніемъ „Дерзкаго", „Гнѣвнаго", „Звонкаго" и „Зоркаго", готовятся къ походу. Внѣшняя сторона рѣшенія — спасти суда отъ непріятеля; истинная причина — шкурный вопросъ. Большинство командировъ и офицеровъ миноносцевъ, разъясняютъ командамъ необходимость подчиняться и ждать приказанія Командующаго флотомъ, но, не имѣя успѣха въ этомъ, идутъ съ миноносцами въ море, дабы переходомъ въ Новороссійскъ хоть временно отдалить гибель судовъ, ибо мало кто изъ офицеровъ вѣрилъ въ призрачную возможность спасти суда подъ украинской вывѣской.

Въ полночь выходятъ въ море „Каліакрія", „Керчь", „Хаджибей", Безпокойный", „Пронзительный", „Пылкій", „Громкій", „Поспѣшный", „Лейтенантъ Шестаковъ", „Барановъ", „Жаркій", „Живой", „Стремительный" и „Смѣтливый". Одновременно съ ними, тоже въ Новороссійскъ, выходятъ три или четыре транспорта съ бѣгущей красной арміей и ея „вождями". „Гнѣвный", „Дерзкій" (брейдъ-вымпелъ Начальника Бригады, Капитана 1-го ранга Лебедева), „Звонкій" и „Зоркій"

выходятъ на рейдъ и становятся на якорь у дредноутовъ, оставаясь въ повиновеніи у Командующаго флотомъ.

Переходъ миноносцевъ въ Новороссійскъ является кризисомъ въ настроеніи командъ. Едва ли не сейчасъ-же послѣ выхода, на нѣкоторыхъ миноносцахъ люди начинаютъ обращаться къ офицерамъ за совѣтами: хорошо ли поступили, что суда ушли въ Новороссійскъ? Не поздно ли вернуться въ портъ? Что дѣлаютъ корабли, оставшіеся въ Севастополѣ? Всѣ ли подняли украинскій флагъ?

Кромѣ того, появилось опредѣленное теченіе, о которомъ уже не боялись громко высказываться — это, по приходѣ въ Новороссійскъ, присоединиться къ Генералу Корнилову. Къ сожалѣнію, тогда о Добровольческой арміи въ Севастополѣ не имѣлось никакого понятія, а сама армія въ этотъ моментъ переживала самый тяжелый періодъ своего существованія — періодъ, слѣдовавшій послѣ смерти Генерала Корнилова, когда армія въ числѣ едва ли большемъ, чѣмъ 1000 здоровыхъ бойцовъ, отступала изъ подъ Екатеринодара на сѣверъ. Будь иначе, быть можетъ, удалось бы спасти флотъ. Теперь приходишь къ выводу, что этотъ исходъ былъ вполнѣ возможенъ.

Кризисъ больныхъ большевизмомъ командъ разрѣшался въ положительную сторону. Команды начинали выздоравливать. Причиною служило обстоятельство, что почти всѣ лица, замѣшанныя въ разстрѣлахъ, бѣжали еще раньше. Оставшаяся команда, въ большинствѣ своемъ, представлявшая индиферентную массу, тяжелымъ опытнымъ путемъ вынесла результатъ управленія флотомъ коллегіальными учрежденіями, въ родѣ центрофлота. Команды воочію увидѣли, куда ихъ завели революціонные кумиры, въ опасную минуту оставившіе флотъ и поспѣшно бѣжавшіе, захвативъ при этомъ, какъ полагается, казенныя и общественныя деньги. Люди сами убѣдились, что наступаютъ не „какія-то банды международныхъ бѣлогвардейцевъ и контръ-революціонеровъ", какъ о томъ всюду писалось и проповѣдывалось, а самыя настоящія регулярныя германскія войска. Доказательствомъ правильности этого взгляда служитъ сравненіе судовъ, испытавшихъ нѣсколько эвакуацій, съ судами, которые ея не испытали. Команда эскадреннаго миноносца „Дерзкій", бывшаго свидѣтелемъ оставленія нами, подъ натискомъ германскихъ войскъ не только Севастополя, но и Дуная и Трапезунда, сдѣлалась наиболѣе лойяльной и больше всѣхъ проповѣдывала о присоединеніи къ Генералу Корнилову. Эскадренный миноносецъ „Фидониси", не испытавшій ни одной эвакуаціи и связанной съ ней вакханаліей, до конца пребывалъ въ хаотическомъ настроеніи. Этотъ миноносецъ присоединился къ идущему въ Новороссійскъ флоту, выйдя изъ Ѳеодосіи, гдѣ онъ стоялъ довольно долго.

Утромъ 1-го мая, миноносцы пришли въ Новороссійскъ.

Въ Севастополѣ, въ это время, происходило слѣдующее: Адмиралъ Саблинъ узналъ, что нѣмцы оставили украинскія части за Перекопомъ, а сами наступаютъ дальше. Были получены отъ нашихъ парламентеровъ извѣстія, что Командующій германскими войсками въ Крыму, генералъ фонъ-Кошъ, нашихъ парламентеровъ не принялъ, а просилъ письменно изложить свои заявленія. Онъ предупредилъ, что это заявленіе долженъ переправить къ фельдмаршалу Эйхгорну въ Кіевъ, откуда отвѣта можно ожидать не ранѣе двухъ недѣль, и что, во всякомъ случаѣ, пріостановить наступленіе онъ не можетъ.

Одновременно съ нашими парламентерами, выѣзжали въ Симферополь еще двѣ делегаціи: одна отъ города Севастополя, другая отъ украинскихъ организацій. Первая была принята генераломъ Кошъ очень любезно, а вторая — сухо.

Получивъ такія извѣстія, Адмиралъ приказалъ парламентерамъ возвратиться, а всѣмъ судамъ могущимъ идти въ море, приготовиться къ походу. Оставшіеся корабли было приказано Контръ-Адмиралу Остроградскому, по уходѣ флота, взорвать, для чего еще раньше была сформирована подрывная партія, человѣкъ въ 100 – 120. Съемка была назначена въ 10 часовъ вечера. Еще раньше было приказано „Дерзкому" выйти въ море и стать маячнымъ судномъ на поворотѣ канала у Херсонскаго маяка. Ночь была очень темной.

Въ это время нѣмцы уже заняли часть Сѣверной стороны и установили полевую артиллерію и пулеметы на Константиновской батареѣ, противъ боновъ и на Братскомъ кладбищѣ. Однако кораблямъ сняться своевременно не удалось, такъ какъ обнаружилось, что всѣ въ порту разбѣжались, и нѣтъ ни катеровъ, ни людей, чтобы развести боны. Въ концѣ-концовъ, въ двѣнадцатомъ часу, боны были разведены Контръ-Адмираломъ Клочковскимъ, Черниловскимъ-Соколъ, Капитаномъ 2-го ранга Погожевымъ, Протасовымъ и еще нѣсколькими офицерами, пошедшими на адмиральскомъ катерѣ „Пулеметъ" и еще на какой-то шлюпкѣ.

Едва дала ходъ „Воля", какъ нѣмцы въ упоръ открыли по кораблямъ огонь. За „Волей" (флагъ Командующаго) снялась „Свободная Россія" (командиръ – Капитанъ 1-го ранга Терентьевъ). Кораблямъ, въ абсолютной темнотѣ, подъ огнемъ непріятеля, пришлось съ мѣста на рейдѣ дать полный ходъ; при этомъ, должно отмѣтить, что корабли развили ходъ, едва ли не превышающій контрактную скорость. Въ „Свободную Россію" попало нѣсколько снарядовъ, причинившихъ пустяшныя поврежденія въ надстройкахъ и легко ранившихъ пять человѣкъ.

На огонь непріятеля отвѣчать было запрещено, такъ какъ Адмиралъ не хотѣлъ дать лишній поводъ нѣмцамъ утверждать,

что мы не выполняемъ Брестскаго договора, на основаніи чего они юридически могли бы продолжить операцію по захвату нашихъ судовъ въ свою пользу. Одинъ только комендоръ не выдержалъ и выстрѣлилъ противолодочнымъ снарядомъ.

Эскадренный миноносецъ „Гнѣвный" снимался за кораблями. Подъ впечатлѣніемъ непріятельскаго огня, въ командѣ произошла паника, и, ошалѣвъ, въ машинѣ дали, при разворачиваніи, вмѣсто „назадъ" — „впередъ" правой машинѣ. Замѣтивъ это, командиръ, Лейтенантъ Крейчманъ, далъ правой „полный назадъ", но въ машинѣ снова дали наоборотъ — „полный впередъ", и миноносецъ выскочилъ на берегъ у Апполоновой балки. Всѣ попытки сняться не увѣнчались успѣхомъ, и командиръ взорвалъ корму.

Благодаря тому, что подрывная партія, которой было поручено взрывать оставшіеся корабли порта, и сооруженія разбѣжалась, все осталось неповрежденнымъ. Только миноносецъ „Завѣтный", стоявшій въ ремонтѣ, былъ взорванъ и затопленъ своимъ командиромъ, Старшимъ Лейтенантомъ Краснопольскимъ.

На всѣхъ оставшихся въ Севастополѣ судахъ былъ снова поднятъ украинскій флагъ и въ командованіе ими вступилъ Контръ-Адмиралъ Остроградскій, извѣстившій украинское правительство и германское командованіе о томъ, что не пожелавшія украинизироваться суда ушли въ море, а всѣ остальныя подняли украинскій флагъ и остались въ Севастополѣ.

Придя 1-го мая, утромъ, въ Новороссійскъ, миноносцы застали тамъ слѣдующую обстановку. Новороссійскъ входилъ въ составъ Кубанско-Черноморской совѣтской республики, въ которой во всю процвѣтала большевистская власть. Въ самомъ Новороссійскѣ сосредоточились почти всѣ главные руководители большевизма на Югѣ, бѣжавшіе своевременно изъ Одессы и всѣхъ городовъ Крыма. Здѣсь были Гавенъ, Пожаровъ, Капитанъ 2-го ранга Богдановъ, Алексакисъ, Басовъ, Шеретневъ, Романецъ и, за мѣсяцъ пріѣхавшая въ Новороссійскъ, извѣстная Островская. На рейдѣ стояло нѣсколько транспортовъ съ бѣженцами изъ всѣхъ портовъ Крыма и съ красноармейцами, присутствіе которыхъ терроризировало не только мирное населеніе, но даже наводило панику на мѣстный революціонный комитетъ.

Отъ прихода флота населеніе тоже не ожидало ничего хорошаго, такъ какъ вполнѣ справедливо у жителей сложилось самое ужасное мнѣніе о флотѣ, на основаніи всей его предшествовавшей преступной дѣятельности. Всѣмъ былъ памятенъ приходъ въ январѣ мѣсяцѣ миноносца „Керчь", разстрѣлявшаго ни за что, ни про что 42 офицера Варновинскаго пѣхотнаго полка.

Не успѣли миноносцы ошвартоваться, какъ къ флоту обратились за помощью мѣстныя революціонныя власти, просившіе обезвредить красныя части. На срочномъ засѣданіи командировъ судовъ и представителей судовыхъ комитетовъ было рѣшено разоружить всѣ прибывшія красноармейскія банды и затѣмъ отправить ихъ за предѣлы Новороссійска. Особенно внушалъ опасенія транспортъ „Евфратъ", на которомъ было около 1500–2000 красноармейцевъ, заявившихъ, что они скорѣй взорвутся, чѣмъ выдадутъ оружіе. На транспортѣ было около 2000 пудовъ различныхъ взрывчатыхъ веществъ, и кромѣ того имѣлось огромное количество денегъ, золота и серебра, награбленнаго на южномъ берегу Крыма. Разоружить „Евфратъ" было предложено миноносцу „Поспѣшный", который подошелъ къ нему и предъявилъ ультиматумъ немедленно сдаться, угрожая въ противномъ случаѣ его потопить. „Евфратъ" сейчасъ же поднялъ бѣлый флагъ и выдалъ оружіе и всѣ цѣнности, сданныя послѣ въ Государственный банкъ — увы, въ тѣ же большевистскія руки.

Немного спустя, командиръ „Поспѣшнаго" (старшій изъ командировъ миноносцевъ) получилъ радіо отъ Адмирала Саблина выйти навстрѣчу со всѣми исправными миноносцами и вступить въ охрану кораблей, подходившихъ уже къ берегамъ Новороссійска. Къ сожалѣнію, исправныхъ миноносцевъ не оказалось: большинство было почти безъ нефти и воды. Въ море вышелъ одинъ „Поспѣшный", который, встрѣтивъ флотъ, совмѣстно съ нимъ и „Дерзкимъ" въ 7 часовъ вечера вошелъ въ Новороссійскую гавань.

Здѣсь умѣстно указать на то обстоятельство, что непріятель ни разу не попытался помѣшать переходу нашихъ судовъ, несмотря на то, что еще при вступленіи нѣмцевъ въ Крымъ германское командованіе запретило русскимъ судамъ выходить изъ портовъ и объявило, что отдало распоряженіе своимъ подлодкамъ топить всѣ выходящія суда. Непріятельскія лодки все время появлялись подъ Севастополемъ, даже въ надводномъ положеніи. Потопить миноносцы было очень легко, такъ какъ шли они малымъ ходомъ, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ командирами пошли мичманы послѣднихъ выпусковъ. Вообще миноносцы не представляли изъ себя никакой вооруженной силы. Видимо, либо непріятель проглядѣлъ выходъ судовъ, такъ какъ оба выхода были ночью, либо считалъ, что суда уже въ такомъ состояніи, что выйти не могутъ. Есть свѣдѣнія, что нѣмцы, войдя въ Севастополь, говорили, что они считали невозможнымъ уходъ судовъ, такъ какъ ими противъ этого были приняты всѣ мѣры.

Къ вечеру 1-го мая всѣ боеспособныя суда собрались въ Новороссійскѣ. Кромѣ миноносцевъ, съ дредноутами изъ Сева-

стополя перешло одно отдѣленіе (восемь штукъ) исправныхъ быстроходныхъ катеровъ. Черезъ день изъ Керчи пришелъ еще миноносецъ „Летчикъ". Въ ночь на 2-ое мая ожидалось въ Новороссійскѣ выступленіе большевиковъ и какихъ-то южныхъ анархистовъ. Для предотвращенія этого были приготовлены двѣ роты: одна — съ Минной бригады, другая — съ кораблей. Ночь прошла спокойно. Съ перваго же момента сосредоточенія въ Новороссійскѣ всѣхъ боеспособныхъ, вѣрнѣй — новѣйшихъ, судовъ, среди командъ является желаніе окончательно установить опредѣленную организацію управленія и командованія флотомъ. Дѣло въ томъ, что, какъ было сказано выше, Адмиралъ Саблинъ принялъ единоличное командованіе 29-го апрѣля въ критическую минуту для флота, лишь по просьбѣ дредноутовъ; Минная же бригада объ этомъ оповѣщена не была. Поэтому, среди командъ миноносцевъ появилось (они чувствовали какъ бы обиду) желаніе тоже присоединиться къ избранію Командующаго. Было созвано общее собраніе командировъ, Комитетовъ и по пяти человѣкъ съ каждой сотни командъ. На этомъ собраніи было обрисовано общее политическое положеніе на Югѣ, а Старшимъ Лейтенантомъ Левговдомъ и матросомъ, ѣздившими совмѣстно со Спиро въ Москву за деньгами для флота и вернувшимися уже прямо въ Новороссійскъ, было обрисовано положеніе въ Москвѣ. Особенно клеймилъ совѣтскую власть матросъ, ѣздившій съ Левговдомъ, фамилію котораго, къ сожалѣнію, сейчасъ не помню. Всѣ рѣчи говорили о необходимости единоличнаго командованія, безъ всякихъ комитетовъ и комиссій, и что единственный человѣкъ, который долженъ быть назначенъ на это мѣсто, это — Адмиралъ Саблинъ. Здѣсь, видимо, сказалась старая привязанность, уваженіе и глубокая вѣра въ Адмирала Саблина, которая существовала среди командъ еще задолго до войны. Между прочимъ, характерно, что на этомъ собраніи выступало два матроса-анархиста: Шелестунъ (бывшій раньше въ центрофлотѣ) и Кедровъ („Пылкій"). Оба начали съ того, что, какъ анархисты, они не признаютъ никакой власти, но, переходя къ данному чрезвычайному моменту, власть необходима, и оба заявили, что стоятъ за врученіе единоличной власти Адмиралу Саблину.

Такимъ образомъ, всѣми судами единогласно былъ избранъ Командующимъ съ полной властью Адмиралъ Саблинъ, о чемъ ему сейчасъ же было сообщено поѣхавшей къ нему делегаціей. Отвѣтъ былъ полученъ слѣдующій: Адмиралъ занятъ и пріѣхать самъ не можетъ, но передаетъ собранію, что, на основаніи опыта, онъ не вѣритъ такому избранію, и что единственная возможность для него принять командованіе — это исполненіе слѣдующихъ требованій.

1. Онъ долженъ быть избранъ не делегатскимъ собраніемъ, а всеобщимъ референдумомъ всѣхъ командъ.

2. Всѣ, нежелающіе избранія Адмирала съ единоличной властью, должны покинуть корабли, хотя бы для этого и пришлось сократить число кораблей (изъ-за некомплекта) до минимума.

3. Адмиралу должна быть предоставлена единоличная власть на основаніи морского устава и законоположенія военнаго времени.

4. Право, по личному усмотрѣнію, отдавать всѣхъ безъ исключенія провинившихся лицъ суду, образуемому при Штабѣ, за провинности по службѣ и неисполненіе приказанія начальства.

5. Отмѣна всякаго выборнаго начала.

6. При исполненіи всѣхъ вышеуказанныхъ условій, Адмиралъ принимаетъ командованіе, но только съ подъемомъ на всѣхъ судахъ Андреевскаго флага.

Произведенный референдумъ далъ слѣдующій результатъ: изъ всего состава командъ, численностью около 3000 человѣкъ, за врученіе власти Адмиралу подало 2433, противъ 237. Остальные или воздержались, или были за него, но съ нѣкоторыми поправками.

Когда результатъ референдума былъ сообщенъ Адмиралу, онъ прибылъ на „Троянъ", гдѣ находились всѣ командиры, комитеты и представители командъ. Поблагодаривъ за довѣріе, Адмиралъ сказалъ нѣсколько словъ, безъ всякихъ ораторскихъ пріемовъ, но настолько сильныхъ, что произвелъ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе.

„Принимая власть на такихъ условіяхъ, я, при поддержкѣ командъ надѣюсь привести суда въ боеспособное состояніе, но спасти флотъ не берусь и не могу, такъ какъ это зависитъ не отъ меня. Спасти флотъ можно только, имѣя хоть небольшія, но дисциплинированныя сухопутныя войска, которыя могли бы защитить Новороссійскъ съ суши, въ случаѣ наступленія нѣмцевъ. Войскъ же такихъ нѣтъ и получить ихъ неоткуда. Сейчасъ, вотъ, вы обратились ко мнѣ и къ офицерамъ, тѣмъ офицерамъ, которыхъ вы разстрѣливали, унижали и оскорбляли. Офицеры эти, въ количествѣ немногимъ болѣе сотни, забыли все и, бросивъ все и даже свои семьи, ушли съ вами, дабы спасти корабли. Вотъ какъ сильна въ нихъ любовь къ Россіи и преданность родному флоту. Такъ уважайте же и берегите своихъ офицеровъ. Сейчасъ вы сами видите, куда васъ завели красные лозунги и фразы излюбленныхъ вами революціонныхъ вождей, вашихъ кумировъ. Наступила тяжелая минута, и вашихъ кумировъ нѣтъ съ вами. Гдѣ они?

Покинутые ими, вы вновь обращаетесь ко мнѣ, больному, изможденному старику, и просите спасти. Долженъ васъ еще предупредить, что противъ офицеровъ и, въ частности, противъ меня, будетъ вестись агитація; уже сейчасъ есть среди васъ подлые гады, которые начинаютъ свое дѣло, но вы должны сами вырвать ихъ изъ своей среды. Да здравствуетъ наша дорогая, истерзанная, несчастная Россія! да здравствуетъ славный Андреевскій флагъ!" Отвѣтомъ было могучее „ура", а когда было провозглашено: „Да здравствуетъ Командующій флотомъ, Адмиралъ Михаилъ Павловичъ Саблинъ!" — „ура" перешло въ сплошныя оваціи.

На другой день, въ страстную субботу, 4-го мая, новаго стиля, въ 8 часовъ утра, былъ поднятъ съ церемоніей Андреевскій флагъ, и Адмиралъ вступилъ въ командованіе флотомъ.

Въ эту же ночь (на 4-ое мая) на берегу состоялось собраніе мѣстныхъ большевиковъ, совмѣстно съ другими упомянутыми выше дѣятелями, пріѣхавшими изъ всѣхъ городовъ Крыма, съ Островской во главѣ. На этомъ засѣданіи было рѣшено посѣять среди командъ флота панику и тѣмъ заставить ее, въ большей части, покинуть корабли; а тогда уже „ликвидировать" и командный составъ. Въ 4 часа утра, въ каюту Начальника Минной бригады, Капитана 1-го ранга Лебедева, пришелъ матросъ-анархистъ Кедровъ и доложилъ объ этомъ засѣданіи и рѣшеніи, прося принять мѣры. Однако, никакихъ мѣръ принимать уже не пришлось, ибо, въ своемъ огромномъ большинствѣ, команды совершенно не реагировали на агитацію, и вся работа большевиковъ въ этомъ направленіи свелась лишь къ бѣгству 40 человѣкъ со всего флота и распродажѣ матросами лишняго обмундированія.

Населеніе города, со страхомъ смотрѣвшее на пришедшій флотъ и ожидавшее самыхъ тяжелыхъ для себя испытаній, съ нескрываемымъ удивленіемъ увидѣло, что флотъ, взялъ въ свои руки охрану города. Ежедневно, для поддержанія порядка, назначались двѣ роты: одна — съ кораблей, а другая — съ Минной бригады; корабли взяли охрану города, а Минная бригада — Стандарта. Кромѣ того, флотъ взялъ несеніе всѣхъ карауловъ въ городѣ, а по ночамъ отправлялъ патрули, которые никого не пропускали послѣ полуночи, не исключая даже революціонныхъ властей; пароль же сообщался лишь командирамъ дежурныхъ кораблей, карауламъ и патрулямъ. Всѣ самочинные обыски, разбои, кражи и убійства, бывшіе до того времени обыденнымъ явленіемъ въ Новороссійскѣ, сразу прекратились. Красноармейцы почти совсѣмъ исчезли изъ Новороссійска, перекочевавъ преимущественно въ Екатеринодаръ.

Команда „Воли", узнавъ отъ одного присяжнаго повѣреннаго, что въ тюрьмѣ, съ 4-го января, находится 49 плѣнныхъ

Корниловскихъ офицеровъ, ожидавшихъ съ приходомъ флота вѣрной смерти, послала своихъ представителей въ мѣстный совдепъ узнать, правда-ли, что такіе офицеры содержатся въ тюрьмѣ, и предъявлено ли имъ какое-нибудь обвиненіе. Совдепъ, тоже возлагавшій большую надежду на поддержку флота, радостно объявилъ, что такіе офицеры, дѣйствительно, есть, но что пока никакихъ обвиненій имъ не представлено. Къ удивленію совдепа, ему было заявлено, что ,,Воля" предлагаетъ срочно выпустить всѣхъ этихъ офицеровъ и что, если это не будетъ исполнено, она приметъ свои мѣры и сама освободитъ всѣхъ арестованныхъ. Совдепъ, въ срочномъ порядкѣ, въ ту же ночь, рѣшилъ освободить офицеровъ, и на слѣдующій же день они были выпущены. Тогда команда ,,Воли" предложила желающимъ изъ нихъ поступить на вольнонаемныхъ началахъ въ ихъ команду. Шесть офицеровъ поступили на должности комендоровъ и матросовъ, и отношеніе къ нимъ со стороны команды было самое доброжелательное; ихъ даже не допускали до грязныхъ работъ. Параллельно съ этимъ, въ командахъ все громче и громче стали говорить о необходимости ,,взять на мушку" всѣхъ пріѣхавшихъ изъ Крыма главарей большевизма. Особенно много говорилось по адресу Островской. Правда, разговоры въ исполненіе приведены не были; но найдись человѣкъ, который сталъ бы во главѣ этого движенія, планы были бы осуществлены. Къ сожалѣнію, офицерамъ стать во главѣ этого дѣла, тогда было еще преждевременно. Тѣмъ не менѣе, такіе слухи дошли до главарей большевизма, и вся эта клика, и чуть ли не мѣстный большевистскій комитетъ, покинули Новороссійскъ и переѣхали въ Екатеринодаръ, центръ Кубанско-Черноморской республики.

Флотъ началъ приводить себя въ порядокъ и подтягиваться. Были запрещены увольненія на берегъ до окончанія работъ и занятій; выработанъ порядокъ дня, и вновь составлены и провѣрены всѣ боевыя расписанія; во время занятій и работъ не допускались митинги и собранія. Подъ предсѣдательствомъ Адмирала была образована комиссія изъ старшихъ начальниковъ для выработки и нѣкоторыхъ измѣненій караульнаго и морского Устава. Производились артиллерійскія и минныя ученія и всѣ тревоги.

Среди командъ миноносцевъ началось соревнованіе въ приведеніи ихъ въ порядокъ и исправность. Чистились и выщелачивались котлы, перебирались механизмы, весьма запущенные за время стоянки въ Севастополѣ. Миноносцы чистились и красились отъ киля и до клотика, причемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, команды не признавали даже время отдыха. Это былъ моментъ дѣйствительнаго оздоровленія командъ и замѣтнаго подъема среди нихъ.

Только одна мысль мрачно сверлила мозгъ всѣхъ, особенно офицерскаго состава, оставятъ ли нѣмцы флотъ въ Новороссійскѣ въ покоѣ, или же поведутъ наступленіе по побережью и на этотъ портъ, такъ какъ на Пасху нѣмцы уже заняли Ростовъ. Боялись также дессанта на Тамань изъ Керчи. Въ этихъ видахъ, Адмираломъ былъ образованъ штабъ изъ наличныхъ въ Новороссійскѣ офицеровъ, съ Начальникомъ Штаба, Капитаномъ 1-го ранга Лебединскимъ, во главѣ, который намѣтилъ планъ сухопутной обороны. Было приступлено къ рытью батарей, на которыя рѣшили поставить часть судовыхъ орудій. Начальникомъ сухопутной обороны былъ назначенъ артиллерійскій Генералъ Тарачковъ. Кромѣ того, Адмиралъ телеграфировалъ въ Москву Совнаркому о присылкѣ съ сѣвера орудій и снарядовъ, а также хоть двухъ полковъ. Конечно, на это требованіе Адмиралъ не получилъ отвѣта. Съ первыхъ дней прихода, къ Адмиралу явился командующій совѣтскими войсками на сѣверномъ Кавказѣ, нѣкто Автомоновъ (казачій офицеръ). Онъ предложилъ Адмиралу свои войска, которыхъ расчитывалъ мобилизовать 20000. Адмиралъ мало вѣрилъ въ помощь подобныхъ войскъ, но тѣмъ не менѣе пользовался свѣдѣніями Автомоновской развѣдки. По всему побережью и, особенно, на берегу Керченскаго пролива была налажена морская служба связи; въ Крымъ и Севастополь посланы агенты. Противъ возможной высадки непріятеля въ Тамань и гдѣ-нибудь подъ Новороссійскомъ были тоже приняты соотвѣтствующія мѣры, и одинъ дивизіонъ миноносцевъ, преимущественно 2-ой, такъ какъ у него было больше нефти, постоянно стоялъ на второмъ положеніи.

Черезъ недѣлю по приходѣ флота въ Новороссійскъ, Адмиралъ Саблинъ получилъ отъ фельдмаршала Эйхгорна телеграмму слѣдующаго содержанія: „Новороссійскъ. Генералу Саблину. Суда бывшаго Черноморскаго флота, находящіяся въ настоящее время въ Новороссійскѣ, не разъ нарушали Брестъ-Литовскій мирный договоръ и принимали участіе въ борьбѣ противъ германскихъ войскъ на Украинѣ. Поэтому никакія дальнѣйшіе переговоры немыслимы до тѣхъ поръ, пока суда не вернутся въ Севастополь. Если это условіе не будетъ исполнено, то германское верховное командованіе на Востокѣ будетъ считать себя вынужденнымъ продолжить наступленіе по побережью. Подписалъ Эйхгорнъ". Въ отвѣтъ на это, Адмираломъ Саблинымъ была послана слѣдующая телеграмма: „Кіевъ. Главнокомандующему германскими войсками на Востокѣ. Сообщаю, что Черноморскій флотъ, стоящій въ Новороссійскѣ и находящійся подъ моимъ единоличнымъ командованіемъ плаваетъ подъ русскимъ военнымъ флагомъ. Суда флота мирный

договоръ не нарушали и никогда не принимали участія въ борьбѣ противъ германскихъ войскъ на Украинѣ. Прошу прислать болѣе конкретныя данныя по этому поводу, иначе принужденъ считать ваши обвиненія голословными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если Вы найдете полезнымъ, прошу меня увѣдомить о времени и портѣ, куда я могъ бы послать на миноносцѣ своихъ представителей для переговоровъ и возстановленія истины съ вашими представителями. Подписалъ Адмиралъ Саблинъ."
Надо замѣтить, что, по имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ въ Штабѣ флота, нѣмцы считали суда въ Новороссійскѣ лишь хорошо организованной бандой. На свою телеграмму, Адмиралъ не получилъ никакого отвѣта. Послѣ обмѣна этими телеграммами, нѣмцы стали замѣтно слѣдить за Новороссійскомъ. Ежедневно, по утрамъ, надъ городомъ и флотомъ сталъ летать германскій аэропланъ, который съ каждымъ днемъ снижался все больше и, наконецъ, сталъ почти задѣвать клотики нашихъ судовъ. Параллельно съ этимъ, на высотѣ Суджунской косы, ежедневно начала появляться большая германская подлодка, державшаяся съ утра и до вечера въ надводномъ состояніи въ 50-55 кабельтовыхъ отъ Новороссійска. Характеръ этихъ наблюденій со стороны германцевъ былъ явно издѣвательскій, въ особенности если принять во вниманіе запрещеніе Адмирала открывать въ такихъ случаяхъ по непріятелю огонь. Но иначе поступить Адмиралъ и не могъ, такъ какъ дѣйствія нѣмцевъ носили провокаціонный характеръ, и они только вызывали насъ первыми открыть огонь. Подъ вліяніемъ этого, личный составъ нервничалъ и все больше и больше становился удрученнымъ. Наконецъ, Адмиралъ послалъ радіо фельдмаршалу Эйхгорну, въ которомъ заявилъ, что германскіе начальники отдѣльныхъ частей, видимо не понимаютъ Брестскаго мира, такъ какъ на дняхъ германская подлодка обстрѣляла нашъ быстроходный катеръ, шедшій въ Анапу съ почтой. Ежедневныя появленія аэроплановъ и гидро носятъ враждебный характеръ и вызываютъ сильное озлобленіе даже среди мирнаго населенія. При повтореніи подобныхъ случаевъ, по нимъ можетъ быть открытъ огонь частными, безотвѣтственными лицами, за которыхъ флотъ и Адмиралъ отвѣчать не могутъ. Кромѣ того, Адмиралъ объявлялъ, что у Новороссійскаго порта и Кавказскаго побережья имѣются минныя загражденія, и просилъ, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, отдать приказаніе всѣмъ своимъ и союзнымъ съ ними судамъ не приближаться къ нашимъ берегамъ ближе 10 миль, или въ крайнемъ случаѣ просить лоцмановъ, каковые имѣются въ Штабѣ Адмирала. На эти телеграммы тоже никакого отвѣта не послѣдовало; но подлодки стали держаться менѣе вызывающе, а гидропланы, если и прилетали, то держались на очень большой высотѣ.

Около средины мая, неожиданно получилось изъ Москвы извѣщеніе, что главнымъ комиссаромъ флота назначается нѣкто Глѣбовъ-Авиловъ, бывшій комиссаромъ почтъ и телеграфовъ, уже находившійся довольно долго въ Новороссійскѣ. Извѣщеніе это всѣхъ возмутило, и даже среди командъ стали раздаваться возгласы: „довольно комиссаровъ". Тѣмъ не менѣе открыто не признать и выслать этого господина было нельзя, такъ какъ флотъ тогда былъ бы объявленъ внѣ закона. Ни топлива, ни денежныхъ средствъ, ни матеріаловъ въ самомъ Новороссійскѣ не было, а все это ожидалось изъ Россіи, и только посланному въ Царицынъ Инженеръ-Механику, Мичману Полякову, удалось оттуда, обманнымъ путемъ, перегнать въ Новороссійскъ три или четыре маршрутныхъ поѣзда съ нефтью. Слѣдующій поѣздъ былъ уже задержанъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря столь энергичной дѣятельности Мичмана Полякова, миноносцы получили по полному запасу нефти, которой уже на нѣкоторыхъ миноносцахъ оставалось всего по 5-6 тоннъ. Глѣбову-Авилову, явившемуся къ Адмиралу, было заявлено, что Адмиралъ въ политическую жизнь флота не вмѣшивается, но что и его, Глѣбова, просятъ также не нарушать судовой жизни кораблей. Съ этого момента, Глѣбовъ-Авиловъ на судахъ почти никогда не показывался и лишь изрѣдка на берегу собиралъ предсѣдателей комитетовъ, которые тоже вскорѣ перестали его посѣщать. Глѣбовъ, всплылъ опять на поверхность и сыгралъ крупную роль лишь впослѣдствіи, при ликвидаціи флота. Что касается судовыхъ комитетовъ, то они хотя и не были уничтожены, тѣмъ не менѣе отошли на второй планъ и почти исключительно занимались хозяйственной жизнью командъ. Были даже случаи, когда команды, просили ихъ упразднить. Въ двадцатыхъ числахъ мая была перехвачена чинами Штаба телеграмма Глѣбова-Авилова въ Москву Троцкому, въ которой онъ сообщалъ, что Черноморскій флотъ, благодаря дѣятельности Саблина и Тихменева, крупными шагами идетъ къ поправѣнію. Тогда же былъ смѣненъ, объявленъ врагомъ народа и совѣтской власти и вызванъ въ Москву для дачи объясненій, командующій совѣтскими войсками на сѣверномъ Кавказѣ, Автомоновъ. Характеристикой настроенія командъ въ то время можетъ служить слѣдующій фактъ. Изъ Закавказья, прибылъ нѣкто Кереметчи, стоявшій во главѣ армянской дружины, отправившейся въ свое время изъ Севастополя защищать Арменію отъ турокъ. Этотъ Кереметчи, соціалъ-демократъ, меньшевикъ, спасшій въ Севастополѣ жизнь не одному офицеру во время бывшихъ тамъ избіеній, въ Новороссійскѣ оказался уже большевикомъ. По его просьбѣ было разрѣшено собраніе командъ Минной бригады, на которомъ Кереметчи доложилъ о положеніи въ Закавказьѣ. Весь этотъ докладъ носилъ характеръ чистаго большевизма.

Кереметчи прямо говорилъ, что теперь и онъ самъ стоитъ на томъ, что за офицерами надо присматривать. Закончилъ онъ свой докладъ тѣмъ, что раньше онъ, молъ, заблуждался, и взгляды его расходились съ матросами, но что теперь онъ весь съ ними. Затѣмъ Кереметчи предложилъ данному собранію резолюцію въ самомъ большевистскомъ духѣ, причемъ требовалъ посылки миноносцевъ куда-то на Кавказское побережье. Результатъ получился весьма забавный. Его никто не поддержалъ, и только послышались отдѣльные возгласы: „если Вы этого хотите, то обратитесь къ Командующему флотомъ, онъ прикажетъ; а насъ это не касается". Предсѣдатель же, все тотъ же анархистъ, матросъ Кедровъ, заявилъ, что онъ подобной резолюціи даже не можетъ поставить на голосованіе, ибо посылка миноносцевъ въ море зависитъ исключительно отъ Командующаго флотомъ. Въ силу этого, онъ предложилъ собранію просто разойтись. Явленіе оригинальное, такъ какъ неожиданно матросы и Кереметчи помѣнялись ролями.

Отношеніе командъ къ офицерамъ, во время стоянки флота, было самымъ благожелательнымъ, хотя, правда, внѣшней выправки и дисциплины не существовало. Всѣ приказанія исполнялись безъ оговорокъ. Нельзя обойти молчаніемъ того обстоятельства, что на команды особенно сильное впечатлѣніе произвелъ фактъ развода офицерами боновъ, 30-го апрѣля, въ Севастополѣ; команды громко говорили, что офицеры спасли флотъ.

Казалось, что на лицо были всѣ данныя для спасенія нашихъ новѣйшихъ судовъ. Обстановка складывалась самымъ благопріятнымъ образомъ; но одна мысль каждому офицеру и, навѣрное, многимъ изъ матросовъ, не позволяла ни на минуту считать положеніе надежнымъ. Этой мыслью было твердое убѣжденіе, что нѣмцы не позволятъ довести дѣло спасенія флота до конца, и что, въ вольномъ или невольномъ союзѣ съ Совнаркомомъ, они примутъ всѣ мѣры чтобы его обезвредить, если не удастся совсѣмъ погубить. Такое напряженное состояніе раньше всего отражалось на Командующемъ. Его нервная система расшаталась въ конецъ.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ мая, флотъ узналъ о переворотѣ на Украинѣ. Нѣсколько позже въ большевистскихъ газетахъ, ибо никакихъ другихъ не было, сообщили о провозглашеніи Донскимъ Атаманомъ Генерала Краснова. Всѣ эти свѣдѣнія получались въ специфически большевистскомъ духѣ. Объ истинномъ положеніи дѣлъ за предѣлами Новороссійскаго района, никто ничего не зналъ. О Добровольческой арміи тѣмъ болѣе ничего извѣстно не было. Единственно что не подлежало сомнѣнію, такъ это то, что въ Керчи происходитъ накапливаніе германскихъ войскъ, что тамъ стоятъ нѣкоторыя

суда германо-турецкаго флота, и что нѣкоторыя части Кубанскаго казачества мечтають призвать на свою территорію германскія войска для освобожденія отъ большевиковъ. Все это еще болѣе взвинчивало нервы личному составу, и даже самая безпечная часть командъ, начала ясно сознавать безвыходность положенія.

Помощи, поддержки, хотя бы моральной, ждать было неоткуда. Портовъ, куда флотъ могъ бы перейти, въ случаѣ захвата нѣмцами Новороссійска, тоже не было, ибо Туапсе, куда не могли войти большіе корабли, считать было нельзя. Кромѣ того, стало извѣстно, что объявившая себя самостоятельной Грузія приняла германскую оріентацію, и что германскія войска распространяются по побережью отъ Поти и Батума до Сочи и сѣвернѣе.

При такой обстановкѣ наступилъ неожиданный конецъ. 2-го или 3-го іюня, изъ Петрограда въ Новороссійскъ, къ Адмиралу Саблину, пріѣхалъ членъ морской коллегіи Вахрамѣевъ (бывшій матросъ подводнаго плаванія Балтійскаго моря, полуинтеллигентъ), который привезъ документы чрезвычайной секретности. Ознакомившись съ документами и посвятивъ въ ихъ содержаніе только Начальника Штаба и командира „Воли", Командующій флотомъ срочно сообщилъ въ Москву, что ему необходимо прибыть туда для объясненій. Еще раньше Адмиралъ, подъ различными предлогами, уже подымалъ вопросъ о своемъ пріѣздѣ въ Москву. Не получая никакого отвѣта на свои многочисленныя требованія о присылкѣ орудій, снарядовъ и другихъ матеріаловъ для флота и укрѣпленнаго района, Адмиралъ думалъ лично все это добыть на сѣверѣ.

На слѣдующій день, Адмиралъ спѣшно выѣхалъ въ Москву, взявъ съ собою своего флагъ-офицера, Мичмана Гурскаго, Старшаго Лейтенанта Левговда и охрану въ 30 человѣкъ матросовъ при офицерѣ. Передъ отъѣздомъ, Адмиралъ приказалъ собрать на „Троянѣ" командировъ судовъ, комитеты и представителей отъ всѣхъ командъ. На собраніи Адмиралъ заявилъ, что ему необходимо ѣхать въ Москву, чѣмъ еще надѣется спасти флотъ. „Вмѣсто себя", — сказалъ онъ, „я оставляю доблестнаго командира „Воли", Капитана 1-го ранга Александра Ивановича Тихменева, котораго давно знаю, съ которымъ много плавалъ, и взгляды котораго на службу тѣ же, что и у меня." Замѣтно волнуясь, Адмиралъ подошелъ и обнялъ Тихменева.

Послѣ его ухода, счелъ почему-то нужнымъ выступить и находившійся здѣсь Глѣбовъ-Авиловъ. Онъ признавалъ отъѣздъ Адмирала чрезвычайно важнымъ, хотя находилъ, что событія идутъ настолько быстро, что, быть можетъ, судьба флота рѣшится прежде, чѣмъ Командующій доѣдетъ до Москвы. Въ

отвѣтъ, со всѣхъ сторонъ, сейчасъ же послышались рѣзкіе возгласы: „Покажите намъ всѣ пункты и условія Брестъ-Литовскаго договора.“ Подобныя фразы неизбѣжно раздавались каждый разъ, когда Глѣбовъ-Авиловъ присутствовалъ на собраніяхъ. Глѣбовъ попытался, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, отдѣлаться общими фразами и поспѣшилъ удалиться.

Послѣ собранія было рѣшено просить одного офицера и одного матроса поѣхать на „Волю“ къ Адмиралу и отъ лица всего личнаго состава флота выразить ему глубокую признательность за дѣятельность на пользу флота, благодарить за выводъ изъ Севастополя, пожелать полнаго успѣха въ Москвѣ и просить скорѣе вернуться. Этимъ представителямъ Адмиралъ сказалъ, что у него есть слабая надежда улучшить положеніе и обѣщалъ вернуться въ Новороссійскъ. Въ 2 часа ночи Адмиралъ уѣхалъ.

На слѣдующій день Временно Командующій, Капитанъ 1-го ранга Тихменевъ, пригласилъ къ себѣ и. д. Начальника Бригады Кораблей, Капитана 1-го ранга Терентьева (онъ же Командиръ „Свободной Россіи“), Начальника Минной Бригады, Капитана 1-го ранга Лебедева, и Начальника Штаба Флота, Капитана 1-го ранга Лебединскаго, которымъ прочиталъ привезенный Вахрамѣевымъ документъ. Это былъ докладъ Начальника Морского Генеральнаго Штаба на имя верховной военной коллегіи или высшаго совѣта республики. Въ немъ говорилось, что, несмотря на гарантіи, нѣмцы, подъ разными предлогами, продолжаютъ все время продвигаться впередъ, какъ на Балтійскомъ побережьѣ, такъ и на берегахъ Чернаго моря; повидимому, они стремятся къ захвату кораблей, доковъ, мастерскихъ и запасовъ. Основываясь на бывшихъ уже примѣрахъ, Генеральный Штабъ считаетъ необходимымъ заблаговременно, если германцы поведутъ наступленіе на Новороссійскъ, принять мѣры къ уничтоженію находящагося тамъ флота, дабы не отдать его въ руки непріятеля. На докладѣ имѣлась резолюція Троцкаго, состоявшая изъ двухъ частей. Первая изъ нихъ, какъ бы одобряла мѣропріятія по своевременному уничтоженію флота; а во второй было сказано о его немедленномъ уничтоженіи. Въ результатѣ же, за подписью Ленина, Троцкаго и „за Начальника Морского Генеральнаго Штаба“, Альтфатера, Командующему флотомъ категорически предписывалось немедленно уничтожить всѣ суда. Во всей этой перепискѣ не было ни одного намека на политическую обстановку, и совершенно не объяснялось — почему вдругъ такъ экстренно понадобилось топить флотъ.

Между тѣмъ, на мѣстѣ, обстановка казалась сравнительно благопріятной, такъ какъ нѣмцы, послѣ занятія Ростова, дальше не шли, а со стороны Керчи тоже ничего не угрожало. Наобо-

ротъ, даже имѣлись свѣдѣнія, что часть германскихъ войскъ оттуда ушла. Поэтому приказаніе „немедленно уничтожить всѣ суда" — показалось подозрительнымъ и вызвало общее негодованіе.

Одновременно стало извѣстно, что въ Москвѣ, за неисполненіе аналогичнаго приказанія, разстрѣлянъ Капитанъ 1-го ранга Щастный, выведшій Балтійскій флотъ изъ Гельсингфорса въ Кронштадтъ.

Капитанъ 1-го ранга Тихменевъ, въ присутствіи флагмановъ, объявилъ Вахрамѣеву и Глѣбову-Авилову, что онъ преждевременно взрывать корабли не будетъ, ибо увѣренъ, что, если при данной обстановкѣ онъ отдастъ подобное приказаніе, то команды скорѣе выбросятъ за бортъ его, офицеровъ и Вахрамѣева съ Авиловымъ, чѣмъ потопятъ корабли. Оба комиссара какъ бы согласились съ тѣмъ, что мѣстная обстановка не требуетъ выполненія приказанія Москвы; однако прибавили, что не исполнить его тоже нельзя. Тогда Тихменевъ предложилъ комиссарамъ самимъ объявить все командамъ, отъ чего тѣ сейчасъ же отказались, заявивъ, что ихъ конечно не послушаютъ, а кромѣ того это противорѣчитъ принципу единоличнаго командованія, каковой принятъ на флотѣ. Комиссары просили дать отвѣтъ завтра.

На слѣдующій день собраніе флагмановъ составило слѣдующую телеграмму. „Москва. Ленину и Троцкому. Совѣтъ флагмановъ, собравшись 7-го іюня с. г. на линейномъ кораблѣ „Воля" и ознакомившись съ секретнымъ докладомъ Морского Генеральнаго Штаба за № и предписаніемъ за № постановилъ: Ввиду того, что никакая реальная опасность отъ наступленія германскихъ войскъ какъ со стороны Ростова, такъ и Керченскаго пролива, Новороссійску не угрожаетъ, то корабли уничтожать преждевременно. Попытка отдачи подобнаго приказанія будетъ принята за явное предательство. Подписали: Капитанъ 1-го ранга Тихменевъ, Капитанъ 1-го ранга Терентьевъ, Капитанъ 1-го ранга Лебединскій и Капитанъ 2-го ранга Гутанъ 2-й." Послѣдній присутствовалъ на засѣданіи, какъ старшій изъ командировъ миноносцевъ, вмѣсто больного Начальника Минной бригады. Эта телеграмма была прочитана и прибывшими комиссарами, которыхъ просили тоже подписаться, если только они согласны съ нею. Оба согласились и ее подписали. Одинъ экземпляръ телеграммы со всѣми подписями Тихменевъ взялъ себѣ, а другой былъ отданъ комиссарамъ, которые рѣшили лично ее зашифровать, несмотря на то, что имъ предложили сдѣлать это сообща. Однако, по какимъ-то „техническимъ причинамъ" эта телеграмма была отправлена только на другой день, т. е. 8-го іюня, и то лишь послѣ того, какъ Глѣбовъ-Авиловъ заявилъ, что онъ снимаетъ свою подпись. Повидимому, Вахра-

мѣевъ и Глѣбовъ-Авиловъ тоже послали телеграмму, прося разъясненій, почему необходимо тотчасъ же топить флотъ.

10-го числа былъ полученъ рядъ телеграммъ, изъ которыхъ одна — шифрованная. Изъ нихъ флотъ узналъ, что въ Кіевѣ между Совнаркомомъ и германскимъ командованіемъ относительно флота ведутся какіе-то переговоры. Раньше же, было только извѣстно, что въ Кіевѣ идетъ какое-то совѣщаніе, на которомъ, судя по обрывкамъ перехваченныхъ радіотелеграммъ, былъ затронутъ также вопросъ и о флотѣ. Ничего не сообщилъ по этому поводу, и пріѣхавшій членъ морской коллегіи Вахрамѣевъ.

Кромѣ того, изъ полученныхъ 10-го іюня телеграммъ, флотъ узналъ, что Германіей предъявленъ Совнаркому ультиматумъ о переходѣ флота въ Севастополь, гдѣ суда должны быть интернированы на все время войны. Послѣднимъ срокомъ выполненія своего требованія противникъ назначилъ 16-ое іюня, но потомъ продолжилъ его до 19-го числа. Дальше говорилось, что если флотъ къ 19-ому іюня не перейдетъ въ Севастополь, то германское командованіе будетъ вынуждено прекратить дальнѣйшіе переговоры и продолжать наступленіе по всему фронту. Въ силу этого ультиматума, въ срочномъ порядкѣ, предписывалось уничтожить, какъ боевые корабли, такъ и всѣ другія суда, находящіяся въ Новороссійскѣ, а всему личному составу предписывалось эшелонами отбыть въ Саратовъ, гдѣ формировались какіе-то морскіе батальоны.

Что касается шифрованной телеграммы, то она, по своему цинизму, превзошла всѣ ожиданія. Въ ней говорилось: „Вамъ будетъ послана открытая телеграмма — во исполненіе ультиматума идти въ Севастополь, но вы обязаны этой телеграммы не исполнять, а наоборотъ уничтожить флотъ, поступая согласно привезеннаго Вахрамѣевымъ предписанія".

Когда карты Совнаркома, благодаря этой телеграммѣ, были окончательно раскрыты и обнаружено его двуличіе, Командующій флотомъ созвалъ на „Волѣ" первое собраніе командировъ, предсѣдателей комитетовъ и представителей командъ. На этомъ же совѣщаніи присутствовали Вахрамѣевъ и Глѣбовъ-Авиловъ. Командующій объявилъ, что имъ получены чрезвычайной важности документы изъ Москвы, которые онъ проситъ выслушать самымъ серьезнымъ и внимательнымъ образомъ, ибо ими рѣшается судьба флота. Затѣмъ онъ предложилъ обоимъ комиссарамъ прочитать собранію всѣ полученные документы и телеграммы въ порядкѣ ихъ полученія. Комиссары попробовали было отказаться, прося это сдѣлать Командующаго, но послѣдній стоялъ на своемъ, и они, поторговавшись другъ съ другомъ, рѣшили, что документы прочтетъ Глѣбовъ-Авиловъ. Чтеніе ихъ не разъ прерывалось возгласами

недовѣрія и возмущенія. Огласивъ простыя телеграммы, Глѣбовъ однако скрылъ текстъ шифрованной. Тогда Командующій заявилъ ему, что онъ не прочиталъ еще одной телеграммы, по его мнѣнію — самой важной. Сильно растерявшись, Глѣбовъ попытался что-то пролепетать о секретности и несвоевременности объявленія. Въ отвѣтъ на это Тихменевъ объявилъ всѣмъ, что есть еще одна телеграмма, которую комиссаръ почему-то скрылъ и, взявъ ее изъ рукъ Глѣбова, прочиталъ собранію. Чтеніе этой телеграммы прямо ошеломило присутствовавшихъ; негодованію не было границъ. Послышались голоса: „Эти предатели хотятъ свалить на насъ вину въ потопленіи флота, хотятъ поставить насъ внѣ закона“ и т. д. Послѣ длиннаго ряда пререканій, собраніе постановило принять предварительныя мѣры къ уничтоженію кораблей. Для этого было рѣшено на каждомъ кораблѣ образовать особую команду изъ наиболѣе надежныхъ людей, которая подъ руководствомъ своихъ командировъ и офицеровъ, уничтожила-бы суда въ минуту опасности. Постановленіе это носило, впрочемъ, лишь предварительный характеръ такъ какъ многіе изъ команды считали, что раньше, чѣмъ принимать окончательное рѣшеніе необходимо освѣдомить обо всемъ команды.

Съ этой цѣлью въ засѣданіи былъ сдѣланъ перерывъ, и условными холостыми выстрѣлами (это было на отрядѣ условлено съ самаго начала его стоянки въ Новороссійскѣ) были собраны на корабли всѣ отсутствовавшіе офицеры и команды. На каждомъ кораблѣ командамъ была разъяснена обстановка, и всѣ ознакомлены съ документами, полученными изъ Москвы. За немедленное потопленіе не высказался ни одинъ корабль, но никто тоже не высказался и за переходъ въ Севастополь. Почти всѣ суда вынесли рѣшеніе оставаться въ Новороссійскѣ, причемъ опять появились лозунги: „борьба до послѣдняго снаряда“, „борьба до послѣдней капли крови“ и т. д. Многіе, высказывая ихъ, были убѣждены, что это только слова, а при приближеніи дѣйствительной опасности всѣ разбѣгутся въ горы, а суда останутся неуничтоженными.

Въ полночь, на „Волѣ“ опять началось прерванное засѣданіе, продлившееся до утра, но опять ни къ какому окончательному рѣшенію оно не привело. Было лишь ясно, что сейчасъ топить суда никто не станетъ. Все больше и больше выставлялось третье рѣшеніе — „война до конца“. Появлялись выкрики и относительно необходимости сношеній съ Генераломъ Красновымъ; но все же этотъ вопросъ какъ-то больше обходили молчаніемъ. Рѣшено было запросить Москву о томъ, какую-же телеграмму исполнить: открытую или шифрованную. Между тѣмъ, по адресу обоихъ присутствовавшихъ представителей совѣтской власти ненависть и угрозы росли настолько

замѣтно, что оба комиссара среди засѣданія предпочли удрать на берегъ.

На этомъ засѣданіи впервые появились представители воднаго транспорта (организація, вѣдавшая управленіемъ торговаго флота), во главѣ съ нѣкіимъ Кремлянскимъ (механикъ торговаго флота), назначеннымъ состоять во главѣ воднаго транспорта лично Ленинымъ, который отпустилъ ему на дѣла транспорта два милліона рублей, причемъ послѣдній расходовалъ эти деньги по своему личному усмотрѣнію. Представителей торговаго флота сначала не хотѣли допускать на засѣданіе, но затѣмъ они были допущены на томъ основаніи, что въ предписаніи уничтожить флотъ указывалось также на потопленіе коммерческихъ судовъ. Кремлянскій своими ультра-большевистскими выступленіями на всѣхъ дальнѣйшихъ собраніяхъ сыгралъ не малую роль въ потопленіи судовъ въ Новороссійскѣ, помимо всего прочаго агитируя еще противъ Адмирала Саблина, Капитана 1-го ранга Тихменева и вообще командного состава. Надо сказать, что съ самаго начала разговоровъ о потопленіи флота въ городѣ велась опредѣленная агитація въ томъ смыслѣ, что уничтоженіе судовъ выгодно только офицерамъ, и что этотъ планъ измышленъ офицерами. Въ послѣдній же день, день уничтоженія судовъ, уже проповѣдывалось иное, а именно — что офицеры не хотятъ топить корабли, а рѣшили ихъ увести въ Севастополь. Вся эта агитація на матросовъ не имѣла никакого вліянія; но въ населеніи пользовалась большимъ успѣхомъ.

На слѣдующій день съ полдня опять было назначено засѣданіе на „Волѣ", присутствовать на которомъ обѣщали и оба комиссара; однако, они не пришли. Команды стали волноваться, и было рѣшено вызвать ихъ по телефону. Когда ихъ не оказалось дома, былъ посланъ патруль, чтобы найти и привести ихъ силой. Патруль вернулся и сообщилъ, что Вахрамѣевъ и Глѣбовъ-Авиловъ въ поѣздѣ Вахрамѣева удрали въ Екатеринодаръ. Негодованію командъ не было предѣловъ, и онѣ стали изобрѣтать различные способы, какъ бы догнать и арестовать комиссаровъ.

Вскорѣ была получена телеграмма съ какой-то промежуточной станціи. Въ этой телеграммѣ Вахрамѣевъ сообщалъ, что, такъ какъ миссія **имъ** исполнена не была, онъ считаетъ свое дальнѣйшее пребываніе въ Новороссійскѣ излишнимъ, а потому и уѣхалъ, взявъ съ собою и Глѣбова-Авилова, дабы вмѣстѣ съ нимъ доложить въ Москвѣ о всемъ происшедшемъ.

Утромъ, обѣщая присутствовать на засѣданіи, Глѣбовъ-Авиловъ въ разговорѣ съ Тихменевымъ, сказалъ: „Ввиду того, что среди командъ стало преобладать рѣшеніе воевать до конца, а это означаетъ, что суда уничтожены не будутъ, то лучше въ такомъ случаѣ флоту перейти въ Севастополь. Кромѣ

того, на вопросъ Глѣбову, какъ надо смотрѣть на послѣднюю телеграмму — идти въ Севастополь, и та ли эта телеграмма, о которой говорится въ шифрованномъ радіо, что ее исполнять не надо, Глѣбовъ отвѣтилъ, что теперь онъ и самъ ничего не знаетъ, и что пожалуй эта телеграмма — новая. Это были его послѣднія слова передъ бѣгствомъ.

На засѣданіи, во время котораго обнаружилось изчезновеніе комиссаровъ, было получено первое донесеніе о томъ, что нѣмцы высаживаются въ Тамани, и что высадить предполагается отрядъ въ двадцать тысячъ. Это извѣстіе окончательно убивало послѣднюю надежду остаться въ Новороссійскѣ.

Съ этого момента уже началась агонія флота. Въ конецъ издерганный личный составъ морально умеръ. Команды перестали ѣсть, спать, метались изъ стороны въ сторону и, потерявъ голову, только митинговали. Было нѣсколько слу чаевъ дезертирства и самоубійства.

На слѣдующій день послѣ бѣгства Вахрамѣева и Авилова изъ Екатеринодара прибыли въ Новороссійскъ два эшелона съ красноармейцами, которые стали держать себя по отношенію къ матросамъ весьма вызывающе. Ими были заняты всѣ караулы въ городѣ.

На городской площади былъ назначенъ митингъ для населенія, на которомъ долженъ былъ разбираться вопросъ о судьбѣ флота. Изъ любопытства послушать пошло и много матросовъ. На этотъ митингъ былъ приведенъ отрядъ вооруженныхъ красноармейцевъ, которые, съ ручными гранатами въ рукахъ, оцѣпили всю площадь. Въ это же время на вспомогательномъ крейсерѣ „Троянъ" происходило очередное засѣданіе флота, на которое прибыли представители Кубано-Черноморской республики. Дѣло въ томъ, что кому-то пришла шальная мысль спасти флотъ, присоединившись къ Кубано-Черноморской республикѣ, которая якобы имѣетъ достаточно войскъ, чтобы обороняться отъ нѣмцевъ. Въ этомъ засѣданіи представители означенной „республики" увѣряли, что они порвали съ Москвой, топить флотъ считаютъ преступленіемъ и готовы общими усиліями отстаивать Новороссійскъ. На вопросы, какимъ количествомъ штыковъ и артиллеріей они обладаютъ и какими финансовыми средствами располагаютъ, эти представители, во главѣ съ Рубиномъ (комиссаръ финансовъ), отвѣта не дали, а предложили послать представителей въ Екатеринодаръ, гдѣ по ихъ словамъ все будетъ выяснено.

На это засѣданіе Командующій прибыть отказался, а черезъ Капитана 1-го ранга Терентьева, обрисовавшаго еще разъ все безвыходное положеніе флота, передалъ, что онъ считаетъ, что флотъ долженъ быть или уничтоженъ, или же переведенъ въ

Севастополь, но никакого третьяго рѣшенія, къ сожалѣнію, быть не можетъ.

Во время засѣданія однимъ изъ матросовъ былъ внесенъ вдругъ срочный запросъ: „На какомъ основаніи и по чьему приказанію прибыли въ Новороссійскъ красноармейцы, ведущіе себя столь вызывающе по отношенію флота.“ Начальникъ красноармейцевъ (по виду бывшій офицеръ), почему-то оказавшійся на „Троянѣ“, заявилъ, что ихъ прислали для охраны города. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ было выяснено, что они прибыли, по требованію Глѣбова-Авилова, противъ якобы взбунтовавшихся матросовъ. Здѣсь сразу сказалась ошибка большевистскихъ главарей, которые прислали, отрядъ всего лишь въ 600 человѣкъ. Начальнику этихъ эшелоновъ тутъ-же было заявлено, что онъ долженъ немедленно убраться изъ Новороссійска вмѣстѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ, ибо городъ пока еще охраняется флотомъ, и что если красноармейцами будетъ тронутъ хоть одинъ матросъ, то весь личный составъ флота, въ количествѣ около двухъ съ половиной тысячъ человѣкъ выступитъ, какъ одинъ, и снесетъ ихъ съ лица земли. Начальникъ красноармейцевъ заявилъ, что онъ только сейчасъ узналъ истинный смыслъ его присылки, и что немедленно съ эшелонами покинетъ Новороссійскъ.

Въ концѣ засѣданія было все же рѣшено послать въ Екатеринодаръ представителей въ лицѣ двухъ или трехъ офицеровъ и двухъ матросовъ для выясненія на мѣстѣ всѣхъ средствъ мѣстной „республики“.

Временно Командующій флотомъ почти совершенно не принималъ участія въ засѣданіяхъ и ни разу не высказалъ командамъ своей точки зрѣнія. Учитывая настроеніе матросовъ, которые вновь вспомнили митинговые лозунги, и зная на основаніи опыта, что на людей въ такомъ состояніи въ хорошемъ смыслѣ повліять нельзя, онъ ждалъ момента, когда они, испробовавъ все, придутъ и скажутъ: приказывайте, что намъ дѣлать?

За этотъ короткій, но тяжелый промежутокъ времени, Командующій всячески изыскивалъ способъ спасти суда, но, къ сожалѣнію, выхода не представлялось. Увести корабли было некуда, такъ какъ не оставалось ни одного порта, гдѣ хотя-бы временно суда могли укрыться; вести же флотъ куда-нибудь, чтобы топить его на мелкомъ мѣстѣ, было невозможно, такъ какъ большинство командъ не пошло бы въ море, а разбѣжалось. Кромѣ того, флотъ, съ минимумомъ команды, а частью – на буксирѣ, т. е. въ совершенно небоеспособномъ состояніи, врядъ ли былъ бы пропущенъ непріятелемъ далѣе 10-20 миль.

Единственное, что могъ сдѣлать еще Командующій, такъ это попытаться связаться съ Дономъ и сообщить о траги-

ческомъ положенiи флота недавно вступившему въ должность Донского Атамана Генералу Краснову. Съ этой цѣлью, съ докладомъ къ Атаману, онъ послалъ на шкунѣ окружнымъ путемъ черезъ Керчь въ Таганрогъ Инженеръ-Механика Мичмана Полякова, который благополучно проѣхалъ и былъ принятъ Генераломъ Красновымъ и Генераломъ Богаевскимъ. Взглядъ Атамана на этотъ вопросъ былъ таковъ, что въ настоящее время флоту ничего другого не остается, какъ возвратиться въ Севастополь, гдѣ все же есть надежда сохранить суда для будущаго. Эту точку зрѣнiя Донского Атамана Мичманъ Поляковъ передалъ Командующему флотомъ, насколько помнится, черезъ одну гимназистку, проѣхавшую прямо черезъ мѣстность, занятую большевиками, и прибывшую въ Новороссiйскъ за нѣсколько часовъ до того момента, когда окончательно надо было придти къ тому или другому рѣшенiю.

Рѣшенiй оставалось только два: или топить суда, или перевести ихъ въ Севастополь. Каждому человѣку естественно покажется страннымъ, что бывшiе на судахъ флота въ Новороссiйскѣ офицеры какъ-бы считались съ предписанiями Совнаркома, т. е. той власти, которой никто изъ нихъ не только не признавалъ, но считалъ чудовищно-преступной. Кромѣ того флотъ считался еще и съ какимъ-то неизвѣстнымъ германскимъ ультиматумомъ. Для того, чтобы хоть немного понять психологiю тѣхъ сравнительно немногихъ офицеровъ, которые до конца связали свою судьбу съ кораблями, на которыхъ они плавали и съ которыми сжились особенно за время войны, надо ознакомиться съ той обстановкой, въ которой имъ приходилось рѣшать тяжелый вопросъ спасенiя флота. Помощи ждать было неоткуда. Оставаться въ Новороссiйскѣ было нельзя, ибо такое рѣшенiе было равносильно отдачѣ судовъ германцамъ въ неповрежденномъ состоянiи, ибо личный составъ въ последнюю минуту все равно разбѣжался бы, и некому было бы взрывать суда.

Такимъ образомъ оставались только два рѣшенiя. Первое — топить корабли, чтобы они не могли попасть въ руки германцевъ и не были бы ими использованы противъ нашихъ союзниковъ. Съ узко-военной точки зрѣнiя, такое рѣшенiе было единственно правильнымъ. Противъ него говорило соображенiе, что потопивъ флотъ, а не выполнивъ требованiя германцевъ вернуться въ Севастополь, Россiя тѣмъ самымъ давала юридическое право Германiи продолжать наступленiе, т. е. занимать новыя области наиболѣе богатыя хлѣбомъ; въ томъ числѣ, и Кубань. Стремленiе нѣмцевъ занять Кубань и вывезти изъ нея хлѣбъ, для большинства тогда было совершенно ясно, и казалось, что они ищутъ только повода для ввода туда своихъ войскъ. Еслибы это дѣйствительно произошло, то вина въ этомъ

ложилась исключительно на остатки личнаго состава флота. Кромѣ того, фактъ подозрительнаго поведенія Совнаркома въ отношеніи флота, выразившагося въ отдачѣ діаметрально-противоположныхъ другъ другу распоряженій, толкало на мысль, что если не Германіи важно уничтожить Черноморскій флотъ, дабы въ случаѣ окончанія міровой войны не въ пользу Германіи, Россія все же долгіе годы была бы беззащитна на Черномъ морѣ, то во всякомъ случаѣ это весьма желательно Совнаркому. Армія путемъ планомѣрной провокаціи и пропаганды была уничтожена. Личный составъ флота былъ тоже тѣмъ же путемъ сведенъ на нѣтъ; но оставались еще корабли, которые при первомъ отрезвленіи народа могли быть укомплектованы и подняться противъ нихъ. Это стремленіе Совнаркома уничтожить военныя суда съ перваго взгляда покажется мало вѣроятнымъ, но если вспомнить аналогичную попытку уничтожить своими руками суда Балтійскаго флота, притомъ же, въ обстановкѣ, далеко не такой безвыходной, какъ въ Черномъ морѣ, то окажется, что этотъ взглядъ не только возможенъ, но имѣетъ свой raison d'être.

Второе рѣшеніе было — вернуться въ Севастополь для интернированія судовъ германцами. Съ точки зрѣнія старыхъ военныхъ традицій и исторіи это, конечно, казалось непріемлемымъ, но при той обстановкѣ, когда вся исторія, традиціи, воинская доблесть и духъ были уже втоптаны въ грязь, разсуждать приходилось только съ государственной точки зрѣнія. Не давая никакихъ гарантій, кромѣ бумажныхъ, нѣмцы, разумѣется, могли въ любое время использовать наши суда, или, при неудачномъ исходѣ войны, ихъ уничтожить. Но врядъ-ли нѣмцамъ это сулило какія-нибудь выгоды, и вотъ почему: на Черномъ морѣ, за отсутствіемъ противника, нѣмцамъ морской вооруженной силы не было надо, тѣмъ болѣе, что въ ихъ распоряженіи имѣлись „Гебенъ" и суда турецкаго флота. Объ использованіи судовъ противъ нашихъ союзниковъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ нѣмцы, увеличивъ свои силы на два дредноута и десять миноносцевъ, все равно не были бы въ состояніи состязаться съ ними. Даже, еслибы ходъ военныхъ дѣйствій повернулся бы не въ пользу Германіи, то и тутъ надо констатировать, что такое уничтоженіе нашего флота было бы страшно невыгодно Германіи, ибо при мирныхъ переговорахъ ей пришлось бы отчитываться передъ Державами Согласія, которыя заставили бы ее уплатить за уничтоженныя суда. Въ крайнемъ случаѣ, если бы даже это и произошло, то, по крайней мѣрѣ, флотъ не былъ бы нами уничтоженъ преждевременно, а погибъ только тогда, когда рушилась бы послѣдняя надежда на возвращеніе намъ кораблей послѣ окончанія войны. Суммируя всѣ возраженія „за" и „противъ", приходишь къ выводу, что

если и оставалась хоть маленькая надежда на спасеніе флота, то только въ томъ случаѣ, если онъ возвратится въ Севастополь.

Вотъ тѣ мысли и соображенія, которыми руководствовался личный составъ флота въ послѣднія минуты его жизни. Въ этомъ же смыслѣ, 14-го іюня, Командующій флотомъ выпустилъ приказъ къ командамъ. Въ немъ Тихменевъ объявлялъ, что есть только два исхода: либо топить суда, либо перейти къ 19-му іюня въ Севастополь.

Въ средѣ личнаго состава по этому вопросу возникъ глубокій расколъ, почему Командующій, разъяснивъ еще разъ общее положеніе, приказалъ его рѣшить всему личному составу путемъ поименнаго тайнаго голосованія. Результатъ голосованія и долженъ былъ выполнить флотъ. Другія рѣшенія Командующимъ совершенно исключались. Результатъ референдума былъ таковъ: за уничтоженіе флота высказалось около 450 голосовъ; за переходъ въ Севастополь больше 900 голосовъ, и около тысячи воздержавшихся или желавшихъ „бороться до послѣдняго снаряда". Эту тысячу голосовъ было приказано не считать, какъ уклонившихся отъ прямого отвѣта. Необходимо замѣтить, что за возвращеніе въ Севастополь подала голоса большая часть командъ дредноутовъ. Такимъ образомъ, къ полдню 15-го іюня н. ст., личный составъ флота рѣшилъ послѣдній вопросъ своего дальнѣйшаго существованія.

При подсчетѣ голосовъ, сторонники уничтоженія судовъ, пробовали доказать, что тысячу воздержавшихся, или голосовавшихъ за третье рѣшеніе, необходимо отнести къ нимъ. Особенно горячо ратовали за это, представитель воднаго транспорта, вышеупомянутый Кремлянскій, а также впервые открыто выступившій командиръ миноносца „Керчь", Старшій Лейтенантъ В. Кукель. Ихъ предложеніе было категорически отвергнуто, и представители командъ и командиры судовъ, кромѣ Кукеля и еще двухъ или трехъ, заявили, что подчинятся только приказаніямъ Командующаго флотомъ. Командующій объявилъ, что разъ большинство рѣшило переходить въ Севастополь, то онъ утверждаетъ это тяжелое рѣшеніе и поведетъ туда флотъ, въ надеждѣ, что суда наши все-таки намъ будутъ возвращены. Съ этого момента онъ потребовалъ безусловнаго исполненія всѣхъ своихъ приказаній.

Однако, къ сожалѣнію, появившійся въ командахъ расколъ уже не прекращался до самаго конца. Ему очень способствовала позиція, занятая нѣкоторыми офицерами, со Старшимъ Лейтенантомъ Кукелемъ во главѣ. Кукель сталъ горячо агитировать противъ возвращенія флота въ Севастополь. Въ офицерской средѣ онъ проповѣдывалъ это подъ тѣмъ соусомъ, что ему якобы не позволяетъ идти въ Севастополь его офицерская честь и достоинство. Повторяя все время красивыя фразы, Кукель

увлекъ за собою, человѣкъ пять-шесть молодыхъ офицеровъ, повѣрившихъ искренности его убѣжденій. На самомъ же дѣлѣ, „достоинство стараго офицера" не помѣшало Кукелю переодѣваться матросомъ и въ фуражкѣ съ черной лентой (а не Георгіевской — Черноморской), съ надписью „Керчь", пробираться въ команды и агитировать за потопленіе судовъ, уже на совершенно другой подкладкѣ. Особенно онъ агитировалъ за это среди командъ дредноутовъ. Тогда еще въ Кукелѣ окружающіе не видѣли большевика, хотя поведеніе его должно было внушать сильное подозрѣніе. Позиція, занятая офицерами пошедшими за Кукелемъ и явно вышедшими изъ повиновенія Командующему, не могла не усилить раскола въ командахъ, въ особенности — на миноносцахъ. Почти половина судовъ, раньше хотѣвшихъ идти въ Севастополь, въ послѣднюю минуту рѣшила топиться. Къ моменту трагедіи, флотъ окончательно уже разбился на двѣ равныя части. Можетъ быть, еслибы не было раскола въ офицерской средѣ, весь флотъ поступилъ бы одинаково, и всѣ суда были бы сохранены для будущей Россіи, но такъ какъ единодушія въ ней не было, то судьба ихъ была рѣшена.

На послѣднемъ собраніи, когда, на основаніи большинства голосовъ, было рѣшено возвратиться въ Севастополь, команды потребовали, чтобы, ввиду ликвидаціи флота, ихъ обезпечили путемъ выдачи жалованья за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, тѣмъ болѣе, что денежныя суммы флота легко могли попасть въ руки большевиковъ, или быть отобраны нѣмцами. Командующій объявилъ, что въ денежныя дѣла онъ вмѣшиваться не будетъ, а предоставляетъ рѣшить вопросъ финансовой комиссіи при Интендантѣ Штаба флота. Комиссія эта, въ составъ которой входило нѣсколько офицеровъ, но были и представители отъ командъ, постановила выдать всѣмъ жалованіе за пять мѣсяцевъ впередъ и, кромѣ того — еще пособіе, въ видѣ пенсіи, въ зависимости отъ числа лѣтъ службы. Эти суммы было приказано принять судамъ отъ Интенданта флота по требовательнымъ вѣдомостямъ, а именныя раздаточныя вѣдомости съ росписками представить въ Штабъ.

Къ вечеру 15-го іюня обстановка на флотѣ была слѣдующая. Командующимъ было приказано флоту къ 9 часамъ утра быть на первомъ положеніи (положеніе № 1 предусматриваетъ часовую готовность къ съемкѣ). Въ дѣйствительности же, готовились къ съемкѣ съ якоря лишь оба дредноута, миноносцы „Дерзкій", „Поспѣшный", „Безпокойный", „Живой" и еще нѣсколько миноносцевъ, которые хотя и колебались, но тоже собирались въ походъ. На остальныхъ миноносцахъ, главнымъ образомъ, на 3-ьемъ, такъ называемомъ „Ушаковскомъ Дивизіонѣ" („Керчь", „Каліакрія", „Хаджибей", и „Фидониси"),

все время шли сплошные митинги, съ участіемъ разныхъ постороннихъ лицъ. На нихъ особенно выдѣлялся своими демогогическими выступленіями все тотъ же Старшій Лейтенантъ Кукель. Тѣмъ не менѣе, казалось, что въ послѣднюю минуту съ якоря снимутся всѣ корабли, ибо въ такихъ случаяхъ всегда торжествуетъ стадное начало. Хорошо помня опытъ Севастополя, Начальникъ Минной Бригады и командиры „Поспѣшнаго", „Безпокойнаго" и „Дерзкаго" рѣшили съ утра, не ожидая приказаній, выйти на внутренній рейдъ, гдѣ и встать. Самое главное – надо было оторваться отъ берега и подать примѣръ. Весь вечеръ 15-го и ночь на 16-ое іюня съ кораблей сходили на берегъ съ вещами матросы, несогласные возвратиться въ Севастополь. Главнымъ образомъ, это былъ, элементъ, у котораго, такъ или иначе, рыльце было въ пушку.

Вѣсть о предполагаемой съемкѣ съ якоря облетѣла весь городъ и заводы. Утромъ, на слѣдующій день, послѣ цѣлаго ряда митинговъ, изъ города и съ заводовъ къ пристанямъ потянулись тысячныя толпы народа съ плакатами и красными знаменами, съ цѣлью отговорить флотъ отъ ухода.

Къ утру, 16-го, развели пары оба дредноута, „Дерзкій", „Поспѣшный", „Безпокойный", „Живой", „Пылкій" и вспомогательный крейсеръ „Троянъ". На остальныхъ же судахъ команды продолжали метаться и не знали что дѣлать: люди то сходили на берегъ, то на суда, готовыя къ походу, то вновь возвращались на свои миноносцы и начинали разводить пары, какъ напримѣръ, „Пронзительный", „Фидониси", „Хаджибей" и др. Къ этому времени, къ миноносцамъ подошла толпа манифестантовъ, и опять начался митингъ. Многіе матросы изъ числа колебавшихся стали покидать суда. Стало ясно, что, если миноносцы немедленно не оторвутся отъ берега, то ни одинъ изъ нихъ не уйдетъ. Между тѣмъ, на тѣ миноносцы, которые уже были почти покинуты командами, бросилась толпа и стала ихъ грабить. Моментъ былъ критическій. Поэтому, „Дерзкій", „Поспѣшный" и „Безпокойный" снялись съ якоря и, подъ крики, проклятія и угрозы насѣдавшей, неистовавшей толпы, вышли на внутренній рейдъ, гдѣ встали недалеко отъ флагманскаго корабля „Воля".

Въ то время, какъ часть толпы на берегу облѣпила оставшіеся у пристаней миноносцы съ „Керчью" во главѣ, на которомъ, очевидно, подъ руководствомъ Кукеля, все время поднимались сигналы, вродѣ, какъ: „позоръ и смерть судамъ, идущимъ въ Севастополь", „измѣнники и предатели, одумайтесь" и т. д., другая многотысячная толпа направилась по внѣшнимъ моламъ къ дредноутамъ. На „Волѣ" представители этой толпы были встрѣчены старшимъ офицеромъ, который, заявилъ, что онъ не можетъ разрѣшить никакого собранія командѣ, по-

тому что она занята судовыми работами, проводилъ ихъ до трапа и на шлюпкѣ отправилъ на берегъ. Къ сожалѣнію, на „Свободной Россіи“ не были заблаговременно убраны сходни, а потому представителямъ толпы и рабочимъ удалось проникнуть въ команду этого корабля. На „Россіи“ команда была менѣе стойка, чѣмъ на „Волѣ“, и путемъ митингованія удалось создать въ ней расколъ. Машинная команда почти въ полномъ составѣ объявила о своемъ нежеланіи идти въ Севастополь.

Атмосфера на рейдѣ все больше сгущалась, и суда, вышедшія изъ повиновенія Командующаго, уже выказывали явно враждебное отношеніе къ тѣмъ, что рѣшили идти въ море. Отъ нихъ, а также отъ различныхъ революціонныхъ организацій, все время на катерахъ подходили многочисленныя депутаціи, которыя пытались заставить уходившіе миноносцы вернуться къ берегу. Команды начали сильно волноваться.

Не было сомнѣнія, что если суда простоятъ еще хоть немного на внутреннемъ рейдѣ, то, если не вся команда разбѣжится, то во всякомъ случаѣ уйдетъ такая ея часть, что выходъ въ море сдѣлается невозможенъ. Однако, Командующій медлилъ уходить, такъ какъ все еще надѣялся, что, въ концѣ-концовъ, съ нимъ пойдутъ и остальные корабли. Кромѣ того надо было еще подождать „Свободную Россію“, которая принимала съ транспортовъ уголь и нефть.

Около часу дня, Командующій поднялъ сигналъ: „Сняться съ якоря и выйти на внѣшній рейдъ“. За флагманскимъ кораблемъ сейчасъ же снялись „Поспѣшный“, „Безпокойный“, „Дерзкій“ и „Живой“, взявшій вдобавокъ на буксиръ покинутаго командой „Жаркаго“. Эти два миноносца почти всю войну проплавали вмѣстѣ, и команда „Живого“, на который перешло нѣсколько человѣкъ съ „Жаркаго“, не пожелала бросить своего боевого товарища на произволъ судьбы. Кромѣ того, на внѣшній рейдъ вышелъ еще вспомогательный крейсеръ „Троянъ“, а нѣсколько позже — „Пылкій“. Всѣ эти суда стояли на якорѣ кабельтовыхъ въ пяти отъ входныхъ маяковъ.

При выходѣ изъ гавани, со стороны революціонныхъ организацій были сдѣланы еще послѣднія попытки помѣшать уходившимъ судамъ, а именно: на катерѣ пробовала подходить какая-то кучка людей, говорившая, что получены новыя телеграммы, изъ которыхъ будто выяснилось, что весь вопросъ съ уходомъ и потопленіемъ судовъ, это — нѣмецкая провокація; призывали не слушаться своихъ офицеровъ и т. д. На все это команды отвѣчали лишь бранью. Вообще, стоило только дать машинамъ ходъ, какъ люди замѣтно успокаивались.

Выходить изъ гавани судамъ приходилось подъ дикій ревъ и проклятія огромной толпы, собравшейся на оконечностяхъ обоихъ моловъ, что тоже сильно нервировало команды. Суда

не были оставлены въ покоѣ и на внѣшнемъ рейдѣ, гдѣ до самаго вечера, все время на катерахъ и шлюпкахъ подходили къ кораблямъ разныя темныя личности, пытавшіяся уговорить ихъ вернуться.

Ввиду того, что на „Поспѣшномъ“ было больше всего нефти, то Командующій приказалъ ему подойти къ „Волѣ“ и перекачать на нее часть запаса. Приблизительно въ это же время, на „Волю“ неожиданно прибыли съ берега Глѣбовъ-Авиловъ и Вахрамѣевъ. Они тоже просили Командующаго не уходить, а подписать приказъ о потопленіи судовъ. Командующій наотрѣзъ отказался отъ такого предложенія. Тогда комиссары рѣшили обратиться къ командѣ, но сами это сдѣлать не рискнули, а послали говорить съ ней бывшаго предсѣдателя судового комитета „Воли“, тоже стоявшаго за потопленіе судовъ и покинувшаго свой корабль передъ выходомъ на рейдъ. Едва тотъ раскрылъ ротъ, какъ команда стала уже кричать, что и его, и комиссаровъ необходимо выкинуть за бортъ. Послѣ такого пріема, онъ, Глѣбовъ-Авиловъ и Вахрамѣевъ, спѣшно спустились по штормъ-трапу на катеръ и отвалили отъ борта. Изъ ихъ словъ стало извѣстно, что для выполненія приказа объ уничтоженіи кораблей, Совнаркомъ срочно командировалъ въ Новороссійскъ члена морской коллегіи Раскольникова.

Къ вечеру на рейдъ вышелъ еще миноносецъ „Громкій“, имѣя, однако, всего лишь нѣсколько человѣкъ команды; идти въ Севастополь онъ не собирался, а вышелъ изъ гавани лишь съ цѣлью затопиться.

Нѣсколько позже выхода „Громкаго“, на „Волю“ прибыли представители отъ команды „Свободной Россіи“. Эти представители просили команду „Воли“ не дѣйствовать разрозненно и дать имъ послѣдній категорическій отвѣтъ: „идетъ ли она въ Севастополь или нѣтъ, такъ какъ если пойдетъ „Воля“, то къ ней присоединится и „Свободная Россія“. На это одинъ изъ матросовъ машинной команды „Россіи“ тутъ же замѣтилъ, что на нихъ надѣются напрасно, такъ какъ въ Севастополь они не пойдутъ. „Воля“ категорически отвѣтила, что своего рѣшенія она все равно не измѣнитъ и пойдетъ въ Севастополь, хотя бы въ единственномъ числѣ.

Съемка съ якоря и выходъ въ море были назначены только въ 10 часовъ вечера, потому что Командующій все еще разсчитывалъ взять съ собой и „Свободную Россію“.

Въ 10 часовъ вечера снялись „Дерзкій“, „Поспѣшный“, „Безпокойный“, Пылкій“, „Живой“ и „Троянъ“, имѣвшій на буксирѣ „Жаркаго“. На предложеніе Начальника Минной Бригады (брейдъ-вымпелъ на „Дерзкомъ“) взять „Громкій“ на буксиръ, послѣдній, поблагодаривъ, заявилъ, что и самъ дойдетъ до того мѣста, куда ему надо. Нѣкоторое время „Воля“

задержалась еще на рейдѣ, поджидая выхода изъ гавани другихъ судовъ.

На „Россію" былъ командированъ флагманскій Инженеръ-Механикъ, Генералъ-Маіоръ Бергъ (плававшій на „Дерзкомъ"). Когда окончательно выяснилось, что машинная команда „Свободной Россіи" не идетъ, а разбѣгается, то Командующій сдѣлалъ послѣднюю попытку спасти этотъ корабль, приказавъ всей оставшейся командѣ стать къ котламъ и механизмамъ, а капитану транспорта добровольнаго флота „Херсонъ", Родзянко, взять во чтобы то ни стало „Россію" на буксиръ. Однако, это приказаніе исполнено не было, такъ какъ команда „Херсона", подговоренная къ тому, по всѣмъ даннымъ, Кремлянскимъ, отказалась повиноваться.

Необходимо отмѣтить, что, незадолго до этого, Кремлянскій приказалъ всѣмъ транспортамъ и пароходамъ коммерческаго флота спустить кормовые транспортные флаги и поднять красные съ золотою надписью „Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика". Этотъ флагъ былъ недавно признанъ Германіей, какъ русскій кормовой флагъ для военныхъ и коммерческихъ судовъ, но на флотѣ о подъемѣ его никто и не заикался.

Въ ночь на 17-ое іюня н. ст., линейный корабль „Воля", нефтяные миноносцы „Дерзкій", „Поспѣшный", „Беспокойный", „Пылкій", угольные миноносцы „Живой", „Жаркій" и вспомогательный крейсеръ „Троянъ", подъ флагомъ Временно Командующаго Флотомъ, Капитана 1-го ранга Тихменева, ушли въ Севастополь. Нѣсколько позже къ отряду присоединилась еще база быстроходныхъ катеровъ, посыльное судно „Креста".

Линейный корабль „Свободная Россія", нефтяные миноносцы „Каліакрія", „Хаджибей", „Фидониси", „Керчь", „Пронзительный", угольные — „Лейтенантъ Шестаковъ", „Капитанъ-Лейтенантъ Барановъ", „Стремительный", „Смѣтливый", посыльное судно „Летчикъ" и около восьми быстроходныхъ катеровъ-истребителей остались для самоуничтоженія на Новороссійскомъ рейдѣ. Кромѣ того, тамъ же осталось большое количество транспортовъ и пароходовъ.

Послѣ ухода части флота въ Севастополь, въ Новороссійскъ прибылъ Раскольниковъ, который, совмѣстно съ Глѣбовымъ-Авиловымъ, Вахрамѣевымъ и Кукелемъ, руководилъ взрывами и потопленіемъ судовъ. Посѣщая суда, Раскольниковъ произносилъ демагогическія рѣчи, доказывая, что къ заключенію позорнѣйшаго Брестскаго мира Россію привели кадровое офицерство и дворянство. Личному составу флота приходится теперь уничтожать свои суда, благодаря исключительно тому-же кадровому офицерству. Особаго впечатлѣнія эти рѣчи на матросовъ не производили, и ни одинъ офицеръ въ Новороссійскѣ

не былъ тронутъ. Только Раскольниковъ приказалъ арестовать флагманскаго механика, Генералъ-Майора Берга, за то, что онъ, во время одной изъ рѣчей Раскольникова на „Россіи", громко крикнулъ: „Не кадровое офицерство привело Россію къ позору, а такіе мерзавцы и св. . . . ., какъ Вы, и прочіе комиссары." Къ счастью, Генералъ Бергъ во время успѣлъ на катерѣ уйти изъ Новороссійска въ Керчь.

Миноносцы топились на большой глубинѣ, на внѣшнемъ рейдѣ, посредствомъ открытія кингстоновъ и небольшихъ взрывовъ механизмовъ. Одинъ или два миноносца, слишкомъ медленно тонувшіе, были взорваны миноносцемъ „Керчь". „Свободная Россія", выведенная на буксирѣ на глубину въ 26 саженъ, была взорвана миннымъ залпомъ того-же миноносца.

Сама „Керчь", послѣ потопленія всѣхъ судовъ, подъ командой Кукеля, ушла въ Туапсе, гдѣ и была потоплена, послѣ чего Кукель съ командой уѣхалъ по Армавиръ-Туапсинской дорогѣ. Есть основаніе предполагать, что „Керчь" ушла въ Туапсе потому, что въ Новороссійскѣ населеніе было слишкомъ овлоблено противъ нея, за январь 1918 года, когда ея командой были разстрѣляны офицеры Варнавинскаго пѣхотнаго полка и произведено много грабежей и другихъ насилій.

Кромѣ военныхъ судовъ, по настоянію своихъ консуловъ, на Новороссійскомъ рейдѣ были еще потоплены иностранные пароходы, которые были застигнуты войной на Черномъ морѣ и зачислены въ транспортную флотилію, а именно: французскій „Оксусъ", англійскій „Треворіанъ", бельгійскій наливной „Эльборусъ" и итальянскіе „Женерова" и „Сербія".

Что касается быстроходныхъ катеровъ-истребителей, то они, почти всѣ, были отправлены по желѣзной дорогѣ на сѣверъ съ цѣлью переброски ихъ на Волгу.

Отрядъ судовъ, вышедшій въ Севастополь, заблаговременно извѣстилъ по радіо германское командованіе о времени своего подхода къ этому порту, а также число и названія идущихъ кораблей. Кромѣ того было сообщено, что остальныя суда по техническимъ причинамъ, отсутствію командъ и буксировъ пришлось оставить въ Новороссійскѣ.

На этомъ переходѣ, благодаря недостатку командъ, главнымъ образомъ — машинныхъ, пришлось взять на буксиръ почти всѣ миноносцы, и подъ своими машинами дошли лишь „Дерзкій" и „Живой". Благодаря этому, отрядъ шелъ самымъ малымъ ходомъ. Къ счастью, погода была штилевая, и онъ благополучно пришелъ въ Севастополь."

Кто же былъ вдохновителемъ этого злого дѣла? По чьему наущенію былъ уничтоженъ цѣлый рядъ совершенно новыхъ, только-что вошедшихъ въ строй, кораблей?

Незадолго до рокового конца Черноморскаго Флота, изъ Москвы въ Петроградъ, между прочимъ, пріѣхалъ начальникъ большевистскаго морского генеральнаго штаба. Онъ пригласилъ къ себѣ „посовѣтоваться" относительно положенія на Черномъ морѣ нѣсколькихъ, пользовавшихся большимъ авторитетомъ, высшихъ морскихъ чиновъ, которые въ то время уже находились въ отставкѣ. Скорбя за судьбу родного Флота, они согласились принять участіе въ совѣщаніи.

По словамъ начальника генеральнаго штаба положеніе вещей представлялось совершенно безнадежнымъ. Выходило, что отстоять Донъ и Новороссійскъ отъ захвата нѣмцами, было невозможно, а благодаря этому, вопросъ о судьбѣ Черноморскаго Флота пріобрѣталъ особую остроту. „Бывшіе союзники", сказалъ онъ, „категорически заявили, что наши корабли не должны попасть въ руки нѣмцевъ, и настаиваютъ на ихъ потопленіи. Уступая ихъ требованіямъ, совѣтъ народныхъ комиссаровъ уже поручилъ Троцкому принять соотвѣтствующія мѣры, но боится, что въ рѣшительный моментъ, какъ это всегда было, команды начнутъ слушаться офицеровъ, а тогда вопросъ о потопленіи будетъ всецѣло зависѣть отъ нихъ. Поэтому, важно имѣть документъ, который могъ бы повліять на офицеровъ, чтобы и они согласились уничтожить корабли."

Первое засѣданіе кончилось ничѣмъ. Послѣ него одинъ изъ участниковъ совѣщанія, Капитанъ 1-го ранга С. Кукель, отправился въ англійскую и французскую миссіи, чтобы непосредственно убѣдиться въ такомъ требованіи со стороны союзниковъ. Тамъ ему подтвердили, что Черноморскій Флотъ, дѣйствительно долженъ быть уничтоженъ, и, такимъ образомъ, не стать добычей нѣмцевъ. Въ противномъ случаѣ они угрожали, что событія на югѣ Россіи могутъ имѣть самыя печальныя послѣдствія.

Черезъ нѣсколько дней состоялось второе засѣданіе. Послѣ долгихъ дебатовъ, наконецъ, было вынесено рѣшеніе, что, если англичане и французы подпишутъ протоколъ о томъ, что Флотъ уничтожается въ ихъ цѣляхъ и по ихъ настоянію, то одинъ изъ членовъ совѣщанія будетъ посланъ въ Новороссійскъ къ Командующему Флотомъ, чтобы ознакомить его съ мнѣніемъ совѣщанія, скрѣпленнымъ подписями союзниковъ. Противъ такого рѣшенія возсталъ только одинъ изъ присутствовавшихъ. Онъ сказалъ, что если большевики настаиваютъ на потопленіи кораблей, то значитъ, здѣсь дѣло нечисто и кромѣ вреда ничего Россіи не принесетъ; что же касается требованій союзниковъ, то съ ними считаться не слѣдуетъ. Онъ одинъ отказался подписать протоколъ.

Союзники согласились подтвердить свое требованіе въ протоколѣ, и съ его копіей въ Новороссійскъ былъ отправленъ

Лейтенантъ Вербовъ. Къ счастью, онъ пріѣхалъ туда, когда часть Флота уже перешла въ Севастополь.

Какъ свидѣтельствовалъ впослѣдствіи временно командовавшій тогда Флотомъ, Капитанъ 1-го ранга А. И. Тихменевъ, онъ, не задумываясь, потопилъ бы весь Флотъ, еслибы получилъ такой протоколъ.

Данный случай очень характеренъ, ибо онъ показываетъ, какъ стремились союзники къ уничтоженію Черноморскаго Флота, и насколько ловко содѣйствовали имъ въ этомъ большевистскіе руководители. Какъ объяснялъ ихъ начальникъ морского генеральнаго штаба, они далеко не были увѣрены въ томъ, что команды подчинятся такому требованію, а потому изыскали способъ повліять и на офицеровъ. Планъ былъ несложенъ, но очень хитеръ и увѣнчался полнымъ успѣхомъ: скрѣпленный авторитетомъ видныхъ чиновъ Флота, протоколъ о необходимости потопленія кораблей служилъ тому яркимъ доказательствомъ. Участники засѣданія, совершенно незнакомые ни съ общимъ политическимъ положеніемъ, ни съ обстановкой на Черномъ морѣ, повѣрили тому, что говорилъ начальникъ морского генеральнаго штаба, старый морской офицеръ, раньше пользовавшійся извѣстнымъ вліяніемъ. Провѣрили въ миссіяхъ — все сошлось. Кромѣ того, тогда среди офицеровъ господствовало полное убѣжденіе, что Россія должна непремѣнно выполнить всѣ свои обязательства по отношенію къ союзникамъ. Все это, вмѣстѣ взятое, и убѣдило ихъ въ дѣйствительной необходимости уничтоженія Черноморскаго Флота. Больше же большевикамъ ничего и не требовалось. Какъ упоминалось выше, только одинъ изъ участниковъ, какъ бы чутьемъ, угадалъ, что въ дѣлѣ есть какая-то нехорошая закулисная сторона; но, не имѣя никакихъ данныхъ, онъ не могъ переубѣдить остальныхъ. Ясно, что уничтоженіе Черноморскаго Флота, судьбу котораго безусловно уже выяснялъ Брестъ-Литовскій договоръ, было важно не большевикамъ: все равно, еслибы флотъ и подлежалъ выдачѣ, имъ было бы очень рискованно нарушить условія мира; если же онъ оставался въ ихъ рукахъ, то топить его не было никакого смысла, потому что онъ находился въ ихъ полной зависимости. И если они его потопили, то только въ силу требованія союзниковъ, предъявленнаго въ тяжелый моментъ.

Тѣмъ временемъ, какъ уже говорилось выше, въ Новороссійскѣ, на флотѣ и въ городѣ собирались митинги, на которыхъ рѣшался вопросъ: идти ли въ Севастополь, или затопить корабли. Среди матросовъ Минной бригады сновали какія-то подозрительныя личности, что-то предлагая, что-то обѣщая и о чемъ-то уговариваясь. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нетрудно было даже

угадать національность, и хотѣлось, обращаясь къ нимъ на ихъ родномъ языкѣ спросить: „Que faites vous içi?"

Между прочимъ, Глѣбова-Авилова и Вахрамѣева видѣли вмѣстѣ съ двумя неизвѣстными лицами, тоже, повидимому — иностранцами, причемъ слышали, какъ одинъ изъ комиссаровъ что-то многозначительно имъ обѣщалъ: „Не извольте безпокоиться — все, все будетъ исполнено, хотя бы относительно части."

На югѣ Россіи передавалось, какъ слухъ, изъ устъ въ уста, что виновниками уничтоженія части Новороссійской эскадры являются французы; однако, прямыхъ доказательствъ не было.

Но нѣтъ ничего тайнаго, чтобы не стало явнымъ. Во французской миссіи въ Екатеринодарѣ сами же члены ея проболтались о похожденіи нѣкоего лейтенанта Беньо и капрала Гильомъ, агентовъ французской контръ-развѣдки, которымъ было поручено высшимъ командованіемъ уничтожить Черноморскій Флотъ, не стѣсняясь ни способами, ни средствами.

Лейтенантъ Беньо нисколько не отказывался тогда отъ своего участія въ этомъ дѣлѣ, но, наоборотъ, весьма любезно сообщилъ нѣкоторыя подробности. По его словамъ, выполнить такое порученіе было довольно трудно. Дѣло пошло значительно легче лишь послѣ того, какъ имъ удалось завязать непосредственныя сношенія съ Вахрамѣевымъ, Глѣбовымъ-Авиловымъ, Старшимъ Лейтенантомъ В. Кукелемъ и нѣсколькими матросами. Въ особое смущеніе ихъ приводили дредноуты, которые первое время совершенно не поддавались агитаціи. Только потомъ уже представилась возможность склонить на свою сторону и часть команды „Свободной Россіи"; но она считалась весьма „ненадежной" (!). Въ распоряженіи Беньо и Гильома имѣлись значительныя суммы, изъ которыхъ нѣкоторую часть они передали на расходы своимъ „русскимъ друзьямъ", уплативъ имъ, кромѣ того, впередъ часть условленнаго вознагражденія. Ввиду того, что подкупить всѣ команды было немыслимо и представляло нѣкоторый рискъ для пользы дѣла, было рѣшено поднять вопросъ объ уплатѣ личному составу всего флота пятимѣсячнаго жалованія впередъ и, одновременно съ этимъ распустить слухъ, что, по приходѣ въ Севастополь нѣмцы отберутъ эти деньги, какъ казенныя. Не безъ вліянія французскихъ агентовъ была устроена и манифестація, въ послѣдній день, противъ перехода флота въ Севастополь. Сильное опасеніе вызывало то, что Командующій не задумается открыть огонь по неповинующимся кораблямъ, такъ какъ это могло бы испортить всѣ планы. Поэтому, когда „Воля" вышла на внѣшній рейдъ, всѣ вздохнули свободно. Въ числѣ другихъ обязательствъ, принятыхъ на себя Кукелемъ, онъ взялся, между

прочимъ, слѣдить за „Свободной Россіей", чтобы она не перемѣнила своего рѣшенія. Въ случаѣ, еслибы она захотѣла все-таки присоединиться къ „Волѣ", Кукель долженъ былъ настичь ее на „Керчи" и угрозами вернуть обратно. Къ счастью (!), обстановка сложилась такъ благопріятно, что большая часть флота была уничтожена.

Вотъ общая картина того, что происходило одновременно въ Петроградѣ и въ Новороссійскѣ въ моментъ рѣшенія судьбы Черноморскаго Флота; вотъ, кто въ дѣйствительности организовалъ его потопленіе. Нельзя не подчеркнуть еще разъ, что союзникамъ не было никакого основанія бояться захвата и использованія нѣмцами нашихъ кораблей, такъ какъ они всегда могли легко противопоставить имъ значительно большія силы. Ихъ совѣсти и выводамъ читателя мы предоставляемъ скорбную повѣсть крушенія русской мощи на Черномъ морѣ. . .

Время шло, война кончилась, и союзники вошли въ Черное море. Въ октябрѣ 1918 года ихъ эскадра, подъ начальствомъ англійскаго Адмирала Кальсори, въ составъ которой входили англійскіе, французскіе, итальянскіе и греческіе корабли, появилась передъ Севастополемъ. Быстро принявъ его отъ германскаго командованія, союзники стали занимать русскія суда караулами. Это носило такой видъ, будто побѣдители спѣшили овладѣть своей добычей.

При этомъ были и очень характерные случаи. Среди другихъ судовъ, была подлодка „Тюлень", укомплектованная русскими офицерами. Ея существованіе было признано англичанами, съ тѣмъ, чтобы она стояла безъ минъ и снарядовъ. Вдругъ, однажды, на нее является французскій офицеръ съ карауломъ и хочетъ ее занять. Командиръ „Тюленя" энергично воспротивился этому и отказался спустить флагъ. Только благодаря натянутымъ отношеніямъ самихъ союзниковъ между собою, подлодка была оставлена въ покоѣ.

По распоряженію англійскаго Адмирала, всѣ корабли были распредѣлены между союзниками: англичане взяли „Волю" („Императора Александра III"), „Дерзкаго" и „Счастливаго"; французы „Безпокойнаго"; а греки и итальянцы получили нѣсколько старыхъ миноносцевъ. Послѣ пробъ и обученій, эти корабли были уведены въ Измидъ и поставлены тамъ съ англійскимъ карауломъ.

Несмотря на то, что Добровольческая армія вскорѣ стала ощущать большую потребность въ нѣсколькихъ миноносцахъ и рѣчныхъ канонерскихъ лодкахъ, она ихъ никакъ не могла получить. Союзники, подъ разными предлогами и ссылками на другія союзныя командованія, отвѣчали неизмѣннымъ отказомъ. Между прочимъ, относительно канонерокъ было сказано, что онѣ находятся въ рукахъ французовъ и предназначаются

для дѣйствій противъ большевиковъ. Но черезъ мѣсяцъ, когда союзники сдавали Николаевъ большевикамъ, эти канонерки были тоже переданы имъ, да еще съ большимъ запасомъ снарядовъ и другихъ матеріаловъ.

Въ мартѣ 1919 года, главное начальство на морѣ перешло къ французамъ, а именно къ Адмиралу Аметъ. На берегу же продолжали распоряжаться англичане, въ лицѣ Полковника Труссонъ. Въ это время большевики совершенно неожиданно прорвали Перекопскую позицію и стали подходить къ Севастополю. Союзническое начальство увѣряло, что городъ не будетъ сданъ, и этому вѣрили, имѣя на то полное основаніе, въ виду большого количества союзныхъ кораблей. Но неожиданно послѣдовалъ какой-то нажимъ изъ Парижа или Константинополя, и началась эвакуація.

Командующій Русскимъ Флотомъ, которымъ опять былъ Адмиралъ Саблинъ, получилъ приказаніе забрать все, что только возможно, и перейти въ Новороссійскъ; то же, чего нельзя было взять, онъ долженъ былъ оставить подъ защиту союзниковъ.

Въ концѣ марта и началѣ апрѣля, Севастополь лихорадочно эвакуировался въ Новороссійскъ. На мѣсто ушедшаго Адмирала Саблина, остался его Начальникъ Штаба, Капитанъ 1-го ранга Графъ П. Ф. Келлеръ, который, зная по опыту союзниковъ, старался ничего не оставить на ихъ попеченіе.

2-го апрѣля, союзная эскадра начала обстрѣлъ большевистскихъ позицій, причемъ стрѣляла днемъ и ночью. Однако, 5-го апрѣля командованіе уже вступило въ переговоры съ большевиками.

Вскорѣ, на французскій линейный корабль „Франсъ", на которомъ Адмиралъ Аметъ держалъ свой флагъ, прибыла большевистская делегація. Въ результатѣ, переговоры привели къ заключенію перемирія, и, между прочимъ, было приказано спустить Андреевскій флагъ, а офицерамъ — не появляться въ погонахъ.

Послѣ этого Графу Келлеру и его офицерамъ ничего больше не оставалось, какъ покинуть Севастополь.

Черезъ нѣсколько времени въ городѣ начались большевистскія демонстраціи, въ которыхъ приняли участіе и французскіе матросы. Греческая пѣхота, чтобы разогнать демонстрантовъ, открыла огонь: среди толпы, оказались убитые и раненые; въ томъ числѣ и французскіе матросы. Въ связи съ этимъ, на „Франс'ѣ" возникли безпорядки, которые продолжались цѣлый день: поднятый красный флагъ краснорѣчиво говорилъ о полномъ „allianc'ѣ съ русской революціей. . . Только съ большимъ трудомъ офицерамъ удалось уговорить команду.

Черезъ нѣсколько дней союзная эскадра покинула Севастополь. Передъ уходомъ французами были взорваны батареи, а англичане на старыхъ линейныхъ корабляхъ — „Іоаннъ Златоустъ“, „Евстафій“, „Пантелеймонъ“, „Три Святителя“, „Ростиславъ“, „Двѣнадцать Апостоловъ“ и „Память Меркурія“ взорвали цилиндры высокаго и низкаго давленія, упорные подшипники и др. Кромѣ того ими были выведены въ море и, приблизительно въ полутора миляхъ отъ Константиновской батареи, взорваны и потоплены на большой глубинѣ подлодки — „Орланъ“, „Гагара“, „Китъ“, „Кашалотъ“, „Нарвалъ“, „Краббъ“, „АГ 21“, „Скатъ“ и „Налимъ“, а на Сѣверномъ рейдѣ — „Карпъ“, „Карась“, „Лосось“ и „Судакъ“. На предложеніе грековъ вывести и сохранить для Россіи эти корабли, союзники отвѣтили категорическимъ отказомъ.

Въ августѣ-октябрѣ 1919 года, когда Добровольческая армія сильно окрѣпла, и ея оружію сопутствовалъ рядъ побѣдъ, союзники начали какъ-бы снова считаться съ Россіей. Между прочимъ, Высшее Командованіе Добровольческой арміи обратилось къ нимъ съ просьбой возвратить взятые въ свое время корабли. Послѣ долгихъ переговоровъ, ему, наконецъ, были переданы „Императоръ Александръ III“, „Безпокойный“, „Дерзкій“ и нѣсколько старыхъ миноносцевъ, но всѣ — въ самомъ плачевномъ видѣ.

Передъ послѣдней эвакуаціей Одессы, въ первыхъ числахъ декабря 1920 года, англичанами были еще подорваны затонувшія подлодки „Лебедь“ и „Пеликанъ“.

Послѣ паденія Крыма и ликвидаціи арміи Генерала Врангеля, всѣ оставшіеся корабли Черноморскаго Флота были переведены въ Бизерту, гдѣ они и находятся до сихъ поръ. Отъ всего Флота остались: линейный корабль „Генералъ Алексѣевъ“ (б. „Императоръ Александръ III“, а потомъ — „Воля“), — крейсеръ „Генералъ Корниловъ“ (б. „Кагулъ“); миноносцы — „Дерзкій“, „Безпокойный“, „Пылкій“, „Поспѣшный“, „Гнѣвный“, „Цериго“, „Капитанъ Сакенъ“ и „Жаркій“; подлодки — „Буревѣстникъ“, „Тюлень“, „Утка“ и „АГ 22“; посыльное судно „Алмазъ“, нѣсколько ледоколовъ и пароходовъ. Только небольшая часть этихъ кораблей находится въ исправномъ состояніи; большинство же требуетъ ремонта. Среди нихъ есть и недостроенныя суда, какъ напримѣръ — „Цериго“. Быстро движется время, и печальные остатки русскаго флота, находясь „подъ защитой Франціи“, постепенно приходятъ въ полную негодность. Такъ нѣкогда умирала въ Лиссабонѣ эскадра Адмирала Сенявина. . .

На Черномъ морѣ большевикамъ досталось лишь незначительное количество исправныхъ кораблей: новый крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ“; миноносцы — „Завидный“, „Свирѣ-

пый“ и подлодки – „Нерпа“, „АГ 23“ и „АГ 24“. Всѣ же остальныя суда искалѣчены союзниками.

Приблизительно такія же цѣли, какъ на Черномъ морѣ, союзники преслѣдовали и относительно Балтійскаго Флота.

Когда, въ апрѣлѣ 1918 года, вопросъ о переходѣ Флота изъ Гельсингфорса въ Кронштадтъ сильно обострился ввиду занятія германцами Финляндіи, англичане проявили самый живѣйшій интересъ къ его судьбѣ. Морской агентъ, Кэптенъ Кроми, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Гельсингфорсъ, чтобы добиться отъ Капитана 1-го ранга А. М. Щастнаго потопленія флота. Это требованіе было мотивировано боязнью, что корабли достанутся нѣмцамъ.

Одновременно, Кроми велъ переговоры и съ тайной организаціей морскихъ офицеровъ, имѣвшей цѣлью уничтоженіе флота, еслибы оправдались слухи о передачѣ его нѣмцамъ, согласно секретныхъ пунктовъ Брестъ-Литовскаго договора.

Инструкціи Москвы были все время двусмысленны и сбивчивы: то онѣ говорили о переводѣ флота въ Кронштадтъ, то объ оставленіи въ Гельсингфорсѣ, а то — о подготовкѣ къ уничтоженію. Это наводило на мысль, что на совѣтское правительство кѣмъ-то оказывается давленіе.

Всѣ старанія Кроми ни къ чему не привели. А. М. Щастный опредѣленно заявилъ, что онъ во чтобы то ни стало переведетъ флотъ въ Кронштадтъ. Офицерская организація тоже отказалась, безъ явныхъ доказательствъ, топить свои корабли.

Вопреки завѣреніямъ англичанъ, что нѣмцы обязательно заберутъ и используютъ флотъ, онъ спокойно перешелъ въ Кронштадтъ.

Оказалось, что насчетъ его Германія не имѣла никакихъ домогательствъ.

Не та-ли картина повторилась и на Черномъ морѣ? И здѣсь, и тамъ, союзникамъ было совершенно неопасно, что нѣмцы овладѣютъ нашимъ флотомъ. Въ частности, если германскій флотъ былъ меньше англійскаго почти въ три раза, то Русскій былъ слабѣе германскаго разъ въ пять. Изъ активныхъ силъ нашего Балтійскаго Флота имѣли значеніе только четыре современныхъ линейныхъ корабля, присоединеніе которыхъ къ германскому флоту не дало бы ему все-таки возможности состязаться съ англичанами. Очевидно, англичане боялись не этого, и у нихъ были свои какія-то особыя соображенія. . .

Послѣ окончанія міровой войны и въ полный разгаръ борьбы бѣлыхъ армій противъ большевиковъ, въ Балтійское море пришла союзная эскадра; главное руководительство находилось въ рукахъ англичанъ.

Политика союзниковъ клонилась всецѣло только къ поддержкѣ вновь образовавшихся Прибалтійскихъ государствъ. Въ это время Эстонія, боровшаяся съ большевиками, была почти вся занята ихъ войсками. На помощь ей тогда пришелъ только-что образовавшійся Русскій Добровольческій Сѣверный Корпусъ. Союзники обѣщали ему такую же полную поддержку, какъ и эстонцамъ, но ихъ обѣщаніе и здѣсь, какъ это было и на югѣ, и на востокѣ и на сѣверѣ, такъ и осталось обѣщаніемъ. Въ то время, какъ эстонская армія, благодаря англичанамъ, ни въ чемъ не нуждалась, русскія войска ощущали во всемъ острый недостатокъ.

Въ ноябрѣ 1918 года большевики, предпринявъ развѣдку къ Ревелю, послали туда, подъ начальствомъ Раскольникова, эскадренные миноносцы „Автроилъ" и „Спартакъ" (б. „Капитанъ 1-го ранга Миклуха-Маклай"). Войдя на Ревельскій рейдъ и подойдя довольно близко къ гавани, они замѣтили англійскія суда. Командиры миноносцевъ, которые не были большевиками, рѣшили использовать благопріятный моментъ и передаться англичанамъ. Вмѣсто того, чтобы попытаться уйти отъ преслѣдованія, они сами повернули къ англійскимъ кораблямъ. Раскольниковъ сейчасъ же спрятался среди команды.

Считая миноносцы своимъ „призомъ", англичане взяли съ нихъ все, что только имъ понравилось, не исключая даже офицерскихъ вещей, вродѣ носильнаго и постельнаго бѣлья, письменныхъ принадлежностей, чемодановъ и т. д. Между прочимъ, изъ каютъ-компаніи „Автроила" было взято піанино, поставленное затѣмъ на одномъ изъ англійскихъ кораблей. Экипажи передавшихся миноносцевъ были глубоко возмущены такимъ грубымъ и безцеремоннымъ отношеніемъ къ себѣ, но сказать ничего не могли.

Послѣ продолжительныхъ поисковъ, Раскольниковъ, наконецъ, былъ арестованъ и отправленъ въ качествѣ заложника въ Англію. Позднѣе, онъ былъ обмѣненъ на нѣсколькихъ англійскихъ подданныхъ.

Далѣе возникъ вопросъ, что дѣлать съ миноносцами. Высшее Русское Командованіе стало настоятельно требовать, чтобы они были переданы ему для борьбы противъ большевиковъ, тѣмъ болѣе, что ихъ поддержка лѣвому флангу арміи могла принести большую пользу. Одно время англичане какъ будто и соглашались на такую передачу; но потомъ они были переданы Эстоніи.

Ранней весной 1919 года, маленькое сторожевое судно „Китобой", находясь съ нѣсколькими такими же судами въ дозорѣ, подъ ихъ обстрѣломъ, передалось англійскимъ кораблямъ.

Съ „Китобоемъ" повторилась та же исторія, что съ „Автроиломъ" и „Миклухой-Маклаемъ"; онъ былъ немедленно до-чиста

разграбленъ, и его офицеры и команда лишились всего своего имущества. Опять начались нескончаемые переговоры по вопросу, кому передать „Китобой". Между тѣмъ, съ его экипажемъ обращались какъ съ плѣнными. На этотъ разъ „призъ" былъ переданъ уже Сѣверо-Западной арміи и поднялъ Андреевскій флагъ. Только отсутствіе боевого значенія корабля рѣшило вопросъ въ благопріятномъ для русскихъ смыслѣ; будь же онъ боевымъ кораблемъ, его, навѣрно, передали бы тѣмъ же эстонцамъ.

Тѣмъ временемъ, англичане, имѣя свою базу въ Бьёркѣ, продолжали поддерживать блокаду Кронштадта. И, насколько ихъ помощь въ отношеніи русской добровольческой арміи была инертна, настолько энергично, не жалѣя ни средствъ, ни жизней, они старались уничтожить корабли русскаго флота. Съ этой цѣлью, они завели цѣлую флотилію быстроходныхъ моторныхъ катеровъ и перевезли много аэроплановъ. Благодаря развалу и распущенности, существовавшимъ тогда на большевистскомъ флотѣ, набѣги и налеты сходили имъ почти безнаказанно.

Такъ, 18-го іюня 1919 года, моторному катеру, подъ командой лейтенанта Агоръ, удалось незамѣтно подойти къ крейсеру „Олегъ", находившемуся недалеко отъ Толбухина маяка, и выпустить въ него мину. Произошелъ взрывъ, и крейсеръ почти сейчасъ же затонулъ.

18-го августа, рано утромъ, нѣсколько такихъ моторныхъ катеровъ предприняли уже цѣлый набѣгъ на Кронштадтъ. Пользуясь тѣмъ, что вниманіе большевиковъ было отвлечено одновременнымъ налетомъ аэроплановъ, они бѣшенымъ ходомъ внеслись въ военную гавань и выпустили нѣсколько минъ. При этомъ были повреждены линейные корабли „Петропавловскъ" и „Андрей Первозванный", и потоплено учебное судно „Память Азова". Однако, и англичане понесли сравнительно большія потери: изъ семи катеровъ, три было потоплено; люди частью погибли, а частью — попали въ плѣнъ.

Послѣ этого большевики стали осторожнѣе, и англичанамъ ничего больше потопить не удалось. Налеты аэроплановъ продолжались и дальше, но не приносили почти никакого вреда.

15-го октября, подъ давленіемъ союзниковъ, Сѣверо-Западная армія начала большое наступленіе на Петроградъ. Быстро продвинувшись впередъ, она, черезъ нѣсколько дней, уже заняла Гатчину и Царское Село.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ при наступленіи являлась помощь флота, безъ поддержки котораго нельзя было обезпечить лѣвый флангъ наступавшей арміи и уничтожить батареи Красной Горки, являвшіяся ключемъ Кронштадта.

Подготовляя наступленіе, Командованіе Сѣверо-Западной арміи вошло въ сношенія съ частью гарнизона Красной Горки, обѣщавшейся своевременно передаться на сторону бѣлыхъ. Кромѣ того были подготовлены также кое-какія плавучія средства для переброски русскаго десанта въ Кронштадтъ. Вдругъ, въ самый послѣдній моментъ, союзные представители и эстонское командованіе, войска котораго должны были принять участіе въ наступленіи, заявили, что вдоль берега будутъ наступать лишь эстонскія части, которыя, при помощи англійскихъ и эстонскихъ морскихъ силъ займутъ Красную Горку и высадятъ десантъ въ Кронштадтъ. Существовавшія взаимоотношенія не позволяли противорѣчить, а потому даже приготовленныя плавучія средства пришлось передать эстонцамъ. Англичане не хотѣли допустить русскихъ занять Кронштадтъ, а собирались сдѣлать это сами, при посредствѣ эстонцевъ. Между англичанами и эстонцами на этотъ счетъ состоялось даже особое секретное соглашеніе: эстонцы получали различные запасы Кронштадтскихъ складовъ, необходимыя имъ плавучія средства и даже нѣкоторые корабли; но англичане забирали себѣ весь флотъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, помощь англичанъ со стороны моря оказалась недостаточной и выразилась только въ постановкѣ загражденія у Капорской бухты и слабыхъ обстрѣлахъ большевистскихъ береговыхъ батарей. Съ этой цѣлью туда вышли англійскіе миноносцы и эстонскій флотъ, подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Питка. 29-го октября, къ бухтѣ подошли большевистскіе миноносцы „Гавріилъ", „Константинъ", „Свобода", „Азардъ", „Всадникъ" и „Гайдамакъ". Этотъ отрядъ попалъ на поставленное загражденіе, причемъ „Гавріилъ" и „Свобода" подорвались и тотчасъ же затонули. „Азарду" удалось спасти часть тонувшихъ людей. Остальные миноносцы повернули и полнымъ ходомъ ушли въ Кронштадтъ.

По этому поводу, Питка получилъ отъ англійскаго адмирала Кованъ поздравленіе съ „блестящей побѣдой", а отъ эстонскаго правительства – производство въ вице-адмиралы. Такимъ образомъ, изъ капитановъ дальняго плаванія Питка въ одинъ годъ шагнулъ въ вице-адмиралы! . .

Взять Красную Горку оказалось не такъ-то легко: сдаваться эстонскимъ войскамъ она не захотѣла. Тогда англичане пообѣщались прислать для ея уничтоженія два современныхъ монитора, вооруженныхъ крупной артиллеріей. Время шло, наступленіе прекратилось и, наконецъ, положеніе стало критическимъ; но мониторовъ все не было. Только потомъ уже пришелъ „Эребусъ"; но другого такъ и не дождались. Какъ-то неохотно, неумѣло и безрезультатно онъ обстрѣлялъ раза два

или три Красную Горку и затѣмъ ушелъ: оказалось, что у него не хватило снарядовъ.

Обстрѣлами Красной Горки фактически закончились и всѣ морскія операціи въ Балтійскомъ морѣ, такъ какъ, съ отступленіемъ Сѣверо-Западной арміи и разоруженіемъ ея на эстонской территоріи, продолжать ихъ не было никакого смысла. Балтійскій Флотъ могъ еще представить нѣкоторую опасность, какъ ядро для возсозданія морской мощи Россіи только въ рукахъ бѣлыхъ, но отнюдь — не большевиковъ. Въ предвидѣніи такой возможности, англичане и топили русскіе корабли, благо они имѣли право сказать, что съ большевиками стѣсняться не приходится. Когда же Сѣверо-Западная армія пала, безпокоиться за флотъ было больше нечего: все равно большевики уже сами доводили его своими порядками до полной непригодности.

Отъ обзора дѣйствій союзниковъ на Балтійскомъ морѣ необходимо перейти къ ихъ дѣйствіямъ въ Сѣверной Области, гдѣ фронтъ былъ образованъ исключительно по ихъ инціативѣ.

Флотъ здѣсь не игралъ почти никакого значенія; но его можно было бы очень выгодно использовать въ борьбѣ съ большевиками.

Сѣверная Область была освобождена отъ большевиковъ въ ночь на 2-ое августа 1918 года. Вскорѣ туда стали прибывать союзныя войска, составившія особый экспедиціонный корпусъ. Вся власть, согласно распредѣленія сферъ вліянія въ Россіи, была взята англичанами. Въ ихъ рукахъ, такимъ образомъ, оказались всѣ боевые корабли и плавучія средства, которые, благодаря этому, не могли принять никакого участія въ борьбѣ, вплоть до августа 1919 года, т. е. когда Сѣверная Область была окончательно эвакуирована союзниками.

Помощь англичанъ, за время ихъ пребыванія на Сѣверѣ, была весьма своеобразна. Надъ всѣмъ господствовалъ строжайшій, но крайне медлительный и неорганизованный, контроль. Если русскія войска что-нибудь и получали, то всегда съ огромными треніями и запозданіемъ. Сравнительно легче проникали продукты и товары, которыми англичане вели частную торговлю; но ничего общаго съ нуждами фронта эта торговля не имѣла. Кромѣ того, англичане усиленно занялись вывозомъ изъ Архангельска запасовъ пеньки, смолы, строевого лѣса и т. д., объясняя это погашеніемъ русскаго долга.

Какъ потомъ оказалось, англійское правительство отправило на Сѣверный фронтъ офицеровъ-спеціалистовъ, которые только по званію числились офицерами, а въ сущности являлись представителями торговыхъ фирмъ и знатоками разныхъ

отраслей промышленности. До чего дошла эксплоатація русскихъ богатствъ въ этомъ краѣ, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что англичане вывезли весь знаменитый Холмогорскій скотъ. На офиціальномъ языкѣ это называлось покупкой, но въ дѣйствительности носило характеръ самой грубой реквизиціи: была назначена цѣна въ 120 рублей за голову, и никто не могъ уже отказаться отъ подобной сдѣлки.

На театрѣ военныхъ дѣйствій вся власть тоже принадлежала англичанамъ. Вмѣсто того, чтобы наступать, пользуясь тѣмъ, что красная армія еще не сформировалась, они усиленно топтались на одномъ мѣстѣ у моря, подъ прикрытіемъ своего флота. Стараясь остаться полноправными хозяевами, они, между прочимъ, настояли на уводѣ всѣхъ войскъ другихъ націй; главнымъ образомъ — американскихъ, помощь которыхъ была наиболѣе существенной изъ всѣхъ союзниковъ. Въ началѣ 1919 года англичане довольно-таки зазорно сдали Шенкурскъ, очень важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ, откуда бѣжали, бросивъ на произволъ судьбы все то, что только не содѣйствовало быстротѣ ихъ бѣга. . .

Въ отношеніи внутренней политики, ихъ цѣль заключалась въ томъ, чтобы парализовать возможность широкаго единенія среди русскихъ, такъ какъ созданіе твердой власти, опирающейся на всѣ слои населенія, совершенно не входило въ ихъ разсчеты. Съ этой стороны имъ была очень выгодна дѣятельность правительства Чайковскаго, которое преслѣдовало не обще-государственныя задачи, но узкіе партійные интересы. Такъ, за подписью Чайковскаго, былъ выпущенъ декретъ, объявлявшій красный флагъ національнымъ флагомъ; подтверждены всѣ декреты большевиковъ по рабочему законодательству; была организована тайная пропаганда среди населенія, направленная противъ мобилизаціи и т. д. Наряду съ этимъ, правительство вело также переговоры съ иностранными капиталистами о продажѣ имъ всѣхъ лѣсныхъ богатствъ Сѣверной Области. Понятно, что такого рода правительство, кромѣ вреда дѣлу, ничего принести не могло.

Для характеристики состава правительства, достаточно хотя бы только указать, что его глава, Чайковскій, перевелъ на свое имя заграницу нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Остальные министры были не лучше и на первый планъ ставили только интересы своего кармана.

Чтобы, наконецъ, положить предѣлъ ихъ преступной дѣятельности, группа офицеровъ, во главѣ съ Капитаномъ 1-го ранга Г. Е. Чаплинымъ, приняла на себя рѣшеніе арестовать правительство въ полномъ составѣ, что ей и удалось выполнить 6-го сентября 1918 года. Англичане, вначалѣ относив-

шіеся какъ бы сочувственно къ перевороту, увидѣвъ, что онъ грозитъ образованіемъ крѣпкой власти, поспѣшили измѣнить къ нему свое отношеніе. Это создало расколъ въ арміи и среди населенія, что вызвало еще лишнюю неурядицу.

Когда началась эвакуація, англичане, вмѣсто того, чтобы передать свои запасы и снаряженіе русской арміи, предпочли уничтожить все, что они не могли почему-либо увезти. Ими были сожжены или брошены въ воду автомобили, аэропланы, снаряды, патроны, топливо и большое количество всякаго обмундированія, т. е. все то, въ чемъ такъ нуждались русскія войска. Долгое еще время послѣ ихъ ухода, водолазы извлекали все это изъ воды.

Сейчасъ же послѣ эвакуаціи англичанъ, Высшее Командованіе обратило серьезное вниманіе на организацію флота, съ цѣлью использованія его въ борьбѣ съ большевиками. Наличныя силы этого флота, съ военной точки зрѣнія, были настолько ничтожны, что англичане не обратили на нихъ никакого вниманія. Приспособить флотъ для активной борьбы и охраны побережья, было поручено Капитану 1-го ранга Чаплину, который энергично принялся за дѣло. Немного спустя, флотъ принималъ уже самое дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ противъ большевиковъ.

Для охраны г. Архангельска, г. Онеги и устья рѣки Двины были предназначены: линейный корабль „Чесма", посыльное судно „Ярославна" и сторожевыя суда „Рекордъ" и „Прогрессъ" (буксиры, вооруженные 1—3″ и 2 — пулеметами).

Флотилія Онежскаго озера состояла изъ канонерской лодки „Сильный", 10 — быстроходныхъ катеровъ (1 — 47 м/м и 1 — пулеметъ), катера „Беапощадный" (1 — 47 м/м и 2 — пулемета), сторожевого судна „Свѣтлана" и нѣсколькихъ буксировъ.

Двинская Рѣчная Флотилія — изъ плавучихъ батарей „Сѣверянинъ" (2—6″, 1—3″ и 3 — пулемета), „Ополченецъ" (2—4″,7, 1—3″ и 2 — пулемета), „Партизанъ" (1—4″,7, 1—3″ и 2 — пулемета), „Стрѣлокъ" (1—4″, 7, 1—3″ и 2 — пулемета) и „Доброволецъ" (1—6″, 1—3″ и 2 — пулемета) и рѣчной канонерской лодки „Опытъ" (1—4″, 7, 3—3″ и 4 — пулемета). Плавучія батареи представляли изъ себя обыкновенныя стальныя баржи, на которыхъ въ двухъ-недѣльный срокъ были установлены орудія и устроено помѣщеніе для офицеровъ и команды. Онѣ передвигались при помощи буксировъ.

Отрядъ Сторожевыхъ Судовъ — изъ: 4 — англійскихъ моторныхъ катеровъ (1—57 м/м и 2 — пулемета) и 9 — различныхъ катеровъ, вооруженныхъ мелкой артиллеріей.

Отрядъ Рѣчного Траленія и Боновой Партіи — посыльное судно „Курьеръ", 4 — тральщика и 1 — боновая баржа.

Кромѣ того была организована еще база флотиліи, состоявшая изъ плавучаго госпиталя, плавучей мастерской, баржей и 16 — буксировъ.

Вся эта огромная организаціонная работа могла бы быть выполнена еще при возникновеніи Сѣвернаго фронта; но, такъ какъ тогда во всемъ распоряжались англичане, сильно тормозившіе всѣ русскія начинанія, то ничего и не было сдѣлано.

Остальные корабли — крейсера „Аскольдъ“ и „Варягъ“, а также миноносцы, фактически не принимали никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. „Варягъ“ все время ремонтировался въ Англіи, но такъ и не былъ отремонтированъ; впослѣдствіи нашъ морской агентъ въ Англіи продалъ его на сломъ. Что касается „Аскольда“ и миноносцевъ, то они были переведены въ Англію, гдѣ и стоятъ разоруженными.

Въ февралѣ 1920 года Сѣверный фронтъ окончательно распался, и всѣ корабли достались большевикамъ.

Остается коснуться еще одного антибольшевистскаго фронта, фронта Бѣлой Сибири. По территоріальнымъ условіямъ, событія на немъ почти не касались флота; но во главѣ всего движенія тамъ, стоялъ Адмиралъ А. В. Колчакъ, собравшій вокругъ себя весьма большое количество морскихъ офицеровъ, которые принимали активное участіе въ дѣйствіяхъ какъ на рѣкахъ, такъ и въ рядахъ арміи.

Въ нашу задачу входитъ освѣщеніе только тѣхъ фактовъ, которые непосредственно связаны съ событіями на моряхъ; въ частности — въ этой главѣ приводится описаніе дѣйствій бывшихъ союзниковъ, имѣвшихъ цѣлью уничтоженіе морскихъ силъ Россіи. Поэтому, оставляя въ сторонѣ другіе случаи вѣроломнаго поведенія союзниковъ, здѣсь нельзя обойти молчаніемъ послѣднихъ минутъ Адмирала А. В. Колчака, погибшаго исключительно благодаря предательству французскаго генерала Жанэна.

15-ое января 1920 года. На Иркутскомъ вокзалѣ сильное возбужденіе. Взадъ и впередъ снуютъ вооруженные рабочіе, съ лицами, искаженными ненавистью и дикою злобой. Всюду идетъ смутный говоръ, похожій на морской рокотъ. Слышатся проклятія, площадная брань, угрозы „расправиться, какъ слѣдуетъ“.

Призракъ уже близкаго преступленія виталъ въ воздухѣ, черными крылами своими касаясь очередной, обреченной жертвы смуты.

Отступала армія Колчака, подъ напоромъ большевистскихъ силъ. По желѣзнымъ дорогамъ медленно тянулись поѣзда съ бѣженцами, снаряженіемъ, припасами и т. д.

Поѣздъ Адмирала Колчака только-что прибылъ на станцію. На его окнахъ наклеены флаги пяти союзныхъ державъ: американскій, англійскій, французскій, японскій и чешскій; — это должно было означать, что онъ находится подъ ихъ защитой. Но флаги не помогли, а завѣренія союзныхъ представителей, сдѣланныя Адмиралу, что все спокойно и ему ничего не угрожаетъ, оказались грубымъ обманомъ.

Когда поѣздъ былъ окруженъ вооруженными рабочими, въ вагонъ Адмирала вдругъ вошелъ чешскій офицеръ и заявилъ, что, по приказанію генерала Жанэна, чешская охрана снимается. Адмиралъ Колчакъ принялъ это заявленіе совершенно спокойно и только сказалъ: „Это значитъ, что союзники меня предали"...

Въ тотъ же день Адмиралъ Колчакъ и всѣ лица, его сопровождавшія, были отведены въ Иркутскую тюрьму. Японскій военный представитель, Полковникъ Фукуда, послалъ къ чешскому генералу Сыровому, находившемуся также на станціи Иркутскъ, офицера, съ предложеніемъ передать охрану Адмирала Колчака японскому батальону. Генералъ Сыровой отвѣтилъ, что Адмиралъ, согласно приказанію Жанэна, уже выданъ повстанцамъ. Тогда Полковникъ Фукуда послалъ офицера къ правительству эсъ-эровъ, прося выпустить Адмирала изъ тюрьмы и передать японскимъ войскамъ. Эсъ-эры наотрѣзъ отказались. 24-го января власть въ городѣ была захвачена большевиками и, такимъ образомъ, Адмиралъ Колчакъ очутился въ ихъ рукахъ. 7-го февраля, въ 5 часовъ утра, Адмиралъ принялъ тяжелую, мучительную кончину.

Этого момента забыть нельзя, какъ нельзя забыть и предательства, благодаря которому погибъ Колчакъ. Что же это въ концѣ концовъ — иронія судьбы, или урокъ Исторіи? Адмиралъ Колчакъ, работавшій въ Сибири совмѣстно съ генераломъ Жанэнъ, котораго французское правительство прислало якобы ему въ помощь, былъ выданъ революціонной черни по приказанію этого же самаго Жанэна.

Кстати будетъ замѣтить, что Адмиралъ Колчакъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ дальнѣйшаго выполненія всѣхъ обязательствъ, принятыхъ на себя Императорскимъ Правительствомъ по отношенію къ Державамъ Согласія. Адмиралъ продолжалъ еще вѣрить въ искренность симпатій союзниковъ къ Россіи и въ ихъ желаніе возстановить ее въ прежнемъ могуществѣ. Онъ не зналъ, что катастрофальныя русскія бѣды вызваны именно ими, не зналъ, что ими же уничтоженъ и столь близкій ему Черноморскій Флотъ, какъ не зналъ и того, что онъ погибнетъ по ихъ же винѣ...

Сухой, отрывистый звукъ револьвернаго выстрѣла, штыкъ,

съ сатанинскимъ злорадствомъ поворачиваемый въ груди Адмирала, предсмертный, еле слышный, вздохъ. . .

Гдѣ теперь генералъ Жанэнъ? Встаетъ ли предъ нимъ, хоть временами, окровавленная тѣнь преданнаго имъ Колчака? Не слышатся ли ему, хоть въ тайникахъ его совѣсти, жуткія слова покойнаго Адмирала: „Это значитъ, что союзники меня предали“ . . .

Потопленіе судовъ Балтійскаго и Черноморскаго Флотовъ, а также дѣйствія союзниковъ въ Сѣверной Области и Сибири, надо разсматривать, какъ эпизоды все еще продолжающейся Міровой войны. Только теперь объектомъ для нападенія, кромѣ Центральныхъ Державъ, явилась также и Россія.

Сейчасъ же послѣ окончанія войны съ Германіей, несмотря на всѣ дружескія завѣренія, политика союзниковъ по отношенію къ Россіи стала ясной. Сразу сдѣлалось понятнымъ, что союзники совсѣмъ не стремятся къ подавленію большевизма въ Россіи. Они желали продолженія русской анархіи и энергично поддерживали процессъ раздробленія.

Верховный Правитель, Адмиралъ А. В. Колчакъ.

Въ частности, для Англіи было важно образованіе Прибалтійскихъ республикъ, такъ какъ это давало ей возможность базироваться на Балтійскомъ морѣ, предоставляло протекторатъ надъ этими народами и возможность парализовать германское соперничество на торговомъ рынкѣ. Польша стала барьеромъ между Германіей и Россіей, а Закавказскія республики дали возможность использовать нефтяные источники, что принесло имъ огромныя выгоды.

Недаромъ, на одномъ изъ засѣданій Палаты Общинъ, въ началѣ 1920 года, Ллойдъ-Джорджъ обмолвился крылатой фразой: „Сильная Россія для Великобританіи не подходитъ.“

Для чего же тогда союзники помогали Колчаку, Деникину, Миллеру и Юденичу? Да потому, что они были имъ нужны, во первыхъ, какъ плотина, удерживающая большевизмъ только въ предѣлахъ Россіи; во вторыхъ потому, что такой диверсіей

Индія, Персія и Афганистанъ въ значительной степени ограждались отъ большевистскаго напора; наконецъ, и потому, что упорная гражданская война, обезсиливая внутреннюю Россію, какой она еще осталась, тѣмъ самымъ парализовала возможность противодѣйствія ихъ аппетитамъ. Поэтому-то и помощь союзниками оказывалась постолько-посколько: съ одной стороны принимались мѣры, чтобы большевики не одержали рѣшительный верхъ, но съ другой, чтобы и бѣлые не могли ихъ низвергнуть.

Еслибы союзники искренно желали возстановленія Россіи, то они, прежде всего, должны были бы признать правительство Колчака, когда его войска вели успѣшное наступленіе въ районѣ Волги; Деникину во время доставили бы необходимое вооруженіе и военные припасы; высадили бы на Сѣверѣ дѣйствительно необходимое количество войскъ, а не ничтожный по своей численности „экспедиціонный корпусъ"; наконецъ, оказали бы Сѣверо-Западной арміи энергичную поддержку съ моря, когда она подошла къ Петрограду.

Такъ отплатили союзники Россіи за всѣ ея жертвы во время войны. Они ее разложили, расчленили, обезсилили, и, въ частности — чтобы затруднить ей возстановленіе морского могущества, приложили всѣ старанія уничтожить ея флоты.

Среди вышеизложенныхъ событій въ Россіи, прозвучалъ заключительный аккордъ Міровой войны. Теперь уже можно сравнительно точно подсчитать ея результаты и попытаться сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Ввиду того, что заданіемъ этого труда исключительно является описаніе борьбы на морѣ, необходимо вернуться обратно и еще разъ бѣгло прослѣдить всю дѣятельность флотовъ за время минувшей войны.

Можно считать, что крупныя военныя дѣйствія на морѣ закончились Ютландскимъ боемъ. Послѣ него дѣятельность флотовъ протекала въ ихъ обычной работѣ по охранѣ береговъ, конвоированію и нарушенію грузовыхъ сообщеній.

Главное значеніе въ борьбѣ на морѣ имѣлъ, несомнѣнно, англійскій флотъ, какъ самый могущественный въ техническомъ отношеніи. Другіе союзные флоты, какъ-то: французскій, американскій, итальянскій и японскій, играли уже второстепенную роль. Что касается Русскаго Флота, то его значеніе и задачи были совершенно особыя, такъ какъ его дѣятельность протекала изолированно, въ закрытыхъ моряхъ, и не могла координироваться по общимъ задачамъ другихъ флотовъ. Онъ имѣлъ лишь скромное назначеніе охранять берега и поддерживать съ моря фланги армій, и потому его дѣйствія должны разсматриваться совершенно отдѣльно.

Съ противной стороны главную роль игралъ, конечно, германскій флотъ; австрійскій же, турецкій и болгарскій находи-

лись фактически въ его подчиненіи и, хотя были въ разныхъ моряхъ, руководились почти исключительно германскимъ командованіемъ.

При возникновеніи войны, задачей англійскаго флота явилось установленіе блокады Германіи и полная ея изоляція отъ всего внѣшняго міра. Благодаря огромному перевѣсу въ силахъ, англійскій флотъ легко справился съ такимъ заданіемъ: Германія оказалась заключенной въ стальное кольцо. Однако, чтобы упрочить свое господство на морѣ, и чтобы парализовать возможность для Германіи вырвать у нея это господство, ей было необходимо разбить германскій флотъ. Въ силу этого англичане все время искали съ нимъ встрѣчи, но она произошла только въ концѣ второго года войны. Правда, въ первый годъ, это стремленіе носило нѣсколько платоническій характеръ, что можно объяснить относительной неготовностью англійскаго флота.

Главная цѣль Германіи на морѣ лежала въ противодѣйствіи тактикѣ англичанъ. Въ первый годъ войны, они, пожалуй, еще могли бы захватить иниціативу въ свои руки, но потомъ стало поздно: въ генеральномъ бою со всѣмъ англійскимъ флотомъ они не имѣли шансовъ на побѣду, а разбивать его по частямъ не допустили бы англичане. Пришлось прибѣгнуть къ менѣе рѣшительнымъ способамъ борьбы, т. е. дѣйствовать на торговыя сообщенія союзниковъ, подвозъ войскъ, провіанта, снаряженія для армій на континентѣ; наконецъ, нападать на отдѣльные корабли и отряды. Помимо того, германскій флотъ несъ непрерывную охрану своихъ береговъ и поддерживалъ правый флангъ арміи.

Для выполненія этого заданія нѣмцы использовали свою крейсерскую эскадру, застигнутую войной въ заграничныхъ водахъ, и вспомогательные крейсера. Крейсерская война для нихъ была очень удачна, и, хотя, въ результатѣ, всѣ крейсера были уничтожены, но своими дѣйствіями они успѣли нанести значительный вредъ противникамъ. Послѣ этого была начата „подводная война". Германія выслала всѣ свои подлодки, которыя сразу же стали бичемъ морей, безпощадно топя всѣ встрѣчные корабли. Союзникамъ было очень трудно бороться противъ нихъ, и только къ концу войны удалось изобрѣсти кое-какія средства защиты, а главное — пріобрѣсти опытъ въ избѣжаніи атакъ. Иногда, кромѣ этого, нѣмцы предпринимали крейсерскія набѣги на англійское побережье, съ цѣлью нарушить и осложнить блокаду. Обычно же, германскій флотъ несъ дозоры легкими крейсерами и миноносцами, а главныя силы стояли въ базѣ, всегда находясь въ полной готовности выйти навстрѣчу непріятелю.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, характеръ работы флотовъ во время войны, на главномъ театрѣ морскихъ дѣйствій. Но у союзныхъ флотовъ были еще и второстепенныя операціи, вродѣ прорыва Дарданеллъ, поисковъ и уничтоженія легкихъ крейсеровъ, дѣйствій въ колоніяхъ и т. д. Однако, онѣ носили только частный характеръ и совершенно не отражались на главныхъ событіяхъ.

По работѣ флотовъ можно судить и о той роли, которую они сыграли въ минувшую войну.

Англійскій флотъ, владѣя все время войны моремъ, тѣмъ самымъ имѣлъ возможность обезпечить подвозъ своимъ арміямъ и парализовать всѣ попытки непріятеля въ этомъ отношеніи. Такой благопріятный результатъ обуславливался прежде всего его численнымъ превосходствомъ, а потомъ — помощью флотовъ Франціи, Италіи, Америки и Японіи.

Какъ уже говорилось выше, германскому флоту только и оставалось, что наносить короткіе удары на сообщенія противника и, такимъ образомъ, вредить его операціямъ на сушѣ. Это было большее, что онъ могъ сдѣлать, ибо былъ слишкомъ слабъ даже по сравненію съ однимъ англійскимъ флотомъ, не говоря уже про соединенные флоты всѣхъ союзниковъ.

Главнѣйшимъ событіемъ войны на морѣ явился Ютландскій бой. Онъ могъ бы сильно измѣнить создавшееся положеніе, но, благодаря нерѣшительности и отсутствію талантливости у Командующаго англійскимъ флотомъ, оказался безрезультатнымъ: англичанамъ не удалось уничтожить германскій флотъ. Правда, и нѣмцы не достигли своей цѣли, т. е. не разбили по частямъ англійскій флотъ; но причины этого лежатъ только въ неблагопріятно сложившейся для нихъ обстановкѣ. Какъ бы тамъ ни было, но Ютландскимъ боемъ была окончательно рѣшена проблема владѣнія моремъ въ эту войну.

Въ указанной роли флотовъ и заключалось все ихъ значеніе для государствъ.

Русскій Флотъ на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ имѣлъ, какъ уже упоминалось, свои обособленныя задачи.

Въ моментъ объявленія войны и всѣ первые мѣсяцы ея, нашъ Балтійскій Флотъ находился въ очень критическомъ положеніи. Крайне слабый по численности, безъ оборудованныхъ опорныхъ позицій, онъ не могъ оказать серьезнаго сопротивленія противнику въ случаѣ его попытки проникнуть въ Финскій заливъ. Въ этотъ періодъ нѣмцамъ ничего не стоило бы сломить его сопротивленіе, подойти къ Кронштадту, высадить десантъ и оказаться у самой столицы государства. Если этого и не случилось, то только потому, что германскій флотъ былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ войной съ Англіей. На второй годъ войны нашъ флотъ началъ значительно усиливаться новыми

линейными кораблями, миноносцами и подлодками, а опорный позиціи, благодаря спѣшно законченнымъ батареямъ и минным загражденіямъ, были уже на должной высотѣ. Флотъ становился надежнымъ оплотомъ Петрограда.

Дальнѣйшій ходъ событій, въ связи съ отступленіемъ нашихъ армій и переносомъ фронта на Двину, выдвинулъ на первый планъ значеніе Рижскаго залива. Весь послѣдующій періодъ войны борьба сосредоточилась именно въ немъ. Что же касается Финскаго залива, то по ходу военныхъ дѣйствій можно было видѣть, что противникъ попытается войти въ него только въ случаѣ дальнѣйшаго отступленія нашихъ армій. Еслибы это произошло, то Флотъ оказалъ бы противнику самое упорное сопротивленіе сперва на Передовой позиціи (о. Даго — Гангэуддъ), а потомъ — на Центральной (о. Наргенъ — Поркалауддъ). Кромѣ того, на линіи Лаванъ-сари — Соммерсъ все было подготовлено для устройства еще одной, тыловой позиціи (см. карту).

Балтійскій Флотъ выполнилъ свою задачу вполнѣ успѣшно, положивъ за время войны огромный трудъ на свое развитіе и усиленіе средствъ обороны. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ исполнилъ бы свой долгъ до конца, но революція сразу разрушила всѣ результаты трехлѣтней работы.

Черноморскій Флотъ имѣлъ нѣсколько иныя заданія. Онъ господствовалъ въ своихъ водахъ и долженъ былъ, удерживая это господство, не допускать непріятеля пользоваться Чернымъ моремъ, какъ путями сообщенія. Онъ тоже успѣшно выполнялъ свое назначеніе, и непріятель, рискнувшій въ началѣ войны дѣлать набѣги на наши берега, принужденъ былъ потомъ совершенно отказаться отъ нихъ; также, каждая его посылка пароходовъ въ Зунгульдакъ или въ другое мѣсто, неизмѣнно кончалась неудачей. Помимо своихъ главныхъ цѣлей, Черноморскій Флотъ оказывалъ все время самую энергичную поддержку правому флангу Кавказской Арміи.

Въ тактическо-техническомъ отношеніи война, несомнѣнно, дала очень много новыхъ пріемовъ борьбы на морѣ. Уже съ первыхъ дней ея пришлось сильно измѣнить взглядъ на старую тактику, ибо въ ней были примѣнены совершенно новые рода оружія.

Самое большое измѣненіе въ способахъ веденія войны внесли подлодки. Онѣ совершенно связали свободу передвиженія всѣхъ кораблей: отъ самыхъ большихъ и тихоходныхъ до самыхъ маленькихъ и быстроходныхъ. Послѣ цѣлаго ряда катастрофъ, пришлось придти къ выводу, что большія суда при переходахъ должны конвоироваться малыми, а само передвиженіе быть такимъ, чтобы затруднить атаку подлодки. Все это сильно осложняло самые простые маневры, требовало

большого расхода миноносцевъ и заставляло пользоваться для переходовъ преимущественно темнымъ временемъ. Но все-таки этого было недостаточно и пришлось изобрѣтать средства борьбы съ подводнымъ врагомъ.

Новыми факторами въ борьбѣ явились также усовершенствованныя орудія, торпеды, мины загражденій и большія скорости кораблей.

Благодаря дальнобойности артиллеріи и огромной разрывной силѣ снарядовъ, которымъ не могла сопротивляться даже самая толстая и прочная броня, бои стали происходить на дистанціяхъ въ 8-10 миль, а это очень усложняло какъ стрѣльбу, такъ и маневрированіе. Даже новѣйшіе большіе корабли выдерживали только извѣстное число попаданій такими снарядами, а потомъ — погибали; болѣе же устарѣлые загорались уже отъ 1-2 снарядовъ: на нихъ происходилъ взрывъ погребовъ, и они тонули такъ быстро, что обыкновенно погибалъ весь экипажъ. Скорострѣльность, быстрота и точность наводки, а также приборы стрѣльбы и передачи приказаній, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, достигли чрезвычайно высокой степени развитія.

Торпеды увеличили свой ходъ, дальность и величину заряда, благодаря чему явилась возможность примѣнять миноносцы даже для дневныхъ атакъ, которыя, какъ показалъ опытъ Ютландскаго боя, имѣли большое моральное значеніе.

Мины загражденія тоже пережили сильную эволюцію: зарядъ ихъ сталъ значительно больше; онѣ сдѣлались безопасными при постановкахъ, и ихъ можно было ставить на очень большихъ ходахъ; кромѣ того, особые механизмы позволяли имъ оставаться подъ водой въ исправномъ состояніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Примѣненіе минъ въ эту войну приняло самые широкіе размѣры; подъ защитой огня кораблей или береговыхъ батарей, онѣ служили серьезнымъ препятствіемъ для свободнаго продвиженія непріятеля. Теперь ихъ ставили не только спеціально приспособленныя суда, но и крейсера, миноносцы и даже подлодки; въ концѣ войны появились уже и подводные заградители. Мины стали страшнымъ оружіемъ, бороться противъ котораго было очень трудно.

Размѣры флотовъ возрасли настолько сильно, что, при столкновеніи главныхъ силъ, въ бою неизбѣжно должно было принять участіе огромное количество кораблей. Это сильно осложняло управленіе боемъ и требовало совершенно особой организаціи какъ самого флота, такъ и передачи приказаній. Самой надежной сигнализаціей оказалось радіо-телеграфированіе. Флаги, же, и другіе способы наглядной сигнализаціи, оказались малопригодными, ввиду большихъ разстояній и плохой видимости, изъ-за дыма трубъ и стрѣльбы.

Вотъ, вкратцѣ, главныя измѣненія въ области веденія морской войны. Такой сильный толчекъ въ развитію морской техники и тактики, какъ дала Мiровая война, несомнѣнно приведетъ въ будущемъ къ созданію еще болѣе грозныхъ, еще болѣе губительныхъ средствъ борьбы на морѣ. По всѣмъ даннымъ, центръ ея тяжести долженъ перемѣститься въ воздухъ и подъ воду.

Остается сказать о результатахъ Мiровой войны на морѣ. Несмотря на значительныя потери судами во флотахъ участниковъ войны, соотношеніе ихъ силъ осталось приблизительно прежнимъ. Война имѣла трагическія послѣдствія только для флотовъ Россіи и Германіи. Германскій флотъ былъ весь уничтоженъ или отнятъ; Русскій же—совершенно разложенъ, причемъ большая часть его Черноморскихъ силъ потоплена и искалѣчена, а Балтійскія — только случайно избѣжали той же участи.

Уже при заключеніи перемирія Державы Согласія потребовали отъ Германіи выдачи всего ея военнаго и торговаго флотовъ, и она выдала имъ почти всѣ корабли.

Въ 12 ч. дня, 19-го ноября 1918 года, германскій флотъ вышелъ въ послѣдній походъ изъ своей родной базы. Онъ шелъ уже не съ гордымъ вызовомъ врагамъ, не на жестокій бой, но принять безславіе, вкусить горечь плѣна...

„Впереди его, какъ ходили всегда и раньше, шли гордые красавцы — линейные крейсера „Зейдлицъ", „Гинденбургъ", „Дерфлингеръ", „Мольтке" и „Фонъ-деръ-Танъ"; немного поодаль слѣдовали и остальныя суда обреченной эскадры" — вотъ какъ описывала нѣмецкая печать крестный путь своего флота.

Передаютъ слѣдующія слова Адмирала Битти, когда онъ вступилъ на германскій флагманскій крейсеръ: „Прекрасные корабли, и очень много съ ними можно было бы сдѣлать, еслибы только у нѣмцевъ было желаніе рискнуть".

Что происходило въ это время въ душѣ германскихъ моряковъ, какимъ отчаяніемъ, горемъ и незаслуженной обидой были наполнены ихъ сердца?

Прошло полгода съ лишнимъ съ этого памятнаго дня униженія, близилось заключеніе мира, и всѣ германскія суда, интернированныя въ Скапа-Флоу должны были перейти въ полную собственность союзниковъ.

Они должны были стать „законными" призами войны, причемъ ихъ стоимость даже не шла въ счетъ наложенной на Германію контрибуціи.

Но всѣ расчеты побѣдителей, подѣлившихъ между собой уже корабли, внезапно рухнули, и телеграфъ оповѣстилъ весь міръ о свершившейся въ Скапа-Флоу трагедіи.

Всѣ германскія суда, находившіяся тамъ, были затоплены своими командами, не смогшими равнодушно отнестись къ тому, чтобы они попали въ руки торжествующихъ враговъ.

Взрывъ негодованія союзныхъ державъ былъ отвѣтомъ на героическій поступокъ германскихъ моряковъ. Особенно по этому поводу волновалась и горячилась французская печать, которая даже называла этотъ подвигъ „безславнымъ дѣломъ" и „грязнымъ поступкомъ".

Видно, нашъ XX-ый вѣкъ, окончательно погрузившійся въ мелочныя дрязги житейской суеты, уже не въ состояніи понять красоты героизма, воздать ему должную дань.

Однако, дѣло было сдѣлано, „и никогда германскій флотъ не станетъ уже обстрѣливать родные берега, никогда въ рукахъ непріятеля онъ не будетъ угрожать своей странѣ". . .

Необходимо отмѣтить то высокое, проникновенное пониманіе долга и чести, ту солидарность и сплоченность между собой, что проявили германскіе моряки — участники Скапа-Флоуской трагедіи, начиная отъ Адмирала Рейтера и кончая экипажемъ эскадры.

Всю вину происшедшаго Адмиралъ Рейтеръ поспѣшилъ принять на себя; но всѣ офицеры и матросы, какъ одинъ человѣкъ, заявили о томъ, что они дѣйствовали вмѣстѣ съ нимъ, и что они готовы раздѣлить его участь, какова бы она ни была.

Вскорѣ же послѣ событія въ Скапа-Флоу, въ печать начали проникать слухи о томъ, что Державы Согласія намѣреваются потребовать отъ Германіи возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ имъ уничтоженіемъ нѣмцами своихъ кораблей, такъ какъ они уже считались полной собственностью союзниковъ.

Впослѣдствіи эти слухи подтвердились. Германіи было предъявлено обвиненіе въ преднамѣренномъ потопленіи флота въ Скапа-Флоу, и въ видѣ возмѣщенія за это потребованы пять легкихъ крейсеровъ: „Кенигсбергъ", „Пиллау", „Грауденцъ", „Регенсбургъ" и „Страсбургъ", истребитель „В 98", машины и моторы съ подлодокъ „U 137", „U 138" и „U 158", много коммерческихъ судовъ и 400000 тоннъ плавучихъ доковъ и крановъ.

Обвиненіе Германіи въ преднамѣренномъ потопленіи своего флота въ Скапа-Флоу носило характеръ явнаго пристрастія.

Слишкомъ тутъ очевидна инициатива офицеровъ и командъ, чтобы можно было толковать о какомъ бы то ни было секретномъ правительственномъ приказѣ на этотъ счетъ. Такія дѣла дѣлаются не по указу свыше, но диктуются рѣшимостью дѣйствующихъ лицъ, голосомъ чувства ихъ гордости, и чужды чьего-либо вліянія. Какъ поступили нѣмцы, такъ поступилъ бы личный составъ любого флота.

Въ своемъ тайномъ приказѣ интернированному флоту Адмиралъ Рейтеръ, между прочимъ, пишетъ: „Со среды, 18-го іюня, необходимо всесторонне усилить бдительность какъ ночью, такъ и днемъ, и наблюдать не только за каждымъ необычнымъ движеніемъ или дѣйствіемъ англичанъ, но также и за сигналами, подаваемыми съ „Эмдена". Въ виду того, что нельзя всецѣло полагаться на экипажъ, офицеры должны сами принять необходимыя мѣры наблюденія и предосторожности.

Я имѣю намѣреніе потопить корабли, если врагъ сдѣлаетъ попытку овладѣть ими безъ согласія на то нашего Правительства. Если же Правительство, по условіямъ мирнаго договора, согласится отдать наши суда, то въ такомъ случаѣ они будутъ переданы, и пусть позоръ за это падетъ на тѣхъ, кто насъ поставилъ въ такое положеніе.

Офицеры командного состава должны сохранить этотъ документъ въ строгой тайнѣ. Онъ не долженъ попасть въ руки врага.

Подписалъ: фонъ Рейтеръ."

Развязка наступила скорѣе, чѣмъ это можно было предполагать. Уже 21-го іюня, по условному сигналу, личный составъ потопилъ свой флотъ. Такимъ образомъ, были уничтожены: линейные корабли — „Баденъ", „Фридрихъ-деръ-Гроссе", „Байернъ", „Гроссъ Курфюрстъ", „Кронпринцъ Вильгельмъ", „Маркграфъ", „Кенигъ", „Кенигъ Альбертъ", „Кайзеринъ", „Кайзеръ" и „Принцъ-Регентъ Луитпольдъ"; линейные крейсера — „Гинденбургъ", „Дерфлингеръ", „Зейдлицъ", „Мольтке" и „Фонъ-деръ-Таннъ"; легкіе крейсера — „Эмденъ", „Брюммеръ", „Бремзэ", „Франкфуртъ", „Кельнъ", „Дрезденъ", „Карлсруэ", „Нюрнбергъ" и миноносцы — G 38, 39, 40, 86, 89, 92, 101, 102 и 103; S 32, 36, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 60, 65, 91, 131, 132, 136, 137 и 138; V 43, 44, 45, 46, 70, 73, 78, 80, 81, 82, 83, 100, 125, 126, 127, 128 и 129; B 109, 110, 111 и 112; H 145.

Англичанамъ удалось поднять изъ воды лишь линейный корабль „Баденъ", легкіе крейсера — „Эмденъ", „Франкфуртъ", „Нюрнбергъ" и 19 миноносцевъ.

Эти и другіе корабли германскаго флота, по мирному договору, были распредѣлены между Державами Согласія слѣдующимъ образомъ. Англіи были переданы на сломъ: линейные корабли „Баденъ", „Гельголандъ", „Позенъ", „Рейнландъ" и „Вестфаленъ"; легкіе крейсера — „Нюрнбергъ", „Штеттинъ", „Штуттгартъ", „Данцигъ", „Мюнхенъ" и „Любекъ"; 39 — большихъ миноносцевъ, 38 — маленькихъ и 119 — подлодокъ.

Франція получила для дальнѣйшаго использованія: легкіе крейсера „Кенигсбергъ", „Регенсбургъ", „Штральзундъ" и

„Кольбергъ"; большіе миноносцы — S 113, 133, 134, 135, 139, V 79, 130, H 146 и 147; 10 — подлодокъ. На сломъ: линейный корабль „Тюрингенъ", легкій крейсеръ „Эмденъ", 3 – большихъ миноносца и 23 – подлодки.

Италіи достались для использованія: легкіе крейсера — „Пиллау", „Грауденцъ" и „Штральзундъ", большіе миноносцы — „V 116", „B 97" и „S 63". На сломъ: 10 — подлодокъ.

Соединенные Штаты получили на сломъ: линейный корабль „Остфрисландъ", легкій крейсеръ „Франкфуртъ", 3 – большихъ миноносца и 6 — подлодокъ.

Японія — на сломъ: линейные корабли „Ольденбургъ" и „Нассау", легкій крейсеръ „Аугсбургъ", 4 — большихъ миноносца и 8 — подлодокъ.

Польша для использованія: миноносцы — A 59, A 64, A 68, A 69, A 80 и V 108.

Бразилія для использованія: миноносцы — A 74, A 78, A 87, A 93, V 105 и V 106.

Кромѣ того, Германія обязалась разобрать всѣ строившіяся суда и разломать: линейные корабли — „Дейчландъ", „Мекленбургъ", „Швабенъ", „Веттинъ", „Виттельсбахъ", „Кайзеръ Барбаросса", „Кайзеръ Карлъ д. Гроссе", „Кайзеръ Вильгельмъ д. Гроссе", „Кайзеръ Вильгельмъ II", „Кайзеръ Фридрихъ III", „Вертъ" и „Бранденбургъ"; броненосные крейсера – „Роонъ", „Принцъ Генрихъ", „Фюрстъ Бисмаркъ" и „Кайзеринъ Августа"; легкіе крейсера — „Штральзундъ", „Газелле" и „Гефіонъ"; 8 — броненосцевъ береговой обороны; 17 — учебныхъ и спеціальныхъ судовъ; 127 — миноносцевъ и 188 — подлодокъ. Ей было оставлено для несенія охранной службы только: 6 — старыхъ броненосцевъ, 6 — маленькихъ крейсеровъ и 12 — миноносцевъ. Въ резервѣ: 2 — броненосца, 2 — легкихъ крейсера и 7 — миноносцевъ.

Такъ закончилъ свое существованіе германскій флотъ. Его полная гибель произошла уже послѣ окончанія войны; во время же военныхъ дѣйствій онъ понесъ сравнительно небольшія потери, главнымъ образомъ — въ миноносцахъ и подводныхъ лодкахъ. Въ цифрахъ онѣ представляются такъ: 1 — устарѣлый линейный корабль, 1 — линейный крейсеръ, 6 — броненосныхъ крейсеровъ, 17 — легкихъ крейсеровъ, 111 — миноносцевъ, 178 — подлодокъ, изъ нихъ 82 — въ Сѣверномъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ, 3 — въ Балтійскомъ морѣ (U 10 — ?. 6. 15, U 26 — ?. 8/9. 15 и UC 57 — ?. 11/12. 17), 3 — въ Черномъ морѣ (UB 7 — ?. 9/10. 16, UB 45 — 6. 11. 16 и UC 13 — 29. 11. 15), 2 — въ Ледовитомъ океанѣ (U 28 – 2. 9. 17 и U 56 — 2. 11. 16), 72 — у береговъ Фландріи и 16 — въ Средиземномъ морѣ, 7 — канонерскихъ лодокъ. Кромѣ того, 21 — подлодка взорвана экипажами, 6 — рѣчныхъ канонерскихъ ло-

докъ интернировано, а 29 — тральщиковъ, 9 — вспомогательныхъ крейсеровъ и 22 — вспомогательныхъ судна разоружены или потоплены.

Потери личнаго состава флота выразились въ 24112 — убитыхъ, 29830 — раненыхъ и 11654 — попавшихъ въ плѣнъ.

Австро-венгерскій флотъ, какъ и германскій, по мирному договору тоже былъ совершенно ликвидированъ, и его корабли распредѣлены среди державъ-побѣдительницъ. Англія получила на сломъ: линейные корабли — „Эрцгерцогъ Фердинандъ-Максъ", „Бабенбергъ", „Арпадъ", „Габсбургъ", „Будапештъ" и „Монархъ"; броненосные крейсера — „Санктъ-Георгъ", „Кайзеръ Карлъ VI"; легкіе крейсера „Адмиралъ Спаунъ", „Зигетваръ", „Асперпъ", „Кайзеринъ-ундъ-Кенигинъ Марія-Терезія", „Пантера" и „Леопардъ", а также 13 — маленькихъ миноносцевъ и 2 — заградителя.

Франція получила для использованія: легкій крейсеръ „Новара" и большой миноносецъ „Дутла". На сломъ: линейные корабли — „Принцъ Евгеній", „Эрцгерцогъ Фридрихъ" и „Эрцгерцогъ Карлъ"; большіе миноносцы „Река" и „Пандуръ", 4 — маленькихъ миноносца, 6 — канонерскихъ лодокъ и 2 — заградителя.

Италія — для использованія: легкіе крейсера „Гельголандъ" и „Зайда"; 7 — большихъ миноносцевъ. На сломъ — линейный корабль „Тегеттгофъ", „Црини" и „Радецкій"; 8 — большихъ миноносцевъ, 6 — маленькихъ и 2 — заградителя.

Греція для использованія: большой миноносецъ „Уланъ" и 7 — малыхъ миноносцевъ.

Чехо-Словакія для использованія: 11 — маленькихъ миноносцевъ.

Румынія для использованія: 7 — маленькихъ миноносцевъ.

Португалія для использованія: 6 — маленькихъ миноносцевъ.

Что касается потерь союзниковъ на морѣ за время войны, то онѣ значительно превышаютъ таковыя со стороны Центральныхъ Державъ.

Англія потеряла: 12 — линейныхъ кораблей, 3 — линейныхъ крейсера, 13 — броненосныхъ крейсеровъ, 22 — легкихъ крейсера, 27 — сторожевыхъ, судовъ, мониторовъ и канонерскихъ лодокъ, 100 — миноносцевъ, 44 — подлодки, 46 — вспомогательныхъ крейсеровъ, 22 — вспомогательныхъ судна и 15 — госпитальныхъ судовъ.

Франція потеряла: 4 — линейныхъ корабля, 4 — броненосныхъ крейсера, 1 — легкій крейсеръ, 5 — сторожевыхъ судовъ, канонерокъ и заградителей, 26 — миноносцевъ, 15 — подлодокъ,

14 — вспомогательныхъ крейсеровъ, 7 — вспомогательныхъ кораблей и 1 — госпитальное судно.

Италія: 3 — линейныхъ корабля, 2 — броненосныхъ крейсера, 1 — спеціальное судно, 13 — миноносцевъ, 6 — вспомогательныхъ крейсеровъ, 3 — вспомогательныхъ корабля и 1 — госпитальное судно.

Японія: 1 — линейный корабль, 1 — броненосный крейсеръ, 3 — легкихъ крейсера, 3 — миноносца и 1 — подлодку.

Соединенные Штаты: 1 — броненосный крейсеръ, 1 — канонерскую лодку, 1 — спеціальный корабль, 2 — миноносца, 2 — подлодки и 1 — вспомогательное судно.

Потери Русскаго Флота за время войны были незначительны; а послѣ нея не удалось его уничтожить и бывшимъ союзникамъ; но все-же, какъ боевая сила, онъ больше не существуетъ.

О томъ ли думалъ, два вѣка назадъ, Великій Преобразователь Россіи, когда своей желѣзной рукой выводилъ ее на широкій путь?

Понимая все значеніе морской силы для великой державы, Онъ началъ созидать флотъ. Одинъ за другимъ входили въ строй новые, крѣпкіе корабли, первенцы русскаго морского могущества. Спустя немного, въ 1714 году, молодой флотъ уже разбилъ опытныхъ въ морскомъ искусствѣ шведовъ и стяжалъ своему Вѣнценосному Вождю и себѣ безсмертные лавры Гангэудда.

Созданному Его Державной Волей Флоту Великій Петръ пожаловалъ Андреевскій флагъ, который долженъ былъ служить эмблемой морского величія Россіи, являясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, и знаменемъ корабля.

Время шло. Ширилась и крѣпла Россія; росъ и развивался ея Флотъ. Въ его исторіи длинной чредою прошла славная плеяда флотоводцевъ, и никогда въ русской памяти не изгладятся имена Апраксина, Грейга; Чичагова, Спиридова, Ушакова, Сенявина, Лазарева, Корнилова, Нахимова, Великаго Князя Константина Николаевича, Бутакова, Макарова, Эссена, Колчака и многихъ другихъ морскихъ Вождей.

Много побѣдъ было одержано ими, и не разъ, въ дыму и огнѣ, подъ грохотъ орудій, свистъ ядеръ и разрывы снарядовъ, Андреевскій флагъ гордо развѣвался на мачтахъ, напоминая завѣты Великаго Основателя Флота. Гангэуддъ, Гогландъ, Ревель, Чесма, Каліакрія, Корфу, Тенедосъ, Афонъ, Наваринъ, Синопъ — какія это блестящія, красивыя страницы!..

Нельзя счесть всѣхъ подвиговъ, свершенныхъ Русскимъ Флотомъ, которыми онъ завоевалъ себѣ почетное мѣсто въ ряду флотовъ другихъ державъ: бригъ «Меркурій». корабли —

«Азовъ», «Императрица Марія», «Парижъ», пароходъ «Владиміръ», катера на Дунаѣ, крейсеръ «Новикъ», миноносцы «Стерегущій» и «Страшный», крейсеръ «Рюрикъ», броненосцы — «Суворовъ», «Бородино», «Императоръ Александръ III», «Адмиралъ Ушаковъ», крейсера — «Дмитрій Донской», «Свѣтлана», миноносцы «Буйный» и «Громкій» и, наконецъ, уже въ послѣднюю войну, канонерскія лодки «Сивучъ» и «Храбрый», нашъ «Новикъ» и еще цѣлый рядъ другихъ примѣровъ героизма — хранитъ русская морская лѣтопись. . .

Но и многихъ печальныхъ моментовъ явился свидѣтелемъ Андреевскій флагъ: вотъ — эскадра Адмирала Сенявина, интернированная въ Лиссабонѣ; Черноморскій Флотъ, затопленный своими же руками на Севастопольскомъ рейдѣ, чтобы преградить путь врагу; 1-ая Тихоокеанская Эскадра, нашедшая себѣ могилу въ Артурѣ; 2-ая Тихоокеанская Эскадра, погибшая въ водахъ рокового Корейскаго пролива. . .

Но всегда, послѣ такихъ тяжкихъ потрясеній, наступалъ періодъ возрожденія его духовной и матеріальной мощи. Флотъ какъ бы воскресалъ къ новой жизни, чтобы съ лихвой наверстать то, что имъ было утрачено. . .

Послѣ Цусимской трагедіи, нашъ Флотъ съумѣлъ быстро шагнуть по пути своего возрожденія и развитія. Условія, въ которыхъ ему довелось свершать эту работу, были не изъ легкихъ. Какъ ни обидно, но у насъ, въ Россіи, не могли понять значенія для нея морской силы, не могли впитать въ себя идею необходимости созданія сильнаго флота. Впечатлѣніе отъ недавняго разгрома еще болѣе усиливало такое убѣжденіе. Когда же грянула война, и Петрограду, казалось, угрожала большая опасность, всѣ взоры обратились къ Флоту. Три года онъ съ честью защищалъ отъ вторженія врага родные воды и берега и былъ всегда готовъ выйти ему на встрѣчу, чтобы отразить его натискъ.

Насталъ черный 1917 годъ. Захлестнувшая Россію революціонная смута лишила ее многовѣковыхъ святынь, а у Флота отняла славный Андреевскій флагъ. Неслыханное, страшное дѣло свершилось на немъ, и многіе корабли оросились кровью своихъ офицеровъ. Эти жертвы, замученныя во имя революціи, являлись предвѣстниками безконечнаго ряда такихъ же жертвъ ужасной катастрофы, разразившейся надъ Великой Страной. Виренъ, Бахиревъ, Колчакъ, Непенинъ, Курошъ, Бутаковъ, Рейнъ, Развозовъ, Пленъ и многія сотни другихъ морскихъ офицеровъ, — имена ихъ, Ты же, Господи, вѣси — всѣ они запечатлѣли кровью свое служеніе долгу и чести. Пусть, въ будущей, возстановленной Россіи, никто не пройдетъ мимо ихъ могилъ, не обнаживъ благоговѣйно своей головы. . .

Итакъ, Андреевскаго флага — больше нѣтъ. Тамъ, гдѣ онъ развѣвался, теперь виситъ красный флагъ, цвѣта крови, гражданской войны, пытокъ и измѣны... Корабли, наша былая гордость, опозорены имъ, какъ опозорена и вся Россія. Горько, когда «Севастополь» превращается въ «Парижскую Коммуну», «Петропавловскъ» — въ «Марата», «Эмиръ Бухарскій» и «Финнъ» — въ «Якова Свердлова» и «Карла Либкнехта» и т. д...

Что же это — смерть? Для этихъ корабельныхъ остововъ — да, смерть; но для идеи флота — только летаргическій сонъ. Придетъ пора, воскреснетъ Царская Россія и возродится Флотъ. Тогда на мачтахъ его новыхъ кораблей опять будетъ развѣваться, колыхаемый вѣтромъ, бѣлый, съ синимъ поперечнымъ крестомъ, Андреевскій флагъ...

Россійскаго Императорскаго флота

Капитанъ 2-го ранга

Г. ГРАФЪ.

Приложенія.

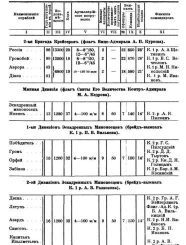
Офицерскій составъ „Новика“.

1914 годъ	1915 годъ	1916 годъ	1917 годъ
Командиръ.			
Капитанъ 2-го ранга Петръ Петровичъ Палецкій	Капитанъ 2-го ранга Михаилъ Андреевичъ Беренсъ	Онъ-же	Капитанъ 2-го ранга Алексѣй Константиновичъ Пилкинъ.
Старшій Офицеръ.			
Старшій Лейтенантъ Михаилъ Андреевичъ Бабицынъ	Онъ-же	Старшій Лейтенантъ Гаральдъ Карловичъ Графъ	Онъ-же
I-ый Минный Офицеръ.			
Старшій Лейтенантъ Сергѣй Михайловичъ Петровъ	Старшій Лейтенантъ Гаральдъ Карловичъ Графъ	Лейтенантъ Дмитрій Ивановичъ Федотовъ	Онъ-же
2-ой Минный Офицеръ.			
Лейтенантъ Гаральдъ Карловичъ Графъ	Лейтенантъ Николай Дмитріевичъ Мельницкій	—	—
Артиллерійскій Офицеръ.			
Лейтенантъ Дмитрій Ивановичъ Федотовъ	Онъ-же	Лейтенантъ Николай Дмитріевичъ Мельницкій	Онъ-же
Штурманскій Офицеръ.			
Лейтенантъ Николай Владиміровичъ Кемарскій	Онъ-же	Онъ-же	Онъ-же
Ревизоръ.			
Мичманъ Павелъ Николаевичъ Бергштрессеръ	Онъ-же	Лейтенантъ Павелъ Николаевичъ Бергштрессеръ	Онъ-же
Старшій механикъ.			
Капитанъ 2-го ранга Григорій Ксенофонтовичъ Кравченко	Онъ-же	Старшій Лейтенантъ Михаилъ Алексѣевичъ Злобинъ	Онъ-же
Младшій механикъ.			
Мичманъ Василій Валеріевичъ Бердяевъ	Онъ-же	Мичманъ Іосифъ Іосифовичъ Кавакевичъ	Онъ-же

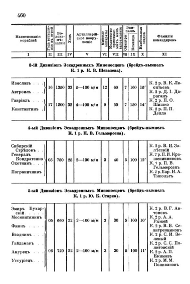
Списокъ судовъ Балтійскаго Флота.

Къ 1-му марта 1917 г.

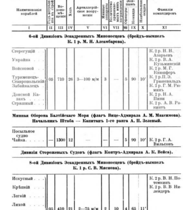
Наименованія кораблей	Годъ вступленія въ строй	Водоизмѣщеніе	Ходъ	Артиллерійское вооруженіе	Минные аппараты	Количество принимаемыхъ минъ загражденія	Экипажъ: Офицеры	Экипажъ: Команда	Наибольшая осадка	Фамиліи командировъ
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Командующій Флотомъ — Вице-Адмиралъ А. И. Непенинъ. Начальникъ Штаба — Контръ-Адмиралъ Н. М. Григоровъ.										
Посыльное судно Кречетъ	04	2800	12	—	—	—	4	60	17′	К. 2р. Баронъ Р. Р. Мирбахъ
1-ая Бригада Линейныхъ Кораблей (флагъ Вице-Адмирала М. К. Бахирева).										
Петропавловскъ Гангутъ Севастополь Полтава	14	23000	23	12—12″/50, 16—120 м/м	4	—	30	1200	30′	К. 1р. М. А. Беренсъ К. Iр. П. П. Палецкій К. Iр. П. П. Владиславлевъ К. Iр. С. В. Зарубаевъ
2-ая Бригада Линейныхъ Кораблей (флагъ Контръ-Адмирала А. К. Небольсина).										
Андрей Первозванный Императоръ Павелъ I	10	18300	18	4—12″/40, 14—8″/50, 12—120 м/м	6	—	25	1000	30′	К. 1 р. Г. О. Гаддъ. К. 1 р. С. Н. Дмитріевъ
Цесаревичъ Слава	03 05	13300	18	4—12″/40, 12—6″/45	6	—	25	800	28′	К. 1 р. К. А. Чоглоковъ К. 1. р. П. М. Пленъ
1-ая Бригада Крейсеровъ (флагъ Контръ-Адмирала В. К. Пилкина).										
Рюрикъ	08	17200	21	4—10″/50, 8—8″/50, 20—120 м/м	2	500	25	1000	29′	К. 1р. В. И. Рудневъ
Адмиралъ Макаровъ Баянъ	08 09	8000	21	3—8″/50, 12—6″/45	2	300	20	600	24′	К. 1 р. Н. Д. Тырковъ К. 1 р. С. Н. Тимиревъ
Богатырь Олегъ	01 04	7500 6900	23	16—130/50 м/м	4	200	20	570	22′	К. 1. р. С. Д. Коптевъ К. 1 р. А. С. Полушкинъ

Наименованія кораблей	Годъ вступленія въ строй	Водоизмѣщеніе	Ходъ	Артиллерійское вооруженіе	Минные аппараты	Количество принимаемыхъ минъ загражденія	Экипажъ: Офицеры	Экипажъ: Команда	Наибольшая осадка	Фамиліи командировъ
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
2-ая Бригада Крейсеровъ (флагъ Вице-Адмирала А. П. Куроша).										
Россія	96	13300	20	8—8″/50, 12—6″/45	2	—	22	850	28′	К. 1 р. А. А Щетининъ
Громобой	99	13500	18	8—8″/50, 12—6″/45	2	—	22	870	28′	К. 1 р. В. С. Веселовъ
Аврора	03	6800	19	10—130/50 м/м	2	—	18	580	21′	К. 1 р. М. Н. Никольскій
Діана	01									К. 1 р. М. Ивановъ.
Минная Дивизія (флагъ Свиты Его Величества Контръ-Адмирала М. А. Кедрова).										
Эскадренный миноносецъ Новикъ	13	1280	37	4—100 м/м	8	60	7	140	14′	К. 2. р. А. К. Пилкинъ
1-ый Дивизіонъ Эскадренныхъ Миноносцевъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. П. В. Вилькена).										
Побѣдитель										К. 2 р. Г. С. Пилсудскій
Громъ										К. 2 р. Д. Д. Тыртовъ
Орфей	15	1200	32	4—100 м/м	9	50	7	150	14′	К. 2 р. Кн. Д. Н. Голицынъ
Забіяка										К. 2 р. Бар. А. М. Косинскій
2-ой Дивизіонъ Эскадренныхъ Миноносцевъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. А. В. Развозова).										
Десна										К. 2 р. Гр. А. Г. Кейзерлингъ
Летунъ										Флиг.-Ад. К. 1 р. Б. А. Вилькицкій
Азардъ	16	1200	32	4—100 м/м	9	50	7	150	14′	К. 2 р. Н. И. Бибиковъ
Самсонъ										К. 2 р. Б. П. Ивановъ
Капитанъ Изылметьевъ										К. 2 р. А. В. Домбровскій

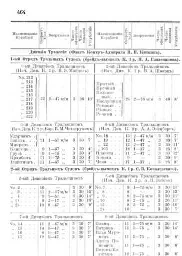
Наименованія кораблей	Годъ вступленія въ строй	Водоизмѣщеніе	Ходъ	Артиллерійское вооруженіе	Минные аппараты	Количество принимаемыхъ минъ загражденія	Экипажъ: Офицеры	Экипажъ: Команда	Наибольшая осадка	Фамиліи командировъ
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
8-ій Дивизіонъ Эскадренныхъ Миноносцевъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. К. В. Шевелева).										
Изяславъ	16	1350	33	5—100 м/м	12	60	7	160	15′	К. 2 р. В. К. Леонтьевъ
Автроилъ										К. 2 р. Д. І. Дараганъ
Гавріилъ	17	1200	32	4—100 м/м	9	50	7	150	14′	К. 2 р. П. О. Шишко
Константинъ										К. 2 р. П. П. Делло
4-ый Дивизіонъ Эскадренныхъ Миноносцевъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. П. В. Гельмерсена).										
Сибирскій Стрѣлокъ	05	750	25	2—100 м/м	3	40	5	100	12′	К. 2 р. В. И. Залѣсскій
Генералъ Кондратенко										К. 2 р. П. И. Крашенинниковъ
Охотникъ										К. 1 р. П. В. Гельмерсенъ
Пограничникъ										К. 2 р. Бар. Н. А. Типольтъ
5-ый Дивизіонъ Эскадренныхъ Миноносцевъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. Ю. К. Старка).										
Эмиръ Бухарскій	05	660	22	2—100 м/м	3	30	5	100	10′	К. 2 р. В. Г. Антоновъ
Москвитянинъ										К. 2 р. А. А. Рыжей
Финнъ										К. 2 р. В. В. Селитренниковъ
Всадникъ	06	720	22	2—100 м/м	3	30	5	100	11′	К. 2 р. С. И. Зеленый
Гайдамакъ										К. 2 р. С. С. Политовскій
Амурецъ										К. 2 р. А. П. Екимовъ
Уссуріецъ										К. 2 р. М. М. Поливановъ

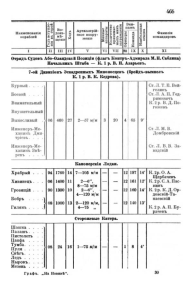
Наименованія кораблей	Годъ вступленія въ строй	Водоизмѣщеніе	Ходъ	Артиллерійское вооруженіе	Минные аппараты	Количество принимаемыхъ минъ загражденія	Экипажъ: Офицеры	Экипажъ: Команда	Наибольшая осадка	Фамиліи командировъ
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
6-ой Дивизіонъ Эскадренныхъ Миноносцевъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. М. Н. Алеамбарова).										
Стерегущій										К. 2 р. Н. Н. Азарьевъ
Украйна										К. 2 р. В. А. Кузьминскій
Войсковой										К. 2 р. М. Г. Кнюпферъ
Туркменецъ-Ставропольскій	05	710	26	3—100 м/м	3	—	5	90	10′	К. 2 р. П. Э. Грюневальдтъ
Забайкалецъ										К. 2 р. Г. М. Рюминъ
Донской Казакъ										К. 2 р. Н. А. Пини
Страшный										К. 2 р. А. В. Ракинтъ
Минная Оборона Балтійскаго Моря (флагъ Вице-Адмирала А. М. Максимова). Начальникъ Штаба — Капитанъ 1-го ранга А. П. Зеленый.										
Посыльное судно Чайка	—	1300	12	—	—	—	5	90	10′	К. 2 р. Г. А. Вильсонъ
Дивизія Сторожевыхъ Судовъ (флагъ Контръ-Адмирала А. К. Вейса).										
8-ой Дивизіонъ Эскадренныхъ Миноносцевъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. С. В. Мяснова).										
Искусный										К. 2 р. В. Н. Потемкинъ
Крѣпкій										К. 2 р. В. В. Нилендеръ
Легкій										
Лихой	05	410	21	2—75 м/м	2	10	4	65	11′	
Ловкій										
Мѣткій										Ст. Л. П. Г. Виттъ
Молодецкій										
Мощный										Ст. Л. Н. А. фонъ Транзе

Наименованія кораблей	Годъ вступленія въ строй	Водоизмѣщеніе	Ходъ	Артиллерійское вооруженіе	Минные аппараты	Количество принимаемыхъ минъ загражденія	Экипажъ		Наибольшая осадка	Фамиліи командировъ
							Офицеры	Команда		
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
9-ый Дивизіонъ Эскадренныхъ Миноносцевъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. А. А. Ружека).										
Громящій	05	430	26	2—75 м/м	3	15	4	65	9′	К. 2 р. М. А. Бабицынъ
Видный										К. 2 р. А. С. Пилипенко
Дѣльный										
Дѣятельный										Ст. Л. А. Д. Кира-Динжанъ
Достойный										К. 2 р. Б. Н. Эймонтъ
Расторопный										
Разящій	06	390	26	2—75 м/м	2	15	4	65	9′	Ст. Л. Н. А. Гельшертъ
Сторожевой										Ст. Л. И. Н. Билибинъ
Сильный										
Стройный										
1-ый Дивизіонъ Сторожевыхъ Судовъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. А. О. Старка).										
Ястребъ			11	2—100 м/м	—	90	4	50	16′	К. 2 р. А. С. Зеленый
Кобчикъ	15	500	15	„	—	70	3	40	11′	
Коршунъ			16	„	—	70	3	40	12′	
Воронъ			10	2—75 м/м	—	60	3	30	15′	
Грифъ			11	„	—	—	3	30	11′	
Русланъ			12	„	—	40	3	30	11′	
Владиміръ			10	„	—	20	3	30	15′	
2-ой Дивизіонъ Сторожевыхъ Судовъ (брейдъ-вымпелъ К. 2 р. М. Ф. Синявскаго).										
Барсукъ			11	2—75 м/м	—	20	3	30	12′	
Выдра			11	„	—	—	3	30	11′	
Куница			12	„	—	—	3	30	11′	
Соболь			14	„	—	—	3	30	11′	
Горностай			14	„	—	—	3	30	11′	

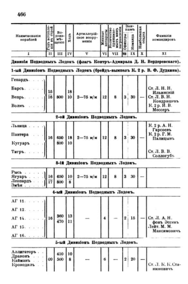
Наименованія кораблей	Годъ вступленія въ строй	Водоизмѣщеніе	Ходъ	Артиллерійское вооруженіе	Минные аппараты	Количество принимаемыхъ минъ загражденія	Экипажъ: Офицеры	Экипажъ: Команда	Наибольшая осадка	Фамиліи командировъ
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Отрядъ Заградителей (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. И. С. Денисова).										
Нарова	73	5000	11	4—75 м/м	—	600	12	250	25′	К. 2 р. А. М. Де-Симонъ
Амуръ	09	3250	17	5—120 ,, 2—75 ,,	—	225	12	220	18′	К. 2 р. А. В. Витгефтъ
Волга	05	1700	14	4—47 ,,	—	225	10	180	16′	К. 2 р. В. І. Сипайло
Лена			12	2—75 ,,	—	370	10	180	17′	К. 2 р. Н. В. Третьяковъ
Уралъ			11	4—75 ,,	—	360	10	170	16′	К. 2 р. Ѳ. Ѳ. Геркенъ
Свирь			10	2—75 ,,	—	500	10	200	13′	
Ильмень			12	2—75 ,,	—	360	10	160	14′	Ст Л. Н. Н. Дороговъ
Мста			9	—	—	300	4	80	14′	Л. В. Н. Котлецовъ
Отрядъ Сѣтьевыхъ Заградителей (брейдъ-вымпелъ К. 2 р. Л. П. Муравьева).										
1-ый Дивизіонъ Сѣтьевыхъ Заградителей.										
Шексна			8	1—47 м/м	—	90	3	30	4′	
Припять			9	2—100 ,,	—	90	3	30	6′	Ст. Л. Г. А. Алексѣевъ
Ловать			8	1—75 ,,	—	60	3	30	10′	Ст. Л. С. С. Козловскій
Транспортъ Вытегра			8	—	—	250	3	40	14′	
2-ой Дивизіонъ Сѣтьевыхъ Заградителей.										
Зея			10	1—75 м/м	—	90	3	30	3′	Л. Гр. В. П. Подгоричани-Петровичъ
Бурея			12	2—75 ,,	—	90	3	30	3′	
Иртышъ			8	1—75 ,,	—	90	3	30	3′	
Транспортъ Обь			8	—	—	—	3	40	12′	

Наименованія Кораблей	Скорость хода	Вооруженіе	Число офицеровъ	Число команды	Углубленіе	Наименованія Кораблей	Скорость хода	Вооруженіе	Число офицеровъ	Число команды	Углубленіе
Дивизія Траленія (Флагъ Контръ-Адмирала Н. Н. Киткина).											
1-ый Отрядъ Тральныхъ Судовъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. Н. А. Глазенапова).											
1-ый Дивизіонъ Тральщиковъ (Нач. Див. К. 2 р. В. Э. Майдель)						2-ой Дивизіонъ Тральщиковъ (Нач. Див. К. 2 р. В. А. Шварцъ)					
No. 212 „ 213 „ 214 „ 215 „ 216 „ 217 „ 218 „ 219 „ 220 „ 222	22	2—47 м/м	3	30	10′	Прыткій Прочный Подвижный Послушный Ретивый Рѣзвый Рьяный	24	2—75 м/м	3	40	8′
3-ій Дивизіонъ Тральщиковъ (Нач. Див. К. 2 р. Бар. Б. М. Четверухинъ)						4-ый Дивизіонъ Тральщиковъ (Нач. Див. К. 2 р. А. А. Экенбергъ)					
Ударникъ Запалъ Минрепъ	11	1—57 м/м	3	30	7′	No. 18 „ 19 „ 22	13 12 12	2—47 м/м 1—47 „ 2—47 „	3 3 3	30 30 30	7′ 7′ 11′
Капсюль	9	1—57 „	3	30	4′	„ 103	18	1—37 „	3	25	8′
Грузъ	9	1—75 „	3	30	4′	Планета	11	2—47 „	3	30	12′
Крамболъ	11	1—75 „	3	30	4′	Комета	9	—	3	30	9′
Защитникъ	11	1—57 „	3	30	7′	Чека	17	1—37 „	3	25	8′
2-ой Отрядъ Тральныхъ Судовъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. С. В. Ковалевскаго).											
5-ый Дивизіонъ Тральщиковъ						6-ой Дивизіонъ Тральщиковъ (Нач. Див. К. 2 р. А. П. Зотовъ)					
No. 2	10	—	3	30	9′	No. 7	9	1—75 м/м	3	30	11′
„ 3	11	2—57 м/м	3	30	15′	„ 8	8	—	3	30	12′
„ 4	9	1—57 „	3	30	14′	„ 9	9	2—75 м/м	3	30	11′
„ 11	9	2—17 „	3	30	10′	„ 10	8	2—75 „	3	20	11′
„ 23	10	2—47 „	3	30	9′	„ 12	8	2—72 „	3	30	10′
						„ 24	10	—	3	30	7′
7-ой Дивизіонъ Тральщиковъ						8-ой Дивизіонъ Тральщиковъ					
No. 14	11	2—47 м/м	3	30	7′	Пламя	11	1—75 м/м	3	30	14′
„ 15	14	1—47 „	3	30	7′	Патронъ	11	1—75 „	3	30	14′
„ 16	0	1—47 „	3	30	7′	Илья Муромецъ	11	1—75 „	3	30	8′
„ 17	12	1—47 „	3	30	7′	Алеша Поповичъ	11	1—75 „	3	30	8′
						Потокъ-Богатырь	12	1—75 „	3	30	8′
						Микула	12	1—75 „	3	30	8′
						Добрыня	12	1—75 „	3	30	8′
						Святогоръ	12	1—75 „	3	30	8′

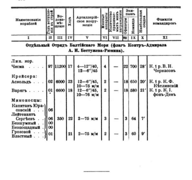

Наименованія кораблей	Годъ вступленія въ строй	Водоизмѣщеніе	Ходъ	Артиллерійское вооруженіе	Минные аппараты	Количество принимаемыхъ минъ загражденія	Экипажъ: Офицеры	Экипажъ: Команда	Наибольшая осадка	Фамиліи командировъ
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Отрядъ Судовъ Або-Оландской Позиціи (флагъ Контръ-Адмирала М. П. Саблина) Начальникъ Штаба — К. 1 р. В. Н. Азарьевъ.										
7-ой Дивизіонъ Эскадренныхъ Миноносцевъ (брейдъ-вымпелъ К. 1 р. В. К. Кедрова).										
Бурный										Ст. Л. Т. Е. Вейгелингъ
Боевой										Ст. Л. А. П. Гедримовичъ
Внимательный										К. 2 р. В. Д. Погожевъ
Внушительный										
Выносливый	06	460	27	2—57 м/м	3	20	4	65	9′	
Инженеръ-Механикъ Дмитріевъ										Ст. Л. М. В. Домбровскій
Инженеръ-Механикъ Звѣревъ										Ст. Л. В. В. Завадскій
Канонерскія Лодки.										
Храбрый	94	1760	14	7—105 м/м	—	—	12	197	14′	К. 2 р. О. А. Щербачевъ
Хивинецъ	06	1400	11	2—6″, 8—75 м/м	—	—	12	161	12′	К. 2 р. С. А. Паскинъ
Грозящій	90	1300	10	2—6″, 4—120 м/м	—	—	12	160	14′	К. 2 р. К. Д. Ордовскій-Танаевскій
Бобръ	08	1000	13	2—120 м/м, 4—75 „	—	—	12	140	13′	
Гилякъ										К. 2 р. А. П. Бурачекъ
Сторожевые Катера.										
Шашка Палашъ Пистолетъ Цапфа Тумба Пуля Снѣгъ Ледъ Нырокъ Мезень	08	24	16	1—75 м/м	—	—	1	8	4′	

Наименованія кораблей	Годъ вступленія въ строй	Водоизмѣщеніе	Ходъ	Артиллерійское вооруженіе	Минные аппараты	Количество принимаемыхъ минъ загражденія	Экипажъ: Офицеры	Экипажъ: Команда	Наибольшая осадка	Фамиліи командировъ
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Дивизія Подводныхъ Лодокъ (флагъ Контръ-Адмирала Д. Н. Вердеревскаго).										
1-ый Дивизіонъ Подводныхъ Лодокъ (брейдъ-вымпелъ К. 2 р. В. Ф. Дудкина).										
Гепардъ	15/16	800	18/10	2—75 м/м	12	8	3	30	—	
Барсъ										Ст. Л. Н. Н. Ильинскій
Вепрь										Ст. Л. В. Н. Кондрашевъ
Волкъ										К. 2 р. И. В. Мессеръ
2-ой Дивизіонъ Подводныхъ Лодокъ.										
Львица	16	650/800	18/10	2—75 м/м	12	8	3	30	—	К. 2 р. А. Н. Гарсоевъ
Пантера										К. 2 р. Г. М. Палицынъ
Кугуаръ										
Тигръ										Ст. Л. В. В. Соллогубъ
3-ій Дивизіонъ Подводныхъ Лодокъ.										
Рысь	16/17	650/800	10/8	2—75 м/м	12	8	3	30	—	
Ягуаръ										
Леопардъ										
Змѣя										
4-ый Дивизіонъ Подводныхъ Лодокъ.										
АГ 11	16	360/470	13/11	—	4	—	2	15	—	
АГ 12										
АГ 14										Ст. Л. А. Н. фонъ Эссенъ
АГ 15										Лейт. М. М. Максимовичъ
АГ 16										
5-ый Дивизіонъ Подводныхъ Лодокъ.										
Аллигаторъ	09	410/500	10/8	—	6	—	2	20	—	
Драконъ										
Кайманъ										
Крокодилъ										Ст. Л. К. К. Станюковичъ

Наименованія кораблей	Годъ вступленія въ строй	Водоизмѣщеніе	Ходъ	Артиллерійское вооруженіе	Минные аппараты	Количество принимаемыхъ минъ загражденія	Экипажъ: Офицеры	Экипажъ: Команда	Наибольшая осадка	Фамиліи командировъ
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
6-ой Дивизіонъ Подводныхъ Лодокъ.										
Минога	08	120	10/8	—	2	—	2	18	—	Ст. Л. В. А. Меркушевъ
Макрель, Окунь	08	150 180	8/5	—	4	—	1	15	—	
Кефаль	05	115 150	9/7	—	2	—	1	12	—	
7-ой Дивизіонъ Подводныхъ Лодокъ.										
Бѣлуга, Пескарь, Стерлядь	05	110 130	9/7	—	1	—	1	12	—	Лейт. Н. Л. Якобсонъ
Графъ Шереметевъ, Касатка	04	150 200	8/6	—	4	—	4	16	—	
Посыльныя Суда Службы Связи (Нач. Сл. Св. — К. 1 р. М. П. Давыдовъ).										
Лейтенантъ Бурановъ	06	410	22	2—75 м/м	2	8	3	65	11′	Лейт. В. А. Муселіусъ
Прозорливый, Поражающій	00	250	24	1—75 ,,	2	8	1	52	6′	Лейт. М. В. Гамильтонъ
Англійскія Подводныя Лодки.										
Е 1, Е 8, Е 9	12/14	730 825	16/10	2—76 м/м	5	—	2	30	—	
Е 19	15	800	19/11	2—76 ,,	5	—	2	30	—	
С 26, С 27, С 32, С 35	08	280 326	13/8	1—76 ,,	2	—	1	15	—	

Наименованія кораблей	Годъ вступленія въ строй	Водоизмѣщеніе	Ходъ	Артиллерійское вооруженіе	Минные аппараты	Количество принимаемыхъ минъ загражденія	Экипажъ		Наибольшая осадка	Фамиліи командировъ
							Офицеры	Команда		
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Отдѣльный Отрядъ Балтійскаго Моря (флагъ Контръ-Адмирала А. И. Бестужева-Рюмина).										
Лин. кор.										
Чесма	97	11200	17	4—12″/40, 12—6″/45	4	—	22	700	28′	К. 1 р. В. Н. Черкасовъ
Крейсера:										
Аскольдъ . . .	02	6000	23	12—6″/45, 10—75 м/м	2	—	18	650	20′	К. 1 р. К. Ф. Кѣтлинскій
Варягъ	01	6600	18	12—6″/45, 10—76 м/м	2	—	18	580	21′	К. 1 р. К. I. фонъ-Денъ
Миноносцы:										
Капитанъ Юрасовскій . . .	06									
Лейтенантъ Сергѣевъ . .	06	350	22	2—75 м/м	3	—	3	64	7′	
Безшумный . .	00									
Безпощадный .	00									
Грозовой . . . Властный . . .	01		21	2—75 м/м	2	—	3	60	9′	

Списокъ потерь Русскаго Флота.

I. Потери за войну 1914-17 г. г.

Балтійскій Флотъ.

Погибшіе корабли.

Порядковые номера	Наименованія кораблей	Время (ст. ст.)	Мѣсто	Причины
	Линейные корабли:			
1	Пересвѣтъ . . .	21. 12. 16	Вблизи Суэца	На минѣ
2	Слава.	4. 10. 17	Моонзундъ	Затопленъ своимъ экипажемъ
	Крейсеръ			
3	Паллада	28. 9. 14	Финскій заливъ	Подлодка „U 26"
	Канонерскія лодки:			
4	Сивучъ	6. 8. 15	Рижскій заливъ	Отъ снарядовъ
5	Кореецъ	7. 8. 15	Перновскій заливъ	Уничтоженъ своимъ экипажемъ
	Миноносцы:			
6	Исполнительный	29. 9. 14	Финскій заливъ	Перевернулись во время шторма
7	Летучій	29. 9. 14	Финскій заливъ	Перевернулись во время шторма
8	Доброволецъ . .	8. 8. 16	Ирбенскій проливъ	На минѣ
9	Казанецъ. . . .	15. 10. 16	Грасгрундъ (Финскій заливъ)	Подлодка
10	Стройный. . . .	9. 8. 17	Мэрисъ (Рижскій заливъ)	Выскочилъ на мель и разбитъ штормами.
11	Охотникъ . . .	13. 9. 17	Ирбенскій проливъ	На минѣ
12	Громъ	1. 10. 17	Кассарскій плесъ	Отъ снарядовъ
13	Бдительный . .	14. 11. 17	Рефсэ (районъ Раумо)	На минѣ
	Подлодки:			
14	Акула	1-15. 11. 15	Районъ Виндавы	Неизвѣстны
15	Сомъ	15-30. 5. 16	Оландсъ-Гафъ	„
16	Барсъ	5-20. 5. 17	Балтійское море	„
17	Львица.	? 6. 17	„ „	„
18	АГ 14	? 7. 17	Районъ Либавы	„
19	Гепардъ	? 10. 17	Финскій заливъ	Неисправность механизмовъ
	Англійскія Подлодки:			
20	Е 18	15-30. 5. 16	Районъ Мемеля	Неизвѣстны
21	С 32	8. 10. 17	Перновскій заливъ	Уничтожена своимъ экипажемъ

Порядковые номера	Наименованія кораблей	Время (ст. ст.)	Мѣсто	Причины
	Заградители:			
22	Енисей	22. 5. 15	У о. Оденсхольмъ	Подлодка „U 26"
23	Ладога	1. 8. 15	Шхеры, районъ Эрэ	На минѣ
24	Молога	? 6. 16	Шхеры, районъ Экенеса	Выскочилъ на камни
	Сторожевое судно			
25	Барсукъ	6. 10. 17	Рижскій заливъ	Во время шторма
	Тральщики:			
26	Проводникъ . .	14. 8. 14	Финскій заливъ	На минѣ
27	No. 7	9. 9. 14	„ „	„ „
28	No. 8	? 10. 14	„ „	„ „
29	No. 6	? 7. 15	„ „	„ „
30	No. 1	? 8. 15	У входа въ Моонзундъ	„ „
31	No. 10	4. 9. 15	У входа въ Моонзундъ	„ „
32	No. 4	23. 10. 15	У о. Оденсхольмъ	Подлодка
33	Взрывъ	13. 5. 16	На Передовой позиціи	На минѣ
34	No. 5	14. 5. 16	Ирбенскій проливъ	„ „
35	Искра	23. 10. 16	Лапвикъ	Выскочилъ на камни
36	Фугасъ	8. 11. 16	У о. Наргенъ	Подлодка
37	Щитъ	28. 11. 16	Соэло-Зундъ	На минѣ
38	Илья Муромецъ	10. 8. 17	Моонзундъ	„ „
	Посыльное судно			
39	Лейтенантъ Бураковъ	30. 7. 17	Ледъ-Зундъ	„ „
	Транспорты:			
40	Печора	12. 8. 15	У о. Наргена	Подлодка
41	Буки	3. 12. 16	„ „ „	„
42	Петръ Великій .	? 5. 17	„ „ „	На минѣ
43	Пенелопа	? 8. 17	Рижскій заливъ (Мэрисъ)	Аэропланная бомба
44	Есть	15. 10. 17	Шхеры	Подлодка
45	Живете	16. 10. 17	„	„
	Пароходы:			
46	?	3. 8. 15	У входа въ Моонзундъ	„
47	Елизавета . . .	? 10. 16	Грасгрундъ (Финскій заливъ)	„
48	Висъ	? 9. 17	У входа въ Рижскій заливъ	„

Порядковые номера	Наименованія кораблей	Время (ст. ст.)	Мѣсто
	Корабли, получившіе поврежденія отъ артиллерійскаго огня.		
	Линейные корабли:		
1	Слава.	1915 г. и 5. 10. 17	Во время боевъ въ Рижскомъ заливѣ
2	Цесаревичъ. . .	5. 10. 17	,, ,, ,, ,, ,, ,,
	Крейсера:		
3	Рюрикъ	19. 6. 15	Въ бою у Эстергарна
4	Адмиралъ Макаровъ	19. 6. 15	Въ бою у Эстергарна
5	Баянъ	19. 6. 15 и 5. 10. 17	Въ бою у Эстергарна и Моонзундѣ
	Миноносцы:		
6	Сибирскій Стрѣлокъ	28. 7. 15	У маяка Церель.
7	Войсковой . . .	4. 8. 15	Въ Ирбенскомъ проливѣ
8	Автроилъ. . . .	1. 10. 17	На Кассарскомъ плесѣ
9	Забіяка.	1. 10. 17	На Кассарскомъ плесѣ
	Канонерскія лодки:		
10	Грозящій . . .	1. 10. 17	,, ,, ,,
11	Храбрый	1. 10. 17	,, ,, ,,
	Корабли, подорвавшіеся на минахъ.		
	Крейсеръ		
1	Рюрикъ	6. 11. 16	Ю. Гогландскій маякъ (Финскій заливъ)
	Миноносцы:		
2	Охотникъ . . .	28. 8. 15	Ирбенскій проливъ
3	Украйна	? 10. 15	,, ,,
4	Забіяка	24. 12. 15	Дагерортъ (Финскій заливъ)
5	Донской Казакъ	22. 8. 16	Ирбенскій проливъ
6	Летунъ	25. 10. 16	Вульфскій знакъ (Ревельскій рейдъ)
	Тральщики:		
7	No. 215	? ? 15	Финскій заливъ
8	No. 216	? 9. 16	Соэло-Зундъ
	Корабли, получившіе поврежденія отъ аэропланныхъ бомбъ.		
	Линейный корабль		
1	Слава	13. 4. 16	Моонзундъ
	Крейсеръ		
2	Рюрикъ.	? 2. 18	Ревельскій рейдъ
3	Тральщикъ No 19	? 7. 16	Рижскій заливъ
	Гидрографическое судно		
4	Лотъ	? 8. 16	Перновскій заливъ

Порядковые номера	Наименованія кораблей	Время (ст. ст.)	Мѣсто	Причины
Корабли, уничтоженные передъ приходомъ германскаго флота въ Финляндію.				
	Подлодки:			
1	АГ 11	20. 3. 18	Гавань Гангэ	
2	АГ 12	20. 3. 18	Гавань Гангэ	
3	АГ 15	20. 3. 18	Гавань Гангэ	
4	АГ 16	20. 3. 18	Гавань Гангэ	
	Сторожевое судно			
5	Ястребъ	20. 3. 18	Гавань Гангэ	
	Транспортъ			
6	Оландъ	20. 3. 18	Гавань Гангэ	
	Англійскія подлодки:			
7	E 1	21. 3. 18	Маякъ Грохара (Гельсингфорсъ)	
8	E 8	21. 3. 18	Маякъ Грохара (Гельсингфорсъ)	
9	E 9	21. 3. 18	Маякъ Грохара (Гельсингфорсъ)	
10	E 19	21. 3. 18	Маякъ Грохара (Гельсингфорсъ)	
11	С 26	21. 3. 18	Маякъ Грохара (Гельсингфорсъ)	
12	С 27	21. 3. 18	Маякъ Грохара (Гельсингфорсъ)	
13	С 35	21. 3. 18	Маякъ Грохара (Гельсингфорсъ)	
Черноморскій Флотъ. Погибшіе корабли.				
	Линейный корабль			
1	Императрица Марія	7. 10. 16	Севастополь	Варывъ погребовъ
	Канонерская лодка			
2	Донецъ	16. 10. 14	Одесса	Отъ снарядовъ
	Заградитель			
3	Прутъ	16. 10. 14	У Севастополя	,, ,,
	Миноносцы:			
4	Лейтенантъ Пущинъ	18. 2. 16	У Варны	На минѣ
5	Живучій	25. 4. 16	Черное море	,, ,,
6	Лейтенантъ Зацаренный	17. 6. 17	,, ,,	,, ,,
	Подлодка			
7	Моржъ	? 4-5. 17	У Босфора	,, ,,
	Транспортъ			
8	Олегъ	11. 12. 14		Отъ снарядовъ
Сибирская Флотилія.				
	Крейсеръ			
1	Жемчугъ	15. 10. 14	Пуло-Пенангъ	Миной

II. Потери Русскаго Флота послѣ войны.

Балтійскій Флотъ.

Порядковые номера	Наименованія кораблей	Время (ст. ст.)	Мѣсто	Причины
	Крейсеръ			
1	Олегъ	5. 6. 19	У Толбухина маяка	Миной
	Миноносцы:			
2	Гавріилъ	16. 10. 19	Капорская бухта	На минахъ
3	Свобода.			
	Подлодка			
4	Ершъ.	24. 7. 19	Финскій заливъ	
	Учебное судно			
5	Двина (Память Азова)	5. 8. 19	Кронштадтская гавань	Миной
	Корабли, получившіе поврежденія.			
	Линейные корабли:			
1	Петропавловскъ	5. 8. 19	Кронштадтская гавань	Миной
2	Андрей Первозванный . . .			
	Черноморскій Флотъ.			
	Линейный корабль			
1	Свободная Россія (б. „Екатерина II“)	5. 6. 19	Новороссійскъ	Уничтоженъ своимъ экипажемъ
	Миноносцы:			
2	Завѣтный. . . .	18. 4. 18	Севастополь	,, ,, ,,
3	Керчь.	5. 6. 18	Туапсе	,, ,, ,,
4	Каліакрія . . .	5. 6. 18	Новороссійскъ	,, ,, ,,
5	Фидониси . . .			
6	Хаджибей . . .			
7	Громкій			
8	Пронзительный			
9	Капитанъ-Лейтенантъ Барановъ			
10	Лейтенантъ Шестаковъ . .			
11	Смѣтливый. . .			
12	Стремительный			
13	Занте.	? ? 19	У Одессы	Оторвался во время буксировки и выброшенъ на берегъ
14	Счастливый . .	? ? 19	О. Мудросъ	Разбился на камняхъ (находясь въ рукахъ англичанъ)
15	Живой	? 11. 20	Черное море	Затонулъ

Порядковые номера	Наименованія кораблей	Время (ст. ст.)	Мѣсто	Причины
	Подлодки:			
16	Орланъ			
17	Гагара			
18	Китъ			
19	Кашалотъ . . .			
20	Нарвалъ			
21	Краббъ			
22	АГ 21.	6. 4. 19	Севастополь	Уничтожены союзниками
23	Скатъ.			
24	Налимъ			
25	Карпъ			
26	Карась			
27	Лосось			
28	Суданъ			
29	Пеликанъ. . . .	? 12. 20	Одесса	,, ,,
30	Лебедь			

Корабли, приведенные союзниками въ негодность.

Порядковые номера	Наименованія кораблей	Время (ст. ст.)	Мѣсто	Причины
	Линейные корабли:			
1	Іоаннъ Златоустъ			
2	Евстафій			
3	Пантелеймонъ .			
4	Три Святителя .			
5	Ростиславъ . . .			
6	Двѣнадцать Апостоловъ	6. 4. 19	Севастополь	
	Крейсеръ			
7	Память Меркурія			

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть Вторая. Смерть Флота.

Приложенія.

Перечень фотографій и чертежей.